

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech
Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaecken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомова
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, Р. Н. Кривко, М. М. Ма-
карцев, Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев (*Рос-
сия*); Я. Грекович-Мейджор, Т. Субо-
тин-Голубович (*Сербия*); А. Жолков-
ский, Р. Романчук, А. Тимберлейк,
У. Федер (*США*); М. Михалевич,
М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак
(*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 9

Nº 2

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University

R. N. Krivko, University of Vienna

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, A. S. Fedotov, E. I. Kislova,
M. M. Makartsev, R. Marti, D. G. Polonski, M. N.
Saenko, A. E. Soboleva

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, U. V. Kononova, K. V. Sarycheva,
A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, A. K. Polivanova,
U. V. Kononova, M. S. Yakovleva

English Language Copy Editors, Proofreaders

M. A. Borun, X. Dmitrieva, D. D. Khazankin

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Р. Н. Кривко, Венский университет

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, М. М. Макаревич,
Р. Марти, Д. Г. Полонский, М. Н. Саенко,
А. Е. Соболева, А. С. Федотов

Технические редакторы

А. О. Бурцева, У. В. Кононова, К. В. Сарычева,
А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
А. К. Поливанова, У. В. Кононова, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(английский язык) М. А. Борун, К. Дмитриева,
Д. Д. Хазанкин

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 9. № 2. — Москва: Институт славяноведения Российской академии наук, 2020. — 476 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2020

© Authors, 2020

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 S. Stoykov (Stip). *From 'Nations' to 'Archontias' (II) Terms Sclavinia and Sclavoarchontia and Incorporation of Balkan Slavs in Byzantium*
С. Стойков (Штип). От «народов» к «архонтиям» (II) Понятия Склавиния и Склавоархонтия и включение балканских славян в Византию
- 39 М. Н. Саенко (Москва). *Праславянское *kŭrkŭ: семантика и этимология*
M. N. Saenko (Moscow). *Proto-Slavic *kŭrkŭ: Semantics and Etymology*
- 63 А. А. Гиппиус, С. М. Михеев (Москва). «Убийцы великого князя Андрея»: *Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского*
A. A. Gippius, S. M. Mikheev (Moscow). "Assassins of the Grand Prince Andrey": An Inscription about the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky
- 103 П. В. Петрухин (Москва). *Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот*
P. V. Petrukhin (Moscow). *Reading by Syllables and Graphico-Orthographic Features of Old Russian Birchbark Letters*
- 129 Т. Л. Вилкул (Киев). *Книга Бытия в Полной хронографической палее и Троицкие Пятикнижия № 1 и № 45*
T. L. Vilkul (Kiev). *The Book of Genesis in the Complete Chronographic Palaea and the Trinity Pentateuchs No. 1 and No. 45*
- 149 И. Лемешкин (Прага). *Скорининские ономастические этюды*
I. Lemeškin (Prague). *Skaryna's Onomastic Variations*
- 170 Я. А. Пенкова (Москва). *Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского*
Y. A. Penkova (Moscow). *Future Anterior in the Document Language of the Grand Duchy of Lithuania*
- 192 М. А. Кучерская, А. Л. Лифшиц (Москва). *Н. С. Лесков о риторике ханжества: цикл «Заметки неизвестного»*
M. A. Kucherskaya, A. L. Lifshits (Moscow). *Nikolai Leskov on Sanctimonious Rhetoric: The Notes of the Unknown Series*
- 210 Е. В. Буденная (Москва). *В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры разных аспектов русской референциальной эволюции*
E. V. Budennaya (Moscow). *In Search of the Trigger: Literary and Non-literary Texts as Markers of Russian Referential Evolution*
- 244 Ф. Б. Альбрехт (Москва). *К вопросу о моносубъектности / немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке*
F. B. Albrecht (Moscow). *On the Problem of Subject Identity in the 'Adverbial Participle + Main Clause' Construction in Modern Russian*
- 274 С. М. Толстая (Москва). *Заметки о языке севернорусских причитаний. 2. Составные номинации, их структура и семантика*
S. M. Tolstaya (Moscow). *Notes on the Language of Northern Russian Lamentations. 2. Composite Nominations, their Structure and Semantics*

- 314 Т. А. Агапкина (Москва), Е. Л. Березович (Екатеринбург). *Рус. дубоглот в заговорах и диалектной лексике (к изучению мифопоэтической мотивации слов)*
T. A. Agapkina (Moscow), E. L. Berezovich (Ekaterinburg). *Russian 'duboglot' in Charms and Dialectal Vocabulary (towards Investigation of Mytho-Poetic Motivation of Words)*
- 338 Г. П. Пилипенко (Москва). *Календарная обрядность украинцев Боснии и Герцеговины: этнолингвистический аспект*
G. P. Pilipenko (Moscow). *Calendar Rites of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina: Ethnolinguistic Aspect*
- 372 М. С. Морозова (С.-Петербург). *Албанские элементы в славянской речи билингов Голо Бордо: смешение кодов или заимствование?*
M. S. Morozova (St. Petersburg). *Albanian Elements in Slavic Speech of Golo Bordo Bilinguals: Code-Mixing or Borrowing?*

Полемика / Discussions

- 395 А. Е. Тарасов (Москва). *Священномученик Питирим Пермский: заметки о биографии и почитании владыки (XV – XVI вв.)*
A. E. Tarasov (Moscow). *Holy Martyr Pitirim of Perm: Notes on the Bishop's Biography and Veneration (15th–16th cc.)*
- 417 П. С. Стефанович (Москва). «Славянорусский народ» в исторической литературе Украины и России XVII – первой половины XVIII в.
P. S. Stefanovich (Moscow). *The "Slavic-Russian Nation" in the Historical Literature of the Ukraine and Russia from the 1600s to the mid-1700s*

Рецензии / Reviews

- 448 Т. В. Пентковская (Москва). *Библейская филология Максима Грека в европейском контексте и в церковнославянской традиции*
[Рец.: Вернер И. В. Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста к изданию И. В. Вернер. Москва: Индрик, 2019. 928 с.]
T. V. Pentkovskaya (Moscow). *Maximus the Greek's Biblical Philology in the European Context and in the Church Slavonic Tradition*
[Rev. of: Verner I. V. The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 Translated by Maximus the Greek. Moscow: Indrik, 2019, 928 pp. (in Russian)]
- 461 Д. И. Полювянный (Иваново). *Институты, иерархия и паства православной церкви на Балканах в XVII–XVIII веках в свете новых документов Османского архива в Стамбуле*
[Рец.: Мутафова Красимира, Калицин Мария, Андреев Стефан, Православни структури на Балканите през XVII–XVIII век съгласно документи от Истанбулския османски архив. Велико Търново: Абагар, 2019, 672 с.]
D. I. Polyvannyu (Ivanovo). *Institutions, Hierarchy, and the Flock of the Orthodox Church in the Balkans in the 17th–18th Centuries in the Light of New Documents from the Ottoman Archive in Istanbul*
[Rev. of: Mutafova Krasimira, Kalitsin Maria, Andreev Stefan, The Orthodox Structures in the Balkans during the 17th–18th Century according to Documents from the Ottoman Archives in Istanbul. Veliko Tarnovo: Abagar, 2019. 672 p. (in Bulgarian)]

From 'Nations' to
'Archontias' (II)
Terms
'Sclavinia' and
'Sclavoarchontia'
and Incorporation
of Balkan Slavs
in Byzantium

Stoyko Stoykov

University Goce Delcev
Stip, North Macedonia

От «народов» к
«архонтиям» (II)
Понятия
«Склавиния» и
«Склавоархонтия»
и включение
балканских славян
в Византии

Стойко Стойков

Университет Гоце Делчева
Штип, Северная Македония

Abstract

This article deals with the terms 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia', which are used in historiography in different and even contradictory ways, and aims to clarify a highly complicated topic, investigating the ways these terms were used by contemporaries, trying to define differences between them and connecting their use with the political changes of the time. Topics discussed include the chronology of the terms' usage, different ways in which they were being used, relations of 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia' with the Empire, their appearance and disappearance and the political processes connected with it, as well as the analysis of the existing interpretations. The first part mostly discusses chronology and some existing hypotheses. The second (and

Citation: Stoykov S. (2020) From 'Nations' to 'Archontias' (II) 'Terms 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia' and Incorporation of Balkan Slavs in Byzantium. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 7–38.

Цитирование: Стойков С. От «народов» к «архонтиям» (II) Понятия «Склавиния» и «Склавоархонтия» и включение балканских славян в Византии // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 7–38.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

the main) part analyses the way these terms were used and tries to define them.

The hypothesis presented connects these terms with the re-establishing of imperial authority in the Balkans, marked in the sources by replacing the term 'Slavic nations', which had been used until the late 8th century to denote the independent Balkan Slavic societies and their lands. The Empire lacked the capacity for direct subjugation of the independent Slavic communities and was forced to rely on complicated measures including colonization and ensuring Slav cooperation in the process. In the themes where the Empire had enough power, Slavic communities were organized as 'Sclavoarchontias', who received archons from the strategos, paid collective tribute and served as *symahoi*, but kept some inner autonomy. The Empire also tended to ensure the cooperation of Slavic communities around themes by granting titles and subsidies to some powerful Slavic leaders, which led to the creation of client states known as 'Sclavinias'. They were not part of the thematic system, they had their native and hereditary leaders recognized and affirmed by the emperor by titles and seals and act as imperial allies. A prototype of both had appeared at the end of the 7th century, but only when relations of such types had multiplied after Stauracius' expedition in 783, corresponding generic terms appeared and became regular.

Keywords

Sclavinia, Sclavoarchontia, Slavic archontia, Slavic nations, Byzantium, imperial administrative system, subjugation, conquest of the Balkans

Резюме

В статье рассматриваются термины «Склавиния» и «Склавоархонтia», которые употребляются в исторических источниках весьма различными, порой противоречивыми способами; предпринята попытка определить, как эти термины использовались современниками, в чем заключалось различие в их значении и насколько употребление того или другого наименования было связано с изменением политической ситуации. Соответственно, в задачу исследования входит описание появления и исчезновения этих терминов и относительной хронологии их бытования, учитывающее изменяющиеся во времени отношения с Империей тех, кто обозначались как «Sclavinias» и «Sclavoarchontias». Кроме того, в первой части работы предложен анализ существующих в науке интерпретаций соответствующих обозначений.

Мы полагаем, что появление терминов «Склавиния» и «Склавоархонтia» связано с восстановлением имперской власти на Балканах, они призваны были заменить использовавшийся до конца VIII в. термин «славянские народы», обозначавший независимые славянские общины и их земли. Не имея возможности немедленно подчинить эти общины, империя была вынуждена принять ряд сложных мер, причем процесс колонизация предполагал, по-видимому, некое добровольное сотрудничество славян. Там, где у Империи было достаточно сил, славянские общины были организованы в «Склавоархонтии», платившие коллективную дань, но сохранявшие некоторую внутреннюю автономию. С другой стороны, Империя стремилась добиться сотрудничества, предоставляя некоторым влиятельным славян-

ским лидерам титулы и субсидии, что приводило к созданию зависимых княжеств, известных как Склавинии. Последние не входили в систему фем, при этом их местные и наследственные лидеры были признаны и утверждены императором и выступали в качестве союзников Империи. Прообраз таких двух типов отношений зародился в конце VII в., но термины *Склавиния* и *Склавоархонтия* появились и стали регулярно использоваться лишь в ту пору, когда после экспедиции Ставракия в 783 г. обе упомянутые выше политические модели стали активно тиражироваться.

Ключевые слова

Склавиния, Склавоархонтия, славянская архонтия, славянские народы, Византия, имперская административная система, подчинение, завоевание Балкан

Defining ‘Sclavinia’ and ‘Sclavoarchontia’

Sclavinias and Byzantine administration

Byzantine authors who used the term ‘Sclavinia’ (and which can be identified) worked in Constantinople, within the immediate circle of the Emperor or the patriarch. Among them, we have two emperors, one patriarchal syncellus and one sceuphylox of St. Sophia. The rest were either people from the emperor’s immediate surroundings or people who occupied high positions in the court.¹ We do not have any reliable instance of the use of the term ‘Sclavinia’ in a source originating in the provinces. The latter is a significant fact for the Byzantine Balkans dominated by Slavic formations and populations. The term obviously had a limited, capital, and elitist use [Литаврин 1984: 195; Литаврин, Иванова 1985: 87].

However, whether it was official or just literary is a matter for discussion.² On the one hand, we have ‘Sclavinia’ in a letter exchange between the two emperors, which undoubtedly gives it an official character. Nonetheless, it is the only known case in Byzantium. On the other hand, we do not find ‘Sclavinia’ in the treaty with Bulgaria from 815/816 for example, despite the fact that several times the Slavs *dependent* or *independent* of the emperor are mentioned, as well as *their places* [Бешевлиев 1981: 104; Shepard 1995: 236]. Besides, the word ‘Sclavinia’ was not found on any seal in Byzantium [Curta 2016: 12].

¹ George was a syncellus of the patriarch, Ignatius—sceuphylox of St. Sophia (806–815, 845) and Ecumenical Teacher (830–845) [Treadgold 2013: 101–104], Pseudo-Simeon was from the emperor’s circle, and John Zonara was also part of the elite. Less certain are the cases of Scriptor Incertus and Chronicle of 811. If their author was the protospatharius Sergius Confessor, he fully fits this pattern: until 833, he was a quaestor, the empire’s minister of justice [Treadgold 2013: 92, 95, 96], for George Syncellus’ authorship of the Chronography [Idem: 44–49].

² “The term ... is most likely a literary, not administrative construct” [Curta 2016: 12]; for opposite opinion: [Gkoutzioukostas 2015: 646; Idem 2017: 11].

However, the word 'theme' (θέμα) similarly could not be found on the seals of the strategoi in the Balkans from the 8th to the 10th century, but this is not a reason to regard it as a literary construct. An important indication is that 'Sclavinia' was used almost exclusively in the plural form. It makes it hard to see whether it as a toponym derived from an ethnonym since such toponyms in plural are not known in Byzantium in the early Middle Ages, but it brings 'Sclavinias' closer to the former administrative terms used in the plural as 'three Galias', 'three Spanias', 'two Britannias', 'two Pannonias', 'two Mysias' and so on [Литаврин 1984: 198]. At least the usage of the plural indicates that it was a generalizing term. Theophanes uses 'Sclavinias', but when he speaks of a concrete 'Sclavinia' he preferred its name: 'Berzitia' or 'Belzitia'. The situation is entirely the same with Constantine Porphyrogenitus for whom there was a generalized term 'Sclavinias', and, by implication, each one that he spoke of fell into this category, but none was explicitly named 'Sclavinia'. Instead, its own name was used as "Croatia and other Sclavinias",³ but never in such combinations as 'Sclavinia Croatia or Sclavinia Serbia'. In a similar way, even if we do not find the term 'Sclavinia' on a single seal there we probably find names of concrete 'Sclavinia' such as 'Bagentia' [Живковић 2007: 163–167]. In the same manner, we could also answer the question of why we do not encounter the term 'Sclavinia' in the provinces. For the Thessalonians the neighbouring Slavic uprising would not be a rebellion of an abstract 'Sclavinia', but rather the one of Rinhina, Strymon, Druguvitia, Sagudatia, and so on.⁴

The way the term 'Sclavinia' was used resembles that of the term 'theme': it first appeared in Theophanes' Chronography as well and was used anachronistically for the time between Heraclius and Irene [Zuckerman 2006: 128, 132; Haldon 2016: 245]. It was used mostly in the plural, but when a particular theme is mentioned its name is used instead, and we cannot find it on seals on the Balkans.

Crucial for understanding the nature of the 'Sclavinias' is that they were not part of the themes, they were rather "neighbouring" or "surrounding" them. This is evident from Theophanes' statement that Nicephorus I commanded soldiers from "all themes" to move to 'Sclavinias'. Similarly, in the letter of Michael II 'Sclavinias' were clearly distinguished from the themes: "Thraciae, Macedoniae, Thessaloniae et circumiacentibus Sclaviniiis" [MGH LS, 3: 477 (10, 11)].⁵ For Scriptor Incertus 'Sclavinias' gathered by Krum in 811 were also "surrounding" (τὰς περίξ Σκλαβηγνίας). Thus, the determinant

3 Χρωβατία, ἀλλὰ καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβηγνίαι and also οἱ Κριβηταινοὶ ... καὶ οἱ Λενζανῆνοι καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβηγνίαι [Porphyrogenitus 1983: 9/ 9, 10, 30, 94 (56, 144)].

4 For a different explanation of the same phenomena see: [Curta 2011: 125].

5 As was correctly mentioned by Treadgold [1988: 73, 236], Slavs in the army of Toma the Slav came from outside of the Empire. The opposite position was supported by Živković [Живковић 2007: 163, 164, 171, 172].

“surrounding” for ‘Sclavinias’ is encountered in the only case of the official use of this term in Byzantium (letter of Michael II), and also in the Chronicle of 811, for which (under the hypothesis that the author was the former justice minister Sergius) it would also suggest that it is possible that “circumstance” of the Sclavinias was part of the official nomenclature or at least expresses how the ‘Sclavinias’ were viewed. However, qualifying as neighbouring or surrounding was characteristic not only of the ‘Sclavinias’. In the Life of Ioanikios, it is claimed that Krum in 811 gathered “surrounding nations” (τὰ ὁμόρρα ... ἐθνη) [Mango 1983: 399]. Theophanes uses “surrounding” for the (Slavic) nations who were hired by Khan Teletzius in 763 (προσπαράχειμενος ἐθνῶν). The frequency of terms expressing neighbourhood and surroundings shows that both the ‘Slavic nations’ and the ‘Sclavinias’ were understood as something that occurs as a neighbourhood, around Byzantium or Bulgaria, and not an integral part of them. ‘Sclavinias’ in Dalmatia completely fit this pattern: none of them was a part of the theme Dalmatia.

In addition, we have an obvious chronological correlation between the inclusion of the Balkan territory into Byzantine themes and the disappearance of the term ‘Sclavinia’ in Byzantine sources: in the mid-9th century it happened in the Central and Southern Balkans, therefore in the 10th century the only remaining ‘Sclavinias’ in the Balkans were found in the neighbourhood of the theme Dalmatia.

Still, Byzantine “Slavic seals” from the 8–9th century and titles we find on them suggest that their bearers were part of the real or ideal Byzantine hierarchy, which could be a serious argument that they were a real part of provincial administration and of the themes as is suggested [Живковић 2007: 165, 166; Chrysos 2007: 127–130; Gkoutzioukostas 2015: 646].⁶

This raises two questions. First, did those seals belong to leaders of ‘Sclavinias’ or ‘Sclavoarchontias’, or even to random individual Slavs at the service of the Empire? Second, did seals and titles necessary, and in every case mean that those persons were part of the Byzantine administrative system?

It is difficult to distinguish in the scope of these seal-owners’ leaders of ‘Sclavinias’ from ‘Sclavoarchontias’, cf.: [Curta 2006: 103; Науменко 2008: 18; Curta 2011: 116, 117, 124, 127; Vedriš 2015: 584]. In some cases it seems obvious that seal bearers were part of the Byzantine administration, such as *Δαργασκλαβον archon of Hellas*, *Petros hypatos and archon of Hellas*, *Ἀέων ... ἄρχων Βιχητῶν Ἑλλάδος* [Seibt 1999: 28, 34; Idem 2003: 460, 461], and their units were part of the themes. This should mean that they were not ‘Sclavinias’, but rather ‘Sclavoarchontias’.

⁶ Similarly, [Gkoutzioukostas 2017: 11]: ‘Sclavinia’ “an ‘accurate terminological form’ to denote a geographical and political entity in the framework of the provincial administration”.

On the other hand, seals and titles could also be given to independent foreign rulers, as it was the case with the title Protospatharius [TODoB, 3: 1748; Калинина 2011: 37], Patrikios (khan Telerig), and even Caesar (khan Tervel) [Бешевлиев 1981: 231, 232]. The titles owned by Slavic archons in the 8th–9th century suggest that they were powerful figures: we have *imperial spatharius*, *spatharokandidatos*, and *protospatharius* [Seibt 1999: 28–33; Idem 2003: 460–465]. The ranks *spatharius* and *spatharokandidatos* were usually attached to *turmarchs*⁷ but also to *strategos* of the themes.⁸ Protospatharius was the most common title of strategos on the Balkans in the 8th–10th centuries, followed by *patricios*, *spatharius*, and *spatharokandidatos*.⁹ These titles were received from the emperor, *protospatharius* belonged to the senate, and *protospatharius* was never owned by the subordinates of strategos [Oikonomidès 1997: 205].¹⁰ Therefore, Slavic seal bearers, in general, possessed titles between these used by *turmarchs* and *strategos*. Some of them were clearly leaders of 'Sclavoarchontias'. However, in some cases they could be leaders of 'Sclavinias', especially in cases with the title 'protospatharius', which matched the titles of *strategos* of themes, thus creating a plausible argument for their independence from the theme's leadership.¹¹

One more possible but hypothetical argument for distinction between 'Sclavoarchontias' and 'Sclavinias' could be based on the etymology: the names of 'Sclavoarchontias' in some cases could be connected to former Slavic nations, but most often they derive from Byzantine territorial terms, while 'Sclavinias' seem always to be related to Slavic "national" names.

⁷ [Цветковић 2017: 93, 199]. According to Ostrogorsky, Slavic archontias in the Byzantine themes had the same role and significance as the *tourmas* in the older and the inner themes of the Empire, and the Slavic units of such archontias—as the *tourmas* unit [Острогорски 1953: 43].

⁸ According to Klitorogium of Philotheos, titles we find on Slavic seals were of the 8th level (*spatharius*), 9th level (*spatharokandidatos*) and 11th level (*protospatharius*), then *strategoi* could own titles from the 11th (*protospatharius*), 12th (*patrikios*), and 13th (*hypatos*) levels, but lower levels were also common [Oikonomidès 1972: 91–93; Porphyrogenetos 2012: 709, 710, 728–733; Porphyrogenitus 1983: 50/_{10, 26, 52} (232–235)]. For these titles see: [Bury 1911: 111–113].

⁹ *Spatharius* for *strategos* of Thessalonica in the 9th century was as common a title as *protospatharius* (11 vs 12), [DOAKS]. *Spatharokandidatos* was a title usual for former *strategoi*, but could also be used by one in office (Νικήτα βασιλικῷ σπαθαροκανδιδάτῳ καὶ στρατηγῷ Θεσσαλονίκης [DOAKS]).

¹⁰ For this topic, particularly interesting are duties that could be fulfilled by *protospatharius* as *representatives of the emperor in the themes and frontier general*. *Spatharokandidatoi* could be *frontier generals*, *tourmarchoi in the themes*, and *tourmarchoi of federates* [Porphyrogenetos 2012: 52 (732–735)], the last of which can be connected with the later position of Slavs as *simahoi* in the theme [Caminiatae 1973: 21, 2, 41, 50, 62 (20, 38); Leo VI 2010: C. 18 & 95, 470, 456, 457].

¹¹ We find this title in cases with the well-known and powerful Slavic tribes as "imperial archon and *protospatharius* τῶν Βελεγεζιτῶν", "Ilarion imperial *protospatharius* and archon of Βα(γ)ιτιῶν" [Живковић 2007: 16; Коматина 2016: 87]. We should consider the title of the leader of the 836 Slavic rebellion that contains "exarch" in it as belonging to the same high category.

What did 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia' mean?

What was common in the formations called 'Sclavinias' in the 9th and the 10th centuries that allows to put them in a specific category?

In the first place, they were dependent on a certain state. It is the same in Byzantium, Kievan Rus' (until the middle of the 10th century), and the Frankish West. 'Sclavinias' were led by their indigenous Slavic archons whose succession of power, according to Constantine Porphyrogenitus, was hereditary [Porphyrogenitus 1983: 29/_{78, 79}, 126]. Such archons could be recognised eventually in Tihomir, Dargasklavo, Esagios, Akamiros and Βοιωδάργω [Seibt 2003: 460–465] in the 8th and the early 9th centuries: people with non-Christian names that were confirmed (through titles and seals) by the Emperor. From the case of Akamiros in 799 and the uprising in 836, it is clear that such archons possessed their own loyal military force that they could exploit for their purposes diverging from the interests of the Empire [Живковић 2007: 165].¹²

The Sclavinias had military obligations to the state. Thus, Thomas the Slav in 823 recruited soldiers from the Sclavinias as well as from the themes; later Dalmatian Sclavinias participated in the campaign against Bari under the imperial command [Porphyrogenitus 1983: 29/_{105–115}, 128]. This is equally valid for the Sclavinias under the Franks, Bulgaria, and Kievan Rus'.¹³ The position of *συμμάχοι* will be retained even after the assimilation of the Sclavinias in the Byzantine administrative system, as is testified by Kaminiates [Caminiatae 1973: 21, 2, 41, _{50, 62}, (20, 38)].

Paying tribute was yet another form of dependency (at least in some cases) [Науменко 2008: 168]. 'Sclavinias' in Kievan Rus' paid tribute (polyudie).¹⁴ Slavic tribes in Bulgaria had been "under tribute" since 681 [Theophanes 1883: 359 (17); Louth 2008: 233; Hupchick 2017: 49]. Stauracius imposed tribute on the 'Slavic nations' he subordinated [Theophanes 1883: 456 (26–30); Shepard 1995: 234].¹⁵ On the other hand, 'Sclavinias' in Dalmatia did not pay taxes. Part of the 'Sclavinias' attacked in 758, according to Theophanes, were made *ὑποχειρίους*, but some were just pillaged [Ibid.: 430 (21–22)].

¹² There is an important parallel between one of the 'Sclavinia' archons in Kievan Rus' (so-called by Constantine Porphyrogenitus, see f. 39) such as Mall, who did not only kill the Kievan prince Igor in 945 but also was impudent enough to dream of taking supreme power over Kievan Rus'; and the similar case of Akamiros who dared to interfere in the struggle for power in Byzantium in order to change the supreme ruler.

¹³ In the 810s, the Timochani, for example, were in "alliance" (*societate*) with the Bulgars [Einhardi Annales 1826: 205, 20–22].

¹⁴ "Their Slav tributaries, the so-called Krivichians, and the Lenzanes, and αἱ λοιπαὶ Σκλαβηγνῖαι" [Porphyrogenitus 1983: 9/_{9–10}, (56, 57)]; "τὰς Σκλαβηγνίας of the Vervians and Drugovichians, and Kirivichians, and Severians, and the rest of the Slavs who are tributaries of the Russians." [Ibid.: 9, ₁₀₇ (62, 62)].

¹⁵ It is not clear whether it was imposed only once or on a permanent basis [Treadgold 1988: 73].

Ezeritai and Milingoi seem not to have had a regular and fixed tribute until 842 [Porphyrogenitus 1983: 50 /_{22, 23}, 232]. The leaders of some 'Sclavinias' could even receive some of the imperial taxes.¹⁶ The Byzantine titles of some of the Slavic archons were linked with receiving a subsidy from the Empire [Neville 2004: 19–27].

In order to establish a clearer meaning of 'Sclavinia', it is important to define what was not 'Sclavinia'. The most helpful source on this matter is Constantine Porphyrogenitus who often speaks of 'Sclavinias' in *De Administrando*, but had never used 'Sclavinia' for 'Milingoi' or 'Ezeritai' in the Peloponnesus. There are three fundamental differences between them and the subjects he called 'Sclavinia'. First, archons of Milingoi and Ezeritai were appointed by the strategos of the theme, hence they did not have to be domestic, the position was certainly not hereditary, and they had the rank of officials in the theme. Second, which follows from the first difference is that they were part of the theme. Thirdly, Ezeritai and Milingoi had to pay a fixed annual tax [Porphyrogenitus 1983: 50/_{22, 23}, 232].

A similar distinction could be seen in the descriptions given by Leo VI and Constantine Porphyrogenitus about the ways Basil I dealt with Slavs in the Balkans:

- The emperor “appointed for them archons whom they themselves approved and chose, from the family which they themselves loved and favored. And from that day to this, their archons come from these same families, and from no other” [Porphyrogenitus 1983: 29/_{78, 79}, 126] which the author directly linked with 'Sclavinias'. — The emperor “convinced these peoples to abandon their ancient national ways (τῶν ἀρχαίων ἐθνῶν ἔπεισε) and, having made them Greek, subjected them to rulers according to the Rhomaic model (ἄρχουσι κατὰ τὸν Ῥωμαϊκὸν τύπον ὑποτάξας), and having graced them with baptism, he liberated them from slavery to their own rulers (τῆς τε δουλείας ἡλευθέρωσε τῶν ἑαυτῶν ἀρχόντων) and trained them to take part in warfare against those nations warring against Romans” [Leo VI 2010: 470, _{454–458}, C. 18, 95].

The third such parallelism could be seen in the Book of ceremonies: between 856–867¹⁷ two delegations visited the Emperor. One was of Σκλάβοι Θεσσαλονίκης ἀρχοντίας called the subject of the emperor, another was Slavs who revolted ἐν χώρᾳ τῇ Σουβδελιτία [Porphyrogenetos 2012: 634, 635] and who were not directly called subjects of the Emperor.¹⁸

¹⁶ For example, Croatia, Zahlumia, and Travunia received Byzantine taxes from Dalmatian cities [Porphyrogenitus 1983: 30/_{124–142}, (146, 147)].

¹⁷ For dating see: [Ферјанчић 1959: 76, f. 284].

¹⁸ It could be compared to the terminology used by Constantine Porphyrogenitus for 'Sclavinias' in *De Administrando*; when speaking about them in a territorial sense,

Therefore, there were two ways the Empire could deal with Slavs, the first of which is linked with the term ‘Sclavinia’ and the second could be linked with ‘Sclavoarchontias’.

In Leo VI’s description, we can recognise the process of turning ‘Sclavinia’ or ‘Slavic nation’ into ‘Sclavoarchontia’. In his description, two moments are especially important. First, the term ‘Greek’, which here could not mean ethnical change. This term was used by Westerners instead of the term ‘Romans’, neither was it common in Byzantium nor did the Byzantines use it as an endonym. It seems to appear in the 10th c. Byzantium in reference to some simahoi troops, cf.: [Greenfield, Talbot 2016: 77]. The meaning of this term had to be Romano-barbarians, not fully Romanized barbarians. The second moment is in the same direction: even in his time the Slavs “just as strongly retained their ancient and customary independence” [Leo VI 2010: 448–449, 470. C. 18, 93]. Both moments underlined that Slavs kept some kind of autonomy and were not fully Romanized under ‘Sclavoarchontias’.

If the above identifications are correct, ‘Sclavinias’ were client states out of themes, they had a domestic Slavic archon recognised by the emperor, maintaining the direct relations with him, the ‘Sclavoarchontias’ were formations inside the themes, autonomous but subordinate to strategos who appointed their archons, with the status of ‘simahoi’, paid tribute as collective, and their relations with the Empire went through the strategos, cf.: [Найменко 2008: 186–189].

It is important to notice that the Christianisation of the Slavs did not precede their political subjugation, and even during the process of including ‘Sclavinias’ into the imperial system it was not forced by the Empire [Иванова 1988: 26]. This phenomenon possibly indicates a high degree of independence of ‘Sclavinias’ and the autonomy in ‘Sclavoarchontias’ after that. According to Leo VI: “Even after they received the sacrament of salvific baptism, up to our own times, they just as strongly retained their ancient and customary independence” [Leo VI 2010: C. 18, 93^{447–449} (470)].

The influence of the Empire stretched beyond the borders of the themes and kleisoures, including various vassal transitional forms from formal recognition of the suzerainty of the Empire to a more real subjugation. One of these transitional forms seems to be the ‘Sclavinia’.

Another way to further clarify the meaning of ‘Sclavinia’ is to look at what was different in the situation before and after ‘Sclavinias’.

instead of ‘Sclavinia’ he used: ἡ χώρα Χρωβατίας [Porphyrogenitus 1983: 30/¹¹³, 31/²⁸, 29 (144, 148)], ἡ χώρα Σερβλίας [Ibid.: 30/¹²⁷ (146)], Ζαχλούμων χώρα [Ibid.: 32/^{21, 22}, 33/^{1, 2} (152, 160)], ἡ τῶν Τερβουνοιτῶν καὶ τῶν Καναλιτῶν χώρα [Ibid.: 34/^{1, 2} (162)], ἡ Διοκλείας χώρα [Ibid.: 35/^{1, 2} (162)].

Slavs and the Empire before Sclavinias (the 7th–8th century)

Following the conclusion that 'Sclavinia' designated an entity dependent on the Empire, it seems logical to assume that before the appearance of the term and establishing of 'Sclavinias' the Slavs communities were independent. This is also the dominant position in the current discourse [Treadgold 1988: 19; Живковић 2007: 142–147, 149–155, 160–162; Fine 2008: 65, 71; Науменко 2008: 184; Sophoulis 2009: 122; Bulić 2013: 183, 184], even though there is room for some ongoing discussion.¹⁹ The Slavs settled as conquerors on the best imperial lands such as Strymon, Thessalonica, Misya, Thessaly [Miracula 1979: 175, 1–12; Свод 1995: 328, 329, 346, 347; Mullerus 1861: 574]. The limited reach of Byzantine rule in the Balkans before the end of the 8th century is clear by archaeological and numismatic findings, seals, known episcopal sees, signs of economic activity, and information about the involvement of Balkan territories in the inner imperial life in Nicephorus and Theophanes. All this serves as evidence that before the end of the 8th c. just the city of Thessalonica, the theme of Hellas (Corinth and Athena), and a part of Thrace were real parts of the Empire [Barford 2001: 70–73; Curta 2011: 97–99, 112–115, 119–126; Sophoulis 2009: 122 f. 12; Ragia 2011: 96, 103, 106–109; Curta 2019: 306]. Byzantine expeditions against Slavs in the 7–8th c. were against independent enemies, not rebels.²⁰ In the only case we know more details about the expedition the Emperor officially informed his enemies about the attack, i.e. treated them as independent [Miracula 1979: 220_{12–20}; Живковић 2007: 155]. Stauracius even organised a triumph after his victories against the Slavs [Theophanes 1883: 457 (4–6)]. The same conclusion is supported by a non-Byzantine title given to some Slavic rulers at the end of the 7th century: 'Πυγγίνων ῥηγός, οἱ τῶν τοῦ ἔθνους τῶν Δρουγουβιτῶν ῥῆγες [Miracula 1979: 209(3), 214 (19), 220 (19)]. The common practice to enslave Christians (something illegal in Byzantium [Литаврин 1995: 246 (f 109)]) at least until 768 [Mango 1990, 86 (8–15), 162]; cf.: [Miracula 1979: 213 (10–13)] clearly shows

¹⁹ Chrysos argued that "the Slavic tribes settled themselves in accordance to the conditions of some sort of agreements", in some "unattractive for the Slavs, but important for the Empire" places, and concluded that „the sovereignty of the Byzantine Empire in its legal and political dimension was perhaps hampered, but not seriously questioned during this turbulent period of the Middle Ages“ [Chrysos 2007: 133–135; Similarly: Leveniotis 2011; Λεβενιωτης 2015: 622].

²⁰ For supporting his thesis Chrysos put in descriptions of events which followed the arrest of Rinthinioi rex Perboundos [Miracula 1979: 208–211], words as "plans to rebel", "to prepare the insurrection", "revolt" which do not exist in the source in any form [Chrysos 2007: 133]. Cf. the opposite example in: [Porphyrogenitus 1983: 29/ 7, 28, 29, 37 (232, 233)] where *the apostasy* of Peloponnesian Slavs is clearly labelled. That emperor ordered Perboundos arrested also is not an argument for his dependence on the Empire (as supposed in [Живковић 2007: 152]); emperors gave orders for arresting duxes that were not under their rule if they could, as is clearly shown by kidnapping the dependent to Bulgars Severian dux Slavun from his own country [Theophanes 1883: 436 (15)].

that these Slavs did not respect “the sovereignty of the Byzantine Empire in its legal and political dimension”²¹ but were rather “completely independent” [Живковић 2007, 161]. The same was the situation in Thrace at the end of the 7th c. [Miracula 1979: 210, ^{24, 25}; Живковић 2007: 147] and in Peloponnesus in the 8th c. [Свод 1995: 328, 329, 346, 347; Porphyrogenito 1952: 91, ^{33, 34}; MGH LS, 3: 477 (10, 11)]. The position of the Slavic tribes in this period could be described most accurately by words used in Byzantine sources: “without being subject to the Emperor of the Byzantines nor to any other” [Литаврин 1995a: 328, 329].²²

Therefore, before being transformed into dependent ‘Sclavinias’, Slavic communities were independent from the Empire. This shift could also be followed through terminological changes in the sources.

The end of the era of Slavic nations

In the 6th–7th centuries one of the most frequently used categories for the Slavs was ‘ethnos’ (nation), a term that implies factual independence from the Empire. The Slavs were ‘nations’ for the Byzantine authors not only before settlement in the Balkans (Procopius, Maurice, Theophylact Simocatta), but also after (Theodor Syncellus: *Σκλάβων καὶ λοιπῶν ... ἐθνῶν*) and in the acts of the 6th Ecumenical Council [Свод 1995: 85, 212]. It is especially evident in Miracula: the Slavs were a ‘nation’, but Belegezitoi, Sagudatoi, Druguvitoi, Strymonitoi, Rinhinoi, Berzitoi and others were also ‘nations’ in their own right [Miracula 1979: 126 (28), 175 (4–6), 194 (26), 209 (10–12), 214 (19, 22, 28); Иванова 1987: 57].²³ The Slavs in Peloponnesus were labelled as a “Slavic nation” up until 805, when they were conquered and “completely destroyed” as a nation [Свод 1995: 328, 329, 346, 347].

The situation in the History of Nicephorus is already different. The term “Slavic nations” referred to those Slavic communities which were subdued by the Bulgars in 681 [Mango 1990: 26 (24), 90], and after this they were no

²¹ As Chrysos claims [Chrysos 2007: 135].

²² Similarly, for Slavs not under Byzantine control as in the time of Michael III in Dalmatia: “independent (*αὐτοκράτορες*), subject neither to the emperor of the Romans nor to anybody else” [Porphyrogenitus 1983: 29/ ^{61, 62} (124)] and in Peloponnesus: “independent and self-governing” (*αὐτονομῶν καὶ αὐτοδέσποτον*) [Porphyrogenitus 1983: 50/ ³⁰ (232)]. It would obviously be a mistake to take too seriously the pretension in De Administrando for Slavic servitude from the beginning: this source, distant to the time of the events, has a serious ideological agenda to prove beyond any doubt the imperial right upon the Slavs against all possible Frankish and Bulgarian pretensions by presenting the Slavs as imperial subordinates from the time of the settling on the Balkans, and, accordingly, their factual independence before Macedonian dynasty as a consequence of the mismanagement of some unworthy emperors [Porphyrogenitus 1983, 29/ ^{58–60} ^{31/ 6.7} 58–60/ ^{32/ 5–15, 21–29, 133, 134, 142, 143, 146–148} (124, 146, 150; 152, 154, 158, 160)]. Cf.: [Λεβενιώτης 2015: 609–612, 618].

²³ ‘Tribes’ and ‘clans’ were also used but were less common: [Miracula 1979: 215, 16].

longer called 'nations'. Those fought and subjugated by Byzantium as well were not 'nations': they, like the Slavs under Bulgaria after 681, were called 'clans' or 'multitudes'. Similarly in Theophanes the Slavs were labelled as 'nations' before settling in the Balkans, and in two more instances afterwards: when they were subordinated by the Bulgars in 681, and when they were subordinated by Byzantium with the Stauracius expedition in 783 [Theophanes 1883: 359 (13), 456 (27)]. In the description of the battle with the khan Teletzius in 763, we can notice that the term 'Slavic nations' existed in the source that Nicephorus and Theophanes had used, but this term seemed to be already unacceptable for them and was purposely edited by erasing either the word 'Slavs' or the word 'nations'.²⁴

In contrast to Nicephorus who does not distinguish terminologically 'Slavs under Bulgaria' and 'Byzantine Slavs'—they are equally 'clans' or 'multitudes' for him—Theophanes makes this important difference. For him the 'Byzantine Slavs', with the exception of the Stauracius expedition, were 'Sclavinias'. They are the only 'Sclavinias' in his Chronography. This suggests that at the time when Nicephorus was writing in Constantinople, the Slavic communities were no longer seen as independent "nations", but there was still no terminology in place to express the new relations, perhaps because they were not completely established.

This terminological difference between Theophanes and Nicephorus helps us to clarify the time when this change from 'nations' to 'Sclavinias' had happened. Nicephorus' History was written somewhere between 775 and 797,²⁵ and Chronography between the years 807 and 815. The term 'Sclavinias' replaced 'Slavic nations' after 783 (Theophanes' last use of 'Slavic nations') and maybe even after 797 (when Theodor Studite used 'nation' for Strymonites, see below).

Something else can also give us a hint for determining the time of the change more precisely. Beginning with 789 in the Charlemagne courts, a clear tendency of *imitatio imperii* appeared with a strong fixation on Byzantium [Фавие 2002: 521–528]²⁶, leading to a purposeful imitation of some Byzantine practices and terminology. This was also the year when the term 'Sclavinia' appeared for the

²⁴ There Nicephorus speaks of "allies, not a small *multitude of Slavs*" [Nicephori 1990: 76, 13, 148] and Theophanes: "allies from *neighbouring nations*" and πλῆθος ἐθνῶν [Theophanes 1883: 433 (2–7)].

²⁵ For the time when Nicephorus' work was written: [Mango 1990: 8–12 (before 780 r.); Литаврин 1995: 222 (between 775 and 787); Turtledove 1982: xii, (between 775–797, probably before 787); Brubaker, Haldon 2001: 171 (probably in 780); Treadgold 2013: 27, 35 ("probably soon after 790", "about 791" "but certainly before 797")]. See also: [Neville 2018: 73].

²⁶ "From Byzantium some signs of equality with the basileus were already borrowed. Clearly, the fixation in this direction was strong. The example is provided by the chancellery..." [Фавие 2002: 524].

first time in some chronicles connected to the Frankish court [MGH S, 1: 174 (21), 221 (75)–222 (1); MGH SS, 6: 84; Свод 1995: 447, 464, 466, 467, 471 f. 5; Фавие 2002: 426, 427]; while in the more “independent” chronicles different terminology (excluding the term ‘Sclavinia’) was preferred.²⁷ It suggests that possibly the Frankish court also “borrowed” the term ‘Sclavinia’ from the Empire, and therefore it had to appear in Byzantium before 789.²⁸

It seems very likely that Nicephorus I inherited the term ‘Sclavinias’ from Irene. When ‘Sclavinia’ appeared for the first time as a term linked to contemporary events in 810, it was not something new but something pre-existing. Cf.: [Haldon 2016: 258]. It was customary and established enough to be used, even to describe the far past. Nicephorus I actually tended to go a step further and make ‘Sclavinias’ a part of themes through their colonization by a Christian population.²⁹ At this time (at least temporary) new themes in Slavs territories such as Strymon, Thessalonica, Peloponnesus, and Dyrachium were created [Curta 2011: 142; Idem 2019: 306–308].³⁰

If this is true, at the time the Chronography was written ‘Sclavinia’ had been a relatively new, but already established term, expressing the political formula the Empire had created with some Slavic communities. It is the reason Theophanes used it *only* for the relationship between Byzantium and the Slavs. Soon the term would be extrapolated and used for Slavic communities with a similar status outside of the Byzantium. This usage was first registered in Scriptor Incertus and the Chronicle of 811.³¹ In the 10th century, Constantine Porphyrogenitus transferred it to the Slavic formations not only in Dalmatia, but also in contemporary Kievan Rus’, and for the Frankish state at the end of the 8th century.³²

The emergence of the term ‘Sclavinia’ was not an isolated phenomenon but was accompanied by a number of others. The Slavic seals also express this

²⁷ In Chronicles created in some Belgian monasteries, the terms ‘Wenedonia’ and ‘Wilcia’ were used [MGH S, 1: 12, 17], in Murbach group Chronicles: ‘Wilcia’, ‘Wiltiam’, ‘*patriam Wilciorum*’ [MGH S, 1: 44; Свод 1995: 451].

²⁸ For other examples of direct consilience between Frankish and Byzantine reforms and practices noticed at the time of Nicephorus I see: [Cosentino 2017: 212–219].

²⁹ For the politics of Nicephorus I in the themes see: [Charanis 1946: 77, 78, 82; Treadgold 1988: 135–140; Gregory 2005: 203; Haldon 2016: 247–258].

³⁰ Some authors date the creations of the theme Thessalonica even earlier: after Stauracius expedition [Bulić 2013: 184], in the late 8th c. [Ragia 2011: 96].

³¹ If we accept that the author was Sergius Confessor, then this use was between the years 833 and 835 while, unlike Scriptor Incertus, Theophanes speaks of nations (“ethnoses”) who approached Krum in 811, as well as of τῶν Σκλαυινῶν ἄρχοντας who drank from the skull of the emperor [Theophanes 1883: 491, 17–22]. In the Life of Ioannikios by Sava it is also said that in 811 the Bulgars “gathered and took as mercenaries the neighbouring nations” (τὰ ἑμὸνρα μισθωσάμενοι ἔθνη) [Mango 1983: 399].

³² “Pippin and his three brothers ruled together over πασῶν τῶν Φραγγιῶν καὶ Σκλαβινῶν” [Porphyrogenitus 1983: 9/ 9, 10 (56), 9/ 107 (62), 28/ 19, 120].

“intensification” of the phenomenon starting from the end of the 8th century. We have at least 4 such seals from the second half of the 8th century and 9 from the first half of the 9th. Apart from the increased number of the seals, a change in the geographical distribution can be observed: seals before the middle 8th century are concentrated near the theme Hellas or, as an exception, Bagennetia. Now we find new seals from archons of Εβιδιτῶν / Αιβιδιτῶν, Βιχετῶν, Δρουγοβιτῶν [Seibt 1999: 27, 28; Idem 2003: 463–465; Oikonomidēs 1998: 112, 114; Живковић 2007: 163–167]. This is paralleled by the appearance of territorial names in narrative sources clearly derived from the names of the former “*Slavic nations*” (Berzitoi—*Berzitia*, Belegezitoi—*Bel(ege)zitia*, Bayunitoi—*Βα(ν)νιτίας*, Sagudatoi—*Subdelitia*, Sclavinoi—*Sclavinia* [Theophanes 1883: 447 (13), 473 (34); Porphyrogennetos 2012: 634, 635; Seibt 2003: 460; Живковић 2007: 166, 167]. The time of the most widespread use of Slavic seals is dated approximately in the same period when the term ‘Sclavinia’ was used for the south and central Balkans, i.e. from the end of the 8th to the middle of the 9th century. The Slavic seals disappeared from the Central Balkans in the middle of the 9th century, simultaneously with the term ‘Sclavinia’ and appeared again in Dalmatia at the same time the term ‘Sclavinia’ started to be used again for this region in the second half of the 10th century.³³

Therefore, the term ‘Sclavinias’ replaced ‘Slavic nations’ from the end of the 8th to the middle of the 9th century, underlining clearly the change from independence to (semi)dependence.³⁴ The information we possess links the appearance of the term ‘Sclavinia’ to the military expeditions against the Slavs by Stauracius (783), the establishment of the thematic system under Irene and Nicephorus I; the use of this term was clearly connected to the spreading of Byzantine authority and influence.

The era of ‘Sclavinias’

The Birth of ‘Sclavinias’

The time of the independent ‘Slavic nations’, unstable and to some extent anarchic formations that controlled the territory in the interior [Gregory 2005: 157; Whittow 2008: 228], was possible in the period when Byzantium was entrenched in the struggle for life or death with Persia and the Caliphate. For Byzantium it was never a problem to defeat some Slavic tribes and to make them formally recognize its power; the difficulties arose with keeping

³³ For the disappearance of Slavic seals see: [Живковић 2007: 167]. See also the seal dated between 950 and 1050: Λέοντι βασιλικῷ σπαθαροκανδιδάτῳ καὶ ... (ἀρχων?)... Χροβατίας (Dumbarton oaks Seals 1, no. 16.1. [DOAKS]).

³⁴ Živković calls the period between Stauracius’ expedition and the middle of the 9th century “transitional Slavonic independence”, still “(semi)dependence” could be a more correct term [Живковић 2007: 167].

the Slavs under control after the army had left their land [Живковић 2007: 157; Sophoulis 2009: 122, 123], making every Byzantine success just a temporary one [Bulić 2013: 184]. Before the 780s the Empire did not have the administrative, ecclesiastical, demographic, or military capacity to successfully maintain control over the Slavs. The Empire had no loyal local population in the interior of the Balkans in the 8th century to rely upon and colonization of population from outside of the Balkan region was required to create themes in Macedonia and Hellas [Treadgold 1988: 19, 73, 137, 149–152; Иванова 1988: 13; Treadgold 1995: 26; Sophoulis 2009: 122, 123 f. 14; Цветковић 2016: 21, 35–36, 38].

The decreasing pressure from the Caliphate after the year 750, its defeat in 781, the peace agreement signed afterwards, and the paralysis of Bulgaria after nine campaigns arranged by Constantine V, gave Byzantium the opportunity to turn its attention to the ‘Slavic nations’ in the interior of the Balkans and to create a connection with Thessalonica and the theme of Hellas [Auzéry 2008: 256; Shepard 1995: 234; Treadgold 1988: 19, 69, 71–73; Живковић 2007: 162]. Thus, in 783 Stauracius was sent on a campaign “against the Slavic nations, descended to Thessalonica, and Hellas subordinated them and imposed on them all a tribute”.³⁵ Its easy triumph was different from all the previous ones, which were intended only to neutralize and discipline the Slavs; it marked the beginning of a new era in Byzantine–Slav relations [Иванова 1988: 15; Науменко 2008: 186; Sophoulis 2009: 120; Curta 2011: 126; Bulić 2013: 184; Крсмановић 2016: 57].³⁶

Despite taking control over many ‘Slavic nations’ simultaneously in 783, the Empire did not have the capacity to incorporate all of them directly into the themes. The Empire acted as it had been many times in the past: it changed the surrounding Barbarian world by encouraging its organization and coordination according to the interests of the Empire [Geary 2003: 78] simply by adapting the practices that had been already in use [Izdebski 2011: 61, 62]. As a part of this process, some influential Slavic leaders who had been friendly with the Empire were made allies by being given titles and related subsidies.³⁷

³⁵ ὑπέταξε πάντας και ὑποφόρους ἐποίησε τῇ βασιλείᾳ [Theophanes 1883: 456, 26–30].

³⁶ The results of this campaign are sometimes underestimated: [Curta 2006: 109, 110; Fine 2008: 79; Hupchick 2017: 68]. That restoration of Byzantine rule, economical and urban life could be noticed in Thessaly and Thebe after Stauracius’ expedition, and 24 new episcopal sees appeared between 787–800 in Thessaly and Beothia [Rosen 2018: 104, 154, 159, 160, 162, 167], and 3 sees in the Peloponnesus [Curta 2006: 109]. It deserves to be underlined that Theophanes used the term ‘Slavic nations’ in relation with the Balkans just twice: for subjugations of Slavs under Bulgars in 681 and for the target of Stauracius’ expedition.

³⁷ The value of the titles of Slavic archons we find in the seals was between 5 and 18 pounds of gold (360–1296 nomismata) [Porphyrogenetos 2012: 52 (692)], but their annual salary reached a maximum of one pound (72 nomismata) for the protospatharius [TODoB, 3 1991: 1748], a sum that was not particularly great for a principality, but for

The Byzantine support helped them to establish a more stable control over their compatriots, at the same time the need to raise levies or collect and pay tribute to the Empire pushed Slavic communities toward a more complicated level of organization. One of the results of this process was the establishment of regions with relatively clear and stable borders. This kind of organisation would have been difficult to establish during the former period of the gentile fragmentalism, a certain degree of population mobility, and the absence of stable institutions and hereditary authority among the Slavs [Treadgold 1988: 136; Fine 2008: 79].³⁸ In this way, semi-nomadic communities began to gain a territorial character and 'Sclavinias' came into being.

The first steps in this direction had been already made at the end of the 7th century when the Empire took measures to strengthen its position in a few crucial points in the Balkans [Науменко 2008: 184] but with a very limited range [Fine 2008]. Nonetheless, it had some effects: Slavic populations were resettled in the theme Opsikion or kleisoura Strymon under their own archons (as Nebul) [Mango 1990: 38 (13), 92]; Науменко 2008: 184, 185]. At the end of the 7th—beginning of the 8th c. two categories of Slavic Byzantine seals appeared for the first time in the south Balkans. Two of them came from 'archontia' with a Byzantine name: archons of Hellas as Petros and Dragasklabou [Seibt 1999: 28; Idem 2003: 460, 461; Науменко 2008: 185, 186]³⁹ inside the new theme Hellas; a few others appeared bearing the names of Slavic "nations" (Belegezitoi) or a territorial name derived from a 'Slavic nation' (Bagenetia [Seibt 2003: 460, 462; Живковић 2007: 16]), obviously, outside of a theme⁴⁰.

some Slavic princes it could have been meaningful. It was greater than the tribute paid after 842 by Milingoi (60 nomismata) and more than the money Travunia and Zahlumia received from Dubrovnik (36 nomismata each [Porphyrogenitus 1983: 32/ 30–38, 154].

³⁸ Maybe this is the reason for the big timeline gap in seals of archons of Bagenetia; one from the beginning of the 8th c. and the next in the middle of the 9th. Establishing the relation of the type 'Sclavinia' depended on the existence of a powerful ruler among the Slavs; when such a ruler died and was not replaced by another, such relations with the Empire were no longer possible.

³⁹ The Christian names of some of the archons could be used as proof that these persons were Romans [Науменко 2008: 186]. Such a conclusion is based on the idea that all inhabitants in Slavic regions were Slavs and that all Slavs were pagans. However, according to a letter from Pope Agathon to the VI Ecumenical Council at the end of the 7th century, many Christians lived among the Slavs (the source uses the term 'majority' [Свод 1995: 212]) so some caution is needed, because it is possible that some of these Christian archons were not Roman at all, but rather local Slavic(ised) people. The existence of two archons of Hellas at the same period, one with a Christian name (Petros) and another with a Slavic one (Δαργασκλαβου), also point in this direction [Seibt 2003: 460, 461; Науменко 2008: 185].

⁴⁰ That they were not under a theme in the case of Bagenetia in north Epirus is clear from its distance from the nearest theme (Hellas), and the fact that there are no other seals from archons of 'Bagenetia' in the next century and a half also deserved consideration which suggests that a concrete Slavic ruler was in question, not a creation of a permanent Byzantine administrative unit. In the case of 'Belegezitoi'—it is suggested by non-Christian names of archons as Tihomir and Akamiros [Seibt 2003: 462;

This marks the first appearance of a territorial name derived from an ethnonym in the fashion of later ‘Sclavinia’. In these two kinds of seals, we could see the prototype of future ‘Sclavoarchontias’ and ‘Sclavinias’.⁴¹ However, at this early stage, this phenomenon is rather an exception than a rule in the relations between the Empire and the ‘Slavic nations’ that dominated most of the Balkans.

What was different at the end of the 8th century was the great number of Slavic societies that were subordinated simultaneously. When there were just a couple of ‘proto-Sclavinias’ such as Bagenetia or Berzitia, there was no need for a generic term for them. The multiplication of the subjects led to a need for creating a generic term such as ‘Sclavinia’, something not so different but parallel to the appearance of the term ‘theme’.

In the process of entering established relations with the Empire, the Slavs in Byzantine eyes simultaneously lost their statute of foreigners and ‘nations’ but were “granted”, at least theoretically, their lands. In Byzantine sources from the previous period, the independent Slavs had had their “places”, but never their “lands”.⁴² The first hint at such “territorialisation” has already been mentioned, *Bagenetia* was established at the beginning of the 8th c. [Seibt 2003: 460], but this process had intensified at the end of the 8th c.: Berzitia (774), Belzitia (799), and, of course, ‘Sclavinia’.

The reason for the creation of ‘Sclavinias’ and ‘Sclavoarchontias’ would be the weakness of Balkan themes. From the beginning it was obvious that the new themes were vulnerable and needed protection, hence the Empire tended to ensure Slavic cooperation for this purpose. Autonomous ‘Sclavoarchontia’ were created inside the theme [Hayменко 2008: 186] in territories where Byz-

Theophanes 1883: 473, 34] and lack of signs of Byzantine presence in the Thessaly and Thebe before the end of the 8th century [Rosen 2018: 154, 247]. For the location of ‘Bagenetia’ and the interpretation of the status of its archon: [Curta 2006: 103; Коматина 2016: 87–91.

⁴¹ It parallels in some way the historiographic interpretation of the first themes and kleisouras in the Balkans during the reign of Justinian II as antecedents of future themes and kleisouras at the end of the 8th c. (for these interpretations in historiography see: [Цветковић 2016: 30–33])

⁴² Usually “τοπος” was used [Miracula 1979: 209 (28), 211 (8), 217 (21, 22)]. Bishop Cyprian, captured by Slavs, was taken “to their places” (τοὺς ἰδίους τόπους) [Miracula 1979: 237 (11)]. Even in the treaty of 815/816 we still can find the term ‘their places’ for Slavs [Бешевлиев 1981: 104]. The Slavs had ‘their places’ of living, but they did not form recognizable and fixed geographical units in the consciousness and terminology of the Thessalonians. In *Miracula* many geographic determinants were used to describe where the Slavs lived, but two generations after the Slavs had become their neighbours Thessalonians still did not orient themselves geographically according to the names of the tribes, but rather vice versa: they determined where the tribes were located according to other geographical markers. See for example, “the area of Thebe and Dimitriada to the nation of the Belegezitoi” [Miracula 1979: 214, (11, 12)], “Barbarians ... from the river Strymon” [Ibid.: 215, ¹³]; “whole Slavic nation ... from Rinhina and from Strymon” [Ibid.: 209, ^{10, 11}]; “Σκλαβίνων ἐθνη... from Strymon and Rinhina” [Ibid.: 211, ¹⁵]; “Σκλαβίνων ἐθνεῖ into northern (regions)” [Ibid.: 213, ^{11, 12}].

antium could impose a more direct control. In the regions where there was no possibility to directly subjugate some 'Slavic nation', as later in Dalmatia, the Empire tended to create stable relations with neighbouring Slavic leaders to ensure that they would not attack the theme and would even protect it as allies. This purpose of 'Sclavinia' is obvious in the case of Dalmatia, but it seems to be similar in the creation circumstances of the theme of Hellas and the appearance of seals of archons of Belegezitoi and Vihitoi in its neighbourhood. In some situations, the purpose of protecting the Empire's strategic interest rather than the need of strengthening the themes could be the reason for creating 'Sclavinia'-type relations, as that was probably the case with Bagenetia, Berzitia, and Serbia.

In this way two parallel paths of Slavs' incorporation into the Byzantine administrative system were established: first, 'Sclavinia' as a transitional stage between 'Slavic nation' and 'Sclavoarchontia'; and second, 'Sclavoarchontia' as a transitional stage between 'Sclavinia' and the complete romanisation of the Slavs [Хауменко 2008: 188]. Depending on a specific situation the 'Sclavinia' stage could be skipped or the 'Sclavoarchontia' stage avoided, for example in the case when some 'Sclavinia' could evolve into an independent state.

Of course, establishing this system on a territory that can be compared to today's Greece in size needed time; this process had met serious resistance from the Bulgar khanate [Sophoulis 2009: 120, 125] which began a war against the Empire in 789, defeating Thracian's strategos on the Strymon [Theophanes 1883: 463 (28)–464 (2)]. The war continued until 797 and provided an opportunity for some 'Slavic nations', like the Strymonites, to temporarily regain their independence [Живковић 2007: 164; Hupchick 2017: 62–64]. In March 797 the Slavs on the northern shore of the Aegean were called "the neighbouring nation" by Theodor Studite [Patrologia 1860: 917–918 (C)] which is the last use of the term "nation" for the Slavs in Macedonia. The end of the war with the Bulgars in 797 led to the subordination of the *τῶν Σκλάβων εἰς τὸν Στρυμόνα* [Schreiner 1975: 49 (16)]. This seems to be the last possible year to date the writing of the History of Nicephorus, since in this text neither 'Sclavinia' nor similar terms were used, as well as the term 'Slavic nations'. As a matter of fact, the first and the only name of a Slavic archon connected with the Empire appears in Chronography under 799 (Akamiros). That year the expansionary period in the politics of Irene had ended replaced by a passive one [Treadgold 1988: 114, 124, 136].

'Sclavinias' in the first half of the 9th century

There is no reason to believe that Byzantium saw in the 'Sclavinias' a permanent solution to the problem with the Slavs in the Balkans. They were barely created when Nicephorus I took measures to make them an integral part of

the themes. The first step was an attempt at colonization in 807, which again caused a war with the Bulgars. Nor did the second and far larger colonization into 'Sclavinias' in 810 succeed in fulfilling this aim.⁴³

The series of Byzantine defeats that followed (in Strymon (809), Serdika (809), Bulgaria (811), and Versinikia (813)) led to the desertion of colonists from Strymon and to the signing of a 30-year treaty between Byzantium and Bulgaria in 816 which in reality eliminated the success of Nicephorus I and partly those of Irene in the north-eastern Thrace, the Serdika region, and in Macedonia [Treadgold 1988: 149, 157, 159, 182, 190, 218; Sophoulis 2009: 126, 127]. In this treaty, we find the following categories: "Slavs under the emperor" and "other Slavs who are not subordinate to the emperor, in the area offshore". The treaty stipulated that the position of Slavs *under the emperor* should be restored according to the situation "before the war", i.e. before the first colonization of 807.⁴⁴ For *independent Slavs along the sea* (probably the Aegean Sea) it declared that they had to be returned to their villages [Бешевлиев 1981: 154, 158–160; Shepard 1995: 236; Живковић 2007: 170; Польшанский 2016: 12; Hupchick 2017: 113–114; Curta 2019: 92, 93]. The "Slavs under the emperor" were most likely *Sclavinias* whom Nicephorus I tried to convert into 'Sclavoarchontias' through colonisation, but their positions had to be restored. Accordingly, the term "independent Slavs" seems to suggest that these Slavs had been actually subjugated in the meantime and resettled, but now they were to regain their independence and their lands again.

This agreement with Bulgaria probably ruined or reduced the themes Thessalonica and Strymon (creating a dilemma in modern historic discourse concerning the time of their appearance), guaranteed the *status quo* in the coming decades, and extended the life of 'Sclavinias'.⁴⁵ Byzantium had to limit its ambitions and subsequently, its control over 'Sclavinias' remained fragile in the 820s and 830s [Shepard 1995: 237, 238]. During this period not only did 'Sclavinias' take part in the civil war of Toma the Slav, but there is also evidence as well of the pirate activity of the Slavs on the Strymon [Dvornik 1926a: 54 (23–25); Sophoulis 2009: 127, f. 27]. Some restrictions for Romans (and especially monks) to visit those territories without the permission of the iconoclast emperors are also suggested [Lemerle 1945: 115, f. 4; Рајковић 1955: 255, f. 7].

⁴³ For the colonization measures of Nicephorus I in 807 and 810 and their consequences see: [Treadgold 1988: 149–164].

⁴⁴ The war was already underway in 807 when Nicephorus I was on a campaign in Thrace against the Bulgars [Theophanes 1883: 482 (25, 26); Hupchick 2017: 73].

⁴⁵ A retreat seems to have been made in Thessaly too. Between 787–800, 17 episcopal sees appeared in Thessaly but 7 of them permanently disappeared at the beginning of the 9th c. and in a council of 869 five bishops from newly created sees attended [Rosen 2018: 167]. In addition, in 799 Belegezitoi had their powerful dux Akamiros.

The End of 'Sclavinias'

The subjugation of 'Sclavinias' into themes had a different chronology for every region in the Balkans. After Thrace, it seems that it first happened to the Slavs in Peloponnesus subjugated in the time of Nicephorus I between the years 805 and 808. Still, the process was not finished in all places: Ezeritai and Milingoi started to pay regular taxes after the crushing of the Slavic uprising there in 842.

In South-eastern Macedonia, alongside the road from Thessalonica to Constantinople, it happened between the years 836 and 837. Then the second decade of the 30-year treaty between Byzantium and Bulgaria expired, leading to a certain strain in their relations. One Bulgarian army was sent against the Smolianoι near Philippi and another one seems to have been dispatched to Thessalonica.⁴⁶ At the same time, we find a Byzantine army in Eastern Macedonia led by the Caesar Alexis Moselle who built the city of Caesaropolis there [Lemerle 1945: 152; Treadgold 1988: 292]. That was also the year of the "not small" uprising of the *exarchon* of 'Sclavinia' bordering Thessalonica. And it was not the only 'Sclavinia' around Thessalonica at this time.⁴⁷ Without engaging in the complicated question about the interpretation of these events, for us the end is important: Byzantium imposed direct control over Via Egnatia between the Mesta River and Thessalonica, Bulgaria accepted it and the treaty was extended. After that, some 'Sclavoarchontias' appeared in Strymon and Thessalonica. Saint Methodius from Thessalonica was appointed as the archon of the Slavic archontia. This was probably also the case with the Armenian Βάρδα βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ ἄρχοντι Στρομόνοϛ, whose seal dates before the middle of the 9th century.⁴⁸ Between 856–867⁴⁹ we find that a delegation of the *Slavs from Thessalonica archontia* visited the emperor [Porphyrogenetos 2012: 635, 3].

In Western Macedonia, this subjugation seems to happen later. The signs of restoration of the Byzantine rule in Western Macedonia appeared later than in the Thessalonica region at the time of Basil I [Rosen 2018: 208, 215, 242, 247; Curta 2019: 310]. The seal of the archon of Druguvitoi dates to the middle of the 9th c. Maybe another 'Sclavinia' survived there a little longer: the χώρη τῆ Σουβδελιτία is mentioned also between 856 and 867 [Porphyrogenetos

⁴⁶ The inscriptions from Philippi speak about a Bulgarian military led by Kauhan Isbull sent against the Smolianoι [Бешевлиев 1981: 127, 133]. On the other hand, Leo Grammaticos mentions under 836 that "Michael the Bulgarian went to Thessalonica" [Leonis Grammatici 1842: 232, 1, 2]. Perhaps *Michael* was changed by *Malamiros*?

⁴⁷ The word ἐκείνης points that there were other 'Sclavinias' [Литаврин 1984: 197].

⁴⁸ [Seibt 1999: 31]; DO Seals 1, no. 37.1, <https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.714>. According to Lemerle [1945: 128, f. 1], it was 'Slavic archontia'.

⁴⁹ For dating see: [Ферјанчић 1959: 76, f. 284].

2012: 634^{11–13}]. But, at the same time, the usage of the term *χώρα* linked it with the terminology of Kaminiates who described the former Slavic nations and ‘Sclavinias’ in the theme Thessalonica at the beginning of the 10th c. such as ‘Druguvitoi’ and ‘Sagudatoi’ as *χώρα*.⁵⁰

The reasons for this different speed of subjugation and incorporation of the Slavs into the Byzantine state was most likely geopolitical: Peloponnesus was in danger of Arabian attacks and Byzantium needed to strengthen its position there earlier. The subjugation of the space between the theme Macedonia and the city of Thessalonica was delayed because of the Bulgarian opposition, and this of Western Macedonia, on the contrary, had to be accelerated exactly because of the Bulgarian expansion in the Central Balkans in the middle of the 9th c.

The date when the process of converting ‘Sclavinias’ into ‘Sclavoarchontias’ has finished for most of the Balkans could be specified based on Leo VI who linked it to the time of Basil I and the Christianisation of the Slavs. He is not alone in this: John Kaminiates also underlined the connection between the baptism of the Slavs and the end of the “old hostilities” between them and the Romans [Leo VI 2010: C. 11, 95 (470, 457–460); Caminiatae 1973: 10 (45, 57–65)]. Dioceses with Slavic names are noticed for the first time among the bishops who attended the Constantinople Council in 879: Petros of Druguvitia, Gregory of Zitunia, Damyan of Ezero, Stephan of Bagenetia, and Paul of Strymon. In the episcopal lists after this council, we find also the dioceses Velikia and Smolen.⁵¹ At least some of those names (Druguvitia, Bagenetia, Smolen, Strymon) are known as names of former Slavic ‘nations’, or ‘Sclavinias’. It means that the end of ‘Sclavinias’ could have happened between the years 867 and 879. Of course, we have to be cautious with Leo’s pretension to glorify his father: it is obvious that in some places the process has started earlier under Michael III, Theophilos, and even Nicephorus I, and there may have been some kind of a transitional process that had just finished under Basil I.⁵²

⁵⁰ In one of the documents from 897 near Thessalonica *χωρίον τῶν Δραγουβούτων* [Наследова 1959: 219 (f. 6)] was mentioned. For the meaning of the word *χωρίον*—a place outside the city: [Sophocles 1900: 1177]. We find degradation from a dependent / allied unit to a settlement (*vilas nostrorum*) also in the case of Obodritoi in Enhardi “Fuldenses Annales” [MGH S, 1: 359 (31–33), 360 (2, 3)].

⁵¹ [Darrouzes 1981: Notitia 7, 299, 568, 569, 618, 619, Notitia 9, 185, 439, 440, 464, 492, Notitia 10, 218, 518, 519, 566, 580, 582; Йончев 1964: 117; Тъпкова-Займова 1961: 158–161, 165; Иванова 1988: 23; Живковић 2007: 167, 253]. See also: [Dvornik 1926b: 91].

⁵² The hypothesis that some sort of a transitional phase between ‘Sclavinias’ and ‘Sclavoarchontias’ may have existed in the time of Michael III could be supported by the fact that Saint Methodius was appointed as Slavic archon not by the strategos, but by the Emperor; also the Slavs from *Subdelitia* and from *Thessalonica archontia* between 856 and 867 contacted the emperor directly, not through the archon or strategos.

* * *

The rebellion of Slavs from Subdelitia shows that between the years 856 and 867 Slavic archons were no longer the leaders of the Slavic uprisings, and their place was taken by the Slavs from the corresponding regions exactly as in the descriptions of the uprisings by Milingoī and Ezeritai. More importantly, those uprisings differ fundamentally from the earlier ones in Macedonia (up to 836) and the Peloponnesus (up to 842) and look more like a protest: the Slavs from the *region of Subdelitia* “ran in the forests” and then again approached the emperor.⁵³ Those on the Peloponnesus at the time of Roman Lakapenos made *apostasy* by simply stopping submitting or as it was carefully described: “their reluctant obedience, or more properly, their disobedience to the imperial commands” [Porphyrogenitus 1983: 50/_{35–40}, 234], but without attacking the Empire. It is pretty different from the *apostasy* made in Peloponnesus earlier when the Slavs “plundered and enslaved, and pillaged, and burnt and stole” [Porphyrogenitus 1983: 29/_{6–9, 26–32}, 232]. The conflict was already of a different level and nature: the rebellions of the Slavs consisted in the fact that they ceased to fulfil their obligations, not in breaking the peace and starting a war with the Empire. There is a fundamental difference between them and a “king” of a “Slavic nation”, such as Perboundos, who in the late 7th century was at “peace” with the Empire while planning to start “a war”.

At the beginning of the 10th century, according to John Kaminiates, in the themes of Thessalonica and Strymon, the Slavs were “entrusted” to some archons (ἄρχοντας and Σκλαβήνων ἡγούμενοι) and were subordinates of strategos under whose command they fought to defend the city as συμμάχων Σκλαβήνων. [Caminiatae 1973, 6, ₈₀, 20, _{74–21, 2}, 41, _{50, 62} (8, 20, 21, 38)]. Their position is related to the already mentioned position of Ezeritai and Milingoī in Peloponnesus after the suppression of their uprising in 842.

After transforming to ‘Sclavoarchontias’, archons no longer had to be Slavs, nor was their position hereditary anymore. Since the middle of the century, no “Slavic” seals have been found in the South and Central Balkans. The puzzle of their disappearance in this context can be explained by the fact that the indigenous dynasties in ‘Sclavinias’ have lost their position and were replaced by Byzantine officials when the former ‘Sclavinias’ were transformed to *archontias* in the themes [Haymenko 2008, 187, 188].⁵⁴ Entering into themes marked the end of the “era of Sclavinias” [Ostrogorsky 1963: 3, 5, 6].

⁵³ First example: “Σκλάβους τοὺς ἀτακτήσαντας ἐν χώρᾳ τῇ Σουβδελιτίᾳ and gone up into the mountains and later sought refuge with the autocrator and mighty imperial power”, and another example was: ἕτεροι Σκλάβοι Θεσσαλονίκης ἀρχοντίας [Porphyrogennetos 2012: 37, 634, 635].

⁵⁴ Živković explains this by the withering away of the Slavic dynasties with which, and not with the tribes, the contracts were concluded by the Empire [Живковий 2007: 167, 168]. However, the extinction of all Slavic dynasties at approximately the same time does not look like something that could have happened naturally.

In the past Byzantium had to deal with domestic Slavic archons because the Slavs “did not want to obey another person meekly but ... only themselves” and they preferred “the archon of their own tribe than to serve and submit themselves to the laws of the Romans” [Leo VI 2010: 470, ^{444–446}. C. 18, 93.]. The Byzantine thematic organization needed to be intensified and more firmly established,⁵⁵ so that it could move to the next stage, i.e., including ‘Sclavinias’ territories and replacement of the domestic archon with the Byzantine one, expressed by the same emperor with the words: “liberated them from slavery to their own rulers and subjected them to rulers according to the Romaic model” [Leo VI 2010: 470, ⁴⁵⁶. C. 18 & 95]. A clear parallel with what the Bulgars did to the Slavic tribes subjugated by them in 827: “Bulgari quoque Slavos in Pannonia sedentes ... et expulses eorum ducibus, Bulgaricos super eos rectores constituerunt” [Einhardi Annales 1826, MGH S, 1: 216 (32–34); Fine 2008: 107].

The “liberation” of the Slavs from their archons and the following replacement in those positions with officials appointed by Constantinople or Pliska marks the end of the semi-dependent units known as ‘Sclavinias’. The Slavs were able to preserve some autonomy while the two main powers in the Balkans were in conflict, but not when they have reached an agreement on the division of the disputed territories. The example with the uprising of the Slavs and their two princes captured by Liutprand’s father in 927 [Liutprand 2007: 111] confirms this conclusion. This happened at the time of the Bulgarian–Byzantine war which provided one last opportunity for some Slavic groups in Macedonia and the Peloponnesus to liberate themselves.

Reducing the size of the themes in the late 10th century led former ‘Sclavinias’ and the subsequent ‘Slavic archontias’ within the themes to now appear as separate themes (Like *Druguvitia* and *Smolen* [Живковић 2007: 254], or *Bagenetia* [Коматина 2016: 87; Науменко 2008: 188, 189]). This shows us that at least a part of the ‘Sclavinias’ was preserved and incorporated into the Byzantine system as whole units. Others continued as ‘Sclavoarchontias’. The majority was fully assimilated.

The transformation of ‘Sclavinias’ into ‘Sclavoarchontias’ and later the Romanization of the majority of ‘Sclavoarchontias’ is also reflected in the terminology used in the sources. The entering of Slavic tribes into themes led to referring to them simply as “Slavs” from certain Byzantine administrative districts rather than by their tribal name (cf. Kaminiates, Leo VI), and certainly not as “Romans”.⁵⁶ The Romanization of the Slavs in the 10th and the 11th

⁵⁵ For the time and manner of establishing the thematic organization, see: [Haldon 1999: 43, 44].

⁵⁶ Just these Slavs that have kept some level of independence in their status or their actions are identified by their name. It is clearly noticeable in Constantine Porphyrogenitus who labelled all Slavs in Peloponnesus that had kept their loyalty to the Byzantium after 808 as “Slavs of the theme of Peloponnesus” [Porphyrogenitus 1983, 50/ ⁶, 232] and only rebellious ones are labelled by their names: Milingoi and Ezeritai.

centuries is reflected by the rapid disappearance of the very term Slavs from the Byzantine sources.⁵⁷

The evolution from independent 'Slavic nations' through the dependent 'Sclavinias' outside of the themes and (or) autonomous 'Sclavoarchontias' inside the themes to *Byzantine administrative units* seems clear enough.

Bibliography

Internet sources

DOAKS

Dumbarton Oaks Research Library and Collection (<https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals>).

Literature

Auzépy 2008

Auzépy M.-F., State of emergency (700–850), J. Shepard, ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge 2008, 251–290.

Barford 2001

Barford P. M., *The early Slavs*, New York, 2001.

Brubaker, Haldon 2001

Brubaker L., Haldon J. F., *Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850. The Sources*, (= Birmingham Byzantine and Ottoman monographs, 7), Aldershot, 2001.

Bulić 2013

Bulić D., The Fortifications of the Late Antiquity and the Early Byzantine Period on the Later Territory of the South-Slavic Principalities, and their Re-occupation, S. Rudić, ed., *The World of the Slavs, Studies on the East, West and South Slavs: Civitas, Oppidas, Villas and Archeological Evidence (7th to 11th Centuries AD)*, Belgrade, 2013, 137–234.

Bury 1911

Bury J. B., *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*, London, 1911.

Caminiatae 1973

Böhlig G., ed., Ioannis Caminiatae, *De Expugnatione Thessalonicae* (= Corpus fontium Historiae Byzantinae, 4), Berlin, 1973.

Charanis 1946

Charanis P., Nicephorus I, The saviour of Greece from Slavs (810 A.D.), *Byzantina-Metabyzantina*, 1/1, New York, 1946, 75–92.

Chrysos 2007

Chrysos Ev., Settlements of Slavs and Byzantine sovereignty in the Balkans, K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M. Stassinopoulou, eds., *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*, Vienna, 2007, 123–135.

⁵⁷ [Mühle 2016: 13, 14]. It is a clear parallel with what had happened in Byzantine referenced in the previous source. After Slavs had lost their autonomy in Bulgaria in the first half of the 9th century, Byzantine authors from the middle of the century onward have stopped using the term Slavs for Bulgaria and erased the ethnonym *Slavs* from Theophanes narrative about Slavs in Bulgaria even while they have kept the same term for information about Byzantium [Georgii Monachi 1904: 728 (15)–729 (1–16), 732 (13.18), 775 (11); Leonis Grammatici 1842: 159–161, 163, 168, 186 (11, 12), 191 (19, 20), 194 (4.7), 204 (25), 286 (14, 15)].

Cosentino 2017

Cosentino S., Land and military service in the ninth century: A note on Nicephorus and Charlemagne, *Prosopon Rhomaikon. Ergänzende Studien zur Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*, Berlin, Boston, 2017, 211–220.

Curta 2006

Curta F., *Southeast European "Dark Ages" (c. 600–c. 800)*, Cambridge, 2006.

——— 2011

Curta F., *The Edinburg History of the Greeks, c. 500 to 1050: The Early Middle Ages*, Edinburg, 2011.

——— 2016

Curta F., Theophylact Simocatta revisited. A response to Andreas Gkoutzioukostas, *Byzantion Nea Hellás*, 35, 2016, 195–209 (cit. by https://www.academia.edu/26098894/Theophylact_Simocatta_revisited._A_response_to_Andreas_Gkoutzioukostas and because of this the pages are from 1 to 14).

——— 2018

Curta F., Sklavinia in Theophylact Simocatta, (hopefully) for the last time, *Porphyra*, 15 (27), 2018, 4–15.

——— 2019

Curta F., *Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)* (= Brill's Companions to European History, 19), Leiden, Boston, 2019.

Darrouzes 1981

Darrouzes J., *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*, Paris, 1981.

Dvornik 1926a

Dvornik F., *La Vie de Saint Grégoire le Décapolite, Slaves Macédoniens au IXe siècle*, Paris, 1926.

——— 1926b

Dvornik F., *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Paris, 1926.

Einhardi Annales 1826

Einhart, *Annales fuldenses* (= Monumenta Germaniae historica, Scriptorum, 1), Hannoverae, 1826.

Fine 2008

Fine J., *The Early medieval Balkans. A critical survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*, Michigan, 2008.

Geary 2003

Geary P., *The myth of nations, the medieval origin of Europe*, Oxford, 2003.

Georgii Monachi 1904

Georgii Monachi Chronicon, 2, C. de Boor, ed., Lipsiae, 1904.

Gkoutzioukostas 2015

Gkoutzioukostas A., The term “Σκλαυηνία” and the Use of Adjectives which Derive from Ethnic Names in the History of Theophylact Simocatta, *Cyril and Methodius: Byzantium and the World of the Slavs, International Scientific Conference*, Thessalonica, 2015, 638–646.

——— 2017

Gkoutzioukostas A., “Sklavenia” (“Σκλαυηνία”) revisited: previous and recent considerations, *Παρεκβολαι, An electronic journal for Byzantine literature*, 7, 2017, 1–12 (<http://ejournals.lib.auth.gr/parekbolai/article/view/5365>).

Greenfield, Talbot 2016

Greenfield R., Talbot A.-M., eds. and trans., *Holy Men of Mount Athos* (= Dumbarton Oaks medieval library, 40), London, 2016.

Gregory 2005

Gregory T., *A History of Byzantium*, Oxford, 2005.

Haldon 1999

Haldon J., *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*, London, 1999.

——— 2016

Haldon J., A context for two “evil deeds”: Nikephoros I and the origins of the themata, O. Delouis, S. Métivier, P. Pagès, eds., *Le saint, le moine et le paysan, Mélanges d'histoire byzantine offerts à Michel Kaplan*, Paris, 2016, 245–264.

Hupchick 2017

Hupchick D., *The Bulgarian Byzantine Wars for Early Medieval Balkan Hegemony*, Wilkes-Barre, 2017.

Izdebski 2011

Izdebski A., The Slavs' political institutions and Byzantine policies (ca. 530–650), *Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines*, 12, 2011, 50–69.

Lemerle 1945

Lemerle P., Philippos et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine, (Thèse de doctorat, Paris, 1945).

Leo VI 2010

Dennis G., ed., *The Taktika of Leo VI* (= Dumbarton Oaks texts, 12), Washington, 2010.

Leonis Grammatici 1842

Leonis Grammatici, *Cronographia* (= Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 31), I. Bekker, ed., Bonnae, 1842.

Leveniotis 2011

Leveniotis G. A., Byzantine Dominion in the Balkans during the 7th–8th c. and its Modern Cartographic Representation, *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies, 22–27 August 2011*, 3, Sofia, 2011, 296.

Liudprand 2007

Liudprand of Cremona, *The Complete works of Liutprand of Cremona*, P. Squatriti, trans. and intr., Washington, 2007.

Louth 2008

Louth A., Byzantium transforming (600–700), J. Shepard ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge, 2008, 221–249.

Mango 1983

Mango C., The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians, *Harvard Ukrainian Studies*, 7, 1983, 393–404.

——— 1990

Mango C., ed., *Nicephori Patriarchae Constantinopolitani, Breviarium Historicum*, (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 13), Washington, 1990.

MGH LS, 3

Werminghoff A., rec., *Concilia aevi Karolini [742–842]. 2: [819–842]* (= Monumenta Germanica Historiae, Legum Sectio 3, 2/2.), Hannoverae, Lipsiae, 1908.

MGH S, 1

Pertz G., ed., *Annales et chronica aevi Carolini* (= Monumenta Germanica Historica, Scriptores, 1), Hannoverae, 1828.

MGH SS, 6

Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi (= Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi, 6), Hannoverae, 1895.

- Miracula 1979
Lemerle P., ed. and tr., *Les plus anciens Recueils des miracles de Saint Demetrius*, 1: *Le texte*, Paris, 1979.
- Mullerus 1861
Mullerus C., ed., *Geographi Graeci minores*, 2, Parisiis, 1861.
- Mühle 2016
Mühle E., *Die Slaven im Mittelalter*, Berlin, Boston, 2016.
- Neville 2004
Neville L., *Authority in Byzantine provincial society, 950–1100*, New York, 2004.
- 2018
Neville L., *Guide to Byzantine historical writing*, Cambridge, 2018.
- Oikonomidès 1972
Oikonomidès N., *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*, Paris, 1972.
- 1997
Oikonomidès N., Title and Income at the Byzantine Court, H. Maguire, ed., *Byzantine Court Culture from 829 to 1204*, Washington, 1997, 199–215.
- 1998
Oikonomidès N., L'archonte Slave de l'Hellade au VIIIe Siècle, *Византийский временник*, 55, 2, Москва, 1998, 111–118.
- Ostrogorsky 1963
Ostrogorsky G., Byzantium and the South Slavs, *The Slavonic and East European Review*, 42 (98), Dec., 1963, 1–14.
- Patrologia 1860
Migne J. P., ed., S. Theodorus Studita, *Patrologia Graeca*, 99, Parisiis, 1860.
- Porphyrogenetos 2012
Constantine Porphyrogenetos, *The Book of ceremonies*, A. Moffatt tr., ed. (= *Byzantina Australiensia*, 18/2), Canberra, 2012.
- Porfirogenito 1952
Constantino Porfirogenito, *De thematibus*, A. Petrusi ed., Vaticano, 1952.
- Porphyrogenitus 1983
Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, G. Moravcsik, ed., R. J. H. Jenkins, trans. (= *Dumbarton Oaks Texts*, 1), Washington, 1967.
- Ragia 2011
Ragia E., The geography of the provincial administration of the Byzantine Empire (ca. 600–1200): 1. 2. Apothekai of the Balkans and of the islands of the Aegean Sea (7th–8th c.), *Byzantinoslavica*, 69, 2011, 86–113.
- Rosen 2018
Rosen E. de, *The economic fate of urban settlements in Rhomanian Boeotia, Thessaly, and Western Macedonia (783–1204)*, (A thesis submitted to the University of Birmingham, Institute of Archaeology and Antiquity, Birmingham, 2018).
- Schreiner 1975
Schreiner P., *Die Byzantinischen Kleinchroniken*, 1 (= *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, Series Vindobonensis, 12/1), Wien, 1975.
- Seibt 1999
Seibt W., Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland, N. Oikonomides, ed., *Studies in Byzantine sigillography*, 6, Washington, 1999, 27–36.
- 2003
Seibt W., Weitere Beobachtungen zu Siegeln früher Slawenarchonten in Griechenland, *Βυζαντινο Κράτος και Κοινωνία, Μνημη Νίκου Οικονομιδη*, Αθήνα, 2003, 459–466.

Shepard 1995

Shepard J., Slavs and Bulgars, R. McKitterick ed., *The New Cambridge Medieval History*, 2: c.700–c.900, Cambridge, 1995, 228–248.

Sophocles 1900

Sophocles E. A., *Greek lexicon of the Roman and the Byzantine periods (From B. C. 146 to A. D. 1100)*, New York, 1900.

Sophoulis 2009

Sophoulis P., New remarks on the history of Byzantine-Bulgar relations in the late eighth and early ninth centuries, *Byzantinoslavica*, 67/1–2, 2009, 119–138.

Theophanes 1883

Theophanis, *Chronographia*, 1: *Textum graecum continens*, C. de Boor, ed., Lipsiae, 1883.

TODOB 3

The Oxford Dictionary of Byzantium, 3, New York, 1991.

Treadgold 1988

Treadgold W., *The Byzantine revival (780–842)*, Stanford, 1988.

Treadgold 1995

Treadgold W., *Byzantium and Its Army 284–1081*, Stanford, 1995.

——— 2013

Treadgold W., *The Middle Byzantine Historians*, Basingstoke, 2013.

Turtledove 1982

Turtledove H., *The Chronicle of Theophanes*, Philadelphia, 1982.

Vedriš 2015

Vedriš T., Balkanske sklavinije i Bugarska, N. Z. Jakus, *Povijest Hrvata*, 1: *Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150)*, Zagreb, 2015, 581–608.

Whittow 2008

Whittow M., Geographical survey, C. Robin, J. F. Haldon, E. Jeffreys, eds., *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*, Oxford, 2008, 219–231.

Zuckerman 2006

Zuckerman C., Learning from the Enemy and More: Studies in “Dark Centuries” Byzantium, *Millennium, Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n.Chr.*, 2, 2006, 79–135.

Λεβενιωτης 2015

Λεβενιωτης Γ., Η πολιτική, Νομική και Κοινωνικο-Οικονομική Θέση των Σλαβών στα Βαλκανικά Εδάφη του Βυζαντινού Συμφωνα με την Ορολογία των Πηγών (7^{ος}–10^{ος} αι.), *Κυρίλος και Μεθόδιος: το βυζαντινό και ο κόσμος των σλαβών*, Θεσσαλονίκη, 2015, 601–622.

Бешевлиев 1981

Бешевлиев В., *Правългарски епиграфски паметници*, София, 1981.

Живковић 2007

Живковић Т., *Јужни Словени под византиском влашћу 600–1025*, Београд, 2007.

Иванова 1987

Иванова О. В., Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях балканского полуострова в VII–VIII вв., Г. Г. Литаврин, ред., *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств*, Москва, 1987, 56–65.

——— 1988

Иванова О. В., Распространение христианства у славян в Византии (VII–X вв.), Г. Г. Литаврин, ред., *Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси*, Москва, 1988, 9–29.

Йончев 1964

Йончев Л., Съборни актове, *Гръцки извори за българската история*, 4, София, 1961, 113–118.

Калинина 2011

Калинина Т. М., «Архонт» и «глава глав» славян, Г. Г. Литаврин, ред., *Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья*, Москва, 2011, 37–39.

Коматина 2016

Коматина П., Област Вагенистија и Епископија Св. Климента, *Зборник радова Византолошког института*, 53, Београд, 2016, 83–100.

Крсмановић 2016

Крсмановић Б., О војним овлашћењима логотета дрома у VIII веку, *Зборник радова Византолошког института*, 53, 2016, 47–62.

Литаврин 1984

Литаврин Г. Г., Славинии VII–IX вв. Социально-политические организации славян, Л. А. Гиндин, ред., *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*, Москва, 1984, 193–203.

——— 1995

Литаврин Г., Патриарх Никифор, Idem, ред., *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 2: VII–IX вв., Москва, 1995, 221–247.

——— 1995a

Литаврин Г., ред., Монеувасийская хроника, Idem, ред., *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 2: VII–IX вв., Москва, 1995, 326–344.

Литаврин, Иванова 1985

Литаврин Г., Иванова О. В., Славяне и Византия, Г. Литаврин, ред., *Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв.*, Москва, 1985, 34–98.

Наследова 1959

Наследова Р. А., предисл. и комм., Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники, А. П. Каждан, Р. А. Наследова, *Две византийские хроники X века*, Москва, 1959, 141–249.

Науменко 2008

Науменко В. Е., К вопросу о статусе славянских «архонтий» Македонии и Греции в «темные века», *Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького*, Екатеринбург, 2008, 179–189.

Острогорски 1953

Острогорски Г., Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича: о времени их написания, *Зборник радова Византолошког института*, 2, 1953, 39–60.

Полывянный 2016

Полывянный Д. И., Болгары и славяне среди врагов и «друзей» византийской империи в VI–IX вв., *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (20), Июль – Декабрь, 2016, 3–16.

Поп-Атанасов 2011

Поп-Атанасов Ѓ., *Старословенски кирилometодиевски извори*, Скопје, 2011.

Рајковић 1955

Рајковић М., ed. and tr., Житије Григорија Декаполите, Г. Острогорски, уред., *Византиски извори за историју народа Југославије*, 1, Београд, 1955, 253–256.

Свод 1995

Литаврин Г. Г., ред., Гиндин Л. А., Иванов С. А., Литаврин Г. Г., Ронин В. К., сост., *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 2: VII–IX вв., Москва, 1995.

Тъпкова-Займова 1961

Тъпкова-Займова В., Епархийски списъци от IX до средата на X в., *Гръцки извори за българската история*, 4, София, 1961, 146–165.

Фавие 2002

Фавие Ж., *Карл Велики*, София, 2002.

Ферјанчић 1959

Ферјанчић Б., *Спис о церемонијама*, Idem, уред., *Византиски извори за историју народа Југославије*, 2, Београд, 1959, 76–78.

Цветковић 2016

Цветковић М., *Реформа византијског војно-територијалног уређења у доба Јустинијана II*, *Зборник радова Византолошког института*, 53, 2016, 17–46.

— 2017

Цветковић М. Ж., *Ниже јединице тематског уређења у Византији (9–11 век)*, (Докторска дисертација, Универзитет у Београду, Филозофски Факултет, Београд, 2017).

References

- Auzépy M.-F., State of emergency (700–850), J. Shepard, ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge 2008, 251–290.
- Barford P. M., *The early Slavs*, New York, 2001.
- Beshevliev V., *Prabulgarski epigrafski pametnitsi*, Sofia, 1981.
- Böhlig G., ed., Ioannis Caminiatae, *De Expugnatione Thessalonicae* (= Corpus fontium Historiae Byzantinae, 4), Berlin, 1973.
- Brubaker L., Haldon J. F., *Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680-850. The Sources* (= Birmingham Byzantine and Ottoman monographs, 7), Aldershot, 2001.
- Bulić D., The Fortifications of the Late Antiquity and the Early Byzantine Period on the Later Territory of the South-Slavic Principalities, and their Re-occupation, S. Rudić, ed., *The World of the Slavs, Studies on the East, West and South Slavs: Civitas, Oppidas, Villas and Archeological Evidence (7th to 11th Centuries AD)*, Belgrade, 2013, 137–234.
- Charanis P., Nicephorus I, The saviour of Greece from Slavs (810 A.D.), *Byzantina-Metabyzantina*, 1/1, New York, 1946, 75–92.
- Chrysos Ev., Settlements of Slavs and Byzantine sovereignty in the Balkans, K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M. Stassinopoulou, eds., *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*, Vienna, 2007, 123–135.
- Cosentino S., Land and military service in the ninth century: A note on Nicephorus and Charlemagne, *Prosopon Rhomaikon. Ergänzende Studien zur Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*, Berlin, Boston, 2017, 211–220.
- Curta F., *Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)* (= Brill's Companions to European History, 19), Leiden, Boston, 2019.
- Curta F., Sklavinia in Theophylact Simocatta, (hopefully) for the last time, *Porphyra*, 15 (27), 2018, 4–15.
- Curta F., *Southeast European "Dark Ages" (c. 600–c. 800)*, Cambridge, 2006.
- Curta F., *The Edinburg History of the Greeks, c. 500 to 1050: The Early Middle Ages*, Edinburg, 2011.
- Curta F., Theophylact Simocatta revisited. A response to Andreas Gkoutzioukostas, *Byzantion Nea Hellás*, 35, 2016, 195–209.
- Cvetković M., *Reforma vizantijskog vojno-teritorijalnog uređenja u doba Justinijana II*, *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 53, 2016, 17–46.
- Darrrouzes J., *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*, Paris, 1981.
- Dennis G., ed., *The Taktika of Leo VI* (= Dumbarton Oaks texts, 12), Washington, 2010.
- Dvornik F., *La Vie de Saint Grégoire le Décapolite, Slaves Macédoniens au IXe siècle*, Paris, 1926.
- Dvornik F., *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Paris, 1926.
- Favier J., *Karl Veliki*, Sofia, 2002.
- Ferjančić B., *Spis o ceremonijama*, Idem, ured., *Vizantiski izvori za istoriju naroda Jugoslavije*, 2, Beograd, 1959, 76–78.
- Fine J., *The Early medieval Balkans. A critical survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*, Michigan, 2008.
- Geary P., *The myth of nations, the medieval origin of Europe*, Oxford, 2003.
- Gkoutzioukostas A., The term "Sklavenia" and the Use of Adjectives which Derive from Ethnic Names in the History of Theophylact Simocatta, *Cyril and Methodius: Byzantium and the World of the Slavs, International Scientific Conference*, Thessalonica, 2015, 638–646.
- Gkoutzioukostas A., "Sklavenia" revisited: previous and recent considerations, *Παρεκβολαι, An electronic journal for Byzantine literature*, 7, 2017, 1–12 (<http://ejournals.lib.auth.gr/parekbolai/article/view/5365>; last access on: 31.01.2021).
- Greenfield R., Talbot A.-M., eds. and trans., *Holy Men of Mount Athos* (= Dumbarton Oaks medieval library, 40), London, 2016.
- Gregory T., *A History of Byzantium*, Oxford, 2005.

Haldon J., A context for two "evil deeds": Nikephoros I and the origins of the themata, O. Delouis, S. Métivier, P. Pagès, eds., *Le saint, le moine et le paysan, Mélanges d'histoire byzantine offerts à Michel Kaplan*, Paris, 2016, 245–264.

Haldon J., *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*, London, 1999.

Hupchick D., *The Bulgarian Byzantine Wars for Early Medieval Balkan Hegemony*, Wilkes-Barre, 2017.

Ionchev L., Suborni aktove, *Grutski izvori za bulgarskata istoriia*, 4, Sofia, 1961, 113–118.

Ivanova O. V., Formy politicheskoi organizatsii slavianskogo obshchestva v tsentral'noi i iuzhnoi chastiakh balkanskogo poluoostrova v VII–VIII vv., G. G. Litavrin, ed., *Etnosotsial'naiia i politicheskaia struktura rannefeodal'nykh slavianskikh gosudarstv i narodnostei*, Moscow, 1987, 56–65.

Ivanova O. V., Rasprostranenie khristianstva u slavian v Vizantii (VII–X vv.), G. G. Litavrin, ed., *Priniatie khristianstva narodami Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy i kreshchenie Rusi*, Moscow, 1988, 9–29.

Izdebski A., The Slavs' political institutions and Byzantine policies (ca. 530–650), *Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines*, 12, 2011, 50–69.

Kalinina T. M., «Arkhton» i «glava glav» slavian, G. G. Litavrin, ed., *Stanovlenie slavianskogo mira i Vizantiia v epokhu rannego srednevekov'ia*, Moscow, 2011, 37–39.

Komatina P., Oblast Vagenitija i Episkopija Sv. Klimenta, *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 53, Beograd, 2016, 83–100.

Krsmanović B., O vojnim ovlašćenjima logoteta droma u VIII veku, *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 53, Beograd, 2016, 47–62.

Lemerle P., ed. and trans., *Les plus anciens Recueils des miracles de Saint Demetrius*, 1: *Le texte*, Paris, 1979.

Leveniotis G. A., Byzantine Dominion in the Balkans during the 7th–8th c. and its Modern Cartographic Representation, *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*, 22–27 August 2011, 3, Sofia, 2011, 296.

Leveniotis G., The Political, Legal and Socio-economic Status of the Slavs in the Balkan Territories of Byzantium according to the Terminology of the Sources (7th–10th c. A.D.), *Cyril and Methodius: Byzantium and the World of Slavs*, Thessaloniki, 2015, 601–622.

Litavrin G. G., ed., Monemvasiiskaia khronika, Idem, ed., *Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicum pertinentium*, 2: VII–IX saecula, Moscow, 1995, 326–344.

Litavrin G. G., Gindin L. A., Ivanov S. A., Ronin V. K., eds., *Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicum pertinentium*, 2: VII–IX saecula, Moscow, 1995.

Litavrin G. G., Ivanova O. V., Slaviane i Vizantiia, G. G. Litavrin, ed., *Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanakh*, VI–XII vv., Moscow, 1985, 34–98.

Litavrin G. G., Patriarkh Nikifor, Idem, ed., *Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicum pertinentium*, 2: VII–IX saecula, Moscow, 1995, 221–247.

Litavrin G. G., Slavini VII–IX vv. Sotsial'no-politicheskie organizatsii slavian, L. A. Gindin et al., eds., *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ia*, Moscow, 1984, 193–203.

Louth A., Byzantium transforming (600–700), J. Shepard ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge, 2008, 221–249.

Mango C., The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians, *Harvard Ukrainian Studies*, 7, 1983, 393–404.

Mango C., ed., *Nicephori Patriarchae Constantinopolitani, Breviarium Historicum*, (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 13), Washington, 1990.

Moffatt A., tr., ed., Constantine Porphyrogenetos, *The Book of ceremonies* (= Byzantina Australiensia, 18/2), Canberra, 2012.

Moravcsik G., ed., Jenkins R. J. H., trans., Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio* (= Dumbarton Oaks Texts, 1), Washington, 1967.

Mühle E., *Die Slaven im Mittelalter*, Berlin, Boston, 2016.

Nasledova R. A., ed., Ioann Kameniatia. Vziate Fessaloniki, A. P. Kazhdan, R. A. Nasledova, *Dve vizantijskie khroniki X veka*, Moscow, 1959, 141–249.

Naumenko V. E., K voprosu o statuse slavianskikh «arkhontii» Makedonii i Gretsii v «temnye veka», *Rossii i mir: panorama istoricheskogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo*, Yekaterinburg, 2008, 179–189.

Neville L., *Authority in Byzantine provincial society, 950–1100*, New York, 2004.

Neville L., *Guide to Byzantine historical writing*, Cambridge, 2018.

Oikonomidēs N., L'archonte Slave de l'Hellade au VIIIe Siècle, *Byzantina xronika*, 55, 2, Moscow, 1998, 111–118.

Oikonomidēs N., *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*, Paris, 1972.

Oikonomidēs N., Title and Income at the Byzantine Court, H. Maguire, ed., *Byzantine Court Culture from 829 to 1204*, Washington, 1997, 199–215.

Ostrogorsky G., Byzantium and the South Slavs, *The Slavonic and East European Review*, 42 (98), Dec., 1963, 1–14.

Ostrogorsky G., Taktikon Uspenskog i Taktikon Beneševića: o vremenu njihovog postanka, *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2, 1953, 39–60.

Petrusi A., ed., Constantino Porfirogenito, *De thematibus*, Vaticano, 1952.

Polyvyanny D., Bulgars and Slavs Among Enemies and "Friends" of the Byzantine Empire in the 7th-9th cc., *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (20), 2016, 3-16.

Pop-Atanasov G., *Staroslovenski kirilometodievski izvori*, Skopje, 2011.

Ragia E., The geography of the provincial administration of the Byzantine Empire (ca. 600-1200): 1. 2. Apothekai of the Balkans and of the islands of the Aegean Sea (7th-8th c.), *Byzantinoslavica*, 69, 2011, 86-113.

Rajković M., Žitije Grigorija Dekapolite, G. Ostrogorski, ured., *Vizantiski izvori za istoriju naroda Jugoslavije*, 1, Beograd, 1955, 253-256.

Schreiner P., *Die Byzantinischen Kleinchroniken*, 1 (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Series Vindobonensis, 12/1), Wien, 1975.

Seibt W., Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland, N. Oikonomides, ed., *Studies in Byzantine sigillography*, 6, Washington, 1999, 27-36.

Seibt W., Weitere Beobachtungen zu Siegeln früher Slawenarchonten in Griechenland, *Vyzantino Kratos kai Koinonia, Mneme Nikoy Oikonomide*, Athens, 2003, 459-466.

Shepard J., Slavs and Bulgars, R. McKitterick, ed., *The New Cambridge Medieval History*, 2: c. 700-c. 900, Cambridge, 1995, 228-248.

Sophoulis P., New remarks on the history of Byzantine-Bulgar relations in the late eighth and

early ninth centuries, *Byzantinoslavica*, 67/1-2, 2009, 119-138.

Squatriti P., trans., intr., Liudprand of Cremona, *The Complete works of Liutprand of Cremona*, Washington, 2007.

Tapkova-Zaimova V., *Notitiae episcopatum, Grutski izvori za bulgarskata istoriia*, 4, Sofia, 1961, 146-165.

Treadgold W., *Byzantium and Its Army 284-1081*, Stanford, 1995.

Treadgold W., *The Byzantine revival (780-842)*, Stanford, 1988.

Treadgold W., *The Middle Byzantine Historians*, Basingstoke, 2013.

Turtledove H., *The Chronicle of Theophanes*, Philadelphia, 1982.

Vedriš T., Balkanske sklavinije i Bugarska, N. Z. Jakus, *Povijest Hrvata*, 1: *Nova zrakla u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 - oko 1150)*, Zagreb, 2015, 581-608.

Whittow M., Geographical survey, C. Robin, J. F. Haldon, E. Jeffreys, eds., *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*, Oxford, 2008, 219-231.

Živković T., *Južni Sloveni pod vizantiskom vlašću 600-1025*, Beograd, 2007.

Zuckerman C., Learning from the Enemy and More: Studies in "Dark Centuries" Byzantium, *Millennium, Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n.Chr.*, 2, 2006, 79-135.

Стојко Иванов Стојков, вонреден професор доктор на историските науки,
Факултет за образовни науки,

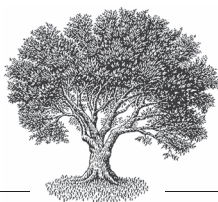
Универзитет „Гоце Делчев“

ул. „Крсте Мисирков“ бр. 10-А, Пош. фах 201, Штип – 2000

Северна Македонија / North Macedonia

stojko.stojkov@ugd.edu.mk

Received June 10, 2019

Праславянское *kŭrkŭ: семантика и этимология*

Proto-Slavic *kŭrkŭ: Semantics and Etymology

**Михаил Николаевич
Саенко**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Mikhail N. Saenko

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме¹

Статья посвящена реконструкции семантики праславянского слова *kŭrkŭ, потомки которого имеют широкий спектр значений — от «горла» до «спины». Проведенный в статье анализ показывает, что, вероятнее всего, значение праславянского слова можно реконструировать как «vertebra prominens / шейные позвонки». С учетом этой семантики были проанализированы предложенные ранее этимологические схемы и выдвинута новая гипотеза.

Ключевые слова

праславянский язык, семантика, этимология

* Автор выражает благодарность П. Косеку, Л. Репаншеку, Р. Шептыньскому и П. Янчулевичу за участие в обсуждении некоторых аспектов статьи.

Цитирование: Саенко М. Н. Праславянское *kŭrkŭ: семантика и этимология // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 39–62.

Citation: Saenko M. N. (2020) Proto-Slavic *kŭrkŭ: Semantics and Etymology. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 39–62.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.2.2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Abstract

The article is devoted to the semantics of the Proto-Slavic word *kŭrkŭ, whose descendants have a wide range of meanings from 'throat' to 'back'. The analysis presented shows that the Proto-Slavic word can be most probably reconstructed to mean 'vertebra prominens / cervical vertebrae'. With this taken into account, the author looks at the previously proposed etymologies and puts forward a new one.

Keywords

Proto-Slavic language, semantics, etymology

1. Значение

1.1. При установлении этимологии праславянского *kŭrkŭ одним из ключевых моментов является определение точного значения этого слова. В этимологической литературе мы сталкиваемся или с «обобщенными» определениями (например, *kŕkŭ 'kark, szyja' «задняя часть шеи, шея»¹ [Sławski, 2: 77; Rusek 1984: 41; Boryś 2005: 223]; 'Hals (Kehle), Nacken' «шея (горло), задняя часть шеи» [Schuster-Šewc, 10: 757]; *kŕkŭ 'потилица, шия' «затылок, шея» (в статье *корки*) [ЕСУМ, 3: 26]; *kŕkŭ 'vrat, grlo' «шея, горло» [Matasović et al. 2016: 506]), или с «частными», но противоречащими друг другу (*kŕkŭ 'задна част на врат' «задняя часть шеи» [БЕР, 3: 42]; kŕkŭ 'rozgałęzienie szyi w barki' «место разветвления шеи в плечи» [Bańkowski, 1: 633]; *kŕkŭ 'krk' «шея» [ESJS, 18: 1084]; *kŕkŭ 'шия' «шея» (в статье *коркоші*) [ЕСУМ, 3: 26]²).

Если учесть, что значение «шея» в праславянском было занято словами *wŕja³ и *šja (разница между ними была, скорее всего, хронологической — *šja является более поздней инновацией), логично принять как нулевую гипотезу, что у *kŕkŭ было иное, более узкое значение. В то же время *kŕkŭ засвидетельствовано во всех основных подгруппах славянских языков, и поэтому, вопреки мнению Ф. Славского [Sławski, 2: 77], у нас нет никаких сомнений в праславянской древности этого слова (в отличие, скажем, от *wortŭ).

1.2. В славянских языках и заимствованиях из них засвидетельствованы следующие значения *kŕkŭ (мы рассматриваем только основные

¹ Здесь и далее перевод наш. — М. С.

² А. Банковский писал: «Nie przekonuje przypisywanie słowu pierwotnego znaczenia 'szyja' (z powodu czes. krk 'szyja')» (Неубедительно приписывание слову первоначального значения «шея» (в связи с чеш. krk «шея»)), не приводя, однако, никакой аргументации [Bańkowski, 1: 633].

³ Здесь и далее в праславянской реконструкции вместо более распространенного *v мы предпочитаем использовать *w — как символ, лучше отражающий качество праславянского звука.

соматические значения, игнорируя развившиеся на их основе многочисленные переносные):

а) ‘задняя часть шеи’:

— ц.-слав. *крѣкъъ* ‘αὐχὴν, cervix’ (Хроника Георгия Амартола, сербская рукопись, XIV в.; Австрийская Национальная библиотека в Вене, Cod. slav. 10) [Miklosich 1845: 40];

— пол. *kark*⁴;

— слвц. диал. *krk* / *kark*⁵ / *grg* [ASJ, архивные данные, карта tyl]⁶;

— в.-луж. (А. Френцель) *girk* ‘Hals, Genick, Nacken’ [Schuster-Šewc, 10: 756–757] (исходя из фонетики, скорее всего, следует рассматривать эту форму как богемизм, поскольку нормальный рефлекс *СъгС* в верхнелужицком — *СогС*);

б) ‘заплечье’ (как правило, в контексте ношения груза)⁷:

— болг. диал. *на крѣк* / *на крк* ‘на спине’ [БЕР, 3: 42];

— схр. диал. *na křkē* (Водице, Истрия) [Skok, 2: 203]; *na křke* (Яшичи, Истрия) [Naperotić 2016: 56]; *krke* [Gusić, Gusić 2004: 188]; *na křke* [Кожельцац 2014: 304] ‘на спине’;

— русск. диал.: смоленск. *кóркí* ‘плечи, заплечье’ [СОС, 5: 80], терск., влад. *кóрки*, причем очень показательно смоленское выражение «утекать во все корки», соответствующее литературному «убегать во все лопатки» [СРНГ, 14: 334];

— польск. диал. *na kirkak* (словакизм; см.: [Nitsch, Zborowski 1952; Kurzowa 1973; Pietraszek 1975]);

в) ‘спина’:

— польск. диал. *kark* (Радзюшки, Сейненский повет Подляского воеводства [MAGR, 8, 1, карта 393]; Стары-Кемблув, Домашев, Гужно; все — Гарволинский повет Мазовецкого воеводства (данные из картотеки Словаря польских говоров));

г) ‘длинные волосы на голове’:

— слвн. диал. *křke* [Pleteršnik 2006: 472]⁸ (ср. семантический дрейф слова **gríwa* ‘шея’ > ‘грива’; аналогичный у нем. *Mähne* ‘грива’); на старое значение, возможно, указывает топоним *Křkavče* [Snoj 2009: 215];

⁴ Из польского заимствованы укр. *карк* и бел. *ка́рак* (в говорах также *ка́рык*, *ака́рык*, *ка́рок*, *карк*, *карх* [ЛАБНГ, 5: 48]) с тем же значением.

⁵ Восточнославянская форма, не являющаяся заимствованием из польского, как могло бы показаться на первый взгляд.

⁶ Автор выражает благодарность сотрудникам Диалектологического отделения Института языкознания имени Л. Штура Словацкой академии наук за доступ к материалам Атласа.

⁷ В этом значении было заимствовано также в румынский — рум. *cârcă*.

⁸ Л. В. Куркина относит это слово к гнезду глагола **kygčiti se* напрямую, без постулирования связи с **kygъ* [Куркина 1978].

- д) 'шейный позвонок':
 — др.-чеш. *krk* (см. ниже);
 — ст.-пол. *karki* (pl.) [SP XVI, 10: 140];
- е) 'трахея':
 — др.-чеш. *krk* (см. ниже);
- ж) 'горло':
 — в.-луж. *kyrk* 'Gurgel, Kehle' (устар. *krk*; диал. *gyrk, gyrg*) [Schuster-Šewc, 10: 756–757] (вероятно, богемизм);
 — схр. *křk* засвидетельствовано в этом значении в нескольких источниках: в сербском церковнославянском переводе хроники Георгия Амартола (XIV век) [Miklosich 1977: 315]; в словаре Иоакима Стулли (Стулича), в котором *kār̥k* определяется как 'strozza; iugulum, guttur' [Stulli, 1: 312]; в «Збирка речи из Далмације и Херцеговине» Джордже Николаевича; в «Речник српскога и немачкога језика» Джордже Поповича [РСКН], 10: 594];
 — пол. диал. *kark* (Силезия, особенно Тешинская Силезия [Картотека SGP; SGŚC: 135]);
- з) 'шея':
 — чеш. *krk*. Употребляется также в значении «горло»⁹. В диалектах встречаются фонетические варианты *kerk, kryk, kyrk* [ČJA, 5: 182] и формы pluralia tantum *krky* [Bartoš 1906: 165];
 — словц. *krk*. В памятниках и диалектах также во множественном числе — *krky*; в диалектах имеются фонетические варианты *kark, kerk, grg*¹⁰, *gark, gerk, gār̥k* [HSSJ, 2: 141–142; SSN, 1: 880–881; ASJ, 1: карты 203, 275; Matejčík 1975: 181; Buffa 1953: 162];
 — в.-луж. (Френцель) *girk* 'Hals, Genick, Nacken' [Schuster-Šewc, 10: 756–757] (вероятно, богемизм);
 — польск. диал. *kark* (см. ниже);
 — ст.-укр. *коркѣ* [ЭССЯ, 13: 218, со ссылкой на картотеку Тимченко];
- и) 'грудь':
 — пол. диал. *kark* (Гай, Новомейский повят [Картотека SGP]).
- Разнообразные дериваты *kŭrkŭ имеют значение 'заплечье' (как правило, в контексте ношения ребенка или груза):

⁹ Возможно, в некоторых случаях это может быть обусловлено немецким влиянием: *bolí mě v krku* = *mein Hals tut mir weh* «у меня болит горло»; *das Wort blieb ihm im Halse stecken* = *slova se mu zasekla v hrdle/krku* «слова застряли у него в горле»; *má knedlík v krku* = *er hat ein Kloß im Hals* «у него ком в горле»; *das hängt mir zum Hals heraus* = *leze mi to krkem* «мне это осточертело»; *das Herz schlug ihm bis zum Hals herauf* = *měl srdce v krku* «у него перехватило горло»; *mein Hals ist trocken* = *uyschlo mi v krku* «у меня пересохло в горле».

¹⁰ Подобные озвончения известны, например, в моравских говорах: лит. *klokotat* — диал. *glgotat*; лит. *klacek* — диал. *glocek*; лит. *klovnout* — *glynūt*; *klouzat se* — *glzat sa* [Svěrák 1966: 111]; диал. *krkoň / grgoň* и *krkoš / grgoš* «жадина» [Svěrák 1966: 111, 124]; лит. *klacek* — диал. *glacek*; лит. *klovanec* — диал. *globanec / glvanec*; диал. *gaval / kaval* [Gregor 1959: 55].

— болг. диал. *на кърка́ч / на крѣ́кач / на крѣ́кач* ‘(носене дете) на рамене, на гръб’ [БЕР, 3: 204];

— мак. диал. *к'ркуш / на к'ркуш* ‘кога го носиш детето на шија’ [Бојковска 2003: 218];

— схр. *křkaša* ‘leđa, hrbat’ с производными; *křkaše / na křkaše* ‘na leđa, na leđima’ [Бојанић & Тривунац 2002: 193], ‘id’ [Динић 2008: 362]; *крка́ча* ‘кичма, леђа’, *крка́чѐ* ‘на леђима’ [Ђупић & Ђупић 1997: 192]; *на кркаче* ‘id’ [Кожељац 2014: 304];

— слвн. *na krkoč nesti* «нести на спине» [Pleteršnik 2006: 473];

— русск. *закорки* (обычно в выражениях *на закорках, на закорки*) ‘верхняя часть спины; заплечье’¹¹;

— русск. диал.: псковск. *корку́шки* [ПОС, 15: 245]; смоленск. *корку́шки* ‘плечи, заплечье’ [СОС, 5: 80];

— укр. диал. *коркочи / горгочи* ‘плечи’ (в контексте «посадить ребенка на плечи») [Савчук 2012: 56], *коркóши* ‘id’ [СБГ: 224], *коркóши / горгоши* ‘id’ [Онишкевич, 1: 378];

— польск. диал. *wziąć [dziecko] na korcołki* «посадить ребенка на плечи» (окрестности города Лиманова)¹² [Картотека SGP]. Несмотря на все сходство семантики этих дериватов, свести их к одному архетипу не получится (хотя в ЭССЯ реконструируется *къркушь [ЭССЯ, 13: 218]) и, по всей видимости, их следует считать параллельными независимыми новообразованиями. Соблазнительно было бы связывать с *къркь русск. диал. *коркотá* «кашель; жаба (болезнь); болезнь горла», однако данное слово скорее стоит считать новым производным от «корчить», ср. лат. *angina* от *ango* «сжимаю, сдавливаю, душу».

Существует версия, связывающая русское и украинское *корки* в выражениях *бранить / разносить / распекать / ругать на все корки*, укр. *на всі корки лаяти* с вышеупомянутым смоленским выражением *утекать во все корки* [ЕСУМ 3: 26]. На наш взгляд, более вероятной является связь с глаголами *корить, укорять*.

1.3. Ситуация в польском также заслуживает отдельного развернутого комментария.

В отличие от литературного языка, где *kark* обозначает только заднюю часть шеи, в польских диалектах, как показывают материалы

¹¹ Есть альтернативные этимологии от *закукорки (ср. рус. диал. *кукры* «заплечье») с гаплогонимией [КрЭС 1975: 154] и от *закортки [Шанский, 6: 39].

¹² Прочие польские диалектные примеры, вероятно, заимствованы из украинского или словацкого: *wziąć dziecko na korkosze [kurkošy]* (кресовый говор окрестностей Бучача, Украина); *na kyrkoły / kierkoły wziąć; na kierkołak nieść* (в контексте ношения груза) (Подгале, деревни Хохолув, Цихе, Канювка, Витув) [Kurkowa 1973]; *na kierkusach / na kierkusu* (в контексте ношения груза) (Силезские Бескиды, деревни Истебна, Конякув, Явожинка) [Pospiszylowa 1975].

Общеславянского лингвистического атласа, обнаруживается довольно широкий ареал слова *kark* в значении «шея». Оно может употребляться как единственное обозначение шеи (пункты 254, 289, 314, 325, 326), так и наряду с *šyja* или *syja* (*šyja* / *syja* как литературное — пункты 248, 249, 269, 308, 320; *šyja* как редкое — 257, 270, 322; без комментария о различии — 245, 291, 303, 321) [ОЛА 9: 86–87].

Дополнительный материал из Силезии содержится в «Языковом атласе Силезии» [AJS 4–1, карта 621; AJS 4–2: 32]), где появляются также формы, адаптирующие чешский слогообразующий сонант *r* при помощи вставки гласного (*kyrk*, *kŕrk*). Похожую ситуацию (однако источником является словацкий) мы находим в оравских говорах (малопольский диалект): *kark* ~ *kyrk*¹³.

Польские диалектные примеры показывают, что *kark* «шея» имеет довольно широкое распространение (далеко выходящее за пределы польско-чешского и польско-словацкого пограничья), хотя под натиском литературного языка этот ареал уменьшается. К сожалению, трудно определить ареал значения «задняя часть шеи», которое, с одной стороны, под влиянием тех же самых факторов распространяется в последние десятилетия, а с другой — не всегда записывается исследователями, исповедующими дифференциальный подход к описанию говоров. Значения «горло», «спина, часть спины» и, наконец, «грудь» являются инновациями с очень маленьким ареалом (см. 1.2).

Слово *kark* не фиксируется в памятниках древнепольской эпохи (т. е. приблизительно до 1500 г.). Лишь в первой половине XVI в. (ср.: [SP XVI, 10: 140]) оно появляется в значениях «шейный позвонок» (2 записи), «задняя часть шеи, граничащая со спиной» (2 записи). Второе значение, несомненно, появляется и начинает доминировать только со второй половины XVI в., в то время как первое до конца столетия повторяется уже только в источниках лексикографического характера.

Следует особо отметить, что *kark* в среднепольский период часто используется во множественном числе — *karki*.

1.4. Как нам кажется, ключевым для изучения динамики семантики праславянского *kŕkŕ является древнечешский материал.

¹³ Ю. Консь глоссирует эти формы следующим образом: «w znaczeniu ogólnopolskim» (в общепольском значении) [Kaś, 1: 408, 517]. Однако первый же приведенный им пример это опровергает: «A to gwarzo, coby nosił czerwone tu pod karkiem, to tie ocy, ze zaraz ido, na to czerwone poźro, ze sie nie stanie z ocy» (А говорят, чтобы носить красное тут под шеей, это из-за глаз, что вот идут, на это красное посмотрят, и из-за глаз [ничего] не случится) (Гладовка, Словакия). Очевидно, что вешать красную нить или ткань от глаза на спине бессмысленно, ее место на груди. Поэтому, конечно, в этом контексте речь идет не о задней части шеи, а о передней.

Впервые слово *krk* засвидетельствовано в глоссариях XIV в. магистра Кларета (1320–1370): *collum — sygye / ssige [...]* *guttur — hrdlo [...]* *rumen — hrtan [...]* *arteria — krk* (Bohemář, строка 423; Glosář, строка 1288) [Flajšhans, 1: 54, 153]. Важно, что *krk* появляется среди частей шеи, а не в списке названий артерий, частично изобретенных самим Кларетом, который следует несколько дальше [Flajšhans, 1: 154–155]. Это позволяет утверждать, что слово *arteria* употреблено не в значении «артерия», а в другом из значений, возможных для латыни: «трахея» [OLD 1968: 176]^{14, 15}. Выражением *krki zlata* переводится лат. *duo rostra aurea* в Книге Захарии (4,12¹⁶) в первой редакции древнечешской Библии, переведенной с латыни в середине XIV в. (Оломоуцкая библия — *krki zlatta*; Литомнержицко-тршебоньская библия — *krki zlata* [*Bible olomoucká; Bible litoměřicko-třeboňská*], и сохраняется в Библии босковицкой (вторая редакция — <krky zlata> [*Bible boskovická*])¹⁷. При этом в значении 'collum' в библиях первой редакции употребляются слова *šije* и *hrdlo*.

Более поздние латинско-чешские словари дают близкие толкования: *frumen — krk vel hlet*; *iugulum — krk* («Latinsko-české slovníky z rukopisu ostřihomského», 2-я половина XV в.; Esztergomi Főszékesegyházi Könyvtár, Эстергом, Венгрия, Ms. II 8; л. 81 и 88) [STB]. В некоторых контекстах *krk*, вероятно, мог обозначать шейный позвонок.

Так, в следующем отрывке речь идет, судя по всему, о вывихе именно шейного позвонка: «Proti nalomení krku. Tomu hned rozevři usta dřevem na prst ztlúšti, polože je mezi zuby. A pak za hlavu ujma a kolenoma zapra v pleci jeho, táhniž silně hlavu vzhuoru, ať se napraví krk. A potom pomaz hrdla vuokol mastí dialtheú» (Против надломления *krku*. Сразу открой ему рот деревяшкой в палец толщиной, положив ее между зубами. А потом возмись за голову, упрись коленями в спину, тяни сильно голову вверх, чтобы вправить *krk*. А потом помажь вокруг шеи мазью диалтейей) («Lékařství neznámého františkána», сер. XV в., Национальная библиотека Чешской республики, NK XVII B 18; л. 109r) [STB].

¹⁴ Вопреки Фляйшгансу и Божко, которые полагают, что мы имеем дело с метонимическим употреблением слова *krk* в значении «шейная артерия» [Flajšhans, 2: 319; Božko 1994: 145]. В том же русле следует «Slovník středověké latiny v českých zemích», который дает для *arteria* следующие значения: «трахея; артерия; гортань; шейная артерия, шея», иллюстрируя последнее значение ссылками на Кларета [SSL].

¹⁵ В то же время сонная артерия в древнечешском обозначалась словом *krkavicě*, которое сохранилось в современном литературном языке в виде *krkavice*.

¹⁶ «et respondi secundo et dixi ad eum quid sunt duae spicae olivarum quae sunt iuxta duo rostra aurea in quibus sunt suffusoria ex auro» (Вторично стал я говорить и сказал ему: что значат две масличные ветви, которые через две золотые трубочки изливают из себя золото?).

¹⁷ В более поздних редакциях: *podle dwu hrdel zlatych, na dwu berlu zlatu*.

Еще более показательный пример мы находим в чешском переводе «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна: «Telagenus [...] na jednoho z těch strážných se odda a pěstí na vaz hrdla jeho tak silně udeří, až jemu krk přerazi, že pad i umře» (Телаген [...] бросился на одного из этих стражников и кулаком в заднюю часть *hrdla* его так сильно ударил, что *krk* ему перебил и тот упал и умер) («Kronika trojánská», 1469 г., Национальная библиотека Чешской республики, XVII B 6; л. 170r) [STB].

Как и в предыдущем контексте, в шею в целом обозначает *hrdlo*. Ударив в *vaz*, то есть в заднюю часть шеи, Телаген ломает *krk*. Если сопоставить цитируемый фрагмент с латинским оригиналом, то выясняется, что как *vaz hrdla*, так и *krk* переводят словосочетание *catena colli*: «Thelagonus [...] in vnum ex predictis custodibus iurruit, et pugno clauso sic potenter in cathena colli percussit quod, eius fracta cathena colli, protinus expiravit» (Телагон [...] на одного из упомянутых стражников бросился и сжатым кулаком так сильно в *cathena colli* ударил, что у того сломалась *cathena colli*, и он тут же умер) [Griffin 1936: 271].

Понять, что такое *catena colli*, «цепь шеи», помогают французские данные. Лоран Жубер (1529–1583) в трактате «Annotations sur toute la chirurgie de Mr. Guy de Chauliac» писал: «Chaîne du col, c'est catena colli des barbares. [...] c'est ce que les latins nomment ceruix, partie postérieure du col» (Цепь шеи [...] это то, что по-латыни называется *cervix*, задняя часть шеи) [Joubert 1598: 302]. Это подтверждают данные и других старофранцузских источников [Godefroy, 2: 28].

Для нас не лишен интереса принцип, по которому задняя часть шеи получила такое название: по всей видимости, это связано с тем, что шейные позвонки, виднеющиеся под кожей, напоминают звенья цепи. Аналогично в чешском слово *páteř* «четки» получило новое значение — «позвоночник».

Таким образом, в обоих анализируемых древнечешских фрагментах обозначением шеи в целом служит *hrdlo*, во втором из них (как и в современном чешском) задняя часть шеи называется словом *vaz*, а *krk* — это некая часть шеи, которую можно вправить или сломать. Мы полагаем, что речь идет о шейных позвонках.

Уже с середины XV в. у *krk* начинает фиксироваться значение «шея»: «Také Sokratesovi, mudrci atenienskému, zdálo se ve snách, by z oltáře Veneris, té bohyně, jenž bieše v Atademi, jemu labut přinesli, ana ztáhla krk nad vidění lidské a tak jasným a veselým hlasem zpívajíc, že vešken svět utěšila» (Также Сократу, афинскому мудрецу, снилось, будто бы ему с алтаря Венеры, богини, который был в Академии, принесли лебедя, и он вытянул *krk* дальше, чем видит человеческий глаз, и таким звон-

ким и веселым голосом запел, что весь мир обрадовал) («Snář Vavřince z Březové», около 1450 г., Моравская земская библиотека, Mk 14; л. 15r) [STB].

Еще один показательный пример: «A nemocný aby hlavy doluov rochyloval podlé sochy, skrčiti krk, zveda čelo nahoru» (А больной чтобы голову наклонял вниз под стропилом, должен сгибать *krk*, поднимая лоб вверх) («Knihy lékařské», 1502–1503, Моравская земская библиотека, Rkp 156; л. 111r) [STB].

Таким образом, в древнечешских контекстах *krk* выступает в трех ипостасях: 1) трахея (?); 2) шейный позвонок; 3) шея вообще. Этот факт, как будет показано далее, является крайне важным для установления праязыковой семантики **kʷrkʷ* и его этимологии.

1.5. Значения, представленные в восточно- и южнославянском ареалах, а также часть древнечешских и польских форм говорят в пользу назначения «задняя часть шеи (особенно в контексте ношения грузов)». Древнечешское *krk* «трахея», лужицкое *kyrk*, схр. *krk*, а также часть польских форм этому будто бы противоречат, поскольку обозначают прямо противоположную часть шеи. Может показаться, что отправной точкой могла бы являться семантика «шея вообще», однако в позднем праславянском в этом значении довольно надежно реконструируется слово **šja* (которое, вероятно, вытеснило более раннее **wja*).

Характерно, что в древнечешском в рамках одной лексемы уживаются противоположные значения «трахея / *vertebra prominens*» (при этом значение «шея вообще» занято словом *šjě*, позднее также *hrdlo*).

С типологической точки зрения такая полисемия не является чем-то уникальным. Сравним со следующими примерами:

— албанский: *arrë* «грецкий орех» > *arrëz* «атлант / кадык» [Newmark 1999: 27];

— прабалт. **rajš-* > лит. *riėšutas* «грецкий орех»; *riėšas* «запястье / (диал.) бабка (сустав над конским копытом) / (диал.) незрелое зерно в колосе» [Smoczyński 2007: 515];

— др.-рус. клоубъ «клуб, клубок; соединение лопатки и плечевой кости», бел. диал. «бедро, тазобедренный сустав» чеш. *kloub* «сустав», др.-польск. *kłab* «клубок; выпуклая кость у основания шеи», польск. *kłab* «холка лошади (при измерении высоты)» и др. [ЭССЯ, 10: 74–75];

— русск. *бабка* «сустав» при макед. *банка* «зоб / глотка, гортань, горло / свинка / шишка / опухоль / ком» [ЭССЯ, 1: 115–117];

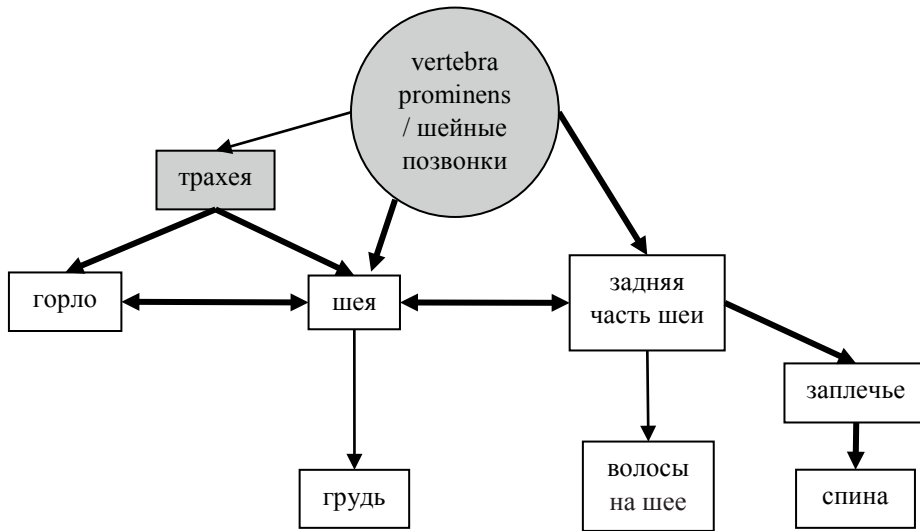
— польск. диал. *chrup* «кадык / хребет» [SGP, 10: 78];

— польск. диал. *chrupek* «кадык / хрящ» [Ibid.: 79];

- польск. диал. *chrapec* «хребет, позвоночник / гортань / кадык» [Ibid.: 66];
- рус. диал. *вихлец* «копчик / позвоночник / затылок / ступня / вывих / хвост» [СРНГ, 4: 304];
- рус. диал. *дыхало* «кадык / нос / грудь (?) / затылок» [СРНГ, 8: 298];
- рус. диал. *козonoк* / *козано́к* «сустав пальца / выступающая со стороны мизинца кость запястья / кисть руки, запястье / позвонок / бабка (игральная кость)» [СРНГ, 14: 72–73];
- рус. диал. *пéлька* «кадык / холка / волосы, кудри, космы» [СРНГ, 25: 333];
- рус. диал. *позвонок* «позвонок / сустав пальца» [СРНГ, 28: 324].

На этих примерах, список которых можно многократно расширить, мы наблюдаем, как названия твердых подкожных образований, визуально выступающих над поверхностью тела, с легкостью распространяются с одного на другое. Древнечешские данные в эту картину прекрасно укладываются. В связи с тем, что значения, относящиеся к передней части шеи, засвидетельствованы только в ограниченном западнославянском ареале и лишь как гапакс в сербо-хорватских памятниках, логично предположить, что это поздняя инновация, а назначением слова *kŭrkŭ было именно «vertebra prominens», и, возможно, оно употреблялось также во множественном числе в значении «шейные позвонки» (вспомним среднепольские *karki*, а также чешские и словацкие диалектные формы типа *krky*). Уже вторично в западнославянских и сербохорватском языках состоялся перенос этого значения на кадык или трахею. С другой стороны, в польском, восточнославянских языках и части южнославянского ареала произошло расширение значения: «шейные позвонки» > «задняя часть шеи». В качестве семантической параллели можно упомянуть польск. диал. *kręgi* «задняя часть шеи» [AGM, 8: 399]. В свою очередь, в чешском, словацком и в части польского ареала также произошло расширение значения «трахея» > «шея вообще», и в данном случае мы располагаем параллелями для подобного семантического перехода. В чешских диалектах континуанты *gŕtanь «гортань» могут расширять свою семантику: «tyn mo hrtuň jak byk» (у него шея как у быка) [Zemanová et al. 2010: 71]; «zakróťím ti chrtáň» (я тебе шею сверну) [Gregor 1959: 69].

Схематически историю семантики праславянского *kŭrkŭ и его потомков можно представить следующим образом:

Комментарий к схеме: серым цветом обозначены значения, не встречающиеся в современных языках; жирным выделены случаи синекдохи.

2. Этимология

Множество гипотез и предположений, которые высказывались по поводу этимологии слова *кѣгкѣ, складываются в причудливую мозаику, которая с большим трудом поддается систематизации. Однако среди основных версий можно выделить две группы — «корневую» и онома-топозэтическую.

2.1.1. Рассмотрим слова, с которыми *кѣгкѣ сближали в рамках славянских языков. В первую очередь, следует отбросить фонетически невозможные варианты. К ним относятся:

— чеш. *kruh* «круг», *křivý* «кривой», *žrát* «жрать», *hrdlo* «горло», *hltat* «глотать» [Holub, Korešný 1952: 187];

— бел. *корх* «кулак»¹⁸ [Pokorny 1959: 935];

— производные от *kręk-/*krōk-: рус. *крякать*, *кряч*, *крячить*, ц.-сл. *кручина*, слвн. *ukrokniti*, *ukročiti*, чеш. *kručina*, пол. *kręcz* [Pokorny 1959: 935–936].

Куда большего внимания заслуживают следующие случаи:

— *кѣгъсѣ / *кѣгъса «выкорчеванный пенёк; судорога» [Brückner 1888: 133¹⁹; Sławski, 2: 77; Pokorny 1959: 935; ЭССЯ, 13: 210–211];

¹⁸ Восходит к праслав. *кѣгхъ [ЭССЯ, 13: 215].

¹⁹ Брюкнер приводит только чеш. *krč* и пол. *karcz*.

- *gъгъ / *gъгъа — вариант предыдущего [ЭССЯ, 7: 202];
- *kъгъċiti «корчевать; корчить» [Brückner 1888: 133; Sławski, 2: 77; Pokorný 1959: 935; ЭССЯ, 13: 209–210] (дискуссию о том, можно ли объединять *kъгъċiti «корчевать» и *kъгъċiti «корчить» см. в [Варбот 2016: 137–138])²⁰;
- *gъгъċiti — вариант предыдущего [ЭССЯ, 7: 201–202];
- *kъгъа «?» [ЭССЯ, 13: 214; Siatkowski 2012: 122];
- *kъгъkula / *kъгъkuly (ъ) «?» [ЭССЯ, 13: 217–218];
- *kъгъċagъ / *kъгъċaga «корчага» как «сосуд с (длинным) горлом» от *kъгъкъ [ЭССЯ, 13: 207–208] (что, конечно, плохо коррелирует с предлагаемой нами семантикой *kъгъкъ, мы считаем, что здесь скорее следует усматривать связь с пнем);
- чеш. диал. *krkoška*, пол. *karkosz*, *karkoszowy*, *karkoszka* «суковатая ветка» [Brückner 1888: 133–134; Pokorný 1959: 935];
- слов. *krkva* «складка» [Pokorný 1959: 935] (у Покорного дается как чешское диалектное);
- слов. *skrċniti se* «затвердеть, сгуститься» и схр. *skrċnuti se* «загустеть, сгуститься» [Варбот 2016: 139–140].

Чтобы понять, как эти слова соотносятся с *kъгъкъ (и соотносятся ли), необходимо попробовать выйти за пределы славянских языков.

2.1.2. Если отвергнуть фонетически неприемлемые предположения о связи с др.-сканд. *kverk* «горло», лат. *gurges* «пучина, бездна», др.-инд. *gárgarah* «водоворот» [Machek 1968: 293] и нем. *schräg* «косой» [Pokorný 1959: 935], за пределами славянской группы слово *kъгъкъ сопоставляли с:

- д.-в.-н. *hrucki* (> совр. нем. *Rücken*) «спина» [Holub, Korešný 1952: 187; Skok, 2: 203];
- греч. *κρίκος* ~ *κίρκος* «кольцо» и лат. *circus* «круг» [Holub, Korešný 1952: 187; Pokorný 1959: 935];
- греч. *κροωνίς* «искривленный» [Holub, Korešný 1952: 187];
- галльск. *cricon* / *gricon* «горло» (сопоставление сделано А. Пикте и О. Хаасом [Meid, Anreiter 2005: 66]);
- др.-инд. *krkaḥ* «гортань» и *kṛkāṭam*²¹ «шейный сустав» (Атхарва-веда IX.7.1), которое, возможно, образовано от *krkaḥ* [Miklosich 1886: 156; Berneker 1908: 668; Sławski, 2: 77];
- лит. *kárka* «свиная нога до колена» [Miklosich 1886: 156].

²⁰ Не вполне понятно, как с этим гнездом соотносится бел. диал. *карачун* / *корачун* «березовый веник; старый ободраный веник; коряга; сгорбленный, сутулый, кривоногий человек» [ДСБ, 88–89].

²¹ Существуют предположения о заимствованном характере этого слова, однако Майрхофер их отвергает [Mayrhofer, 1: 388–389].

Ю. Покорный, основываясь на древнеиндийско-греческо-латинско-германско-славянском соответствии, реконструировал расширение корня *(s)ker- «крутить, гнуть» детерминативом -k-: *kerk- / *kirk- / *kikro- / *(s)krek- / *(s)krenk- [Pokorny 1959: 935–936]. В. Борысь на основе этой гипотезы реконструирует этимологическое значение *kъrkъ как ‘to, so się obraca, kręci’ [Boryś 2005: 223]. В ЭССЯ высказана гипотеза о существовании п.-и.-е. *kŕk- «экспрессивное образование, передающее идею узловатости, верчения и т. п.» [ЭССЯ, 13: 218–219].

Однако рассмотрим перечисленные выше слова пристальнее.

Литовское *kárka*, конечно, в первую очередь надо сближать не с *kъrkъ, а *korkъ (> болг. *крак* «нога», пол. *krok* «шаг» и т. д. [ЭССЯ, 11: 77–80]), которому оно прекрасно соответствует формально и семантически.

Древневерхнемецкое *hrucki* (прагерм. *xrugjaz) по фонетике не соответствует славянскому слову²², и его сближают в первую очередь с латинским *crux* «крест», не исключая при этом возможности субстратного происхождения в силу того, что корень *kruk- был невозможен в праиндоевропейском, поскольку один и тот же согласный не мог повторяться в корне²³ [Orel 2003: 189; de Vaan 2008: 147–148; Kroonen 2013: 250].

Латинское *circus*, вполне вероятно, является заимствованием из греческого *κίρκος* [de Vaan 2008: 115], которое само не вполне ясного (не исключено, что неиндоевропейского) происхождения [Beekes 2010: 779].

Греческое *χορώνις*, скорее всего, является производным от *χορώνη* «ворона; корона» [Beekes 2010: 758–759].

Галльская форма довольно сомнительна в целом. Речь идет о записи заговора, возможно, от болезни горла, включенной в «De medicamentis liber» Марцелла Эмпирика, V в.: *xi exucricone xi criglionaisus scrisumiovelor exugricone xi grilau*. Надпись не имеет однозначного чтения. Г. Муст читал это следующим образом: «Xi exu cricon, exu criglion, Aisus, scri-su mio velor exu gricon, exu grilau» (Rub out of the throat, out of the gullet, Aisus, remove thou thyself my evil out of the throat, out of the gorge / Убирайся из горла, из глотки, Айсус, сам устрани зло из моего горла, из глотки) [Must 1960]. Однако Л. Флёрю предлагал совершенно иное чтение: «exucri conexucri glion aisus scrisumio uelor exugri conexugri lau» (Fuis, va-t-en, chose collante! Aisus, je veux cracher! Fuis, va-t-en, mal! / Убегай, уходи, клейкая вещь! Айсус, мне хочется плевать! Убегай, уходи, зло) [Sornicola 1989: 245].

²² Прагерманский *-g- может соответствовать праславянскому *-k- по закону Вернера, но закон Вернера в данном случае мог бы действовать только в случае, если бы корневой гласный был безударным. Однако *kъrkъ имеет ударение на корне. Кроме того, слоговый *ŕ давал в прагерманском *ug, а не *gu.

²³ См. верификацию этой гипотезы на современном материале в [Cooper 2009: 59].

Наиболее очевидным, на первый взгляд, кажется сближение *kŭrkŭ с древнеиндийскими формами, однако и с ними не все так гладко: объяснить, как именно *kṛkāṭam* могло бы быть образовано от *kṛkaḥ*, довольно затруднительно [Mayrhofer, 1: 388–389]. Нельзя не обратить внимания на почти полное совпадение семантики *kŭrkŭ и *kṛkāṭam*, однако, опять же, поскольку *kṛkāṭam* является производным (с неясным формантом, долгий гласный и ретрофлексный согласный которого затрудняют выведение из какого-либо праиндоевропейского архетипа), то это совпадение не имеет большого веса.

На структурном уровне появляется еще одна проблема: потенциальная реконструкция п.-и.-е. *kŭrk- (если не обращать внимания на морфологический статус второго *k*) не учитывает просодии славянского слова, которое, вероятнее всего, имело акут на первом слоге²⁴, а значит, в этом корне когда-то был ларингальный согласный (*kŭHk-). В этом плане славянская и древнеиндийские формы не соответствуют друг другу.

Обращаясь к поискам праиндоевропейского корня, от которого могло бы быть произведено *kŭrkŭ, отметим, что, как было показано выше, материала для реконструкции *kerk- явно не хватает. Более того, злоупотребление Покорным «детерминативами» давно и заслуженно критикуется в лингвистической среде, и, как мы полагаем, рассматривать *-k- как «пустой» расширитель корня было бы крайне нежелательно. В то же время, поскольку структура *kerk- противоречит современным представлениям о возможной структуре индоевропейского корня, логично было бы видеть в *-k- суффикс. Такой суффикс в праславянском действительно мог образовывать deverbatives: *znati «знать» > *znakъ «знак», *tyti «толстеть» > *tukъ «жир», *zyŕeti «смотреть» > *zorkъ «зрение» [SP, 1: 89], п.-и.-е. *b^herH- «обрабатывать острым орудием» > *bŭrkŭ «очин пера» (анализ этимологии этого слова см. подробнее в [Саенко 2019])²⁵.

Наконец, как уже было сказано выше, акцентуация сербохорватских и словенских потомков *kŭrkŭ склоняет нас в пользу реконструкции корня этого слова с акутовой интонацией, что, в свою очередь, говорит о том, что когда-то в нем присутствовал ларингал.

В этом случае наиболее подходящим кандидатом на роль производящей основы становится *kerH- «вешать» [LIV 2001: 353]. Внутренняя форма — «часть тела, на которую вешают, кладут грузы при переноске».

²⁴ Ср. в пункте 1 сербохорватские данные, хоть и скудные, но происходящие из чакавских говоров Истрии, сохранивших архаичную акцентную систему, которым не противоречит прочий материал; кроме того, кажется, ничто в материале не говорит в пользу реконструкции циркумфлекса.

²⁵ Некоторой проблемой для этой этимологии является отсутствие акута в *bŭrkŭ, несмотря на ларингал в корне *b^herH-.

В качестве частичной семантической параллели может выступать алб. *zverk* «задняя часть шеи» < *vjerr* «вешать» [Orel 1998: 526–527].

Нельзя не упомянуть о том, что почти аналогичная этимология была в свое время предложена О. Н. Трубачевым для праслав. **korĭkъ* «нога животного» [Трубачев 2004: 618–619]. Однако **korĭkъ* восстанавливается с циркумфлектированной интонацией²⁶ и в связи с этим не может быть возведено к **kerH-*. Исходя из этого, а также учитывая семантику, логично было бы видеть его корень в **k^wer-* «резать» [LIV 2001: 391–392].

2.2. Ономатопоэтическая версия

К. Треймер сопоставил **kъrkъ* с абхазским *a-kaṛkы* «глотка, гортань»²⁷ и удинским *qoq* «горло» [Treimer 1961: 99]. В дальнейшем в этом направлении пошел В. И. Абаев, который, этимологизируя осет. *xûrx* / *xorx* «горло, глотка», посчитал праславянское слово, как и многие другие индоевропейские и неиндоевропейские формы (арм. *kokord*²⁸, груз. *xorxi*, мегр., чан. *xurxi*, сван. *qarq*²⁹, абх. *a-kaṛkы*^{30, 31}, каб. *къуркъ*³², агул. *къуркъ* «шея, горло»³³, финск. *kurkki*, эст. *kurk*, морд. *korgá*³⁴, *киръга*³⁵ (эрз.) «шея, горло», *кургона*³⁶ (мокш.) «горлышко», коми *гырк*³⁷ «грудная и брюшная полости») звукосимволическими и даже назвал подобные наименования горла идеофонической универсалией [Абаев 4: 249–250]. Абаев не раскрывает свою мысль, но, вероятно, речь идет о подражании звукам глотания или кашля. К мнению Абаева присоединяется также Х. Шустер-Шевц [Schuster-Šewc 2003: 111].

Действительно, сходство между осетинским *xûrx* / *xorx* и картвельскими формами (др.-груз. *qorqi* «горло, глотка», мегр. и лаз. *xurxi* «горло,

²⁶ Отметим, что разница в интонации между **kъrkъ* и **korĭkъ* опровергает гипотезу В. М. Мокиенко о родственности этих слов [Мокиенко 1986: 92–99].

²⁷ В оригинале *qyrqy* с «чистыми» *q* вместо глоттализированных.

²⁸ В оригинале *k'ok'ord* с придыхательными вместо «чистых».

²⁹ В оригинале *qhargh*.

³⁰ В оригинале *qarqə* с «чистыми» *q* вместо глоттализированных.

³¹ А. Шифнер предположил, что в данном случае мы имеем дело с осетинским заимствованием в абхазском, против чего возражал А. К. Шагиров, присоединившийся к ономатопоэтической версии происхождения обоих слов [Шагиров 1989: 158].

³² В оригинале *qurq*.

³³ В оригинале *qurq* с «чистыми» *q* вместо глоттализированных.

³⁴ Этой формы нам не удалось найти в доступных мордовских словарях.

³⁵ В оригинале *kirga*.

³⁶ В оригинале *kurgoŋa*.

³⁷ В оригинале *gyrk*.

шея» [Fähnrich 2007: 708]) вряд ли можно считать случайным — семантика и форма совпадают почти полностью. Однако если современные картвельские формы выводятся из древнегрузинской (переход *q* > *x* наблюдается в части современных картвельских идиомов: др.-груз. *qorci* — мегр. *xorci*, лаз. *xorci* «мясо» [Fähnrich 2007: 707–708], др.-груз. *qeli* — мегр. *xe*, лаз. *xe* «рука» [Fähnrich 2007: 702]), то осетинское слово является в своем таксоне изолированным, поэтому логичнее было бы считать его заимствованием.

Армянская форма этимологизируется как производное от *ker*-«есть» [Martirosyan 2010: 368].

С. Л. Николаев и С. А. Старостин на основе гинухского *qelq*, лакского *qaqari*, акушинского *sus-qaqa*, чирагского *qaqare*, лезгинского *karvar*, табасаранского *qarqar*, агульского *qurq*, рутульского *qaqar-ak*, арчинского *qaqara*, удинского *q:og:*, абазинского *qarqə*, адыгейского *pśa-gʷərqi*, кабардинского *pśa-kʷəq:* «задняя часть шеи» (все, кроме кабардинского, имеют значение «горло») реконструировали прасеверокавказское *qāqari / *qāraqi «горло» экспрессивного происхождения [Nikolayev, Starostin 1994: 909].

Финское *kurkku* «горло» иногда считают германизмом [Häkkinen 2007: 518], против чего возражал уже В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1971: 235]. Согласно К. Редей, это, а также другие финно-угорские слова восходят к прафинноугорскому *kirkz ‘Inneres; Höhlung’ [Rédei 1988: 161]. В этом случае семантический дрейф, вероятно, шел по пути «нутро > горло», и уже в связи с этим весьма сложно было бы ставить финно-угорский пример в один ряд с кавказскими.

Таким образом, если исключить из ряда, предложенного Абаевым, осетинскую, армянскую, славянскую и финно-угорские формы, у нас останутся только картвельские и северокавказские названия горла. Мы вполне допускаем, что они могут иметь оноματοпоэтическое происхождение (это вполне возможно и в славянских языках, ср. чешские *krknout* «отрыгнуть» и *krkavec* «ворон», восходящие к звукоподражаниям), однако ключевым в данном случае является тот факт, что кавказские формы в первую очередь имеют значение «горло». И если давать название горлу по издаваемому им звуку вполне логично, то в ситуации с шейным позвонком (если, конечно, наша реконструкция исходной семантики слова *kŭrkŭ верна) это выглядит довольно странно.

Помимо семантики важным аргументом против оноματοпоэтической версии служит также фонетика *kŭrkŭ. Как уже упоминалось выше, акутовая интонация заставляет нас считать, что раньше в этом корне был ларингал, чего вряд ли следовало ожидать в случае, если в основе этого слова лежало звукоподражание структуры KrK. Звуко-

подражательная версия выглядит несколько более логичной только в том случае, если отнести ее к эпохе после исчезновения ларингальных в прабалтославянском языке и образования акута (вне зависимости от того, являлся ли акут особой интонацией или глоттализацией).

3. Выводы

Все вышеописанное можно изложить в виде следующих выводов:

а) вероятнее всего, значение праславянского слова *kъrkъ можно реконструировать как «vertebra prominens / шейные позвонки»;

б) за пределами славянских языков у *kъrkъ почти нет родственников. Единственные кандидаты — санскритские *kr̥kaḥ «гортань» и kṛkātam «шейный сустав»;

в) ономатопоэтическая этимология *kъrkъ кажется маловероятной, если учитывать первоначальную семантику этого слова. Вопреки Абаеву, в случае обозначений горла типом KṛK нельзя говорить об идеофонической универсалии. Такие названия ограничены Кавказом.

г) -k- в *kъrkъ является суффиксом.

На роль корня может претендовать *kerH- ‘вешать’, и тогда внутренняя форма *kъrkъ — ‘часть тела, на которую вешают, кладут грузы при переноске’.

Библиография

Источники

Картотека SGP

Картотека Словаря польских говоров = Słownik gwar polskich (Zakład Dialektologii Polskiej, Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków).

Bible boskovická

Bible boskovická, 1415, Online edition: Vědecká knihovna v Olomouci, 2003 (<http://www.digitalniknihovna.cz/vkol/uuid/uuid:1ac5684c-78ff-475a-baad-fc4642231436>).

Bible litoměřicko-třeboňská

Bible litoměřicko-třeboňská, 1409–1414, Online edition: Digital Archivu Státní oblastní archiv v Třeboni (<https://digi.ceskearchivy.cz/146>).

Bible olomoucká

Vědecká knihovna v Olomouci, M III 1/II, Bible olomoucká, 1417, Online edition: Manuscriptorium. Digital Library of Written Cultural Heritage (http://www.manuscriptorium.com/apps/index.php?direct=record&pid=AIPDIG-VKO___M_III_1_II__1C75B1E-cs).

Литература

Абаев, 1–4

Абаев В. И., *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, 1–4, Москва, Ленинград, 1958–1989.

БЕР, 1–7–

Български етимологичен речник, 1–7–, София, 1971–2010–.

Бојанић & Тривунац 2002

Бојанић М., Тривунац Р., *Рјечник дубровачког говора*, Београд, 2002.

Бојковска 2003

Бојковска С., *Мегленскиот говор*, Скопје, 2006.

Варбот 2016

Варбот Ж. Ж., Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем, *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*, 8, 2016, 136–143.

Динић 2008

Динић Ј., *Тимочки дијалекатски речник*, Београд, 2008.

ДСБ

Дыялектны слоўнік Брэстчыны, Мінск, 1989.

ЕСУМ, 1–6

Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Зайков, Ругоева 1999

Зайков П. М., Ругоева Л. И., *Карельско-русский словарь (северные диалекты)*, Петрозаводск, 1999.

Иллич-Свитыч 1971

Иллич-Свитыч В. М., *Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь*, 1 (b–K), Москва, 1971.

Кожељац 2014

Кожељац Љ. Р., *Речник тимочког говора*, Неготин, 2014.

КрЭС 1975

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва, 1975.

Куркина 1978

Куркина Л. В., Заметки по словенской этимологии, *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1976*, Москва, 1978, 284–286.

ЛАБНГ

Лексичны атлас беларускіх народных гавораў, 1–5, Мінск, 1993–1998.

Мокиенко 1986

Мокиенко В. М., *Образы русской речи*, Ленинград, 1986.

ОЛА 9

Siatkowski J., Waniakowa J., ред., *Общеславянский лингвистический атлас: Серия лексико-словообразовательная*, 9: Человек, Kraków, 2009.

Онишкевич, 1–2

Онишкевич М. Й., *Словник бойківських говірок*, 1–2, Київ, 1984.

ПОС, 1–27–

Псковский областной словарь, 1–27–, Ленинград, С.-Петербург, 1967–2017–.

РСКНЈ, 1–19–

Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1–19–, Београд, 1959–2014–.

Савчук 2012

Савчук Д. П., *Словник українських говірок Карпатського регіону*, Київ, Косів, 2012.

Саенко 2019

Саенко М. Н., Бывают ли усы до плеч: семантика праславянского *bъrkъ и ее дрейф в языках-потомках, *Linguistica Brunensia*, 67/2, 2019, 39–56.

СБГ

Словник буковинських говірок, Чернівці, 2005.

СОС, 1–11

Смоленский областной словарь, 1–11, Смоленск, 1974–2005.

СРГК, 1–4

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, С.-Петербург, 1994–2005.

СРНГ, 1–50–

Словарь русских народных говоров, 1–50–, Москва, 1965–2017–.

Трубачев 2004

Трубачев О. Н., *Slawische Etymologien* 20–23, Idem, *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*, 1, Москва, 2004, 618–622.

Тупић & Тупић 1997

Тупић Д., Тупић Ж., *Речник говора Загараца*, Београд, 1997.

Шагиров 1989

Шагиров А. К., *Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков*, Москва, 1989.

Шанский, 1–10

Шанский Н. М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–10, Москва, 1963–2007.

ЭССЯ, 1–41

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1–41–, Москва, 1974–2018–.

AGM, 1–8

Atlas gwar mazowieckich, 1–8, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1971–1987.

AJŚ, 1–8

Atlas językowy Śląska, 1–8, Kraków, Warszawa, 1969–1996.

ASJ, 1–4–

Atlas slovenského jazyka, 1–4–, 1968–1984–.

Bańkowski, 1–2

Bańkowski A., *Etymologiczny słownik języka polskiego*, 1–2, Warszawa, 2000.

Bartoš 1906

Bartoš F., *Dialektický slovník moravský*, Praha, 1906.

Beekes 2010

Beekes R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.

Berneker 1908

Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1908.

Boryś 2005

Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.

Božko 1994

Božko B., *Z nazw części ciała w słownikach Klareta*, *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*, 4, 1994, 139–155.

Brückner 1888

Brückner A., *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von Franz Miklosich*. *Kritischer Anzeiger*, *Archiv für slavische Philologie*, 11, 1888, 112–143.

Buffa 1953

Buffa F., *Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese*, Bratislava, 1953.

Cooper 2009

Cooper A., *Similarity Avoidance in the Proto-Indo-European Root*, *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 15/1, 2009, 55–64.

ČJA, 1–5

Český jazykový atlas, 1–5, Brno, 1992–2005.

ESJS, 1–19

Etymologický slovník jazyka staroslovenského, 1–19, Praha, 1989–2018.

Fähnrich 2007

Fähnrich H., *Kartwelisches Etymologisches Wörterbuch*, Leiden, Boston, 2007.

Flajšhans, 1–2

Flajšhans V., *Klaret a jeho družina*, 1–2, Praha, 1926, 1928.

Godefroy, 1–10

Godefroy F., *Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle*, 1–10, Paris, 1881–1902.

Gregor 1959

Gregor A., *Slovník nářečí slavkovsko-bučovického*, Praha, 1959.

Griffin 1936

Griffin N., *Guido de Columnis: Historia destructionis Troiae*, Cambridge, 1936.

Gusić, Gusić 2004

Gusić I., Gusić F., *Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine*, Zagreb, 2004.

Häkkinen 2007

Häkkinen K., *Nykysuomen etymologinen sanakirja*, Juva, 2007.

Holub, Kopečný 1952

Holub J., Kopečný F., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952.

HSSJ, 1–7

Historický slovník slovenského jazyka, 1–7, Bratislava, 1991–2008.

Joubert 1598

Joubert L., *Annotations de M. Lavrent Iovbert sur toute la chirurgie de Mr. Guy de Chauliac*, Tournon, 1598.

Kąś, 1–2

Kąś J., *Słownik gwary orawskiej*, 1–2, Kraków, 2011.

Kroonen 2013

Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.

Kurzowa 1973

Kurzowa Z., Podhalańskie na kirkak nieść, na kirki wziąć, *Język polski*, 5, 1973, 369–371.

LIV 2001

Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen, Wiesbaden, 2001.

Machek 1968

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.

MAGP, 1–13

Mały atlas gwar polskich, 1–13, Wrocław, Kraków, 1957–1970.

Martirosyan 2010

Martirosyan H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2010.

Matasović et al. 2016

Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1, Zagreb, 2016.

Matejčík 1975

Matejčík J., *Lexika Novohradu. Vecný slovník*, Martin, 1975.

- Mayrhofer, 1–3
Mayrhofer M., *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, 1–3, Heidelberg, 1992–2001.
- Meid, Anreiter 2005
Meid W., Anreiter P., *Heilpflanzen und Heilsprüche. Zeugnisse gallischer Sprache bei Marcellus von Bordeaux. Linguistische und pharmakologische Aspekte*, Wien, 2005.
- Miklosich 1845
Miklosich F., *Radices linguae slovenicae veteris dialecti*, Lipsiae, 1845.
- — — 1886
Miklosich F., *Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886.
- — — 1977
Miklosich F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Darmstadt, 1977.
- Must 1960
Must G., A Gaulish Incantation in Marcellus of Bordeaux, *Language*, 36/2/1, 1960, 193–197.
- Naperotić 2016
Naperotić L., *Lingvistički atlas Istre i Kvarnera: Jašići* (Diplomski rad., Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Pula, 2016).
- Newmark 1999
Newmark L., *Albanian-English Dictionary*, Oxford, 1999.
- Nikolayev, Starostin 1994
Nikolayev S. L., Starostin S. A., *A North Caucasian Etymological Dictionary*, Moscow, 1994.
- Nitsch, Zborowski 1952
Nitsch K., Zborowski J., *Ze słownictwa gwarowego*. 3. *Kirkak 'kark'*, *Język polski*, 2, 1952, 81–84.
- OLD 1968
Oxford Latin Dictionary, Oxford, 1968.
- Orel 1998
Orel V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln, 1998.
- — — 2003
Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.
- Pietraszek 1975
Pietraszek E., *Na kirkak – nie tylko podhalańskie*, *Język polski*, 1, 1975, 48.
- Pleteršnik 2006
Pleteršnik M., *Slovensko-nemški slovar*, Ljubljana, 2006.
- Pokorny 1959
Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München, 1959.
- Pospiszylowa 1975
Pospiszylowa A., *Na kirkak – na kierkusach*, *Język polski*, 1, 1975, 47–48.
- Rédei 1988
Rédei K., *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*, 1, Budapest, 1988.
- Rusek 1984
Rusek J., *Studia z historii słownictwa bułgarskiego*, Wrocław, 1984.
- Schuster-Šewc, 1–24
Schuster-Šewc H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1–24, Bautzen, 1978–1996.
- — — 2003
Schuster-Šewc H., Zur Etymologie und Bezeichnungsgeschichte der slawischen Namen des Halses *šijā, *vārtъ, *vyiā, *Studia etymologica Brunensia*, 2, Praha, 2003, 109–113.

SGP, 1–32–

Słownik gwar polskich, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1–32–, 1979–2018–.

SGŚC

Krop J., Twardzik J., Pilch J., Wronicz J., *Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego*, Wisła, Ustroń, 1995.

Siatkowski 2012

Siatkowski J., *Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach*, Warszawa, 2012.

Skok, 1–3

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1–3, Zagreb, 1971–1973.

Sławski, 1–5

Sławski F., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, 1–5, Kraków, 1952–1982.

Smoczyński 2007

Smoczyński W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.

Snoj 2009

Snoj M., *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*, Ljubljana, 2009.

Sornicola 1989

Sornicola R., Il relativo in irlandese antico. Una riconsiderazione II, *Indogermanische Forschungen*, 94/1, 1989, 234–271.

SP, 1–8–

Słownik Prastowiański, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1–8–, 1974–2001.

SP XVI, 1–37–

Słownik polszczyzny XVI wieku, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1–37–, 1966–2016–.

SSN, 1–2–

Slovník slovenských nářečí, 1–2–, Bratislava, 1994–2006–.

SSL

Slovník středověké latiny v českých zemích: elektronická verze 2.0 (<http://lb.ics.cas.cz/>; last access on: 20.10.2020).

STB

Staročeská textová banka (<http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB>; last access on: 20.10.2020).

Stulli 1806

Stulli J., *Rjecosloŭje slovinsko-italiansko-latinsko*, Dubrovnik, 1–2, 1806.

Svěrák 1966

Svěrák F., *Nářečí na Břeclavsku a v dolním Pomoraví*, Brno, 1966.

Treimer 1961

Treimer K., Rev. of: Václav Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, *Lingua*, 9, 1961, 89–101.

Vaan, de 2008

Vaan M., de, *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*, Leiden, Boston, 2008.

Zemanová et al. 2010

Zemanová M., Pastorek R., Veselská J., *Tradiční mluva podhůří Beskyd*, Raškovice, 2010.

References

Abaev V. I., ed., *Istoriko-etimologičeskii slovar' osetinskogo iazyka*, 1–4, Moscow, Leningrad, 1958–1989.

Bañkowski A., *Etymologiczny słownik języka polskiego*, 1–2, Warszawa, 2000.

Beekes R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.

Bojanić M., Trivunac R., *Rječnik dubrovačkog govora*, Beograd, 2002.

Bojkovska S., *Meglenskiot govor*, Skopje, 2006.

- Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Božko B., Z nazw części ciała w słownikach Klaret, *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*, 4, 1994, 139–155.
- Buffa F., *Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese*, Bratislava, 1953.
- Cooper A., Similarity Avoidance in the Proto-Indo-European Root, *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 15/1, 2009, 55–64.
- Čupić D., Čupić Ž., *Rečnik govora Zagarača*, Beograd, 1997.
- Dinić J., *Timočki dijalekatski rečnik*, Beograd, 2008.
- Fähnrich H., *Kartwelisches Etymologisches Wörterbuch*, Leiden, Boston, 2007.
- Flajšhans V., *Klaret a jeho družina*, 1–2, Praha, 1926, 1928.
- Gregor A., *Slovník nářečí slavkovsko-bučovického*, Praha, 1959.
- Griffin N., *Guido de Columnis: Historia destructionis Troiae*, Cambridge, 1936.
- Gusić I., Gusić F., *Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine*, Zagreb, 2004.
- Häkkinen K., *Nykysuomen etymologinen sanakirja*, Juva, 2007.
- Holub J., Kopečný F., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952.
- Illich-Svitych V. M., *Opyt sravneniia nostraticheskikh iazykov. Vvedenie. Sravnitel'nyi slovar'*, 1 (b–K), Moscow, 1971.
- Kaś J., *Słownik gwary orawskiej*, 1–2, Kraków, 2011.
- Koželjac Lj. R., *Rečnik timočkog govora*, Negotin, 2014.
- Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.
- Krop J., Twardzik J., Pilch J., Wronicz J., *Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego*, Wisła, Ustroń, 1995.
- Kurkina L. V., Zаметки по словенской этимологии, *The Slavic Linguistic Atlas*, 1976, Moscow, 1978, 284–286.
- Kurzowa Z., Podhalańskie na kirkak nieść, na kirkki wziąć, *Język polski*, 5, 1973, 369–371.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Martirosyan H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2010.
- Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1, Zagreb, 2016.
- Matejčík J., *Lexika Novohradu. Vecný slovník*, Martin, 1975.
- Mayrhofer M., *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, 1–3, Heidelberg, 1992–2001.
- Meid W., Anreiter P., *Heilpflanzen und Heilssprüche. Zeugnisse gallischer Sprache bei Marcellus von Bordeaux. Linguistische und pharmakologische Aspekte*, Wien, 2005.
- Miklosich F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latino*, Darmstadt, 1977.
- Mokienko V. M., *Obrazy russkoi rechi*, Leningrad, 1986.
- Must G., A Gaulish Incantation in Marcellus of Bordeaux, *Language*, 36/2/1, 1960, 193–197.
- Newmark L., *Albanian-English Dictionary*, Oxford, 1999.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A., *A North Caucasian Etymological Dictionary*, Moscow, 1994.
- Nitsch K., Zborowski J., Ze słownictwa gwarowego. 3. Kirkak 'kark', *Język polski*, 2, 1952, 81–84.
- Onyshkevych M. I., *Slovník boikov 'kykh hoviok*, 1–2, Kiev, 1984.
- Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.
- Orel V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln, 1998.
- Pietraszek E., Na kirkki – nie tylko podhalańskie, *Język polski*, 1, 1975, 48.
- Pleteršnik M., *Slovensko-nemški slovar*, Ljubljana, 2006.
- Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München, 1959.
- Pospiszyłowa A., Na kirkak – na kierkusach, *Język polski*, 1, 1975, 47–48.
- Rédei K., *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*, 1, Budapest, 1988.
- Rusek J., *Studia z historii słownictwa bułgarskiego*, Wrocław, 1984.
- Saenko M. N., Byvaiut li usy do pleč: semantika praslavianskogo *bŭrkŭ i ee dreif v jazykakh-potomkakh, *Linguistica Brunensia*, 67/2, 2019, 39–56.
- Savchuk D. P., *Slovník ukrains'kykh hoviok Karpat'skoho rehionu*, Kiev, Kosov, 2012.
- Schuster-Sewc H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1–24, Bautzen, 1978–1996.
- Schuster-Sewc H., Zur Etymologie und Bezeichnungsgeschichte der slawischen Namen des Halses *šijā, *vǣrtŭ, *vyiā, *Studia etymologica Brunensia*, 2, Praha, 2003, 109–113.
- Shagirov A. K., *Zaimstvovannaia leksika abkhazoadyghskikh iazykov*, Moscow, 1989.
- Shanskii N. M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, 1–10, Moscow, 1963–2007.
- Siatkowski J., Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach, Warszawa, 2012.
- Siatkowski J., Waniakowa J., eds., *Obšeslavjanskij lingvističeskij atlas: seriâ leksiko-slovoobrazovatel'naâ*, 9: Człowiek, Kraków, 2009.
- Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1–3, Zagreb, 1971–1973.
- Sławski F., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, 1–5, Kraków, 1952–1982.
- Smoczyński W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.

Snoj M., *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*, Ljubljana, 2009.

Sornicola R., Il relativo in irlandese antico. Una riconsiderazione II, *Indogermanische Forschungen*, 94/1, 1989, 234–271.

Svěrák F., *Nářečí na Břeclavsku a v dolním Pomoraví*, Brno, 1966.

Treimer K., Rev. of: Václav Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, *Lingua*, 9, 1961, 89–101.

Trubachev O. N., *Slawische Etymologien* 20–23, Idem, *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura*, 1, Moscow, 2004, 618–622.

Vaan M., de, *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*, Leiden, Boston, 2008.

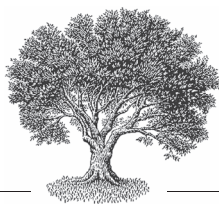
Varbot Zh. Zh., Commentaries on word-formative and semantic aspects of reconstruction and etymology of some Proto-Slavic words, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 8, 2016, 136–143.

Zaikov P., Rugoeva L., *Karjalais-venäläini sanakirja (pohjois-karjalaiset murtehet)*, Petrozavodsk, 1999.

Zemanová M., Pastorek R., Veselská J., *Tradiční mluva podhůří Beskyd*, Raškovice, 2010.

Михаил Николаевич Саенко, кандидат филологических наук
научный сотрудник Института славяноведения РАН
11991 Москва, Ленинский проспект, 32А
Россия / Russia
veraetatis@yandex.ru

Received March 17, 2020

**«Убийцы великого
князя Андрея»:
Надпись об
убийстве Андрея
Боголюбского
из Переславля-
Залесского***

**Алексей Алексеевич
Гиппиус**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Институт славяноведения
Российской академии наук
Москва, Россия

Савва Михайлович Михеев

Институт славяноведения
Российской академии наук
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
Москва, Россия

**“Assassins of the
Great Prince Andrey”:
An Inscription about
the Murder of
Andrey Bogolyubsky
from Pereslavl-
Zalessky**

Alexey A. Gippius

National Research University
Higher School of Economics
Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Savva M. Mikheev

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
School for Advanced Studies in the
Humanities (RANEPA)
Moscow, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352)

Цитирование: Гиппиус А. А., Михеев С. М. «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве
Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102.

Citation: Gippius A. A., Mikheev S. M. (2020) “Assassins of the Great Prince Andrey”: An Inscription about
the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 63–102.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.3

This is an open access article distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

Осенью 2015 г. на внешней стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора XII в. в Переславле-Залесском была раскрыта пространная надпись с почти полностью читаемым списком убийц владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича, провозглашением проклятия убийцам и вечной памяти князю, погибшему от их рук в Боголюбове 29 июня 1174 г. Выполненное, вероятно, в 1175–1176 гг., во время княжения в Переславле младшего брата Андрея — Всеволода Юрьевича, — граффито представляет собой древнейший относительно точно датируемый памятник письменности Северо-Восточной Руси. Подтверждая общую достоверность летописных рассказов об убийстве, надпись важна для изучения древнерусской княжеской титулатуры (Андрей Юрьевич назван в нем «великим князем») и социальной терминологии, так как убийцы князя — по-видимому, пейоративно — названы в ней *паробками* ‘слугами’, несмотря на высокий статус зачинщиков заговора. Она также представляет значительный интерес для истории церкви как самый ранний пример анафематствования на Руси государственных преступников.

Ценную новую информацию дает перечень убийц, включающий имена 11–13 лиц. Главный заговорщик Петр, зять боярина Кучка, был, как выясняется, сыном Фрола — возможно, ктитора церкви Свв. Флора и Лавра в Московском Кремле. Написание через *ц* отчества третьего из убийц, Якима, — *Куцковичь* — может свидетельствовать о новгородском происхождении Кучка. Для отчества четвертого в списке — Офрема Моизича — принимается объяснение В. С. Кулешова, возводящее его к арабскому имени *Му’изз*, которое могло принадлежать мусульманину из Волжской Булгарии. Занимающую пятую позицию Добрыня Микитич предположительно идентифицируется с ростовским боярином Добрыней Долгим — активным участником борьбы за наследство Андрея Боголюбского, погибшим 27 июня 1176 г. в битве на Юрьевском поле. Последним в списке значится носитель редчайшего славянского имени *Стырята*, встречающегося также в комплексе надписей-граффити из церкви Благовещения на Городище под Новгородом.

С лингвистической точки зрения текст выделяется сильной продвинутостью процесса падения редуцированных, сближаясь в этом отношении с новгородской берестяной грамотой № 724, датируемой тем же временем.

Надпись была прочитана с опорой на трехмерную модель, полученную Лабораторией RSSDA (<https://rssda.su/ep-rus>).

«Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования». Трехмерные модели надписей выполнены в Лаборатории RSSDA под руководством Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко. Авторы признательны за разнообразную помощь в работе в Переславле-Залесском А. Ю. Андреевой, А. Ю. Виноградову, Д. Д. Елшину, Н. А. Макарову, К. К. Поливанову, Т. К. Федоренко и Е. К. Шадунц. Мы также признательны А. А. Астайкину и В. А. Кучкину за замечания, высказанные ими при обсуждении нашего доклада о переславских надписях в 2017 г. Отдельная благодарность — А. Ю. Виноградову, Вл. В. Седову, Ф. Б. Успенскому и Е. К. Шадунц за консультации по разным вопросам, обсуждаемым в статье, а также анонимному рецензенту за ценные замечания.

Ключевые слова

Переславль-Залесский, Спасо-Преображенский собор, Андрей Боголюбский, эпиграфика, надписи-граффити, XII век

Abstract

The present paper deals with a long inscription which was uncovered in the autumn of 2015 on the external wall of the southern apse of the 12th century Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky. It contains an almost fully legible list of assassins of the Vladimir-Suzdal prince Andrey Yuryevich, who was murdered in Bogolyubovo on June 29th, 1174. The writer places a curse on the murderers and wishes eternal memory to the prince. The graffito probably dates from 1175–1176 when Andrey's younger brother Vsevolod Yuryevich ruled in Pereyaslavl. It is the oldest inscription from the North-Eastern Rus' to have a fairly precise dating. The discovery corroborates the general accuracy of the chronicles in respect to the murder and serves as a source for the study of Old Russian princely titles and other terms of social hierarchy. Andrey Yuryevich is called the *grand prince* and his murderers are collectively given the pejorative name of *parobki* (servants) despite the high social status of at least some of them. As the first example of anathematising state criminals in Rus', the inscription has relevance for church history as well.

Valuable new information is provided by the list of assassins. It includes the names of 11–13 individuals. The list indicates that the main conspirator, the boyar Kuchko's son-in-law named Peter was the son of someone named Frol. That Frol may have been the founder of the Church of Saints Florus and Laurus in the Moscow Kremlin. The patronymic of the third of the murderers Yakim *Kuckovičъ* is spelled with a *c*, which may be an indication of Kuchko's Novgorodian origin. The fourth on the list is Ofrem Moizich. The authors accept the Arabic origins of Ofrem's patronymic suggested by V. S. Kuleshov. The latter traces it back to the name *Muʿizz* which could have belonged to a Muslim from Volga Bulgaria. The fifth conspirator Dobryna Mikitich is tentatively identified as the Rostov boyar Dobryna the Tall. He played a prominent role in the feud triggered by the assassination of Andrey Yuryevich and perished in the Battle of Yuryev Field on June 27th, 1176. The last person on the list bears the rare Slavic name *Styrjata* which elsewhere is attested only in the 12th century graffiti inscriptions from the Annunciation Church at Gorodische near Novgorod.

From the standpoint of linguistics the inscription demonstrates an advanced stage of the *yer*-shift. In this respect it is similar to the Novgorod birch-bark letter No. 724 which dates from the same period.

The inscription was read with the help of a three-dimensional model created by the RSSDA Lab. (<https://rssda.su/ep-rus>).

Keywords

Pereslavl-Zalessky, Transfiguration Cathedral, Andrey Bogolyubsky, epigraphy, graffiti inscriptions, 12th century

При последней реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в июле 2015 г. его внешние стены были расчищены¹. На открывшихся обзору древних белокаменных блоках во многих местах были найдены древнерусские граффити, включающие более дюжины надписей. В данной статье публикуется самая пространная из них. Эта выдающаяся по своему историческому значению надпись посвящена одному из центральных событий политической истории Руси XII в. — убийству владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского 29 июня 1174 г.

Сохранившееся *in situ* граффито расположено по центру южной апсиды собора на высоте 110 см над цоколем, т. е. на довольно большой высоте от границы фундамента и цокольной части. На южной апсиде полная высота цоколя, низ которого находится приблизительно в 35 см под современной вымосткой у стен храма, составляла около метра, т. е. нижний край надписи мог возвышаться над уровнем земли времени постройки собора более чем на 190 см, а верхний — приблизительно на 210 см.² На той же высоте располагалась самая пространная древнерусская настенная надпись — эпитафия князю Всеволоду Мстиславичу 1138 г. в церкви Благовещения на Городище под Новгородом [Гиппиус, Михеев 2019: 36–43, № 1]. Как и переславское граффито, она была выполнена достаточно мелким почерком (высота букв переславской надписи варьируется от 5 до 18 мм, а новгородской — от 5 до 15 мм). Еще выше, на уровне 229 см над древним полом, находится надпись в Софии Киевской, зафиксировавшая акт освящения собора 4 ноября 1052 г. [Корнієнко 2015: 121, 337 (табл. CLXXXVII), 430, № 3541; Гиппиус 2016]. Расположение надписи об убийстве Андрея Боголюбского на такой высоте, существенно выше зоны сосредоточения обычной храмовой эпиграфики, можно было бы тоже объяснить экстраординарностью ее содержания. Между тем изучение других надписей Спасо-Преображенского собора позволяет иначе взглянуть на этот вопрос. Ниже всего из выявленных нами надписей

¹ Расчистка от многослойных покрасок велась водно-воздушной смесью под высоким давлением. Этот бережный метод одновременной очистки и промывки стен был предложен начальником реставрационного участка И. И. Селезевым и бригадиром белокаменщиков Н. В. Моховым (сотрудники ЗАО «Росреставрация»). Остатки покрытия снимались пластиковыми щетками и шпателями. Затем стены были обработаны составом, не позволяющим камню насыщаться влагой, но проницаемым для газа и пара. Подробнее [Отчет 2015].

² По оценке Л. Б. Сукиной, белокаменный блок с пространной надписью мелким почерком находился так высоко над уровнем древней поверхности, что текст невозможно было прочесть. В своих расчетах Л. Б. Сукина исходит из того, что современная поверхность выше древней примерно на метр [Сукина 2018: 50], ссылаясь на статью Н. Н. Воронина [1949]. По его наблюдениям, цоколь церкви возвышался над древней поверхностью земли на высоту двух рядов белокаменной кладки [Воронин 1949: 200], однако с тех пор почти все поздние наслоения были сняты при благоустройстве территории в 1972 и 2002 гг.

располагаются два граффити на южном фасаде: нижняя точка одного из них находится примерно в 45 см над цоколем, семь граффити — включая большую надпись об убийстве Андрея Боголюбского и соседнюю краткую надпись *Пѣтьрь* — сосредоточены на уровне 75–110 см над цоколем, еще две надписи находятся в 120–135 см над цоколем³, а еще три расположены существенно выше⁴. Весьма вероятно, что сразу после постройки храма или вскоре после этого уровень поверхности вокруг него достиг или почти достиг современного, благодаря чему на соборе нет надписей, расположенных ниже, чем в 45 см над цоколем, т. е. в 110 см над совре-

³ Так, в 130 см над цоколем, у правого края лопатки, расположенной с южной стороны от западного портала церкви, выбита крупная надпись: *мѣцѣ [ма]и[а] вѣтѣрѣи на д[е]сѣлѣ[е] прѣст(а)висѣ Варвара много | вдовиць кѣ ѿ[рѣ]к[ѣ]* | *приоучивши мистѣи[н]ю* '12 мая преставилась Варвара, милостыней приучившая к [посещению] церкви много вдов' (вписанное над строкой слово *дн(-)* <день> прочтено М. М. Дробышевой). Другая надпись находится на южном фасаде собора. (Здесь и ниже используются следующие условные обозначения: в квадратных скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи).

⁴ Укажем на наиболее интересную из таких надписей. В 520 см над цоколем, на южной апсиде храма, в 50 см правее окна и в 70 см от правого края, находится изысканная криптограмма, которая состоит из двух монограмм на основе букв *Ѡ* слева и *Ѱ* в центре и отдельно приписанной буквы *л* справа, что складывается в слова *Θεοδωρѣ Ѱαλѣ*. На существенную высоту расположения некоторых граффити на стенах собора обратила внимание Л. Б. Сукина, которая сделала на этом основании вывод, что «камни с граффити в свое время использовались просто в качестве строительного материала при строительстве и ремонтах храма» [Сукина 2018: 50]. Это дало ей повод сомневаться и в первоначальном местоположении белокаменного блока с надписью об убийцах Андрея Боголюбского: «Возможно, и блок с интересующей нас надписью оказался на внешней стороне абсиды случайно, будучи перенесенным из другой части храма во время одного из его многочисленных ремонтов». Сомнения исследовательницы предполагают одно из двух: либо перед нами спolia, т. е. деталь, предназначавшаяся первоначально для другого здания, либо южная апсида собора была когда-то полностью или почти полностью переложена. Однако скругленный профиль блока с надписью показывает, что он мог быть вырезан только для этого или идентичного в плане и размерах своей восточной части храма, что заставляет отбросить версию о сполнии. Версия же о перекладке стен почти всего собора требует дополнительных доводов кроме наличия граффити на большой высоте, так как эти граффити могли быть выполнены с лестниц, лесов, крыш пристроек или каких-то иных возвышений или же еще на земле, перед установкой блоков на их места. Последнее кажется особенно вероятным в отношении читаемых вверх ногами граффити на камне цоколя собора, также упоминаемых Л. Б. Сукиной (ср. многочисленные граффити на камне из верхней части фундамента Софийского собора в Полоцке [Булкин, Рождественская 1984; Калечыц 2011: 36–38]). Относительно же надписей на большой высоте предпочтительна версия об их исполнении с лесов, так как совсем недавно при исследовании пазов от лесов на фасадах Спасо-Преображенского собора было установлено, что все граффити в верхней части стен находились примерно в 140 см над настилами древних лесов [Виноградов et al., 2020 : 73–75].

менной вымосткой.

Расположение надписи на внешней стене апсиды, вероятно, неслучайно. Использование этих стен для размещения надписей официального характера находит аналогии в эпиграфике романской Италии. Так, на центральной апсиде собора в Модене помещена надпись, выполненная в начале XIII в. и сообщающая о начале строительства собора в 1099 г. архитектором Ланфранко [Frigieri 2004: 22]⁵. Впрочем, нельзя не обратить внимания на различия между моденской и переславской надписями: если первая тщательно выбита на отдельной мраморной плите, то вторая является типичным древнерусским граффито, мелко процарапанным по одному из камней кладки. По-видимому, в этом проявляется специфика древнерусской эпиграфики, знающей лишь редкие примеры монументальных надписей.

Граффито было обнаружено 8 октября 2015 г. в ходе обследования стен, проводившегося авторами статьи при участии Е. К. Шадунц, Д. Д. Ёлшина, Л. А. Голофаст и К. К. Поливанова, который и заметил под остатками поздней побелки фрагменты многострочной надписи (рис. 1).

Рис. 1. Фотография надписи 8 октября 2015 г.

⁵ К тому же времени относится надпись на внешней стене апсиды церкви Санта Мария Маджоре в Ассизи, зафиксировавшая окончание строительства в 1216 г. [Brogliato 1992: 211–212].

Расчистка, с большим искусством осуществленная реставратором Т. К. Федоренко⁶, полностью вскрыла сделанную мелким почерком надпись в две колонки, обведенные прямоугольной рамкой с вертикальным разделителем между колонками (рис. 2).

Рис. 2. Общий вид надписи. Растровое изображение трехмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA)

Сильное разрушение поверхности камня существенно затрудняет прочтение, особенно в нижней части надписи. Наиболее четкие части текста были прочитаны уже в Переславле-Залесском 22 октября 2015 г.⁷, другие — по серии фотографий, снятых тогда же в темное время дня при искусственном боковом освещении. В конце 2015 г. прочтенный на тот момент текст надписи был распространен в средствах массовой информации⁸. При дальнейшем изучении фотографий удалось незначительно дополнить его прочтение.

⁶ За содействие в организации работы авторы признательны директору Института археологии РАН Н. А. Макарову.

⁷ Работы проводились при участии А. Ю. Виноградова, К. К. Поливанова, Т. К. Федоренко и Е. К. Шадунц.

⁸ Пресс-релиз Института археологии РАН (доступ по ссылке: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n332>).

Весной 2017 г. методом фотограмметрической обработки цифровых фотографий Лабораторией дистанционного зондирования и анализа пространственных данных (Лабораторией RSSDA) под руководством Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко была сформирована трехмерная модель надписи⁹. Работа с нею позволила достигнуть значительного продвижения в прочтении граффито: читавшийся до того лишь фрагментарно перечень убийц Андрея Юрьевича в шести верхних строках левой колонки удалось прочитать почти полностью, а в правой колонке — дочитать седьмую строку.

В результате текст можно представить так:

Өрәльвич[ь]

	Петръ : Амбалъ : ІАкы КѢцковичъ (:) [О](ө)рѣмъ (Мои)зичъ Добр[ы](н)[а М](и)китич [О]ур-[мъ]----- [Ми]кита	мѣѣца и юна [к]ө оубиенъ быѣ кн[а]ѣ зь Анѣдрѣи своими паробкы
5	Петр(ъ) Ивановичъ Өрөльць Миѣ рѣшька Пѣтрѣко Стырата си сѣтъ [8]биіци великаѣ го княза Анѣдр[ѣа] да бѣд-[тъ] проклаѣ	овомѣ вѣч[н]аѣ паѣ мат[ь] а симъ вѣчнаѣ м[8]к[а] ачъ кто в помѣѣ ...
10	ти и вѣ...ка(...)	-[ѣ]---[до].лз[ѣ] ... (...)

⁹ Бесконтактное документирование, формирование трехмерной полигональной модели, а также подбор алгоритмов визуализации рельефа поверхности выполнялись Лабораторией RSSDA под руководством Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко. В сборе и обработке данных участвовали Д. Ю. Анисимова, Р. Г. Габдулин, А. Д. Клейменов, Е. С. Конакова, А. С. Пешков, С. В. Пешков, Е. В. Юшин. Детальность полученной модели надписи составила 150 тыс. полигонов на кв. см. Ее упрощенный вариант доступен по ссылке: <https://rssda.su/ep-rus>.

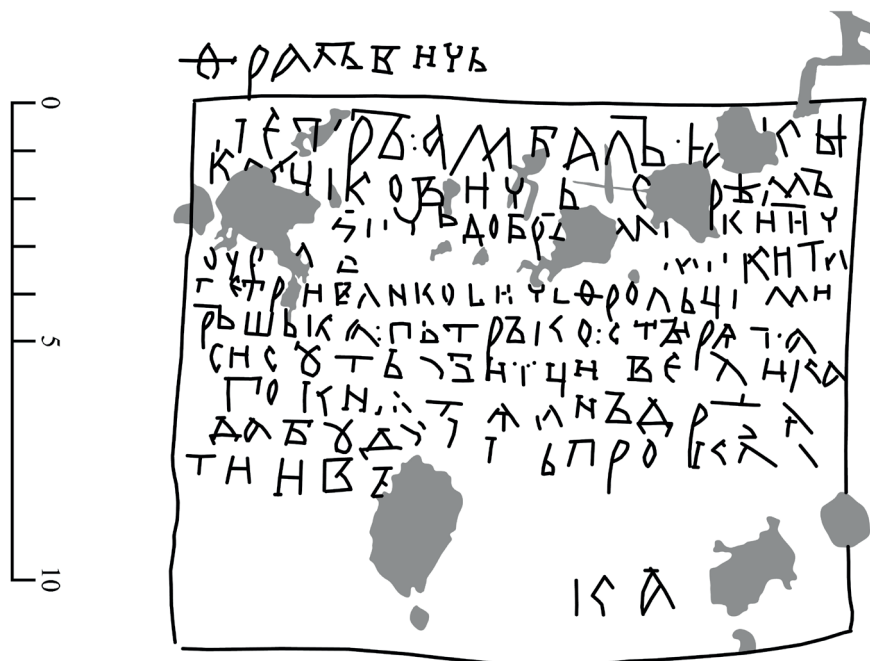

Рис. 3. Левый столбец надписи. Фотография 22 октября 2015 г. и прорись

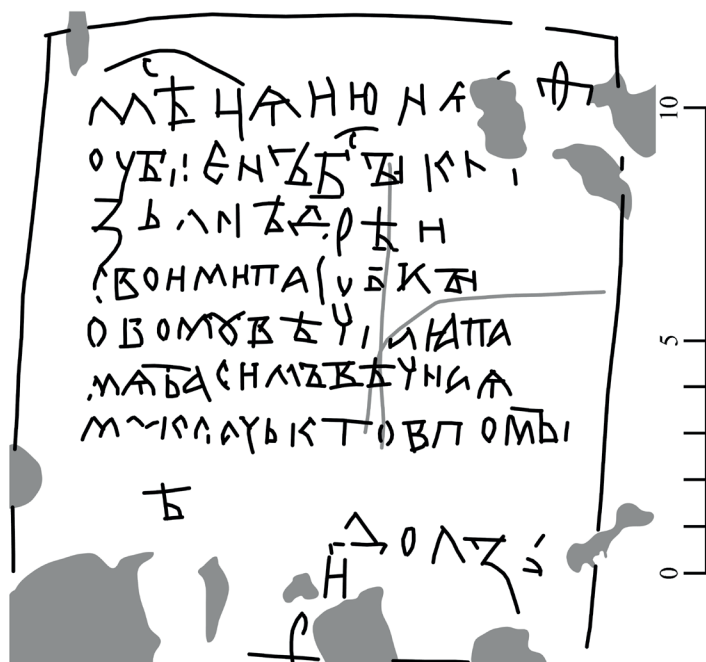

Рис. 4. Правый столбец надписи. Фотография 22 октября 2015 г. и прорись

Ширина рамки — 26 см, высота — 14 см. В левой колонке, по-видимому, было 13 строк (не считая приписанного сверху слова *Өралъвич[ъ]*), в правой — 10 или 11 строк. Высота букв, как уже указывалось, составляет от 5 до 18 мм. Буквы в первых и последних строках надписи крупнее, чем в центральных, что могло быть вызвано и естественной причиной: меньшим удобством начертания букв на слишком большой и на слишком малой высоте. В нескольких местах в надписи представлены высокие варианты букв *т* и *ѣ*: *Өралъвич[ъ]*, *Петръ*, *Амбалъ*, *[М](и)китич* и *Ми|рѣшья* в левой колонке, *па|мат[ъ]* и *ѣ* в составе *ѣ* в *помы* — в правой. При этом в слове *[М](и)китич* и, вероятно, в слове *па|мат[ъ]* высокая буква *т* образует лигатуру с последующей гласной.

Прямоугольная рамка надписи увенчана голгофским крестом. Судя по большей толщине линий, он был добавлен к надписи позже. Справа от креста располагается ряд вертикальных штрихов. В 13 см правее граффито на том же уровне и тем же почерком написано имя *Пѣтръ*, с которого начинается и сама надпись (о его начертании еще пойдет речь ниже).

Текст оформлен в виде диптиха¹⁰. Его левую створку занимает список убийц «великого князя Андрея» и проклятие им, правую — сообщение об убийстве князя, совершенном 29 июня, возгласение вечной памяти убиенному и вечной муки убийцам, а также еще одна фраза, о смысле которой приходится догадываться. Эта фраза, скорее всего, содержала слово *помышление*. Она могла иметь в виду тех, кто помыслит совершить подобное злодеяние в будущем, или же тех, кто сочувствовал заговору, прямо не участвуя в нем¹¹. Для продолжения левого столбца высоковероятной представляется конъектура «и в(ъ сь вѣкъ и въ бѣдѣ-щии)» — стандартное завершение формулы церковного проклятия.

Орфография надписи характеризуется непоследовательным соблюдением норм книжного письма. Употребление букв *ѣ* и *ѣ* — в основном

¹⁰ Ширина его «створок» несколько превышает высоту, что отличает вид надписи от книжного разворота. Практически те же пропорции имеют между тем страницы единственной сохранившейся берестяной книжицы — новгородской грамоты № 419, конца XIII в.

¹¹ Второе кажется более вероятным. Остатки текста в восьмой и девятой строках допускают реконструкцию: *ачъ кто в помы|[и](ле)[нѣ ходилъ | бѣ](и)[ме до]лѣтъ | ...*, т. е. «А кто находился в помышлении, тот будет долго...». Плюсquamперфект *ходилъ бѣ* в таком контексте вполне уместен, обозначая действие, предшествовавшее действию, названному аористом. Фразу должен был заключать инфинитив, в сочетании с презентной формой вспомогательного глагола образовывавший форму сложного будущего времени (например, *име долѣтъ каятися* или *име долѣтъ скорбѣти*). Поскольку формы 3-го лица без окончания *-тъ* для северо-восточной диалектной зоны нехарактерны, последовательность *име долѣтъ* можно интерпретировать как отражающую произношение согласного с долгим затвором [им'е^адолъ'ѣ], возникшего на границе слов после утраты редуцированного.

Таким образом, надпись — за исключением фрагмента с вкраплениями бытовой орфографии — отражает позднерусское состояние с утратой слабых и прояснением сильных еров, сохраняя слабые

Slověne 2020 N₀2

редуцированные там, где их утрата вела к образованию сложной группы согласных. Эта картина близка к отраженной берестяной грамотой № 724, датируемой по упоминаемым в ней историческим лицам (включая, кстати, Андрея Боголюбского, названного просто Андреем) 1161–1167 гг. Имя *Аньдрѣи* в написанном по-книжному основном тексте на лицевой стороне грамоты записано с ъ на фоне последовательной утраты слабых еров в простых сочетаниях согласных, а в приписке на обороте мы видим бытовую орфографию и сохранение слабых редуцированных в нескольких позициях (см. уточненную характеристику состояния редуцированных в этом документе в [НГБ, XII: 266–267]). Поскольку сильная продвинутость процесса падения редуцированных в грамоте № 724 предъявлялась в качестве аргумента против датировки ее указанным временным интервалом [Петрухин 2009: 122–125; Idem 2019: 81–99], показания переславской надписи, сделанной, скорее всего, вскоре после 1174 г., приобретают особую значимость. Нужно заметить, что в отношении утраты слабых еров надпись демонстрирует даже бóльшую продвинутость, чем лицевая сторона грамоты № 724, где редуцированные сохраняются и в особых позициях между одиночными согласными (*отѣбыти, въ борзѣ, въ томѣ*).

Внестратиграфическая датировка по методике А. А. Зализняка [2000; 2015] дает интервал [1180–1240], предпочтительно — [1180–1200] (см. Табл. 1), что позволяет датировать надпись последней четвертью XII — рубежом XII/XIII вв. Это делает граффито древнейшим относительно точно датированным памятником письменности Северо-Восточной Руси (до сих пор таковым считалась рукопись Жития Нифонта Констанцкого, 1219 г.; о ней см. [СК XI–XIII: 194–197 (№ 174)])¹³.

Таблица 1

Датирующие признаки

Б 3	Выступ вверх	предпочт. до [1200]
В 4	Выступ вверх	до [1280], предпочт. до [1200]
И 2б	Нижние засечки (короткие)	предпочт. [1120–1400]
П 1	Выступ вверх	до [1300], предпочт. до [1200]
Т 1	Нижняя засечка	предпочт. [1120–1400]
Т 2	Без боковых засечек	предпочт. [1120–1300]
Ц 5	Платформа по низу строки	предпочт. до [1200] или после [1300]
Ѕ 1	Длинные усы	до [1240]
Язык: чистое поздне-др.-р. состояние		после [1180], предпочт. после [1220]

¹³ Считать таковым антиминс 1148 г. [Рыбаков 1964: 28–32, табл. XLII, № 25] нет достаточных оснований, так как, во-первых, он был найден в Новгороде, а во-вторых, был создан для освящения некой церкви Св. Георгия — по-видимому, в Ростовской епархии — новгородским епископом Нифонтом.

Для исторической морфологии русского языка важна словоформа [8]биѣици — один из древнейших примеров вытеснения исконной флексии *-ѣ* именительного и винительного падежей множественного числа мягкой разновидности *а*-склонения новым окончанием *-и*, заимствованным из твердого варианта. Из материала, собранного в [Иорданиди, Крысько 2006: 148–151], к более раннему времени относится только пример вин. мн. *милостыни* из Изборника 1076 г., но он вызывает у авторов справедливые сомнения. Действительно, судя по тому, что и второй по древности книжный пример — *рабыни* в новгородском Пантелеймоновом евангелии конца XII в. — фиксируется у существительного на *-ыни*, слова этой категории вели себя в данном отношении особо. Последовательное закрепление в этой позиции (а также в род. падеже единственного числа) инновационных форм на *-и* было характерно для Северо-Восточной Руси, где оно фиксировалось до сих пор лишь памятниками XIV в. Переславское граффито показывает, что этот процесс активно шел уже в XII в.

Исторический контекст граффито создают подробные рассказы об убийстве Андрея Боголюбского, донесенные до нас владими́ро-суздальским и киевским летописанием, а также краткое сообщение о нем в Новгородской первой летописи¹⁴. Особая пространность отличает рассказ Ипатьевской летописи. Имея общую текстуальную основу с дошедшим в Лаврентьевской и связанных с нею летописях (Радзивилловской и Летописце Переяславля Суздальского), он включает целый ряд дополнительных эпизодов и драматических подробностей. Среди исследователей нет согласия во мнениях о соотношении двух версий летописного повествования: в то время как одни авторы предполагали сокращение в Лаврентьевской летописи протографа, более полно переданного в Ипатьевской, другие, напротив, рассматривали ипатьевский вариант как результат позднейшего распространения, осуществленного с привлечением литературных источников (первой точки зрения придерживались, в частности, Н. И. Серебрянский [1915: 145 (1-я паг.)] и Н. Н. Воронин [1963], второй — Д. С. Лихачев [1947: 241–246], а в последнее время — Т. Л. Вилкул [2005]). Согласно А. Н. Насонову [1969: 144–167], имело место и то и другое, при этом «есть основания думать, что составитель Лаврентьевской редакции сокращал не тот текст, который отразился в Ипатьевской, а более ранний, который впоследствии был дополнен при составлении северо-восточной летописи, отразившейся в Ипатьевском своде» [Насонов 1969: 153]. Этот взгляд развивает В. А. Кучкин [2003], предполагая отдельное происхождение владимирского рассказа,

¹⁴ См. [ПСРЛ, 1: 367–370 (6683, л. 124–125); 2: 580–593 (6683, л. 205об.–209); НПЛ: 34 (6682, л. 39), 223 (6682, л. 114–114об.)].

отраженного Лаврентьевской летописью, и оригинального киевского повествования, слитого в составе Ипатьевской летописи с текстом северо-восточного летописного источника.

Сопоставление надписи с летописными данными начнем с того, что их объединяет. Это прежде всего дата события — 29 июня, совпадающая с указанной в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской убийство датировано 28-м июня, но указание дня недели — субботы — этому противоречит: в 1174 г. 28 июня было пятницей. Расхождение это, впрочем, объясняется просто (см. [Бережков 1963: 78–79, 163, 191–192; Карпов 2020: 334–335]): согласно обоим изводам летописного рассказа, убийство произошло «в субботу на ночь / ношь», при этом в Лаврентьевской летописи сказано: «на памѣ стою апѣлу Петра и Павла», а в Ипатьевской: «канунъ (в Хлебн. списке: на канонъ) стыхъ апѣлъ» [ПСРЛ, 1: 369 (6683, л. 124об.); 2: 580 (6683, л. 205об.), 589 (6683, л. 208)]. Независимое свидетельство Новгородской первой летописи о том, что князь был убит «на канонъ святоу Петру и Павлу, в ношь» [НПЛ: 34 (6682, л. 39), 223 (6682, л. 114)], не оставляет сомнений в том, что во всех трех случаях имеется в виду ночь с пятницы на субботу. В пятницу же, в канун праздника, убийцы собрались на совет у главного из заговорщиков — Петра, Кучкова зятя, — очевидно, по случаю и под прикрытием празднования его именин¹⁵. В надписи эти детали, естественно, отсутствуют, но наличие в списке убийц сразу трех Петров подтверждает неслучайность даты.

Важно, далее, что в надписи, как и в летописных сообщениях об убийстве, Андрей назван *великим* князем. А. Поппэ, отмечая уникальность такого определения Андрея Юрьевича в летописании, отказался видеть в нем свидетельство претензий владимирского «самовластца» на великокняжеский титул и связал с воспринятой на Руси на рубеже XI/XII вв. византийской практикой именования великим (*megas*) умершего правителя [Рорре 1989: 182]. Граффито показывает, что эта практика не ограничивалась летописным узусом. Характерно, что в надписи, в отличие от летописи, определение «великий» находится не в сообщении об убийстве, но в той части текста, где называются имена убийц. Причина очевидна: в читаемом слева направо настенном диптихе перечисление убийц и проклятие им предшествуют сообщению об убийстве, составляющему своего рода комментарий к тексту в левой колонке.

Указание надписи на то, что князь был убит собственными *паробками* (слугами), не находит соответствия в Лаврентьевской летописи,

¹⁵ Специально о значении последнего обстоятельства см. [Литвина и Успенский 2019: 167–169]. Отметим его прямое упоминание в Тверском сборнике, где сказано, что заговорщики собрались «у Петра у Кучкова зятя на пиру: бѣ бо имянины его» [ПСРЛ, 15: 251 (6683)].

но перекликается с рассказом Ипатьевской, где, однако, это слово выступает только в составе прямой речи. Первый раз оно звучит в ответе Андрея на слова одного из убийц, пытавшегося выдать себя за его слугу Прокопия («и рече князь: ѡ паробѣче, не Прокопѣа») [ПСРЛ, 2: 586 (6683, л. 207об.)]; второй — в риторическом упреке Кузьмища Княнина убийцам князя, не позволившим внести его тело в церковь: «и рече Кузьмище: оуже тебе, гѣне, паробѣци твои тебе не знаютъ» 'уже, господин, слуги твои тебя не признают!' [ПСРЛ, 2: 591 (6683, л. 208об.)]. Такое употребление вызвало характерные разногласия среди исследователей. Полемизируя с точкой зрения М. Н. Тихомирова, относившего определение «паробки» ко всем убийцам князя¹⁶, И. Я. Фроянов заметил, что этот термин не приложим к боярам Якиму и Петру и что летописный рассказ «не дает абсолютно никакого повода думать, что летописец всех убийц назвал паробками» [Фроянов 1980: 94–95]. В отношении летописи это утверждение правомерно. Тем интереснее, что в надписи паробками несомненно названы все убийцы, включая и бояра. П. С. Стефанович [2019], отметив этот парадокс, предложил даже считать текст в правой колонке с упоминанием «паробков» позднейшим добавлением к списку убийц в левом столбце. Однако предполагать создание текста в два этапа нет никакой возможности: надпись выполнена одним почерком и, безусловно, была с самого начала оформлена в виде диптиха. Причину необычного словоупотребления следует, на наш взгляд, искать не в семантике социального термина, а в прагматике его употребления в контексте граффито. Основное значение слова *паробокъ* с полной определенностью вытекает из берестяных грамот, называющих таким образом молодого раба (холопа)¹⁷. В летописных текстах домонгольского времени слово представлено лишь двумя приведенными случаями. Но его использует в письме к Олегу Святославичу Владимир Мономах, называя таким образом дружинников Изяслава, подтолкнувших молодого князя на военную авантюру: «Наѡчиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но ѡному налѣзоша зло»¹⁸. Именование паробками людей явно лично свободных носит здесь, вероятно, пейоративный смысл. По-видимому, тот же негативный заряд слово имеет и в нашей надписи. Параллель к такому употреблению можно указать

¹⁶ «Всех убийц, которых летописец далее называет паробками князя, насчитывалось до двадцати» [Тихомиров 1952: 101].

¹⁷ № 831 (втор. четв. XII в.): «а съ еси полѣз оу мьне роубоу и парѣбоку во сѣми гривьно» 'И вот [еще] ты забрал у меня рабыню и юношу-раба [совокупной] ценой в семь гривен'; № 1031 (втор. пол. XII в.): «пар[об]ѣкъ еси одѣ[р]ѣнь въдале а нынѣ са въпирае на пати грѣвнѣ» 'Ты дал одерень (в полную собственность) паробка, а он теперь рвется на волю за пять гривен' (переводы А. А. Зализняка).

¹⁸ 'Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а добыли для него зла' [ПСРЛ, 1: 254 (6604, л. 84)].

в статье 6683 (1175) г. Лаврентьевской летописи, в речи, вложенной летописцем в уста ростовцев, называющих жителей Владимира своими холопами: «пожжемъ и (Владимир. — А. Г., С. М.), пакы ли, а посадника в немъ посади^а, то суть наши *холопы* каменщици»¹⁹. Интересно отметить также, что в рассказе Волынской летописи о событиях 1264 г. «паробками» названы убийцы литовского князя Тройната: «Посем же поча дѣмат конюси Миндовгови, 4 паробци, како бы лѣзъ имъ оубити Трената. Ѡному же идоушоу до мовнича мѣтѣся, ѡни же оусмотрѣвше собѣ верема, такова оубиша Тренату»²⁰. Поскольку и Тройнат, по всей вероятности, стал жертвой заговора элиты, а не просто покушения на него четырех слуг Миндовга, можно думать, что и здесь мы имеем дело с намеренным принижением социального статуса лиц, вовлеченных в политическое убийство²¹.

Спровоцировать пейоративное именование паробками всех убийц могло присутствие среди них лиц, формально действительно принадлежавших к разряду холопов. С большой вероятностью это можно утверждать о ключнике Амбале. По Русской Правде, «привязывание ключа», если оно осуществлялось «без ряду», превращало человека в холопа [ПрР: 260 (ст. 110)]. В «Повести временных лет» «робичичем» Рогнеда называет Владимира, рожденного ключницей Ольги Малушей. Поскольку Амбал был одним из зачинщиков заговора, уничижительное распространение его рабского звания на всех заговорщиков выглядит не лишенным смысла.

Чрезвычайно ценную новую информацию дает перечень убийц князя, намного более полный, чем его летописная версия, имеющая в Лаврентьевской летописи такой вид: «Началникъ же оубицамъ Петръ Кучковъ зать, Аньбалъ ѡсинъ ключни^к, Ъкъымъ Кучковичъ, а всѣхъ невѣрны^х оубицъ числомъ 20» [ПСРЛ, 1: 369 (6683, л. 124об.)]. Разночтения в перечне убийц сведены в Табл. 2²²:

¹⁹ 'Сожжем его или же посадника в нем посадим: они наши холопы-каменщики' [ПСРЛ, 1: 374 (6683, л. 126об.)]

²⁰ 'Потом стали совещаться конюхи Миндовга, четверо его слуг, как бы им убить Треняту. Когда же он пошел в баню мыться, они, выждав время, убили Треняту'. Цитата приведена по Ипатьевскому списку [ПСРЛ, 2: 861 (6771, л. 286об.)]. В Хлебниковском и других списках вместо *такова* читается *такое* [КНУ: 447 (356v)].

²¹ Характеристика убийц Тройната как конюхов и паробков Миндовга заставляет вспомнить похожее соединение конюхов с холопами во фразе, которой в рассказе Новгородской первой летописи о битве на Калке татары объясняют русским князьям цель своего появления: «ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ Богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганяя половче» [НПЛ: 62 (6732, л. 97об.)]; ср. [НПЛ: 265 (6732, л. 144об.)].

²² Разночтения даются по изданиям [ПСРЛ, 2: 586 (6683, л. 207); 41: 100 (6683, л. 524об.)]; Радзивилловская летопись, л. 214 об. (6683)] и по рукописи Московско-Академической летописи [МДА-236: 185]. Ср. также [ПСРЛ, 38: 138 (6683, л. 214об.)].

Таблица 2

Перечень убийц Андрея Боголюбского в древнейших летописях

	1	2	3	4
Ипат.	Петръ Кучковъ зять	Анбалъ ясинъ ключникъ	Якимъ Кучковичъ	[нет]
Лавр.	Петръ Кучковъ зять	Анбалъ ясинъ ключни ^к	Якимъ Кучковичъ	
Радз.	Петръ Кѡрковъ зѡ ^т	[пропуск, вероятно – гаплографический]		Єфрѣмъ Моизичъ
М-А	Петръ Кѡцковъ зять			Єфримъ Моизичъ
ЛПС	Петръ Кучковъ зять	Анбалъ ясинъ ключникъ	Якимъ Куцковичъ	Ефрѣмъ Моизичъ

К протографу летописного рассказа несомненно восходят имена Петра, Амбала и Якима вместе с соответствующими уточнениями (а также указание на то, что всего убийц было двадцать). Те же три имени открывают и список убийц в граффито, но с некоторыми отличиями.

Главный зачинщик — Петр, определенный в летописи как «Кучков зять», — упомянут без этого приложения, зато с отчеством — Фралович (от одного из народных вариантов имени Флор), которое было поначалу пропущено и позже дописано над строкой поверх рамки. Имя Фрора среди известных летописям бояр Северо-Восточной Руси отсутствует. Однако В. А. Кучкин обратил наше внимание на то, что в Московском Кремле издревле находилась церковь Флора и Лавра, по которой получила свое название проездная Фроловская (Флоровская) башня, в XVII в. переименованная в Спасскую. Ктиторм этого храма вполне мог быть Фрол, принадлежавший вместе с Кучком к первоначальной московской знати и женивший своего сына Петра на дочери Кучка.

Второй в списке — Амбал/Анбал, в летописи фигурирующий с указанием этнической принадлежности («ясин») и должности («ключник»), в переславской надписи назван только по имени. Написание его через *м* отличает граффито от летописных версий списка, но находит соответствие в продолжении рассказа в Ипатьевской, Радзивилловской и Московско-Академической летописях (в двух последних его имя пропущено в списке из-за гаплографии)²³. Имя *Амбалъ* / *Анбалъ* имеет аланское происхождение, и варьирование форм с *м* и *н* в корне отмечается уже в эпитафиях аланоязычных буртасов XIV в. [Добродомов 1993]. Опираясь на этот источник, И. Г. Добродомов связывает заговорщика

²³ См. [ПСРЛ, 2: 586 (6683, л. 207об.), 590 (6683, л. 208об.); 38: 138 (6683, л. 214об.); Радзивилловская летопись, л. 214об. (6683)], [МДА-236: 185].

Амбала не с кавказскими аланами (ясами, предками современных осетин), что обычно предполагалось, а с буртасами, жившими на территории Волжской Булгарии, откуда, согласно свидетельству Тверского сборника [ПСРЛ, 15: 250–251 (6683)], была родом также замешанная в заговоре вторая жена Андрея Боголюбского.

Отчество третьего из убийц, Якима, — *Куцковичь* — записано через *ц*, что весьма примечательно: точно так же оно пишется и в Летописце Переяславля Суздальского, с чем корреспондируют написания *Куцьковъ*, *Куцькова* в Московско-Академической летописи. Поскольку все эти три памятника, как и Лаврентьевская летопись, созданы вне ареала распространения цоканья, *Куцко* и *Кучко* могут соотноситься лишь как два варианта имени, бытовавшие в Северо-Восточной Руси. Эта вариативность не ускользнула от внимания В. О. Ключевского, упоминающего предполагаемого основателя Москвы как «Степана Куцка или Кучка» [Ключевский 1987: 6]. Но если второй вариант тривиален, то первый требует объяснения. Перспективной выглядит в этой связи гипотеза С. З. Чернова [2017], который, основываясь на анализе сфрагистического комплекса городка Шерны (Могутовское городище к северо-востоку от Москвы), содержащего целый ряд печатей новгородских князей первой половины XII в., предположил, что и Кучков (т. е. Москва) первоначально находился в сфере политического влияния Новгорода и отошел суздальским князьям лишь в середине XII в. Этот переход С. З. Чернов связывает с происхождением первой жены Андрея Боголюбского из клана Кучковичей. Хотя последнее прямо свидетельствуется лишь поздними московскими источниками, предполагаемый механизм перехода территории будущего московского княжества под юрисдикцию Суздаля выглядит правдоподобным²⁴. Если Куцко действительно был по происхождению новгородцем, то его имя вполне могло быть известно в Северо-Восточной Руси в свойственном его носителю цокающем произношении²⁵.

Четвертое имя в списке — [O](θ)рѣмъ (*Мои*)зичь, отсутствующее в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, имеется между тем в Радзивиловской и Московско-Академической летописях и в Летописце

²⁴ Подробнее о поздних сведениях о браке Андрея и Кучковны см. [Шамбинаго 1936; Тихомиров 1950].

²⁵ Заметим, что с новгородским происхождением Куцка хорошо согласуется и предполагаемое В. Н. Топоровым [1972: 275] балтийское происхождение имени, находящего соответствие (*Kutcze*) в прусском антропонимиконе. В Новгороде в таком случае Куцка следует выводить с Прусской улицы, название которой, если исходить из предположения В. И. Кулакова [1993: 46], связано с поселением на ней в XII в. переебравшихся в Новгород членов распадающейся прусской дружины. Нельзя в связи с этим не упомянуть, что берестяная грамота № 723 (2 пол. XII в.) с упоминанием поездки в Кучков [НГБ, X: 22] была найдена на Михаило-Архангельском раскопе, в непосредственной близости от древней Прусской улицы.

Переяславля Суздальского. Поскольку независимая утрата этого имени в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях маловероятна, его следует рассматривать как вставку в общем протографе остальных памятников — владимирском летописном своде 1206 г., сделанную на основе традиции, отразившейся в переславской надписи. Расхожее представление о еврейском происхождении отчества Ефрема *Моизичь* не соответствует действительности — как установил В. С. Кулешов (которому мы чрезвычайно признательны за это сообщение), оно восходит к арабскому (мусульманскому) имени مُعِزْ (*Muʿizz*, *Muʿizz*, фонетически в паузальной форме [moʕiz:], 'прославленный, благородный'), которое могло принадлежать, например, выходцу из Волжской Булгарии. В связи со сказанным выше об Амбале болгарское происхождение отца Ефрема Моизича кажется особенно вероятным.

Часть списка, не находящую соответствия в летописи, открывает Добрыня Микитич — полный тезка эпического богатыря²⁶. Случайно ли это совпадение? Хрестоматийный взгляд, согласно которому прототипом былинного Добрыни Никитича явился дядя и воевода Владимира Святославича, упоминаемый в «Повести временных лет», не исчерпывает вопроса об исторических основаниях этого образа. Реальной почвой, из которой вырастают центральные фигуры былин киевского цикла, есть больше оснований считать аристократическую культуру Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. Сведения о происхождении богатырей, сообщаемые самими былинами, неслучайно ведут именно на Северо-Восток. Прозвище Ильи Муромца говорит в этом отношении само за себя²⁷; Добрыню Никитича былины о нем называют рязанцем, а Алёшу Поповича выводят из Ростова [Добрыня и Алеша: 28, 184]. Для последнего летописная традиция XV в., как известно, нашла (или, скорее, создала) прототип в виде ростовского боярина Александра Поповича, служившего старшему сыну Всеволода Большое Гнездо Константину и погибшего в битве на Калке в 1223 г. В случае же с Добрыней Никитичем персонаж с подходящими данными обнаруживается не выходя за пределы владимирского летописания XII в. Мы имеем в виду ростовского боярина Добрыню Долгого, игравшего видную роль в событиях, развернувшихся в Северо-Восточной Руси после убийства Андрея Боголюбского. Он был одним из главных сторонников и советников Мстислава Ростиславича в борьбе за великокняжеский стол и погиб в битве под Юрьевом 27 июня 1176 г., принесшей окончательную победу Всеволоду [ПСРЛ, 1: 381–382 (6685, л. 129)].

²⁶ Несмотря на повреждение части букв, имя *Добрыня* восстанавливается достаточно надежно и без видимых альтернатив.

²⁷ Ср. [Лопухина, Флоря 2009].

В 1852 г. в кургане Селище, на лугу у села Кинобола под Юрьевом, на месте двух Липицких битв (1176 и 1216 гг.), А. С. Уваров обнаружил общую могилу с останками 26 человек и три отдельных гроба. Погребенные в них три человека лежали лицом на восток, со сложенными на груди руками — т. е. по всем правилам христианского погребения. «У них на головах попадались остатки золотого позумента, вероятно от обшивки боярских шапок или мурмолок; у шеи найдены золоченые пуговицы [всего пять], которые, вероятно, по две были пришиты к вороту сорочки, и сверх того при одном из этих трех остовов сохранился небольшой кусочек кожи от сапога или пояса», — писал А. С. Уваров [1870: 4] и делал вывод, что в трех гробах похоронены Добрыня Долгий и двое погибших с ним ростовских бояр — Иванко Степанович и Матфей Шибутович [Ibid: 4–5]²⁸.

Выдающийся рост, судя по прозвищу, отличавший Добрыню, гибель в одном из крупнейших сражений своего времени, почести, по всей видимости, оказанные ему при погребении победившим противником, — все это вполне могло содействовать образованию вокруг его имени посмертного эпического ореола²⁹. Возможность отождествить Добрыню Долгого с Добрыней Микитичем переславской надписи выглядит на этом фоне привлекательной. На пути этого отождествления встает, казалось бы, принадлежность Добрыни Долгого к ростовскому боярству³⁰ — обычно считается, что заговор против Андрея Юрьевича был составлен ближайшим окружением князя в Боголюбове. Однако мнение о возможной причастности к заговору представителей ростово-суздальской аристократии также высказывалось в литературе [Лимонов 1987: 86–87]. С другой стороны, в разгар политической борьбы, в ходе которой, как мы полагаем (о чем см. ниже), и была сделана надпись, в убийцы могли записать и тех, кто позже действовал с ними заодно, даже если эти лица в действительности и не участвовали в заговоре (такую возможность справедливо отмечает Л. Б. Сукина [2018: 54]).

Имя, начинавшееся на [O]yp-, и следующее за ним пока прочтению не поддаются. Не исключено, однако, что первое принадлежало еще одному выходцу с Востока, находившемуся в числе заговорщиков вместе с «ясином» Амбалом и Ефремом Моизичем. Последовательность

²⁸ Ср. [Кузьмин 2014: 199, прим. 6]. К отчеству *Шибутовичь* ср. топоним *Шиботово* (дер. в Петушинском районе Владимирской обл.).

²⁹ Заметим, что в словаре И. И. Срезневского среди значений прилагательного *дългыи* указано и 'высокий, великан', иллюстрируемое примером из «Пандектов» Никона Черногорца: «видѣ дълга некого высока и страшна, скръжеташе зуубы дългыи ѿнѣ» [Срезневский, 1: 757].

³⁰ Согласно предположению А. В. Кузьмина [2014: 199], сыном Добрыни Долгого был ростовский воевода Воислав Добрынич, упоминаемый в 1220 г.

[O]ур-[мъ] можно трактовать как соответствующую имени *Урумъ*, засвидетельствованному с XIII в. у целого ряда тюркских народов (огузов, туркмен, казахов, киргизов) и означающему 'удар, борьба' [Rásonyi & Baski 2007: 822].

Остальные имена прочитываются уверенно. Примечательно, что если в начале списка все, кроме Амбала, названы с отчествами, то во второй его части с отчеством упомянут только Петр Иванович (возможно, для противопоставления Петру Фраловичу), в то время как остальные названы только по именам, причем последние четверо — уменьшительными формами: Фролец, Мирошка, Петрко, Стырята³¹. Видеть в этом свидетельство социальной неоднородности заговорщиков необязательно — в домонгольское время использование уменьшительной формы имени еще не является индикатором низкого статуса человека. Нельзя исключать, что отмеченное различие может отражать противопоставление центральных фигур заговора и его периферийных участников. Показательно в этом смысле присутствие в списке Микиты и Фрольца, чьи имена переключаются с отчествами Петра Фраловича и Добрыни Микитича. Это двойное совпадение, возможно, объясняется тем, что на обеде, ставшем прикрытием для собрания заговорщиков, вместе с главными зачинщиками убийства были их близкие родственники, в том числе и сыновья, по традиции нареченные в честь своих дедов³².

Исключительный интерес представляет завершающее список имя *Стырята*. Это гипокористика на *-ята* от имени с корнем *стыр-*, который в русском литературном языке выступает лишь в прилагательном *настырный*, а в диалектах образует целое словообразовательное гнездо. См. слова на *стыр-* в [СРНГ, 42: 115–119], особ. *сты́рить* (одно из значений — 'ссориться'), *сты́рущий* 'склонный к ссорам, ругани, сварливый (обычно о женщине)' и др. Использование этого корня в антропонимике засвидетельствовано старопольским именем *Styr* и его производными [SSNO, V: 242], а на восточнославянской почве — топонимом *Стырово* (деревня в Спировском районе Тверской области) и фамилиями *Стыров*, *Стырков*. В памятниках древне- и старорусской письменности имена с корнем *стыр-* до находки переславского граффито не фиксировались. Тем более замечательно, что в 2017 г. имя *Стырята*

³¹ С употреблением гипокористических форм имен как будто корреспондирует переход автора надписи на бытовую орфографию. Такую же корреляцию можно видеть и в отдельно читаемом справа от основной надписи *Пѣтръ*, если, как уже говорилось выше, трактовать это слово как недописанное *Пѣтрѣць* <Петрець>. Похоже, что автор граффито начал его заново именно потому, что остался недоволен таким началом.

³² Мы искренне признательны Ф. Б. Успенскому, которому принадлежит это остроумное предположение.

встретилось в комплексе надписей-граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденных экспедицией Вл. В. Седова при раскопках руин церкви Благовещения на Городище под Новгородом. В этом эпиграфическом комплексе имя представлено четырежды: 1) в кириллической приписке *(С)тыр(а)та ѱлъ* ‘Стырята писал’ к большой глаголической надписи молитвенного содержания; 2) в глаголическом автографе **ꙶ(ꙶ)ꙶꙶ[ꙶꙶ] ꙶꙶ** (т. е. *C(m)[y](p̣y)[ta] ꙶꙶ*) с кириллической лигатурой в конце; 3) в сделанной другим почерком насмешливой надписи **ꙶꙶꙶ[ꙶꙶꙶ]ꙶꙶ | ꙶ[ꙶꙶ]ꙶ** (*Стъ[р(а)]та | б[аб]а*) ‘Стырята — баба!'; 4) в кириллической приписке *а с[е] Стр[т]а было выложи[л](...)* ‘а это начал писать [но не дописал] Стырята’ к глаголической азбуке Стырматы [Гиппиус, Михеев 2019: 50, № 30–33]. Все эти надписи происходят из жертвенника Благовещенской церкви. Употребление Стырматой глаголицы позволяет относить сделанные им и упоминающие его записи к первой половине XII в. Правее большой глаголической надписи Стырматы, на том же уровне (на 25 см выше остальных надписей в этом компарimente) находилась уже упомянутая надпись о смерти князя Всеволода Мстиславича в феврале 1138 г.

Появление одного и того же чрезвычайно редкого антропонима на стенах двух княжеских храмов XII в., — при отсутствии других его фиксаций — заставляет задуматься над вопросом, не принадлежит ли это имя одному человеку. Мог ли новгородский клирик, подвизавшийся в первой половине XII в. в княжеской церкви на Городище, оказаться в 1174 г. в числе заговорщиков в Боголюбове? Как ни странно, возможность прописать означенную биографическую траекторию имеется. Ее открывает тот факт, что Всеволод Мстиславич после изгнания его новгородцами в 1136 г. в течение года находился на княжении в Вышгороде, откуда затем ушел княжить во Псков. Как известно, именно из Вышгорода отправился в 1155 г. во Владимир-на-Клязьме Андрей Юрьевич. Допустимо представить себе следующий ход событий. Стырмата, бывший при Всеволоде молодым клириком княжеской церкви на Городище, вместе с князем ушел в 1136 г. из Новгорода и оказался в Вышгороде, где остался и после того, как его патрон ушел на княжение во Псков. В бытность Андрея Юрьевича вышгородским князем Стырмата сблизился с ним и ушел с Андреем во Владимир в 1155 г. Причастность Стырматы к заговору в 1174 г. может в таком случае объясняться тем, что он, как и Кучковичи, был родом из Новгорода.

Возможность отождествления двух Стырмат представляет еще и историко-литературный интерес. Дело в том, что текст глаголической молитвы Стырматы имеет пересечение с молитвой, завершающей в Лаврентьевской летописи подборку сочинений Владимира Мономаха [Гиппиус,

Михеев 2019: 50–51]. Это совпадение может объясняться знакомством Стыряты с молитвой Мономаха. Но его также возможно объяснить и исходя из выдвинутой ранее гипотезы [Гиппиус 2006], трактующей заключительную часть молитвы как добавление к первоначальному тексту, сделанное во Владимире при Андрее Боголюбском. Редактура могла быть осуществлена кем-то из духовных лиц, приближенных к Андрею Юрьевичу, и Стырята с его предполагаемым новгородским происхождением вполне подходит на эту роль. Наконец, нельзя не обратить внимания на имена двух клириков, которых Андрей Юрьевич взял с собой из Вышгорода во Владимир: согласно статье «А се князи русьстии», входящей в подборку материалов, предворяющих текст Новгородской первой летописи младшего извода в Комиссионном списке, это были священник Микула и его зять дьякон Нестор [НПЛ: 467 (л. 10)]; оба упоминаются также в Сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы, где Нестор фигурирует уже как поп Успенского собора [БЛДР, 4: 220]. Имя *Несторъ* / *Нестеръ* созвучно прозвищу *Стырята* (ср. также уже упомянутое прилагательное *настырный* и, особенно, диал. *настырь* 'назло' [СРНГ, 20: 203]); положение же Нестора как зятя Микулы подсказывает, каким образом новгородский клирик из окружения Всеволода мог осесть в Вышгороде. Подтвердить это построение дополнительными аргументами не представляется возможным. Однако обращает на себя внимание уже отмечавшееся исследователями безразличие, проявленное клиром владимирского собора к участи его ктитора в дни, последовавшие за убийством Андрея. Характерны слова, вложенные в Ипатьевской летописи в уста боголюбовского игумена Арсения, решившегося наконец отпеть пролежавшие в церкви два дня останки князя: «и долго намъ зрѣвшимъ на старѣишиѣ игумени и долго сему князю лежати?» [ПСРЛ, 2: 591 (6683, л. 208об.)]. Под «старейшими игуменами» имеется в виду владимирское духовенство, лишь спустя еще несколько дней и только по настоянию владимирцев организовавшее перенесение тела в город. «Все это заставляет предположить, — заключает, комментируя эти известия, Ю. А. Лимонов, — что крупное владимирское духовенство отнюдь не было дружественно настроено по отношению к Андрею. Если оно и не участвовало непосредственно в заговоре против князя, то, видимо, вполне сочувствовало той феодальной смуте, той "злобе", которая была направлена против княжеской власти» [Лимонов 1967: 82; Idem 1987: 88].

Общее число названных в списке не поддается однозначному определению. Неясно, во-первых, является ли нечитаемое слово в середине пятой строки самостоятельным именем или же отчеством человека, чье имя начиналось на *Ур-*. Во-вторых, существует некоторая вероятность

того, что *Петръко Стырята* — имя и прозвище одного лица³³. В зависимости от разрешения этих альтернатив, число «убийц» оказывается равным 11, 12 или 13. В любом случае оно существенно меньше двадцати — числа, указанного в летописи. Это несоответствие проще всего объяснить исходя из того, что в надписи были перечислены двенадцать человек — *два на десять* могли быть ошибочно переданы как *два десятые*.

Приведем теперь текст надписи в упрощенной графике, с современной пунктуацией и с переводом.

Петръ (Фралъвичь), Амбалъ, Якы[мъ] Куцковичь, Офрѣмъ [Мои]зичь, Добры[н]а М[и]китичь, Ур..., Микита, Петр[ъ] Ивановичь, Фрольць, Миръшка, Пьтръко, Стырята — си суть убиинци великаго князя Анъдрѣя. Да будуть прокляти и въ с...

Мѣсяця июня 29 убиень бысть князь Анъдрѣи своими паробкы. Овому вѣчная память, а симъ вѣчная мука. Ачь кто в помы[шлен]...

‘Петр (Фралович), Амбал, Яким Кучкович, Офрем Моизич, Добрына Микитич, Ур..., Микита, Петр Иванович, Фролец, Мирошка, Петрко, Стырята (или: Петрко Стырята) — это убийцы великого князя Андрея. Да будут прокляты и в ...

Князь Андрей был убит 29 июня своими слугами. Ему — вечная память, а им — вечная мука. Если кто ...’

Не может быть сомнений в том, что надпись была сделана по прошествии какого-то относительно небольшого времени после убийства Андрея Юрьевича. Но когда именно? И почему запись об убийстве, совершенном в Боголюбове, находится на стене собора в Переславле-Залесском? Прежде чем мы попытаемся ответить на эти вопросы, напомним, что сообщают источники о роли Переяславля в межусобной войне в Северо-Восточной Руси, вызванной убийством Андрея Боголюбского, и о дальнейшей судьбе убийц князя.

Ход усобицы определяло, как известно, противостояние младших братьев Андрея Юрьевича Михалка и Всеволода и его племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей. В этом столкновении переяславцы заняли поначалу сторону Ростиславичей. В 1175 г. они приняли к себе Ярополка и вместе с ростовцами и суздальцами ходили изгонять из Владимира занявшего его Михалка. Работавший в начале XIII в. составитель Летописца Переяславля Суздальского, оправдывая своих сограждан, подчеркивал, что они участвовали в осаде «принужениемъ ростовскимъ», а в действительности были за Михалка и Всеволода, имея

³³ Такая трактовка, естественно, несовместима с предположением о тождестве Стыряты и Нестора, однако вероятность ее незначительна: для индивидуализации третьего Петра достаточно и того, что он, в отличие от двух первых, назван гипокористической формой имени.

«едино сердце» с владимирцами [ПСРЛ, 41: 102–103 (6683, л. 525об.–526)]. Как бы то ни было, во второй фазе конфликта переяславцы были уже на другой стороне. Когда вернувшийся из Чернигова Михалко 15 июня 1175 г. занял Владимир, он посадил в Переяславле Всеволода. Когда же, после смерти Михалка 20 июня 1176 г., Всеволод сам стал владимирским князем, переяславцы оказали ему поддержку в решающем столкновении с Ростиславичами, закончившемся разгромом последних в битве на Юрьевском поле.

О судьбе убийц Андрея Боголюбского ранние летописи ничего не сообщают. Со страниц Ипатьевской летописи они исчезают в момент своего триумфа, хозяевами положения, занимая княжеский дворец в Боголюбове. Перед этим убийцы собирают войско, чтобы иметь возможность отразить нападение владимирской дружины. Послав к владимирцам, они ведут разговор с позиций силы, угрожая, если те выступят против них, расправиться с ними при помощи своих тайных союзников: «ти (в Хлебн. списке: ци) что помышляете на насъ, а хочем сѧ с вами коньчати: не насъ бо ѡдинѣхъ дума, но и ѡ васъ суть же в тои же думѣ» [ПСРЛ, 2: 589–590 (6683, л. 208)]³⁴. Ощущая за собой негласную поддержку едва ли не большей части владими́ро-суздальской элиты, которую Андрей Юрьевич успел настроить против себя авторитарными методами правления, убийцы князя вряд ли могли оставаться в стороне и от дальнейшего хода событий. По предположению А. Ю. Карпова [2020: 354–355], они, скорее всего, участвовали в собравшемся во Владимире вече, на котором представителями основных городов Суздальской земли было принято решение пригласить на княжение Мстислава и Ярополка.

Политической логике ситуации, казалось бы, отвечают сообщаемые источниками XV–XVI вв. сведения об отмщении убийцам, совершенном Михалком и Всеволодом. Самым ранним из этих источников является уже упоминавшаяся выше статья «А се князи русьстии». Здесь читаем: «И въ перьвое лѣто мстилъ обиду братъ его Михалко. Того же лѣта и умре. На третии год приде изъ заморія из Селуня братъ его Всеволодъ, наречены въ крещении Дмитрии, Юрьевичъ, и сѣде на великое кѣняжение, и мсти обиду брата своего Андрѣву: Кучковичи поималъ, и в коробы саждая, в озерѣ истопилъ» [НПЛ: 468 (л. 11)]. В памятниках XVI в. известие о казни Кучковичей дополняется указанием на то, что вместе с ними была казнена и замешанная в заговоре жена Андрея. Весь этот комплекс сведений, постепенно разрастающийся в позднесредневековой русской книжности (см. его анализ в новейших работах [Кузнецов 2012; Flier 2014]) носит явно легендарный характер, компенсируя

³⁴ По-видимому, фразу следует читать, восстанавливая пропущенное и: «но и о васъ суть иже в тои же думѣ» 'но и среди вас есть те, что участвуют в замысле'.

умолчание о судьбе убийц летописцев XII в. Само же это умолчание по-своему красноречиво. Описывая гибель Андрея от рук убийц как кончину страстотерпца, обе версии летописного рассказа представляют Всеволода Юрьевича полноправным преемником и продолжателем дела брата, но отнюдь не мстителем за его кровь. Это разительно отличает повествование об усобице 1174–1177 гг. от описания в «Повести временных лет» усобицы сыновей Владимира Святославича, лейтмотивом которого выступает мщение Ярослава за кровь Бориса и Глеба. Если бы отмщение Михалка и Всеволода за убитого брата имело место, официальный владимирский летописец Всеволода Большое Гнездо вряд ли умолчал бы об этом.

Пытаясь вписать переславское граффито в очерченный исторический контекст, естественно исходить из того, что проклятие убийц Андрея Боголюбского было актом не только церковным (к чему мы еще вернемся), но и политическим, санкционированным княжеской властью. Стороной, чьи интересы защищал этот акт, нужно, с учетом сказанного, признать Михалка и Всеволода Юрьевичей. Теоретически, проклятие убийцам могло быть провозглашено как в ходе усобицы, так и после ее завершения. В первом случае перед нами пропагандистский ход в борьбе за великокняжеский стол, во втором — декларация, подводящая черту под межусобной войной, в которую убийство владимирского самодержца ввергло Северо-Восточную Русь. Ясность в этот вопрос могла бы внести фраза «да будуть прокляти и в(ь сь вѣкъ и въ будущи)», предполагающая (если мы верно реконструируем ее завершение), что проклятие должно настигнуть убийц еще при жизни. Если бы сообщения о казни убийц Всеволодом Юрьевичем после его утверждения во Владимире заслуживали доверия, такая формулировка позволяла бы решительно предпочесть первую из указанных возможностей. Но и не располагая таким *terminus ante quem*, ей стоит, на наш взгляд, отдать предпочтение. Для Михалка и Всеволода Юрьевичей, не выступавших, как уже было сказано, мстителями за кровь брата, проклятие его убийц могло быть мотивировано в первую очередь противостоянием с Ростиславичами, в стане которых могли находиться и «Кучковичи» с их сообщниками. Надпись, несомненно, имела острое политическое звучание. Об этом говорит хотя бы упоминание тех, кто, находясь «в помышлении», сочувствовал заговорщикам — можно думать, что эти слова имели в виду тот же круг лиц, что и уже процитированная фраза из обращения убийц князя к владимирцам: «не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть (и)же в тои же думѣ».

В хронологических рамках усобицы 1174–1177 гг. самым вероятным временем появления граффито представляется год (с июня 1175 г.

по июнь 1176 г.), в течение которого Всеволод Юрьевич княжил в Переяславле. Память о боголюбовском убийстве была в это время свежа, а борьба с Ростиславичами — в самом разгаре. Посаждение младшего брата в Переяславле стало последним из актов «наряжения» городов Суздальской земли, которые Михалко Юрьевич предпринял после того, как в воскресенье 15 июня 1175 г. занял Владимир. Лаврентьевская летопись сообщает об этом так:

Потом же прислашася к Михалкови князю суждалци, рекуще: «мы, княже, на полку томъ со Мстиславо^{мъ} не были, но были с ни^{мъ} боларе, а на на^{хъ} лиха ср^ѣца не держи, но поѣди к на^{мъ}!» Михалко же ѣха в Суждаль (*в Радз. и М-А добавлено: с брато^{мъ} Всеволо^{мъ}до^{мъ}*) и и-Суждала Ростову, и створи люде^{мъ} весь нарадѣ, оутвердивъса кр^ѣтнѣмъ цѣлованьѣ^{мъ} с ними и чѣть возма оу ни^{мъ} и дары многы у ростовець, и посади брата своего Всеволода в Переяславли, а са^{мъ} възвратиса Володимерю [ПСРЛ, 1: 378–379 (6684, л. 128)].

Обратим внимание на даты: триумфальный въезд во Владимир Михалка и Всеволода произошел за две недели до Петрова дня, который в 1175 г. также был воскресным. Объезд городов в указанном летописью порядке: Владимир — Суздаль — Ростов — Переяславль — вполне мог уложиться в эти две недели, так что первую годовщину убийства Андрея Юрьевича Всеволод мог встретить уже переяславским князем. Или же — и эта возможность выглядит особенно привлекательной — к этому дню могла быть приурочена интронизация Всеволода в Переяславле. Хотя возведение на княжеский стол в воскресенье не было для домонгольской Руси правилом, в половине известных случаев для него выбирался именно этот день [Гвозденко 2009: 30]. Предполагается, что во второй половине XII в. церемония интронизации включала уже и церковную часть [Ibid.: 30–33]. Местом ее проведения в Переяславле мог быть только Спасо-Преображенский собор, заложенный Юрием Долгоруким и достроенный Андреем Боголюбским. В годовщину убийства Андрея Юрьевича эта церемония не могла не быть совмещена с поминовением убитого. Трудно представить себе более подходящую обстановку для провозглашения проклятия убийцам князя и вечной памяти ему самому.

Целый ряд вопросов, обреченных, впрочем остаться без однозначного ответа, вызывает церковно-правовой и литургический статус проклятия. Высказанное в предварительной публикации предположение, что граффито «[...] может быть копией официального извещения, разосланного по городам епархии и начертанного на стенах ее белокаменных храмов» [Гиппиус, Михеев 2017: 32], — не более чем догадка. Соединение проклятия (анафемы) и вечной памяти сближает надпись с Синодиком в Неделю православия. С другой стороны, оформление граффито в два столбца, обведенных рамкой, придает ему сходство с книжным разворо-

том и диптихом — тем более значительное, что голгофский крест над рамкой был, скорее всего, пририсован позже. Ввиду этого было предложено видеть в граффито «[...] копи[ю] диптиха с церковным анафематствованием» [Виноградов, Желтов 2019: 43]. Связь надписи с восточнохристианской традицией литургических поминальных диптихов предполагает и Л. Б. Сукина, допуская даже возможность непосредственного знакомства с практикой возглашения диптихов «заказчика» надписи — Всеволода Большое Гнездо. С другой стороны, исследовательница допускает, что текст мог быть скопирован «[...] с кодекса соборного помянника, куда была внесена надпись о поминании князя и анафематствовании его убийц для чтения ее на проскомидии» [Сукина 2018: 52].

Рассматривая данный вопрос, следует в первую очередь различать диптихи двух типов — *диптих*₁ как идущий от античности способ оформления письменного текста и литургический *диптих*₂ как список имен для поминания за богослужением. В интересующую нас эпоху поминальные диптихи давно утратили форму складней, на внутренних страницах которых записывались имена поминаемых живых и умерших, так что внешнее сходство граффито с *диптихом*₁ не дает никаких оснований предполагать влияние со стороны *диптихов*₂. Что же касается анафемы, то связь с нею поминальных диптихов заключалась лишь в том, что имена анафематствованных могли исключаться из них, но никак не вписываться (представление Л. Б. Сукиной о том, что анафемы читались за проскомидией, является недоразумением). Иное дело — Синодик в Неделю православия, в котором возглашения вечной памяти действительно чередуются с анафемами. Однако Вселенский синодик никогда в виде диптихов не оформлялся. С другой стороны, памяти и анафематствования в его составе всегда формулируются как отдельные возглашения, никогда не объединяясь в рамках одной фразы, — в отличие от правого столбца нашей надписи, где такое объединение имеет место: «овомъ вѣч[н]аѧ памат[ь], а симъ вѣчнаѧ м[8]к[а]». И если текст левого столбца в его сохранившейся части вполне можно представить себе в качестве возглашаемой анафемы, то второй столбец выглядит скорее как комментарий, в котором слова «вѣчнаѧ паматъ» занимают не обычное для синодика финальное положение, но включены в состав антитетической конструкции, восходящей к (Мф 25: 46): «И идуть сии въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный». Как литургическая формула возглашение вечной памяти князю в тексте граффито отсутствует.

Нет нужды представлять, как могло бы выглядеть это возглашение, поскольку оно сохранилось в составе знаменитой «Троицкой книги» — синодика Успенского собора Московского Кремля, восходящего в своей основе к синодику Успенского собора во Владимире. Здесь читаем: «Ве-

ликому князю Андрею Юрьевичу Володимирскому и Боголюбскому умершему нужною смертию от своих домочад, вечная память» [ДРВ, VIII: 28]. Запись находится в окружении аналогично оформленных памятей других киевских и владимирских князей, одинаково названных «великими», и могла попасть на страницы синодика вне тех исторических обстоятельств, в которых появилось переславское граффито. Определение убийц как «домочад» князя, т. е. его домашних слуг³⁵, хотя и стоит ближе всего к именованию их «паробками» в граффито, вполне может представлять собой результат независимого осмысления летописных данных.

Анафемы убийцам в синодике нет, и это неудивительно. Предание анафеме не за ересь, а за преступление против государства — случай для русского средневековья исключительный. Проследивший историю этого явления К. Т. Никольский отмечал, что до начала XVII в. такая анафема применялась исключительно в виде угрозы лицам, противящимся княжеской или царской власти (отметим, что приводимые им примеры содержат формулировку проклятия «в сий век и в будущий», которая, скорее всего, имелась и в нашей надписи) [Никольский 1879: 241–242]. В XVII и XVIII вв. анафеме были подвергнуты Григорий Отрепьев, Тимофей Анкудинов, Степан Разин, Иван Мазепа и Емельян Пугачев; их пространные анафематствования были включены в Чин православия и продержались в нем в составе синодиков до XIX в. Эти примеры включают случаи как посмертного, так и прижизненного анафематствования, последнему был подвергнут Степан Разин, анафема которому была провозглашена в разгар борьбы с бунтовщиками³⁶ [Ibid.: 237–252].

«Нельзя сомневаться, — писал Ф. И. Успенский [1891: 244], — что русская церковь, предавая анафеме на ряду с еретиками бунтовщиков и самозванцев, вообще противников существующего государственного порядка, имела для себя основание в практике византийской церкви. Что в Византии подвергались церковному отлучению политические преступники, это подтверждается неоднократными свидетельствами». Круг таких свидетельств, впрочем, крайне ограничен и для XI–XII вв. сводится к трем случаям. Первый имел место в 1026 г., когда Константин VIII при содействии патриарха Алексея Студита и синода издал

³⁵ Отметим, что в исторических словарях русского языка слово отсутствует. С этим обозначением явно связано (а возможно, восходит к нему) формулировка Степенной книги: «диаволь [...] въздвиже на него брань отъ своихъ домочадныхъ ему» [Степенная книга, I: 471 (ст. VI, гл. 12, л. 277об.); ср. [ПСРЛ, 21/1: 239 (ст. VI, гл. 12, 406об.)].

³⁶ Заметим, что вместе с Разиным анафеме были преданы двенадцать его сообщников. Максимально возможное число убийц, названных в надписи, как мы помним, — 13; при этом в летописи Петр Кучков зять (Петр Фралович граффито) определен как «начальник убийцам». Не исключено, таким образом, что список убийц, подвергнутых анафеме, был специально подогнан под стереотип дюжины.

новеллу в форме томоса, предающего анафеме организаторов и участников мятежа [RKOR 1025–1204: 1, № 823; RAC 715–1206: 338–339, № 830]. Два других акта связаны с именем Мануила Комнина и характерным образом приходятся на первую половину 1170-х гг. В 1171 г., после рождения у него сына Алексея, император отдал распоряжение привести к присяге на верность ему и наследнику всех жителей Константинополя. Одновременно с этим патриарх Михаил Анхиал издал томос, в котором сам принес такую присягу и обязал присягнуть все столичное духовенство, объявив тех, кто будет злоумышлять против наследника, недостойными имени христианина. Авторами XIV в. этот томос упоминается как объявлявший врагам императора анафему [RAC 715–1206: 547–548, № 1120; Павлов 1895: 388–390]. Наконец, между 1173 и 1176 гг., по свидетельству Иоанна Киннама, анафеме был предан двоюродный брат Мануила, авантюрист Андроник Комнин, — за набеги на византийские пределы из Восточной Анатолии, которую Киннам называет Персией [Io. Cinnamus: 251 (VI, 1); Византийские историки: 278].

Как видим, объявление анафемы убийцам Андрея Боголюбского было вполне в духе церковной политики Мануила Комнина, с оглядкой на которую действовал и сам Андрей Юрьевич и о которой должен был иметь представление Всеволод Юрьевич с его византийским опытом и связями. Византийские параллели способны объяснить и дальнейшую судьбу этого акта: ни одна из них не отразилась в дошедших до нас редакциях греческого Синодика. Вероятное объяснение этому Ф. И. Успенский видел в том, что статьи политического характера «[...] вносились в него и потом устранялись по миновании надобности» [Успенский 1891: 245]. «Можно [...] думать, — отмечал он, — что церковная власть неоднократно пересматривала Синодик, исключая или изменяя статьи, имевшие характер временной меры» [Ibid.: 244]. Основанием для исключения «политических» анафем из Синодика могли стать и сомнения в их каноничности или даже прямое отрицание таковой — вопрос о допустимости отлучения от церкви политических преступников был в византийском обществе предметом острых дискуссий [Fögen 1995]³⁷. «Минованием надобности» или позднейшей канонической «цензурой» может объясняться и отсутствие анафемы убийцам Андрея Боголюбского в русском Синодике, пополнение которого на

³⁷ Анафемы покушающимся на жизнь монарха, а также пособникам разбойников и убийц читаются в болгарском Синодике царя Борила начала XIII в., в том его разделе, которая содержит статьи, отсутствующие в греческом оригинале: «Иже каковѣмъ либо оухъщреніемъ или былѣемъ или чародѣаніемъ или обааніемъ или влѣхваніи вражіи или ѡтравѡхъ покоуситса врѣдити црѣ помазаника Гѣѣ — такового анаѣема. [...] Вѣсѣхъ иже татемъ и оубійцамъ и разбѡйникымъ и прѡчѣимъ такѡвымъ посѡбѡствующимъ анаѣ» [Борилов синодик: 147–148].

раннем этапе его истории сопровождалось, как показал В. В. Дергачев [2001: 21–22], изъятием ряда статей.

С другой стороны, анафема убийцам князя как экстраординарная и сомнительная с канонической точки зрения мера, вызванная политической необходимостью, могла и не предназначаться для включения в Чин православия. Таким образом объяснял отсутствие «политических» анафем во Вселенском синодике К. Т. Никольский: «[...] анафематствования против бунтовщиков и изменников, по всей вероятности, у Греков не вносились в Чин Православия» [Никольский 1879: 238–239]. Все приводимые им из истории русской церкви примеры таких анафем относятся уже к синодальному периоду. Порядок их объявления, устного и письменного — посредством листов, прикреплявшихся на церковных дверях, был прописан в «Духовном регламенте» 1721 г. В соответствии с ним в царствование Екатерины I была объявлена анафема лицам, сопротивлявшимся петровскому указу о престолонаследии, — акт, по существу, аналогичный томосу Мануила Комнина 1171 г.

Хотя эти поздние параллели могут представлять для нашей темы лишь косвенный интерес, одна из них заслуживает особого внимания. Имеем в виду анафематствование убийц архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), ставшего жертвой «чумного бунта» 1771 г. (об этих событиях см. [Alexander 2003: 186–195]). В указе Синода от 28 сентября 1771 г. предписывалось, среди прочего:

«5-е) [при погребении п]о последнем в церкви возгласении покойному Преосвященному вечная память, возгласить сицевым образом: Блаженные памяти Преосвященного Амвросия, Архиепископа Московскаго и Калужскаго злочестивымъ убийцам анафема. 6-е) Приказать в каждой церкви Московской епархии, по получении сего указа немедленно, отпеть по покойном Преосвященном панихиду, и по окончании оной провозгласить онго Преосвященного убийцам вышепоказанным образом анафему. 7-е) Потом чрез всегодичное время чинить при отправляемых литургиях по нем Преосвященном поминовение и каждый месяц петь панихиды, с провозглашением убийцам анафемы вышеописанным же образом» [ПСПР, 1762–1772: 752, № 627] (ср. [Никольский 1879: 288]).

Соединение анафемы убийцам с возгласением вечной памяти убиенному в чине месячного и годового поминания как будто прямо воспроизводит стереотип ситуации, в которой, согласно нашему предположению, 29 июня 1175 г., в годовщину убийства Андрея Боголюбского, его убийцы были преданы анафеме, о чем на апсиде переяславского собора было сделано официальное извещение³⁸.

³⁸ В пользу этого предположения свидетельствует, как кажется, и последующая судьба граффито. Как мы отметили вначале, спустя какое-то время после его написания над прямоугольной рамкой был нарисован голгофский крест, при

Время пощадило выдающийся памятник древнерусской эпиграфики, а осторожность реставраторов Спасо-Преображенского собора сберегла его уже в наши дни. Благодаря этому об обстоятельствах и участниках заговора, составленного в Боголюбове и реализованного под сводами княжеского дворца в ночь на 29 июня 1174 г., мы можем судить теперь не только по летописным рассказам, но и на основании письменного свидетельства, практически современного событиям. Надеемся, что изучение этого уникального источника будет плодотворным, а сам он будет должным образом сохранен от воздействия внешней среды и случайных повреждений.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

МДА — Рукописное собрание Московской духовной академии

РГБ — Российская государственная библиотека, Отдел рукописей

Библиография

Источники

Рукописи

МДА-236

РГБ, ф. 173.1 (собр. МДА), № 236 — Московско-академическая летопись, кон. XV — нач. XVI в. (цифровая копия: <http://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173-i-236>).

Издания

БЛДР, 4

Библиотека литературы Древней Руси, 4: XII век, С.-Петербург, 2000.

Борилов синодик

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И., *Борилов синодик. Издание и перевод*, София, 2012.

Византийские историки

Византийские историки, переведенные с греческого, С.-Петербург, 1859.

Добрыня и Алеша

Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г., подгот. изд., *Добрыня Никитич и Алеша Попович*, Москва, 1974.

ДРВ, VIII

Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей Российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, VIII, С.-Петербург, 1775.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

ПрР

Правда Русская, 1: Тексты. Москва, Ленинград, 1940.

котором начертан ряд вертикальных линий. В этих штрихах можно усмотреть известную в древнерусской эпиграфике форму фиксации поминальных служб [Корнієнко 2010: 381–391; Калечиц 2015]; в таком случае перед нами могут быть отметки поминальных служб по Андрее Юрьевиче, сопровождавшихся возгласением анафемы убийцам князя.

ПСРП, 1762–1772

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй, 1: 1762–1772 гг., С.-Петербург, 1910.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Изд. 2-е, Ленинград, 1926–1927.

—, 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Изд. 2-е, С.-Петербург, 1908.

—, 15

Полное собрание русских летописей, 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью, С.-Петербург, 1863.

—, 21/1

Полное собрание русских летописей, 21: Книга Степенная царского родословия, 1, С.-Петербург, 1908.

—, 38

Полное собрание русских летописей, 38: Радзивилловская летопись, Ленинград, 1989.

—, 41

Полное собрание русских летописей, 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей), Москва, 1995.

Радзивилловская летопись

Радзивилловская летопись, С.-Петербург, Москва, 1994.

Степенная книга, 1

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: в 3 томах, 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X, Москва, 2007.

Ю. Cinnamus

Ioannus Cinnamus, Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum, Bonna, 1836.

KNW

Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) (= Pomniki Dziejowe Polski, Seria II, T. XVI), Kraków, Warszawa, 2017.

RAPC 715–1206

Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, Vol. I: Les Actes des Patriarches, Fasc. II–III: Les Regestes de 715 à 1206, 2-me éd., Paris, 1989.

RKOR 1025–1204

Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453, 2: *Regesten von 1025–1204*, 2., erweiterte und verbesserte Auflage. München, 1995.

Литература

Бережков 1963

Бережков Н. Г., Хронология русского летописания, Москва, 1963.

Булкин, Рождественская 1984

Булкин В. А., Рождественская Т. В., Надписи на камне из храма Софии в Полоцке, *Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1982*, Ленинград, 1984, 7–12.

Вилкул 2005

Вилкул Т., О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки), *Palaeoslavica*, 13, 1, 2005, 21–80.

Виноградов, Желтов 2019

Виноградов А. Ю., Желтов М. (свещ.), Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.), *У истоков и источников: на международных и*

- междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко*, Москва, 2019, 35–56.
- Виноградов et al. 2020
Виноградов А. Ю., Елшин Д. Д., Свойский Ю. М. Вопросы строительной истории Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в свете новых открытий, *Архитектурная археология*, 2, Москва, 2020: 65–79.
- Воронин 1949
Воронин Н. Н., Раскопки в Переславле-Залесском, *Материалы и исследования по археологии СССР*, 11: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, I, Москва, Ленинград, 1949, 193–202.
- Воронин 1963
Воронин Н. Н., Повесть об убийстве Андрея Боголюбского и ее автор, *История СССР*, 3, 1963, 80–97.
- Гвозденко 2009
Гвозденко К. С., Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (35), 2009, 17–35.
- Гиппиус 2006
Гиппиус А. А., Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. III, *Русский язык в научном освещении*, 2 (12), 2006, 186–203.
- 2016
Гиппиус А. А., К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской, *Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*, Москва, 20–22 апреля 2016 г., Москва, 2016, 79–81.
- Гиппиус, Михеев 2017
Гиппиус А. А., Михеев С. М., Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 3 (69), 2017, 31–32.
- 2019
Гиппиус А. А., Михеев С. М., Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор, *Архитектурная археология*, 1, Москва, 2019, 35–54.
- Дергачев 2001
Дергачев В. В. Вселенский синодик в древней и средневековой России, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (3), 2001, 18–29.
- Добродомов 1993
Добродомов И. Г., Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века, *Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии*, Москва, 1993, 130–150.
- Зализняк 2000
Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.)*. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2000, 134–429.
- 2004
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.
- 2015
Зализняк А. А., Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования, Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.)*, Москва, 2015, 276–278.

Иорданиди, Крысько 2006

Историческая грамматика древнерусского языка, 1: Иорданиди С. И., Крысько В. Б., Множественное число именного склонения, Москва, 2006.

Калечиц 2015

Калечиц И. Л., Одноименные поминальные граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке, *Вопросы эпиграфики*, 8, Москва, 2015, 179–192.

Калечиц 2011

Калечиц І. Л., *Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст.*, Мінск, 2011.

Карпов 2020

Карпов А. Ю., *Андрей Боголюбский*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2020.

Ключевский 1987

Ключевский В. О., *Сочинения. В 9 томах*, 2: *Курс русской истории*, Ч. 2, Москва, 1987.

Корнієнко 2010

Корнієнко В. В., *Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.)*, 1: Приділ св. Георгія Великомученика, Київ, 2010.

Корнієнко 2015

Корнієнко В. В., *Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.)*, 5: Приділ свв. Іокіма та Анни (південна сторона), Київ, 2015.

Кузнецов 2012

Кузнецов А. А., Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены, *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова*, Москва, 2012, 23–32.

Кузьмин 2014

Кузьмин А. В., *На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в.*, 1, Москва, 2014.

Кулаков 1993

Кулаков В. И., Прусская дружина и Русь, *Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пащуто*. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тезисы докладов, Москва, 1993, 43–46.

Кучкин 2003

Кучкин В. А., Летописные повествования об убийении кн. Андрея Боголюбского, *Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник*, С.-Петербург, 2003, 61–65.

Лимонов 1967

Лимонов Ю. А., *Летописание Владимиро-Суздальской Руси*, Ленинград, 1967.

——— 1987

Лимонов Ю. А., *Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории*, Ленинград, 1987.

Литвина, Успенский 2019

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Династический мир домонгольской Руси*, С.-Петербург, 2020.

Лихачев 1947

Лихачев Д. С., *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва, Ленинград, 1947.

Лопухина, Флоря 2009

Лопухина Е. В., Флоря Б. Н., Илия Муромец, *Православная энциклопедия*, 22: Икона – Иннокентий, Москва, 2009, 307–312.

Насонов 1969

Насонов А. Н., *История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования*, Москва, 1969.

НГБ, X

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.) Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2010.

———, XII

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.), Москва, 2015.

Никольский 1879

Никольский К., *Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о чине Православия*, С.-Петербург, 1879.

Отчет 2015

Отчет о наблюдении за реставрационными работами на объекте культурного наследия федерального значения «Спасо-Преображенский собор, 1157 год» (<http://projects.museumpereslavl.ru/files/sobor-otchet-shadunts-2015.pdf>)

Павлов 1895

Павлов А., Синодальный акт Константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 года о приводе архиереев к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею, с формой самой присяги, *Византийский временник*, 2, 1895, 388–393.

Петрухин 2009

Петрухин П. В., К изучению новгородской берестяной грамоты № 724, *Русский язык в научном освещении*, 1 (17), 2009, 109–126.

——— 2019

Петрухин П. В., Где и когда собирал дань новгородец Савва?, *Slověne*, 8/1, 2019, 55–108.

Рыбаков 1964

Рыбаков Б. А., *Русские датированные надписи XI–XIV веков* (= Археология СССР. Свод археологических источников, Е 1–44.), Москва, 1964.

Серебрянский 1915

Серебрянский Н. И., Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты), *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских*, 3 (254), 1915, Раздел II: Исследования, I–IV, 1–296, 1–186, I–VI.

СК XI–XIII

Жуковская Л. П., отв. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.*, Москва, 1984.

Срезневский, 1

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1: А – К, С.-Петербург, 1893.

СРНГ, 20

Словарь русских народных говоров, 20: *Накучать – Негоразд*, Ленинград, 1985.

———, 42

Словарь русских народных говоров, 42: *Стриж – сухловина*, С.-Петербург, 2008.

Стефанович 2019

Стефанович П. С., Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных, *Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции. 9–13 сентября 2019 года*, Москва, Россия, Москва, 2019, 190–191.

Сукина 2018

Сукина Л. Б., Граффито с поминанием князя Андрея Боголюбского на абсиде Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском: проблемы интерпретации происхождения, смысла и назначения текста, *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 3, 2018, 49–56.

Тихомиров 1950

Тихомиров М. Н., Сказания о начале Москвы, *Исторические записки*, 32, Москва, 1950, 233–241.

——— 1952

Тихомиров М. Н., Условное феодальное держание на Руси XII в., *Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей*, Москва, 1952, 100–111.

Топоров 1972

Топоров В. Н., «Baltica» Подмосковья, *Балто-славянский сборник*, Москва, 1972, 217–280.

Уваров 1870

Уваров А., *Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и по археологическим изысканиям*, Москва, 1870.

Успенский 1891

Успенский Ф., *Очерки по истории византийской образованности*, С.-Петербург, 1891.

Фроянов 1980

Фроянов И. Я., *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*, Ленинград, 1980.

Чернов 2017

Чернов С. З., О хронологических рамках заключения брака Андрея Боголюбского, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 3 (69), 2017, 160–162.

Шамбинаго 1936

Шамбинаго С. К., Повести о начале Москвы, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 3, Москва, Ленинград, 1936, 59–98.

Alexander 2003

Alexander J. T., *Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster*, Oxford, New York, 2003.

Brogliato 1992

Brogliato B., *Il Cantico delle Pietre. Museo lapidario assisano dal sec. XII al sec. XX*, Assisi, 1992.

Flier 2014

Flier M. S., The murder of Andrej Bogoljubskij in word and image, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, 2014, 103–118.

Fögen 1995

Fögen M. Th., Rebellion und Exkommunikation in Byzanz, *Ordnung und Aufruhr im Mittelalter. Historische und juristische Studien zur Rebellion* (= Ius Commune. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte, Sonderhefte. Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte, 70), Frankfurt am Main, 1995, 43–80.

Frigieri 2004

Frigieri E., *Il Duomo di Modena tra filosofia e storia*, Verona, 2004.

Poppe 1989

Poppe A., Words that serve the authority: On the title of “Grand Prince” in Kievan Rus’, *Acta Poloniae Historica*, 60, 1989, 159–184.

Rásonyi & Baski 2007

Rásonyi L., Baski I., *Onomasticon Turcium: Turkic Personal Names as collected by László Rásonyi*, Bloomington, 2007.

SSNO, V

Słownik staropolskich nazw osobowych, 5, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1977–1980.

References

- Alexander J. T., *Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster*, Oxford, New York, 2003.
- Berezhkov N. G., *Khronologiya russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.
- Brogliato B., *Il Cantico delle Pietre. Museo lapidario assisano dal sec. XII al sec. XX*, Assisi, 1992.
- Bulkin V. A., Rozhdestvenskaya T. V., Nadpisi na kamne iz khrama Sofii v Polotske, *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya. Ezhegodnik* 1982, Leningrad, 1984, 7–12.
- Chernov S. Z., O khronologicheskikh ramkakh zakliucheniia braka Andreia Bogoliubskogo, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 3 (69), 2017, 160–162.
- Dergachev V. V., Vselenskii sinodik v drevnei i srednevekovoi Rossii, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 1 (3), 2001, 18–29.
- Dobrodomov I. G., Ob odnom alano-burtasskom imeni v epitafiakh volzhskikh bulgar XIV veka, *Onomastika i epigrafika srednevekovoi Vostochnoi Evropy i Vizantii*, Moscow, 1993, 130–150.
- Flier M. S., The murder of Andrej Bogoljubskij in word and image, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, 2014, 103–118.
- Fögen M. Th., Rebellion und Exkommunikation in Byzanz, *Ordnung und Aufruhr im Mittelalter. Historische und juristische Studien zur Rebellion* (= Ius Commune. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte, Sonderhefte. Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte, 70), Frankfurt am Main, 1995, 43–80.
- Frigieri E., *Il Duomo di Modena tra filosofia e storia*, Verona, 2004.
- Froyanov I. Ya., *Kievskaia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*, Leningrad, 1980.
- Gippius A. A., K prochteniiu nadpisi № 3541 Sofii Kievskoi, *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoi infrastruktury. XXVIII Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*, Moskva, 20–22 aprelia 2016 g., Moscow, 2016, 79–81.
- Gippius A. A., Sochineniia Vladimira Monomakha: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. III, *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (12), 2006, 186–203.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniia na Gorodishche: predvaritel'nyi obzor, *Arkhiturniia arkheologiya*, 1, Moscow, 2019, 35–54.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., Nadpisi' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo iz Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 3 (69), 2017, 31–32.
- Gvozdenko K. S., The Ceremony of Prince's Enthronement in Pre-Mongol Rus', *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 1 (35), 2009, 17–35.
- Kalechits I. L., *Epigrafika Belarusi X–XIV stst.*, Minsk, 2011.
- Kalechits I. L., *Odnoinmennye pominal'nye graffiti Spaso-Preobrazhenskoi tserkvi v Polotske, Voprosy epigrafiki*, 8, Moscow, 2015, 179–192.
- Karpov A. Yu., *Andreii Bogoliubskii*, 2nd ed., Moscow, 2020.
- Kornienko V. V., *Korpus grafiti Sofii Kiivs'koi (XI – pochatok XVIII st.)*, 1: Pridil sv. Georgiia Velikomučenika, Kyiv, 2010.
- Kornienko V. V., *Korpus grafiti Sofii Kiivs'koi (XI – pochatok XVIII st.)*, 5: Pridil sv. Iokima ta Anni (pivdenna storona), Kyiv, 2015.
- Kuchkin V. A., Letopisnye povestvovaniia ob ubienii kn. Andreia Bogoliubskogo, *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi. Letopisi. Povesti. Khozhdeniia. Poucheniia. Zhitiia. Poslaniia. Annotirovannyi katalog-spravochnik*, St. Petersburg, 2003, 61–65.
- Kulakov V. I., Prusskaia družhina i Rus', *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Spornye problemy istorii. Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*, Moscow, 12–14 aprelia 1993 g. Tezisy dokladov, Moscow, 1993, 43–46.
- Kuzmin A. V., *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seređine XV v.*, 1, Moscow, 2014.
- Kuznetsov A. A., Svedeniia istochnikov XV–XVII vv. ob uchatii v ubiistve Andreia Bogoliubskogo ego zheny, *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.). Sbornik statei. K 80-letiiu chlena-korrespondenta RAN V. I. Buganova*, Moscow, 2012, 23–32.
- Likhachev D. S., *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*, Moscow, Leningrad, 1947.
- Limonov Yu. A., *Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi, Leningrad*, 1967.
- Limonov Yu. A., *Vladimiro-Suzdal'skaia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*, Leningrad, 1987.
- Litvina A. F., Uspenskii F. B., *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi*, St. Petersburg, 2020.
- Nasonov A. N., *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniia*, Moscow, 1969.
- Petrukhin P. V., Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?, *Slověne*, 8/1, 2019, 55–108.
- Petrukhin P. V., K izucheniiu novgorodskoi berestianoi gramoty № 724, *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1 (17), 2009, 109–126.
- Poppe A., *Words that serve the authority: On the title of "Grand Prince" in Kievan Rus'*, *Acta Poloniae Historica*, 60, 1989, 159–184.
- Rásonyi L., Baski I., *Onomasticon Turcium: Turkic Personal Names as collected by László Rásonyi*, Bloomington, 2007.
- Rybakov B. A., *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov* (= Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E 1–44.), Moscow, 1964.

Shambinago S. K., *Povesti o nachale Moskvy, Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 3, Moscow, Leningrad, 1936, 59–98.

Smirnov Yu. I., Smolitsky V. G., prep. ed., *Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich*, Moscow, 1974.

Stefanovich P. S., Ob ubiitsakh Andreia Bogoliubskogo v svete novykh dannykh, *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 9–13 sentiabria 2019 goda*, Moscow, Russia, Moscow, 2019, 190–191.

Sukina L. B., Commemorative Graffito of Prince Andrey Bogolyubsky on the Abse of the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky: Problems of Interpretation of Origin, Meaning and Purpose of the Text, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, 2018, 49–56.

Tikhomirov M. N., Skazaniia o nachale Moskvy, *Istoricheskoe zapiski*, 32, Moscow, 1950, 233–241.

Tikhomirov M. N., Uslovnnoe feodal'noe derzhanie na Rusi XII v., *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnu semidesiatiletiia: Sbornik statei*, Moscow, 1952, 100–111.

Toporov V. N., "Baltica" Podmoskov'ia, *Baltoslavianskii sbornik*, Moscow, 1972, 217–280.

Vilkul T., O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'evskoi i Lavrent'evskoi letopisi za XII v. (predvaritel'nye zametki), *Palaeoslavica*, 13, 1, 2005, 21–80.

Vinogradov A. Iu., Elchin D. D., Svoiskii Iu. M., Voprosy stroitel'noi istorii Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom v svete novykh otkrytii, *Arkhitekturaia arkhologiiia*, 2, Moscow, 2020, 65–79.

Vinogradov A. Iu., Zheltov M., Pravovye akty

Russkoi mitropolii pri Konstantine I (1156–1159 gg.), *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putiakh. Iubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*, Moscow, 2019, 35–56.

Voronin N. N., *Povest' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo i ee avtor, Istoriia SSSR*, 3, 1963, 80–97.

Voronin N. N., Raskopki v Pereslavle-Zalesskom, *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR*, 11: Materialy i issledovaniia po arkhologii drevnerusskikh gorodov, I, Moscow, Leningrad, 1949, 193–202.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., Korrektivy k tablitsam vne-stratigraficheskogo datirovaniia, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, 2015, 276–278.

Zaliznyak A. A., Paleografiia berestianykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiia berestianykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie, Moscow, 2000, 134–429.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, 2015.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.) Paleografiia berestianykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie, Moscow, 2010.

Алексей Алексеевич Гишпиус, доктор филологических наук,

член-корреспондент РАН,

ведущий научный сотрудник

НИУ «Высшая школа экономики»,

105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия / Russia

agippius@mail.ru

Савва Михайлович Михеев, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

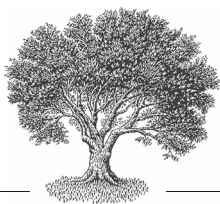
Института славяноведения РАН,

119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Россия / Russia

mikheev@gmail.com

Received April 23, 2020

Чтение по складам и графико- орфографические особенности древнерусских берестяных грамот*

Reading by Syllables and Graphico- Orthographic Features of Old Russian Birchbark Letters

**Павел Владимирович
Петрухин**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
Москва, Россия

Pavel V. Petrukhin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
School for Advanced Studies in the
Humanities (RANEPA)
Moscow, Russia

Резюме

В значительной части берестяных грамот используется так называемая бытовая графическая система, главной отличительной чертой которой является смещение букв *ъ* и *о*, *ь* и *е*. Исследователями высказывалось предположение, что формирование и основные особенности данной системы связаны с теми навыками, которые пишущие приобретали в процессе освоения

* Автор признателен А. А. Гиппиусу, Г. А. Молькову, Б. А. Успенскому, а также анонимному рецензенту журнала «Словѣне» за внимательное прочтение предварительного варианта статьи и ценные замечания. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН.

Цитирование: Петрухин П. В. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 103–128.

Citation: Petrukhin P. V. (2020) Reading by Syllables and Graphico-Orthographic Features of Old Russian Birchbark Letters. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 103–128.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.4

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

грамоты. В статье приведены аргументы, подтверждающие эту гипотезу. В заключительной части статьи бытовая графическая система рассматривается в контексте мировой истории письма.

Ключевые слова

берестяные грамоты, бытовая графическая система, система чтения по складам, эффект скандирования, история и типология письменных систем

Abstract

A significant part of birchbark letters use the so-called vernacular graphic system, the main distinguishing feature of which is the mixing of the letters *ъ* and *о*, *ь* and *е*. Researchers have suggested that the development and main features of this system are related to the skills that the authors of birchbark letters acquired in the process of mastering literacy. The article provides arguments supporting this hypothesis. In the final part of the article, the vernacular graphic system is considered in the context of the world history of writing.

Keywords

birchbark letters, vernacular graphic system, reading by syllables, chanting effect, history and typology of writing systems

I begin with a simple observation that was hard for scholars to make:

If you haven't learned to read an alphabet,

you don't think of "letters" as components of words.

It's hard, though, for people who do read with an alphabet to imagine that.

Peter T. Daniels, *An Exploration of Writing*

Введение

Задолго до находки первой новгородской берестяной грамоты в древнерусской письменности было отмечено спорадическое смешение букв *о* и *ъ*, *е* и *ь* [Соболевский 1900/2006: 504], и если появление *о* и *е* на месте сильных еров можно было трактовать как влияние южнославянских протографов и/или следствие прояснения редуцированных в восточнославянском, то прочие случаи буквенных мен (в частности, *о* и *е* на месте слабых еров) требовали иного объяснения. А. А. Шахматов [1915: 208–209; 1941: 82–83] и Н. Н. Дурново [1926–1927/2000: 448–450; 1933/2000: 650] предположили, что в древнерусском церковном произношении буква *ъ* читалась как [о], а буква *ь* — как [е], тем самым *ъ* и *о* одинаково читались как [о], *ь* и *е* — как [е], что порой и приводило к смешению этих букв на письме. Ряд дополнительных свидетельств

в пользу данной гипотезы привел Б. А. Успенский (в частности, речь идет о материале древнерусских кондакарей [Успенский 1988/1997: 147–150; 2002: 141], а также о традиции «хомового» («наонного») пения, до сих пор сохраняющейся у старообрядцев-беспоповцев [Успенский 1967/1997: 299; 1968: 39–40; 2002: 145–148]).

После обнаружения берестяных грамот стало ясно, что в древней Руси имелся разряд текстов, в котором мена *ѣ* и *о*, *ь* и *е* носила не окказиональный, как в книжных рукописях, а массовый характер. А. А. Зализняк назвал такой способ записи «бытовой графической системой». От книжной графической системы она отличается «наличием хотя бы одного из следующих явлений: 1) смешение *ѣ* с *о*; 2) смешение *ь* с *е*; 3) смешение *ль* с *е* (и его эквивалентами) и/или с *и*. Кроме того, новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смешения *ц* с *ч*, тогда как в новгородской книжной письменности это смешение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение *ц* и *ч*» [ДНД₂: 23]¹. Согласно Зализняку, о системном характере этого явления говорит тот факт, что «смешение» ограничено известным набором букв, в то время как остальные буквы (графемы), как правило, последовательно различаются. В [Зализняк 2002] бытовая графическая система названа «неполноразличительной», поскольку «некоторые фонемы, различно передаваемые в основной (т. е. книжной, или «стандартной» — П.П.) системе, здесь передаются (всегда или в значительной части случаев) одинаково»; «[д]ревнерусская система со смешением *ѣ* – *о* и/или *ь* – *е* с точки зрения ее структуры должна быть охарактеризована именно как неполноразличительная (тогда как обозначение “бытовая” есть ее характеристика с совершенно иной точки зрения — по социальной функции)» [Ibid.: 594–595].

Причина буквенного смешения в книжных рукописях и в берестяных грамотах, надо полагать, одна и та же: омофоничность букв *ѣ* и *о*, *ь* и *е* в книжном произношении². Однако степень выраженности этого

¹ Мена букв может выглядеть по-разному, например, в виде эффектов *ѣ* → *о*, *ѣ* = *о*, *ѣ* → *о/ѣ*. Поначалу Зализняк допускал сосуществование нескольких бытовых графических систем (подсистем) с преобладанием того или иного эффекта [НГБ VIII: 100–105; ДНД₁: 19–22], но затем пришел к заключению, что выбор между вариантами осуществляется не на уровне системы, а на уровне индивидуальных предпочтений пишущего [ДНД₂: 23]. Так, наиболее крупный блок грамот, написанных одним почерком («блок Якимы»), «характеризуется последовательной заменой *ѣ* на *о*, а *е* (после согласной) и *ль* — на *ь*» [НГБ XII: 140].

² В недавнее время И. М. Ладыженский [2011: 99–118] и Г. А. Мольков [Крысько, Мольков 2020: 48–56] подвергли критике гипотезу о книжном произношении, высказав предположение, что генезис бытовой графической системы следует

смешения совершенно различна: если в книжной письменности мена букв — в тех текстах, где она вообще присутствует — затрагивает «в самых ярких случаях один-два процента (обычно же малые доли процента)» от числа употреблений [Ibid.: 584], то в берестяных грамотах сер. XII – кон. XIV в. она отчетливо преобладает.

Редкость буквенной мены в книжной письменности обусловлена орфографическими установками писцов: как при создании, так и при копировании текстов (часто сопровождавшемся правкой оригинала) писцы опирались на свое разговорное произношение, пользуясь правилом «писать *ѣ* и *ь* там, где в соответствующих формах и словах русской живой речи слышались звуки *ѣ* и *ь*, а *о* и *е* там, где слышались звуки *о* и *е*» [Дурново 1933/2000: 663]. После падения и прояснения редуцированных правило естественным образом изменилось: пиши *о* и *е* там, где в разговорной речи произносишь [о] и [е], и не пиши никакой гласной там, где в разговорной речи отсутствует гласная (даже если в оригинале гласная буква имеется), ср. [Успенский 1988/1997: 161].

Несмотря на то, что на современный взгляд установка «как слышишь, так и пиши» кажется предельно простой, речь идет об орфографическом правиле, для усвоения и корректного применения которого требовалась специальная выучка. Таковая выучка отсутствовала у писавших «по-бытовому»: этой разновидностью письма пользовались люди, прошедшие, по выражению А. А. Зализняка [2002: 597], «одностороннее обучение», т. е. такое, в ходе которого обучали чтению, но не обучали письму. Последнее утверждение не следует понимать буквально: как видно, в частности, из грамот мальчика Онфима, в ходе начального обучения усваивалось, как минимум, начертание букв и написание слогов; Онфим упражнялся и в написании целых фраз — как цитат из церковнославянских текстов, так и этикетных формул берестяной переписки, например: *поклоно ѿ онѣима ко данилѣ* НГБ № 199. Более того, учитывая широкую распространенность берестяной письменности в Новгороде, можно полагать, что приобретение элементарных навыков письма прямо входило в задачи обучения грамоте: когда автор грамоты № 687 пишет (видимо, жене о ребенке) *[d]ai грамоти оуцѣти*, он, вероятно, имеет в виду научить ребенка не только читать, но и писать. Однако начальное обучение не имело це-

связывать с особенностями орфографии книжных рукописей, бытовавших на Руси в XI в. Как мне представляется, это предположение вызывает множество вопросов и затруднений и в целом в качестве гипотезы, разъясняющей формирование бытовой системы письма, выглядит менее убедительно, чем гипотеза Шахматова и Дурново. Однако подробное обсуждение этой темы выходит за рамки настоящей статьи.

лю подготовку профессиональных писцов (для этого существовали скриптории). Следовательно, единственными правилами, которые усваивались учениками, были правила чтения, правила же орфографии, подобные «правилу Дурново», обычно оставались вне их компетенции.

Последнее обстоятельство лежало в самой основе формирования бытового письма. Как пишет Б. А. Успенский [1994: 36], «[с]амой собой разумеется, что овладение чтением определяет в какой-то степени и умение писать, поскольку правила чтения могут быть тем или иным образом конвертированы в правила письма». А. А. Зализняк также отмечает, что «бытовые системы письма, по-видимому, формировались под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам³, принятых при обучении грамоте» [НГБ IX: 253]. Тем не менее, конкретные способы конвертации правил чтения в правила (бытового) письма остаются неисследованными. Их рассмотрение составляет задачу настоящей статьи.

1. Система чтения по складам

Прежде чем приступить к решению этой задачи, конечно, необходимо получить представление о самих правилах чтения, применявшихся в ходе обучения грамоте. Несмотря на то, что прямые свидетельства о системе обучения грамоте (буквари и грамматические труды) относятся к сравнительно позднему времени⁴, ее основные контуры восстанавливаются достаточно надежно. Краткие сведения, излагаемые ниже, главным образом почерпнуты из статьи [Успенский 1970/1997].

Основу обучения грамоте на Руси составлял метод чтения по складам. Он заключается в том, что читающий последовательно опознает в тексте и прочитывает единицы, воспринимаемые им как слоги. Все слоги в данной системе чтения — «открытые», т. е. каждый слог оканчивается на гласную и после каждой гласной начинается новый слог. Графические слоги (склады) принято было заучивать наизусть. Традиционные восточнославянские буквари неизменно содержат раздел складов. Учебные списки складов представлены в берестяных грамотах Онфима № 199, № 201, 204, 206 (1240–1260)⁵ и в грамоте № 623 (1360–1380→); ниже приводится грамота № 199:

³ Под «записью по складам», вероятно, имеются в виду упражнения в записи слогов, представленные, в частности, в грамотах мальчика Онфима (см. ниже).

⁴ В [Успенский 1970/1997: 247] среди наиболее ранних текстов подобного рода упомянуто сочинение Константина Грамматика нач. XV в.

⁵ Здесь и далее для краткости приводятся условные даты берестяных грамот, указанные на веб-сайте www.gramoty.ru. Стрелки означают вероятное смещение датировки назад или вперед [НГБ X: 145]. Грамоты цитируются по [ДНД₂: 243].

А Б В Г Д | Ё Ж З И | И К Л М Н | О П Р С Т У | Ф Х Ц Ч Ш | Щ Ъ
Ы [Ь] Ы Ъ | Ю Я А | БА | ВА ГА ДА | ЖА ЗА КА | ЛА МА НА | ПА РА СА
ТА ФА ХА | ЦА ЧА ША | ЩА БЕ ВЕ | ГЕ ДЕ ЖЕ ЗЕ | КЕ ЛЕ МЕ | НЕ ПЕ
РЕ СЕ | ТЕ ФЕ ХЕ ЦЕ | ЧЕ ШЕ ЩЕ :

БИ ВИ ГИ | ДИ ЖИ ЗИ | КИ ЛИ МИ | НИ ПИ {ир} | РИ СИ

А Б : В Г : Д Е : Ж З : | З И : І К : Л М : | Н О : П Р : С Т : У Ф | Х
 Ѡ : Ц Ч : Ш Щ : | Ъ Ы : Ь Ъ : Ъ Ю : | Я А : БА : ВА : ГА : | ДА : ЖА :
 ЗА : КА : | ЛА : МА : НА : ПА : | РА : СА : ТА : ФА : АХ | ца : Ча :
 ша : Ша :

Ѡ : ро:жнѣ:та : кѣ : кѣ:сна:ти:ноу : вѣ:за:
 лѣ : є:си : оу : о:тро:{к}ка : мо:є:го : кѣ:є:вѣ
 гри:вѣ:ноу : сє:ре:бра : при:сѣ:ли : коу:нѣ
 о:же : ли : не : при:сѣ:лє:ши то : ти : вѣ : по:лѣ

В системе чтения по складам каждый слог прочитывается следующим образом: сначала произносится азбучное наименование каждой буквы, входящей в состав слога, затем — звучание всего слога; например, слог «ба» читается: *буки-азъ-ба*. После этого слог произносится повторно, уже как часть слова; например, в случае слога «ба»: *буки-азъ-*

⁶ Случаи разделения слогов с помощью точек встречаются и в пергаменных грамотах, например, в двинской грамоте № 25: *се ку.ли.; ѡтчи.ны.; земля.ми.; верьхне.го.* и т. п. [Шахматов 1903, II: 42].

ба ба. Таким образом, после называния каждой буквы в слог сам слог произносится дважды: сначала как «сумма» прочитанных букв, потом как часть слова, при этом каждый новый слог, представляющий часть слова, прочитывается вместе с предыдущим таким же слогом (слогами), так что в итоге произносится слово целиком; например, слово «бѣди» читается: *буки-ук-бу бу добро-иже-ди буди* [Ibid.: 258].

Важная особенность: в процессе чтения каждая буква, образующая склад, не произносится как отдельный звук, а называется в соответствии с ее наименованием в букваре. Звуковое прочтение получает лишь слог целиком.

Впрочем, сказанное выше относится только к слогам, состоящим из двух и более букв, типа CV и CCV. Но наряду с ними имелись слоги, состоящие из одной гласной, типа V⁷. В системе чтения по складам слог типа V образует всякая гласная, которая находится в начале слова или следует за другой гласной. Чтение таких слогов устроено совершенно иначе, чем чтение слогов типа CV/CCV, а именно: «Если слог состоит всего из одной гласной [...] то буква, образующая данный слог, не называется [...], а сразу произносится звучание слога, совпадающее со звучанием соответствующей гласной⁸. Иными словами, слог подобного рода (а, следовательно, и сама буква) произносится в виде соответствующего гласного звука [...] Так, слово “иже” читается: *и живете-есть-же иже*, т. е. буква “и” читается как *и*, а не как *иже*, причем это чтение относится не к обозначению буквы, а к обозначению сочетания (слога), которое в данном случае состоит всего из одной буквы. Точно так же слово “ижица” читается: *и живете-иже-жи ижи цы-аз-ца ижица*; слово “оно” читается: *о наш-он-но оно*, слово “еры” *е рцы-еры-ры еры* и т. п.»; «в неначальной позиции слог, состоящий из одной гласной, как бы примыкает к предшествующему слогу» [Ibid.: 260–261], т. е. предшествующий слог не повторяется; например, слово «сыи» читается *слово-еры-сы и сыи*.

Итак, в отличие от гласных и согласных букв в слогах типа CV/CCV, гласные буквы, образующие слог типа V, в процессе чтения не называются в соответствии с азбучными «именами», а произносятся как звуки.

Теперь вернемся к берестяным грамотам и посмотрим, что указанные правила чтения могут дать для понимания устройства бытовой графической системы.

⁷ Ср. определение слога в «Грамматике» Лаврентия Зизания: «Что есть слогъ; Слогъ есть, снїтїе гласнаго съ согласнымъ. ѡко, ба. или оуединенїе гласнаго» (цит. по [Успенский 1970/1997: 278] в упрощенной орфографии). «У Тредиаковского [...] слог такого рода называется “чистым складом”. Точно так же и Барсов называет гласную, стоящую после гласной, “ч и с т о ю гласной”» [Ibid.].

⁸ Исключение — буква «а», которая, однако, читается как *аз*, не как *аз-а*, т. е. опять-таки без отдельного произнесения слога [Ibid.: 261].

2. Отсутствие смещения *ь* и *о*, *ь* и *е* в позиции не после согласной

А. А. Зализняк пишет: «Рассматривая вопрос о смещении *ъ* с *о* и *ь* с *е*, необходимо прежде всего отметить следующее общее ограничение на распределение этих букв: буквы *ъ* и *ь* ни в какой из выявленных графических систем не могут выступать в начале фонетического слова (т. е. словоформы, взятой вместе с относящимися к ней проклитиками и энклитиками) и после гласной буквы» [НГБ VIII: 100–101].

Ученый объясняет это явление так: «При обучении письму учитель сообщал также орфографическое правило, запрещающее писать *ъ* и *ь* в начале графического слога. Заметим, что последнее правило в письме на бересте почти никогда не нарушается. Из этого можно заключить, что ч и с т о е обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению (как, например, запрет писать *ъплать* или *ьсть*)» [Зализняк 2002: 599].

Итак, для бытового письма отсутствие мены букв в начале графического слога оказывается двойным исключением, противоречащим: а) принципу эквивалентности *ъ* и *о*, *ь* и *е*; б) представлению о том, что носителей бытового письма не учили правилам орфографии. Как признает сам Зализняк, начало графического слога — «отнюдь не очевидное для профана понятие» [Зализняк 2002: 594]. Остается неясным, как предполагаемым учителям удавалось не только растолковать это понятие и связанное с ним правило не слишком образованным носителям бытового письма, но и добиться практически безупречного соблюдения этого правила: согласно [ДНД₂: 24], во всем корпусе берестяных грамот правило «не писать *ъ* и *ь* в начале графического слога» нарушено лишь трижды. Для сравнения в книжных текстах мена *ъ* – *о*, *ь* – *е* может достигать 2% [Живов 1984/2006: 93–97; Зализняк 2002: 580]; тем самым, если бы в бытовой письменности действовало правило начала графического слога, то пришлось бы признать, что писавшие «по-бытовому» применяли это правило куда более последовательно, чем профессиональные писцы — «правило Дурново», предписывавшее избегать мены *ъ* – *о*, *ь* – *е*.

Попробуем рассмотреть феномен не-смещения *ъ* и *о*, *ь* и *е* в позиции не после согласной исходя из того, что бытовая графическая система есть продукт конвертации правил чтения в правила письма.

Прежде всего, можно сразу упростить задачу и говорить не о «начале графического слога» вообще, а о слоге, равном одной гласной букве.

Не только материал Успенского, но и берестяные грамоты с разделением слогов показывают, что гласные буквы в начале слова и после другой гласной всегда обозначают отдельный слог, ср. в приведенной выше НГБ № 915: *є:си, о:тро:{к}ка, мо:є:го, кы:є:вѣ, о:же*. То же правило действует при переносе слова на следующую строку в соответствии со слогоделением, ср. *не о||слушаи же са* НГБ № 1113 (1180–1200).

Показательно, что слоги типа V («чистые», в терминологии Третьяковского и Барсова) могут маркироваться специальными графемами: *па* (vs. *а* после согласной), *ю* (vs. *е*), *и* (vs. *у*), *о/о/о* (vs. *о*), *оу* (vs. *у*), ср., например, НГБ № 102, 689, 446, 178, 23⁹. Также над «чистой» гласной может ставиться точка (или две точки) — либо в качестве дополнительного знака, если одновременно используется одна из специальных графем, либо в качестве основного средства выделения (ср. НГБ № 311, 361). Эти орфографические средства, составляющие, замечу, единственный элемент орфографии в бытовом письме, пришли в берестяную письменность из книжной традиции (где они тоже очевидным образом связаны с тенденцией к графическому выделению «чистых» слогов). Оригинальная особенность берестяных грамот состоит в спорадическом использовании с той же целью разделительных точек и двоеточий, ср. Торж. 19: *любо сѣмо присѣли · а · твои п(рип)лываеть · а-же · оу-сторожѣ · а · сѣд(е)жмъ на товаръ*. Ср. также *улексии* НГБ № 310 (здесь же встречается непоследовательное выделение слогов типа CV: *но-вгороцкому, твѣю-гъ, на-де-юмса*), *да-и, клана-ю* НГБ № 186, *уо-сопо* НГБ № 482 (здесь же: *лоне-скоко*), *сво-ю* НГБ № 178, *и:хъ, и:мъ* НГБ № 855.

Таким образом, смешения *ѣ* с *о* и *ѣ* с *е* не происходит тогда, когда *о* и *е* образуют слог типа V. В отличие от слогов типа CV/CCV, где каждая отдельная буква читается не в виде звука, а в виде наименования этой буквы в букваре, в слогах типа V (за исключением *а*, см. примечание 8) буквы произносятся так же, как обозначаемые ими звуки (= слоги). Следовательно, при освоении грамоты обучаемые усваивали, что слог [о] обозначается буквой «онъ», а слог [је] — буквой «есть». Что же касается букв *ѣ* и *ѣ*, то они никогда не выступали в виде отдельного слога и читались лишь в складах типа CV/CCV. В складах этого типа и только в них буквы *ѣ* и *о*, *ѣ* и *е* были взаимозаменяемы¹⁰. Тем самым специального правила, запрещающего смешение букв в слогах типа V, не требовалось.

⁹ Последовательность 'предлог в виде согласной буквы + начальная гласная слова' трактуется как слог типа CV, ср. в НГБ № 23 (1400–1410): *к осподину, с ольско[и]*, но *юсми шсподинь, нымного шсподинь, два швина*.

¹⁰ Последовательность 'предлог в виде согласной буквы + начальная гласная слова' трактуется как слог типа CV, ср.: *въбакунѣвыхъ дѣти* 'у Обакуновых детей', *въбакунѣвихъ дѣти мѣстѣ* 'вместо Обакуновых детей' [Шахматов 1903, II:

3. Характер базовых соответствий между фонетическими и графическими единицами в бытовом письме

Из сказанного выше следует, что ставший уже привычным тезис о «синонимичности» букв *ѡ* – *о* и *ѣ* – *е* в бытовой системе письма требует серьезного уточнения. Так, В. М. Живов [2006: 93] пишет: «Из того, что в книжном произношении одинаково читались буквы *ѡ* и *ѡ̣*, *ѣ* и *ѣ̣*, следует, что при обучении чтению по складам такие, например, склады, как *ѡо* и *ѡѡ̣*, *ѣѣ* и *ѣѣ̣* оказывались омофоничными. Соответственно, в сознании обучающегося буквы *ѡ* и *ѡ̣*, *ѣ* и *ѣ̣* были «синонимичными». При этом *ѡ*, точно так же как и *ѡ̣*, соотносилось с звуками [о] и [ѡ] живой речи, а *ѣ*, точно так же как и *ѣ̣*, — с звуками [е] и [ѣ] живой речи. Отсюда в не книжном письме *ѡ* и *ѡ̣* могут безразлично выступать как обозначения звуков [о] и [ѡ], а *ѣ* и *ѣ̣* — для обозначения звуков [е] и [ѣ]».

Понятно, что если бы дело обстояло именно так, то мена *ѡ* – *о* и *ѣ* – *е* наблюдалась бы во всех возможных позициях, а не только после согласных. В своих рассуждениях Живов исходит из представлений, которые могут показаться нам очевидными, но в действительности являются частью современной письменной культуры и незнакомы тем, кто к этой культуре не принадлежит. Логика этих рассуждений предполагает, что «в сознании обучающегося» речь состоит из отдельных звуков, звукам же соответствуют определенные буквы. Между тем подобные представления — не что иное, как результат целенаправленного обучения. В восприятии «наивного» носителя языка минимальными речевыми единицами являются не звуки, а слоги. Это обусловлено самим устройством человеческой речи, которая естественным образом распадается именно на слоги¹¹. В современной школе обучение грамоте обычно начинается с произнесения букв как звуков, например, *б* – [б], *г* – [г] и т. д., лишь затем осваиваются «слияния», т. е. чтение простейших слогов типа CV. Так современные носители русского языка получают представление о звуках и буквах как минимальных единицах речи и письма. Напротив, в системе чтения по складам соответствия типа «звук ↔ буква» не использовались совсем. В складах типа CV/CCV отдельные буквы ни на одном из этапов чтения не произносились в виде звуков, фонетически прочитывался лишь слог целиком. В результате обучаемые усваивали базовые соответствия типа «графический слог (склад) ↔ фонетиче-

119–120], *събѣ половинѣ* ‘с обеих сторон’ [Ibid.: 143], *къзеру* ‘к озеру’ [Ibid.: 45], *вънтоуши* ‘у Онтюши’ [Сибирцев, Шахматов 1909: 9]. Ср. примечание 9.

¹¹ Ср. определение слога: «минимальная произносительная единица речи, характеризующаяся максимальной слитностью своих компонентов. В артикуляторном отношении слог нечленен в том смысле, что речь распадается именно на слоги как минимальные произносительные единицы, а не на отдельные звуки» [Буланин 1970: 150].

ский слог», например, «ба» ↔ [ба]. Закономерным образом для слогов, состоящих из одного гласного, устанавливались соответствия типа «о» ↔ [о], однако в рамках данной системы это соответствие — между звучанием слога и обозначающей его буквой, а не между буквой и отдельным звуком.

На закрепление в сознании носителей бытового письма базовых соответствий типа «графический слог ↔ фонетический слог» работали все три вышеупомянутых фактора: 1) система чтения по складам; 2) практика записи и заучивания складов в процессе освоения грамоты; 3) восприятие слогов как естественных минимальных произносительных единиц.

Изложенные наблюдения позволяют предположить, что, с точки зрения носителей бытового письма, омофоничными и взаимозаменяемыми являлись не буквы *ъ* и *о*, *ь* и *е* как таковые, а пары складов типа CV/CCV с этими буквами, например, *бъ* – *бо*, *бь* – *бе*. Каждая из таких пар складов использовалась для записи соответствующей пары фонетических слогов; например, склады *бъ* и *бо* — для слога [бъ], но также и для слога [бо], склады *бь* и *бе* — для слога [бь], но также и для [бе]. В тех случаях, когда слог был равен одной гласной букве, соответствие «слог ↔ буква» было равнозначно соответствию «звук ↔ буква»¹² и меня букв не происходило.

4. Эффект скандирования

С чтением по складам А. А. Зализняк справедливо связывает и такую важную особенность берестяных грамот, написанных «по-бытовому», как «эффект скандирования» [НГБ IX: 253]. Согласно [ДНД₂: 35], «скандирующий принцип записи (или, иначе, эффект скандирования) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ъ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *о* или *е*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной. Пример: *дорѡгаа соторона* ‘другая сторона’ 390. Понятно, что при последовательной реализации скандирующего принципа на письме оказывается обозначенной твердость или мягкость каждой согласной в слове».

Но затем следует важное уточнение: «На практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно:

¹² Строго говоря, соответствие, о котором идет речь, имело вид «звук ↔ буква» только для слога [о], в случае же слога [je] оно выглядело как «слог CV ↔ буква». Существенно, однако, что в обоих случаях отдельная буква соотносится с определенной фонетической единицей.

некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа “согласная + л или р”)» [ДНД₂: 35].

Отмеченная Зализняком непоследовательность в реализации скандирования становится понятной в свете особенностей обучения грамоте в древней Руси. Одним из ключевых элементов этого обучения (наряду с запоминанием алфавита) было заучивание наизусть азбучных складов, одним из главных упражнений — запись последовательностей складов. Неудивительно, что в процессе письма носители бытовой графической системы оперировали теми же отпечатавшимися в памяти складами. В грамотах Онфима и грамоте № 623 представлены только простейшие склады типа CV. Тем не менее, следует полагать, что заучивались и склады типа CCV: этот тип складов представлен как в многочисленных берестяных грамотах с разделением слогов, подобных приведенной выше грамоте № 915, так и в церковнославянских букварях, начиная с самых ранних, см. Острожскую Азбуку Ивана Федорова 1578 г. [Немировский 1983].

Число азбучных складов типа CCV было относительно невелико: естественным ограничением для него служило то весьма небольшое разнообразие консонантных сочетаний, которое в принципе допускалось старославянским языком. В [Lunt 2001: 34] список этих сочетаний выглядит так (курсивом выделены сочетания, встречающиеся только внутри фонетического слова, т. е. невозможные в анлауте):

sp	st	sk	<i>sc</i>	<i>sx</i>	sv	sr	sl	sm	sn	pr	pl	plj	<i>pn</i>	tv	tr	<i>tn</i>	kr	kl	klj	<i>kn</i>	cv		
<i>zb</i>	<i>zd</i>	<i>zg</i>		<i>zj</i>	zv	zr	zl	<i>zm</i>	zn	br	bl	blj	<i>bn</i>	dv	dr	<i>dn</i>	<i>dm</i>	gv	gr	gl	gn	<i>gnj</i>	zv
					xv	xr	xl		<i>xn</i>	vr	vl												
<i>spr</i>	<i>spl</i>	<i>splj</i>	<i>stv</i>	str	skr	<i>skv</i>	<i>skl</i>	<i>sklj</i>	skvr	<i>scv</i>	<i>sxv</i>	čr	čl		št	<i>šv</i>	<i>šlj</i>	<i>šnj</i>	<i>štvlj</i>	<i>štr</i>			
<i>zbr</i>	<i>zbl</i>	<i>zblj</i>	<i>zdv</i>	<i>zdr</i>	<i>zgr</i>	<i>zgv</i>	<i>zgl</i>					žr	žl	<i>žlj</i>	<i>žd</i>			<i>žnj</i>				<i>ždrj</i>	

Консонантные сочетания, которые, как определил Зализняк, в берестяных грамотах с эффектом скандирования чаще всего «остаются в обычном виде», — как раз из этого списка.

Таким образом, отсутствие вставных гласных в определенных консонантных сочетаниях — следствие применения на письме азбучных складов типа CCV, последние же содержат консонантные кластеры, свойственные старославянскому и раннедревнерусскому. Отсюда, в частности, происходит такой любопытнейший лингвистический феномен, как позднедревнерусские берестяные грамоты с «раннедревнерусским» (или близким к таковому) состоянием редуцированных (подробнее об этом см. [Петрухин 2019: 90–98]). Выразительный пример такого рода — грамота № 366 (←1360–1380). Ниже в ней выделены все

буквенные сочетания, в которых возможно сохранение или пропуск «этимологического» слабого редуцированного или вставка «неэтимологического» гласного. Назовем такие сочетания «релевантными». Буквенные сочетания, совпадающие с раннедревнерусским состоянием («правильные»), подчеркнуты; сочетания, отклоняющиеся от раннедревнерусской нормы (т. е. с пропуском редуцированного или вставкой «лишнего» гласного), выделены серой заливкой. Не учитываются позиции конца слова и предлоги, а также редуцированные в суффиксе *-ъj-*.

съ урадѣса · аковъ съ гюрѣ
гьмо · и съ харѣтономъ
по бьсудьной грамотѣ
цѣ былъ возалъ гюрѣгѣ грамоту
в ѣзьѣжьной пышьнѣцѣ а ха
рѣтоно во проторѣхо своѣхъ
и воза гюрѣгѣ за вьсь то рубль
и трѣ грѣвонъ и коробью пышь
нѣцѣ · а харѣтонъ воза · дьсать
локоть сукона и грѣвону · а боль
нь надобѣ гюрѣгю нѣ харѣтону
до акова нѣ акову до гюрѣга нѣ
до харитона · а на то радѣцѣ и послуѣ
давѣдъ лукѣнъ сынъ сътъпанъ тайшѣнъ

Как можно видеть, по состоянию редуцированных эта грамота 2-й пол. XIV в. близка к раннедревнерусским текстам (т. е. написанным до рубежа XII–XIII вв.): из 25 релевантных сочетаний 23 правильных¹³. Аналогичная картина наблюдается в грамотах Ст.Р. 30 (1180–1200)¹⁴, Пск. 6 (←1260–1280), НГБ № 346 (1280–1300), № 390 (1280–1300), № 582 (1280–1300→), № 122 (←1410–1420→), № 293 (←1240–1260).

Квази-раннедревнерусский вид перечисленных грамот едва ли можно рассматривать иначе, как отпечаток консервативной системы обучения грамоте. Набор азбучных складов оставался неизменным еще долгое время после того, как падение редуцированных в разговорном восточнославянском вызвало радикальную перестройку слогоделения

¹³ Написание *рубль* несомненно отражает произношение [руб'ел'].

¹⁴ Хотя эта грамота датируется концом XII в. (приблизительное время окончания процесса падения и прояснения редуцированных), в ней представлен последовательный переход [e] > [o] (три случая), что дает основание рассматривать ее как позднедревнерусскую, ср. [ДНД₂: 449].

и отменило всякие ограничения на сочетание согласных¹⁵. В сознании носителей бытовой графической системы азбучные склады по-прежнему оставались элементарными графическими единицами, но если до падения редуцированных структура складов практически совпадала со структурой слогаделения в живом языке, то теперь это единство было утрачено. В грамотах, написанных «по-бытовому», это давало следующий эффект: те консонантные сочетания, которые содержались в азбучных складах, писавшие оставляли без изменений, «новые» же сочетания они разделяли вставными гласными *о/ѣ* или *е/ѣ* (в зависимости от твердости /мягкости предшествующего согласного)¹⁶, тем самым преобразуя их в последовательность простейших складов типа CV¹⁷.

Еще один способ избегания непривычных сочетаний согласных отмечен А. А. Зализняком. Речь идет о «написаниях типа *Тимоше* 78, *браце* 531, где графический вид CV в сущности достигается искусственно — благодаря записи сочетания согласных с помощью одиночной буквы» [НГБ IX: 253–254] (*Тимоше* < *Тимошькѣ*, *щ* передает [шк]; *браце* < *братъче*, *ѣ* передает [ч'] с долгим затвором)¹⁸. Зализняк видит в таких написаниях отражение «общей тенденции к графическим слогам вида CV», которая, «очевидно, была свойственна не только авторам грамот с последовательным скандированием, но, в более умеренной форме, также и многим другим носителям бытовых систем письма» [Ibid.: 253]. Однако, как показывают наблюдения, писавшие «по-бытовому» избегали не всяких слогов типа CCV, но прежде всего таких, в которых присутствуют «новые» консонантные сочетания, что, между прочим, подтверждают и приведенные Зализняком примеры.

К примерам типа *Тимоше*, *браце* примыкают случаи передачи двойных согласных одной буквой, ср. *въръ* ‘в вере’ НГБ № 579 (←1360–1380), *коню* ‘к коню’ (2×) НГБ № 305 (1400–1410→). Особенно многочисленны подобные примеры в пергаменных двинских грамотах, где также

¹⁵ Так, еще в XVII в. «во всех московских азбуках [...] в разделе складов непременно помещаются сочетания с ером и ерем (*бѣ, вѣ, бѣ, вѣ, бръ, връ* и т. п.), которые должны были заучиваться наизусть как специальные слоги при обучении грамоте» [Успенский 1970/1997: 266].

¹⁶ Эти вставные гласные отчасти напоминают *ѣ* и *ѣ* в старославянских заимствованиях, которые также «появились для избежания закрытости слога и некоторых групп согласных» [Селищев 1951: 280], ср.: *пѣсалѣмѣ* (греч. *ψαλμός*), *орѣганѣ* (греч. *ὄργανον*), *Ег'ѣпѣтъ* (греч. *Αἴγυπτος*). Однако в старославянском речь идет о фонетическом явлении [Ibid.: 99–100; Ван-Вейк 1957: 93–94], а в позднерусских берестяных грамотах — о графическом.

¹⁷ В частности, так объясняются случаи, когда, согласно Зализняку, буква *ѣ* выступает «в роли твердого знака», как, например, в формах *оуверѣнулѣ* и *полѣтину* из московской берестяной грамоты № 4 (посл. четв. XIV в.) [Беляев et al. 2019: 25].

¹⁸ Аналогичные примеры обсуждаются в [Гиппиус 2020: 23–25].

довольно широко используется бытовая графическая система со всеми присущими ей особенностями, ср. *вѣкы* ‘во веки’ № 6 [Шахматов 1903: 10], *вѣкѣ* ‘во веки’ № 11 [Ibid.: 19], *сторону* ‘со стороны’ № 17 [Ibid.: 30], *подворомо* ‘под двором’ № 26 [Ibid.: 44].

Конечно, тенденция к сохранению на письме «старых» консонантных сочетаний и разделению «новых» отнюдь не гарантировала идеального «восстанавливания» раннедревнерусского состояния редуцированных, и не только из-за написаний типа *Тимоше, браце, коню* ‘к коню’. Дело в том, что после падения еров помимо новых, не свойственных раннедревнерусскому сочетаний согласных появились и такие, которые можно назвать «квази-старыми»: например, словоформы *столь, стояти, стѣна* содержат «старое» сочетание *ст*, несомненно присутствовавшее в азбучных складах, но в *сто* (< *сѣто*) такое же *ст* — следствие выпадения ера. Понятно, что для носителя бытового письма между этими *ст* не было никакой разницы. В этом смысле очень показательна грамота № 651 (1200–1220), где, на фоне бытовой графики и частичного разделения слогов, вставные гласные на месте слабых редуцированных присутствуют в «новых» сочетаниях (*возати, ко мене*), но отсутствуют в «квази-старых» (*смею* < *сѣмѣю, восли* < *вѣсѣли*), ср.:

...

БЕ:С ТВЪ:Є:ГО ПО:ВЕ:ЛЕ:НИ:А · НЕ : СМЕ:Ю ВОЗАѢ
ТИ · Н-И[цего] Ж[е а] ВОСЛИ ГРАМОТОУ КО МОНЕ

Показательна также форма *стороговале* грамоты Пск. 6 (←1260–1280), где пропущен исконный *ѣ* в «квази-старом» сочетании *ст* и одновременно разделено вставным гласным «новое» сочетание *рг*¹⁹. В [ДНД₂: 516] это написание объясняется иначе, а именно как пример особой разновидности скандирования — силлабо-скандирования. «Силлабо-скандирующий принцип отличается от скандирующего тем, что *ѣ, ъ* (или *о, е*) пишутся не после всякой предконсонантной согласной, а лишь после такой, которая заканчивает слог. Этот принцип тоже обычно реализуется на практике не совсем последовательно. См., например, грамоту Пск. 6 (В 39)» [ДНД₂: 35].

Поскольку Зализняк считает Пск. 6 (←1260–1280) наиболее выразительным образцом силлабо-скандирующей записи, рассмотрим эту грамоту целиком, выделив представленные в старославянской системе сочетания согласных одной чертой, а непредставленные (в том числе разделенные в тексте вставными гласными) — двумя чертами:

¹⁹ В раннедревнерусской системе в данной форме после *р* мог быть редуцированный в силу «второго полногласия», однако Пск. 6 относится к позднедревнерусскому периоду, когда слабый *ѣ* в этой позиции уже невозможен.

ѿ кюрика и ѿ герасима к апофиму про белоу оже ксте
не стороговале то прислите со проста занода оу насѡ
коупла есте беле а про себе оже боудше порожене то боуѡ
ди к намѡ а намѡ ксинѡфѡнѡте измакле а про сеи челоѡ
веко мѡи кѡ не знаемо а во томо божѡи вола и тѡѡ
оуа

Согласно Зализняку, наблюдаемая картина «точно соответствует правилам графического эффекта “полускандирования” (§1.14)²⁰: гласная буква (в данном случае *о* или *е*) ставится после каждой согласной, заканчивающей слог; ср., с одной стороны, [зан-да], [кан-ф’иму], [кс’инофон-т’е], [стор-говал’ѣ], с другой — [при-сл’ит’е], [ку-пл’а] и т. п. (к сочетаниям с предлогом этот принцип применяется непоследовательно, ср. *к намѡ*, но *со проста*)» [ДНД₂: 516].

Сама по себе идея о том, что, прежде чем записать некоторое слово, автор грамоты (и прежде всего носитель бытовой системы письма) мысленно (а скорее всего, вслух) делил его на слоги, представляется верной и важной. Однако цитированный пассаж содержит порочный круг: так, слоговое деление [стор-говал’ѣ] постулируется именно потому, что после *р* имеется вставной гласный. Между тем здесь, как и в рассмотренных выше случаях, автор грамоты довольно последовательно «разбивает» вставными гласными «новые» сочетания, оставляя нетронутыми «старые» (включая «квази-старые»), единственное исключение — *кс* в *Ксिनѡфѡнѡте*.

Также Зализняк выделяет особый тип «мягкостного» скандирования, при котором вставные гласные используются только после мягких согласных [ДНД₂: 35]. Здесь наиболее показательным образцом ученый считает грамоту № 69 (1280–1300)²¹:

ѿ тереньтѡ кѡ миѡлю при-
шлѡитѡ лошакѡ сѡ аковѡцем[ѡ]
поѡдутѡ дружина савина ѡадѡ
а на арославѡи добѡрѡ здѡровѡ и с гриѡ

²⁰ В §1.14 принцип записи, о котором идет речь, назван «силлабо-скандированием», «полускандирование» используется здесь как альтернативное обозначение для «мягкостной» скандирующей записи, о которой см. ниже. По-видимому, в комментарии к Пск. 6 Зализняк использует термин «полускандирование» как общее обозначение для «силлабо-скандирующей» и «мягкостной» записи, в противоположность обычному скандированию.

²¹ Приводится текст на внутренней стороне грамоты. На внешней стороне автор грамоты написал ѿ Тѡр, но затем «решил начать заново на внутренней стороне: ѿ Тереньтѡ. Возможно, его не удовлетворил ѡ, написанный вместо е, т. е. он счел нужным придерживаться книжной графической системы» [ДНД₂: 512–513].

горѣмь оуглицанѣ замѣрьзѣли на
арославѣи і ты до углѣца и ту пакъ
дружина

Как можно видеть, и в этом тексте вставные гласные используются в основном в новых консонантных сочетаниях, исключения — *пришьлѣти* (впрочем, *шл* — очень редкое в старославянском сочетание, едва ли входившее в набор азбучных складов), *замѣрьзѣли*. То, что в данной грамоте такие сочетания содержат только мягкие согласные, — по-видимому, случайность, обусловленная относительной краткостью грамоты.

Итак, всего Зализняк выделяет три типа скандирования: основной, когда гласная буква (в идеале) должна следовать за каждой согласной, однако некоторые консонантные сочетания обычно сохраняются; силлабо-скандирующий, когда гласная вставляется после каждой согласной, заканчивающей слог, и мягкостный, когда гласная вставляется после мягких согласных. С нашей точки зрения в таком дроблении нет необходимости: принцип написания всюду един, отдельные особенности носят индивидуальный, а не системный характер.

Впрочем, «разбиваться» могли и вполне привычные консонантные сочетания, ср. дважды встретившуюся запись *солова* ‘слова’ в НГБ № 497 (а также другие подобные примеры в этой грамоте). Чем это обусловлено? Согласно Зализняку, подобные записи соответствуют «тому предельному варианту чтения по складам, при котором консонантные сочетания разбиваются на отдельные склады; графический слог здесь всегда имеет вид CV (т. е. соответствует при самодиктанте простейшему типу склада)» [НГБ IX: 253]. Однако такой метод чтения по складам, который требовал бы замены консонантных сочетаний на слоги типа CV, насколько нам известно, не практиковался.

Поставленный вопрос связан с вопросом о том, почему в роли «вставных» гласных выступают именно буквы *ѣ/о* и *ѣ/е*²². Здесь можно обратить внимание на следующие моменты. Явные признаки скандирования встречаются только в грамотах, написанных не ранее конца XII в. (в основном — в грамотах XIII в.), т. е. после падения редуцированных, когда слабым *ѣ* и *ѣ* в книжных текстах чаще всего соответствовал нуль звука в разговорном языке. Тем самым в сознании пишущих слоги типа «бѣ», «бѣ» могли ассоциироваться со звучанием [б], [б'] и наоборот. В то же время в системе чтения по складам буквы *ѣ* и *ѣ* графически несамостоятельны, они не произносятся как отдельные звуки и на письме встречаются только после согласных. Так же несамостоятельны и

²² Возможен также вариант с *ы/и*, но такие примеры в берестяных грамотах очень редки [ДНД₂: 35].

буквы согласных, они тоже не произносятся как отдельные звуки и на письме, как правило, представлены в комбинации с одной из гласных. В совокупности перечисленные факторы могли способствовать восприятию *ѣ* и *ь* (и их «заменителей» *о* и *е*) как своего рода слогообразующих символов при буквах согласных. Соответственно, для передачи согласного звука *С* носитель бытового письма мог использовать склад типа *CV*, где *V* — гласные *ѣ/о* или *ь/е*: например, звук [д] в слове *другои* он мог записать как «дъ» или «до» (ср. *дорѣгаа соторона* ‘другая сторона’ НГБ № 390), т. е. точно так же, как, по его опыту, этот звук передавался, например, в слове *городъ*.

5. Некоторые выводы

Итак, правила, применявшиеся в ходе обучения грамоте, включая как книжное произношение еров, так и чтение по складам, определили основные особенности бытовой графической системы. Для носителей этой системы письма азбучные склады являлись основными письменными единицами: отдельные буквы принадлежали алфавитной последовательности, тексты же, как читаемые, так и записываемые, состояли из складов.

Сам процесс письма можно представить себе следующим образом. Прежде чем записать некоторый речевой отрезок (например, фонетическое слово), человек, у которого привычка писать не доведена до автоматизма (а к таковым, очевидно, принадлежало большинство носителей бытового письма), должен был произнести его вслух, разбив на определенные фонетические сегменты, а затем соотнести эти сегменты с известными ему графическими знаками. Этими фонетическими сегментами обычно оказывались слоги, а графическими знаками — склады. Описанная процедура похожа на «перевернутое» чтение по складам: при чтении графические единицы (склады) произносятся как фонетические слоги, в результате чего возникает фонетическое слово; при письме слово делится на фонетические слоги, к которым затем подбираются подходящие склады. В обоих случаях работали усвоенные при прохождении грамоты соответствия типа «графический слог (склад) ↔ фонетический слог», различалось лишь направление стрелки в этих соответствиях.

В то же время важно учитывать, что деление грамот на написанные «по-бытовому» и написанные «по-книжному» в значительной мере условно: как говорилось выше, не только берестяные грамоты, написанные в основном по книжной орфографии (ср., например, НГБ № 724, конец основного текста), но даже книжные пергаменные рукописи нередко содержат мену букв *ѣ* и *о*, *ь* и *е*, здесь же могут встречаться вставные гласные

в непривычных консонантных сочетаниях; с другой стороны, авторы грамот, написанных в основном «по-бытовому», могли окказионально использовать «орфограммы», например, записывать «по-книжному» слова, графический облик которых они усвоили из своего опыта чтения. Все это неудивительно, поскольку будущие книжники и будущие носители бытовой системы письма учились грамоте по одной и той же системе — системе чтения по складам. Разница в том, что первые, в отличие от вторых, были специально обучены орфографии. Естественно, что в текстах, написанных книжниками, нетвердо усвоившими орфографические правила, могли проступать базовые навыки, полученные в ходе начального обучения, и наоборот, не учившиеся в скрипториях авторы берестяных грамот могли использовать отдельные приемы книжного письма. Тем самым ни от «книжных», ни от «бытовых» текстов нельзя априори ожидать полной последовательности в соблюдении тех или иных графико-орфографических установок (хотя на практике такие случаи вполне возможны), но важно иметь в виду само наличие двух систем и то, что за ними стоят разные принципы письма.

6. Неполноразличительная графическая система в свете мировой истории письма

Сравнение книжной и бытовой систем письма может привести к парадоксальному выводу: система, которой пользовались люди, освоившие лишь «азы» грамоты, кажется более сложно устроенной, чем книжное письмо, «попросту» опиравшееся на живое произношение писавшего. Однако в свете данных по истории и типологии письменных систем картина выглядит иначе.

Слоговому принципу письма принадлежит исключительная роль в истории письменности²³. Во всех цивилизациях, где письменность возникла *ex nihilo* (таких центров всего три: Китай, Шумер, майя), появилось именно слоговое (или словесно-слоговое) письмо [Daniels 2018: 84–98]. Причины этого лежат как во внутренней логике развития графических систем (которую здесь нет необходимости обсуждать²⁴), так и в

²³ Термин «слоговое письмо» не совсем точен, поскольку (как будет отчасти видно из дальнейшего изложения) обычно в письменных системах, к которым применяется этот ярлык, отсутствуют однозначные соответствия между фонетическими слогами и графическими знаками. В настоящее время в основном принята терминология, более точно описывающая разновидности «слоговых» систем письма, а именно введенные Питером Дэниэлсом термины «абджад» и «абугида» [Daniels 2018]. Однако для данной статьи эти детали не имеют большого значения, поэтому используется привычный традиционный термин.

²⁴ Заинтересованные читатели могут обратиться к указанной работе Дэниэлса.

универсальных свойствах человеческого языка. Выше уже отмечалось, что с фонетической (и психолингвистической) точки зрения минимальными единицами речи являются не отдельные звуки, а слоги, поэтому слоговое деление дается «наивным» носителям языка относительно легко, тогда как разложение речи на гласные и согласные требует больших усилий и целенаправленного обучения. Известнейший специалист по истории письма И. Е. Гельб, рассматривая примеры распространения грамотности в бесписьменных обществах, контактировавших с европейцами, отмечает: «В то время как все представители примитивных обществ наделены естественной способностью улавливать такие части речевого потока, как высказывание или отрезок предложения, вычленение в этом потоке отдельных слов часто дается им с трудом. Умение разделять слово на составляющие его слоги представляет собой большой шаг вперед в понимании речи, и носители языка часто обучаются ему под внешним влиянием. Разделение же слогов на отдельные звуки обычно оказывается за пределами их возможностей. Естественность именно такой последовательности развития анализа речи подтверждается тем фактом, что почти все письменности, введенные в новое время в примитивных обществах, остановились на слоговой ступени. Западными исследователями неоднократно отмечалась эффективность слоговых систем и та исключительная легкость, с которой удавалось обучать чтению и письму с их применением, в отличие от трудностей, возникающих при усвоении алфавитных письменностей» [Гельб 1982: 196]²⁵. Известно множество случаев, когда представители бесписьменных обществ, уже познакомясь с алфавитной графикой, словно в насмешку над ученой концепцией о строго однонаправленном развитии письма по цепочке ‘логография — силлабография — алфавит’ изобретали для своего языка слоговую систему. Как пишет ученик Гельба П. Дэниэлс, «в современную эпоху, когда письменные системы изобретаются людьми, уже знающими о существовании письменности, результатом всегда оказывается слоговое письмо» [Daniels 2018: 84]. Хрестоматийный пример такого рода — письменность, изобретенная Секвойей в нач. XIX в. для языка индейского племени чероки²⁶. Другой пример — письменность народа ваи (Западная Африка): «[...] некоторые дети и взрослые из народа ваи имели возможность получить начальное образование у британских и американских миссионеров. Но когда Момолу

²⁵ В русский перевод текста внесены незначительные изменения.

²⁶ Ставя под вопрос исключительное превосходство алфавитной системы письма над всеми остальными, Гельб пишет: «Как можем мы осудить энтузиазм по отношению к слоговому письму, который, как пожар, охватил всех чероки, потому что им удавалось овладеть новой системой за один день, тогда как обучение английскому письму требовало четырех лет?» [Гельб 1982: 225].

Дувалу Букеле решил, вероятно в 1832/33 г., создать письменность для своего народа, он отбросил всё, что он мог знать об английском алфавите, и создал слоговое письмо» [Daniels 2018: 12]. Позднее не без влияния ваи разнообразные слоговые системы письма распространились по всей Западной Африке.

Конечно же, приведенные примеры довольно далеки от ситуации в древнем Новгороде: в последнем не имел места акт сознательного изобретения новой письменности. Тем не менее, если бытовое письмо действительно является особой графической системой, распространенной среди людей, прошедших лишь базовое обучение, то в свете изложенных выше наблюдений нет ничего неожиданного в том, что с историко-типологической точки зрения по целому ряду параметров эта система оказывается шагом назад в сторону слоговой письменности.

Показательно, что многие особенности бытовой графической системы находят аналоги в силлабических письменностях древнего мира. Так, Гельб [1976: 283–284] пишет: «Во всех клинописных системах большое число знаков, оканчивающихся на -i, могло также употребляться для передачи слогов, оканчивающихся на -e. Например, знак LI имел значения li и le; знак, обычно именуемый WA, мог читаться как wa, wi, we, wu; знак LAB — как lab и lib. Кроме подобного рода слоговых знаков, которые либо вовсе не указывали на качество гласного, либо же передавали его приблизительно, в месопотамской клинописи имелся и другой тип знаков: они указывали приблизительное звучание *согласного* звука, входившего в состав слога. Например, знак AG мог иметь чтения ag, ak, aq; знак GA — чтения ga, kà, qà и т. д. [...] Из этих двух способов создания слоговых знаков первый способ играл в клинописи более важную роль. Напротив, в египетской системе письма именно второй способ лег в основу формирования силлабария».

Mutatis mutandis в древнерусском бытовом письме наблюдаются похожие явления (понятно, что в клинописном и иероглифическом письме слог обозначается одним знаком, а в нашем случае — набором букв), а именно: неразличение некоторых гласных (мена *ъ* – *о* и *ь* – *е* – *ѣ*) при в основном последовательном различении согласных; неразличение некоторых согласных. По поводу последнего пункта уместно напомнить, что, согласно Зализняку, «новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смещения *ц* с *ч*, тогда как в новгородской книжной письменности это смещение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение *ц* и *ч*» [ДНД₂: 23]. Напомню также, что в [Зализняк 2002] бытовая графическая система охарактеризована как «неполноразличительная».

Слоговой письменности известен и феномен вставных гласных. Так, поздние ассиро-вавилонские тексты, по словам Гельба [1976: 290], «часто содержат необычные написания, например: *na-ta-ku-lu* вместо *natkulū*, *a-ra-ta-laḥ* вместо *artalah*». Некоторые исследователи полагали, что вставные гласные вводились с целью «облегчить произношение сочетания нескольких согласных, следующих друг за другом» [Ibid.]. Однако, отмечает Гельб, это предположение не объясняет «лишние» гласные на конце слов, также очень частотные, например: *ba-la-ṭa* вместо *balāt*, *a-ra-ku* вместо *arāk*. По мнению Гельба, рассматриваемое явление связано с тем, что в поздний ассиро-вавилонский период традиционная клинопись была уже не единственной системой письма в Месопотамии: конкуренцию ей составляло арамейское письмо. И если клинопись обладала графическими средствами для записи консонантных сочетаний без «лишних» гласных, то в арамейском письме каждый знак обозначал согласный плюс какой-либо гласный. Следовательно, как полагает Гельб, необычные клинописные написания можно трактовать как «следы влияния арамейской системы письма» [Ibid.: 291].

Славянский алфавит, в отличие от арамейского, конечно, технически позволял обозначить согласный без гласного, однако носители бытовой графической системы привыкли произносить согласные только в сочетании с гласными и на письме оперировать складами, также всегда оканчивающимися гласной буквой, отсюда многочисленные вставные гласные в берестяных грамотах.

Во многих этрусских надписях отмечена своеобразная «пунктуация»: «[...] знаки, передающие инициальные гласные слова и слогаобразующие согласные, отмечаются точками, которые ставятся либо перед буквой, либо после буквы, либо перед и после буквы и, наконец, могут ставиться внутри буквы» [Гельб 1976: 295]. Похожая пунктуация, как отмечалось выше, использовалась и в берестяных грамотах. Примечательно, что А. А. Зализняк в комментарии к грамотам мальчика Онфима № 199 и 201, указав на «глубочайшую древность» подобных алфавитно-силлабических списков, привел в качестве примера хранящуюся в музеях Ватикана этрусскую вазу VII в. до н. э., запись на которой «с точностью до способа объединения складов в группы» устроена так же, как записи Онфима [ДНД₂: 477].

В заключение подчеркну, что я отнюдь не предлагаю трактовать бытовую графическую систему как разновидность слоговой системы письма. Речь идет о том, что те особенности бытовой системы письма, которые противопоставляют ее книжной системе (прежде всего опора на склады как основные письменные единицы и мена гласных при различении согласных), одновременно типологически сближают ее со слоговым

письмом. В этом смысле можно рассматривать бытовое письмо как алфавитную систему с элементами слогового письма. В конкретных текстах эти элементы могут быть выражены в большей или меньшей степени. Учитывая многочисленные наблюдения, указывающие на высокую эффективность слоговых систем письма в обществах, где письменная культура еще не глубоко проникла в массы, можно предположить, что своего рода «гибридный» алфавитно-слоговой характер бытового письма в большой степени способствовал широкому распространению письменности среди жителей Новгорода и других древнерусских городов.

Библиография

Беляев et al. 2019

Беляев Л. А., Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Берестяная грамота Москва-4: результаты комплексного исследования, *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 3 (77), 2019, 21–30.

Буланин 1970

Буланин Л. Л., *Фонетика современного русского языка*, Москва, 1970.

Ван-Вейк 1957

Ван-Вейк Н., *История старославянского языка*, Москва, 1957.

Гельб 1976

Гельб И. Е., Западносемитские силлабарии, *Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки: сборник статей*, Москва, 1976, 263–303.

——— 1982

Гельб И. Е., *Опыт изучения письма (Основы грамматики)*, под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова, Москва, 1982.

Гиппиус 2020

Гиппиус А. А., Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе, *Вопросы языкознания*, 5, 2020, 22–37.

ДНД₁

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.

ДНД₂

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.

Дурново 2000a

Дурново Н. Н., Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка, Idem, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 391–495.

——— 2000b

Дурново Н. Н., Славянское правописание X–XII вв., Idem, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 644–682.

Живов 2006

Живов В. М., Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века, Idem, *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006, 76–130.

Зализняк 2002

Зализняк А. А., Древнерусская графика со смещением ъ – о и ѣ – е, Idem, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 2002, 577–612.

Крысько, Мольков 2020

Крысько В. Б., Мольков Г. А., *Восточнославянские рукописи XI – начала XIII вв.: Лингвистические очерки*, под ред. В. Б. Крысько, Москва, 2020.

Ладыженский 2011

Ладыженский И. М., Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167 (Диссертация на соискание степени канд. филологических наук, Москва, 2011).

НГБ 8

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*, 8, Москва, 1986.

НГБ 9

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*, 9, Москва, 1993.

НГБ 10

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, 10, Москва, 2000.

НГБ 12

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, 12, Москва, 2015.

Немировский 1983

Азбука Ивана Федорова 1578 г., подгот. факс. изд., исследование памятника Е. Л. Немировского, факс. изд., Москва, 1983.

Петрухин 2019

Петрухин П. В., Где и когда собирал дань новгородец Савва?, *Slověne = Словѣне*, 1, 2019, 55–108.

Селищев 1951

Селищев А. М., *Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика*, Москва, 1951.

Сибирцев, Шахматов 1909

Сибирцев И. М., Шахматов А. А., *Еще несколько двинских грамот XV века* (= Исследования по русскому языку, 2/5), Санкт-Петербург, 1909.

Соболевский 2006

Соболевский А. И., Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова, Idem, *Труды по истории русского языка. 2: Статьи и рецензии*, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько, Москва, 2006, 501–509.

Успенский 1968

Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.

——— 1994

Успенский Б. А., *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*, Москва, 1994.

——— 1997a

Успенский Б. А., Одна архаическая система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев), Idem, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 289–319.

——— 1997б

Успенский Б. А., Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты), Idem, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 246–288.

——— 1997в

Успенский Б. А., Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров), Idem, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 143–208.

——— 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., Москва, 2002.

Шахматов 1903

Шахматов А. А., *Исследование о двинских грамотах XV в.*, 1–2 (= Исследования по русскому языку, 2/3), Санкт-Петербург, 1903.

——— 1915

Шахматов А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка* (= Энциклопедия славянской филологии, 11/1), Петроград, 1915.

——— 1941

Шахматов А. А., *Очерк современного русского литературного языка*, 4-е изд., Москва, 1941.

Daniels 2018

Daniels P. T., *An Exploration of Writing*, Sheffield, Bristol, 2018.

Lunt 2001

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

References

Belyaev L. A., Gippius A. A., Zaliznyak A. A., Birch-bark letter "Moscow-4": the interdisciplinary case study, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (77), 2019, 21–30.

Bulanin L. L., *Fonetika sovremennogo russkogo iazyka*, Moscow, 1970.

Daniels P. T., *An Exploration of Writing*, Sheffield, Bristol, 2018.

Durnovo N. N., Russkie rukopisi XI i XII vv. kak pamiatniki staroslavianskogo iazyka, Idem, *Izbrannyye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000, 391–495.

Durnovo N. N., Slavianskoe pravopisanie X–XII vv., Idem, *Izbrannyye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000, 644–682.

Gelb I. J., *A study of writing*, I. M. Diakonoff, ed., Moscow, 1982.

Gelb I. J., Zapadnosemitskie sillabarii, *Tainy drevnikh pis'men. Problemy deshifrovki: sbornik statei*, Moscow, 1976, 263–303.

Gippius A. A., Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 5, 2020, 22–37.

Krysko V. B., Molkov G. A., *Vostochnoslavianskie rukopisi XI – nachala XIII vv.: Lingvisticheskie ocherki*, Moscow, 2020.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Nemirovskii E. L., ed., *Azbuka Ivana Fedorova 1578 g.*, Moscow, 1983.

Petrukhin P. V., Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?, *Slověne*, 1, 2019, 55–108.

Selishchev A. M., *Staroslavianskii iazyk*, 1: *Vvedenie. Fonetika*, Moscow, 1951.

Shakhmatov A. A., *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, 4th ed., Moscow, 1941.

Sobolevskii A. I., Issledovanie o iazyke Sinodal'nogo spiska 1-i Novgorodskoi letopisi. Trud B. M. Liapunova, V. B. Krysko, ed., A. I. Sobolevskii, *Trudy po istorii russkogo iazyka. 2: Stat'i i rensenzii*, Moscow, 2006, 501–509.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3rd ed., Moscow, 2002.

Uspenskij B. A., Starinnaia sistema chteniia po skladam (Glava iz istorii russkoi gramoty), Idem, *Izbrannyye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997, 246–288.

Uspenskij B. A., *Arkhaiskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniia v Rossii)*, Moscow, 1968.

Uspenskij B. A., *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.)*, Moscow, 1994.

Uspenskij B. A., Odnarakhaiskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia (Liturgicheskoe proiznoshenie staroobriadsev-bespopovtsev), Idem, *Izbrannyye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997, 289–319.

Uspenskij B. A., Russkoe knizhnoe proiznoshenie XI–XII vv. i ego svyaz' s iuzhnoslavianskoi traditsiei (chtenie erov), Idem, *Izbrannye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997, 143–208.

Wijk N., van, *Geschichte der altkirchenslavischen Sprache*, Moscow, 1957.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: *Iz raskopok 2001–2014 gg.*, Moscow, 2015.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9: *Iz raskopok 1984–1989 gg.*, Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: *Iz raskopok 1977–1983 gg.*, 8, Moscow, 1986.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: *Iz raskopok 1990–1996 gg.*, Moscow, 2000.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., Drevnerusskaia grafika so smesheniem ŭ – o i ĭ – e, Idem, «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniiu, Moscow, 2002, 577–612.

Zhivov V. M., Pravila i proiznoshenie v russkom tserkovnoslavianskom pravopisanii XI–XIII veka, Idem, *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006, 76–130.

Павел Владимирович Петрухин, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Школа актуальных гуманитарных исследований

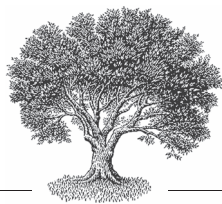
Института общественных наук РАНХиГС

119571, пр. Вернадского, 82, корп. 2

Россия / Russia

ppetrukhin@gmail.com

Received February 13, 2020

Книга Бытия в Полной хронографической палее и Троицкие Пятикнижия № 1 и № 45

The Book of Genesis in the Complete Chronographic Palaea and the Trinity Pentateuchs No. 1 and No. 45

Татьяна Леонидовна Вилкул

Институт истории Украины
Национальной академии наук Украины
Киев, Украина

Tatiana L. Vilkul

Institute of History of Ukraine
of Ukrainian National Academy
of Sciences
Kiev, Ukraine

Резюме

Происхождению фрагментов древнеславянского четьего библейского перевода X в. (т. е. 'предназначенного для домашнего и монастырского чтения') в Полной хронографической палее до сих пор уделялось не слишком много внимания. Основная цель данной статьи — определить использованную в Полной палее версию Книги Бытия на основе сравнения текстуальной традиции Восьмикнижия, Пятикнижия и хронографов. Как известно, Полная Хронографическая палея относится к древнерусским компиляциям, содержащим, с одной стороны, ветхозаветные тексты, с другой — хронографические источники. Ее библейская часть скомпонована из материала Толковой палеи, а также фрагментов четьего библейского перевода, в хронографической же части помещены выдержки из византийских хроник в версии так называемого «Хронографа по великому изложению», с дополнениями. Рукописная традиция четьего перевода Восьмикнижия включает три редакции текста, и заимствования из четьего Бытия в палее обнаруживают мало

Цитирование: Вилкул Т. Л. Книга Бытия в Полной хронографической палее и Троицкие Пятикнижия № 1 и № 45 // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 129–148.

Citation: Vilkul T. L. (2020) The Book of Genesis in the Complete Chronographic Palaea and the Trinity Pentateuchs No. 1 and No. 45. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 129–148.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.5

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

2020 №2 *Slověne*

сходства с двумя из них, а именно — Русской и Южнославянской редакциями. Зато множество сближений видим с группой Троицких Пятикнижий (РГБ ф. 304. I, № 1 и № 45). Текст этой группы принадлежит к третьей, Хронографической редакции четьего Бытия, характерные варианты охватывают десятки примеров тождественных инноваций. Вместе с тем некоторые расхождения с Троицкой группой и сближения с исходными чтениями из иных редакций показывают, что составитель Полной палеи имел дело с более ранним общим протографом. Хронографическая редакция разделилась на две группы, Троицкие Пятикнижия и Иудейский хронограф, по-видимому, в к. XII — нач. XIII вв., и ныне представлена лишь пятью списками. Соответственно, материал Полной палеи важен и для текстологического изучения древнеславянского Восьмикнижия, и для истории хронографии.

Ключевые слова

средневековая литература, древнеславянские библейские переводы, церковнославянский язык, древнерусские хронографические компиляции

Abstract

Some parts of the *Complete Chronographic Palaea* contain fragments of an Old Slavonic translation of the Bible, which was intended for personal home or monastic reading (*chetij* in Old Slavonic). The origin of this translation has not received much scholarly attention so far. The main purpose of this paper is to identify the version of the Book of Genesis used in the *Palaea* by comparing the textual traditions of the Slavonic Pentateuch, Octateuch and chronographs. The *Complete Chronographic Palaea* is one of the Old Russian compilations containing both the Old Testament translations and chronographic sources. Its biblical part is built on the material of the *Palaea Interpretata*, as well as on the Slavonic “*chetij*” biblical translation, while the chronographic part has excerpts from the translated Byzantine chronicles after the version of the so-called *Chronograph po velikomu izlozheniju* with additions. Overall, the manuscript tradition of the Slavonic Octateuch includes three families. While interpolations from the Genesis in the *Complete Palaea* reveal little resemblance to two of them, namely, Russian and South Slavic recensions, we see dozens overlaps with the group of the Trinity Pentateuchs (Russian State Library, f.304. I, No.1 and No.45). The text of this group belongs to the third, Chronographic recension of the “*chetij*” Octateuch with specific features covering dozens of examples of identical innovations. However, some discrepancies with the Trinity Pentateuchs and convergence with the original readings preserved in two other recensions show that the compiler of the *Complete Palaea* was dealing with an earlier common protographe. The Chronographic recension itself was divided into two groups (Trinity Pentateuchs and *Iudejsky Chronograph*) approximately in the late 1100s or early 1200s and is now represented by only five manuscripts. Therefore, the evidence of the *Complete Chronographic Palaea* is important both for the textual analysis of the Old Slavonic biblical translations and for the history of the Old Russian chronographs as well.

Keywords

medieval literature, Old Slavonic biblical translations, Old Church Slavonic, Old Russian chronicles

В древнеславянских и древнерусских текстах встречается слово «палея», от греч. *παλαιά* 'древняя'. В терминологическом смысле в славистике оно обозначает компиляцию, в основу которой легли ветхозаветные тексты. Существуют четыре вида палей: Толковая, Полная и Краткая хронографические, и Историческая палея¹. Начиная с Толковой палеи, библейская история излагалась в объеме от сотворения мира до Давида и Соломона, включая Восьмикнижие и первые две книги Царств. В Полной хронографической палее тексты Библии пополнены еще вставками из переводных византийских хроник. После окончания палейной половины, скомпонованной из Толковой палеи, фрагментов Восьмикнижия и парабиблейских источников, продолжают хронографические выписки из так называемого «Хронографа по великому изложению». Изложение доведено до середины X в., подобно тому как это сделано в Хронике Георгия Амартола. Недавно был обнаружен пятый, переходный вид палеи — Барсовская. Она известна в единственном списке (ГИМ, собр. Барсова № 619), датируемом рубежом XIV–XV вв. или 2-й пол. XIV в. [Алексеев 1993; Водолазкин 2007: 20–22; Водолазкин 2009]. Барсовская палея представляет собою как бы «черновик» Полной хронографической палеи².

Спор о том, что считать исходной компиляцией — Толковую или Полную Хронографическую палею, — решен в пользу Толковой. Исследователю древнерусской исторической и хронографической переводной литературы В. М. Истрину еще в нач. XX в. удалось показать, что в Полной палее библейский текст двуслоен. Первый слой содержит отрывки из Толковой палеи с пересказом ветхозаветных книг с остатками толкований. Второй слой включает интересующие нас фрагменты, точно воспроизводящие полный или четий библейский перевод³. Однако

¹ Поскольку в литературе иногда упоминаются синонимичные названия, идущие из дореволюционных трудов, имеет смысл дать краткую справку. Старое название Толковой палеи, унаследованное из XIX в., — Коломенская, оно дано по месту написания списка, городу Коломне. Текст издавался неоднократно, напр. [Палея Толковая 2002]. Рукопись оцифрована, см. РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 38, см.: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-38> (далее ссылки на это собрание: <https://lib-fond.ru/lib-rgb>). Старое название Полной хронографической палеи — Синодальная, оно дано по названию собрания, в котором хранится рукопись (ГИМ, Синодальное собрание № 210). Текст частично опубликован [Толковая палея 1892]. Старое название Краткой хронографической палеи — Палея Срезневского, современный шифр БАН, 24.5.8. Не менялось лишь название Исторической палеи, которая, в отличие от компиляций, сделанных древнерусскими составителями, является переводом на древнеславянский с греческого. Полезная библиографическая коллекция о палях: [Orlov 2009].

² Е. Г. Водолазкин обратил внимание на то, что на полях рукописи в разных местах текста остались значки, указывающие, как необходимо объединять фрагменты; и в самом деле, в Полной палее видим их синтез.

³ До сих пор не устарело исследование [Истрин 1907]. О дискуссии по поводу обеих палей с перечнем литературы [Словарь книжников 1987: 287–288].

до сих не было попыток определить версию вставок из четьего Восьмикнижия, которые были введены хронографическую компиляцию в XIV в.

Полный перевод первых восьми книг Библии, сохранившийся в сборниках Восьмикнижия и хронографов, а иногда Пятикнижия и его продолжений, был выполнен, по-видимому, болгарскими книжниками в начале X в. [см. напр.: Пичхадзе 1996]. Однако дошедшие до нас рукописи библейских сборников (ныне их известно около сотни) относятся к самому концу XIV–XVI⁴ вв. и более позднему времени. За этот длительный промежуток текст древнеславянского четьего перевода разошелся на три ветви-редакции, в свою очередь распавшиеся на группы списков. Редакции формировались в XII(?)–XIV вв. По моим наблюдениям, в древнерусских оригинальных сочинениях XI — начала XII вв. («Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», и др.), где имеются вставки из четьего Восьмикнижия, еще не прослеживается следов ни одной из перечисленных выше текстуальных ветвей, зато по этим памятникам в ряде случаев можно вычленить исходный текст. Имеются косвенные показатели более позднего, чем 1-я пол. XII в., формирования редакций Восьмикнижия. Напр., Южнославянская редакция содержит вставки из Исторической палеи, перевод которой, вероятно, сделан в XIII в.⁵ Одно из ответвлений восточнославянской Хронографической редакции — Иудейский хронограф — в части, содержащей Книги Бытия, Хронику Иоанна Малалы и др. компоненты, имеет дату составления, ведущую ко 2-й пол. XIII в.

История текста древнеславянской Библии, несмотря на несколько сотен лет изучения, по-прежнему нуждается в уточнениях. В частности, нет исчерпывающих сведений о трансмиссии рукописей библейских сборников, поэтому любые усилия в этом направлении важны. В Полной палее точно скопирована приблизительно четверть четьего Бытия, благодаря чему она предоставляет новые ценные данные. Ее версия близка как раз тому ответвлению рукописной традиции, которое хуже всего представлено в сохранившихся списках четьих библейских книг, а это представляет особую научную ценность.

Три редакции, образовавшиеся в результате трансмиссии первоначального перевода полного Восьмикнижия, следующие: Хронографическая, Русская и Южнославянская (далее: Chr, RU, SO). Сохранилось около 60 кодексов, содержащих Книгу Бытия [Славова 2018: 97–99]. Пять из

⁴ При этом списков XIV в. очень немного: РГБ Троицкий № 1 (Пятикнижие), Троицкий № 2 (сборник с Книгой Иисуса Навина и др. книгами), Троицкий № 728 (старший список Троицкого хронографа). Все три оцифрованы, см. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой Лавры: <https://lib-fond.ru/lib-rgb>.

⁵ Подробнее литературу и рассмотрение вопроса см.: [Reinhart 2007; Славова 2015].

них принадлежат Хронографической редакции⁶, около десятка приходится на Южнославянскую, Русская же представлена наибольшим числом рукописей. Редакции подразделяются на группы и подгруппы. Хронографическая редакция — на группы Троицких Пятикнижий (№ 1 и № 45, сиглы *T1*, *T45*) и Иудейского хронографа (списки Архивский, Виленский, Варшавский, сиглы *Арх*, *Вил*, *Варш*). Русская редакция распадается на три группы: раннюю (RU-E), к которой принадлежат лишь три списка, в том числе Троицкий № 44 (*T44*), позднюю (RU-L) и позднюю с еврейскими глоссами (RU-_{HEBR}). Обе поздние группы, вероятно, имели общий протограф. Отдельно следует выделить подгруппу, в которую входит список из собрания Румянцева № 27 (*P1*). Протограф этой подгруппы принадлежал к RU-L, но, по моим наблюдениям, сверялся по какому-то списку, близкому к *T1*, *T45*⁷. Южнославянская редакция состоит из двух групп, сербской (SO-_{SERB}) и болгарской (SO-_{BULG}). Ниже в разночтениях используются обозначения всех названных групп.

Данная статья продолжает работу, начатую подготовкой к публикации древнеславянской Книги Бытия по спискам XIV–XVI вв., сделанную автором совместно с С. Л. Николаевым⁸. Четкий текст сравнивался по сборникам Восьмикнижия, Пятикнижия и хронографов. В нашем издании использован материал 18 списков, за основной избрано Троицкое Пятикнижие № 44 Русской редакции. Привлекались также издания и списки Паримейника (сборника чтений из Ветхого Завета, предназначенного для церковных служб) [Брандт 1894а; 1894б; 1900; 1901; Григоровичев Паримейник 1998], поскольку все славянские рукописи имеют паримейные вставки, хотя и отличающиеся по составу. В сложных узлах разночтений подведен греческий текст по критическому Геттингенскому изданию Септуагинты [Septuaginta 1974]. Во всех приведенных ниже примерах библейский материал взят из подготовленного издания, где в критическом аппарате обозначены листы рукописей (соответственно, номера листов из библейских сборников и хронографов не отмечаются). Сопоставление с Полной палеей проводится по спискам Погодинский № 1435 (*Пг*), Синодальный № 210 (*Син*),

⁶ Ранее были известны только два, и их относили к «Промежуточной группе», но как оказалось, эта ветвь имеет статус отдельной редакции [Вилкул 2015].

⁷ В Восьмикнижиях, Пятикнижиях и др. библ. сборниках этой подгруппы имеются десятки общих чтений. Согласно Михайлову, к ней относятся списки: Румянцевский № 27 (РГБ, ф. 256), Кирилло-Белозерский № 3/8 (РНБ), и рукопись из Антониево-Сийского монастыря № 179 (современное место хранения которой установить не удалось). См.: [Михайлов 1912: XX–XXIV].

⁸ [Вилкул, Николаев 2020]. Читатели также могут обратиться к предыдущему изданию Бытия [Михайлов 1900–1908]; в нашей публикации добавлены списки Троицкий № 45 и № 44, Варшавский, Виленский, сопоставление с греч. текстом и словоуказатели.

при расхождении названных двух привлекался также Румянцевский № 453 (Рм). Два из них оцифрованы⁹, что облегчает доступ и перепроверку чтений.

В Полной хронографической палее во фрагментах Бытия не прослеживается заимствований из Русской редакции, что показательно, учитывая широкую распространенность последней. В RU довольно много случаев, когда опущены слова, выражения и целые стихи (иногда в результате гаплографии, но не обязательно). Эти пропуски зачастую не мешают восприятию текста, так как приходится на риторическое удвоение отдельных оборотов или же так называемые библейские повторы. Подобных сокращений не наблюдается в двух других редакциях и греческом оригинале, а также — что примечательно — в Полной палее. Примеров этому множество. Приведем несколько характерных (далее для восприятия чтений использованы графические маркеры: полужирным стилем выделены отличающиеся фрагменты в библейском тексте по разным версиям).

1. При перечислении царей, Быт 14:8, в RU отсутствуют 2 слова «[и црѣ севоеимскы]»: текст, заключенный в квадратные скобки и выделенный полужирным шрифтом, приведен по двум другим редакциям и поддерживается греч. *καὶ βασιλεὺς Σεβωίμ*. Выражение имеется в Полной палее, ср. Пг л. 72г с небольшой порчей «семоимьскъ», Син л. 75а «семоискъ».

2. В Быт 23:6 RU имеется гаплография в выражении «слоушаи насъ [црѣ ѿ бѣ еси ты в на^е]». Начиная с «црѣ...» — заключенное в скобки представляет собою пропуск, однако текст сохранен в Chr SO и Полной палее и поддерживается греч.: *ἀκούσον δὲ ἡμῶν. βασιλεὺς παρὰ θεοῦ εἰ σὺ ἐν ἡμῖν* (Пг л. 85г, Син л. 92b).

3. В Быт 32:19 «[и заповѣда старѣишему . второму . и третьему . и] всѣмъ преидущимъ» — в RU утрачено начало стиха. Оно сохранено в Chr SO P1-подгруппе и Полной палее (Пг л. 97v, Син л. 109а) и соответствует греч.: *καὶ ἐνετείλατο τῷ πρώτῳ καὶ τῷ δευτέρῳ καὶ τῷ τρίτῳ καὶ πᾶσι τοῖς προπορευομένοις*. Обнаружены и иные подобные случаи¹⁰.

⁹ Синодальный № 210 см.: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/164750?album=622494765&index=52>. Румянцевский: ОР РГБ, ф. 256, собр. Румянцева, № 453, см.: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-453>.

¹⁰ В Быт 15:19 воспроизведены два названия из опущенного в RU перечня племен (Пг л. 76г, Син л. 80d); полностью воспроизведено Быт 23:15, где в RU в этом месте пропуск (Пг 85v, Син 92с); то же касается Быт 24:7 (Пг л. 86г, Син л. 93b); в Быт 33:9 присутствует пропущенная в RU речь Исава в начале этого стиха (Пг л. 98г, Син л. 110а); палея не отражает гаплографию RU в Быт 38:17 (Пг л. 104v, Син л. 117d), нет пропуска в иных стихах. Ср. Быт 39:23 (Пг л. 108г, Син л. 121а), Быт 43:4 (Пг л. 112v, Син л. 126с), Быт 43:32 (Пг л. 114г, Син л. 128а), Быт 44:34 (Пг л. 115v, Син л. 130b), Быт 46:18 (Пг л. 120г, Син л. 135b).

Палея также не имеет дополнений, присущих Русской редакции. Напр., в Быт 24:14 Авраамов раб едет к родственникам своего господина с поручением сосватать жену для его сына, Исаака. RU передает якобы раздумья раба: «(воды .) помыслихъ въ оумѣ си и рѣхъ . да боудеть двѣца». Выделенных слов нет в Chr SO и палее (Пг л. 86г, Син л. 93с), а также в греч., где только: (ὕδωρ,) καὶ ἔσται ἡ παρθένος. Имеются иные аналогичные разночтения (напр., Быт 33:10, Пг л. 98г, Син л. 110а). Не обнаруживается в палее и инноваций в именах и географических названиях, характерных для RU. Список таких «отрицательных» примеров настолько объемён, что совершенно невероятно предположение, что составитель Полной палеи мог бы опираться в своей компиляции на какую-нибудь рукопись Русской редакции. Сближения прослеживаются лишь в отдельных чтениях группы RU-_{HEBR}, но они нерегулярны, и сложно решить — не могли ли они быть введены, наоборот, в эту ветвь из чтений палеи¹¹.

С Южнославянской редакцией Полную палею сближают лишь отдельные общие ошибочные чтения. Их наличие объясняется, видимо, независимыми одинаковыми правками у разных писцов, ведь небольшой процент независимых близких и тождественных инноваций обычен для многих рукописей и повышается при высокой концентрации топики в памятниках. В данном случае подобные примеры к тому же не слишком выразительны. Укажем некоторые из них.

1. Быт 17:13, завет Господа Аврааму «да вбръжет сѧ домачадець до-моу твоего и коуплени . и боудеть завѣтъ мой на плѣти вашеи» — в SO и Полной палее «да не вбръжет сѧ» (Пг л. 77г, Син л. 81d). Греч. περιτομή περικυρῶσεται (в группе списков только: περικυρῶσεται) не предполагает частицы «не». Однако в 17-й главе Бытия несколько раз повторено повеление «да вбръжет сѧ» по отношению к разным категориям людей (Быт 17:10–13), поэтому писцы могли недопонять, что речь идет еще об одном повторении, и заложить, так сказать, отрицательный казус. В Быт 37:35 видим одинаковое дополнение в SO-_{SERB} и палее, относимое, однако, к топике: Иаков оплакивает любимого сына Иосифа при

¹¹ Подобные чтения есть в т. ч. в рукописи Иосифо-Волоцкого монастыря, № 8, ОР РГБ, ф. 113 (сигл Михайлова В1), см.: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/113/f-113-8>. Важных вариантов, строго говоря, два. В Быт 23:6 хеттеи предлагают Аврааму погребсти Сарру: «въ чѣтныѣ нашиѣ погребѣ мертвецъ свои», греч. ...τοῖς ἐκλεκτοῖς μνημείοις ἡμῶν... Упоминание гробниц утерялось в славянском в большинстве списков, что видимо, восходит к проторграфу четьего перевода. В RU-_{HEBR} в подгруппе, к которой принадлежит В1, читается «...нашихъ мѣтеѣ...», и с пропуском «нашихъ» такое же прибавление и в Полной палее: «въ чѣтныѣ мѣтеѣ погребѣ...» (Пг л. 85г, Син л. 92b). Кроме того, в Быт 32:14–32:15 в RU-_{HEBR} к перечню даров брату Исаву от стада Иакова (столько-то «козель, овенъ, быкъ, всель» и т. д.) добавлено еще «коровъ 40». В Полной палее в стихе 32:14 «кравъ .к. .м.» (Пг л. 97г; .к. (20) на поле, Син л. 108d).

ложном известии о смерти того «много дней». В большинстве списков в окончании стиха лишь «плака са [Chr + его] вѣ ъ его» — но SO^{-SERB} «плака же се оѣъ его дѣи многи»; близко Пг Син «плака са его дѣи мно-гы» (Пг л. 104r, Син л. 117a «плакаша»); при греч. ἔκλαυσε αὐτὸν ὁ πατήρ αὐτοῦ.

2. В Быт 41:34 Иосиф советует фараону в преддверии страшного семилетнего голода сотворить большие житницы, поставить старейшин землям и собрать в житницы пятую часть выращенного в период изобилия зерна: «и дасть (в большой группе списков: да) пѣтую часть жита» — SO^{-SERB} «и да съберѣть...» (SO^{-BULG} «да възимаетъ»), подобно и в Полной палее, «и да сберѣть» (Пг л. 110r, Син л. 123b). Греч. иначе: καὶ ἀποπεμπτωσάτωσαν πάντα τὰ γενήματα.

Гораздо более однозначны схождения с Хронографической редакцией. С ней сближают и вторичные чтения, и ряд исходных, сохраненных только в Chr и отсутствующих в двух других редакциях. Начнем с первых, так как сами по себе общие исходные чтения непоказательны и приобретают значение только в паре с надежными вторичными.

1. Так, в Быт 12:6 в RU «и вбыиде авраамъ землю всю», в SO T1 паримейная замена «пріиде», — в оставшихся списках Chr «и вбиходи...», Пг «вбиходи», διώδευσεν (правда, так только Пг л. 70v, проп. Син л. 73d и Рм л. 55b).

2. В Быт 13:11 в Chr и Пг отсутствует слово «вба» в выражении «разлоучиста са вба брата ѿ себе», ἕκαστος ἀπὸ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ (по Пг л. 71v, проп. выражения в Син л. 74d и Рм л. 56a).

3. В Быт 19:11 ангелы избавляют Лота от содомлян, избивая нападающих: «моужа же соущаа пре^а дверми побиста не видимо». Но Chr и Полная палея вместо «побиста» имеют «постависта»¹²; греч. ἐπάταξαν (Пг л. 79v, Син л. 85b).

4. Быт 21:23 в большинстве списков речи царя Авимелеха к Аврааму представлены в таком виде: «(по правдѣ) юже сътвори хъ. с тобою сътвори», ἦν ἐποίησα μετὰ σου, ποιήσεις. В Chr и Полной палее — сокращение: «юже сътвориши» (T1, T45, Син мелкая погрешность еже; Пг л. 82v, Син л. 89b). Одна из топографических отметок, «оу кладаза видѣннаго», τῆς ὁράσεως — Варш и Полная палея «воднаго» (Пг л. 87v, Син л. 95a), в остальных списках Chr «виднаго», что легко трансформировалось в «водный». В Быт 25:3 перечисление сыновей, среди которых по SO «и лов-мимъ» или в варианте RU «и оловмоумъ», греч. καὶ Λωμμεῖμ — в Chr, Полной палее пропуск имени (Пг л. 87v, Син л. 95b). Согласно Быт 37:3, Иаков очень любил первого сына от Рахили Иосифа: «сѣй старостень ємоу бѣ . сътвори же ємоу ризоу красноу», что точно соответствует греч.

¹² Пг Син с дальнейшей инновацией: постависта невидѣниємъ.

υἱὸς γήρους ἦν αὐτῷ · ἐποίησεν δὲ αὐτῷ χιτῶνα ποικίλον — в Chr, Полной палее выделенные слова опущены, при этом еще в T1 T45 и палее пропуск компенсирован заменой в конце фразы: «ризу красну нос» (Пг л. 102г, Син л. 114с). Быт 41:28 Иосиф рассуждает, что он изрек слово «фаравне елико бѣ творить оуказа фаравноу (и се)», Φαραώ, ὅσα ὁ θεὸς ποιεῖ, ἔδειξεν τῷ Φαραώ, (ἰδοὺ) — но в Chr, Полной палее гаплографический пропуск (Пг л. 110г, Син л. 123а). В Быт 43:30 видим сложный узел чтений, где описываются чувства Иосифа, увидевшего своего брата Вениамина после долгой разлуки: «рыдаше оутроба его брата ра^а своего». Полная палея поддерживает чтения Chr «выаше с» утроба» (так Вил, T45 «выаше...», Арх Варш «быаше с»¹³, ср. Пг л. 114г, Син л. 128а), тогда как в RU-E «рыдаше», а RU-L и SO «хлипаше», греч. συνεστρέφετο γὰρ τὰ ἔντερα. Следует отметить: характерные чтения не захватывают крупных участков текста, но таково свойство Chr, где отклонения, объясняемые небольшими ошибками прочтения или диктовки, составляют большинство.

Примечательны и общие исходные чтения, сохраненные именно в Chr и палее.

1. Напр., в Быт 14:10 сообщается, что некое 'соленое' ущелье («алукиа») имело необычные колодцы, в которые при бегстве свалились несколько царей. В RU и SO записано неверно: «юдоль же аликиа . имоущ кладазь сѣверень». Но Chr и Полная палея представляют другое чтение «оудоль же алукиа имаща кладазь [имѣща кладазь] сѣры». Последнее, видимо, корректно передает оригинал, по крайней мере, в греч. о сторонах света речь не идет: ἡ ἀλυκὴ φρέατα φρέατα ἀσφάλτου. Правда, «сѣры» видим из палейных лишь в Погодинском списке, в Синодальном легкая порча: «кладазь селы», аналогично в Румянцевском «кладазь силы» (Пг л. 72г, Син л. 75а, Рм л. 56b). Возможно, исходной формой было «сѣрыны (сѣрынь)», откуда легко возникла ошибка «сѣверень».

2. В Быт 24:32 в RU «и дасть плѣвы и сѣно велбоудомъ», однако Chr и Полная палея сохраняют лексему «поудъ» (Пг л. 86v, Син л. 94а), тогда как в SO_{SERB} «крѣмѣ», в SO_{BULG} «потрѣбнаа», греч. χορτάσματα. При этом выше «поудъ» встречается еще в 24:25, где сохранено уже в рукописях двух ветвей — RU и T1, T45, причем в Арх Варш Вил порча «под», SO же «подногы», т. е. инновации образовалась именно из «поудъ» или «поудо»¹⁴. В Быт 42:24 иное выражение точно сохранено снова-таки в Chr и Полной палее: «проплака с» паки же приде к нимъ», ср. ἔκλαυσεν Ἰωσήφ. καὶ πάλιν προσῆλθεν πρὸς αὐτοὺς, тогда как в SO опущено слово: «проплакав се . приде кь ни^м», а в RU проп., и от всего выражения оста-

¹³ T1 иначе, паримейная замена «смущаше же с».

¹⁴ SO «подногы» из двух слов в выражении: «поудъ мѣного».

лось лишь «проплакав са» (*Пг* л. 112г, *Син* л. 125с). Аналогично в *Chr* *Пг* из Быт 44:23 сохранено слово «вѣща»¹⁵, εἴπας, тогда как в остальных ветвях «Ѡвѣща».

Таким образом, из трех редакций именно Хронографическая показывает ряд сближений с Полной хронографической палеей. Мы можем еще сузить поиски, поскольку в большом ряде чтений прослеживаются варианты палеи, тождественные инновациям одной из групп этой редакции, а именно, группе Троицких Пятикнижий.

Так, в Быт 12:8 в рассказе об Аврааме в целом корректно переданы топонимы, которые патриарх встречал по пути, ведомый наказами Господа. Из незначительных вариаций: Вефиль в *T1*, *T45* пишется через «ф» «вефиль» (*T1* с перестановкой букв: вифель), в *RU-E* переделано в «летиль», поздние ветви *RU* — дальнейшая порча «лиць», *Арх*, *Варш*, *Вил* *SO* «ветиль». При этом греч. Βαλὴλ упомянут дважды, но в *T1*, *T45* и Полной палее место соответствует второму, все остальные списки — первому упоминанию¹⁶. Главное же, в Троицких Пятикнижиях и Полной палее почти корректно сохранено геогр. «Агге», перевод Ἀγγαί. Почти корректно, поскольку в *T1* и палее удвоен предлог «къ» (= κατὰ), т. е. читается «къ . ко» или «къ къ», первое «къ» присоединилось к названию, в результате чего получился «аггекъ»¹⁷. По-видимому, такую же ошибку содержал и антиграф *T45*, но переписчик этимологизировал ее в «ангел»: «аѣге^а». Только в *RU-E* соответствующее название сохранено с порчей «и ате», в остальных же рукописях оно вообще пропущено. Таким образом, имеем одновременно яркий начальный вариант и незначительный вторичный в одном и том же узле разночтений, ср. табл. 1.

Среди чтений списков самой палеи более близкие к исходным дает Погодинский, а Синодальный и Румянцевский имеют общие инновации «хлевиноу» вместо «коущоу» и ошибки «февиль» вместо «вефиль» (выше в некоторых других примерах также видно, что два последних списка сближаются). Добавим, название «Агге» присутствует еще в Быт 13:3: оно сохранено в *RU* корректно, *T45* дает вариант «агге^а», *T1* — «ааггѣемъ», в списках же Полной палеи здесь вновь «аггекъ» (*Пг* л. 71v, *Син* л. 74с, *Рм* л. 55d).

¹⁵ Ср. те стихи Книги Бытия, где слово сохранено в *T44* по словоуказателю, подготовленному С. Л. Николаевым: «вѣща» 20:5, 32:20, 37:19, 42:4, 42:21; «вѣщати» 20:4. Надо сказать, в Полной палее «вѣща» лишь по *Пг* л. 115v, тогда как *Син* л. 129с и *Рм* л. 102с тоже «Ѡвѣща».

¹⁶ Не исключено, разнообразные сокращения были связаны с тем, что писцы протографов редакций и групп старались устранить дубль названия, т. е. несмотря на схожесть, механизмы урезания цитаты были разными.

¹⁷ К *T1*, *T45* здесь примыкают еще рукописи *RU* P1-подгруппы.

Таблица 1

Пг л. 70v, Син л. 73d, Рм л. 55b	T1	T45	RU	Вил, Арх, Варш	SO	[Septuaginta, 1: 151]
и въѣѡпи ѡтѡды в [Син Рм на] горы на востокъ . и постави кѡщѡ [Син Рм хлевинѡ] свою к морю вефилъ [Син Рм фефилъ] . и аггекъ. къ востоку ^м .	і ѡтѡступи ѡтуду в горѣ на въстоки поставі кущу свою к морю вифель и аггекъ ко въстоку.	и въѣѡпи ѡтѡдѡ в' горы на въстоки и постави кѡщѡ свою къ морю вефи ^а . и агге ^а къ востоку ^м .	и въѡтоупи ѡтоудоу въ гороу на въѡтокъ летиль [лицъ] ¹⁸ . и постави храмъ свои къ морю и ате къ въѡтоку ^м .	и въѣѡпи ѡтѡдоу въ горѡ , на въѡтоки въ ветиль , и постави ^{мѡ} кущу свою къ морю , и - - къ востоку ^м ,	и въѣѡпи ѡтоудѡ въ гороу на въѡтокъ въ ветиль (въ етиль) ¹⁹ . и постави тѡ коущоу [SO ^{-BULG} хыжж] свою къ морѡ - - .	καὶ ἀπέστη ἐκεῖθεν εἰς τὸ ὄρος κατ' ἀνατολάς Βαιθῆλ , καὶ ἔστησεν ἐκεῖ τὴν σκηνὴν αὐτοῦ, Βαιθῆλ κατὰ θάλασσαν καὶ 'Αγγαὶ κατ' ἀνατολάς.

В ином сложном узле разночтений, в сцене из Быт 42:23, когда братья Иосифа не поняли, что Иосиф, уже в роли знатного египетского вельможи, понимает их речь, поскольку между ними стоял переводчик, списки сильно разошлись. В исходном варианте видимо было «тлѣка», однако видим также «толика», «толмача», «глаголь» и «гѣлка» (т. е. 'мятеж'). Последнее характерно как раз для T1, T45 и Полной палеи, правда, только в раннем варианте Погодинского списка (в двух других — замена на «молва»).

Таблица 2

Пг л. 112г, Син л. 125с, Рм л. 99а	T45 + T1	RU	Арх, Варш, Вил	SO ^{-SERB}	[Septuaginta, 1: 400]
голка ^м [Син Рм молва же] межю ими баше [Син Рм бѣаше межю ими].	гѣлка [T1 голка] же межѡ ими [T1 - -] баше	толика [др. списки RU: то'ка] бо не бѣше межю ими .	толика [Вил то'мача] бо межѡ ими не бѣаше	гѣл бо межѡ ими бѣше ²⁰	ὁ γὰρ ἐρμηνευτῆς ἀνα μέσον αὐτῶν ἦν

Многочисленны и аналогичны, но не затрагивают сложные узлы разночтений случаи, когда Полная палея следует за T1, T45. См. Быт 19:2: большинство рукописей в ответе ангелов Лоту содержат утверждение, что те переночуют в Содоме «на стегнахъ» (ни оубо . на стегнахъ почієвъ), ἐν τῇ πλατείᾳ — чему в T45, Пг соответствует «на полозе», T1

¹⁸ В списках RU-L варианты: лѣте^м; лицъ; летъ; летить [на полях: лицъ].

¹⁹ SO^{-BULG} и два списка SO^{-SERB} въ етиль.

²⁰ В SO^{-BULG} инновация: «гѣл иже бесѣдоваахъ между собож».

«на полѣ» (только по *Пг* л. 79г; *Син* л. 84d и *Рм* л. 63d — пропуск выражения). В Быт 20:2 содомляне по Восьмикнижию названы «**моужи градни**», что является точным переводом для οἱ ἄνδρες τῆς πόλεως — *T45* и Полная палея «граждане [*Син* гражд^лани] **града того**», *T1* сокращено до: «граждани» (*Пг* л. 81г, *Син* л. 87а). В Быт 24:36 раб рассказывает о своем господине Аврааме: «роди сарра... сѣа... г^лноу моему състарѣвшоу сѣа»²¹ — однако в *T1*, *T45*, Полной палее здесь иначе: «(моему) сѣа на старость», *T45*, *Син*, *Рм* «сѣѣ», *Пг* проп. (*Пг* л. 86v, *Син* л. 94b, *Рм* л. 716). В Быт 25:3 дается генеалогия Авраамовых детей от Хеттуры, модифицировано имя сына Дедана: «рагоуиль [и надаиль]»²², Ῥαγουὴλ καὶ Ναβδεῖλ / ναυδεῖλ — см. *T1* «рагуи . и анадаиль»; *T45* «раг^лн анадаи^л»; Полная палея «раг^лна . надаиль» (*Пг* л. 87v, *Син* л. 95b). Возможно, чтение объясняется палеографически: *л* в *рагоуил* было передано как *а*, а *и* как *н*. В Быт 32:12 в сетовании Иакова Господу говорится, что тот обещал, что племя его будет «яко пѣсокъ морскыи . иже сѣа не изчтеть», в *T1*, *T45* и Полной палее выражение изменено по библийской формуле «...пѣсокъ въскраи мора...» (*Пг* л. 97г, *Син* л. 108d).

Далее, согласно Быт 37:27, захватив Иосифа, братья вначале задумывали его убить, но затем передумали и решили продать купцам в Египет. О причине такого решения в большинстве списков читаем: «роуцѣ наши да не боудета на не^м яко бра^т нашъ и плѣть наша естъ», что поддерживается и греч.: μὴ ἔστωσαν ἐπ’ αὐτὸν — и только в *T1*, *T45* и Полной палее замена: «...не будета **оскверненѣ** / **вскве^лнени**...» (*Пг* л. 102v, *Син* л. 115b);

В Быт 38:5 имеются вариации в географических названиях. О месте, где пребывал Иуда, когда у него родился третий сын, сказано: «сѣи же бѣша [2 редакции против одной: бѣыше] въ хазви егда роди сѣа», что точно отражает греч. Χασβί, чему в *T1*, *T45* Полной палее соответствует «хазивѣ» (*Пг* л. 104г, *Син* л. 117b). Согласно Быт 39:21, Иосифа бросили в Египте в темницу, в большинстве рукописей Восьмикнижия Господь дает «блг^лть пре^л стражемъ темница» — но *T1* *T45* «предѣ ц^лр^мъ и стражемъ»; Полная палея «...ц^лр^мъ стражемъ» (*Пг* л. 108r, *Син* л. 120d)²³. В греч. цари не упоминаются: ἐναντίον τοῦ ἀρχιδεσποφύλακος (либо δεσμοφ.).

В Быт 41:5 египетский фараон «видѣ снѣгъ вторыи» — чему соответствует по *T1* *T45* и Полной палее «...друг^и / др^лггыи» (*Пг* л. 109г, *Син* л. 122а). В Быт 43:6 Иаков упрекает своих сыновей, зачем поведали египетскому господину, не узанному братьями Иосифу, «яко естъ ны

²¹ Греч. здесь не показателен: μετὰ.

²² RU проп. имя вместе с союзом «и», так *Арх*, *Варш*, *Вил*, SO инновация: и данаиль.

²³ *Син* исправлено на: ц^лр^лм.

бра^т» — текст в *T45* и Полной палее имеет близкую замену: «е^с инъ бра^т» (*Пг* л. 112v, *Син* л. 126b), *T1* «есть оу васъ ины^н бра^т» (дополнение в *T1* «оу васъ», видимо, сделано по контексту). Согласно греч., перевести следовало «есть вы...» (ἐἰ [группа рукописей Септуагинты: ὅτι.] ἔστιν ὑμῖν ἀδελφός), но мены «ны — вы» и обратные им типичны. В Быт 45:28 Иаков одобрительно комментирует известие о том, что его любимый сын Иосиф стал египетским вельможей, получив предложение переселиться со всем родом в Египет. В большинстве списков: «и ре^ч иаковъ велико ми е^сть аще...», что соответствует греч. ...Μέγα μοί ἐστιν. *T1*, *T45*, *P1*-подгруппа и Полная палея расширяют речь: «...велико ми добро е^с» (*Пг* л. 118v, *Син* л. 133b)²⁴. Имеется ряд аналогичных примеров²⁵.

В некоторых случаях Полная палея следует за Троицкими Пятикнижиями, когда те предлагают близкие к исходным чтения. Покажу это на примерах трансформаций в именах. В Быт 14:1 *T1*, *T45*, Полная палея верно обозначают царя Элама, греч. Αἰλάρ: «еламескъ» (*Пг* л. 71v, *Син* л. 74d) — тогда как в *Арх*, *Варш*, *Вил* здесь «салимескъ» / *SO* «еламерский» / *RU* «ламерескъ». В Быт 14:17 упоминается некая «оудоль», при этом ближе всего к греч. *T45* и *Пг*: «сади», ср. τῇ Σαυή, *SO*-серб «саоу-ню»; в основном списке *T44* паримейная замена «савиноу», еще паримейные варианты *T1* «савгиину» и *P3* «саввинъ», остальные списки *RU* имеют «сенаδъ», что близко к Толковой палее «сѣнаоуи». К сожалению, близкие к *T45* чтения есть только в *Пг* л. 72г; *Син* л. 75с и *Рм* л. 56с иначе: «въ оудоли солищнѣмъ».

Вместе с тем в палее обнаруживаются и существенные отклонения от ветви Троицких Пятикнижий. В *T1* и *T45* произведено множество паримейных замен там, где остальные списки сохраняют четий текст. В некоторых случаях Полная палея идет за большинством списков, а не за *T1*, *T45*. Напр., в Быт 22:2 Господь от Авраама потребовал принести в

²⁴ Кроме того, в приведенном чтении также и в *SO* попытка преодолеть лаконизм греческого текста: «велика мл^ть ми е^с».

²⁵ Речь идет преимущественно об общих пропусках и изменениях форм. Напр., Быт 42:38 опущено слово в речи Иакова о Вениамине с отказом отпустить младшего сына в путешествие. В большинстве списков: (еда) «са лоучить болѣти емоу на поути . на нь же аще поидете» — чему в *T1* и *T45* соответствует: «оулучит са / *T45* л8чи^с са / емоу болѣти нан же аще поидеть»; Полная палея «ем8 слѣчить^с болѣти . на нь^с аще поиде^с» ...αὐτὸν μαλακισθῆναι ἐν τῇ ὁδῷ, ἣ ἂν πορεύῃσθε (*Пг* л. 112v, *Син* л. 126b). См. также Быт 43:7 «выпроси на^с моужь рода нашего» = *T1*, *T45*, *Пг*, *Син* «о родѣ нашемъ» (*Пг* л. 112v, *Син* л. 126b). По Быт 43:23, «самчии» (болгаризм, «домоустроитель») Иосифа отвечает приглашенным в дом его одиннадцати братьям: «сребра же вашего блговолащаго не имам^с», εὐδοκίμοῦν = *T1*, *T45*, *Пг*, *Син* «блговоливаго» (*Пг* л. 113v, *Син* ош. блволивати л. 127d). Обнаружены также сближения с отдельными списками. Напр., с *T1* в Быт 28:17 «коль» *T1* Полная палея вм. «цко» (*Пг* л. 92г, *Син* л. 101а); Быт 41:47 *T1* Полная палея «обилныхъ» вм. «гобинны^с» (*Пг* л. 111г, *Син* л. 124b). Но таких примеров немного, и они спорны.

жертву сына: «и възведи и тамо въ требюу на единѣ ѿ горъ» — T45 имеет паримейное «...и на **влкарфо**», T1 с порчей — перестановкой букв «и на **олкафрось**», ἀνένευχε αὐτὸν ἐκεῖ εἰς **ὀλοκάρπωσιν**..., но в Полной палее: «въздажъ ми **требюу**» (Пг л. 83г, Син л. 89с). Чуть ниже в Быт 22:5 Авраам собирается совершить жертвоприношение на горе и своим слугам говорит, чтобы ждали его внизу: «азъ и дѣтищъ доидевъ до **внѣ**», — этому в T1, T45 соответствует паримейное «азъ же и **отрочищъ**...», однако Полная палея соответствует большинству списков: «азъ же и **дѣтищъ**» (Пг л. 83г, Син л. 89d «дѣтище»).

Имеются и иные несоответствия версии Троицких Пятикнижий. Напр., в Быт 37:28 братья извлекли Иосифа из потока и «**ѡдаша** измал’тано» (так *Арх, Варш, Вил, SO, RU* проп. слово и осталось только: «**ѡдаша**»). В T1 и T45 здесь: «**продаша** изъмаилтомъ», однако Полная палея поддерживает большинство списков: «**ѡдаша** измаилитанъ» (по Пг л. 102v и Рм л. 90b, Син л. 115b иначе: «**даша** измалтомъ»). В Быт 43:32 одновременно в RU и T1 содержится гаплографический пропуск: в стихе осталось лишь «и симъ **особъ**». По счастью, выражение сохранилось в *Арх, Варш, Вил* и, с небольшими изменениями, в SO: «и симъ **ѡсобъ** . [и **египтаномъ** . **иже** **ѡдахоу** с нимъ **ѡсобъ**]»²⁶, что точно соотносится с греч. καθ’ αὐτοὺς καὶ τοῖς Αἰγυπτίοις τοῖς συνδαιπνοῦσιν μετ’ αὐτοῦ καθ’ αὐτούς. Полная палея соответствует полному варианту, ближе к Иудейскому хронографу (Пг л. 114г, Син л. 128b).

Еще интереснее случай в Быт 44:27–28, где в RU имеется большой пропуск, см. ниже выражение в квадратных скобках, восстанавливаемое по тексту *Арх, Варш, Вил, SO*. Иаков говорит своим оставшимся сыновьям о якобы утерянном Иосифе: «вы вѣсте [**ѡко** **два** **роди** **ми** **жена** . 44:28 и **ѡиде** **единъ** **ѡ** **мене** и **рекосте**] **ѡко** **свѣрь** **снѣль**...», ср. греч. γινώσκετε ὅτι δύο ἔτεκέν μοι ἡ γυνή· 44.28 καὶ ἐξῆλθεν ὁ εἰς ἀπ’ ἐμοῦ, καὶ εἶπατε (ὅτι). В T1 и T45, а также в P1-подгруппе выражение сохранено, но с дополнением, не имеющим соответствия в греч.: «...**ѡко** **два** **сѣна** **роди** **ми**...». Это распространение Полная палея не поддерживает. Следует добавить, что в палее небольшая ошибка: утерян слог «ди» в «роди» и переставлены слова, так что образовалось «рожена ми», ср.: «вы вѣсте **ѡко** **два** **рожена** **ми** . **ѡиде** **единъ** **ѡ** **мене** . и **ркосте**...» (так Пг л. 115v, Син л. 130a «два **рож**ена ми», Рм л. 102d «два **рожена**»). Тем не менее ошибка происходит именно из первоначального чтения «дѣва роди ми жена», без вставки слова «сына», каковая характерна для T1, T45 и P1-подгруппы.

²⁶ С перестановкой слов, SO-SERB «**особъ** **египтѣнъ**» . **ѡже** **ѡдахоу** **особъ** **съ** **ни**»; SO-BULG «**ѡсобъ** **постави** **египтѣнъ**» . **иже** **ѡдѣхъ** **ѡсобъ** **съ** **нимъ**». Ср. Пг Син «...и **египтаномъ** и^ж **ѡдахъ** с нимъ **ѡсобъ**».

В Быт 47:21 содержится редкое выражение «въ семиискоу», перевод греч. *εἰς παῖδας* ('в рабы, отроки, в рабство'). Заставив египтян во время голода заложить свою землю в обмен на пшеницу из хранилищ, Иосиф действовал на благо фараона. По *T44*: «и люди поработи емоу въ сѣмѣискоу». Многие редакторы и переписчики не поняли смысл и решили во избежание сложностей вообще опустить темные слова. Сохраняется чтение в отдельных рукописях RU, а также *Арх*, *Варш*: «в семииск8»²⁷. *T1*, *SO* полный пропуск; в *T45* и *P1*-подгруппе усечено до: «всѣ»; в одной из подгрупп *RU*-_{HEBR} инновация: «и все мѣсто»; еще в трех списках *RU*: «все имѣніе искоупі». Полная палея также содержит данное выражение, хотя и с небольшой порчей. Составитель дописал слог, получив «всѣми искоупы»: «и люди поработиша^e ем8 всѣми иск8пы» (*Пг* л. 120d-r, *Син* л. 136b). Далее, см. Быт 48:19 речь Иакова о своих внуках Ефреме и Манассии: «и тѣ б8детъ въ люди [и сии възнесет сѧ]», греч. *καὶ οὗτος ἔσται εἰς λαόν, καὶ οὗτος ὑψωθήσεται*. В *RU* здесь пропущено заключенное в скобки выражение, которое сохранилось у митрополита Илариона в «Слове о законе и благодати»²⁸, в библейских сборниках по *Арх*, *Варш*, *Вил* *SO*, а также Полной палее. При этом в *T1*, *T45* вместе с *P1*-подгруппой записано иначе: «и сии възвеселит сѧ», однако Полная палея инновации Троицких Пятикнижий здесь не отображает (*Пг* л. 121r, *Син* л. 137c).

В двух случаях Полная палея не тождественна Хронографической редакции в целом. См. Быт 47:28 о возрасте Иакова: «лѣтъ жизни его», однако в списках *Chg* замена на «житиѧ», а Полная палея отражает вариант, общий для *RU* *SO*: «жизни его» (*Пг* л. 120d-r, *Син* л. 136c). Наконец, в Быт 49:31 верно воспроизведено имя старшей жены Иакова, Лии. Корректно текст здесь отражают *SO* и Полная палея, другие же списки воспроизводят местоимение «сію» (а *T1* «сего»): «...и ревекоу женоу его и сію тоу погребоша», при греч. ...*Λείαν*. См. в палее: «и ревек8 жен8 его . т8 погребоша лію» (*Пг* л. 126r, *Син* л. 143d).

Такая ситуация могла возникнуть, если, напр., в Полной палее производилась непоследовательная сверка по иным ветвям библейских книг. Надо сказать, когда сверка нерегулярна, ее сложно, а порою невозможно уловить, но какая-то активность редактора палеи в подобном направлении прослеживается. Обнаруживается даже сверка с греч., причем, похоже, компилятор обращался к оригиналу, нетвердо зная язык. Ср. поэтические речи Иакова о своем сыне Иосифе в предпоследней главе Бытия, где он завещает сыновьям заветы. Греческий

²⁷ В *Вил* же переосмысление близко к Полной палее: всѣми искоупи^г, см. ниже.

²⁸ В цитате из четьего Бытия, правда, с пропуском слова «сии» («сь»), по списку 1-й редакции [Акентьев 2005: 128].

текст сложен, и в четьем переводе Восьмикнижия тоже не все нюансы оригинала переданы точно. В том варианте, который видим в Полной палее, видим попытки улучшить чтения, но и недопонятые фрагменты тоже присутствуют (см. табл. ниже). Так, для передачи διαβουλευόμενοι лучше старый вариант Восьмикнижия «сѣвъѣцавающе», а не инновация Полной палеи «мыслаще», для τόξα — корректен вариант «стрѣлы» по Восьмикнижию, а не инновация «лѣщи»²⁹. Впрочем, палейное «гѣе стрѣлецъ» все же буквальнее соответствует κύριοι τοξευμάτων, нежели «оуметели стрѣланиа»; аналогично соотносятся ἐξελεύθη / палейное «разліаша^с» и старое «раслабѣша»; то же касается βραχιόνων χειρῶν αὐτῶν / палейное «мышцамъ рѣкъ и^х» и Восьмикнижие «мышца ихъ».

Таблица 3

Пг л. 125v–126г, Син л. 143с	T44	[Septuaginta, 1: 464]
=49:23 на него* мыслаще оукарлх8 . и враж8ах8 на нь гѣе стрѣлецъ . =49:24 и сотроша^с крѣпостию лѣщи и^х . и разліаша^с жилы мышцамъ рѣкъ и^х . рѣкою силаго іакова [=SO] . ондѣ оукрѣпивыи [=Chr SO] ійла . ѿ бѣ ѿца твоего .	Быт 49:23 до негоже сѣвъѣцава- юще ѿблѣгахоуть и . имѣхоу до него оумѣтель³⁰ стрѣланиа . 49:24 и сътроша са одолѣніемъ стрѣлы ихъ . и ослабѣша жилы мышца ихъ . роукою силника іакова³¹ . ѿтоудѣ оукрѣпли³² та ійль . ѿ бѣ ѿцѣ твоихъ .	εἰς ὃν διαβουλευόμενοι ἐλοιδόρου, καὶ ἐνεῖχον αὐτῶ κύριοι τοξευμάτων:

Как видим, налицо усилия редактора улучшить перевод, причем в данном месте текст пророчества Иакова изменен значительно. Однако, в большинстве заимствований в Полную палею из четьего Бытия наблюдаем строгое соответствие четьему Восьмикнижию (иногда с паримейными включениями). Притом в палею скопировано немало, как уже отмечалось, приблизительно ¼ объема из имеющихся пятидесяти глав Бытия. Конечно, в скопированные из Восьмикнижия отрывки составитель палеи вводил собственные инновации, четий текст переплетался с заимствованиями из Толковой палеи и сокращался, однако характерные чтения в десятках чтений прослеживаются достаточно однозначно. Поэтому длинный ряд совпадений с Троицкими Пятикнижиями, а также не такой длинный, но тем не менее впечатляющий ряд примеров,

²⁹ В Масоретском тексте «лук», bow, имеется в виду оружие самого Иосифа, а не его неприятелей [Genesis 49:24]. Греч. здесь сильно отклоняется от МТ, аналогично совр. переводы.

³⁰ Вил оумѣтели; SO оумѣтелк.

³¹ T1, T45 иакова; SO іакова.

³² T1, T45, Вил SO Пг оукрѣпивыи.

когда Полная палея не соответствует отклонениям этой группы, нуждается в ином объяснении. Вероятно, редактор использовал ныне утерянный список, который восходил не непосредственно к группе Троицких Пятикнижий, а к более раннему этапу промежуточного общего протографа. Имеется в виду не общий с Иудейским хронографом протограф Хронографической редакции в целом, а протограф существующей группы Троицких Пятикнижий. Значимость наших наблюдений определяется двояко. С одной стороны, Полная палея поддерживает представленную всего лишь пятью списками Хронографическую редакцию, и ее данные расширяют возможности по сопоставлению текстов библейских сборников. С другой стороны — поскольку в Полной хронографической палее отражена одна из версий «Хронографа по великому изложению», связанного с древнерусским летописанием, характеристики палеи существенны также и в исследованиях хронографии и летописания. Сближения с Троицкими Пятикнижиями предоставляют косвенные данные о времени введения четьего текста в компиляцию.

Список сокращений

- Chr — Хронографическая редакция Восьмикнижия
 RU — Русская редакция,
 RU-E ранняя группа Русской редакции;
 RU-L поздняя группа
 RU-_{HEBR} поздняя с еврейскими глоссами и исправлениями
 SO — Южнославянская редакция
 SO-_{BULG} болгарская группа Южнославянской редакции
 SO-_{SERB} сербская группа

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Библиография

Источники

Рукописи, сиглы рукописей

Арх

РГАДА, ф. 181, оп. 1, собр. МГАМИД, № 279/658, Архивский список Иудейского хронографа, III-я четв. XV в.

Варш

Biblioteka Narodowa, Dział zbiorów specjalnych, BOZ, śim. 83, Варшавский список Иудейского хронографа, 1-я пол. XVI в.

Вил

Библиотека АН Литвы, F 19–109, Виленский список Иудейского хронографа, 1-я пол. XVI в.

Пз

РНБ, ф. 588 собр. Погодина, № 1435, Погодинский список Полной хронографической палеи, 1-я треть XVI в.

Р1

РГБ, ф. 256, собр. Румянцева № 27, Пятикнижие и др. статьи, к. XV — нач. XVI в.

Рм

РГБ, ф. 256, собр. Румянцева № 453, Румянцева список Полной хронографической палеи, 1495 г.

Син

ГИМ, собр. Синодальное № 210, Синодальный список Полной хронографической палеи, 1477 г.

Т1

РГБ ф. 304. I, собр. Троице-Сергиевой Лавры № 1, Пятикнижие, к. XIV или нач. XV в., (Троицкий № 1).

Т44

РГБ ф. 304. I, собр. Троице-Сергиевой Лавры № 44, Пятикнижие, к. XV в., (Троицкий № 44).

Т45

РГБ ф. 304. I, собр. Троице-Сергиевой Лавры № 45, Пятикнижие, к. XVI в. (Троицкий № 45).

Интернет-ресурсы

Genesis 49:24

Genesis 49:24, Bible Hub: Online Bible Study Suite, 2004–216 (<https://biblehub.com/genesis/49-24.html>).

Литература

Акентьев 2005

Акентьев К. К., «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591, *Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси* (= Византинороссика, 3), С.-Петербург, 2005, 116–152.

Алексеев 1993

Алексеев А. А., Русско-еврейские литературные связи до XV в., *Jews and Slavs*, 1, Jerusalem, St. Petersburg, 1993, 44–75.

Брандт 1894а

Брандт Р., Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 1, 1894, 1–89.

——— 1894б

Брандт Р., Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 3, 1894, 96–174.

——— 1900

Брандт Р., Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 2, 1900, 184–182.

——— 1901

Брандт Р., Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 3, 1901, 290–302.

Вилкул 2015

Вилкул Т. Л., сост., *Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков*, Москва, 2015.

Вілкул, Ніколаєв 2020

Вілкул Т. Л., Ніколаєв С. Л., *Книга Буття. Давньослов'янський четій текст за списками XIV–XVI століть* (= *Київське християнство*, 22), вступ, упор. тексту Т. Л. Вілкул; покаж. слів С. Л. Ніколаєва, Львів, 2020.

Водолазкин 2007

Водолазкин Е. Г., Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов), *Русская литература*, 1, 2007, 3–23.

——— 2009

Водолазкин Е. Г., Как создавалась Полная Хронографическая Палея, 1, *Труды отдела древнерусской литературы*, 60, С.-Петербург, 2009, 327–353.

Григоровичев Паримејник 1998.

Рибарова З., Хауптова З., сост., *Григоровичев Паримејник*, Скопје, 1998.

Истрин 1907

Истрин В. М., *Редакции Толковой палеи*, С.-Петербург, 1907.

Михайлов 1900–1908

Михайлов А. В., *Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе*, 1–4, Варшава, 1900–1908.

——— 1912

Михайлов А. В., *Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе*, 1: *Паримейный текст*, Варшава, 1912.

Палея Толковая 2002

Палея Толковая, под ред. Н. Л. Панкратова, А. М. Камчатнов, подготовка др. рус. текста и перевода на совр. рус. язык, В. В. Мильков et al., коммент., Москва, 2002.

Пичхадзе 1996

Пичхадзе А. А., К истории четьего текста славянского Восьмикнижия, *Труды отдела древнерусской литературы*, 49, С.-Петербург, 1996, 10–21.

Славова 2015

Славова Т., Историческата палея и славянска хронографска традиция, К. Дидди, ред., *Πολυτῶς. Scripta slavica Mario Capaldo dicata*, Москва, 2015, 256–265.

——— 2018

Славова Т., Южнославянската ръкописна традиция на Книга Битие (археография, структура и сегментация на текста), *Старобългарска литература*, 57–58, 2018, 92–106.

Словарь книжников 1987

Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1: *XI – первая половина XIV вв.*, Ленинград, 1987.

Толковая палея 1892

Толковая палея 1477 года. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, 1, (= *Общество любителей древнерусской письменности*, 93), С.-Петербург, 1892.

Orlov 2009

Orlov A. A., Selected Bibliography on Transmission of Jewish Pseudepigrapha in Slavic Milieux, *Selected Studies in the Slavonic Pseudepigrapha*, Leiden, Boston, 2009, 299–306.

Reinhart 2007

Reinhart J., Die älteste Bezeugung der Historischen Paläa in slavischer Übersetzung (Cod. Slav. Vindob. nr. 158), *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор*, 73, Београд, 2007, 1–4, 45–75.

Septuaginta 1974

Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum, Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis ed., 1: *Genesis*, J. W. Wevers, ed., Göttingen, 1974.

References

Akentieva C. C., "Slovo o zakone i blagodati" Ilariona Kievskogo. Drevneishaia versiia po spisku GIM Sin. 591, Idem, ed., *Origins and outcomes: Byzantine heritage in Rus'* (= Byzantinorossica, 3), St. Petersburg, 2005, 116–152.

Alexeev A. A., *Russko-evreiskie literaturnye sviazi do XV v., Jews and Slavs*, 1, Jerusalem, St. Petersburg, 1993, 44–75.

Orlov A. A., Selected Bibliography on Transmission of Jewish Pseudepigrapha in Slavic Milieu, *Selected Studies in the Slavonic Pseudepigrapha*, Leiden, Boston, 2009, 299–306.

Pichkhadze A. A., K istorii chet'ego teksta slavianskogo Vos'miknizhiia, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 49, St. Petersburg, 1996, 10–21.

Reinhart J., Die älteste Bezeugung der Historischen Paläa in slavischer Übersetzung (Cod. Slav. Vindob. nr. 158), *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor*, 73, Beograd, 2007, 1–4, 45–75.

Ribarova Z., Hauptová Z., eds., *Paroimiaron Grigorovici*, Skopje, 1998.

Slavova T., Istoricheskata paleia i slavianska khronografska traditsiia, C. Diddi, ed., *Polyistôr. Scripta slavica Mario Capaldo dicata*, Moscow, 2015, 256–265.

Slavova T., The South Slavonic Manuscript Tradition of the Book of Genesis: Archeography, Textual Structure and Segmentation, *Medieval Bulgarian Literature*, 57–58, 2018, 92–106.

Vilkul T. L., ed., *Kniga Iskhod. Drevneslavianskii polnyi (chetii) tekst po spiskam XIV–XVI vekov*, Moscow, 2015.

Vilkul T. L., Nikolaev S. L., *The Old Slavic Book of Genesis after 14th – 16th centuries manuscripts* (= Kyivan Christianity Series, 22), Lviv, 2020.

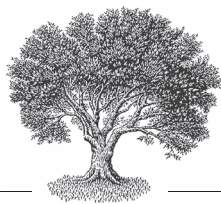
Vodolazkin E. G., Novoe o paleiakh (nekotorye itogi i perspektivy izucheniia paleinykh tekstov), *Russian Studies in Literature*, 1, 2007, 3–23.

Vodolazkin E. G., Kak sozdavalas' Polnaia Khronograficheskaia Paleia, 1, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 60, St. Petersburg, 2009, 327–353.

Wevers J. W., ed., *Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum, Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis ed.*, 1: *Genesis*, Göttingen, 1974.

Тетяна Леонідівна Вілкул, доктор історичних наук,
провідний науковий співробітник Інституту історії України
НАН України
01001 Київ-1, Грушевського 4
Україна / Ukraine
tvilkul@gmail.com

Received December 3, 2019

Скорининские ономастические этюды*

Илья Лемешкин

Карлов университет
Прага, Чехия
Институт литовского языка
Вильнюс, Литва

Skaryna's Onomastic Variations

Ilya Lemeshkin

Charles University,
Prague, Czechia;
Institute of Lithuanian Language,
Vilnius, Lithuania

Резюме

Доктор медицины Франциск Скорина объединяет культурно-историческое пространство Западной и Восточной Европы первой половины XVI в., а материалы, касающиеся жизни и деятельности первого издателя Великого княжества Литовского, рассредоточены в архивах Италии, Польши, Литвы, Германии, России и других стран. В статье преимущественное внимание уделяется пражским и венским архивным материалам, в том числе — документам, связанным с садоводческой деятельностью Ф. Скорины при пражском дворе Фердинанда I, а также антропонимам, на основании которых целесообразно продолжить поиск новых источников.

Ключевые слова

Скорин(а), антропоним, колофон, акrostих, *Малая подорожная книжка*

* В 2016 г. в Праге отмечалось 90-летие со дня основания Пражского лингвистического кружка (международный colloquium «L'expérience et l'avenir du structuralisme — Minulost a budoucnost strukturalismu», 24–26.10.2016). В рамках подготовки новых «Тезисов» (Travaux du Cercle linguistique de Prague, vol. 8) был актуализирован жанр этюдов.

Цитирование: Лемешкин И. Скорининские ономастические этюды // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 149–169.

Citation: Lemeshkin I. (2020) Skaryna's Onomastic Variations. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 149–169.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.6

Abstract

The person of the Belarusian physician Francysk Skaryna unites the cultural-historical space of Western and Eastern Europe in the first half of the 16th century. He was the first publisher in the Grand Duchy of Lithuania, and records about his life and activities can be found in a number of archives in Italy, Poland, Lithuania, Germany, Russia etc. The focus of this study is to examine materials from Prague and Vienna, particularly looking at Skaryna's horticultural activity (at the court of Ferdinand I in Prague) and at anthroponyms, which may help to make the search for new documents more effective.

Keywords

Skaryn, Skaryna, anthroponym, colophon, acrostic, *The Little Travel Book*

*По случаю 550-летия рождения Ф. Скорины
(1470–2020)*

Деятельность Франциска Скорины (францискъ скорин(а), *Franciscus quondam domini Luce Scorina de Poloczko, ffrantiffek Rufs skorýn f poloczko*, 1470, Полоцк — до 29.1.1552, Прага) связывает культурно-историческое пространство Чешского королевства и Великого княжества Литовского первой половины XVI в. При этом особое значение приобретает наиболее продолжительный (ок. 1515–1520; 1534–1552) и продуктивный чешский период, когда уроженец Полоцка практиковал в Праге медицину, занимался переводом и редактированием Библии, издавал книги, а также в качестве ученого-ботаника служил королевским садовником. Библейский проект Ф. Скорины, представленный изданиями 1517–1525 гг., был обращен к «братии моей Руси», соответственно и способ саморепрезентации в них зависел от ожиданий целевой читательской аудитории. Наше внимание в данной работе привлекает другой аспект: каким образом выходца из Полоцка воспринимали в Чехии, и, соответственно, как он сам себя представлял, занимаясь издательским делом в Старом городе Праги и работая королевским садовником в Пражском граде. К сожалению, источники, позволяющие рассмотреть эту проблему, весьма немногочисленны: документирующий ренессансный портрет 1517 г., королевская грамота 1552 г. и, возможно, читательски-экспонированный издательский акростих в составе *Акафистника*.

•А• *Скорин vs. Скорина*

Начиная с XVIII в., первого издателя Великого княжества Литовского принято называть *Скориной* [напр.: Dobrovský 1796: 102–103], т. е. при помощи антропонима, исходное подобие которого (*Скорина* или *Скори-на*) было реконструировано на основе косвенных падежей. В пражских

изданиях 1517–1520 гг., в которых устойчивым формулам авторской репрезентации уделялось особое внимание, мы имеем дело с винительным и творительным падежами единственного числа: *скорины* (gen. sg.; в рамках словосочетания *доктора франциска скорины* в предисловиях и колофонах встречается не менее 32 раз) и *скориноѹ* (instr. sg.; формулировка *докторомъ францискомъ скориноѹ* в *Бивлии руской* использована более 18 раз). Именительным падежом, к нашему удивлению, издатель воспользовался один единственный раз — в *Книге Царств* (10 августа 1518 г.), причем уникальную словоформу он сопроводил романизированным именем с не менее редкой (в печатных источниках) огласовкой окончания: ѿ *франциско скорина меновалъ ѿсми*. Ср. с соответствующими местами во всех иных библейских книгах: *францишекъ* или *францискъ* nom. sg.; *франциска* gen. sg.; *францискомъ* instr. sg.

Складывается впечатление, что издатель, используя антропоним *скорин-*, избегал номинатива, поэтому в позиции прямого падежа последовательно пользовался перифрастическим оборотом *скорининъ сынъ*. Распространенная посессивная конструкция с главным словом *сынъ* и притяжательным адъективом с суффиксом *-ин-* в разных падежах использована не менее 22 раз. Любопытно, что косвенная номинация в *Бивлии руской* имеет четкие хронологические рамки. Словосочетание *скорининъ сынъ* использовано в одиннадцати первых публикациях, т. е. начиная с *Псалтыри* (6 августа 1517 г.) и заканчивая *Книгами Царств* (10 августа 1518 г.). В разных падежах (nom., gen., instr.) мы находим его на титульных листах, в предисловиях и колофонах. В дальнейшем, начиная с *Книги Навина* (20 декабря 1518 г.), издатель прибегает только к помощи косвенных падежей *скорины* и *скориноѹ*¹. Единственное исключение составляют недатированные *Числа*, печатание которых в рамках Пятикнижия ориентировочно принято относить к 1519–1520 гг. Закономерность, которую мы находим в использовании посессивной конструкции, позволяет отодвинуть печатание *Чисел* к концу 1518 – началу 1519 гг. На этом основании относительную хронологию частей *Пятикнижия* гипотетически можно представить следующим образом: *Числа* (ок. кон. 1518 – нач. 1519) — *Бытие* (1519) ↔ *Второзаконие* (1519) — *Исход* (ок. 1520) ↔ *Левит* (ок. 1520).

С посессивным выражением *скорининъ сынъ* семантически соотносима патронимическая форма *скорин-ич*, известная нам по акростихам из *Акафистника* (о ней далее). Указанные формы свидетельствуют в

¹ Начиная с *Книги Навина*, в колофонах библейских книг изменяется также формулировка, обозначающая локализацию печатного дела: ѿ старомъ мѣстѣ *празскома* > ѿ великомъ мѣстѣ *празскома* [Лемешкин 2017: 154–160]. Можно предположить, что в конце 1518 г. издатель отредактировал паратекстовые элементы своих будущих публикаций, т. е. что словосочетание *скорининъ сынъ* перед этим использовалось еще шире.

пользу того, что во времена Ф. Скорины антропоним скорин-, по всей видимости, функционировал как прозвище, которое из-за профессионального признака ('связанный с (изготовлением/торговлей) кожей, шкурой, мехом'²) подходило купцу Луке, который в Полоцке вел торговлю кожей и пушниной. Для его сына — доктора медицины, который сам сопоставлял себя с учителем церкви (св. Иеронимом: [Лемешкин 2020: 126–127]), — такое наименование, само собою разумеется, не было подходящим, поэтому издатель отдает предпочтение (по крайней мере в первый год своей издательской деятельности) опосредованной форме номинации: скорининъ сынъ = скоринич = франциска [сына] скорины (ср. *Franciscus quondam [filius] domini Luce Scorina de Poloczko*).

Отдельного рассмотрения в жанровом контексте ренессансного портрета (*Privatporträt*), созданного в традиции Северного Возрождения [Lemeškin 2020], заслуживает общеизвестное изображение издателя, в 1517 г. опубликованное в *Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова* (5 декабря 1517 г.), а повторно год спустя — в *Книге Царств* (10 августа 1518 г.). Ксилография представляет особую ценность из-за «подписи» портретируемого лица, которую в нижнем поле ксилографии воспроизвел «Мастер тонкого штриха» (*Mistr jemne šrafury*) [Voit 2014].

Рис. 1. Информация о портретируемом лице на гравюрном портрете 1517 г. в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» (5.XI.1517 г., f. 82r). Библиотека Российской Академии наук. Хранение: НИОРК, 994 СП

Вырезая кириллическую вязь, мастер, без всякого сомнения, опирался на автограф Ф. Скорины, т. е. скопировал аутентичный и авторизованный вариант имени и фамилии. Традиционно принято считать (например, [Ровинский 1884: 3]), что издатель здесь воспользовался антропонимом скорина. Внимательнее присмотревшись к изображению, мы, однако, должны констатировать, что на самом деле издатель в свой репрезентативный портрет вписал форму *сқурин*³. Словоформу *сқурина* прочитал и в научный обиход ввел И. М. Снегирев. Сделал он это, опираясь не на оригинал, а на гравюрную интерпретацию А. А. Флорова. Последний

² Ср. [Преображенский 1910/1914: 306; Фасмер, Трубаев 1987: 650; ГСБМ 2011: 358–359, 369].

³ Оправданность такой расшифровки любезно подтвердили Н. Морозова и Л. В. Мошкова.

в изображение ввел лигатуру ко, а омегу переделал в букву а. Данное чтение, основанное на ошибочной интерпретации гравера XIX в., дошло вплоть до наших дней [Lemeškin 2020: 59–60].

Последовательность штрихов проследим в таблице, актуализированной⁴ специально для целей данной статьи, где для удобства восприятия приведем негатив отдельно взятых знаков:

с	к	ω	ρ	и	н	а
						–
						–

Рассматриваемая вязь выполнена техникой белого штриха, что исключает случайный технический недочет. Если бы резчик по невнимательности пропустил финальную букву, ее было бы легко добавить в любой момент (свободное место для этого было). Таким образом, «восстанавливать» окончание -а, как это сделал А. А. Флоров, нет ни малейшего художественно-ремесленного и палеографического основания, но, прежде всего, нет такой нужды, ибо словоформа *скωрин* (adj. скор-инз 'шкурин, изготовленный из кожи, кожаный; связанный с кожей, мехом, шкурой; связанный с изготовлением кожи', производное от др.-рус. *скура* 'шкура, кожа, мех')⁵, будучи словообразующей основой, является вполне прогнозируемой и ожидаемой.

Важно отметить, что Скорин встречается и в другом не менее важном источнике. Таким образом «доктора Франтишека Руса Скорина» обозначила чешская королевская канцелярия (*Národní archiv*, фонд № 182: *Registra, Praha*, Т. 51). В грамоте *Wierziczy list Sýmeona Ruša* («Представительная грамота Симеона Руса») от 29 января 1552 г. Фердинанд I оповестил о кончине своего бывшего садовника (*zahradník našs... z tohoto swieta*

⁴ По всем известным оттискам портрета [Lemeškin 2020: 43–49]; ср. ранее, например, [Лемешкин 2018: 17] или [Lemeškin 2020: 62].

⁵ [СРЯ XI–XVII, 24: 235; Фасмер, Трубаев 1987: 650; ГСБМ 2011: 358–359].

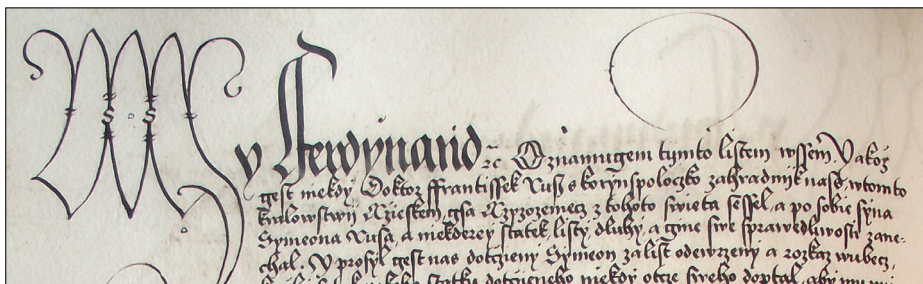

Рис. 2. Грамота Wierżyczy list Symeona Rusa («Представительная грамота Симеона Руса»), выданная Фердинандом I 29. I. 1552 г. Národní archiv, фонд № 182: Registra, Praha, T. 51, f. 27v

seffel) и, удовлетворив просьбу осиротевшего Симеона Руса, обязал всех своих подданных оказать всевозможное содействие просителю, который желает вступить в законные права наследования собственностью отца:

My Ferdynand etc Oznamugem tymto listem wssiem. Yakoż gest niekdý Doktor sřrantišsek Rušs skoryn s poloczko zahradnik nafs, w tomto kralowstwij Cziefskem, gfa Czyzozemecz z tohoto swieta seffel, a po sobie syna Symeona Rusa, a niekdereý statek, listý, dluhy, a gine swe sprawedliwosti zanechal. [...]

[Мы, Фердинанд и т. д., объявляем этой грамотой всем, что доктор Франтишек Рус Скорин из Полоцка, некогда наш садовник, будучи иностранцем в этом королевстве Чешском, ушел с сего света, а после себя оставил сына Симеона Руса и некоторое недвижимое имущество, документы [владельческие], долговые расписки и прочие свои имущественные права]

Королевская грамота, выданная в Праге вскоре после смерти издателя, фиксирует форму антропонима, под которым полочанин должен был быть известен Богемской палате (чеш. *Česká dvorská komora*; нем. *Böhmische Kammer*) и самому королю в период с 22 мая 1535 по 21 июля 1539 г., когда бывший издатель служил пражским королевским садовником. Более чем вероятно то, что данная форма антропонима была указана и в прошении Симеона Руса, в котором младший сын сообщил о кончине своего отца. Сам Симеон Рус антропонимом *Скорин(а)*, судя по имеющимся документальным свидетельствам, не пользовался.

Итак, фамильное прозвище *скорин* (без астериска!) фигурирует в двух авторитетных пражских источниках, которые друг от друга отдалены и по времени своего создания (1517, 1552), и в жанровом отношении (сопроводительный текст к документирующему портрету и королевская грамота). Антропоним *скворин* (по всей видимости, с ударением на первом

слоге; ср., например, *Шкúрин*, *Шúбин*, *Кóжин* и т. п.; использована буква *ω* на месте /ô/ в ударной позиции⁶, в других случаях использована «малая» *o*, т. е. скорин-) следует считать полноправной альтернативой вторичному по происхождению *Скóрина* или *Скорíна*. Производная форма пот. *скорина*, в серийном издании библейских книг использованная всего один раз, вероятно, отражает стадию, когда на базе мотивированного отцовского прозвища (по сфере профессиональной деятельности) постепенно появляется демотивированная фамилия. Рассматриваемый антропоним, следовательно, потенциально возможно изменять по падежам как принадлежащий к I типу склонения: *Скóрин*, *Скóрина*, *Скóрину*, *Скóрина*, *Скóрином*, *Скóрине*. Подпись к портрету «доктора Франциска Скóрина» надлежит читать как *дoктoр фpaнцiскз скωрин*.

•Б• *Скорин* — *Cetro*

Использование в репрезентативно-документальном ренессансном портрете производящей формы *скωрин* может показаться на первый взгляд странным. По какой причине издатель решил адъективировать свою и так говорящую фамилию: *скωринз* ‘связанный с кожей, изготовленный из кожи’? На данный вопрос нам может дать ответ документ, хранящийся в Архиве венской придворной палаты (*Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv*). В фонде *Böhmisches Gedenkbuch 302* находится источник, который, возможно, содержит грубо латинизированную фамилию Ф. Скорина — *Cetro*.

«Богемская памятная книга», охватывающая период с 1 сентября 1536 до 31 декабря 1540 г., содержит распоряжения короля, адресованные Богемской палате 4 июля 1538 г. В части, касающейся строительства и обустройства королевского сада, выражается обеспокоенность работой пражского садовника:

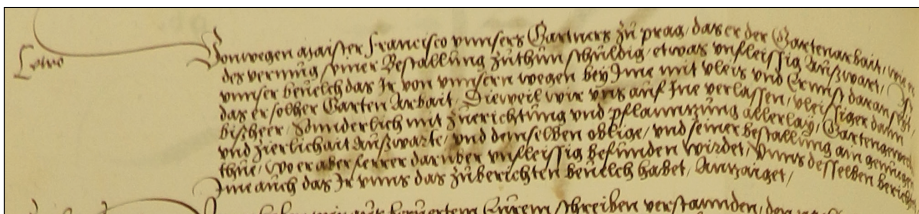

Рис. 3. Распоряжения Фердинанда I от 4. VII. 1538 г., адресованные Богемской палате (фрагмент). Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, фонд *Böhmisches Gedenkbuch 302*, f. 96v

⁶ Ср. с так называемой омеговой графической системой, известной как в рукописной, так и в книгопечатной традициях: [Зализняк 1990; Кусмауль 2015].

Cetro — Von wegen maister Francisco vnnfers Gartners zu prag / das er der Gartenarbeit / wie [er] des vermug seiner Bestallung zuthun schuldig / etwas vnfleißig Aufswart / Ist vnner beuelch das Jr von vnnfern wegen beij Ime mit vleis vnd Ernntst daran sezt / das er folher Garten Arbeit / Dieweil wir vns auf Jne verlassen / vleißiger dann bißheer / Sonnderlich mit zuerichtung vnd pflantzung allerlaij / Gartengewec[hs] vnd Zierlichait Aufswarte / vnd demselben oblige / vnd seiner bestallung ain genuegen thue / wo er aber ferrer darüber vnfleißig befunden wirdet / vnns desselben berich[tet] / Ime auch das Ir vnns das zuberichten beuelch habet / Antzaiget /

В конце книги помещен именной регистр, где в разделе под буквой С словоформа *Cetro* как антропоним использована повторно:

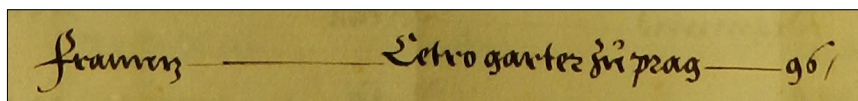

Рис. 4. Фрагмент из именного регистра «Богемской памятной книги» за период 1. IX. 1536–31. XII. 1540 гг. Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, фонд Böhmisches Gedenkbuch 302

Franncz — *Cetro garter zu prag* – [f.] 96 /

Получая из Вены письменные распоряжения, Чешская палата архивировала документы в так называемых «Регистрах». Копия интересующего нас королевского послания попала в их девятнадцатый том (*Národní archiv*, фонд № 182: *Registra*, Praha). Важно отметить, что в «Регистрах» представлены незначительно сокращенные копии. Писарь Богемской палаты пропускал инициальные титулярные части и иные повторяющиеся *loci communes*. Сравнение двух текстов показывает, что при переписывании были пропущены рубрики, вынесенные на поля рукописного оригинала.

За исключением *Cetro*, в пражском списке находим практически полностью идентичный текст:

Von wegen maister Francisco vnnfers Gartners zu Prag. daz Er der Garten Arbeit. wie Er des vermug seiner bestallung zu thuen schuldig war. etwaz vnfleißig Aufswart Ist vnser beuelh. daz Ir von vnnfern wegen / beij Ime mit vleiß vnd Ernntst / darob seijet / daz Er folher Garten Arbeit. dieweil wir vnns auf Ine verlassen. vleißiger dann bißheer. sonnderlich mit zuerichtung vnnd phlannzung Allerlaij Gartengewechs vnd Zierlichait Aufswarte / vnnd denselben oblige. vnd seiner bestallung Ain gnuegen thue Wo Er Aber verrer darüber vnfleißig befunden wirdet / vnns desselben berich=tet / Ime Auch. daz Ir vnns zuberichten beuelh habt. Anzaigt /

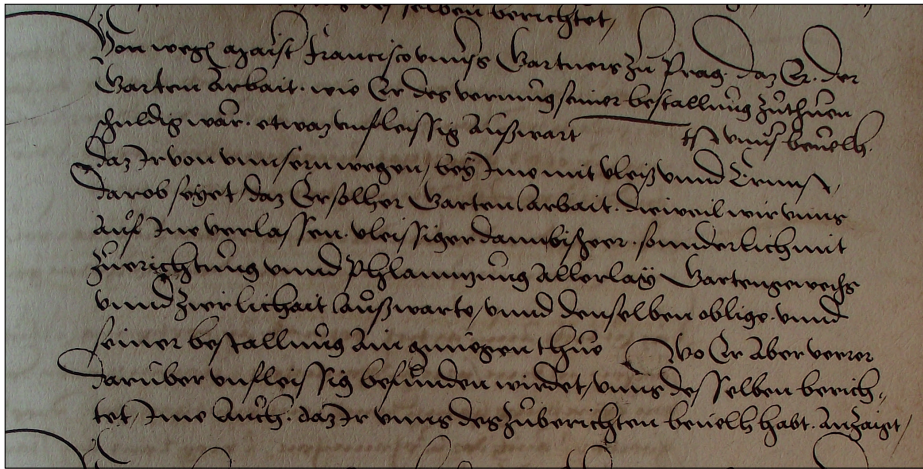

Рис. 5. Фрагмент из «Регистров» Чешской палаты (4. VII. 1538).

Národní archiv, фонд № 182: Registra, Praha, T. 19, f. 32r

[А что до мастера Франциско, нашего садовника в Праге, что он с малым прилежанием выполняет работы по саду, которые он должен выполнять по своей должности, то наше приказание, чтобы вы от нашего имени с усердием и серьезностью проследили за ним, чтобы он, поскольку мы полагаемся на него, таковые работы по саду выполнял прилежнее, чем до сих пор, особенно по благоустройству и по выращиванию всяческих садовых растений, и тем самым следовал своим обязанностям и своей должности; а ежели он и дальше не будет прилежным, то сообщите нам об этом и ему скажите, что у вас есть приказание сообщить нам] (перевод В. И. Дарашкевича, Г. А. Скакуна).

По копии, находящейся в пражских «Регистрах», источник в свое время был введен в научный оборот (в перечне «Дакументы пра Францыска Скарыну» под № 39: [Дакументы 1988]), однако форма предположительного антропонима, сохранившаяся в оригинале и использованная в венском делопроизводстве, к сожалению, для исследователей Ф. Скорина осталась неизвестной.

Королевское послание от 4 июля 1538 г., отрывок из которого был выше приведен по венскому и пражскому спискам, было реакцией на донесение Богемской палаты от 22 июня 1538 г., в котором пражский суперинтендант Флориан Гриспек (Florián Gryspek z Gryspachu, 1509–1588) пожаловался на работу своего подчиненного — садовника Франциско. Донесение Ф. Гриспека и ответ на него Фердинанда I могут создать впечатление, что в 1538 г. Ф. Скорин сидел, сложа руки. На самом деле все, вероятно, выглядело несколько иначе.

С целью реализации своего проекта (одобренного королем в Вене до 1 мая 1535 г.) Ф. Скóрин прибыл в Прагу в конце мая – начале июня 1535 г., однако разбивка сада длительное время была невозможна или серьезно осложнена разнообразными подготовительными и строительными работами. До 1538 г. очищали и выравнивали территорию, с севера возводили каменные ограждения, строили мост, соединивший сад с Пражским градом. К интенсивным садоводческим работам, судя по имеющимся данным, приступили только в 1538 г.: 13 февраля из Триеста привезли 430 ростков виноградной лозы, 30 фикусов, 12 кустов айвы, две коробки с косточками персиков и миндаля, большое количество черенков абрикосов и черешни; не позднее 21 июля из Вены пришла другая партия семян и ростков (подробнее: [Dobalová 2009: 68; Lemeškin 2017]). Наивно думать, что недавно завезенный посадочный материал мог дать плоды уже к июню того же года. Из сообщения Ф. Гриспека узнаем, что стараниями садовника в Праге взошли лишь «итальянские» насаждения, т. е. цитрусовые, а из иных фруктов пока ничего нет. Необходимо считаться и с тем, что результаты работы зависели не только от способностей и усердия придворного служащего, но и от качества/свойств присланных растений. Далеко не все виды субтропической флоры, с которой тогда Ф. Скóрин экспериментировал, подходила для местных климатических условий. После жалобы Ф. Гриспека в должности королевского «растениеведа» доктор Ф. Скóрин проработал еще год, до 21 июня 1539 г. Второй профессиональный садовник-теоретик — доктор Хуго Вениус (Hugo Vennius (Velius)) из Фландрии — начал работу в феврале 1538 г. В его ведение был отдан овраг, расположенный между королевским садом и Пражским градом, которым ранее распоряжался некий стрелок из гвардии Фердинанда I (вероятно, Георг Митл) [Dobalová 2009: 68].

В связи с ботанико-садоводческой деятельностью Ф. Скóрина следует затронуть один немаловажный аспект. До сих пор можно встретить мнение, будто в Праге королевским садовником трудился не он, а некий не идентифицированный однозначно итальянец или испанец (например: [Chotěbor 1993: 24; Dobalová 2009: 63; Тарасаў 1990: 76] и др.). Причин здесь несколько. Австрийские и чешские исследователи [Leitzmann 2007: 73; Dobalová 2009: 63], выдвинувшие такое предположение и увлекшие своими категоричными утверждениями многих скориноведов, упустили из виду главное свидетельство — рассмотренную выше грамоту Фердинанда I от 29 января 1552 г., где король прямо именует полочанина «своим садовником» (*zahrádníjk nařs*). Ценный источник, надежный и однозначный по своему содержанию⁷, по случайному

⁷ Информация о деятельности Ф. Скорина в роли садовода-теоретика, по всей видимости, была указана в прошении Семииона Руса, затем она прошла через руки

стечению обстоятельств оказался им неизвестен, что закономерно породило скептическое отношение к информации о садоводческой работе бывшего книгоиздателя.

Для многих зарубежных исследователей, занимавшихся историей «райских садов» (*Irdische Paradiese*), осталась недоступной и другая важная информация: во-первых, Ф. Скорин был тесно связан с Падуанским университетом, в котором студентов-медиков обучали прикладному садоводству, т. к. им приходилось выращивать «простые», т. е. лечебные растения (*Orto dei semplici*). Не случайно, что во времена Ф. Скорина здесь в 1545 г. был основан первый в Европе ботанический сад (*Orto Botanico di Padova*). Полученная в Падуе академическая степень является важнейшим условием идентификации Ф. Скорина в качестве ученого-садовника. Во-вторых, сын Скорина Симеон, продолжая семейную традицию, также трудился в качестве садовника в Южной Чехии [Лемешкин 2018].

Исследователей, которые руководствовались формальным критерием, сбило с толку словосочетание *welisch gartner*. Казалось, что такая формулировка, использованная в распоряжении Фердинанда I от 21 июля 1539 г., не может относиться к полочанину. Однако при дворе Фердинанда I Ф. Скорин смело мог — а вероятно, и должен был — выдавать себя за итальянца, так как иначе ему было бы трудно реализовать себя в области садоводства, «монополизированной» итальянцами. Получив в Падуе академическую степень, «итальянец»-Скорин создает в Праге «итальянский сад», выращивает «итальянские растения», а в письменном общении отдает предпочтение латыни.

Называя себя итальянцем, Ф. Скорин никого не вводил в заблуждение. В Австрии и Чехии, Италии и Германии, в Польше и других краях бытовало представление о романских истоках Великого княжества Литовского. Эту идею популяризировали десятки авторов задолго до Ф. Скорина и в его времена, в том числе, например, Матвей Меховский (Maciej z Miechowa, ок. 1457 – 8 сентября 1523) в «Трактате о двух Сарматиях», впервые изданном в 1518 г., утверждал: *Aiunt autem vetustiores et antiquitatum relatores, quod quidam Italici, propter Romanorum dissensiones deserentes Italiam, ingressi sunt terras Lithuaniae et nomen patriae Italia, genti vero Itali, indiderunt; quae per posteros terra Litalia gens Litali l littera praeposita*

чиновников Чешской палаты и самого короля. Перепутать своего пражского садовника с кем-то иным Фердинанд I не мог. Сад, выполняя репрезентативную функцию, воспринимался как продолжение королевского дворца. Молодой король принимал непосредственное участие в планировании и реализации проекта своего садовника, указывал, например, какую винную лозу старого виноградника следует оставить, а какую удалить. С ученым ботаником-садоводом он неоднократно встречался как в Вене, так и в Праге.

coepit nuncupari. Ruteni autem et Poloni, eorum vicini, maiorem immutationem facientes usque in hodiernam diem terram Lithuaniam, gentes vero Lithuanos appellant [Аннинский 1936: 176]⁸.

Отождествление себя с итальянцами в культурно-историческом пространстве Великого княжества Литовского являлось вещью совершенно банальной. Национальная самоидентификация, как хорошо нам показывает и пример Ф. Скóрина, тогда имела прагматическое значение. В Кракове молодой полочанин называет себя потомком римлян — *Litphanus*. Попав в Падую, он становится *Ruthenus*. Престиж студента здесь укрепляет экзотическое восточнославянское происхождение (он приехал издалека, чтобы увеличить славу Падуи). Издавая Библию, Ф. Скорин настойчиво называет себя доктором Франциском из славного града Полоцка, таким образом позиционируя себя в глазах своего читателя из Великого княжества Литовского. Второй раз прибыв в Чехию, по тем же самым прагматическим соображениям он выдает себя за «итальянского садовника» и создает здесь итальянский сад. Самоопределение, зависящее от житейских обстоятельств, прекрасно соответствует представлениям и практике того времени и является поэтому вполне закономерным.

Итак, службу Ф. Скорина в качестве королевского садовника следует признать несомненным и прекрасно документированным фактом, что позволяет ставить знак равенства между антропонимом Скорин и формой (?) *Cetro*. Однако ее интерпретация вызывает у нас ряд трудностей.

С формальной точки зрения, в первую очередь следует рассмотреть в качестве версии лат. *cetero* (*caetero*), которое при записи могло сокращаться до *cetro* [Carpelli 1928: 51], однако в таком случае возникают позиционно-функциональные и семантические препятствия. Во-первых, в именном регистре «Богемской памятной книги» приводятся имена собственные. Так же как и рубрики на полях, они, как правило, для простоты пользования (т. е. для быстрого обнаружения нужной информации) не подвергаются сокращению. Во-вторых, значение 'прочий, остальной, другой' проблематично связать с Ф. Скóрином, т. к. вплоть до июня 1539 г. он был первым и *единственным* ученым-садовником пражского Королевского сада. Латинскую лексему, пожалуй, можно

⁸ «Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины — Италия, а людям — название италы; у позднейших земля стала называться, с приставкой буквы л в начале — Литалия, а народ литалы. Русские же и поляки, их соседи, еще больше изменяя эти имена, вплоть до сего дня называют страну Литвой, а народ литовцами» (перевод — С. А. Аннинский [1936: 98]).

было бы толковать как наречие, использованное в значении ‘кроме того, между прочим’. Такое словоупотребление можно представить на полях рукописи (*Cetro — Vonwegen...*), однако оно с трудом интерпретируется в составе именного регистра (*Franncz — Cetro garter zu prag*).

Возможно, более детальной проверки заслуживает следующая интерпретация гипотетического антропонима. В классической латыни засвидетельствован субстантив *cētra* / *caetra* ‘из твердой кожи изготовленный небольшой, легкий щит (у испанцев, африканцев и британцев)’⁹. Правомерно ли предположить, что таким образом издатель, прибегнув к метонимии, семантически калькировал свою фамилию: скоринз ‘из кожи изготовленный, кожаный’ > варваризм *Cetro* (< лат. *cētra*) ‘кожаный щит’?

Гипотетическое отождествление фамилии издателя с античным «изделием из кожи», т. е. с определенного рода средством обороны — оружием¹⁰, могло бы объяснить, почему титульный лист *Бивлии русской* украшает контур щита. Пустой щит доминирует в верхней полосе титульной рамы. В ее нижнем ярусе изображены похожие щиты, однако они заполнены христологическим визуальным содержанием [Темчин 2009: 163–164; Idem 2017].

•Г• Франциск Скорин(а) vs. Скоринич Францискус

Отдельного рассмотрения заслуживает антропоним **скоринич**. Патронимальная форма присутствует в составе именных акафистных акростихов: п-и-с-а-л-д-ш-к-т-о-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-з-с (ἀκάθιστος ὁ ἱερεὺς ἐκ τῆς πόλεως τοῦ προφῆτου καὶ βαπτιστῆς τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦς) и д-е-л-а-л-д-ш-к-т-ш-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-о-л[у]-с (δοκίμιον τοῦ ἀκαθίστου ἡμῶν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦς). Инципиты стихир составляют первые, вспомогательные слова п-и-с-а-л и д-е-л-а-л; буквы последующих строф атрибутируют автора: указывают его академическую степень, родственную связь и имя. Словосочетания д-ш-к-т-о-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-з-с и д-ш-к-т-ш-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-о-л[у]-с занимают 24 позиции (по количеству букв греческого алфавита), характерные для алфавитного акростиха. Данное обстоятельство побуждает задуматься о вынужденном использовании перечисленных словоформ.

Чтобы набрать необходимое количество букв, автор в полном объеме вписал свой академический титул, а свое имя удлинил за счет

⁹ См., например: «*Tarcza, Cetra, scutum, pelta, skida*» [Sirvydas 1642: 441]; а также: [Maczinsky 1564: 51; Lewis, Short 1958: 265; Oxford Latin Dictionary 1968: 255].

¹⁰ Ср. лат. *enchiridion* (др.-греч. ἐνχειρίδιον, от ἐν ‘в, на’ χεῖρ ‘рука’) ‘ручная книга, руководство, пособие’ и ‘оружие’.

латинского окончания. В целях расширения буквенного ряда издатель использовал форму скорин-ич, которая вместе с другими приемами позволила достичь желаемого количества букв. Продуктивным вариантом с-к-о-р-и-н-и-н-с-ы-н он воспользоваться не мог из-за объективных сложностей с лексикализацией ы. Таким образом, выбор словоформ, составляющих акrostих, в значительной мере был продиктован формальными требованиями. Без строгих комбинаторных ограничений, по всей видимости, были бы употреблены иные формы, которые бы стилистически не диссонировали друг с другом: *ашктор францискѹс* ↔ *скоринич*.

В связи с рецепцией акrostиха необходимо оговорить его функционирование в данную эпоху. Акrostихи в составе *Малой подорожной книжки* были выявлены относительно недавно [Турилов 1979; Idem 1981], что может создать впечатление о сложностях их восприятия. Это справедливо по отношению к современности, но такое представление по умолчанию проецируется на читательскую аудиторию XVI в., что в свою очередь ведет к мнению, будто Ф. Скорин свое авторство «закодировал», т. е. скрыл от массового читателя. Так ли это на самом деле?

«Скрывая» авторство, Ф. Скорин, как и многочисленные другие «анонимы» того времени, руководствовался принципиально иными соображениям, нежели те, из которых исходил, например, средневековый писатель (боязнь неблагоприятных последствий, авторское самоуничтожение и т. п.). В эпоху Ренессанса создание акrostихов стало явлением моды и своего рода рутиной [Voit 2006: 44]. При помощи популярного поэтического приема пишущий реализовывал свой творческий потенциал, демонстрировал остроту мысли, т. е. показывал принадлежность к группе образованных, компетентных лиц. Хитроумные правила создания акrostихов были прекрасно известны читателю того времени: в отличие от современного человека, он неплохо разбирался комбинаторной поэтике. Занимаясь издательской деятельностью, воспитанник Краковского и Падуанского университетов ориентировался на западноевропейскую — преимущественно итальянскую — печатную продукцию, поэтому его акrostих следует воспринимать прежде всего в этом контексте.

В изданиях XVI в. акrostих функционирует как значимая составная часть паратекста (авторского или алографического). По этой причине лицо, создавшее акrostих, нельзя считать поэтом, а утилитарный текст — трактовать как литературное творение. Понятие «поэт», которое нередко применяется по отношению к Ф. Скорину, ко многому обязывает. Будучи издателем, Ф. Скорин, возможно, удивился бы, узнав, что он имеет сейчас такую характеристику. Акrostих был признаком хорошего тона, образованному человеку в те времена его *следовало написать*,

поэтому издатели, составители книг, эрудиты-редакторы при каждом удобном случае им охотно пользовались, не имея никаких поэтических амбиций.

Пытался ли скрыть свой акrostих наш издатель? Наоборот.

В западной книгопечатной традиции средства комбинаторной поэтики обычно применялись в начале и/или в конце книги (нем. *Rahmenkompositionen*). Акrostих искали и часто находили во вступительной части или в послесловии, однако в сводном издании, скомплектованном в 1522 г. [Lemeškin 2019], таких частей не было. В конец книги издатель поместил только подробный указатель писаныи рѣчи всеи книжце, в котором перечислил все составные части. Механический перечень публикуемых источников, конечно же, никак не мог быть соотнесен с акrostихом. Кроме того, кириллическая книга акrostих в начале или в конце книги еще не знала. Сомнительно, чтобы «рутенский» читатель стал искать здесь какой-то зашифрованный текст. Но, желая сообщить о своем участии в создании книги, издатель подобрал более подходящее место, вне вводного или финального паратекста.

Если рассматривать издание в контексте западноевропейской книжной традиции, то может сложиться впечатление, что издательский акrostих в книге затерялся, т. к. он остался незамеченным и невостребованным читателем в составе других литургических произведений, однако это не так. Позиция, в которой были расположены акrostихи Ф. Скорина, значима в жанровом отношении, причем трудно представить более полезную для его издательских целей литературную форму. В устойчивой структуре церковной гимнографии акrostих прогнозировался и даже ожидался читателем. В акафистниках акrostих является традиционным поэтическим средством, его использование часто маркирует специальная пометка или даже само название произведения, напр.: *краєстиховънъ по азбѣкы* [Турилов 1989: 92]. Таким образом, православный читатель той эпохи в акафисте мог ожидать вертикально изложенную алфавитную композицию, однако вместо нее находил именной акrostих, который знакомил его с персоной издателя.

Стоит обратить внимание, что первое слово *д-ѣ-л-а-л* содержит инициальное сочетание букв, которое находит соответствие в алфавитной последовательности *д-ѣ*. Возможно, это было сделано сознательно, чтобы создать азбучный горизонт ожидания и побудить читателя к поиску и прочтению оставшейся части акrostиха. Для того, чтобы текст легче воспринимался, первые пять букв, составляющие первое слово акrostиха, были помещены на одном развороте, т. е. читатель, следуя за азбучным акrostихом, без труда сегментировал и семантически идентифицировал первый глагол *делал*.

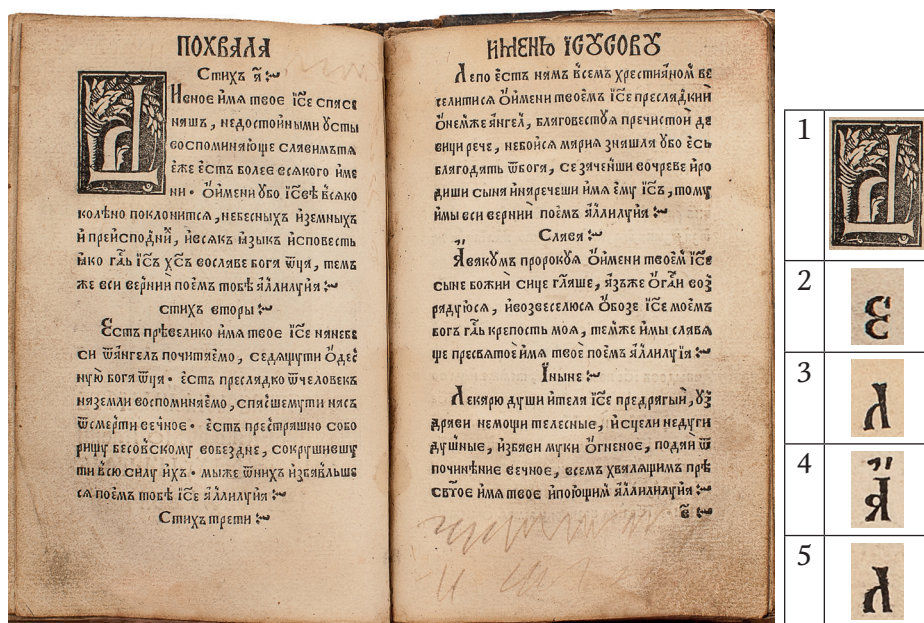

Рис. 6. а) Акафист пресладкому имени господя нашего Иисуса Христа (1522 г.), f. 2v–3r; б) Буквицы, составляющие первое слово акростиха

Более того, восприятие идущего далее текста издатель облегчает за счет исключительно выразительных типографских средств: первую букву академического титула и антропонимы он вписывает не обыкновенными литерами большого формата, как во всех других случаях, а орнаментальными резными инициалами, выполненными техникой белого штриха (см. рис. 7).

Очевидные типографические подсказки, непосредственно указывающие на присутствие акростиха, облегчали его прочтение. Делая из тайного явное, издатель, исходивший из западноевропейского издательского узуса, таким образом прививал читателю полезные навыки, т. е. расширял компетенции своих современников из Великого княжества Литовского, опираясь на особенности их восприятия акафистной поэзии.

В данном ключе, полагаем, следует воспринимать и целостную конструкцию *Малой подорожной книжки*. Было бы ошибочно думать, что у издателя просто не дошли руки до общего титульного листа и единого колофона, которые охватили бы все издание целиком. С точки зрения специфики жанра их отсутствие вполне закономерно (особенно в сопоставлении с «банальным» репрезентативным паратекстом *Бивлии*

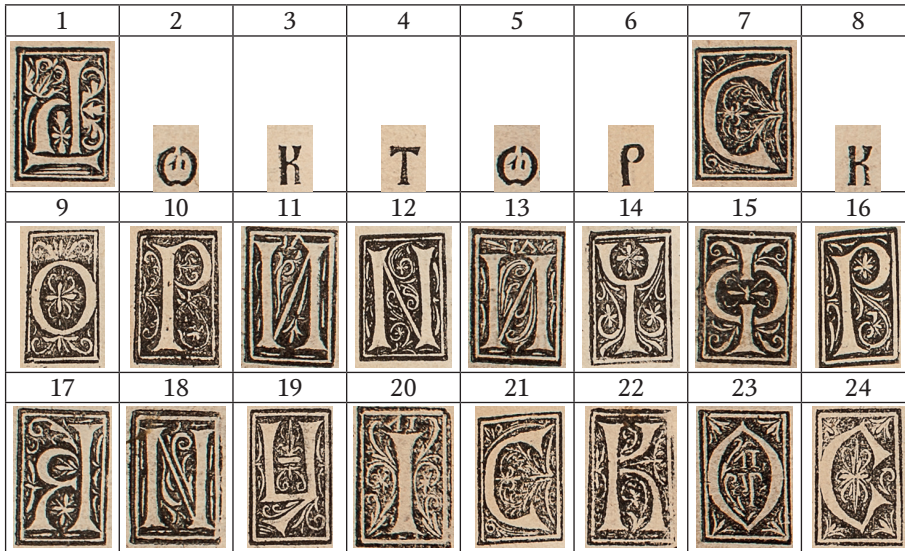

Рис. 7. Инициалы в *Малой подорожной книжке*

русской и Апостола), потому что их функцию перенимает более искусный (внутритекстовый) паратекстовый элемент. Учитывая структуру книги и ее типографское воплощение, оправданно думать, что именно акафистный акростих указывает не столько на авторство отдельно взятого гимнографического произведения, как на сегодняшний день принято думать, сколько на участие Ф. Скорина в процессе подготовки и издания книги. Таким образом, велика вероятность того, что между отсутствием общего титульного листа и акафистным акростихом (не писательским, но издательским) существует причинно-следственная связь.

В пользу этой гипотезы говорят также особенности издания и дальнейшего бытования печатных источников, которые в своей совокупности ныне составляют *Малую подорожную книжку*. Гимнографические произведения имели тенденцию к обособлению в *Акафистники* и *Акафистники-Каноники*. На сегодняшний день известно 6 таких экземпляров. Показательно, что *Акафист пресладкому имени Иисуса Христа*, для которого характерны описанные выше нетривиальные типографские приемы, чаще всего замыкает такие сборники (например, вроцлавский или краковский экземпляры). Он также совершенно исключителен по количеству художественно-декоративных элементов: фигуральная гравюра, две виньетки и 21 инициал. Особенно интересен экземпляр, описанный Й. Добровским, — некогда находившийся в личной библио-

теке Симеона Руса и самого Ф. Скорины [Лемешкин 2018: 30–33]. В нем это произведение также завершало подборку акафистов. Таким образом, в составе *Акафистника* последнее произведение выполняло роль обобщающего колофона, т. е. содержало выходные данные, актуальные для всего издания.

Следует также подчеркнуть, что *Малая подорожная книжка* может быть результатом менявшегося издательского плана: акафисты и каноны могли быть напечатаны еще в пражский период и затем в виде несброшюрованных печатных листов привезены Ф. Скориной в Вильнюс, где издательский проект оказался расширен. В пользу такой версии, которую обоснованно высказывал Е. Л. Немировский [1967], говорит сразу несколько обстоятельств, которые здесь специально рассматривать не будем (подробнее см.: [Lemeškin 2019]). В пользу этой гипотезы говорит также использованная в акrostихе словоформа *скоринич*, которая в изданиях, напечатанных до 10 августа 1518 г., соотносится с посессивной конструкцией *скорининъ сынъ*. Объясняет она и перегруженность *Акафиста пресладкому имени Иисуса Христа* художественно-декоративными элементами, которые указывали на издательский акrostих. Уже напечатан *Акафистник*, издатель мог расширить его за счет канонов. В составе такого издания акафисты и каноны составили пары. В Вильнюсе первоначальный издательский замысел мог приобрести «подорожный» (*liber viaticus*) характер, причем в составе объединенного издания воздействие первоначального издательского акrostиха было нивелировано.

Литература

Аннинский 1936

Аннинский С. А., введение, перевод и комментарии, *Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях*, Ленинград, 1936.

ГСБМ 2011

Булыка А. М., ред., *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, 31, Мінск, 2011.

Дакументы 1988

Дакументы пра Францыска Скарыну, *Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік*, Мінск, 1988, 564–582.

Зализняк 1990

Зализняк А. А., «Мерило праведное» XIV века как акцентологический источник, München, 1990.

Кусмауль 2015

Кусмауль С. М., Эволюция принципов употребления буквы ѿ во 2-ой половине XVI в. и 1-й половине XVII в., *Православная культура вчера и сегодня* (= Fontes Slavia Orthodoxa, II), Olsztyn, 2015, 89–133.

Лемешкин 2017

Лемешкин И., Библия пражская (1488) и „Бивлия руска“ Франциска Скорины. Место печатания, *Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына*, Мінск, 2017, 154–194.

Лемешкин 2018

Лемешкин И., Симеон Рус и Франциск Скорина, *Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka*, [t.] 2013–2014, Vilnius, 2018, 10–33.

Лемешкин 2020

Лемешкин И., Здесь сидела (1517), да улетела (1518): *Musca depicta* на портретах Франциска Скорины, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 79 (1), 2020, 122–142.

Немировский 1967

Немировский Е. Л., Белорусский первопечатник Франциск Скорина, *Полиграфия*, 8, 1967, 39–41.

Преображенский 1910/1914

Преображенский А., сост., *Этимологический словарь русского языка*, 2, Москва, 1910–1914.

Ровинский 1884

Ровинский Д. А., *Материалы для русской иконографии*, 3, С.-Петербург, 1884.

СРЯ XI–XVII, 24

Словарь русского языка XI–XVII вв., 24 (Се–Скорый), Москва, 2000.

Тарасаў 1990

Тарасаў К., *Памяць пра легенды: Постаці беларускай мінуўшчыны*, Мінск, 1990.

Темчин 2009

Темчин С., Голгофский крест над ветхозаветной скинией на гравюрном портрете Франциска Скорины, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašties tradicijos*, Vilnius, 2009, 152–168.

Темчин 2017

Темчин С., Тау-крест в треугольнике на гравюрном портрете Франциска Скорины, *Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына*, Мінск, 2017, 146–153.

Турилов 1979

Турилов А. А., Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросам описания), *Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности» 14–16 февраля 1979 г. Тезисы докладов*, Ленинград, 1979, 45–46.

Турилов 1981

Турилов А. А., Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания), *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции*, Ленинград, 1981, 241–247.

Турилов 1989

Турилов А. А., Новые списки гимнографических сочинений Ф. Скорины, *Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель и первопечатник*, Минск, 1989, 91–96.

Фасмер, Трубаев 1987

Фасмер М., [сост.], Трубаев О. Н., перев. с нем., дополн., *Этимологический словарь русского языка в 4-х томах*, 3, 1987.

Cappelli 1928

Cappelli A., *Lexicon abbreviatarum: Wörterbuch lateinischer und italienischer Abkürzungen*, Leipzig, 1928.

Chotěbor 1993

Chotěbor P., *Zahrady pražského hradu*, Praha, 1993.

Dobalová 2009

Dobalová S., *Zahrady Rudolfa II. Jejich vznik a vývoj*, Praha, 2009.

Dobrovský 1796

Dobrovský J., *Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der böhm. Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland*, Prag, 1796.

Leitzmann 2007

Leitzmann H., *Irdische Paradiese: Beispiele höfischer Gartenkunst der I. Hälfte des 16. Jahrhunderts*, München, 2007.

Lemeškin 2017

Lemeškin I., Skorina ir Čekija. Karaliaus sodininkas ir jo šeima, *Pranciškaus Skorinos „Rusėniškajai Biblijai“ – 500*, Vilnius, 2017, 78–87.

Lemeškin 2019

Lemeškin I., Dėl P. Skorinos Mažosios kelionių knygelės spausdinimo laiko ir vietos, *Knygotyra*, 72, 2019, 17–33.

Lemeškin 2020

Lemeškin I., *Portrait de Francisk Skorina. En commémorant le 550e anniversaire de sa naissance (1470–2020) / Портрет Франциска Скорины. К 550-летию со дня рождения книгоиздателя (1470–2020) / Pranciškaus Skorinos Portretas. 550-ąsias gimimo metines minint (1470–2020)*, Vilnius, Prague, 2020.

Lewis 1958

Lewis Ch. T., Short Ch., *A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freud's Latin Dictionary*, Oxford, 1958.

Maczinsky 1564

Maczinsky J., *Lexicon LatinoPolonicum ex optimis Latinae Linguae scriptoribus concinnatum...*, Regiomonti Borussiae, 1564.

Oxford Latin Dictionary 1968

Oxford Latin Dictionary, Oxford, 1968.

Sirvydas 1642

Sirvydas K., *Dictionarium trium linguarum*, Vilnae, 1642.

Voit 2006

Voit P., *Encyklopedie knihy. Starší knihtisk a příbuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století*, Praha, 2006.

Voit 2014

Voit P., Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky, *Umění*, 62/4, 2014, 339–344.

References

Anninskii S. A., introduction, translation, and notes, *Matvei Mekhovskii. Traktat o dvukh Sarmatiakh*, Leningrad, 1936.

Cappelli A., *Lexicon abbreviatarum: Wörterbuch lateinischer und italienischer Abkürzungen*, Leipzig, 1928.

Chotěbor P., *Zahrady pražského hradu*, Prague, 1993.

Dobalova S., *Zahrady Rudolfa II. Jejich vznik a vývoj*, Prague, 2009.

Kusmaul S. M., Evoliutsiia printsipov upotrebleniia bukvy omega vo 2-oi polovine XVI v. i 1-i polovine XVII v., *Pravoslavnaia kul'tura vchera i segodnia* (= Fontes Slavia Orthodoxa, II), Olsztyn, 2015, 89–133.

Leitzmann H., *Irdische Paradiese: Beispiele höfischer Gartenkunst der I. Hälfte des 16. Jahrhunderts*, Munich, 2007.

Lemeshkin I., Bibliia prazhskaia (1488) i "Bivliia ruska" Frantsiska Skoriny. Mesto pechataniia, *Frantsysk Skaryna: asoba, dzeinasts', spadchyna*, Minsk, 2017, 154–194.

Lemeshkin I., Skorina ir Čekija. Karaliaus sodininkas ir jo šeima, *Pranciškaus Skorinos „Rusėniškajai Biblijai“ – 500*, Vilnius, 2017, 78–87.

Lemeshkin I., Simeon Rus i Frantsisk Skorina, Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, [t.] 2013–2014, Vilnius, 2018, 10–33.

Lemeshkin I., Dėl P. Skorinos Mažosios kelionių knygelės spausdinimo laiko ir vietos, *Knygotyra*, 72, 2019, 17–33.

Lemeshkin I., Zdes' sidela (1517), da uletela (1518): Musca depicta na portretakh Frantsiska

Skórina, *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 79 (1), 2020, 122–142.

Lemeschkin I., *Portrait de Francisk Skorina. En commémorant le 550e anniversaire de sa naissance (1470–2020) / Portret Frantsiska Skoriny. K 550-letiiu so dnia rozhdenniia knigoizdatelia (1470–2020) / Pranciškaus Skorinos Portretas. 550-ąsias gimimo metines minint (1470–2020)*, Vilnius, Prague, 2020.

Lewis Ch. T., Short Ch., *A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freud's Latin Dictionary*, Oxford, 1958.

Nemirovskii E. L., *Belorusskii pervopechatnik Frantsisk Skorina, Poligrafia*, 8, 1967, 39–41.

Tarasau K., *Pamiatc pra liehiendy: Postatsi biela-ruskaj minuüščyny*, Minsk, 1990.

Temchin S., *Golgofskii krest nad vetkhozavetnoi skiniei na graviurnom portrete Frantsiska Skoriny, Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašties tradicijos*, Vilnius, 2009, 152–168.

Temchin S., *Tau-krest v treugol'nike na gravjurnom portrete Frantsiska Skoriny, Frantcysk Skaryna: asoba, dziejnasć, spadčyna*, Minsk, 2017, 146–153.

Turilov A. A., *Gimnograficheskoe nasledie Frantsiska Skoriny v rukopisnoi traditsii (k voprosam*

opisaniiu), *Vsesoiuznaia nauchnaia konferentsiia "Problemy nauchnogo opisaniiu rukopisei i faksimil'nogo izdaniia pamiatnikov pis'mennosti"* 14–16 fevralia 1979 g. *Tezisy dokladov*, Leningrad, 1979, 45–46.

Turilov A. A., *Gimnograficheskoe nasledie Frantsiska Skoriny v rukopisnoi traditsii (k voprosu o nauchnom opisanii i izuchenii rukopisei traditsionnogo sodержaniia)*, *Problemy nauchnogo opisaniiu rukopisei i faksimil'nogo izdaniia pamiatnikov pis'mennosti. Materialy Vsesoiuznoi konferentsii*, Leningrad, 1981, 241–247.

Turilov A. A., *Novye spiski gimnograficheskikh sochinenii F. Skoriny, Frantsisk Skorina — belorusskii gumanist, prosvetitel' i pervopechatnik*, Minsk, 1989, 91–96.

Voit P., *Encyklopedie knihy. Starší knihtisk a příbuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století*, Prague, 2006.

Voit P., *Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky, Umění*, 62/4, 2014, 339–344.

Zalizniak A. A., *"Merilo pravednoe" XIV veka kak aktsentologicheskii istochnik*, Munich, 1990.

Илья Лемешкин,

доцент, хабилитированный доктор Карлова университета,

вице-президент Пражского лингвистического кружка

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Nám. Jana Palacha 2

Praha 1, 116 38

Česká republika / Czech Republic

научный сотрудник Центра изучения балтийских языков и ономастики

Института литовского языка (Вильнюс)

Baltų kalbų ir vardyno tyrimų centras,

Lietuvių kalbos institutas,

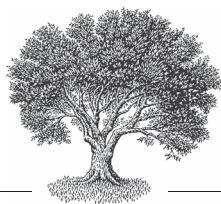
P. Vileišio g. 5,

LT-10308 Vilnius,

Lietuva / Lithuania

ilja.lemeskin@ff.cuni.cz

Received February 5, 2020

Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского*

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

Future Anterior in the Document Language of the Grand Duchy of Lithuania

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая работа посвящена семантике и дистрибуции форм предбудущего времени в деловом языке Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. В центре внимания — конструкция, состоящая из презенса вспомогательного глагола от основы *буд-* и *л-*причастия (*буду* + *л-*причастие). Работа выполнена на материале Литовского Статута 1588 г. и более чем 900 грамот и судебных дел Великого княжества Литовского. Автор показывает, что в деловом западнорусском языке предбудущее лицензируется контекстами со снятой утвердительностью (условный протасис, дизъюнкция, косвенный вопрос, предикат пропозициональной установки и др.). Во многих случаях возможность употребления предбудущего определяется также итеративным,

* Автор выражает глубокую признательность Сергею Владимировичу Полехову (ИРИ РАН) за предоставление изданий западнорусских текстов и сердечную благодарность анонимному рецензенту журнала «Словѣне» за ценные замечания. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ: проект № 17–34–01061–ОГН «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

Цитирование: Пенькова Я. А. Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 170–191.

Citation: Penkova Y. A. (2020) Future Anterior in the Document Language of the Grand Duchy of Lithuania. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 170–191.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.8

хабитуальным, экспериенциальным значениями или множественностью объектов-участников ситуации. В некоторых контекстах предбудущее может быть объяснено исключительно синтаксическими правилами, а именно, его употребление вызвано не чем иным, как зависимым характером клаузы. Такая особенность сближает предбудущее с французским или латинским конъюнктивом на поздних стадиях грамматикализации этих наклонений. Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского также может иметь дискурсивные употребления, т. е. подвергаться прагматикализации. В этом случае эта конструкция превращается в показатель косвенного речевого акта, используемого говорящим для опровержения свидетельства его оппонента. Западнорусский оказывается языком с широким употреблением такого дубитативного предбудущего, что делает его уникальным на славянском и общеевропейском фоне.

Ключевые слова

предбудущее (второе будущее), западнорусский язык, темпоральность / аспект / модальность, дубитатив, снятая утвердительность, экспериенциальное значение

Abstract

The paper deals with the semantics and the distribution of the future anterior in the 14th–16th century official writing of the Grand Duchy of Lithuania. The paper focuses on the construction which comprises a perfective present form of the auxiliary *be* (*bud-*) and an *l*-participle. The paper takes into consideration data from more than 900 charters as well as from the Lithuanian Statute of 1588. The author claims that the future anterior in official Ruthenian is licensed by contexts with suspended assertion (conditional, disjunction, indirect question, propositional predicate, etc.). In most other cases, it is powered by iterative, habitual, or experienter meanings, or by the multiplicity of the objects involved in the situation. In some contexts, the use of the future anterior is defined exclusively by syntactic rules, i. e., the use in the dependent clause. In this respect, the future anterior is similar to the French subjunctive and the Latin conjunctive at their later stages of grammaticalization. The future anterior in official Ruthenian may also acquire a particular discourse function, i. e., undergo pragmatization, which results in the ability of the future anterior to mark an indirect speech act of disproof or cancellation of what was evidenced by the opponent. Ruthenian turns out to be a unique language across Slavic and SAE to feature a widely used dubitative future anterior.

Keywords

future anterior, Ruthenian language, tense-aspect-modality, dubitative, suspended assertion, experienter meaning

1. Предварительные замечания

Настоящая работа посвящена особенностям употребления форм т. н. предбудущего времени (второго будущего, сложного будущего II) в деловой письменности Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. Фор-

мы предбудущего, о которых пойдет речь, представляют собой аналитическую конструкцию, возникшую еще в праславянском языке. Она образовывалась с помощью вспомогательного глагола от основы *буд-* (*bǫd-) в форме презенса и л-причастия (ниже – *буду* + л-причастие), ср.:

- (1) Аще по моємъ ѿшествнн свѣта сего аще БУДУ Бѹ ОУГОДНАѢ н ПРНІАЛѢ МА БУДЕТЬ БѢ, то по моємъ ѿшествнн маѳастырь сѧ научеть стронти н прнбывати в немь¹
(Повесть временных лет [Ипат. лет., ок. 1425 г.: 69]).

Интерес к предбудущему в деловой письменности Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) вызван несколькими соображениями. Первой причиной является малоисследованность этой конструкции в западнорусском языке. В то время как предбудущее в древнерусской и старобелорусской письменности изучено подробно², эта же конструкция, не менее широко представленная в деловых памятниках ВКЛ, до сих пор отдельно не рассматривалась. Х. Станг вовсе не упоминает предбудущее в описаниях делового языка ВКЛ [1935; 1939]. Некоторые сведения о функционировании конструкции *буду* + л-причастие в Литовском Статуте 1588 г. содержатся в монографии В. Мякишева, посвященной языку этого памятника [2008]. Однако семантика перифразы в названном исследовании описана предельно лаконично: «выражает значение преждебудущего» [Ibid.: 305]. Тот же тезис воспроизводится и Е. А. Смирновой в диссертации, посвященной глагольной системе простой мовы [2011: 145–146]. При этом, как показывает материал западнорусской письменности, мы едва ли сможем встретить в письменности ВКЛ конструкцию *буду* + л-причастие в значении «преждебудущего», т. е. в таксисном значении предшествования одной ситуации другой в будущем, не осложненной какими-либо модальными наращениями (см. ниже).

Известны и другие исследования, в которых упоминается предбудущее в западнорусском деловом языке. Авторы исторических грамматик, как правило, ограничиваются лишь несколькими примерами из текстов XIV–XVI вв. [Жовтобрюх et al. 1980: 215–216]. В [Янкоўскі 1983: 201–202] указано, что предбудущее в старобелорусском языке с XVI в. начинает выходить из употребления, что, как будет показано ниже, также не подтверждается данными источников. В статье М. Юрковского, посвященной аналитическому будущему в староукраинском

¹ Древнерусские примеры приводятся в соответствии с орфографией, принятой в соответствующем издании.

² На материале деловой и бытовой письменности предбудущее в древнерусских памятниках описано в [Пенькова 2012], на материале переводных памятников — в [Eadem 2014; Eadem 2018], в среднерусском языке XV–XVI вв. — в [Andersen 2006], [Пенькова 2010; Eadem 2019c].

языке [1991], рассматривается частотность различных перифрастических конструкций с референцией к будущему. Однако их семантика и характер употребления не описаны вовсе; кроме того, в указанной работе отсутствуют и точные ссылки на источники. Более подробное описание того, как употребляются формы предбудущего в старобелорусских памятниках, представлено в [Бевзенко 1960: 327–329] и, в особенности, в [Булыка et al. 1988]. В последней работе показано, что в западнорусской письменности в рассматриваемый период мы имеем дело фактически с двумя разными конструкциями, структурно чрезвычайно близкими. С одной стороны, в деловых памятниках ВКЛ продолжает употребляться конструкция *буду* + *л*-причастие, восходящая к праславянскому предбудущему и образующая формы от глаголов обоих видов (СВ и НСВ). Эта конструкция, как и предбудущее в древнерусском языке, фиксируется в основном в зависимых типах клауз (условном протасисе, соотносительных придаточных, косвенном вопросе), ср:

- (2) Такимъ же обычаемъ и жоны, естли **будуть** не **ведали** таковое здрады мужов своих, таковыя в томъ **будуть** заховани, яко в третемъ арътыкуле сего розделу о такихъ есть написано³.
[Литовский Статут 1588];
- (3) А если бы дети, будучы волни, а хотели прочъ пойти, тогды... мають пойти прочъ, толко землю пану своему подати з жытомъ засеянъмъ, и съ хоромы, и с тымъ зо всим, с чымъ хто **будеть** тую землю пана своего на службе **взялъ**.
[Литовский Статут 1588].

С другой стороны, в переводах на просту мову в рассматриваемый период встречается также *новая* конструкция, структурно аналогичная *старой*, однако ограниченная исключительно формами от имперфективных основ. Эта конструкция представляет собой или заимствование из польского языка, или же «бывшее» предбудущее, переориентированное на польскую модель:

- (4) Кто пакъ з ва(с), маючи слоугоу, а онъ ореть або волы пасеть, а коли бы с поля пришлоь, и не рече(т) ему: борзо съдь за сто(л), але речеть ему: зготовай ми што **буду вечеряль** [ср. польск. **będę wieczerzał**] ‘кто же из вас, имея слугу, который пашет или пасет волов, и когда [тот] пришел с поля, не говорит ему: скорее сядь за стол, но говорит ему: приготовь мне, что я буду ужинать’.
[Пересоп. ев. 1556–1561 гг., 295–295 об.];

³ Здесь и далее примеры из западнорусских памятников цитируются в упрощенной орфографии.

⁴ Цитаты снабжаются переводами выборочно только в случае возможных затруднений в понимании текста читателем. В квадратных скобках дается комментарий к тексту, который может содержать уточнения, облегчающие понимание цитаты, а также библейские параллели к тексту. В данных примерах в

- (5) Шалѣйте як хочете, однак не **будете могли** [ср. польск. **nie będziecie mogli**] завстегнути духа [ср. Экл. VIII, 8] (Креховский Апостол 1560 г. [Огиенко 1930: 387]);
- (6) Буду тут ажъ до вечера **лежал** [ср. польск. **będę leżał**] (Сборник № 82 XVII в., 333б [Булыка et al. 1988: 188]).

В деловую письменность такая полонизированная конструкция (*буду* + *л*-причастие НСВ), очевидно, проникала существенно позднее, нежели в переводы (о постепенной полонизации простой мовы на протяжении XVI–XVII вв. см.: [Мозер 2002]).

Поскольку в перечисленных выше работах не ставилась задача подробно описать употребление конструкции *буду* + *л*-причастие, выводы, полученные авторами, нуждаются в существенной корректировке и дополнении.

Второй причиной, вызвавшей интерес к материалу западнорусской письменности XIV–XVI вв., послужило то, что деловые тексты ВКЛ фактически являются уникальным источником, отражающим дальнейшую эволюцию восточнославянского предбудущего. В московской (и в целом старовеликорусской) письменности в XVI в. конструкция *буду* + *л*-причастие уже практически выходит из употребления⁵, а вспомогательный глагол превращается в условный союз *будет* (первые примеры рассогласования между вспомогательным глаголом и *л*-формой встречаются уже в первой половине XV в., наибольшее распространение условный союз получает в XVII в. ([Пенькова 2019с]), о союзе *будет* см. также: [Шевелева 2008]). Напротив, в деловой письменности ВКЛ предбудущее продолжает употребляться на протяжении всего XVI в., не обнаруживая признаков синтаксического реанализа, ср. «верное» употребление в (7) и нарушение согласования в (8):

- (7) И то все, што **будуть** у пана того своего запоможенъ **взяли**, запълатити. [Литовский Статут 1588];
- (8) А у кого **будет** [вм.: *будем*] мы тое землю **заложили** в деньгах или Прокофей заложил, — и нам та земля очищати, а Давыда ни довести убытка никоторого. (1550–1551 гг. Купчая Давыда Иванова с. Бартенева на купленные у игумена Филарета и старцев Сторожевского монастыря дер. Гужево и Два Луковникова... [НКРЯ]).

комментариях также приводятся аналогичные конструкции в польском языке, не являющиеся параллелями из польских оригиналов.

⁵ В северо-западных великорусских говорах, имеющих т. н. *новый перфект*, обнаруживается и *новое предбудущее*, использующее действительное причастие прошедшего времени на *-вши*. Однако такие конструкции более позднего происхождения и в памятниках письменности не зафиксированы, да и в современных говорах чрезвычайно редки, ср.: *грибы не будут прошотци* [Кузьмина, Немченко 1971: 181].

Однако дальнейшая судьба предбудущего в диалектах староукраинского и старобелорусского языков действительно была связана с переориентацией на польские образцы, благодаря которой конструкция *буду* + *л*-причастие стала употребляться исключительно с формами *л*-причастий от глаголов НСВ [Булыка et al. 1988: 187–188]. Такие конструкции до сих пор употребительны в юго-западных и западнopolесских говорах украинского языка [Бандрівський 1960: 72–73; Жилко 1966: 100–101] и в западной разновидности украинского литературного языка [Русанівський 1971: 250].

2. Материал исследования

В настоящем исследовании мы сознательно ограничили себя только материалами деловой письменности, поскольку переводные и в целом более книжные западнорусские тексты свидетельствуют об ином характере употребления *буду* + *л*-причастие, нежели тексты деловые (см. об этом выше). Материалом настоящего исследования послужили староукраинские грамоты XIV–XV вв. (по изданиям [Пещак 1974; Русанівський 1965]), Полоцкие грамоты XIV–XVI вв. (по изданию [Хорошкевич et al. 2015]), Первая книга судных дел 1510–1517 гг. в составе Литовской метрики (по изданию [РИБ]), Литовский статут 1588 г. (по электронному изданию). Деловая письменность ВКЛ представляет собой огромный массив текстов, поэтому было принято решение ограничиться лишь несколькими *срезами* эпохи: XIV–XV вв. (издания староукраинских и полоцких грамот), первая четверть XVI в. (Полоцкие грамоты и Первая книга судных дел Литовской метрики) и последняя четверть XVI в. [Литовский Статут 1588].

Общий объем обработанного материала составил более 900 грамот, в которых было обнаружено 212 примеров употребления форм предбудущего — количество, весьма показательное для конструкции, в целом довольно редкой в письменности.

Таблица 1

Количество употреблений предбудущего в деловых текстах ВКЛ XIV–XVI вв.

Количество примеров в текстах XIV–XV вв.	26
Количество примеров в текстах XVI в.	186
Всего	212

Количество примеров, в которых встречается конструкция *буду* + *л*-причастие, распределяется по текстам неравномерно. В целом можно отметить маргинальность предбудущего в ранних памятниках XIV–XV вв.

и существенный рост частотности в текстах XVI в., заметный даже на ограниченном числе источников. Такой рост может свидетельствовать, с одной стороны, о большей грамматикализации конструкции, с другой стороны — о ее закреплении в деловом формуляре этого периода.

3. Семантика и дистрибуция

Конструкции, аналогичные славянскому предбудущему, широко известны в других европейских языках (ср. *future perfect* в английском, *futur antérieur* во французском языке). В базовом употреблении они симметричны перфекту и называют результат в будущем или предшествование в будущем, ср. предбудущее в английском языке:

(9) By the time you read this I **will have left** you.

Восточнославянское предбудущее, в отличие от своих структурно-функциональных соответствий в других европейских языках, почти не знало таких — чисто таксисных — употреблений (см. об этом подробнее в [Пенькова 2014; Eadem 2018; Eadem 2019a]). Напротив, важную роль в употреблении этой конструкции играли условные контексты: условный протасис (10) и семантически близкие к условным соотносительные придаточные (11), реже — аподосис условного предложения (12). Кроме того, в независимой клаузе предбудущее могло выражать предположение о событии в прошлом (13):

(10) да аще БУДЕТ едни кралъ, то гривну и 30 рѣзанъ платити ему, нан ихъ БУДЕТ 18, то по 3 гривныъ и по 30 рѣзанъ платитъ — ‘и если **окажется**, что один **крал**, то гривну и 30 резан платить ему, если же их окажется 18, то по 3 гривны и по 30 резан платить’
(Русская Правда [НПЛК XV в.: 81 об.]);

(11) аще кто челядинъ понятн хоцетъ познавъ свон, то ко оному вестн н, у кого то БУДЕТ купцалъ — ‘если кто-нибудь, узнав своего слугу, захочет забрать его, то вести его к тому, у которого **купил**’
(Русская Правда [НПЛК XV в.: 80 об.]);

(12) аще ли того не сътвориши. то паки вѣдешн вѣспать шъль въ самароу — ‘если ты этого не сделаешь, то обратно **пойдешь** в Самарру’
(Чудеса Николы XII в. [НКРЯ]);

(13) Сѣѡ, аще члвкъ въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помнѣи его, зане не онъ то створиѣ: оубожество принѣдѣло и вѣдетъ — ‘сын, если человек украдет, будучи беден, то помилуй его, так как не он сделал это: **должно быть**, бедность **вынудила** его’
(Повесть об Акире Премудром XV в. [НКРЯ]).

В славистике известно два основных подхода к интерпретации славянского предбудущего: темпорально-таксисный, рассматривающий эту форму, прежде всего, как средство выражения таксисного значения предшествования в будущем, и модальный, рассматривающий ее как конструкцию с эпистемическим значением или даже как «предположительное наклонение» (см. обзор библиографии в [Пенькова 2014]; о свидетельствах в пользу второго подхода см.: [Eadem 2018], отдельно о проблеме «время или наклонение» см.: [Eadem 2019a]). В настоящей работе будут рассмотрены некоторые новые свидетельства, которые содержат деловые тексты ВКЛ, в пользу того, что славянское предбудущее обладало рядом свойств, сближающих его с предположительным наклонением.

Начиная с влиятельных работ Г. Рейхенбаха, семантика аспектуально-таксисных показателей описывается при помощи таких понятий, как *время речи*, *время события* и *время отсчета* [Reichenbach 1947]. Впоследствии Клейн скорректировал схему Рейхенбаха и вместо *времени отсчета* ввел другое понятие — *время ассерции* (*topic time*), т. е. временной промежуток, относительно которого делается утверждение [Klein 1994]. Апеллируя к *времени ассерции*, можно предложить простое объяснение различным типам употребления форм предбудущего времени.

В том случае, когда предбудущее обозначает событие, расположенное в будущем относительно момента речи и предшествующее другому событию в будущем (т. е. употребляется в своей базовой функции), — как *время события* (С), так и *время ассерции* (А) располагаются после момента речи (Р), непосредственно следуя друг за другом, ср. рис. 1:

Рис. 1. Предбудущее в базовой функции

Однако в западнорусской деловой письменности конструкция *буду + л-причастие* употребляется преимущественно для обозначения событий, целиком отнесенных в прошлое, т. е. предшествующих моменту речи. При этом время события (С) расположено до момента речи (Р), а *время ассерции* (А) все так же отнесено будущему, ср. рис. 2:

Рис. 2. Предбудущее с референцией к прошлому

Последняя схема (рис. 2) показывает разрыв между временем события (С) и временем ассерции (А). Такая ситуация как раз и рождает особый эффект *отложенной реализации* и *эпистемической дистанции*: говорящий по каким-то причинам не может или не хочет утверждать, но лишь предполагает вероятность события С, поскольку не обладает о нем полной информацией и относит момент получения полной информации или ее верную интерпретацию к будущему (см. также: [Пенькова 2019b]), ср.:

(14) Отрѣшимо замокъ да увидимъ тать ли **будет** влѣзълъ или инъ хто **вошел** **будет** — ‘откроем замок и посмотрим, вор ли **залез** или кто-нибудь другой **вошел**’
(Чэця 93b 1489 г. [Булыка et al. 1988: 187]);

(15) А повѣдаетьс(а), и вам, ратманом, жаловалса. И вы ему и бирича дали. И тот Пашко и с вашим биричом своег(о) виноватца инал. Ино тог(о) виноватца пришед Гарман да силою отнал. С вашим ли вѣдомомъ **будет(ь)** тое **оучинил**? — ‘он и вам, ратманам, жаловался, и вы дали ему бирича, и тот Пашко с вашим биричем своего ответчика поймал, но Гарман, придя, того ответчика отнял силой. С вашего ли ведома он это **сделал**?’
(1451–1459 гг. Послание наместника пол. воеводы Андрея Саковича Верькстня (?), пол. бояр, местичей и «всего поспольства» г. Полоцка совету г. Риги с требованием выдать ответчика по делу смолянина Пашка [Хорошкевич et al. 2015: 134]).

В (14) форма предбудущего называет событие, которое произошло до момента речи, однако говорящему неизвестно, какой из альтернативных вариантов соответствует действительности (вошел ли вор или кто-то другой), полная информация будет получена только в будущем. Схожая ситуация представлена и в (15): говорящему неизвестен один из ее аспектов (‘с вашего ведома или без вашего ведома’).

3.1. Предбудущее и снятая утвердительность

На основе данных деловых памятников ВКЛ XIV–XVI вв. можно выделить несколько контекстуальных маркеров *снятой утвердительности*, сопровождающих такое эпистемическое употребление предбудущего с референцией к событиям в прошлом, до момента речи (о маркерах снятой утвердительности см.: [Падучева 2018]): *общий или частный вопрос* (пример 15 выше), *клауза, зависящая от предиката пропозициональной установки* (16), *условный союз* (17), контекст *дизъюнкции* (например, разделительный союз) (18), ср:

(16) И Олешко Мотовичъ а Окула Мишковичъ перед нами мовили: мы того *не вѣдаемъ*, какъ они **будуть** за отцомъ вашимъ Семѣномъ Вколовымъ а зъ Ивашкомъ Матовымъ въ праве **стояли** — ‘Олешко Мотович и Окула

Мишкович при нас сказали: мы того не знаем, как они судились с вашим отцом Семеном Вколовым и с Ивашком Матовым’ (1514 г. № 69 Решение по жалобе Святоши и дворян Вколовичей на людей своих Негневитских за отказ их от службы [РИБ 20: 91]);

- (17) И мы ему велели имъ служити добровольне, а какъ усочетъ пойти прочь, мають его отпустить. А што ся дотычетъ шатра, *если* **будеть** его Юхно не **сказилъ** чимъ, маеть его Миколай взять; а *если* **будеть** згноилъ або **содраль**, маеть ему такъ добрый шатеръ дати, какий пограбилъ въ него — ‘и мы ему велели служить добровольно, а когда пожелает уходить, обязаны его отпустить. А что касается шатра, если Юхно его ничем не испортил, может его Миколай взять, а если [Юхно его] испортил или порвал, должен ему такой же неиспорченный шатер дать, какой у него украл’ (1515 г. № 171 Присуждение с боярина Юхна Станковича денежного вознаграждения в пользу тяглого человека Петреля за нанесение ему побоев, ран и присвоение вещей [РИБ 20: 230]);

- (18) А естли бы который прироженный братъ албо дядко, або который ли будь з роду утеклъ до земли неприятеля нашего и земль поганьскихъ неприятельскихъ, тогды делница, то есть част[ь] его, **будеть** ли выделена **была**, *альбо* и не выделена, спадываетъ на Реч Посполитую — ‘а если чей-нибудь родной брат или дядя, или кто-нибудь другой из родственников убежит в землю неприятеля нашего или в землю нехристианскую, тогда надел его, то есть участок его, освобождена ли земля **была** или не освобождена, переходит во владение Речи Посполитой’ [Литовский Статут 1588].

Однако этим характер употребления предбудущего в деловых памятниках ВКЛ отнюдь не ограничивается. Часть употреблений обнаруживается в контекстах, которые не содержат показателей снятой утвердительности. При этом в них речь также идет о событиях из плана прошлого. На первый взгляд появление конструкции *буду* + *л*-причастие, имеющей формальный показатель референции к будущему, в такого рода контекстах выглядит совершенно необъяснимым, ср.:

- (19) Мещаном на будован(ь)е домов их и на кухню дерево великое и малое в селех и в борех брати около места за три мили... где здавна **бирали** **будуть** — ‘Мещанам на строительство домов их и для кухонных нужд дерево большое и малое брать в селах и в лесах около города за три мили... где издавна **брали**’ (1511 г. Уставной подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на пожалование вел. кн. лит. Александра магдебургского права и другие свободы [Хорошкевич et al. 2015: 649]).

В (19) речь идет о реальном, а не о потенциально возможном или предполагаемом событии в прошлом. Нельзя утверждать и того, что

один из аспектов ситуации говорящему неизвестен. Такая же ситуация и в примере (20), в которой идет речь о вполне реальном, а не гипотетическом или предполагаемом событии или же событии, один из аспектов которого неизвестен говорящему:

- (20) Сказали есмо Рачку ему коня отдати... который въ него и теперъ лицомъ... а за другого коня, который **будеть** въ него **вмеръ**, заплатити чотыри копы грошей — ‘велели мы Рачку отдать ему коня который у него и теперъ имеется... а за другого коня, который у него **издох**, заплатити чотыре копейки денег’ (1514 г. № 117 Решение по жалобе Степана Гродского на Бельского судью Юрия Рачка о самоуправстве [РИБ 20: 153]).

3.2. Предбудущее и нелокализованность во времени

Попытаемся все же предложить объяснение и для таких употреблений, как в 19 и 20. Как кажется, у подобных контекстов есть некоторые общие особенности, которые их объединяют и тем самым «оправдывают» появление в них форм предбудущего. И в (19), и в (20) конструкция *буду* + л-причастие называет события, не имеющие *конкретной временной локализации* (ср. обсуждение этой особенности для перфекта в старославянском в [Плунгян, Урманчиева 2017]). В (19) нелокализованность является следствием узуальной семантики л-формы (*бирали*)⁶, в (20) — характеристической семантики (*который будет вмеръ* ≈ умерший, мертвый): для говорящего не имеет принципиального значения, когда именно имела место ситуация, важно только то, что она имела место.

Можно выделить несколько типовых ситуаций, в которых предбудущее называет такое *нелокализованное* событие в прошлом:

- множественность ситуаций (итеративность или хабитуальность),
- экспериенциальное значение (сообщение о некотором опыте, полученном субъектом),
- ситуация-обобщение (контекст, подразумевающий множественность некоторых однородных объектов, удовлетворяющих некоторому условию).

Итеративность и хабитуальность, впрочем, также можно рассматривать среди маркеров снятой утвердительности (см. об этом: [Падучева 2015] — по отношению к неопределенным местоимениям на *-ни-будь*). Приведем примеры для каждого из типов.

Множественность ситуаций (итеративность):

- (21) Ино мы его жаловали: тые вси вышей писаные села, отчизну отца его, и выслугу, и куплю, и теж его куплю зъ землями пашными и бортными... и з

⁶ Ср. употребление конъюнктива вместо индикатива в итеративных контекстах в постклассической латыни [Ernout, Thomas 1964: 400].

бобровыми гоны, где **будет** отецъ его на себе бобры **биваль**, подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ ему вечно, и его жоне, и их детямъ — ‘Мы его пожаловали теми всеми вышеуказанными селами, отчиной отца его, и тем, что он выслужил и купил, и купленное с угодыями пашенными и бортными... и бобровыми угодыями, где его отец **бивал** бобров, подтверждаем этим нашим листом навечно, и его жене и детям’

(1498 г. Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра боярину Полоцкого пов. Олферу Кортеневу на пожалование [вел. кн. лит. Казимира] отцу Олфера сельца Антоникова «вечно» [Хорошкевич 2015: 350]).

Экспериментальное значение:

(22) Который пѣрвое украдѣт, а дотоуль **будеть** не **крадывал**, ино за пѣрвою татбу виною его казнити — ‘который [человек] первый раз украдет, а до этого никогда не **крал**, то за первую кражу наказать его штрафом’ (1468 г. Судебник Казимира, 203b–204. [Булыка et al. 1988: 188]);

(23) Тежъ, што бояре полоцкии держат(ь) волостку Дрисецкую по годо, судат(ь) и радат(ь), ино которые путники в той волости живут(ь), а **будут(ь)** их бояре **суживали**... ино и ныне бояре, которые будут(ь) тую волостку держати, их судили по давно, але не мают(ь) их драпежити по давному — ‘Также, что касается волости Дрисецкой, которую держат бояре полоцкие, судят и управляют, то которые лица, получающие доход, живут в той волости, и если их бояре ранее **судили**... то и теперь бояре, которые будут держать эту волость, их судят по-старому, а не должны их по-старому грабить’ (1499 г. Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между пол. боярами и мещанами о компетенции местных властей [Хорошкевич 2015: 354]).

Ситуация-обобщение:

(24) А тыи, хто **будеть** земли **покупилъ** або **позакупалъ**, они мають на истцахъ пѣнязей своихъ смотрѣти, кому **будуть** пѣнязи **давали** — ‘А те, кто земли **купил** или **взял** в залог, они должны получать свои деньги [с тех], кому эти деньги **давали**’ (1514 г. № 69 Решение по жалобе Святоши и дворян Вколовичей на людей своих Негневитских за отказ их от службы [РИБ 20: 93]);

(25) А што **будут(ь)** мещане... в бояр **покупили** земли и дворы, то маемъ на обе стороне держати, не рухаючи — ‘А что касается земель и дворов, которые мещане... у бояр **купили**, то мы должны это соблюдать неизменно’ (1499 г. Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между пол. боярами и мещанами о компетенции местных властей [Хорошкевич 2015: 354]).

Таким образом, все эти ситуации объединены некоторым общим свойством: в них идет речь о множественности ситуаций, или различия по

единичности / повторяемости действия нейтрализованы. Так, экспериенциальное значение (ср. **будут(ь)** их бояре **суживали**) подразумевает, что ситуация имела место по крайней мере один раз, но могла и повторяться, ситуация-обобщение (ср. **будут(ь)** мещане... в бояр **покупили**) означает, что ситуация также могла быть как единичной, однако относиться к множеству неоднородных объектов, так и повторяемой (акт купли-продажи мог иметь место более чем один раз).

3.3. Роль синтаксических правил в употреблении предбудущего

Почти все употребления предбудущего в собранном нами корпусе примеров укладываются в предложенную выше классификацию (контексты со снятой утвердительностью и нелокализованные во времени контексты). Однако есть и небольшое количество исключений, в которых нет ни маркеров снятой утвердительности, ни нелокализованных ситуаций. В этих примерах предбудущее обозначает *конкретную локализованную* ситуацию в прошлом, ср.:

(26) И мы... велели есмо имъ тую землю очистити, выехавши на границы тое земли; а естли бы они очистити тое земли не хотели, и они мають паней Войтеховой пенязи отдати, што **будуть** за тую землю **взяли** на рокъ *передъ Великимъ днемъ* — ‘И мы... велели им ту землю очистить [от претензий], выехав за пределы той земли, а если они не захотят очистить эту землю, то они должны отдать пани Войтеховой деньги, которые **взяли** за ту землю на год *перед Пасхой*’

(1515 г. № 159 Решение по жалобе жены Войтеха Нарбутовича на королевских бояр братьев Андреевичей, которые не хотят очищать проданного ей имения от предъявляемых претензий [РИБ 20: 212]);

(27) А которыи рѣчи ее *въ тотъ часъ* **будѣть** въ дому **побралъ**, на томъ она маеть право поднести от сихъ часовъ въ чотырехъ недѣляхъ — ‘И которые вещи ее [он] в то время в доме **поотбирал**, о том она имеет право заявить начиная с этих часов в течение четырех недель’

(1515 г. № 166 Дело Людмилы Сузиной с деверем своим Федором Сузиным о разных насилиях [РИБ 20: 223]).

По-видимому, в процитированных и подобных примерах действуют преимущественно *синтаксические* правила употребления предбудущего (контекст соотносительного придаточного оказывается достаточен для возможности употребить конструкцию *буду + л-причастие*), хотя и здесь, в особенности в (27), можно усматривать ситуацию-обобщение (ср. форму **побралъ**, подразумевающую дистрибутивность, т. е. множество неоднородных объектов, насильственно отобранных деверем). Весьма показательно, однако, что абсолютное большинство контек-

стов, в которых представлена конструкция *буду* + *л*-причастие, — это именно зависимые клаузы (прежде всего, соотносительные придаточные, как в примерах 26 и 27). Ниже в таблице 2 приведено количество примеров употребления предбудущего в различных типах клауз:

Таблица 2

**Распределение форм предбудущего
в различных типах клауз**

Типы клауз	Количество
Соотносительные придаточные	112
Общий вопрос	3
Косвенный вопрос	41
Условные придаточные	53
Уступительные придаточные	1
Главная клауза, контекст дизъюнкции ⁷	2
Всего	212

Абсолютное преобладание зависимых клауз, с одной стороны, и отсутствие специальных маркеров снятой утвердительности в ряде контекстов, с другой, свидетельствуют о том, что семантические основания употребления предбудущего уже начинают стираться, а основным мотивирующим фактором становится в первую очередь зависимый тип клаузы. Нечто подобное можно, к примеру, наблюдать в особенностях использования *subjonctif* (сослагательного наклонения) в современном французском языке, в котором формы этого наклонения зачастую выступают исключительно как показатели синтаксической подчиненности определенного набора предикатов или союзов [Touratier 2000: 167]. Другая аналогия — латинский конъюнктив, многие употребления которого также могли быть обусловлены исключительно зависимым характером клаузы [Ernout, Thomas 1964: 402–406].

Действие маркеров снятой утвердительности, с одной стороны, и «синтаксических» правил, с другой, служит еще одним подтверждением в пользу того, что восточнославянское предбудущее — по крайней мере в письменный период — не представляло собой форму относительного времени (другие аргументы в пользу такой трактовки см.: [Пенькова 2018; Eadem 2019a]). В противном случае такая эволюция была бы труднообъяснима.

⁷ Контекст дизъюнкции учитывался только в главной клаузе, хотя он также зачастую сопровождает контексты условного протасиса.

3.4. Предбудущее и дискурсивные функции

В судных делах Литовской метрики встречается особый тип употребления конструкции *буду* + *л*-причастие, который не был рассмотрен выше и который совсем не похож ни на то, как предбудущее употребляется в древнерусских памятниках, ни на приводимые выше примеры из деловых текстов ВКЛ. В этих контекстах предбудущее не называет ни потенциальное событие, ни реальное нелокализованное действие в прошлом, ни реальное локализованное событие в прошлом в составе зависимой клаузы, а используется для пересказа чужих слов и выражения сомнения, несогласия с утверждением о том, что некоторое событие действительно имело место, т. е. фактически — для передачи ирреальной модальности, ср.:

- (28) И [мы] спытали кончавых людей: што къ таму за отпоръ маеть? И яни [так!] рекли: мы, пановѣ, жадного **есмо** ему кгвалту **не чинили**, кгвалтомъ **есмо** на дворець его **не находили**, а ни замковъ у свирновъ **есмо не отрубавали**... И Скромовский рекъ: естъли **будетъ** вы моцью кгвалтомъ на мой дворець **не находили**, и челеди моее **не перебили**, и замковъ у свирновъ **не поотрубавали**, — тотъ мой дворець стаить при вяликой дарозѣ, а въ тотъ часъ тою дорогою ехали три члвки королевскийи, люди добрыи, тыи лю[ди] тотъ кгваль видели, шлюся тѣперь на тыи люди добрыи. И Кончисъ самъ рекъ тымъ обычаемъ: милый пане Скрамовский! Верю твоему сумненью: естъли **будуть** тые люди мои тотъ кгваль **учинили**, и я тобѣ тыи люди шиими выдаю, а платити тобѣ за нихъ кгвалту не буду — 'и мы допросили людей Кончиса: какое возражение на это имеете? И они сказали: мы, господа, никакого разбоя **не чинили**, разбойного нападения на дворець его **не совершали**, замков у житниц **не сбивали**... И Скромовский сказал: если вы [говорите, что] на мой дворець разбойного нападения **якобы не совершали** и слуг моихъ **якобы не перебили**, и замков у житницъ **якобы не сбивали**, то [я возражу так:] мой дворець стоит у большой дороги, а в то время той дорогой ехали три королевскихъ слуги, знатные люди, те люди тотъ разбой видели, ссылаюсь теперъ на свидетельство техъ людей. И Кончис самъ сказал такимъ образомъ: дорогой пан Скрамовский! Верю твоему сомнению: если [**окажется верным**], что те люди мои **учинили** тотъ разбой, то я тебе выдамъ ихъ головами, а платить тебе за ихъ разбой не буду'.
- (1510 г. № 52 Решение по жалобе боярина Скрамовского на людей боярина Степана Кончиса, которые разграбили дом Скрамовского под предлогомъ розыска данника [РИБ 20: 57]).

Судные дела — уникальный источник, передающий речь участников судебных разбирательств. Можно полагать, что эти тексты приближены к особенностям живого языка изучаемого периода, что позволяет говорить об особой дискурсивной функции, которую может развивать предбудущее.

В приведенном примере рассматривается дело об ограблении. При передаче речи стороны, обвиняемой в грабеже, но не признающей своей вины, используются формы перфекта (*есмо не чинили, есмо не находили...*). Потерпевший же, напротив, подвергает сомнению сказанное обвиняемыми и для того, чтобы подчеркнуть свое сомнение, использует формы предбудущего (*будете не находили, не перебили*), фактически добавляя к л-формам показатель референции к будущему (*буду, будешь* и под.), что и переводит называемую ситуацию в ирреальную.

Такие употребления, в которых предбудущее выражает *дубитативную* семантику, не являются исключительной чертой западнорусской деловой письменности. Они спорадически представлены уже в древнейших церковнославянских памятниках [Пенькова 2018]. Однако наиболее близким к рассматриваемым примерам из судебных дел является уникальный пример из берестяной грамоты № 531, в котором так же, как и в (28), идет речь о судебном разбирательстве и столкновении точек зрения обвиняемой и обвиняющей сторон. И здесь говорящий также «цитирует» своего оппонента, при помощи форм предбудущего маркируя несогласие с цитируемым, ср.:

(29) ѿ ане покло ко кланмѣ брате господнне попецаоун о моемо орудѣ коснатннѣоу... аже ти возомоловн коснатннѣ дала роукоу за затѣ ты же браце господнне моловн емо тако оже боудоу людн на мою сътроу оже боудоу людн прн комо боудоу дала роукоу за затѣ то те а во внне — ‘От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Константином в моем деле... Если же скажет Константин: она **поручилась** за зятя, — то ты, господин братец, скажи ему так: если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком я [**якобы**] **поручилась** за зятя, то вина на мне’ (Берестяная грамота № 531 (1200-1220) [НКРЯ]).

Подробно этот пример рассмотрен в [Пенькова 2019a]. Показательно, что одна и та же ситуация названа в грамоте дважды: один раз с использованием перфекта (*дала роукоу за затѣ*), второй — с использованием предбудущего (*буду дала роукоу за затѣ*). Перфект передает точку зрения Константина, утверждающего, что Анна поручилась за зятя. Автор грамоты (Анна), напротив, дистанцируется от этой точки зрения с помощью перифразы *буду* + л-причастие (‘якобы поручилась’). Ровно такое же столкновение точек зрения и противопоставление форм перфекта и предбудущего имеет место в рассмотренном выше контексте (28) из Литовской метрики.

В ранних древнерусских памятниках такие дубитативные употребления предбудущего встречаются в количестве, сопоставимом со статистической погрешностью (фактически в оригинальных текстах зафиксирован только один такой пример), а в старовеликорусской

деловой письменности, в том числе при передаче свидетельских показаний в записи судных дел, не встречаются вовсе. Напротив, в западно-русских судных делах они приобретают характер довольно устойчивых дискурсивных формул: только в исследованных нами 385 документах (Первая книга судных дел) обнаружено более таких 20 примеров (механизм развития таких дискурсивных формул описан в [Пенькова 2020b]). Приведем еще один подобный пример:

- (30) И я ихъ *нашолъ* въ томъ правыхъ, и въ книги земски[и] то записано. И тотъ Михаль мовиль передъ нами: тому права не вчинилъ еси мнѣ съ тыми людьми, перевелъ ми тое право. И панъ Рачко мовиль передъ нами: естли дей *буду* тебѣ съ тыми людьми **не судилъ** и ихъ въ томъ правыхъ **не нашолъ**, шлюся до книгъ — ‘И я их признал в том правыми, и в книги земские это записано. И тот Михаил сказал в нашем присутствии: «Ты меня с теми людьми не судил, передал мне то право». И пан Рачко сказал в нашем присутствии: если [ты утверждаешь, что] я тебя с теми людьми **не судил** и **не признал** их правыми, то я [возражу тебе тем, что] сошлюсь на записи в книгах’ (1510–1517 гг. № 142 Две жалобы Михаила Галшовского земскому маршалку на неправильные действия Бельского судьи Юрия Рачка [РИБ 20:185]).

Предбудущее с такой дубитативной стратегией встречается в других языках Европы, однако представляет в них довольно редкое явление [Пенькова 2019b], ср. приводимый в работе [Шендельс 1970] пример из немецкого языка с таким же соответствием перфект (курсив) — предбудущее (полужирный) при «цитировании»:

- (31) — Wo bist du gestern *hingegangen* — Wo **werde** ich **hingegangen sein**? Nach Hause gegangen bin ich. ‘— Куда ты вчера *пошел*? — Куда я **мог пойти**? Домой я пошел’.

Показательно, что все *дубитативные* формулы в грамотах ВКЛ встречаются исключительно в контексте с условным союзом, хотя при этом связь между клаузами, соединенными условным союзом, не является условно-следственной. Такие употребления условных предложений представляют собой своего рода косвенные речевые акты на определенном этапе конвенционализации и прагматикализации — закрепления их в функции косвенного речевого акта, опровергающего высказываемое оппонентом или приписываемое ему, «отменяющего» утверждаемое оппонентом (о понятии прагматикализации как превращении в маркер речевого акта см.: [Diewald 2011]). В чем-то такое развитие близко описанному в [Петрухин 2013] перформативному употреблению сверхсложного прошедшего в западнорусских грамотах, которое тоже «отменяет», аннулирует, однако не свидетельство оппонента, а нечто, установленное более ранним актом.

4. Выводы и перспективы

Материал деловых документов ВКЛ дает возможность сделать сразу несколько важных обобщений, касающихся истории форм предбудущего времени в восточнославянских языках и письменности. Во-первых, предбудущее в западнорусском деловом языке XIV–XVI вв. представляло собой конструкцию, употребление которой определялось совокупностью нескольких факторов: *эпистемической модальностью*, требующей маркеров снятой утвердительности; *нелокализованностью* события (итеративным, экспериенциальным значением, ситуацией-обобщением), а также *синтаксическими* правилами (зависимым характером клаузы). Эти факторы могли действовать как одновременно, так и по отдельности. Признать конструкцию, употребление которой определяется перечисленными факторами, *предположительным наклонением* мешает только то, что она не обладала свойствами грамматической обязательности.

Во-вторых, западнорусский язык является единственным среди славянских языков, а возможно, и единственным среди языков Европы (о предбудущем вне европейского континента, к сожалению, пока известно чрезвычайно мало), в котором предбудущее широко встречается в дубитативных контекстах. В других славянских и в целом европейских языках подобные употребления маргинальны.

Литература

Бандрівський 1960

Бандрівський Д., *Говірки Підбузького району Львівської області*, Київ, 1960.

Бевзенко 1960

Бевзенко С. П., *Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору)*, Ужгород, 1960.

Булыка et al. 1988

Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І., Свяжынскі У. М., *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск, 1988.

Жилко 1955

Жилко Ф. Т., *Нариси з діалектології української мови*, Київ, 1955.

Жовтобрюх et al. 1980

Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І., *Історична граматики української мови*, Київ, 1980.

Ипат. лет.

Ипатьевская летопись, изд. 2-е, *Полное собрание русских летописей*, 2, С.-Петербург, 1908.

Кузьмина, Немченко 1971

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., *Синтаксис причастных форм в русских говорах*, Москва, 1971.

Литовский Статут 1588

Статут Великого княжества Литовского 1588 года, подг. О. В. Лицкевич, Минск, 2002–2003 (<http://starbel.by/statut/statut1588.html>).

Мозер 2002

Мозер М., Что такое «простая мова»? *Studia Slavica Hungarica*, 47/3–4, 2002, 3–4, 221–260.

Мякишев 2008

Мякишев В. П., *Язык Литовского статута 1588 г.*, Kraków, 2008.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorgpora.ru>; последнее обращение: 13.06.2020).

НПЛК

Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку, *Полное собрание русских летописей*, 3, *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, 2000.

Огиенко 1930

Огиенко І., *Українська літературна мова XVI ст. и український Крехівський Апостол*, 1–2, Варшава, 1930.

Падучева 2015

Падучева Е. В. Нереперентные местоимения на -нибудь. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва, 2015.

— 2018

Падучева Е. В., Снятая утвердительность и неверидикативность, В. П. Селегей et al., ред., *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.)*, 17 (24), Москва, 2018, 533–546.

Пенькова 2010

Пенькова Я. А., *Будеть как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков), Вопросы русского языкознания*, 13: *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой*, Москва, 2010, 208–215.

— 2012

Пенькова Я. А., Фinitные образования от основы буд- в языке памятников русской письменности XII – первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис) (Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, Москва, 2012).

— 2014

Пенькова Я. А., К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»), *Русский язык в научном освещении*, 1 (27), 2014, 150–184.

— 2017

Пенькова Я. А., К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции, *Die Welt Der Slaven. Internationale Halbjahresschrift*, 62/2, 2017, 247–276.

— 2018

Пенькова Я. А., Славянское предбудущее и его греческие соответствия в переводных древнецерковнославянских памятниках, *Русский язык в научном освещении*, 2 (36), 2018, 7–35.

— 2019a

Пенькова Я. А., Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение?, *Russian linguistics*, 43/1, 2019, 65–78.

——— 2019b

Пенькова Я. А., Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего: анкетирование и корпусные данные, *Вопросы языкознания*, 6, 2019, 7–31.

——— 2019c

Пенькова Я. А., Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности, *Slavistična revija*, 4(67), 2019, 569–586.

——— 2020a

Пенькова Я. А., Предбудущее и вид глагола в восточнославянской письменности XV–XVII вв. на фоне влияния польского языка, Е. В. Головкин, Е. В. Горбова, П. А. Кочаров, ред., *Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года)*, С.-Петербург, 2020, 304–314.

——— 2020b

Пенькова Я. А., Между грамматикой и прагматикой: дубитативное предбудущее в западнорусских грамотах XVI в., А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева, ред., *Вопросы языкознания: мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна*, Москва, 2020, 504–409.

Пересоп. ев.

Чепіга І. П., Гнатенко Л. А., *Пересопницьке Євангеліє 1556–1561. Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик*, Київ, 2001.

Петрухин 2013

Петрухин П. В., К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1, 2013, 74–98.

Пешак 1974

Пешак М. М., *Грамоти XIV ст.*, Київ, 1974.

Плунгян, Урманчиева 2017

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies*, 6, 2017, 2, 13–56.

РИБ 20

Русская историческая библиотека, 20, Литовская метрика, 1, Петербург, 1903.

Русанівський 1965

Русанівський В. М., *Українські грамоти XV ст.*, Київ, 1965.

——— 1971

Русанівський В. М., *Структура українського дієслова*, Київ, 1971.

Смирнова 2011

Смирнова Е. А., «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского) (диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, Москва, 2011).

Хорошкевич et al. 2015

Хорошкевич А. Л., ред., Полехов С. В., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.*, 2, Москва, 2015.

Шевелева 2008

Шевелева М. Н., О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола быти в русском языке, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 6, 2008, 34–57.

——— 2016

Шевелева М. Н., К истории грамматической семантики форм типа хаживал, бивал, бирал в русском языке, *Русский язык в научном освещении*, 2 (32), 2016, 71–90.

Шендельс 1970

Шендельс Е. И. *Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)*. Москва, 1970.

Юрковский 1991

Юрковский М., *Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв.*, Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич, ред., *Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*, Москва, 1991, 101–113.

Янкоўскі 1983

Янкоўскі Ф., *Гістарычная граматыка беларускай мовы*, Мінск, 1983.

Andersen 2006

Andersen H., The last days of the Russian future perfect, H. L. Andersen, M. Birkelund, M.-B. Mosegaard Hansen, eds., *La linguistique au coeur. Valence verbale, grammaticalisation et corpus: Mélanges offerts à Lene Schøsler à l'occasion de son 60e anniversaire*, Odense, 2006, 149–160.

Diewald 2011

Diewald G., Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions, *Linguistics*, 49, 2011, 2, 365–390.

Ernout, Thomas 1964

Ernout A., Thomas Fr., *Syntaxe latine*, Paris, 1964.

Klein 1994

Klein W., *Time in Language*, London, New York, 1994.

Reichenbach 1947

Reichenbach H., *Elements of Symbolic Logic*, New York, 1947.

Stang 1935

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

——— 1939

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

Touratier 2000

Touratier C., *Le système verbal français*, Paris, 2000.

References

Andersen H., The last days of the Russian future perfect, H. L. Andersen, M. Birkelund, M.-B. Mosegaard Hansen, eds., *La linguistique au Coeur. Valence verbale, grammaticalisation et corpus: Mélanges offerts à Lene Schøsler à l'occasion de son 60e anniversaire*, Odense, 2006, 149–160.

Bandrivsky D., *Hovirky Pidbuz'koho raionu L'vivs'koï oblasti*, Kiev, 1960.

Bevzenko S. P., *Istorychna morfolohiia ukrains'koï mowy (Narys iz slovozhyny ta slovotvoru)*, Uzhgorod, 1960.

Bulyko A. M., Zhuraŭski A. I., Kramko I. I., Sviazhynski U. M., *Mova belaruskai pis'mennastsy XIV–XVIII stst*, Minsk, 1988.

Chepiha I. P., Hnatenko L. A., *Peresopnyts'ke Ievanheliie 1556–1561. Doslidzhennia. Transliterovanyi tekst. Slovopokazhchyk*, Kiev, 2001.

Ernout A., Thomas Fr., *Syntaxe latine*, Paris, 1964.

Yankousky F., *Histrychnaia hramatyka belaruskai mowy*, Minsk, 1983.

Khoroshkevich A. L., Polekhov S. V., Voronin V. A., Grusha A. I., Zhlutko A. A., Squires E. R., Tiul'pin A. G., eds., *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v., 2*, Moscow, 2015.

Klein W., *Time in Language*, London, New York, 1994.

Kuzmina I. B., Nemchenko E. V., *Sintaksis prychaynykh form v russkikh govorakh*, Moscow, 1971.

Miakiszew W. P., *Iazyk Litovskogo statuta 1588 g.*, Kraków, 2008.

Moser M., Chto takoe «prostaia mova»? *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica*, 47/3–4, 2002, 221–260.

Ohyienko I., *Ukrains'ka literaturna mova XVI st. y ukrains'kyi Krekhivs'kyi Apostol*, 1–2, Warsaw, 1930.

Paducheva E. V., Suspended Assertion and Non-veridicality, V. P. Seleguey et al., eds., *Computational*

Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialog" 2018 z., 17 (24), Moscow, 2018, 533–546.

Penkova Y. A., Imu, uchnu, stanu, budu: A Corpus-Based Study of Periphrastic Future Constructions in Middle Russian, *Slavistična revija*, 4(67), 2019, 569–586.

Penkova Y. A., *Budet' kak istochnik formirovaniia sluzhebnykh slov (na materiale delovykh pamiatnikov XII–XV vekov)*, *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 13: *Fonetika i grammatika: nastoiashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti Sofii Konstantinovny Pozharitskoi*, Moscow, 2010, 208–215.

Penkova Y. A., Future Anterior and Aspect in the XVth–XVIIth Century East Slavic Writing on The Background of Polish Influence, E. V. Golovko, E. V. Gorbova, P. A. Kocharov, eds., *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriiami. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maia 2020 goda)*, St. Petersburg, 2020, 304–314.

Penkova Y. A., K istorii slavianskogo vtorogo budushchego: puti semanticheskoi evoliutsii, *Die Welt Der Slaven. Internationale Halbjahresschrift*, 62/2, 2017, 247–276.

Penkova Y. A., Mezhdru grammatikoi i pragmatikoi: dubitativnoe predbudushchee v zapadnorusskikh gramotakh XVI v., *VAProsy iazykoznanii: megasbornik nanostatei. Sbornik statei k iubileiu V. A. Plungiana*, Moscow, 2020, 504–409.

Penkova Y. A., Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 6, 2019, 7–31.

Penkova Y. A., The future anterior in the Old Novgorod dialect: a tense or a mood?, *Russian linguistics*, 43/1, 2019, 65–78.

Penkova Y. A., The Slavic Future Anterior and Its Greek Correspondences in Translated Medieval

Church Slavonic Monuments, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (36), 2018, 7–35.

Penkova Y. A., Towards the Problem of the So-Called "Compound Future II" Semantics in the Old Russian Language (On the Material of the Life of St. Andrew the Fool), *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (27), 2014, 150–184.

Peshchak M. M., ed., *Hramoty XIV st.*, Kiev, 1974.

Petrukhin P. V., K pragmatike sverkslozhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavianskoi pis'mennosti, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1, 2013, 74–98.

Reichenbach H., *Elements of Symbolic Logic*, New York, 1947.

Rusanivskiy V. M., ed., *Ukrains'ki hramoty XV st.*, Kiev, 1965.

Rusanivskiy V. M., *Struktura ukrains'koho diieslova*, Kiev, 1971.

Sheveleva M. N., O sud'be drevnerusskikh konstruktii s nezavisimymi formami glagola byti v russkom iazyke, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 2008, 34–57.

Sheveleva M. N., Upon the history of the grammatical semantics of verbal forms like khazhival, bival, biral in Russian, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (32), 2016, 71–90.

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

Touratier C., *Le système verbal français*, Paris, 2000.

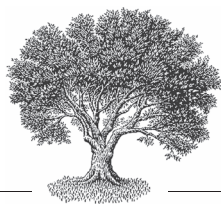
Yurkovsky M., Slozhnoe budushchee vremia v ukrainskom iazyke XIV–XV vv., G. A. Khaburgaev, A. Bartoshevich, eds., *Issledovaniia po glagolu v slavianskikh iazykakh: Istoriia slavianskogo glagola*, Moscow, 1991, 101–113.

Zhilko F. T., *Narys z dialektolohii ukrains'koi movy*, Kiev, 1955.

Zhovtobryukh M. A., Volokh O. T., Samiilenko S. P., Slynko I. I., *Istorychna hramatyka ukrains'koi movy*, Kiev, 1980.

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Москва, 119019, Волхонка 18/2 Россия / Russia amoena@inbox.ru

Received June 26, 2020

**Н. С. Лесков о
риторике ханжества:
цикл «Заметки
неизвестного»**

**Nikolai Leskov on
Sanctimonious
Rhetoric: The *Notes
of the Unknown Series***

**Майя Александровна
Кучерская**

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Maya A. Kucherskaya

National Research University Higher
School of Economics

**Александр Львович
Лифшиц**

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Aleksandr L. Lifshits

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Н. С. Лесков известен своей любовью к языковой игре, каламбурам, редко употребляемым словам и словотворчеству — все это он обычно использует как материал для конструирования образа рассказчика. В связи с этим особый интерес представляет одно из самых малоизученных его сочинений, «Заметки неизвестного» (1884) — собрание коротких анекдотов, преимущественно из жизни духовенства. В этом цикле Лесков не просто имитирует чужую речь, он обнажает ханжество рассказчика и превращает его церковную риторику в объект пародии, цель которой — указать на необходимость перехода от государственного православия к «духовному христианству» и оживления омертвевшего слова.

Цитирование: Кучерская М. А., Лифшиц А. Л. Н. С. Лесков о риторике ханжества: цикл «Заметки неизвестного» // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 192–209.

Citation: Kucherskaya M. A., Lifshits A. L. (2020) Nikolai Leskov on Sanctimonious Rhetoric: *The Notes of the Unknown Series*, *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 192–209.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.10

Ключевые слова

Лесков, риторика, благочестие, пародия, живое слово

Abstract

Nikolai Leskov is known for his love of language game, puns, rarely used words and word creation — he usually employs all these tactics for constructing a narrator's image. One of his most poorly studied works is of particular interest in this regard. *Notes of the Unknown* (1884) is a collection of short anecdotes, mainly from the life of the clergy. In this particular series, Leskov, while imitating someone else's speech, also bares the narrator's hypocrisy and turns his clerical rhetoric into an object of parody, the purpose of which is to indicate the need for the transition from state Orthodoxy to "spiritual Christianity" and for the revitalization of a dead word.

Keywords

Leskov, piety, rhetoric, parody, living word

1. Введение

В знаменитой статье «Чрезмерный писатель» (1931), приуроченной к столетию Н. С. Лескова, Б. М. Эйхенбаум писал:

Его филологизм весь целиком шел на потребу художеству; его отношение к слову и к языку было насквозь артистическим. Он работает на деталях синтаксиса и лексики; он вглядывается в оттенки каждого слова; у него особый словесный слух или словесное зрение. Он не столько живописец, сколько мозаист, собирающий и складывающий слова так, что получается иллюзия живой речи, иллюзия голоса и даже иллюзия лица [Эйхенбаум 1969: 327].

Начиная с Эйхенбаума, первым заговорившего о «мастерстве языка» и «художественном филологизме» Лескова, и вплоть до новейших работ¹ языковая эксцентричность писателя, его стратегии создания иллюзии устной речи, стилистические и лексические особенности его прозы остаются излюбленными темами для исследователей.

Если верить воспоминаниям младшего современника писателя А. И. Фаресова, Лесков и сам вполне отчетливо сформулировал свою писательскую программу. Отвечая на упрёки в излишней языковой манерности повести «Полунощники» (1891), которая и в самом деле переполнена неологизмами, изобретенными по методу, освоенному еще в «Левше»², Лесков говорил следующее:

¹ Назовем только несколько работ: [Виноградов 1961; Майорова 1981; Eekman 1986: 293–306; Grimstad 2007; Леденёва 2015].

² В повести «Полунощники» мы найдем многочисленные контаминации слов («керамида», «рубкопашня», «фимиазмы»), которые соседствуют с народной этимологией («клюко» вместо «клик», «политический компот» вместо «комплот»), и т. д.

Постановка голоса у писателя заключается в умение овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с альтов на басы. В себе я старался развивать это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скоморохи — с выкрутасами и т. д. [...] Меня упрекают за этот «манерный» язык, особенно в «Полунощниках». Да разве у нас мало манерных людей? Вся quasi-ученая литература пишет свои ученые статьи этим варварским языком. Почитайте-ка философские статьи наших публицистов и ученых. Что же удивительного, что на нем разговаривает у меня какая-то мешанка в «Полунощниках»? У ней, по крайней мере, язык веселей, смешней... Вот и ругают меня за него, потому что сами не умеют так писать. Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях. Поработайте-ка над этим языком столько лет, как я. [...] Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному. Усвоить литератору обывательский язык и его живую речь труднее, чем книжный. Вот почему у нас мало художников слога, т. е. владеющих живою, а не литературной речью [Фаресов 2018: 153].

Давно уже признано, что это говорение героев «по-своему», «иллюзия живой речи» (Эйхенбаум), или сказ, и стало одним из главных художественных достижений Лескова. Постоянно экспериментируя с устной и письменной речью, Лесков создал длинную галерею выразительных речевых портретов нарраторов, принадлежащих разным сословиям, различного уровня образования и рода занятий, от «чиновника особых поручений» («Язвительный») и «кружевницы» («Воительница») до старого моряка («Бесстыдник») и старого оружейника («Левша»), от протопопа Савелия Туберозова («Соборяне») и «престарелого архиерея» в «На краю света» до мешанки Марьи Мартыновны в «Полунощниках» и станового Оноприя Перегуда в «Заячьем ремизе», других многочисленных безымянных рассказчиков, чью сословную принадлежность и кругозор также можно реконструировать («Леди Макбет Мценского уезда», «Жемчужное ожерелье», «Тупейный художник», «Совместители» и т. д.).

К этому же ряду произведений принадлежит цикл «Заметки неизвестного» (1884). На первый взгляд, в этом собрании историй и анекдотов Лесков тоже конструирует особый тип сознания рассказчика, в данном случае — как будет показано ниже — имеющего непосредственное отношение к духовной среде. Не исключено, что именно поэтому данный текст практически не привлекал внимания исследователей. Иные тексты, в которых Лесков касается жизни духовного сословия и его окружения, художественно более убедительны, а «Заметки неизвестного»,

с одной стороны, прочитываются как еще один сказ Лескова, который мало что добавляет к его любовным или негодующим описаниям духовенства, а с другой — рассказы эти все же касаются тем и предметов, непопулярных в советском, а по инерции и в постсоветском литературоведении.

Между тем в «Заметках неизвестного» Лесков не просто имитирует чужую речь. При несомненном сходстве приемов он использует ее как материал для гораздо более сложного и сильного высказывания и, как кажется, демонстрирует иную, ранее не описанную писательскую стратегию.

2. Кто такой «неизвестный»?

Цикл «Заметки неизвестного» печатался в «Газете А. Гатцука» с начала января до конца апреля 1884 г., пока, из-за претензий цензуры, публикация не была прекращена. Всего Лесков успел опубликовать 19 рассказов³.

В отзыве цензора утверждалось, что автор «Заметок неизвестного» «глумится над православным духовенством, как черным, так и белым, представляя его развитие, жизнь и деятельность в самом непривлекательном виде» [Зайончковский 1970: 295]⁴.

«Заметки неизвестного» открываются сообщением публикатора о том, что перед читателем текст рукописи, составленной «неизвестным летописцем»:

В последнюю мою побывку в Москве знакомый букинист от Сухаревой башни доставил мне на просмотр несколько старых рукописей, в числе коих находилась и та, которую я нынче представляю вниманию читателей. Она была в старинном корешке, с оклеенными синею бумагою полями и не имела ни подписи, ни заглавия, также лишена была многих страниц с начала и в конце. Но, однако, и то, что в ней уцелело, на мой взгляд представляет немалый интерес как безыскусственное изображение событий, интересовавших в свое время какой-то, по-видимому, весьма distinguished, оригинальный и серьезно настроенный общественный кружок. Засим я предлагаю в подлиннике заметки неизвестного летописца в том порядке и под теми же

³ Уже после смерти Лескова еще три рассказа из цикла «Заметки неизвестного» опубликовал его сын, А. Н. Лесков, в 1917 и 1918 гг. в журнале «Нива», они вошли в седьмой том 11-томного собрания сочинений. Наконец, еще четыре новых рассказа, из них лишь два законченные, были напечатаны в 1997 г. в «Литературном наследстве». Таким образом, всего на сегодняшний день мы имеем 26 законченных рассказов цикла [Шестериков, Старыгина 1997: 246–247].

⁴ Подробнее историю публикации см. в комментариях к тексту В. Я. Бухштаба [Лесков 1958: 551]. Ср. также: [Письмо]. Автор письма, написанного в апреле 1884 г., обличает редактора Гатцука в том, что, публикуя «Заметки» Лескова, он распространяет «ложь и клевету» [Письмо, л. 2] на духовенство.

самыми частными заглавиями, под какими они записаны в полууничтоженной рукописи [Лесков 1956–1958, 7: 322]⁵.

Представление «Заметок неизвестного» в качестве текста рукописной книги без начала и конца, раздобытой у московского букиниста, носит принципиальный характер. Указание на утрату начала и конца — не просто характерная особенность многих бывших в употреблении книг, о чем Лесков как коллекционер старинных изданий, рукописных в том числе, конечно, знал⁶. В «Заметках неизвестного» эта деталь описания создает эффект достоверности открытой композиции повествования. Череда историй может быть легко дополнена или прервана без ущерба для цельности текста, что цензурное запрещение как раз и подтвердило, нимало не навредив сочинению.

Кроме того, ссылка на рукопись отсылает читателя к традиции романтических произведений (в отечественной словесности — от «Повестей Белкина» А. С. Пушкина и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова до «Монастырки» Антония Погорельского или «Странника» А. Ф. Вельтмана), где случайно уцелевшие записки или письма оказываются единственным свидетельством прежде случившейся истории, а их обнаружение служит триггером захватывающих событий или хотя бы началом повествования.

«Заметки», из которых состоит сочинение, — это бытовые анекдоты, объединенные общей тематикой и фигурой рассказчика, того самого «неизвестного летописца», который, по замыслу автора, записывал представленные на суд публики рассказы и о котором не сказано ничего, но чей речевой образ тщательно вырисован Лесковым.

Тематически почти все входящие в цикл истории, как уже сказано, связаны с церковным бытом. В большинстве из них действуют представители духовенства — священники и монахи, среди которых есть и приходской священник, и послушник, и иеродьякон, и архиерей. О тесной связи летописца с духовной средой свидетельствуют и языковые — лексические и отдельные грамматические — особенности «Заметок»⁷.

Лесковский «летописец» постоянно использует «признаки книжности», которые в данном случае маркируют принадлежность «Заметок

⁵ Далее при ссылках на это издание указываем в круглых скобках СС, номер тома и номер страницы. Текст приведен в соответствии с орфографией и синтаксисом этой публикации.

⁶ См., например: [Фаресов 2018: 142]. Вероятно, речь идет о реальной имевшейся у Н. С. Лескова рукописи Ф. Ф. Исмаилова (1797–1863), писателя, мемуариста, некоторое время служившего секретарем канцелярии Святейшего Синода; см.: [Исмаилов].

⁷ Лингвистический анализ произведения выходит за рамки данной статьи.

неизвестного» к связанному с духовной средой и славянской книжностью дискурсу. Это лексические славянизмы: «втуне», «аще», «яже», «яко», «иже», «сей», «поелику», «ничтоже», «наипаче», а также морфологические и грамматические церковнославянские формы («нози» вместо «ноги», «слыша» вместо «услышав», «дражае» вместо «дороже», «господеви» вместо «господу», аорист «поча» вместо «начал» и т. д.).

Истории, рассказанные неведомым летописцем, отличаются усложненным и намеренно архаизированным синтаксисом: в тексте регулярно встречаются инверсии, многие предложения включают несколько периодов⁸, что отсылает к церковно-учительным текстам, большая часть из которых продолжала существовать на церковнославянском языке.

Очевидно, что церковнославянский, язык православного богослужения, для рассказчика — привычная языковая среда, принадлежность к которой он постоянно подчеркивает. Замечательно, однако, что при избытке церковно-славянской лексики здесь практически отсутствуют латинские слова и выражения, которые выглядели бы вполне органично в речи выпускника семинарии [Кислова 2015: 315–330], исключение составляет только появившийся в одной из историй «иностранный проповедник» (проповедник) и «предикация» («проповедь»). Нет здесь и семинарского жаргона [Зеленин 1905; Добродомов 2013], хотя справедливости ради отметим, что и в других своих текстах о духовенстве Лесков прибегал к нему достаточно редко.

Создаваемый Лесковым нарратор относительно свободно ориентируется в Священном Писании и богослужебных текстах, регулярно ссылается или прямо цитирует их. Приведем только несколько примеров: «Священник, виде, яко ничтоже успевае, но наипаче молва бывает [...]»⁹ (СС, 7, 385); «[...] и будет тогда последняя вещь горше первые»¹⁰ [Ibid.]; «Все слушать, а хорошего держаться»¹¹ (СС, 7, 366); «[...] да тихое

⁸ Ср. «Отец Павел, имев двух дочерей, дабы не быть вынуждену передавать за ними зятям места, рано преднамерил этих девиц просветить к светскому званию; и он, быв законоучителем в благородном институте, то и ту и другую из них там бесплатно воспитывал, а когда их срок учения там вышел, то он их взял в дом, купил фортепьяно и пошил к лицу им шедшие уборы, и через их образование и свою предусмотрительную ловкость и заманчивые, но неясные в загадочных словах обещания, обеих их без приданого замуж выдал — одну за столоначальника в дворянском собрании, а другую за помещика, который имел много волнистых и тучных овец и этим в губернии славился» (СС, 7, 361–362).

⁹ Мф. 27: 24. Фрагмент читается в Великий четверг.

¹⁰ Лк. 11: 26 или Мф. 12: 45. Евангелие в обоих случаях повествует о бесах, возвращающихся в человека.

¹¹ 1 Фесс. 5: 21. Текст читается также во время Елеосвящения.

житие проживем во всяком благочестии»¹² (СС, 7, 335); «Да не молва будет в людех»¹³ [Ibid.]; «[...] его же любляше»¹⁴ (СС, 7, 342) и т. д.

По преимуществу это тексты и фрагменты, которые бывают на слуху у всякого посетителя основных служб церковного года, из чего никак нельзя сделать вывод о сколько-нибудь глубоком знании рассказчиком Священного Писания; вероятно, и обширным духовным образованием, по мысли Лескова, «летописец» не обладает.

Вместе с тем этот рассказчик, подобно средневековому книжнику, отыскивающему новозаветный прообраз для любых происходящих событий, подбирает евангельские параллели к событиям, происходящим с персонажами его историй. Например, в рассказе «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений» он ссылаясь на притчу о добром самаритянине¹⁵: дьякона, отправившегося играть в бильярд в Страстную пятницу и избитого игроками, он сравнивает с «впавшим в разбойники», т. е. с ограбленным разбойниками человеком, а частного пристава, который взялся отвезти дьякона в монастырь, — с «истинным самарянином» (СС, 7, 352). В рассказе «Случай воскресения купца Лазаря» главный герой, купец-фальшивомонетчик Лазарь Ильич, спасаясь от неизбежного ареста, инсценировал свою смерть, а когда опасность миновала, «воскрес» подобно евангельскому Лазарю [Шестериков, Старыгина 1997: 254–255].

Итак, церковнославянский язык и Священное Писание, ограничивающееся новозаветными текстами, читаемыми на богослужениях, — основа культурного багажа «неизвестного». Как кажется, это убедительно свидетельствует в пользу того, что рассказчик если и принадлежит к церковной среде, то едва ли к духовному сословию. Его знания церковного быта, Священного Писания несомненны и все же достаточно поверхностны, анекдотических историй, связанных с богослужением (чтением молитв вслух, молебнами, литургией), кажется, неизбежных для представителя духовенства, вершащего службу, в «Заметках неизвестного» нет. Вероятнее всего, перед нами мирянин, имеющий специальный интерес к духовной тематике. Таким мог быть, например, мелкий чиновник канцелярии Духовной консистории неизвестной епархии, о жизни которой рассказчик, насколько можно судить по первому анекдоту цикла, весьма осведомлен.

¹² Это фрагмент сугубой ектеньи, молитвы, отсылающей нас к посланию Тимофея (1 Тим 2: 2), но, главное, повторяющейся из службы в службу.

¹³ Мф 26: 5. Фрагмент входит в евангельское чтение в четверг Страстной недели.

¹⁴ Ин 21: 7. Фрагмент из 10-го «утреннего» воскресного Евангелия.

¹⁵ Лк 10: 25–37.

3. Правда, ложь и острое слово

«Заметки неизвестного» открываются анекдотом «Искусный ответчик» о некоем «секретаре», который, по слухам, дает делам ход, только получив с посетителей взятку, так что за время службы он уже успел приобрести «пять домов и шесть дач». На неприятные вопросы ново-прибывшего начальника секретарь, «[...] оком не моргнув, отвечал, что все это чистая клевета, и страшною клятвою именем Божиим поклялся» (СС, 7, 323), а затем указал на жену, которая и была, по его словам, источник его доходов, но откуда она брала деньги, жена не сознавалась. «Так: я ее спрошу: “откуда ты, душко мое, деньги берешь?” А она только покраснеет, но ничего не скажет» (СС, 7, 323). Начальник признал, что секретарь — «искусный ответчик», и оставил его на месте.

Иными словами, секретарь выкручивается, по сути, объявив жену особой, весьма свободных жизненных правил, получающей средства от своих любовников. Ценой этой очевидной лжи, которую, однако, невозможно изобличить, он и остается на прибыльном месте.

Не похоже, что речь здесь идет о коллежском или губернском секретаре — чиновниках десятого или же двенадцатого класса, — этот чин вряд ли позволил бы им увеличить благосостояние до таких пределов. Речь, конечно же, о *должности* секретаря, а учитывая общий контекст цикла, можно предположить, что о должности секретаря Духовной консистории, который, имея двойное подчинение, епархиальному архиерею и обер-прокурору Синода, осуществлял руководство всем делопроизводством епархиального ведомства [Лесков 1989, 6, 450–480].

Имя Божие для секретаря ничего не значит, он легко клянется им, называя истину клеветой, а очевидно лживое указание на поведение жены выдавая за правду. Слово оказывается для героя удобным инструментом, помогающим решить свои задачи.

Анекдот «Искусный ответчик» выглядит прологом ко всему циклу, ведь «искусными ответчиками» в той или иной степени оказываются многие герои «Заметок неизвестного». Ловкие ответы, морализаторские объяснения, толкующие описанные события с точностью до наоборот, очевидно, и есть главная отрада «неизвестного летописца». Все его истории сводятся к разного рода языковым фокусам, словесной эквилибристике, «искусным ответам» в пикантных и сложных ситуациях.

Одним из носителей умения ответить остро оказывается сквозной персонаж цикла, отец Павел. Как сообщает рассказчик, отец Павел отличается «гордыней» и «острою юморысткой» — словосочетание, которое, с одной стороны, мотивирует многочисленные каламбуры и языковые шутки этого героя, с другой — маркированной фонетикой отсылает читателя к малороссийской орфоэпической традиции. И все

без исключения рассказы, в которых действует отец Павел, неизменно построены на языковой игре и двусмысленностях.

Например, в рассказе «О новом золоте» отец Павел смущает священника, получившего золотой крест, говоря, что тот сделан из «нового золота», т. е. из сплава, имитирующего золото. Но перед благочинным отец Павел утверждает, что речь шла о том, что крест сделан из золота, не бывшего в переплавке (СС, 7, 368).

Аналогичным образом в рассказе «Счастливому остроумию и непозволительная вольность прощается» отец Павел сообщает архиерею о любвеобильном регенте, который «[...] свою чистую и святую главу к женским персям склонял и устами припадал» (СС, 7, 354), т. е. ходил на любовные свидания. Увидев, что владыка гневается и не верит в его донос, он немедленно уточняет, что имел в виду материнскую грудь, а вовсе не то, о чем изволил подумать владыка.

И еще в одном рассказе — «Стойкость, до конца выдержанная, обзоруживает и спасает» — отец Павел выигрывает словесную дуэль с помещиком также благодаря неожиданному развороту перепалки в новую смысловую плоскость и намеренно допущенной двусмысленности (СС, 7, 362–363).

Очевидно, для реализации замысла Лескову был необходим именно такой умело жонглирующий словом персонаж.

4. Сюжетообразующая функция слова

Итак, каламбуры и словесная игра — не просто важная стилистическая особенность «Заметок». В большинстве историй цикла вокруг словесной игры и каламбуров строится сюжет. Произнесенные или написанные слова (или же, напротив, их значимое отсутствие) становятся кульминацией рассказов. Нарочитое слово присутствует в каждом из анекдотов, начиная с их заглавия. Со словом в каждом рассказе что-то случается.

Варианты разнообразны; обозначим некоторые из них.

Намеренная бессмыслица

Заглавия многих рассказов представляют собой синтаксические конструкции, смысл которых не вдруг становится ясен, например: «Женское стремление к пониманию причиняет напрасные беспокойства», «О вреде чтения светских книг, бываемом для многих», «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений», «Счастливому остроумию и непозволительная вольность прощается» и т. д. Чтобы разобраться, о чем здесь идет речь, необходимо несколько раз перечитать эти заголовки. В ряде случаев и это не помогает. Что должен

понять читатель из такого названия рассказа: «Преусиленное стеснение в темное время противное производит»?

Очень похоже, что перед нами намеренное затемнение смысла сказанного, достигаемое усложненным и непрозрачным синтаксисом, а иногда — глубокомысленная бессмыслица. Лесков очевидным образом пародирует здесь подобную манеру выражаться.

Буквализация метафоры

Рассказ «Излишняя материнская нежность» построен на языковой шутке отца Павла, который играет буквальным и переносным значениями слова «осел». Отец Павел узнает от своей прихожанки, что у ее сына, молодого человека по имени Игнаша, расстроился сон. Выясняется, что произошло это после встречи Игнаши с «московской акушерницей», «бабой-галандкой», которая отчаянно заигрывала с ним на постоялом дворе. Юноша не понял, что она имела в виду, но спать стал беспокойно. Отец Павел рекомендует любящей матери накормить сына пудом свежего сена, а на ее недоуменный вопрос отвечает, что сын ее «осёл преизрядный». Здесь рассказчик смеется и над недалекостью Игнаши, и над слепотой его матери, а одновременно восхищается безжалостной шуткой отца Павла, высмеявшего и мать, и сына (СС, 7, 333).

Впрочем, любовь к буквализации метарфор отзывалась отцу Павлу довольно горько — в рассказе «Преусиленное стеснение в темное время противное производит», представляющем собой образчик грубоватого бурсацкого юмора, обыгрывается буквальное понимание приказа отца Павла «глупорожденным» причетником Порфирием. Он следовал за отцом Павлом, как и было велено, *не отступая ни на шаг*, что и привело к самым неприятным для священника последствиям — Порфирий сплевывал «ощущаемую на душе горесть» в спину отцу Павлу, на его шубу (СС, 7, 380).

Действенное слово

В рассказе «Как нехорошо осуждать слабости» слово заставляет очнуться упившегося вином священника. Отец Иван от множества свалившихся на него невзгод «стал искать забвения своего горя в вине» и однажды по пути из трактира домой упал. Но в ответ на то, что его вслух признали и назвали священником и носителем благодати, он предстал таковым и оказался в силах открыть глаза и дать благословение (СС, 7, 325).

Отказ от слова

В нескольких текстах сюжетообразующим становится молчание героя, отказ от пояснений. В «Удивительном случае всеобщего недоумения»,

например, желающий поступить в монастырь вдовый священник с несколько идиотическим стоицизмом не рассказывает о подлинной причине своей болезненной бессонницы — оказывается, ему докучали клопы, о чем читатель узнает лишь в финале анекдота.

В рассказе «О безумии одного князя» молодая вдова священника скрывает свое подлинное происхождение и, не имея средств к пропитанию, но обладая хорошим голосом, поступает в цыганский табор и поет в цыганском хоре. Вскоре, скрыв свою принадлежность к духовному сословию, она выходит замуж за богатого князя. Однако, указывает рассказчик, тот «[...] ни за что бы на ней не женился, если бы она была вдовая попадьа, а не свободная цыганка» (СС, 7, 357).

Обесцененное слово

Отец Павел в одном из рассказов («О слабости чувств и о напряженности оных») повествует о том, как он исповедует своих духовных детей. Одному из них, «петербургскому недоверку», очевидно, политическому ссыльному и, несомненно, атеисту, которому в подтверждение благонадежности положено раз в год исповедоваться независимо от его убеждений, отец Павел преподает бессмысленное для его положения поучение: велит ему надеяться и любить врагов (СС, 7, 340) и вполне довольствуется формальными ответами «духовного чада» и проявлением такой любви: каждый раз, уходя от ссыльного, он находит в кармане «краснуху», т. е. десятирублевую ассигнацию. Духовная дочь, которая хочет исповедоваться подробно, отца Павла раздражает, поскольку больше чем на серебряную монету он рассчитывать не может.

Учившийся за границей отец Георгий, напротив, старается наполнить смыслом давно ничего не значащие для прихожан названия грехов и просит каждого конкретизировать, в чем состоит его грех. Опыт его пытается повторить отец Андрей, но не достигает успеха, желая уточнить у прихожанки, укравшей хозяйские часы и для этого их проглотившей, какие именно часы она своровала, стенные или карманные («Чужеземные обычаи только с разумением применять можно»). Ситуация подробной исповеди оборачивается комической сценой, из чего рассказчик делает вместе с отцом Андреем заключение, что «[...] для русских никакие иностранные правила не пригодны» (СС, 7, 336).

Власть написанного слова

В центре других историй «Заметок неизвестного» оказывается слово написанное, которое не вырубить топором и которое может разрушить и законность завещания («Скорость потребна блох ловить, а в делах нужно осмотрение»), и легитимность брака: обвенчавшиеся в церкви герои не считаются мужем и женой, потому что их брак не зафиксирован

в метрической книге («О Петухе и его детях (Геральдический казус)», «Простое средство»).

Неверное наименование может жестоко обидеть архиерея («Особы духовного происхождения и в светском быту иначе уважаются»), который был оскорблен тем, что был слишком кратко поименован на конверте с приглашением на званый обед к губернатору.

Литературное слово

Светские книги оказали, по мнению «летописца», разрушительное влияние на героев истории «О вреде от чтения светских книг». Дочь умершего учителя рисования очень любила читать, особенно выделяя Диккенса («Дикенца» в передаче рассказчика), любимым ее романом была «Крошка Доррит». Девушка эта, получившая заказ от ректора семинарии вышить ему носовой платок, не хотела угадать желание своего высокопоставленного заказчика и вышить на платке *орла*, который порадовал бы его тщеславие и намекнул на повышение¹⁶. Вместо этого девушка вышивала то цаплю, то луня, то ласточку, то птицу фрегат. И хотя каждый раз она толковала вышитые изображения вполне лестно для адресата, она все же говорила не то, что он желал услышать. Тем временем племянник ректора влюбился в эту поклонницу романов Диккенса и швею, но, по желанию дяди, был вынужден жениться на дочери священника кафедрального собора, отнюдь «не мечтательнице». В результате юноша оказался несчастен. Когда «дочь рисовального учителя» внезапно умерла от чахотки, он, давно священник на «завидном месте», «горько плакал» на ее отпевании, а затем впал в меланхолию и погиб (вероятно, покончив с собой), убитый мельничным крылом — возможно, Лесков использует здесь еще один литературный мотив и намекает на бесплодность сражений с мельницами. «Так это чтение книг романических столько душ погубило, которые могли бы иметь свои законные радости, и — что дражае того — мужа достойного все родные заботы о кровном и искреннем ни во что обратило. Таков Дикенц» (СС, 7, 349), — заключает летописец свою историю, сводя ее смысл к вреду от «чтения светских книг».

5. Мир наизнанку

Общая цель языковых игр, шуток, каламбуров, риторических виньеток, рассказанных историй, в сущности, сводится к демонстрации того, каким образом смысл и жизнь выхолащивается из слова.

Для этого Лесков прибегает к одному и тому же приему: его «неизвестный летописец» снабжает часть историй нравоучительными, иногда,

¹⁶ Орел изображается на орлеце, особом круглом ковре, стоя на котором в православном храме служил архиерей.

как было показано, намеренно «темными» заголовками, смысл которых порой вступает в противоречие с сюжетом истории. Эти заглавия являют расхожую мудрость, пошлые сентенции, трюизмы, заготовленные давно для любого случая, но остающиеся мертвыми словами.

Некоторые анекдоты завершаются умозаключениями, которые утверждают мораль, также не совпадающую с подлинным смыслом истории. При этом *толкование* событий, звучащее в заголовке или в финале рассказа, неизменно дается будто бы с позиций христианского благочестия, а в реальности — абсолютного безразличия к стоящему за историей живому человеку.

Этот прием обнаруживает основной внутренний конфликт «Заметок неизвестного», на котором и построены все входящие в цикл рассказы: это оппозиция духа и буквы, противоречие между высказанным вслух и истинной сутью происходящего.

Излагая историю разрушенной любви молодых людей, повествователь указывает на ложную причину ее печального исхода: якобы не злая воля ректора, заставившего героя делать духовную карьеру и подтолкнувшего его к женитьбе на нелюбимой девушке, а чтение романов Чарльза Диккенса привело к трагедии. Между тем читателю очевидно, что дочь рисовального учителя почерпнула из Диккенса идеалы и нравственные принципы, вполне совпадающие с христианскими; им-то она и пыталась следовать.

В рассказе «Остановление растущего языка» монах-расстрига заболевает цингой, из-за которой его язык начинает расти и растёт даже после его смерти¹⁷. В черновом варианте рассказа это истолковано братией монастыря как наказание Божие за злоязычие брата [Шестериков, Старыгина 1997: 257–258]; в беловом варианте растущий язык, по их мнению, — это кара за уход брата из монастыря и оставление ангельского чина. В византийских и русских иллюстрированных Псалтырях можно видеть изображения клеветников с волочащимися по земле огромными языками. Однако герой Лескова — не грешник. Он оставляет монастырь из смирения, осознания, что он недостоин «ангельского чина», «простой человек со всеми слабостями» (СС, 7, 375). В миру он ведет праведную жизнь — живет аскетично, бесплатно учит детей «чтению святого письма». Невыносимые условия существования сводят его в могилу. Однако естественных, физических причин его смерти, как и его праведности, рассказчик признавать не желает. Он подводит итог: «[...] и темные крестьяне получили полезный урок — сколь доверие детей своих таким доброхотам, как сей расстрига, не безопасно» (СС, 7, 377).

¹⁷ Не приходится сомневаться, что Лескову был известен рассказ «О клеветнице, иже по смерти осужден язык свой ясти», входящий в известный переводной сборник новелл «Великое зеркало» [Державина 1965: 241; Хализев, Майорова 1983].

Вновь «летописец» принимает сторону формального, вовсе не человеколюбивого отношения к событиям и приходит к выводу, противоположному тому, что прямо следует из этой истории. На самом деле не грешник погиб за свои грехи, а грешный мир не признал и уничтожил праведника.

В другой истории дьякон, отправившийся играть в бильярд в Страстную пятницу, объясняет игумену, что пошел в этот день играть, так как «в простые дни всякая сволочь мирских людей в те места вхожи. А в такой день, как ныне, мирянин идти не отважится» (СС, 7, 352). Однако заключения о том, что духовному лицу ходить в бильярдную в самый скорбный для христианина день все равно дурно, не звучит. Вывод летописца совсем иной: «Так поступок его хотя непохвален, но рассудливость не почтена быть не может» (СС, 7, 352). То же сообщает и заголовок: «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений».

Действительно дьякон проявил рассудительность, действительно осуждать поступки, не зная их мотивов, нельзя — с точки зрения внешнего благочестия «неизвестный летописец» прав.

Отец Павел пародирует исповедь, накрывая голову Игнаши лопухом, и вполне цинично объявляет его ослом, коль скоро тот не понял намеков соседки на постоялом дворе. Священник не стесняется признать, что явный безбожник, формально присутствующий у исповеди, устраивает его более искренней прихожанки.

Архиерей, не желая обеспечить средствами к существованию вдовую попадью, повторяет евангельские слова, которые оказываются словами иудейских первосвященников, желающих тайно схватить Христа: «Да не молва будет в людех» (СС, 7, 335).

Действия некоего священника «летописец» также описывает евангельскими словами, относящимися к Пилату, умывающему руки во время суда над Христом: «[...] виде, яко ничтоже успевае, но наипаче молва бывает [...]» (СС, 7, 385).

С позиций здравого смысла и совести система взглядов, от лица которой выступает рассказчик, представляет собой «мир наизнанку» [Шестериков, Старыгина 1997: 249]. Искреннее чувство в этом мире не ценится, подлинные праведники обречены на гибель, лучшие проповедники (как в рассказе «Об иностранном проповеднике»), сторонники неформального отношения к исповеди оказываются под подозрением церковных властей. Торжествуют лицемеры, мздоимцы, корыстолюбцы и честолубцы. Торжествует отец Павел, заботящийся только о своих доходах и внешнем почете и использующий слово для достижения своих целей.

Большинство историй «Заметок неизвестного» оборачиваются семантическими софизмами, построенными на метафоричности речи, в том числе многозначности слов, что и помогает «летописцу» истолковывать явления и предметы в нужном ему смысле. Мы видим, как слова утрачивают смысл, а их книжное церковнославянское обличье становится привычной ширмой для вовсе не христианских чувств и действий.

6. Заключение

Основным объектом изображения Лескова в «Заметках неизвестного» становится поток благочестиво звучащих слов, риторика церковной и околоцерковной среды, а также техники, к которым прибегают поборники внешнего благочестия, в духовном сани и миряне, для утверждения противных христианству выводов и умозаключений. Представленные же в ряде рассказов картины нищей и бесправной жизни рядового духовенства становятся контрастным фоном для цитирующей Священное Писание самодовольной пошлости.

Лесков вскрывает механизмы псевдохристианской, ханжеской риторики и демонстрирует, как живые когда-то слова превратились в мертвечину и инструмент манипуляции. Именно поэтому, кстати, в тексте рассказов «летописца» нет бурсацкого жаргона или семинарской латыни — не они осуществляют прикрытие духовной пустоты рассказчика и любимых им героев.

Амбивалентность, о которой немало говорили и писали исследователи как об отличительном признаке поэтики Лескова¹⁸, в «Заметках неизвестного» оказывается присуща религиозной риторике.

«Заметки неизвестного» нужно, таким образом, прочитывать как пародийный текст, который иронизирует над сложившимся в российской церковной практике квазирелигиозным дискурсом. Цель этого пародирования и встающая за ней позитивная программа очевидны: указать на необходимость перехода от государственного православия к «духовному христианству». С середины 1870-х гг. Лесков возвращался к этой теме постоянно — и в рассказах «На краю света», «Владычный суд», «Некрещеный поп», «Человек на часах», и в цикле «Праведники». В 1875 г. он даже мечтал написать роман об истинном христианине: «Зато меня подергивает теперь написать русского еретика — умного, начитанного и свободомысленного *духовного христианина*, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей» (СС, 10, 412), — писал он в письме П. К. Щербальскому 29 июля (10 августа) 1875 г. Путь к «духовному христианству» виделся Лескову в оживлении евангельского слова.

¹⁸ См., например: [Майорова 2017; Ранчин 2018].

Замечательно, что хронологически лесковский интерес к слову совпал с активным развитием фольклористики и диалектологии в России, а язык прозы Лескова отчасти пересекся с языковыми особенностями прозы Н. В. Гоголя и В. И. Даля, обращавшегося к сказу задолго до Лескова. Напомним, что и название знаменитого словаря Даля содержит слово «живой» («Толковый словарь живого великорусского языка»). Можно сказать, что Лесков дает своеобразную проекцию научных исследований «живого слова» в художественной прозе.

Библиография

Источники

Письмо

РГАЛИ, ф. 275 (Н. С. Лесков), оп. 4, ед. хр. 64, Письмо неустановленного лица редактору журнала «Газета А. Гатцука» А. А. Гатцуку с упоминанием о рассказах Н. С. Лескова «Заметки неизвестного».

Исмаилов

РГАЛИ, ф. 275 (Н. С. Лесков), оп. 1, ед. хр. 365а, «Из автобиографии Ф. Ф. Исмаилова. Жизнь в доме генерала от артиллерии П. М. Капцевича (с 29 сентября 1828 по конец 1840 г.)».

Литература

Grimstad 2007

Grimstad K. A., *Styling Russia: Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov* (= *Slavica Bergensia*, 7), Bergen, 2007.

Eekman 1986

Eekman T., Об источниках и типах стиля Н. С. Лескова, *Revue des Études Slaves Année*, 58/3, 1986, 293–306.

Виноградов 1961

Виноградов В. В., Достоевский и Лесков, *Idem*, *Проблемы авторства и теории стилей*, Москва, 1961, 487–555.

Державина 1965

Державина О. А., «Великое зеркало» и его судьба на русской почве, Москва, 1965.

Добродомов 2013

Добродомов И. Г., Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: взьефантулить, сморозить, аксиос(ы), *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 2/2, 2013, 143–170.

Зайончковский 1970

Зайончковский П. А., *Российское самодержавие в конце XIX столетия*, Москва, 1970.

Зеленин 1905

Зеленин Д. К., Семинарскія слова въ русскомъ языкѣ, *Русскій филологическій вѣстникъ*, Варшава, 3–4, 1905, 109–119.

Кислова 2015

Кислова Е. И., Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в., *Studia Slavica*, 60/2, 2015, 315–329.

Леденёва 2015

Леденёва В. В., *Слово Лескова*, Москва, 2015.

Лесков 1956–1958

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, Москва, 1956–1958.

——— 1989

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в двенадцати томах*, Москва, 1989.

Майорова 1981

Майорова О. Е., Особенности стиля рассказов воспоминаний Н.С. Лескова, *Русская речь*, 1, 1981, 51–54.

——— 2017

Майорова О., Маркеры русскости в имперском пространстве: парадоксы рассказа Н. С. Лескова «На краю света», *Новое литературное обозрение*, 2 (144), 2017, 45–59.

Ранчин 2018

Ранчин А. М., «Левша» Лескова и русская национальная мифология, *Россия XXI*, 3, 2018, 114–141.

Фаресов 2018

Фаресов А. И., Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем, *Н. С. Лесков в воспоминаниях современников*. Составление и комментарии Л. И. Соболева, Москва, 2018, 32–213.

Хализев, Майорова 1983

Хализев В. Е., Майорова О. Е., Лесковская концепция праведничества, В. Богданов, сост., *В мире Лескова*, Москва, 1983, 196–233

Шестериков, Старыгина 1997

Заметки неизвестного. Неопубликованные новеллы. Вступ. статья и публикация С. П. Шестериковой и Н. С. Старыгиной. *Неизданный Лесков*, 1 (= Литературное наследство, 101), Москва, 1997, 246–258.

Эйхенбаум 1969

Эйхенбаум Б. М., Чрезмерный писатель (К 100-летию со дня рождения Н. С. Лескова), *Idem, О прозе: сборник статей*, Москва, 1969, 327–345.

References

Derzhavina O. A., “*Velikoe zertsalo*” i ego sud’ba na russkoi pochve, Moscow, 1965.

Dobrodomov I. G., Some Etymological Notes on the Russian Seminarist Slang: vz’efantulit’, smorozit’, aksios(y), *Slověne = Словьне. International Journal of Slavic Studies*, 2/2, 2013, 143–170.

Eekman T., Ob istochnikakh i tipakh stil’ia N. S. Leskova, *Revue des Études Slaves Année*, 58/3, 1986, 293–306.

Eikhnenbaum B. M., Chrezmernyi pisatel’ (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. S. Leskova), *Idem, O proze: Sbornik statei*, Moscow, 1969, 327–345.

Faresov A. I., Protiv techenii: N. S. Leskov. Ego zhizn’, sochineniia, polemika i vospominaniia o nem, L. I. Sobolev, ed., *N. S. Leskov v vospominaniiaakh sovremennikov*, Moscow, 2018, 32–213.

Grimstad K. A., *Styling Russia: Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov* (= Slavica Bergensia, 7), Bergen, 2007.

Khalizev V. E., Mayorova O. E., Leskovskaia konceptsiia pravednichestva, V. Bogdanov, ed., *V mire Leskova*, Moscow, 1983, 196–233.

Kislova E. I., Latyn’ i «slovenskii» v nachal’nom obrazovanii detei dukhovenstva XVIII veka, *Studia Slavica*, 60/2, 2015, 315–329.

Ledeneva V. V., *Slovo Leskova*, Moscow, 2015.

Mayorova O. E., Osobennosti stil’ia rasskazov vospominanii N.S. Leskova, *Russkaya Rech*, 1, 1981, 51–54.

Mayorova O., Finding Russianness in Imperial Space: Paradoxes in Leskov’s Story “At the Edge of the World”, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2 (144), 2017, 45–59.

Ranchin A. M., “The Left-Hander” by N. S. Leskov and the Russian national mythology, *Russia XXI*, 3, 2018, 114–141.

Shesterikov S. P., Starygina N. S., eds., Zametki neizvestnogo. Neopublikovannye novelly, *Neizdannyi Leskov*, 1 (= Literaturnoe nasledstvo, 101), Moscow, 1997, 246–258.

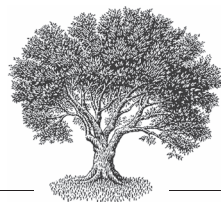
Vinogradov V. V., Dostoevskii i Leskov, *Idem, Problemy avtorstva i teorii stilei*, Moscow, 1961, 487–555.

Zaionchkovsky P. A., *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletii*, Moscow, 1970.

Майя Александровна Кучерская, кандидат филологических наук, академический руководитель образовательной программы «Литературное мастерство», профессор Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики»
105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.
Россия / Russia
mayakuch@gmail.com

Александр Львович Лифшиц, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосемиотических исследований Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики»
105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.
Россия / Russia
alifshits@hse.ru

Received July 16, 2019

В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции*

**Евгения Владимировна
Буденная**

НИУ ВШЭ
Институт языкознания РАН
Москва, Россия

In Search of the Trigger: Literary and Non-literary Texts as Examples of Different Aspects of Russian Referential Evolution

Evgeniya V. Budennaya

Higher School of Economics
Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье подробно рассматривается процесс экспансии местоимений в истории русского языка, затронувший период XI–XVII вв.: *накы ли ѿ про соро-мит ѿ про собе свободна* (договор Новгорода с Ригой и Готским берегом, конец XII в.) > *Если он изнасилует [рабыню] — она освобождается* (совр. перевод). Различные исследования этого процесса указывают на то, что первоначальный триггер экспансии местоимений лежит в сфере употребления 3-го

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460.
This study was supported by grant #17-06-00460 from the Russian Foundation
for Basic Research.

Цитирование: Буденная Е. В. В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 210–243.
Citation: Budennaya E. V. (2020) In Search of the Trigger: Literary and Non-literary Texts as Examples of Different Aspects of Russian Referential Evolution. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 210–243.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.11

лица: именно в этом лице в аналитических клаузах прежде всего утрачивается вспомогательный глагол и именно субъектные местоимения 3-го лица в неэмфатическом употреблении распространяются ранее остальных местоимений. Тем не менее эти данные не позволяют однозначно говорить о том, что причиной экспансии местоимений 3-го лица послужило падение глагольных связей, поскольку соответствующие местоимения массово распространяются не только на месте утраченных связей, но и, в частности, в клаузах с содержательным глаголом в презенсе. В связи с этим для прояснения предполагаемого триггера эволюции, в работе осуществляется диахронический анализ всех клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в зависимости от типа предиката. При этом сопоставляются диахронические данные текстов трех различных регистров — бытового, делового и книжного, ранее никогда в этом аспекте не сравнивавшихся.

Результаты анализа подтверждают гипотезу о падении связей как о триггере экспансии местоимений и в то же время демонстрируют, что ряд значимых промежуточных этапов этого процесса оказывается возможным выявить только на деловых и книжных текстах, где эволюция в целом происходит медленнее. В частности, только деловые тексты позволяют выделить более раннее распространение местоимений на месте бывших связей, и только в книжных памятниках обнаруживается переходная бессвязочная безместоименная модель, свидетельствующая о том, что именно утрата связей послужила триггером к дальнейшей экспансии местоимений, а не наоборот.

Ключевые слова

субъектное местоимение, личное местоимение, глагольная связка, 3-е лицо, древнерусский язык, диахрония

Abstract

The article deals with the diachronic path of Russian pronoun expansion, which affected the period of the 11th–17th centuries: *paki li Ø_{pro} soromit Ø_{pro} sebe svobodna* > *jesli on osramit — ona svobodna* ‘if he rapes [the slave], she is freed’ (the treaty of 1191–1192 between Novgorod, Gotland, and the German Cities, and its modern translation). The initial trigger of this phenomenon is often attributed to the realm of the third person since the third-person auxiliary was lost first and the third-person subject pronoun massively expanded earlier than the first- and second-person subject pronouns. Nevertheless, one cannot argue that the latter was caused by the former, since the new subject pronouns did not only replace the old auxiliary forms but were also detected in finite verbal clauses where no auxiliaries were ever used. To explore what exactly caused the expansion of pronouns and how this expansion took place in different types of clauses, a diachronic analysis of finite clauses with reduced subject reference was conducted, with a special focus on the type of the predicate. Within the analysis, the referential data of three different Old Russian registers—informal, official and literary—were examined and compared to each other.

The results support the hypothesis of copula drop as a trigger for the expansion of pronouns and demonstrate that several intermediate stages of

this process can be detected in official and literary texts, where the course of evolution was slower. Thus, only official texts allow us to discover the earlier stage of new referential pronouns substituting former verbal copulas, and only in literary works can we find the transitional elliptical pattern without pronouns or copulas, which existed before the new pronominal pattern.

Keywords

subject pronoun, verbal copula, third person, Old Russian, diachrony

1. Введение

В современном русском языке редуцированная субъектная референция маркируется, главным образом, с помощью сочетания личного местоимения и соответствующего глагольного аффикса:

- (1) **Вы¹** не **будете** против, если **я** сейчас **пойду** посплю? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (2008.03.17)]
- (2) **Мы** не **можем** предсказать следующий шаг живой системы, потому что **она** все время **эволюционирует** и **делает** ошибки, которые вообще **предугадать** невозможно. [Галина Костина, Валерий Фокин. Поиграем с природой по-своему // «Эксперт», 2014, НКРЯ].

Несмотря на то, что опущение местоимения в русском языке в ряде случаев возможно (от 20 до 35 % клауз, в зависимости от модуса, жанра и дискурсивных особенностей [Grenoble 2001; Zdorenko 2009]), стратегия с эксплицитно выраженным местоимением в русском языке является доминирующей. Подобная картина кардинальным образом отличается от древне- и старорусского языка до XVI в., где редуцированная субъектная референция по умолчанию маркировалась только глагольными аффиксами, а местоимения дополнительно употреблялись лишь в случае эмпазы, контраста и некоторых других дискурсивных явлений [Зализняк 2008а: 242]. Экспансию местоимений, произошедшую в истории русского языка, можно видеть на примере двух отрывков из текстов XII в. и их современных переводов (примеры 3–4):

- (3) чемоу \emptyset_{pro} ² не восолещи чето \emptyset_{pro} ти есемо водада ковати [БГ-644, нач. XII в.]

‘Почему **ты** не присылаешь то, что **я** тебе дала выковать?’ (перевод [Зализняк 2004: 267]);

¹ Здесь и далее выделение авторское.

² Здесь и далее данным символом обозначено отсутствие эксплицитно выраженного референтного подлежащего.

- (4) *пакы ли \emptyset_{pro} соромит \emptyset_{pro} собе свобода* [ГВНП, №28, Договор Новгорода с Ригой и Готским берегом, 1195]
 ‘Если **он** изнасилует [рабыню] — **она** свобода (т. е. освобождается)’.

Историческая эволюция в русской субъектной референции состояла в распространении полноударных местоимений 1-го и 2-го лица на месте бывших энклитических личных глагольных форм (*дал есмь* > *я дал*, *дал еси* > *ты дал*), а также нового личного местоимения 3-го лица *он*, ранее входившего в развернутую систему указательных местоимений (*сь, ся, се* — для лиц, близких говорящему; *тѣ, та, то* — для указания на лицо, близкое адресату, *онѣ*³, *она, оно* — для лиц, удаленных от обоих собеседников). Еще в дописьменный период местоимение *онѣ* приобрело обобщенную семантику 3-го лица в субстантивном употреблении, вытеснив другие местоимения в аналогичной функции на языковую периферию [Горшкова, Хабургаев 1981: 262]. Однако употребление данного местоимения в раннедревнерусский период, равно как и дейктических местоимений в отношении субъектов 1-го и 2-го лица, было крайне маркировано: как правило, референт 3-го лица в позиции подлежащего обозначался либо полной именной группой с вершиной-существительным (*Иван дал*), либо эксплицитно выраженными личными формами вспомогательного глагола (*стар естъ* ‘он стар’), либо нулевой формой (\emptyset_{pro} дал) [Зализняк 2008а: 239], тогда как местоимение *онѣ* и полноударные формы дейктических местоимений употреблялись в редких, преимущественно эмфатических и контрастивных контекстах, а также при смене топика (частотным маркером контраста и смены топика являлась противительная частица *же*, как в примере 5).

- (5) *и вси дѣмонѣ сущи с нимъ. потокоша зарѣзати юго хоташе. он же съ слезами руцѣ въздѣвъ. Къ г(с)у. възпаше гл҃а. не предаи же звѣремъ дѣла моя исповѣдающуюся тебе* ‘И все демоны, которые были с ним, бросились на него, желая его зарезать. Он же воздел руки и со слезами возопил к Господу: «Не предай зверям душу мою, верующую в Тебя!»» [ЖАЮ].

Однако со временем местоимение *он* становится немаркированным местоимением 3-го лица, расширяя сферу своего использования (ср. пример 1).

Деталю перестройки русской референциальной стратегии в сторону местоименно-аффиксального типа посвящена обширная литература [Соболевский 1907; Jakobson 1971; Lindseth 1998; Kibrik 2004; Meyer

³ Исторически парадигма местоимения *онѣ* представляет собой объединение парадигм древнего указательного местоимения *и* (формы косвенных падежей *его, ему* и т. д.) и местоимения *онѣ* (И. п.); данное объединение относится еще к дописьменному периоду.

2011; Madariaga 2018 и др.]. Ряд аспектов этого процесса — в частности, временные рамки экспансии местоимений и ее взаимосвязь с утратой аналитических форм глагола *быти* в перфекте, ставшим впоследствии современным прошедшим временем на -л (др.-рус. *далъ есмь* > совр. рус. *я дал*) — достаточно подробно изучен [Хабургаев 1978; Зализняк 2008а; Kwon 2009 и др.]. Большинство исследователей [Борковский, Кузнецов 2016: 332; Lindseth 1998: 65; Kibrik 2004; Зализняк 2008а: 256] сходятся в том, что первопричину референциальной перестройки следует искать в клаузах с субъектом 3-го лица: именно здесь ранее всего были утрачены аналитические формы вспомогательного глагола в перфекте (*далъ есть* > *он далъ*) и связки в именных клаузах (*князь есть* > *он князь*), и именно местоимения 3-го лица, согласно данным Регенсбургского ди-ахронического корпуса, распространяются раньше остальных [Meuer 2011: 130]. В корпусном исследовании [Буденная 2018] было выяснено, что хронологически утрата форм 3-го лица вспомогательного глагола в именных клаузах случилась в среднем на 150 лет позже аналогичной утраты в перфекте⁴, и фактически распространение соответствующих местоимений 3-го лица происходит после утраты связок в именных клаузах, см. Таблицу 1.

Таблица 1

**Общая схема референциальной эволюции
в клаузах с субъектом 3-го лица по данным корпуса бытовых текстов
[Буденная 2018: 105]**

	До XI в.	XI — XII вв.	XIII — 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в. — XV в.
3.PST	<i>далъ есть</i>	<i>далъ</i> Ø _{cop} ⁵	<i>далъ</i> Ø _{cop}	<i>онъ далъ</i>
3.NOM	<i>князь есть</i>	<i>князь есть</i>	<i>князь</i> Ø _{cop}	<i>онъ князь</i>

Тем не менее по этим данным нельзя однозначно говорить, что непосредственным триггером экспансии местоимений стало именно падение связок, поскольку в период XIV–XV вв. в некнижных⁶ текстах новые местоимения 3-го лица распространяются как в бывших связочных клаузах, так и в клаузах с глаголом в презенсе (6–7), где никаких связок никогда не было:

⁴ Этот факт в неявном виде отмечался А. А. Зализняком в описании глагольных и именных сказуемых в текстах раннедревнерусского периода [Зализняк 2008а: 239].

⁵ Здесь и далее этим символом обозначено отсутствие эксплицитно выраженного вспомогательного глагола в перфекте и связки при именном предикате.

⁶ Подробнее о книжных и некнижных текстах см. раздел 2.

- (6) *ате [е]но стесыиваете то мои дубо* [БГ, Твер-5, XIV в.]
'Пусть [даже] он стесывает, это [все равно] мой дуб';
- (7) *они молвят так* [ПГ-34, XV в.].

На данный момент нет работ, где детально исследовалась бы хронология распространения личных местоимений 3-го лица в зависимости от типа предиката. Сам же факт первичного распространения местоимений 3-го лица, по сравнению с местоимениями 1-го и 2-го лица, еще не говорит о том, что именно падение связок 3-го лица послужило причиной всей дальнейшей референциальной перестройки. В связи с этим, для прояснения этого вопроса, в нашей работе будет представлено диахроническое исследование клауз с субъектом 3-го лица, с разграничением по типу предиката. При этом все клаузы будут отдельно проанализированы для бытовых, деловых и книжных текстов, кардинально отличающихся друг от друга в языковом отношении (см. раздел 2). Несмотря на широкое обсуждение особенностей этих текстов в литературе (см., в частности: [Успенский 2002; Зализняк 2008а; Пичхадзе 2011; Живов 2017]), диахронические особенности русской референциальной перестройки в них ранее поэтапно не сравнивались, а отдельно в деловых текстах фактически не исследовались. При этом параллельно будет проверен более общий тезис о «вторичном» и позднем характере языковых изменений в книжном регистре по сравнению с некнижным [Живов 1996: 36; Зализняк 2008а: 262].

Раздел 2 будет посвящен основным особенностям памятников, анализируемым в работе. В разделе 3 будет изложена основная методология анализа. В разделе 4 будут представлены результаты для каждого подкорпуса текстов, в разделе 5 будут сформулированы общие итоги исследования.

2. Принципы отбора данных: регистры древнерусской письменной традиции

Древнерусская литература XI–XVII вв. представляет собой богатый и при этом крайне неоднородный корпус текстов. Поскольку референциальная эволюция, хоть и с разной скоростью, в конечном итоге так или иначе затронула все регистры, в данной работе диахроническое исследование проводилось отдельно для каждого типа текстов. Ниже будут кратко представлены все анализируемые типы памятников и их специфические особенности, актуальные с точки зрения референциальной проблематики.

Весь корпус древнерусской литературы охватывает два основных типа памятников — книжные (религиозные тексты, жития, летописи,

исторические повести и т. д.) и некнижные тексты (грамоты, акты, письма и т. д.). Различия между ними пролегают как в содержательном и функциональном, так и в языковом плане. В частности, если книжные памятники обычно ориентированы на более широкую аудиторию и предназначаются для многократного перечитывания, то некнижные тексты относятся к однократной коммуникативной ситуации и адресованы конкретному лицу. Наиболее давнюю историю имеет описание лексико-грамматических особенностей книжных текстов, отличающихся намного более консервативным характером на всех языковых уровнях. С точки зрения книжного морфосинтаксиса, применительно к данному исследованию, релевантным является существенно меньшее количество перфектных клауз: в противоположность некнижным текстам, книжные финитные клаузы имеют в основе преимущественно простые претериты. В тех же случаях, когда перфектные формы в книжных текстах все же употреблялись, для форм 3-го лица было характерно употребление связки (конструкции типа *есть далъ*, см. ниже примеры 8–9), отсутствующей в некнижных текстах уже в самых ранних источниках (примеры 10–11) [Зализняк 2008а: 256]:

- (8) *Уже бо ремесву ему же ся **есть научилъ***
'Он уже научился этому ремеслу' [ЖАЮ, не позднее нач. XII в.];
- (9) *Дньсь нашу землю **отъяли суть***
'Сегодня нашу землю [татары] отняли' [Повесть о битве на Калке, XIII в.];
- (10) *атъ ти **възьлъ** Ѧ_{соп} оу Иванъкова съмърѣда 3 гривнѣ*
'ан ведь он взял у Иванкова смерда три гривны' [БГ-907, кон. XI — нач. XII в.];
- (11) *мене **игоумене не** Ѧ_{соп} **поустиле***
'меня игумен не пустил' [БГ-605, нач. XII в.].

Традиционно древнерусские книжные тексты подразделяются на так называемый стандартный (богослужебные книги, проповеди, отдельные жития) и гибридный регистр (летописи, исторические повести, отдельные жития) [Толстой 1963, 1988; Живов 2017]. В основе текстов стандартного регистра лежал механизм ориентации на образцы, отражающийся в практически точном воспроизведении готовых заученных фрагментов, тогда как в гибридных текстах основная роль отводилась механизму пересчета. При последнем подходе автор стремился придать церковнославянский характер отдельным конструкциям и словам (которые, в свою очередь, твердо ассоциировались у него с книжным характером), однако не воспроизводил готовых фрагментов и в целом более свободно пропускал в текст древнерусские элементы. В контексте данной работы в качестве объекта исследования были выбраны

гибридные тексты, в силу своей большей гибкости и большей потенциальной восприимчивости к изменениям, происходящим параллельно в языке.

Некнижные тексты, в свою очередь, также подразделяются на два регистра: 1) бытовые письма и грамоты, не ориентированные на какую-либо жесткую языковую норму в принципе, и 2) деловые документы, которые, несмотря на отсутствие строгих канонов в морфологии и орфографии, следуют определенным структурным схемам [Зализняк 2004: 653; Живов 2017: 210], содержат стандартные формулы «зачина», прощания и т. д. В зависимости от исследуемой проблематики ученые то объединяют их данные в более общую категорию некнижных текстов [Борковский, Кузнецов 2006; Успенский 2002; Шевелева 2006; Зализняк 2008а], то рассматривают отдельно [Живов 2017]. В данной работе был принят второй подход — разграничить данные бытового и делового регистров по разным выборкам, поскольку деловому регистру в связи с обилием устойчивых формул были свойственны эллипсис и лексический повтор [Живов 2017: 496], в том числе повтор конструкций с местоимением (см. примеры 12–14), который мог влиять на общую количественную статистику:

- (12) *А уличане сказали, что **он** **молотчей** человек, а прежний жилец Иванко умер в 78-м году.*
- (13) *А уличане сказали, что **оне** **молотчие люди**, а прежние жилцы Степанко жевет в той ж улицы в своем тяглом дворе, а Иванко умер в 79-м году.*
- (14) *А уличане сказали, что **они** **молотчеи люди**, а прежние жилцы Еремейко и Третьячко умерли 79-м году. [ВелНовг, Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода дозора кн. Василия Кропоткина, 1586 г.]*

В ряде случаев данный подход не удалось строго соблюсти в силу малого количества бытовых данных. Главной проблемой явилось то, что подавляющее большинство древнерусских текстов относится к книжному и деловому регистру, тогда как бытовые памятники, наиболее близкие живому языку, в строгом смысле фактически ограничиваются только берестяными грамотами XI–XV вв. Многие закономерности, выявляемые только по ним, в силу малого количества данных не могут считаться статистически значимыми. В связи с этим было принято решение расширить корпус бытовых данных путем привлечения других текстов, наиболее близких берестяным грамотам в языковом отношении. Среди всех древнерусских текстов XI – первой половины XVII вв. различные исследователи данного вопроса [Fałowski 1994; Зализняк 1998; Сквайрс, Фердинанд 2002: 16; Зализняк 2008а: 85, 2008б] в качестве таковых называют следующие произведения:

1. Раздел Киевской летописи, содержащий непосредственные диалоги князей, XII в.

2. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, XV в. (за исключением нескольких книжных фрагментов).

3. Послания Ивана Грозного Елизавете I, Юхану II и Юхану III, XVI в.

4. Анонимный русско-нижненемецкий разговорник *Ein Rusch Boeck* 'Русская книга', сер. XVI в. (далее — *AnRB*).

5. Русско-нижненемецкий разговорник Томаса Фенне, 1607 г. (далее — *Fenne*).

Кроме этого, определенную близость с бытовыми текстами обнаруживает прямая речь в текстах статейных списков русских послов [Лихачев 1954: 329], что, по-видимому, предопределило их попадание в категорию бытового жанра в старорусском разделе НКРЯ. Наряду с памятниками из списка выше, они не обнаруживали значительных референциальных отличий от берестяных грамот и поэтому наряду с последними были объединены в данном исследовании в общую выборку бытовых текстов. Несмотря на то, что с точки зрения функциональной сферы все эти памятники в строгом смысле нельзя назвать бытовыми, языковая однородность текстов в данном случае была признана более существенной.

Остальные данные были собраны из ряда летописей и исторических повестей, размещенных в электронном собрании «Пушкинский дом»⁷, а также из различных сборников правовых документов XII–XVII вв., включая обширный корпус деловых документов из электронного собрания «Восточная литература»⁸. Частично эти памятники дублируются в древне- и старорусском разделах НКРЯ. Полный список памятников, анализируемых в работе, см.: Источники.

3. Методология анализа

Диахронический анализ, предпринятый в данном исследовании, включал в себя следующие этапы:

1. Извлечение всех релевантных клауз с редуцированной субъектной референцией 3-го лица.

2. Распределение всех данных по различным выборкам в зависимости от:

⁷ Библиотека литературы Древней Руси, Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (<http://lib.pushkinskijdom.ru>).

⁸ Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада (<http://www.vostlit.info>).

- синтаксической структуры (наличие/отсутствие местоимения; наличие/отсутствие глагольной связки (для связочных клауз));
- периода (до XII в. / XIII — 1-я половина XIV в. / 2-я половина XIV — XV в. / XVI — 1-я половина XVII в.);
- регистра текста (бытовой/ деловой/ книжный).

3. Собственно статистический анализ (биномиальный критерий и критерий χ -квадрат⁹).

Этап 1 состоял в извлечении финитных клауз с разбиением по типу предиката: именные презентные — глагольные презентные — глагольные перфектные клаузы. Плюсквамперфектные клаузы, в силу редкости и невозможности непрерывного прослеживания по текстам разных регистров, в выборку не вошли.

После этапа 1 и 2 осуществлялась дополнительная фильтрация всех клауз с так называемым обязательным местоимением (в эмфатическом, контрастивном употреблении и т. д.), где его опущение было в принципе невозможно¹⁰. В основу фильтрации была положена классификация контекстов, ранее изложенная в [Зализняк 2008а: 242 и след.]. Наиболее многочисленную группу отфильтрованных клауз составили случаи употребления местоимения, дополненного усилительной частицей *же* (15), вводимого союзами *но*, *а* (16), *и* (17), а также сопровождаемые именем-приложением (18):

- (15) *онъ же въоруженъ силою кр(с)тною* [НПЛ, Синодальный список];
- (16) *А вы, печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ* [Грамота великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление, 1367 г.; ГВНП, №87];
- (17) *А кто почьнетъ въступатися въ тое землю, и въ воду, и въ пожьни или князь или епискупъ, или хто иметь силу дьяти, и онъ въ второе пришьствие станеть тяжатися съ святымъ Пантелеимономъ* [Грамота великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю на село Витославиць и другие земли, 1146; ГВНП, №82];
- (18) *Во 146-мъ году, онъ, Микиворъ, ис полону ушолъ въ Немецкую землю на Виницею и на многия розныя земли* [Челобитная атамана Осипа Лосева и казаков его станицы о даче государева жалованья атаману Никифору Половневу и об отпуске, 1638, НКРЯ].

Кроме того, в выборку не включались клаузы с именной частью сказуемого, выраженной предложной группой (19):

⁹ При статистическом анализе использовалась программа SPSS.

¹⁰ Согласно замечанию А. А. Зализняка, в диахронической перспективе «поведение местоимений в этой зоне не менялось от времени: оно практически такое же и в современном языке» [Зализняк 2008а: 243].

(19) *и онъ в правде и в вине игумену з братьею* [Угл, №4, XV в.].

Фильтрация данной группы клауз была обусловлена тем, что в них не представлялось возможным однозначно определить тип предиката (связочный именной vs. глагольный) в силу неоднозначной семантики глагола *быти* (*быть*), который в таких конструкциях мог трактоваться и как вспомогательная связка при именном сказуемом, и как содержательная глагольная словоформа в экзистенциальном или локативном значении¹¹.

Итоговый объем всех исследованных релевантных клауз составил 429 единиц. Все они с точки зрения субъектной референции содержали одну из следующих стратегий:

- Для именных клауз:

1. Трехчленная модель с местоимением 3-го лица, эксплицитно выраженной глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *он есть князь*).

2. Двучленная модель с местоимением 3-го лица, нулевой глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *он князь*).

3. Двучленная модель с нулевым местоимением 3-го лица, эксплицитно выраженной глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *князь есть*).

4. Одночленная модель с нулевым местоимением 3-го лица, нулевой глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *Ø князь*).

- Для глагольных клауз:

1. Двучленная модель с местоимением 3-го лица и глаголом в презенсе (далее — модель типа *он дает*).

2. Одночленная модель без местоимения с глаголом 3-го лица в презенсе (далее — модель типа *Ø дает*).

3. Трехчленная модель с местоимением 3-го лица, эксплицитно выраженной глагольной связкой и перфектной л-формой (далее — модель типа *он есть дал*).

4. Двучленная модель с местоимением 3-го лица, нулевой глагольной связкой и перфектной л-формой (далее — модель типа *он дал*).

5. Двучленная модель без местоимения, с выраженной глагольной связкой 3-го лица и перфектной л-формой (далее — модель типа *дал есть*).

6. Одночленная эллиптическая модель с нулевым местоимением, нулевой глагольной связкой 3-го лица и эксплицитно выраженной перфектной л-формой (далее — модель типа *Ø дал*).

¹¹ Об этой особенности подобных клауз см.: [Зализняк 2008а: 222]; следует отметить, что в обоих случаях в презенсе 3-го лица бытийный глагол мог опускаться.

Параллельное распределение всех моделей по четырем временным периодам в целом соответствует принципу, принятому в [Зализняк 2004] на корпусе берестяных грамот (первые 3 периода). С учетом того, что к концу XVII в., согласно большинству исследователей, русская референциальная стратегия уже практически не отличалась от современной [Черных 1952: 227; Борковский, Кузнецов 2006: 323; Зализняк 2008а: 242], в текущей выборке был также выделен период с XVI по 1-ю половину XVII в., для которого предполагалось завершение референциальной эволюции.

После распределения всех клауз по выборкам, в соответствии с референциальной моделью, осуществлялась собственно статистическая проверка гипотезы о доминировании того или иного типа конструкций в конкретный временной период. Результаты этой проверки представлены в разделе 4.

4. Результаты анализа

4.1. Бытовой регистр

4.1.1. Именные клаузы

Общее количество клауз данного типа составило 18 единиц, что объясняется как малым количеством данных, так и меньшей частотностью данных конструкций по сравнению с глагольными. Их распределение представлено в таблице 2.

Таблица 2

Общее количество именных клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в зависимости от референциальной стратегии (бытовой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он есть князь</i>	0	0	0	0
<i>он князь</i>	1	0	0	5
<i>князь есть</i>	9	1	0	0
<i>Ø князь</i>	1	0	1	0
Всего	11	1	1	5

Статистический анализ частотности моделей (биномиальный критерий) с местоимением выявил следующую картину (таблица 3, рис. 1, знаком * здесь и далее помечены статистически значимые результаты).

Таблица 3

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в именных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (бытовой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он (есть) князь</i>	1 (9%) p-value=0,00*	0 (0%) p-value=0,5	0 (0%) p-value=0,5	5 (100%) p-value=0,05
<i>Ø князь (есть)</i>	10 (91%)	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)

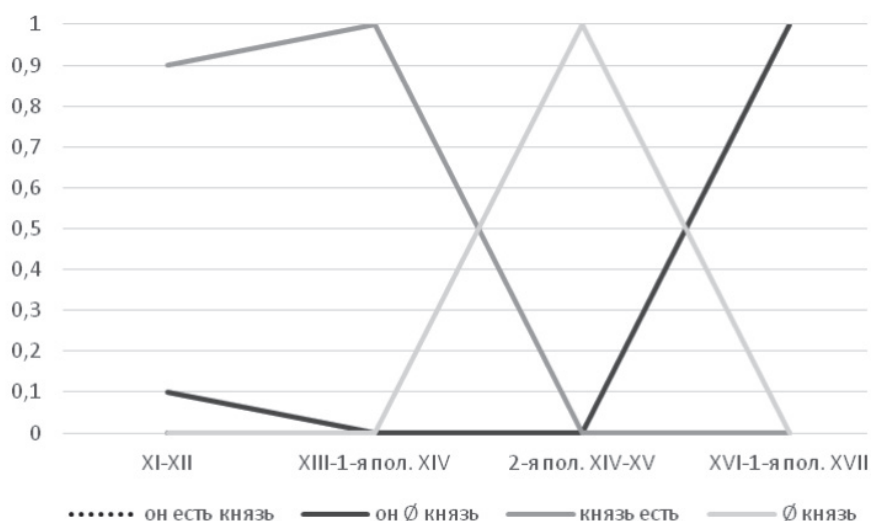

Рис. 1. Соотношение конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных именных клаузов бытового регистра

Согласно этим данным, в раннедревнерусский период до XIII в. доминирующей референциальной стратегией в 3-м лице была связочная безместоименная модель типа *князь есть*¹². После этого, в силу отсутствия данных, мы имеем лакуну, по которой судить о конкретной ситуации в языке нельзя («скачок» на рис. 1 не является статистически значимым и представлен лишь одним примером). Однако на последнем этапе, к XVII в. можно видеть, что вспомогательный глагол при *л*-форме уже утрачен, и основной моделью является модель типа *он князь*

¹² Здесь и далее для удобства чтения нулевые элементы в ряде случаев опускаются.

(рис. 1). Одночленные эллиптические модели типа *О князь* крайне редки, а трехчленные модели с местоимением и связкой не встретились вообще. Основными конкурирующими моделями, таким образом, являются модели типа *князь есть* и *он князь*. Для них статистическую значимость удалось доказать только для самого раннего и самого позднего исследуемого периода: в XII в. еще четко доминирует связочная модель *князь есть* (20–21), а в XVI в. — уже модель *он князь* (22–23):

(20) *лихе есте* [БГ-163, XII в.];

(21) *зане хрстьяне суть* [Киев-Д, XII в.];

(22) *on omanstzik* [Fenne, 1607];

(23) *Литовской де гонец был у королевны для того, что он человек лехкой* [Статейный список Ф. А. Писемского (Англия)¹³, 1582].

Все промежуточные данные между XII и XVI вв. не являются статистически значимыми, и выявление того, что непосредственно предшествовало установлению местоименной модели, является дальнейшей задачей.

4.1.2. Глагольные клаузы

Общее количество глагольных клауз, извлеченных из бытовых памятников, составило 102 единицы. Их распределение представлено в таблице 4, см. также Рис. 2.

Данные глагольных клауз подтверждают, что на самом раннем этапе XI–XII вв. в древнерусском перфекте в бытовых текстах глагольная связка 3-го лица уже была фактически утрачена (сходит на «нет» связочная безместоименная перфектная модель *дал есть*, рис. 2). Утрата данной формы происходит ориентировочно на полтора столетия раньше аналогичного процесса в именных клаузах (рис. 1). Тем самым можно однозначно констатировать, что более ранняя утрата глагольных связок в перфекте не влечет за собой немедленную экспансию местоимений, как предполагалось ранее в работах [Jakobson 1971, Lindseth 1998, Meyer 2011]: после этого следует еще как минимум один промежуточный этап в виде утраты связки 3-го лица *есть* в именных клаузах. В остальном процесс, восстанавливаемый по глагольным клаузам бытовых текстов, схож с аналогичной эволюцией в именных клаузах: на самом раннем этапе в обоих видах клауз доминирует безместоименная модель, при этом для перфектных клауз данный приоритет достоверно сохраняется и во 2-й половине XIV — XV вв., а в презентных — в XIII — 1-й половине XIV в. (возможно, что и позже, но в силу меньшего количества презентных

¹³ Все статейные списки, вошедшие в выборку, даны по изданию [Лихачев 1954] и продублированы в НКРЯ.

Таблица 4

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных
и безместоименных моделей в глагольных клаузах с редуцированным
субъектом 3-го лица (бытовой регистр)

		Количество вхождений, % и статистическая значимость (критерий χ^2 -квадрат)			
Тип модели		до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
3.PRS	<i>он дает</i>	1 (4%) p-value=0,00*	1 (14%) p-value=0,05*	1 (17%) p-value>0,05	5 (71%) p-value>0,05
	<i>∅ дает</i>	17 (96%) p-value=0,00*	7 (86%) p-value=0,05*	5 (83%) p-value>0,05	2 (29%) p-value>0,05
3.PST	<i>он есть дал</i>	1 (6%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>он дал</i>	0 (0%) p-value=0,00*	2 (33%) p-value>0,05	1 (59%) p-value=0,04*	25 (76%) p-value=0,00*
	<i>дал есть</i>	1 (6%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>∅ дал</i>	16 (88%) p-value=0,00*	5 (67%) p-value>0,05	7 (41%) p-value=0,04*	6 (24%) p-value=0,00*
ВСЕГО	102	35	16	14	38

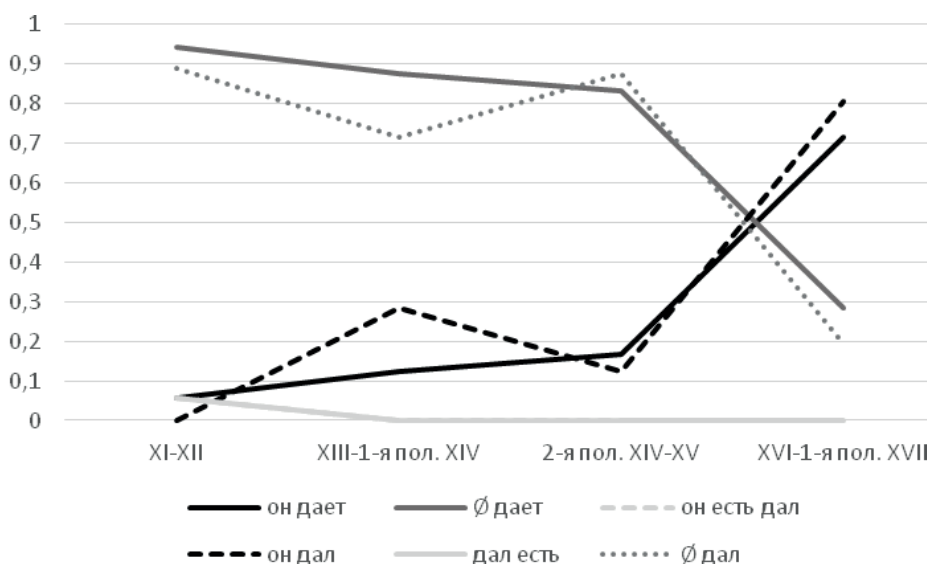

Рис. 2. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех
исследованных глагольных клауз бытового регистра

клауз, по сравнению с перфектными, однозначный вывод для периода 2-й половины XIV–XV вв. сделать нельзя), см. примеры (24–29), иллюстрирующие приоритетную референциальную модель для презентных и перфектных клауз различных временных периодов.

- (24) *на чьлади [въ]вѣричь не [п]лат[и]л[е] :е: на дьсате гривьно* ‘За челядь он не заплатил денег пятнадцать гривен’ [БГ-1002, XII в.];
- (25) *а мьнь не вѣдасть ничьто же* ‘А мне он не дает ничего’ [БГ-9, XII в.];
- (26) *а поцне прошати жени или синови жени* ‘А если он начнет просить для жены или для сына’ [БГ-406, 2-я половина XIV в.];
- (27) *И отпустил мя доброволно* [АфНик, XV в.];
- (28) *И встретили его айдаровы люди, ... которых он посылал с вестью к Турскому* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция), 1570 г.];
- (29) *То, господине, правду говоришь, кое он в своем прямом слове не стоит и государю вашему лжет* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция), 1570 г.].

Тем не менее ни данные глагольных, ни данные именных клауз не дают однозначного ответа на вопрос о том, в каких именно клаузах субъектные местоимения 3-го лица распространились раньше всего. Данные бытового регистра позволяют лишь говорить о том, что в XVI–XVII вв. и с именным предикатом, и с глаголом в прошедшем времени на -л (формы бывшего перфекта) в 3-м лице уже четко доминировала местоименная стратегия. Что касается презентных клауз, то вхождения XVI–XVII вв. формально не дают однозначного ответа о приоритетности местоименной модели в силу малого количества данных, однако не обнаруживают значимой разницы по сравнению с перфектными и именными клаузами (χ -квадрат, p -value > 0,05).

Таким образом, можно констатировать, что по данным только одного бытового регистра доказать первичность появления местоимений на месте бывших связок не представляется возможным. С учетом более ранних этапов, связанных с утратой глагольных связок 3-го лица в перфекте и вспомогательного глагола в именных клаузах, можно лишь оставить в силе предположение, что последовавшая в XVI в. экспансия соответствующих местоимений должна была ранее всего произойти в этих клаузах, а в презенсе распространиться позже, за счет аналогического выравнивания. Последнее, предположительно, случилось в бытовом регистре столь стремительно, что при дискретизации исторических периодов четко выявить ту самую границу, хронологически разделяющую экспансию местоимений в перфекте и презенсе, не представляется возможным.

В связи с этим интерес представляют данные деловых и книжных текстов, обзор которых будет осуществлен ниже.

4.2. Деловой регистр

4.2.1 Именные клаузы

Объем релевантных именных клауз, извлеченных из деловых текстов¹⁴, составил 69 единиц. Их распределение представлено в таблице 5.

Таблица 5

Общее количество именных клауз с редуцированным субъектом 3-го лица
в зависимости от референциальной стратегии (деловой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он есть князь</i>	0	0	2	0
<i>он князь</i>	0	0	6	43
<i>князь есть</i>	9	0	1	0
<i>Ø князь</i>	1	0	6	1
ВСЕГО	10	0	15	44

Статистический анализ частотности моделей с местоимением (биномиальный критерий) дает следующую картину (таблица 6, рис. 3, знаком * здесь и далее помечены статистически значимые результаты).

Таблица 6

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных
и безместоименных моделей в именных клаузах с редуцированным субъектом
3-го лица (деловой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он (есть) князь</i>	0 (0%) p-value=0,00*	0 (0%)	8 (53%) p-value=0,9	43 (99%) p-value=0,00*
<i>Ø князь (есть)</i>	10 (100%)	0 (0%)	7 (47%)	1 (1%)

¹⁴ Здесь и далее об источниках данных делового регистра см. Источники, раздел «Анализируемые памятники делового регистра»

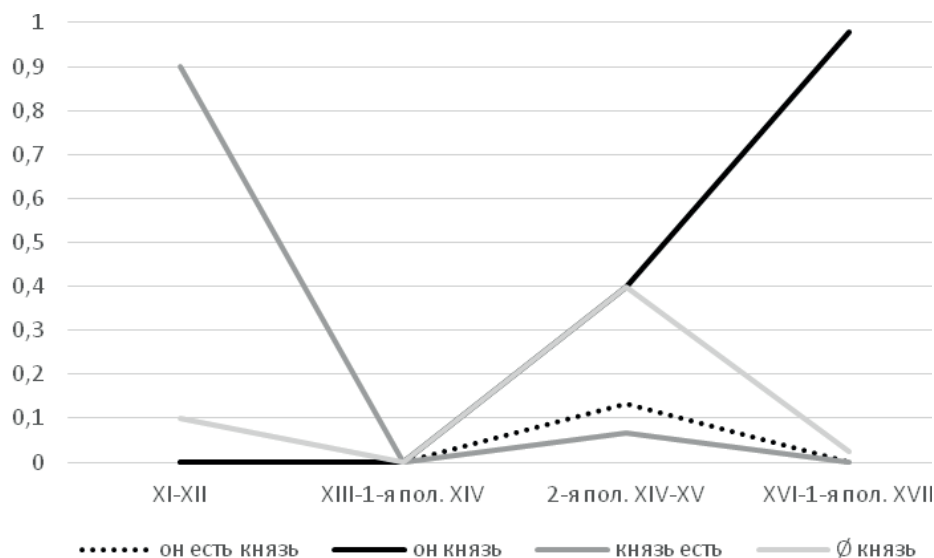

Рис. 3. Соотношение конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных именных клауз деловых текстов

С точки зрения статистической значимости, данные именных клауз делового регистра в целом совпадают с данными бытовых текстов (период до XIII в. — стойкое доминирование модели типа *князь есть*, неоднократно представленной, в частности, в древнейшем списке Русской Правды по Новгородской Кормчей, см. примеры 30–31; период XVI — 1-й половины XVII вв. — абсолютное доминирование современной модели *он князь*, см. примеры 12–14, 32).

(30) *аже слышав хто или зная или и ведая, **оже есть холоп**, а даеть ему хлеба или укажеть ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен [РусПр];*

(31) *их же князь продажею не казнить, зане **суть несвободни** [РусПр];*

(32) *И нынеча, брат мой, столко **он уж поучен** [ПосКр, №90, XVI в.].*

Однако в отличие от бытовых памятников, данные деловых текстов, в силу их большего количества, позволяют предполагать, что экспансия модели с эксплицитно выраженным субъектным местоимением в именных клаузах случилась не позднее 2-й половины XIV в.: в этот период наблюдается примерно равное соотношение местоименных и безместоименных клауз, и значимость близка к статистически достоверной (Таблица 6). В период XIII — 1-й половины XIV вв. моделей с редуцированным субъектом в деловых текстах не встретилось вообще. Отчасти

это может объясняться малым количеством данных. Однако возможно и то, что как раз в этот период была утрачена вспомогательная форма *есть* при именном предикате, и произошел некоторый вынужденный переходный этап, при котором эллиптические модели вида *князь не* могли служить полноценной заменой архаичным моделям типа *князь есть*, в силу невозможности однозначного восстановления референта без контекста, и носитель стремился избегать подобных конструкций в принципе, употребляя исключительно полные именные группы или синонимичные дативные обороты. По-видимому, в долгосрочной перспективе это оказалось затруднительным и послужило толчком к экспансии нового вида редуцированных субъектных конструкций с не-маркированным личным местоимением.

Также интерес представляют конструкции с *есть*, встретившиеся в период 2-й половины XIV — XV вв. По-видимому, они являются одной из особенностей украинских и полоцких грамот соответствующего времени: все встреченные связочные модели относятся именно к этим источникам (33–34):

(33) *намъ са видело ижъ **вни сѹт(ь) болре**, люди добрые, а не слуги пѹтѣные* [Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [польскому боярину] Сурвилу на сбор варных куниц, XV в.; ПГ-93];

(34) *...аже **сѹть неправыи фальшованыи листы*** [Правая грамота князя Федора Любартовича Мику Дедошицкому по поводу его спора из-за села Сяхова с Дмитрием Даниловичем, данная в Зудчове 5 июля 1428 г., XV в.; Укр, № 60].

С учетом того, что в новгородско-псковской и московской зонах подобные конструкции в это время уже не встречались, можно предположить, что длительная сохранность связочных моделей в юго-западных памятниках могла объясняться влиянием соседнего польского языка. Подобный тип контакта, при котором имеющаяся в языке редкая модель не утрачивалась окончательно, а, наоборот, длительное время сохранялась под влиянием контактов с другим языком, имеющим аналогичную конструкцию, достаточно хорошо известен в литературе (“minor use pattern”, в терминах Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2005: 45]), в том числе в славянских языках [Wiemer, Hansen 2012: 81]

4.2.2. Глагольные клаузы

Процедура анализа глагольных клауз в деловых текстах происходила аналогично соответствующему анализу бытовых данных. Общий объем релевантных клауз, извлеченный из деловых текстов, составил 263 единицы (таблица 7, рис. 4).

Таблица 7

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в глагольных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (деловой регистр)

		Количество вхождений, % и статистическая значимость (критерий χ -квадрат)			
Тип модели		до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
3.PRS	<i>он дает</i>	0 (0%)	0 (0%) p-value=0,00*	14 (42%) p-value=0,8	24 (50%) p-value=1,00*
	<i>∅ дает</i>	0 (0%)	14 (100%) p-value=0,00*	19 (58%) p-value=0,8	24 (50%) p-value=1,00*
3.PST	<i>он есть дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>он дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	34 (49%)	69 (38%)
	<i>дал есть</i>	0 (0%)	0 (0%)	3 (5%)	0 (0%)
	<i>∅ дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	36 (51%) p-value=1,00*	26 (62%) p-value=0,15
ВСЕГО	102	0	14	106	143

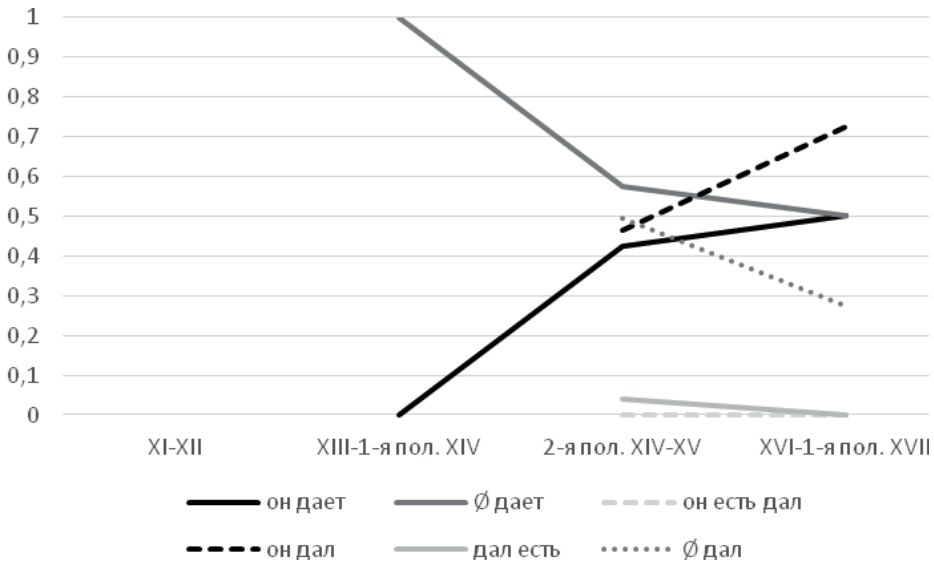

Рис. 4. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных глагольных клаузов делового регистра

По этим данным, в отличие от бытовых текстов, на этапе XVI — 1-й половины XVII вв. уже можно констатировать значимо большее преобладание местоименных моделей в новых претеритных клаузах, по сравнению с презентными (χ -квадрат, p -value < 0.01). Данные предыдущего этапа (2-я пол. XIV–XV вв.) не обнаруживают значимой разницы в презентных клаузах, по сравнению с данными более позднего периода XVI — 1-й половины XVII вв., однако указывают на соответствующую разницу в претеритных клаузах (χ -квадрат, p -value < 0.01). Можно констатировать, что в претеритных клаузах деловых документов скорость экспансии местоимений была очевидно выше аналогичного процесса в презентных клаузах.

Формально более высокая скорость экспансии местоимений в клаузах с л-формами не является строгим доказательством того, что именно в этом виде клауз процесс начался раньше. Однако при анализе конкретных типов клауз обращает на себя внимание тот факт, что большая часть презентных конструкций без субъектного местоимения в деловых текстах входит в состав анафорических клишированных формул со значением условия. Данная особенность характерна как для ранних (35–36), так и для более поздних памятников (37–39):

(35) *аже оудържитъ оу томъ сѧ можете оучинити пагоуба;*

(36) *аже продать не дати ничего же*

[Смоленская торговая правда 1229 г., сп. А, приводится по изданию Смол];

(37) *А приедет на судне с товаром из ыных городов и волостей Новгородской земли...*

(38) *А приедет на судне с товаром из Московской земли...*

(39) *А взвесит мех соли или пошев соли или рогожу соли...*

[ВелНовг, Уставные грамоты новгородской таможни 1571–1587 гг.]

Перфектные же клаузы обнаруживают большую гибкость с точки зрения представленных моделей; количество устойчивых клишированных формул с редуцированной субъектной референцией в этих клаузах меньше, чем в клаузах с презентом. Можно предположить, что длительное сохранение презентной модели с опущением местоимения в деловых текстах является следствием того, что и в бытовом языке эта модель также по умолчанию воспринималась как немаркированная. Несмотря на тенденцию к фиксированному воспроизведению формул-клише, референциальная модель в них с течением времени могла меняться, в зависимости от параллельных изменений в живом языке. Подтверждением могут служить ранние и поздние берестяные грамо-

ты: если в первых в качестве заключительной формулы употребляется модель *кланяюся ти*, то в поздних постепенно начинает преобладать модель вида *а язю тебе кланяюся*. В этом случае можно полагать, что отсутствие соответствующих изменений в формулах также коррелирует с реальной языковой ситуацией и может быть косвенным доказательством того, что в презентных клаузах экспансия местоимений действительно стартовала позже, чем в клаузах с перфектом. В этой связи также примечательно, что конструкции с перфектом употреблялись в целом существенно чаще презентных (χ -квадрат, p -value <0.001), что также может быть косвенным аргументом в пользу приоритетности первых для масштабной языковой эволюции.

Таким образом, деловой регистр, предоставляющий большее количество данных, отражает ряд фактов, косвенно свидетельствующих о приоритете перфектных моделей в ходе экспансии местоимений. Принимая во внимание, что при сравнении данных перфектных клауз (таблица 7) с именными (таблица 5) не обнаруживается значимой разницы в распределении местоименных и безместоименных моделей в период 2-й половины XIV — XV вв. (приблизительно равное соотношение, в дальнейшем сменяющееся уже более высоким преобладанием местоимений в именных клаузах), можно полагать, что местоимения 3-го лица в неэмфатическом и неконтрастивном употреблении действительно первоначально распространились в бывших связочных клаузах, на месте стремительно утрачиваемой глагольной связки *есть*.

Вместе с тем эти данные еще не позволяют окончательно говорить, что именно утрата глагольных связок стала непосредственным триггером к экспансии местоимений. В частности, формально нельзя исключать и обратного процесса [Kibrik 2004; см. также Борковский, Кузнецов 2006: 324, 332], поскольку утрата вспомогательных глагольных форм и связок 3-го лица и распространение соответствующих личных местоимений фактически совпадают по времени (рис. 1–3) как в деловых, так и в бытовых текстах. Большой вес теории о первичности утраты связок могло бы придать выявление промежуточной референциальной стратегии с нулевым местоимением и нулевой связкой, в хронологической цепочке (таблица 8).

Стадия 2 (доминирование эллиптической модели с нулевым субъектом 3-го лица и соответствующей нулевой формой вспомогательного глагола) в не книжных текстах формально выявлена не была, вероятно, в силу «стремительного» характера референциальной эволюции. Однако книжные тексты, с их более консервативным синтаксисом, теоретически могли уточнить этот тезис.

Их данные представлены ниже.

Таблица 8

Вероятный сценарий развития русской референциальной перестройки в случае первичности утраты глагольных связок по отношению к экспансии местоимений

	Этап 1	Этап 2	Этап 3
3.NOM	<i>князь есть</i>	<i>князь Ø_{cop}</i>	<i>он князь</i>
3.PST	<i>далъ есть</i>	<i>далъ Ø_{cop}</i>	<i>он дал</i>

4.3. Книжный регистр

4.3.1 Именные клаузы

Общий объем именных клауз, извлеченных из книжных памятников¹⁵, составил 56 единиц. Их распределение представлено в таблице 9.

Таблица 9

Дистрибуция именных клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в зависимости от референциальной стратегии (книжный регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он есть князь</i>	2	0	0	0
<i>он князь</i>	0	0	0	13
<i>князь есть</i>	24	10	5	2
<i>Ø князь</i>	0	0	0	0
Всего	26	10	5	15

Результаты статистической проверки соотношения местоименных и безместоименных моделей для каждого из исследуемых временных этапов представлены в таблице 10 и на рис. 5.

Результаты анализа именных клауз, извлеченных из книжных текстов, во многом совпали с аналогичными данными некнижных памятников (см. Разделы 4.1.1 и 4.2.1). Во всех этих текстах в самых ранних памятниках до XII в. доминирует связочная модель *князь есть*, и во всех этих текстах в XVI в. она заменяется на модель *он князь*. При этом в книжных текстах связочная модель однозначно доминирует и на этапе XIII – 1-й половины XIV в., и фрагментарно встречается и в более

¹⁵ Здесь и далее об источниках данных книжного регистра см. Источники, раздел «Анализируемые памятники книжного регистра»

Таблица 10

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в именных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (книжный регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он (есть) князь</i>	2 (6%) p-value=0,00*	0 (0%) p-value=0,00*	0 (0%) p-value=0,1	13 (87%) p-value=0,01*
<i>Ø князь (есть)</i>	24 (94%)	10 (100%)	5 (100%)	2 (13%)

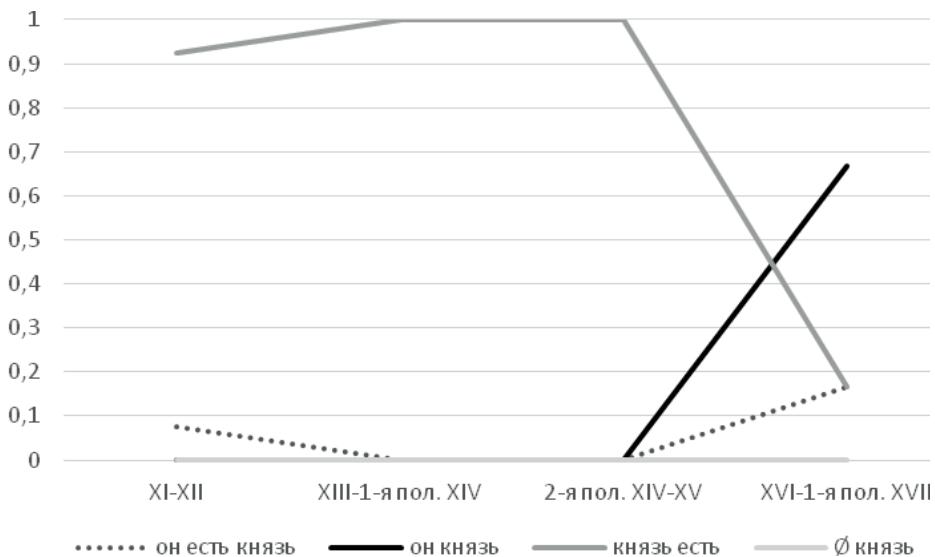

Рис. 5. Распределение с выраженным и невыраженным субъектным местоимением 3-го лица среди всех исследованных именных клаузов книжного регистра

позднее время, осознаваемая как признак «книжности», тогда как для некнижных текстов преимущество этой модели в период XIII – 1-й пол. XIV вв. уже не выглядит столь явно, и поэтому статистически не доказывается. Итоговый же результат для XVI – XVII вв., идентичный некнижным текстам, – доминирование местоименной бессвязочной модели *он князь* – сам по себе примечателен и указывает на то, что отдельные синтаксические процессы, такие как изменение референциальной стратегии, могли начаться в книжном регистре позже других

типов памятников, однако затем распространялись в них с очень высокой скоростью, по сути, так же быстро, как и в не книжных текстах. Тем самым отмечаемый исследователями консервативный характер книжных текстов оказывается не совсем универсальной чертой.

Вероятный промежуточный этап, с доминированием бессвязочной безместоименной модели, данные книжных именных клаузов также не позволяют выявить. Последним возможным «кандидатом» на наличие этой модели остаются книжные глагольные клаузы.

4.3.2. Глагольные клаузы

Общий объем релевантных клаузов, извлеченный из книжных текстов, составил 57 единиц (таблица 11, рис. 6).

Таблица 11

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в глагольных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (книжный регистр)

		Количество вхождений, % и статистическая значимость (критерий χ^2 -квадрат)			
Тип модели		до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
3.PRS	<i>он дает</i>	0 (0%)	0 (0%)	1 (15%)	1 (11%)
	\emptyset <i>дает</i>	1 (100%) p-value>0,05	5 (100%) p-value>0,05	6 (85%) p-value>0,05	8 (89%) p-value=0,04*
3.PST	<i>он есть дал</i>	1 (9%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>он дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (9%)
	<i>дал есть</i>	10 (91%) p-value=0,04*	1 (50%)	0 (0%)	0 (0%)
	\emptyset <i>дал</i>	3 (0%)	1 (50%)	0 (0%)	10 (91%) p-value=0,02*
ВСЕГО	57	15	7	7	28

В отличие от именных клаузов, где эволюция проходила во многом схожим образом с не книжными данными (хотя и с близким к значимому отличием в период XIII – 1-й пол. XIV в. в контекстах с моделью типа *князь есть*), глагольные клаузы, извлеченные из книжных памятников, дают иную картину. Эволюция в них происходит значительно медленнее, в этом случае уже полностью подкрепляя тезис о существенно более позднем характере языковых изменений в книжных памятниках.

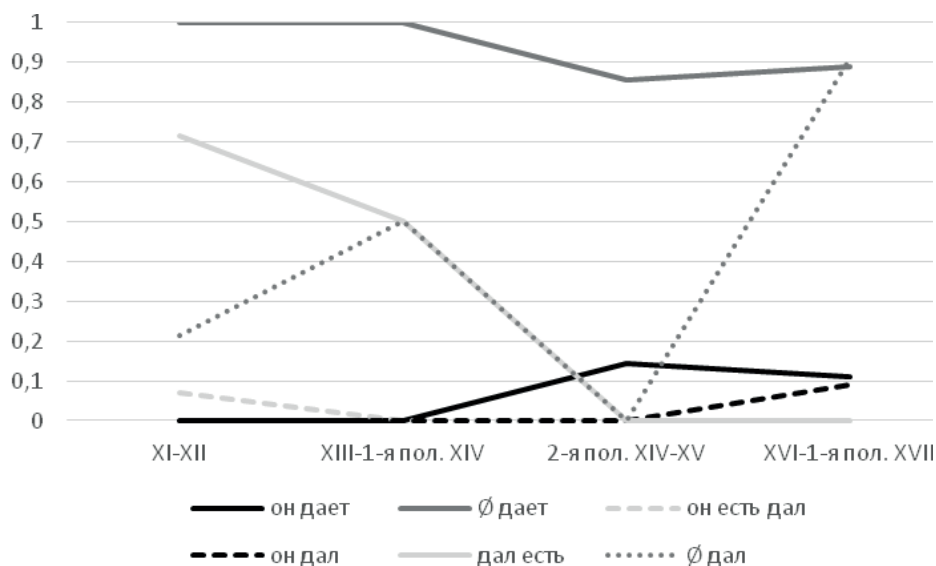

Рис. 6. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных глагольных клаузов книжного регистра

С этой точки зрения показательным выглядит доминирование модели *дал есть* в ранних текстах, уже утраченной к этому моменту или вовсе отсутствовавшей в бытовом языке (ср. примеры 8, 40):

(40) *Понеже неприязнену кончину **приялъ есть*** [ЖАЮ, XII в.].

До этапа экспансии местоимений эволюция в книжных глагольных клаузах так и не доходит, останавливаясь как раз на «разыскиваемом» промежуточном этапе референциальной эволюции, заключающемся в утрате глагольных связок 3-го лица и распространении эллиптической модели типа *∅ дал*. Именно эта модель значимо доминирует в прошедшем времени в книжных памятниках XVI — 1-й половины XVII вв.:

(41) *Того же мѣсяца въ 12 день ис того же рва повели подкопы под Круглую науголную башню противъ Подолного монастыря* [АврПал];

(42) *чего ради поехал с Москвы в Великий Новгород* [Повесть о псковском взятии].

Тем самым книжные тексты фактически позволяют вычленить недостающее «звено» в процессе реконструкции русской референциальной перестройки и подкрепляют теорию об утраченных связках как о триггере дальнейшей экспансии местоимений.

5. Заключение

Сопоставительный диахронический анализ бытовых, деловых и книжных текстов позволил с достаточной уверенностью вычленить все этапы русской референциальной перестройки, предшествовавшие экспансии местоимений 3-го лица. При этом каждый подкорпус анализируемых текстов внес свой «вклад» в исследование данного процесса.

Так, бытовые памятники позволили установить, во-первых, что утрата глагольных связок 3-го лица в именных клаузах началась приблизительно на 150 лет позже аналогичного процесса в перфектных клаузах, а во-вторых, что приоритет моделей с эксплицитно выраженным местоимением 3-го лица достоверно обнаруживается в период XVI — 1-й половины XVII вв. во всех видах клауз. Тем не менее скорость экспансии местоимений в бытовом регистре оказалась слишком высокой для того, чтобы вычленить конкретный тип клауз, где личные местоимения лица стали употребляться ранее всего: фактически они одновременно распространяются и в именных клаузах, и в глагольных презентных, и в глагольных претеритных (бывших перфектных). Вероятным выглядел сценарий первичного появления местоимений на месте бывших связочных клауз (т. е. именных и перфектных) и дальнейшего аналогического выравнивания на глагольные презентные клаузы, однако строго доказать этот факт бытовые тексты не позволяли.

Его позволили уточнить деловые тексты, где по косвенным данным (большая устойчивость презентных моделей в формулах, большая распространенность перфектных моделей, по сравнению с презентными и др.) восстанавливается более ранняя экспансия местоимений в перфектных клаузах, по сравнению с презентными. Из этого следует более общий тезис о том, что местоимения в первую очередь распространялись именно на месте бывших глагольных связок. Дальнейший анализ книжных текстов, где эволюция носила еще более медленный характер, позволил выявить промежуточный этап — некоторое доминирование бессвязочных безместоименных моделей типа *Ø дал*, между этапом доминирования старой связочной модели типа *дал есть* и этапом распространения новой местоименной модели типа *он дал*. Наличие этого этапа позволяет с большей уверенностью утверждать, что именно утрата глагольных связок послужила триггером к дальнейшему распространению местоимений, а не наоборот. Тем самым, более медленный характер эволюции в памятниках делового книжного регистра позволил уточнить и статистически доказать ряд конкретных этапов в истории всего процесса.

Библиография

Источники

Современные базы данных

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Древне- и среднерусские данные

Анализируемые памятники бытового регистра

АфНик

Никитин А., Хождение за три моря, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 7, С.-Петербург, 1999, 348–379 (электронная версия: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068>); бытовой компонент соответствует не книжному выделению в [Зализняк 2008а: 85].

БГ

Берестяные грамоты XI–XV вв. (<http://gramoty.ru/birchbark/>).

Киев-Д

Диалогическая часть Киевской летописи по Ипатьевскому списку, *Полное собрание русских летописей*, 2, 4-е изд., Москва, 1962; бытовой компонент соответствует не книжному выделению в [Зализняк 2008а: 85].

Послания Ивана Грозного

Послания Ивана Грозного Елизавете I, королю Юхану III, Василию Грязному (1588–1574 гг.), *Библиотека литературы Древней Руси*, 11, Москва, 2001 (цит. по электр. изд. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9114>); бытовой компонент соответствует не книжному выделению в [Зализняк 2008а: 85].

АпRB

Ein Rusch Boeck Bin Ick Genanth mit velen Ehlücken lüden sey Ick Allto wol nicht Bekhant [Fałowski 1994].

Fenne

Hammerich L. L., Jakobson R., eds., *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607, 2: Transliteration and Translation*, Copenhagen, 1970.

Анализируемые памятники делового регистра

Акты Юридические 1858

Акты юридические, или собрание форм старинного дѣлопроизводства, С.-Петербург, 1858.

Вахромеев 1881

Вахромеев И. А., *Княжія и царскія грамоты Ярославской губерніи*, Москва, 1881.

ВелНовг

Баранов К. В., сост., *Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов*, С.-Петербург, 2001.

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДоклXV

РГАДА, ф. 1144, Оп. 1. Кн. 1. Л. 1 об., 2. Изложение 1597–98 гг., Докладная полная XV века, по изд.: *Архив русской истории: сборник государственного архива древних актов*, 8, Москва, 2007 (электронная версия: *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада*: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Doklad_Koskin/text.htm).

Купчинський 2004

Купчинський О., *Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти*, Львів, 2004.

Кучкин 2003

Кучкин В. А., *Договорные грамоты московских князей XIV века*, Москва, 2003.

ПГ

Хорошкевич А. Л., отв. ред., Полехов С. В., зам. отв. ред., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., ред., *Полоцкие грамоты XIV–XVI вв.*, 1, Москва, 2015.

ПосКр

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордями и с Турцией, 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России (= Сборник императорского русского исторического общества, 41), С.-Петербург, 1884 (электронная версия: *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада*: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/PDS_1/).

Риж

Рижские грамоты 60–70х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива, *Археографический ежегодник за 1965 г.*, Москва, 1966.

РусПр

Карский Е. Ф., *Русская Правда по древнейшему списку*, Ленинград, 1930.

Укр

Розов В. А., *Українські грамоти*, 1: XIV в. і перша половина XV в., Киев, 1928.

Самоквасов 1908

Самоквасов Д. Я., *Памятники древнего русского права. Пособие для практических занятий студентов*, 1, Москва, 1908.

Смол

Аванесов Р. И., ред., Сумникова Т. А., Лопатин В. В., подгот. к печати, *Смоленские грамоты*, Москва, 1963.

Угл

Шумаков С. А., *Угличские акты (1400–1749 гг.)*, Москва, 1898.

Хорошкевич 1964

Хорошкевич А. Л., Новые Новгородские грамоты XIV–XV вв., *Археографический ежегодник за 1963 год*, Москва, 1964, 264–277.

Шумаков 1895

Шумаков С. А., *Губные и земскія грамоты Московскаго Государства*, Москва, 1895.

Щапов 1976

Щапов Я. Н., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

Янин 1960

Янин В. Л., Две неизданные новгородские грамоты XV века, *Археографический ежегодник за 1959 год*, Москва, 1960, 333–340.

Анализируемые книжные памятники

АврПал

Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 14: *Конец XVI – начало XVII века*, С.-Петербург, 2006, 238–255.

Бельский летописец

Бельский летописец, *Полное собрание русских летописей*, 34, Москва, 1978, 238–271.

Вопрошание Кириково

Се иесть въпрошание Кюриково, неже въпраша иепископа ноугородьского Нифонта и инех, *Памятники древнерусского канонического права*, 1 (= Русская историческая библиотека, 6), С.-Петербург, 1880, 21–62.

ГалВол

Галицко-Волынский свод, *Полное собрание русских летописей*, 2, под ред. А. А. Шахматова, С.-Петербург, 715–938, 1908.

ЖАЮ

Житие Андрея Юродивого, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 2, С.-Петербург, 1999, 330–359.

ЖМТ

Житие Михаила Ярославича Тверского, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 68–91.

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 7, С.-Петербург, 1999, 286–311.

Наставление отца к сыну

Наставление отца к сыну, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 490–493.

Новая повесть о преславном Российском царстве

Новая повесть о преславном Российском царстве, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 14, С.-Петербург, 2006, 150–179.

НПЛ

Полное собрание русских летописей, 3: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, 2000.

ПВЛ

Повесть временных лет, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 1, С.-Петербург, 1997, 23–278.

ПетрОрд

Повесть о Петре, царевиче Ордынском, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 9, С.-Петербург, 2000, 70–85.

Повесть о битве на Калке

Повесть о битве на Калке (из Тверской летописи), Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 5, С.-Петербург, 1997, 106–131.

Повесть о видении инок Варлааму в Великом Новгороде

Повесть о видении инок Варлааму в Великом Новгороде, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 14, С.-Петербург, 2006, 204–209.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 13, С.-Петербург, 2005, 534–607.

Повесть о Псково-Печерском монастыре

Повесть о Псково-Печерском монастыре, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 13, С.-Петербург, 2005, 476–533.

Повесть о псковском взятии

Повесть о псковском взятии, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 9, С.-Петербург, 2000, 222–233.

Повесть о Темир Аксаке

Повесть о Темир Аксаке, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 230–241.

Повесть о Шевкале

Повесть о Шевкале, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 92–95.

Повесть об ослеплении Василия II

Повесть об ослеплении Василия II, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 498–513.

Сказание о Мамаевом побоище

Сказание о Мамаевом побоище, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 138–189.

Хождение Стефана Новгородца

Хождение Стефана Новгородца, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 30–41.

Литература

Борковский, Кузнецов 2006

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 2006.

Буденная 2018

Буденная Е. В., *Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала*, (Диссертация на соискание степени канд. филологических наук, Москва, 2018).

Горшкова, Хабургаев 1981

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1981.

Живов 1996

Живов В. М., Основные регистры книжного языка и процессы их формирования, *Idem, Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996, 31–41.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Зализняк 1998

Зализняк А. А., Из наблюдений над «Разговорником Фенне», А. А. Гиппиус, Л. Г. Невская, Т. М. Николаева, отв. ред., Т. В. Цивьян, ред., *ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*, Москва, 1998, 235–275.

——— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

——— 2008a

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

- 20086
Зализняк А. А., Из наблюдений над языком Афанасия Никитина, Ф. Б. Успенский, отв. ред., *Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*, Москва, 2008, 150–163.
- Лихачев 1954
Лихачев Д. С., Повести русских послов как памятники литературы, *Ibid., Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки*, Москва, Ленинград, 1954, 319–346.
- Пичхадзе 2011
Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси*, Москва, 2011.
- Сквейрс, Фердинанд 2002
Сквейрс Е. Р., Фердинанд С. Н., *Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов*, Москва, 2002.
- Соболевский 1907
Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, Москва, 1907.
- Толстой 1963
Толстой Н. И., Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.), *Славянское языкознание. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов*, Москва, 1963, 230–272.
- 1988
Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.
- Успенский 2002
Успенский Б. А., Введение: Предмет истории литературного языка. Языковая ситуация и характер литературного языка, *Ibid., История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002, 7–32.
- Хабургаев 1978
Хабургаев Г. А., Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке, *Вестник МГУ, Серия 9: Филология*, 4, 1978, 42–53.
- Черных 1952
Черных П. Я., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1952.
- Шевелева 2006
Шевелева М. Н., Некнижные конструкции с формами глагола «быти» в псковских летописях, А. М. Молдован, отв. ред., *Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 215–241.
- Fałowski 1994
Fałowski A., hrsg., „Ein Rusch Boeck...”: *Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, 3(18)), Köln, 1994.
- Grenoble 2001
Grenoble L. A., Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian, *Glossos*, 1, 2001 (<http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>).
- Heine, Kuteva 2005
Heine B., Kuteva T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.
- Jakobson 1971
Jakobson R., Les enclitiques slaves, *Selected Writings, 2: Word and Language*, The Hague, 1971, 16–22.
- Kibrik 2004
Kibrik A. A., Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma?, A. Branco, R. Mitkov, T. McEnery, eds., *Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC)*, Lisbon, 2004, 87–90.

Kwon 2009

Kwon J., *The Subject Cycle of Pronominal Auxiliaries in Old North Russian*, E. van Gelderen, ed., *Cyclical change*, Amsterdam, Philadelphia, 2009, 157–184.

Lindseth 1998

Lindseth M., *Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian*, München, 1998.

Meyer 2011

Meyer R., *The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation)*, (Habilitation Thesis, University of Regensburg, 2011).

Madariaga 2018

Madariaga N., Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: The case of Russian, F. Cognola, J. Casalicchio (eds.), *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective*, Oxford, 2018, 171–198.

Wiemer, Hansen 2012

Wiemer B., Hansen B., Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavonic, B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen, eds., *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*, Berlin, 2018, 67–155.

Zdorenko 2009

Zdorenko T., Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus, S. T. Gries, S. Wulff, M. Davies, eds., *Corpus-linguistic applications: current studies, new directions*, Oxford, 2009, 119–133.

References

Avanesov R. I., Sumnikova T. A., Lopatin V. V., eds., *Smolenskije gramoty*, Moscow, 1963.Baranov K. V., ed., *Velikii Novgorod vo vtoroi polovine XVI v. Sbornik dokumentov*, St. Petersburg, 2001.Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 2006.Chernykh P. Ia., *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1952.Fałowski A., hrsg., *“Ein Rusch Boeck...”: Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, 3(18))*, Köln, 1994.Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A., *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1981.Grenoble L. A., Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian, *Glossos*, 1, 2001.Hammerich L. L., Jakobson R., eds., *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607, 2: Transliteration and Translation*, Copenhagen, 1970.Heine B., Kuteva T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.Jakobson R., Les enclitiques slaves, *Selected Writings*, 2: *Word and Language*, The Hague, 1971, 16–22.Khaburgaev G. A., *Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v rus-**skom iazyke*, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 4, 1978, 42–53.Kibrik A. A., Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma?, A. Branco, R. Mitkov, T. McEnery, eds., *Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC)*, Lisbon, 2004, 87–90.Kwon J., *The Subject Cycle of Pronominal Auxiliaries in Old North Russian*, E. van Gelderen, ed., *Cyclical change*, Amsterdam, Philadelphia, 2009, 157–184.Likhachev D. S., *Povesti russkikh poslov kak pamiatniki literatury*, Ibid, *Puteshestviia russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateinye spiski*, Moscow, Leningrad, 1954, 319–346.Lindseth M., *Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian*, München, 1998.Madariaga N., Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: The case of Russian, F. Cognola, J. Casalicchio (eds.), *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective*, Oxford, 2018, 171–198.Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaja deiatel'nost' v domongoľ'skoi Rusi*, Moscow, 2011.Rozov V. A., *Ukrains'ki gramoty, 1: XIV v. i persha polovyna XV v.*, Kiev, 1928.

Sheveleva M. N., Neknizhnye konstruktii s formami glagola «byti» v pskovskikh letopisiakh,

A. M. Moldovan, ed., *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 215–241.

Squires E. R., Ferdinand S. N., *Ganza i Novgorod: iazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*, Moscow, 2002.

Tolstoi N. I., *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Tolstoi N. I., Vzaimootnoshenie lokal'nykh tipov drevneslavianskogo literaturnogo iazyka pozdnego perioda (vtoraia polovina XVI–XVII vv.), *Slavianskoe iazykoznanie. Doklady sovetskoi delegatsii, V Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 1963, 230–272.

Uspenskij B. A., Vvedenie: Predmet istorii literaturnogo iazyka. Iazykovaia situatsiia i kharakter literaturnogo iazyka, Ibid., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002, 7–32.

Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.

Wiemer B., Hansen B., Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavonic, B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen, eds., *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*, Berlin, 2018, 67–155.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zaliznyak A. A., Iz nabliudenii nad iazykom Afanasiia Nikitina, F. B. Uspenskij, ed., *Miscellanea Slavica. Sbornik statei k 70-letiiu Borisa Andreevicha Uspenskogo*, Moscow, 2008, 150–163.

Zaliznyak A. A., Iz nabliudenii nad «Razgovornikom Fenne», A. A. Gippius, L. G. Nevskaja, T. M. Nikolaeva, T. V. Tsivyan, eds., *Polytropon. To 70th Birthday of Vladimir Toporov*, Moscow, 1998, 235–275.

Zdorenko T., Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus, S. T. Gries, S. Wulff, M. Davies, eds., *Corpus-linguistic applications: current studies, new directions*, Oxford, 2009, 119–133.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Zhivov V. M., Osnovnye registry knizhnogo iazyka i protsessy ikh formirovaniia, Idem, *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996, 31–41.

Евгения Владимировна Буденная, кандидат филологических наук
научный сотрудник лаборатории лингвосомиотических исследований
НИУ ВШЭ

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики

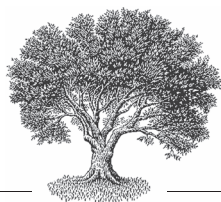
Института языкознания РАН

125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Россия / Russia

jane.sdrv@gmail.com

Received March 16, 2019

К вопросу о
моносубъектности /
немоносубъектности
деепричастного
оборота и основного
высказывания
в современном
русском языке

**Федор Борисович
Альбрехт**

Литературный институт
им. А. М. Горького
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия

On the Problem
of Subject Identity
in the ‘Adverbial
Participle + Main
Clause’
Construction in
Modern Russian

Fedor B. Albrekht

Maxim Gorky Institute of Literature
and Creative Writing
St Tikhon's Orthodox University
of Humanities
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена проблеме моносубъектности/немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в русском языке. Деепричастие, возникнув из *participium coniunctum*, выражает второстепенное действие-состояние того же субъекта, что и в основном высказывании; при

Цитирование: Альбрехт Ф. Б. К вопросу о моносубъектности / немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 244–273.

Citation: Albrekht F. B. (2020) On the problem of subject identity in the construction “adverbial participle + main clause” in modern Russian. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 244–273.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.2.12

этом субъект в основном высказывании стоит в именительном падеже. Но, как показывает характер употребления, грамматическое подлежащее и семантический субъект в деепричастном обороте и основном высказывании не всегда тождественны: бывают случаи, когда субъекты основного высказывания и деепричастного оборота разные. В статье показывается, что зависимость между этими конструкциями представляет более широкое поле семантических и прагматических отношений между участниками второстепенной и основной ситуаций, в которых главную роль играет коммуникативный, а не формальный субъект. Дан анализ основных случаев, когда при коммуникативно-прагматической моносубъектности деепричастного оборота и главной клаузы грамматически субъект последней не выражается подлежащим. Это: 1) дательный субъекта, в том числе подразумеваемый (*Увидев задания, мне стало боязно; Сидя в нетопленной квартире, было холодно*); 2) пассивизация основного высказывания (*Все это было сделано, подвезжая к деревне*); 3) выражение семантического субъекта конструкциями принадлежности (*Заканчивая статью, у меня сломался компьютер*); 4) декаузация (*Потратив все на выпивку, на еду не осталось*). Также встречаются такие типы периферийного употребления деепричастного оборота, когда: 1) он семантически не соотносится с субъектом основного высказывания (*Ребенок гладил собаку, виляя хвостом*); 2) он соотносится с грамматическим объектом основного высказывания (*Поздравляю вас, гражданин, соврамши!*). Русские примеры анализируются с привлечением высказываний из некоторых славянских (в том числе древних) языков, а также из современных балтийских языков — с целью или соотнести анализируемое явление русского языка с данными этих языков и показать, что этот феномен характеризует не только русский язык, или отмежеваться от прямого выведения некоторых современных явлений из древних (например, как представляется, нет оснований непосредственно связывать высказывания вроде *Ребенок гладил собаку, виляя хвостом* с абсолютно-предикативным употреблением причастий в древнерусском языке). Делается вывод, что нулевой тип согласования деепричастия с главной клаузой — это причина, по которой деепричастный оборот в современном русском языке способен отойти от «канонического» соотношения с субъектом как подлежащим основного высказывания и быть примененным в любой ситуации, когда у говорящего есть коммуникативное намерение обозначить второстепенное действие-обстоятельство и когда из контекста ясен субъект этого действия.

Ключевые слова

деепричастный оборот; основное высказывание; второстепенное высказывание; моносубъектность; немоносубъектность; грамматический субъект; семантический субъект; коммуникативный субъект

Abstract

The article discusses the subject matching between the adverbial participle construction and the main clause in Russian. Russian normative grammar requires the main clause and the adverbial participle construction within one utterance to express an action or a state of one and the same subject, as the Russian *деепричастие* (adverbial participle) is typologically related to an

implicit-subject converb. The adverbial participle has developed from a co-predicative participle, and now it mostly expresses a subordinate action (or a subordinate state) of the main clause's subject, which has the form of the nominative case. But, according to numerous real language examples, both oral and written, the grammatical subject (if any) in the main clause does not always coincide with the semantic subject of the whole situation. Besides, there are cases when the subjects of the main clause and the adverbial participle construction are different. There exists a wider sphere of semantic and pragmatic relations between participants of the main situation and of the subordinate situation, where the communicative subject, and not the formal one, plays the main role. Several main types of constructions are analysed, in which the semantic and communicative subject, while being the same for both situations, is not expressed by means of the nominative case in the main clause. First, the semantic subject may have the form of the dative case, and that is sometimes omitted when the subject is clear from the context: *Uvidev* (see-ADVP.PST) *zadaniia, mne* (I-DAT) *stalo boiazno* 'After seeing the tasks, I became frightened', *Sidia v netoplenoi kvartire, bylo holodno* 'While sitting in the unheated apartment, I (we, etc.) was (were) cold'. Second, there can occur passivisation of the main clause: *Vsio eto bylo sdelano* (PASS), *pod'ezhaia* (approach-ADVP.PRES) *k derevne* 'All of this was done (by the author of the sentence) when he was approaching the village'. Third, the semantic subject may be expressed by different possessive constructions: *Zakanchivaia* (finish-ADVP.PRES) *stat'iu, u menia* (I-GEN) *slomalsia komp'iuter* 'While I was finishing an article, my computer broke down'. The fourth case is represented by the removal of the subject, which is implicit in the given situation: *Potrativ* (spend-ADVP.PST) *vsio na vypivku, na edu ne ostalos* 'Having spent all his/her/our etc. money on booze, nothing was left for food'. In addition, two rare types of using the adverbial participle construction are analysed: 1) when the latter neither morphologically nor semantically relates to the subject of the main clause: *Rebionok gladil sobaku, viliaia* (wag-ADVP.PRES) *hvostom* 'The child caressed the dog (which was) wagging its tail'; 2) when the construction relates to the grammatical object of the main clause: *Pozdravliaiu vas, grazhdanin, sovramshi* (lie-ADVP.PST) 'My congratulations, comrade: you've just lied!'. While focusing on Russian utterances, the paper also includes data from other Slavic (including ancient) and, in several cases, from Baltic languages. Comparison shows that the given phenomena are not specific to Russian. Besides, the comparative data helps us to avoid deducing some modern structural phenomena directly from older constructions. For example, there seems to be no reason to connect such structures as *Rebionok gladil sobaku, viliaia* (wag-ADVP.PRES) *hvostom* 'The child caressed the dog (which was) wagging its tail' directly to the absolute predicative use of participles in Old Russian. We come to the conclusion that the lack of formal and grammatical congruence (in other words, of categorial agreement) between the adverbial participle construction and the main clause is the reason why in modern Russian the adverbial participle construction is able to disconnect from the grammatical subject of the main clause. Therefore, the adverbial participle construction can now be used in any situation when the speaker has a communicative intention to designate a subordinate action and the subject of this action is clear from the context.

Keywords

adverbial participle construction; implicit-subject converb; main statement; secondary utterance; subject (non-)identity in sentences with a copredicative structure; grammatical subject; semantic subject; communicative subject; context

Как известно, деепричастие или деепричастный оборот (далее — ДО) в современном русском языке относится к одному из регулярных грамматических средств оформления sentential adjunct или sentential circumstantial [Тестелец 2001: 266; Пекелис 2017: 34]. Основная (а с точки зрения нормативных грамматик — практически единственная) функция деепричастия в славянских языках, в том числе и в русском, — превращение данной формы в sentential adjunct с нулевым типом согласования [Недялков 1990: 49], которое выражает добавочное (второстепенное) действие-состояние того же субъекта, что и в основном высказывании [Краткая русская грамматика 2002: 349]. Согласно приводимым М. Хаспельматом типологическим параметрам, деепричастие в современном русском языке относится к конвербам с имплицитным субъектом (*implicit-subject converb*), кореферентным с субъектом главной клаузы. Для данных конвербов кореферентность с субъектом основного высказывания является типичной (*typical*), тогда как некорреферентность — нетипичной (*unusual*) [Haspelmath 1995: 10]. Совпадение субъектов основного и второстепенного действия в предложениях с ДО — наследие того, что деепричастие произошло «...из кратких причастий в форме им. п., согласуемой с подлежащим»¹ [Колесов 2005: 603], т. е. *participium coniunctum* [Ходорковская 2009: 185]. Потеряв словоизменительные категории рода, числа и падежа, которые позволяли иметь с подлежащим морфологически выраженную атрибутивную связь, деепричастие сохранило ее на семантическом уровне, обозначая добавочное и одновременно характеризующее основное действие субъекта [Бабайцева 2011: 443]. Однако употребление ДО показывает, что грамматическое подлежащее и семантический субъект в ДО и основном высказывании не всегда тождественны и что бывают случаи (по Хаспельмату, нетипичные), когда

¹ Здесь нам необходимо отмежеваться от случаев несогласованных причастных форм в ранних древнерусских списках Евангелия (см. [Мольков 2017]). Этот вопрос не является предметом нашего исследования, потому что, как предполагает Г. А. Мольков, «утрата согласования [причастий — Ф. А.] [...] не связана с процессами живого древнерусского языка, но является языковым фактом, унаследованным из болгарского текста Евангелия» [Ibid.: 185]. Материал Г. А. Молькова, по его же словам, «...дает важную информацию об истории причастий в древнеболгарском языке» [Ibid.: 189].

субъекты основного высказывания и ДО разные. В статье выдвигается следующая **гипотеза**. Несмотря на то что ДО и основное высказывание в русском языке часто выражают два действия или состояния одного субъекта, стоящего в основном высказывании в именительном падеже, зависимость между этими конструкциями представляет более широкое поле семантических и прагматических отношений между участниками второстепенной и основной ситуаций, в которых главную роль играет коммуникативный, а не формальный субъект. Помимо канонических предложений с ДО вроде *Я читал книгу, лежа на диване*, в современном русском языке можно увидеть случаи, когда семантический субъект основного и второстепенного высказывания совпадают, но грамматически субъект основного высказывания не выражается подлежащим. Имеет смысл выделить по крайней мере несколько «зон» данного поля. Это:

- 1) дательный субъекта (в том числе подразумеваемый);
- 2) пассивизация основного высказывания;
- 3) выражение семантического субъекта словами и конструкциями с семантикой принадлежности;
- 4) понижающая актантная деривация (или декаузатив).

Помимо вышеперечисленных случаев, встречаются также следующие типы периферийных употреблений ДО:

- 1) ДО, семантически не соотносимый с субъектом основного высказывания;

- 2) ДО, соотносимый с грамматическим объектом основного высказывания. Рассмотрим каждый тип указанного употребления в отдельности. Чтобы показать, что аналогичные процессы «прагматического сдвига» происходят в близких русскому славянских языках, в которых деепричастие — это тоже типичный конверб с имплицитным субъектом, мы будем дополнять примеры из русского языка некоторыми примерами из славянских языков. Чтобы соотнести отдельные моменты употребления ДО в русском языке с сохранившимися больше конвербов балтийскими языками, мы в отдельных случаях прибегнем к примерам из этих языков. Оговоримся, однако, что в нашу задачу не входит ни диахронический, ни типологический анализ. Наконец, в ряде случаев мы будем пытаться — исключительно с целью прикладного анализа — реконструировать лингвистические основания тех или иных тезисов в нормативных грамматиках некоторых языков, вполне при этом осознавая, что норма или не-норма не определяется логикой описания морфологических или синтаксических феноменов и что норма или не-норма заведомо не может быть единой для разных языков с разной историей письменности и культуры.

1. Дательный субъекта. Нередки случаи, в том числе и в ДО, когда субъект — носитель состояния (физического, нравственного, состояния модальной необходимости/вынужденности и под.) выражается в основном высказывании специализированной формой дательного падежа. Как пишет М. Хаспельмат, дательный падеж — «...это чаще всего экспериенцер, а не реципиент...» [здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Ф. А.; Haspelmath 1995: 33]. См. примеры:

- (1) **Увидев** экзаменационные задания, мне стало боязно;
- (2) **Проходя** мимо лавки Ширяева, ему пришло в голову спросить, не продал ли он хоть один экземпляр его книги... [Герцен 1979: 129];
- (3) **Выполняя** это поручение, ему не хотелось огласки [Русская грамматика 1982: 182];
- (4) Нам пришлось долго сидеть, **ожида**я возвращения Степана [Книга о грамматике 2018: 165].

См. также аналогичные примеры из сербского и польского языков:

- (5) *Тешко* *вуку* *не јед-ући* *меса*
 тяжело-PRAED волк-DAT.SG не есть-ADVP.PRES мясо-GEN.SG
и јунаку *не пиј-ући* *вина* (серб.).
 а герой-DAT.SG не пить-ADVP.PRES вино-GEN.SG
 ‘Тяжело волку не едя мяса, и герою — не выпивая вина’
 [Стевановић 1998: 418];
- (6) *Хладно* *ми је* *чекај-ући* *воз* (серб.).
 холодно-PRAED я-DAT быть-PRES.SG.3 ждать-ADVP.PRES поезд-ACC.SG
 ‘Мне холодно, ожидая поезд’ [Станојчић 1992: 392];
- (7) *Ћитај-ући* *није* *нам* *дато*
 читать-ADVP.PRES не быть-PRES.SG.3 мы-DAT дать-PPFP.SG.NT
да примамо *све што је* *написано* (серб.).
 чтобы принять-PRES.PL.1 всё что-NOM быть-PRES.SG.3 написать-PPFP.SG.NT
 ‘Читая, нам не дано принять всего, что написано’ [Pavić 2012: 89].
- (8) *Pisz-qc* *te słowa,* *przypomniała* *mi się*
 писать-ADVP.PRES это слово-ACC.PL вспоминать-PST.SG.3F я-DAT -ся
zeszłoroczna *rozmowa* (польск.)
 прошлогодний-ADJ разговор-NOM.SG.
 ‘Записывая эти слова, мне вспомнился прошлогодний разговор’
 [Haspelmath 1995: 33].

Пример (8), как думается, представляет более сложный случай: здесь имеет место не только дательный субъекта, но и пассивизация высказывания (подробнее об этом см. ниже). Нередки случаи, когда дательный падеж субъекта, будучи ясным из коммуникативного контекста, опускается:

(9) ***Сидя** в нетопленной квартире, было холодно²;*

(10) *...**Встречая** Грановского на кафедре, становилось легче на душе* [Герцен 1979: 452].

Субъект-носитель состояния не всегда имеет конкретную референцию, он может быть обобщенным и/или неопределенным, в зависимости от контекста или от коммуникативного намерения говорящего-пишущего. В этом случае он также опускается. Часто такие высказывания выражают общие суждения:

(11) ***Представляя** помощника руководителя, обычно на ум приходит образ педантичного человека* [Малетина 2019].

Сюда входят и общие суждения с модальностью вынужденности или необходимости:³

(12) ***Готовясь** к экзамену, надо много читать;*

(13) ***Понимая** все последствия, надо принять взвешенное решение;*

(14) *Нетрудно решить эту проблему, **зная** породившие ее причины;*

(15) ***Завершив** первую главу диссертации, необходимо сделать выводы;*

(16) ***Снявши** голову, по волосам не плачут.*

Иногда неопределенность (или недостаточность) контекста не дает однозначного ответа, имел ли в виду говорящий-пишущий конкретно, но не выраженного лексемой в дательном падеже, субъекта, или же он высказал общее суждение, в котором субъект имеет неопределенный/обобщенный референтный статус. В этом смысле предложения вроде примера (11) допускают, в зависимости от коммуникативной ситуации, двоякую трактовку. Интересно, что в нормативной трактовке славянских примеров авторы разных грамматик исходят из разных посылок. Так, примеры (1), (2) и (3) объясняются как ненормативные

² Здесь и далее примеры без указания на источник заимствованы из устной речи или являются общеизвестными (например, пословицы).

³ См. также польский и русский примеры в пункте 68 в [Haspelmath 1995: 35].

(или находящиеся «на грани нормы» [Книга о грамматике 2018: 165]) с формальной точки зрения. Основные высказывания — это не подлежаще-сказуемые предложения «... с дат. п. или вин. п. с субъектным значением, в состав которых не входит [субъектный — Ф. А.] инфинитив» [Русская грамматика 1982: 182]. В то же время примеры (4), (12), (13), (14) и (15) признаются вполне нормативными, потому что деепричастие относится к субъектному инфинитиву [Книга о грамматике 2018: 164]. Попытаемся реконструировать ход рассуждений авторов. Очевидно, в случае отказа в нормативности примерам (1), (2) и (3) главную роль сыграла невыраженность конкретно-референтного субъекта в именительном падеже при возможности его постановки в данный падеж (*Выполняя это поручение, он не хотел огласки*). Семантический же субъект в примерах (12), (13), (14) и (15) не имеет конкретной референции, и поэтому преобразование конструкции «в пользу» именительного падежа субъекта лишено прагматических оснований. Однако в предложении в каждом случае есть инфинитив, могущий быть частью либо раздельнопредикативной (*Сдавать экзамены надо. Ехать пора*), либо слитнопредикативной схемы (*Нужно сдавать экзамены. Пора ехать*) основного высказывания (см. об этом [Крылова et al. 1997: 49–50]) и служить формальным «заместителем» подлежащего. Будучи при поверхностном взгляде непротиворечивым, такой ход рассуждений опровергается фактом, что конструкции с ДО и с обобщенным субъектом могут и не содержать инфинитив и восприниматься тем не менее как вполне нормативные: см. пример (16). В свете вышесказанного более логичной (или «коммуникативно привлекательной») представляется нормативная трактовка, предложенная для подобных конструкций в сербских грамматиках: там примеры вроде (5), (6) и (7) толкуются как правильные именно потому, что субъект ДО совпадает с субъектом основного высказывания, выраженного косвенным падежом, т. е. — на семантическом и прагматическом основании [Станојчић 1992: 392; Стевановић 1998: 418–419]. Остальные случаи выражения семантического субъекта не-именительным падежом следует отнести скорее к разряду периферийных.

2. Пассивизация основного высказывания. В данном случае речь идет о таких конструкциях, как:

(17) **Получив** большое количество пробоин, танк был подожжен [Русская грамматика 1982: 182];

(18) Все это было сделано, **подъезжая** к деревне [Герцен 1979: 211];

- (19)⁴ *Находясь* внутри кафе, курение запрещается;
- (20) *Результаты всех матчей подсчитываются в ИМПах, которые затем переводятся в ВП, используя официальную шкалу WBF;*
- (21) *Проходя* мимо этого дома, вспоминаются слова Пушкина [Малетина 2019];⁵ и т. п.

В подобных высказываниях грамматическое подлежащее главной клаузы — пациенс. Кажется, именно формальная несоотнесенность субъектов в подобных примерах привела А. А. Шахматова к утверждению, что

в редких случаях, как в областном, так и в литературном языке, двусоставные предложения обособляются таким *деепричастным предложением* [выделено автором. — Ф. А.], в котором деепричастие является независимым от подлежащего, к нему не относящимся» [Шахматов 2001: 234].

Подтверждение этому тезису находим в примере из А. И. Герцена [1979: 234]:

- (22) *Кстати, говоря о сосланных, за Нижним начинают встречаться сосланные поляки, с Казани их число быстро возрастает* (кроме того, в примере (22) имплицитруется дательный субъекта «автору высказывания и/или любому начинают встречаться поляки»; см. также пример (8)).

Тем не менее, несмотря на кажущуюся независимость ДО, говорить о ней с семантической точки зрения вряд ли стоит: коммуникативно в ДО примеров (17) (танк кто-то пробил и поджег), (18) (все это сделал тот, кто подъезжал к деревне), (19) (не должен курить тот, кто находится в кафе), (20) (ИМПы переводит в ВП тот, кто использует официальную шкалу), (22) (пишущий встречает сосланных поляков) явно просматривается тот же субъект, что и в основном высказывании, но только выведенный на периферию коммуникативной цели. Как пишет В. Амбразас, «пассив [...] служит одним из основных средств дефокусации агенса глагольного действия, который в пассивной конструкции отодвигается в периферию...» [Амбразас 1990: 208]. В этом смысле данные примеры,

⁴ Примеры 19, 20, 40, 41 и 55 заимствованы из доклада Е. Р. Добрушиной «Проблема нормативности употребления деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому» (в печати; прочитан на XXX Ежегодной богословской конференции ПСТГУ, секция «Русистика и славистика: традиционные темы в современной методологии», сделанный 27.01.2020 г.), с любезного разрешения автора доклада.

⁵ В примере (21) можно также видеть опущение ясного из контекста дательного субъекта.

как и в случае с дательным субъекта, никуда от моносубъектности не ушли — они лишь изменили коммуникативную перспективу субъекта. Представляется также интересным реконструировать ход мыслей авторов одной из русских академических грамматик, выведшей примеры типа (17) за пределы нормы. Про пример (17) читаем, что

в пассивных конструкциях [...] деепричастие относится к подлежащему, означающему одновременно и субъект состояния, и объект действия [...] этим объясняется ненормативность деепричастных оборотов в таких конструкциях» [Русская грамматика 1982: 182].

По-видимому, сочетать деепричастие, являющееся по происхождению действительным причастием, с пациенсом, выраженным «своей» конструкцией страдательного залога, представляется авторам не вполне корректным. Они не хотят мириться с изменением коммуникативной перспективы субъекта «в ущерб» конструкции. Если бы роль пациенса была «затушевана» конструкцией с возвратным глаголом вроде *танк загорелся*, высказывание было бы оценено как вполне нормативное.

3. Выражение семантического субъекта конструкциями с семантикой принадлежности. Речь идет о таких примерах, как:

- (23) *Услыхав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ [...] была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения...* [Толстой 1956: 3];
- (24) *Устраиваясь на работу в банк, еще одним критерием отбора будет наличие у вас клиентской базы* [Малетина 2019];
- (25) *Заканчивая статью, у меня сломался компьютер.*

Подобные примеры есть и в других славянских языках:

- (26) *Заболела* *ме* *је* *глава*
заболеть-PP-L я-ACC быть-PRES.SG.3 (PERF вместе с PP-L) голова-NOM.SG
слуша-ј-ући *његове приче* (серб.).
слушать-ADV.PRES его рассказы-ACC.PL
‘У меня заболела голова, слушающая его рассказы’ [Станојичић 1992: 392];
- (27) *Несвест* *га* *хвата*
обморок-NOM.SG он-ACC охватывать-PRES.SG.3
гледа-ј-ући *у провалију* (серб.).
глядеть-ADV.PRES в пропасть-ACC.SG
‘Обморок охватывает его, глядя в пропасть’ [Стевановић 1998: 418–419];

(28) Така **разговар-ајќи, чит-ајќи и мисл-ејќи**,

так разговаривать, читать и думать-ADVP.PRES

редот им дојде (макед.).

очередь-SG.DETERM они-DAT.PL подошла-AOR.SG.3

‘Так беседуя, читая и думая, подошла их очередь’ [Конески 2004: 447];

(29) **Mysl-iac** *na to všetko, zachvievalo sa* **mi** *srdce* (словац.).

думать-ADVP.PRES на это всё-ACC содрогаться-PST.SG.3NT я-DAT.SG сердце-NOM.SG

‘Думая обо всем этом, у меня содрогалось сердце’ [Pauliny et al. 1968: 394].

Во всех подобных конструкциях также имплицитруется один коммуникативный субъект: о смерти Ивана Ильича услышали господа и подумали; устраиваясь в банк, вы имеете клиентскую базу, и т. п. Поэтому и здесь необходимо говорить о семантической (или лучше — прагматической и коммуникативной) моносубъектности. Эту мысль, среди прочего, иллюстрирует анализ ненормативности примера (29) словацкими авторами: такие высказывания, по их мысли, «не удовлетворяют требованию об общем подлежащем» [Pauliny 1968: 394], в частности, не могут быть трансформированы в сложную сочинительную конструкцию с общим подлежащим **Srdce mi myslelo na to všetko a zachvievalo sa*. Ср. с примером:

Posadila sa za vrchstola, neprehovoriac ani slova — Posadila sa za vrchstola a neprehovorila ani slova.

‘Она села во главе стола, не произнесла ни слова — Она села во главе стола и не произнесла ни слова’ [Pauliny et al. 1968: 394].

См. то же для любого из русских примеров: **Компьютер у меня заканчивал статью и сломался*. Если понимать трансформацию сугубо формально, то преобразовать предложение (29) в сочинительную конструкцию с общим подлежащим действительно невозможно. Но если исходить из общего семантического субъекта и понимать под трансформацией возможность экспликации глубинно-семантических отношений, то такая трансформация вполне доступна: *Ja som myslela na to všetko a zachvievalo sa mi srdce* ‘Я думала обо всем об этом, и у меня содрогалось сердце’, так же, как *Я заканчивал статью и оказался в ситуации, когда перестал работать компьютер*. Как и в случае с дательным субъекта, лексема или конструкция, обозначающая принадлежность, может быть опущена, если из ситуации ясен субъект:

(30) *Ждет-пождет с утра до ночи, // Смотрит в поле, инда очи // Разболелись глядячи* [Пушкин 1985: 634] (ясно, что очи царицы);

- (31) *Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд // И руки особенно тонки, колени **обняв*** [Гумилев 1990: 79] (ясно, что ты или твои руки).

С примером (31), а также с примером (17) из предыдущего пункта, дело, как кажется, обстоит серьезнее: обращает на себя внимание не столько коммуникативная общность субъекта, сколько то, что субъект здесь — это не деятель, а носитель состояния в (31) и пациенс в (17), причем предикат основного высказывания в примере (31) *тонки* — это, строго говоря, состояние, никак его субъектом-носителем не спровоцированное и, очевидно, не актуализируемое в сознании. По-видимому, процессы, происходящие с ДО, глубже, и их суть надо искать в том числе на глубинно-семантическом уровне, с помощью анализа соотношения семантических статусов субъекта в основном высказывании и в ДО. Выскажем чрезвычайно предварительное суждение, что, вероятно, здесь как-то соотносятся семантические категории «активный (волевой) субъект», «неактивный (неволевой) субъект», «активность/осознанность в действии или ситуации» и грамматическая маркированность/немаркированность высказывания с помощью категории залога. Если субъект наделен волей, то подразумевается, что он должен осознавать ситуацию: значит, по крайней мере одна из ситуаций (основная или выраженная ДО) канонически, с точки зрения обыденных нормативных представлений, не должна быть грамматически маркирована как пассивная. Поэтому примеры с различным соотношением семантических ролей субъекта в основном высказывании и ДО (или, как в церковнославянском, *participium coniunctum*), но без пассива, воспринимаются как вполне нормальные:

- (32) *огненное прещеніе мужески **поправше**, радовахуся **поюще*** [Миней 1893, НКРЯ] (носитель состояния — агенс);
- (33) ***радующися** ѿ бжественныхъ аггль преносится въ мѣста ѿпредѣленная ей по устроению ея* [Добролюбие 1902, НКРЯ] (пациенс — носитель состояния, осознающий последнее);
- (34) ***Притаившись** за холмом, лев почуял добычу* (агенс — экспериенцер);
- (35) ***Увидев** экзаменационные задания, я почувствовал страх* (экспериенцер — носитель состояния, осознающий последнее);
- (36) ***Радуюсь** весеннему солнцу, Лена лежала на циновке в саду* (носитель осознаваемого состояния — носитель осознаваемого состояния).

Если же субъект не наделен волей, достаточно не употребить пассив, чтобы высказывание с ДО воспринималось как нормальное:

- (37) *Не **выдержав** нагрузки, стена рухнула* (пациенс — пациенс).

В примере (31) мы наблюдаем «семантический пассив» в главной клаузе (твои руки тонкие независимо от тебя), и этого достаточно, чтобы высказывание воспринималось как необычное (субъект волевой). В примере (17) имеем грамматический пассив в главной клаузе, и этого достаточно, чтобы пример воспринимался как необычный. Повторим, что это очень предварительные мысли, нуждающиеся в отдельном исследовании, и мы приводим их здесь потому, что они имеют отношение к нашей проблеме.

4. Понижающая актантная деривация (декаузация). Речь идет о случаях, когда из основного высказывания устраняется коммуникативно и прагматически понятный каузатор ситуации:

- (38) **Взяв** все в расчет, слуга обходился руб. в 300 асс. [Шахматов 2001: 234] (т. е. субъект тратил на слугу);
- (39) **Сев** в машину, мои брюки помялись (т. е. я помял брюки — здесь декаузация совмещается с выражением принадлежности);
- (40) **Потратив** все на выпивку, на еду не осталось (т. е. субъект ничего не оставил на еду);
- (41) **Подпилив** кончик ключа, ничего не изменилось (т. е. субъект ничего не смог изменить);
- (42) Я надеялся, что, **получив** полноту власти, это перегорит в нем (т. е. он это преодолеет, получив власть)⁶.

В примере (42) можно проследить имплицитный в ДО субъект в контексте разговора героя интервью с журналистом:

Журналист. Он интеллигент? О. А. Кураев. Да. По крайней мере, таким он был, когда был митрополитом, да. Поэтому я очень надеялся, что... были видны и некоторые его минусы, но я надеялся, что, получив полноту власти, это перегорит в нем⁷.

Иногда устранение каузатора ситуации совмещается с пассивизацией основного высказывания:

- (43) **Выходя** из университетских ворот, нас встретили ворота тюрьмы [Герцен 1979: 490] (т. е. мы выходили и были встречены тюремщиками).

Е. Р. Добрушина называет позицию ДО в своих примерах (40) и (41) (см. сноску 4) абсолютивной⁸ (см. также: [Добрушина 2020: 10]), по-

⁶ [Кураев 2000]. Временной интервал 47.47 — 47.51.

⁷ [Кураев 2000]. Временной интервал 47.38 — 47.51.

⁸ Е. Р. Добрушина. Проблема нормативности употребления деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому. Доклад на XXX Ежегодной

сколько синтаксически субъект ДО не совпадает с подлежащим (хотя и совпадает с семантическим субъектом) основного высказывания — в этом смысле такими же абсолютными будут считаться ДО в примерах (18)–(29). Нам представляется, что, по всей видимости, необходимо различать формальное и семантическое понимание абсолютных (или абсолютных) конструкций. С формальной точки зрения любой ДО современного русского языка, вне зависимости от его моносубъектности или немоносубъектности с основным высказыванием, — это абсолютный оборот, поскольку деепричастие не обнаруживает никаких формальных связей ни с подлежащим, ни со сказуемым основного высказывания. Как пишет А. А. Балута, к абсолютным оборотам относятся «...конструкции, не зависящие ни от одного члена предложения» [Балута 2013: 5] — и ДО устроен именно так. В этом легко убедиться, сравнив ДО русского языка, например, с так называемыми конвербами-⁹ или полупричастиями (лит. *pusdalyvis*, англ. *semiparticiples*, см. [Дини 2002: 127; Dini 2014: 174; Александрович 1988: 423–426]) в балтийских языках, а также с согласуемым с подлежащим (в том числе подразумеваемым или ясным из глагольной формы) основного высказывания по родам и числам деепричастием (а по сути, полупричастием) в чешском языке:¹⁰

- (44) *Jd-a* / *Jd-ouc* / *Jd-ouc-e* *se mnou*,
идти-ADVP.PRES.SG.M ADVP.PRES.SG.F ADVP.PRES.PL с я-INSTR
vypráví / *vyprávějí mi o svém životě* (чеш.).
рассказывать-PRES.SG.3 / PRES. PL.3 я-DAT о СВОЙ-LOC.SG жизнь-LOC.SG
‘Идя со мной, он (она, они) мне рассказывает/-ют о своей жизни’;
- (45) *Napsa-v* / *Napsa-vš-i* / *Napsa-vš-e* *dopis*,
написать-ADVP.PST.SG.M ADVP.PST.SG.F ADVP.PST.PL письмо-ACC.SG
odešel / *odešla* / *odešli*.
уйти-PST.SG.M PST.SG.F PST.PL.M.ANIM
‘Написав письмо, он/она/они ушел/-шла/-шли’ [Широкова 1952: 150–151];
- (46) *Dirb-dam-as* / *dirb-dam-a* / *dirb-dam-i* /
работать-CONV2.PRES.SG.M CONV2.PRES.SG.F CONV2.PRES.PL.M

богословской конференции ПСТГУ, секция «Русистика и славистика: традиционные темы в современной методологии», сделанный 27.01.2020 г. (в печати).

⁹ Здесь и далее мы придерживаемся типологии конвербов литовского языка, данной в статье [Генюшене 2014].

¹⁰ С существенной оговоркой: А. Г. Широкова пишет, что деепричастия в разговорной чешской речи не употребляются, а в книжном языке используются «по большей части формы настоящего времени» [Широкова 1977: 109]. С. С. Скорвид отмечает, что в разговорном языке «деепричастия как таковые отсутствуют» [Скорвид 2005: 254].

dirb-dam-os *jis* / *ji* / *jie* / *jos*
 CONV2.PRES.PL.F он-М.SG она-Ф.SG они-М.PL они-Ф.PL
užeis *i biblioteką* (лит.).
 зайти-FUT.3 в библиотека-ACC.SG

‘Работая, он/она/они пойдет/-ут в библиотеку’ [Александровичюс 1988: 425];

(47) *Zēns* / *Zēni* / *Meitene* / *Meitenes gāja*
 мальчик-NOM.SG NOM.PL девочка-NOM.SG NOM.PL идти-PST.3
dziedā-dam-s / **dziedā-dam-i** /
 петь-CONV2.PRES.SG.M CONV2.PRES.PL.M
dziedā-dam-a / **dziedā-dam-as** (лтш.).
 CONV2.PRES.SG.F CONV2.PRES.PL.F

‘Мальчик/-ки/Девочка/-ки шел/шла/шли напевая’ [Векслер 1987: 317].

С семантической же точки зрения абсолютной следует считать такую конструкцию, которая, по словам Б. Б. Ходорковской, имеет «отдельный субъект, не кореферентный ни с одним членом предложения, и свой отдельный предикат» [Ходорковская 2009: 176] (как латинский *ablatus absolutus* или древнеславянский дательный самостоятельный). Разумеется, если рассмотреть, скажем, пример (39), то логически подлежащее (*мои брюки*) не кореферентно ни с одним членом предложения. Но коммуникативно и прагматически говорящему достаточно осознания, что *мои брюки* — это «как бы» я (который их помял, сев в машину), чтобы мыслить об одном субъекте. Это не тот же случай, что, скажем, в примере из [Ibid.: 177], где даже коммуникативно нельзя помыслить единый субъект:

(48) **Ineunte** *vere* [...] *existit* [...]
 приходит-PPRA.ABL.SG весна-ABL.SG существовать-PRES.SG.3
ea, *quae* *gemma* *dicitur* (лат.)
 тот-NOM.SG.F который-NOM.SG.F почка-NOM.SG называть-PRES.SG.PASS.3
 ‘Когда приходит весна, появляется то, что почкой называется’ (Marcii Tullii Ciceronis. Cato maior de senectute. XV–53).

Тем не менее и в русском языке есть случаи, когда ДО не соотносится с семантическим субъектом основной ситуации, т. е. является абсолютным не только в формальном, но и в семантическом смысле.

5. ДО, семантически не соотносимый с субъектом основного высказывания. А. А. Балута утверждает, что в современных языках, в т. ч. в русском, абсолютные обороты «совсем выходят из употребления»

[Балута 2013: 10]. Если исходить из семантического понимания абсолютного оборота, то, будучи в целом верным, данное утверждение, как представляется, не учитывает некоторые периферийные случаи. Первый случай можно представить примерами:

- (49) *Такое снижение, **учитывая**, что российский бюджет серьезно зависит от доходов данного сектора, может оказать неблагоприятное воздействие на планы по выплатам наших внешних долгов в срок* [Чудодеев 2003, НКРЯ];
- (50) ***Исходя** из нашего анализа, речевой сигнал чревовещания сохраняет все характеристики нормальной речи, и уже по осциллограмме можно отличить речевой сигнал человека от такового кошки* [Дубров et al. 2003, НКРЯ];
- (51) *Этот визит, **учитывая** нынешнюю международную обстановку, приобретает важное значение* [Книга о грамматике 2018: 166].

Авторы только что упомянутого труда считают, что такие примеры соответствуют норме, поскольку, по их мнению, деепричастия *учитывая*, *полагая*, а также выражения с деепричастиями *имея в виду*, *исходя из*, *не считая* и т. п. «... выступают в роли, приближающейся к роли предлогов» [Книга о грамматике 2018: 166]. Так же точно объясняют нормативность подобных ДО словацкие грамматисты (они называют эти ДО абсолютной деепричастной конструкцией — *absolútná prechodníková konštrukcia*). Они считают, что деепричастия вроде *začínajúc* (начиная), *ročníc* (начиная), *končiac* (кончая), *súdiac* (судя), *povediac* (говоря), *vyjímuc* (исключая) и т. п. здесь «... выполняют функцию предлогов» [Pauliny et al. 1968: 394]:

- (52) *Do... chyže vošli... ženy,*
 До хижина-GEN войти-PST.PL.3 женщина-NOM.PL
ročn-íc od najvyššieho do najspodnejšieho
 начинать-ADVP.PRES ОТ ВЫСОКИЙ-SUPER.GEN ДО НИЗКИЙ-SUPER.GEN
konca dediny (словац.).
 конец-GEN.SG деревня-GEN.SG
- ‘ В хижину вошли женщины, (которые пришли) начиная с самого высокого и (заканчивая) самым низким концом деревни’ [Pauliny et al. 1968: 394];
- (53) *Ty vidíš v nich iba deti.*
 ты-NOM видеть-PRES.SG.2 в они-LOC только дети-ACC.PL
A pravdu poved-iac, nie sú už detmi (словац.).
 а правда-ACC.SG говорить-ADVP.PRES не быть-PRES.PL.3 уж дети-INSTR.PL
 ‘Ты видишь в них только детей. А по правде говоря, они уже не дети’
 [Pauliny et al. 1968: 394].

В целом соглашаясь с подобной трактовкой, отметим с точки зрения нашей проблематики следующее: деепричастия в некоторых случаях ((49), (50), (53)) следовало бы функционально сближать не столько с предлогом, сколько с герундием. Исходное сентенциальное обстоятельство приобретает значение потенциального условия, которое может быть выполнено любым субъектом (если любому учитывать зависимость бюджета от данного сектора; если любому исходить из данных анализа; если любому сказать правду, и т. п.). Иногда такое значение выражается номинализованной конструкцией: *с учетом зависимости бюджета* и т. п. Изначально в таких конструкциях все-таки предполагалась моносубъектность (с учетом неопределенности субъекта). Второй случай — это примеры вроде:

(54) *Ребенок с радостью гладил собаку, **виляя** хвостом* [Деепричастный оборот 2017];

(55) ***Выиграв** чемпионат мира по футболу, болельщики долго ликовали.*

Хотя с точки зрения нормы такие примеры расцениваются как невозможные из-за несовпадения семантических субъектов основного высказывания и ДО, подобные случаи все же фиксируются исследователями. По сути, здесь в ДО свертывается придаточное времени с другим субъектом: *когда собака (она) виляла хвостом; когда был выигран чемпионат мира* или *когда сборная выиграла чемпионат мира*. Как думается, мы здесь имеем дело с неким современным явлением, связанным, возможно, с контаминацией в речи двух предикаций в одну, с приданием какой-либо из них, в соответствии с коммуникативным намерением говорящего, второстепенного статуса. Примеры (54) и (55) как будто напоминают реликт *nominativus absolutus*. Согласно исследованию А. С. Мельничука,

абсолютно-предикативное употребление причастий на *-(в)ъ*, *-(в)ъиш-* отмечается почти в одинаковой степени как в памятниках южнорусских XII–XVI вв., так и в памятниках новгородских, псковских и владими́ро-суздальских того же периода [Мельничук 1958: 159].

Эти причастия (а согласно данным Р. Л. Абдулхаковой, также и причастия на *-я-*, см. [Абдулхакова 2007: 14]) могли употребляться как сказуемые в нескольких разных конструкциях, в частности, в сложных сочинительных и подчинительных предложениях с разными субъектами в каждой части:

(56) *И бѣ съча зла, и одва **одолювъ** к вечеру Ярославъ* (Ип. 138–139, под 1034 г.) [Мельничук 1958: 119];

(57) *И сему чюдю дивуемъся, како от персти **создавъ** чловѣка, како образи розноличнии въ чловѣчьскихъ лицихъ* (Поуч. Вл. Мон., Лавр. 156) [Мельничук 1958: 153],

причем А. С. Мельничук отмечает «... довольно обычное в древнерусских памятниках употребление причастия в роли сказуемого [...] при разных подлежащих в главном и придаточном» [Мельничук 1958: 153]. Примеры подобных конструкций из Поучения Владимира Мономаха приводит также А. А. Пичхадзе, называя их абсолютными оборотами с имплицитным субъектом [Пичхадзе 2016: 508–510]. Примеры (56) и (57) соотносительны с приводимыми В. Амбразасом балтийскими соответствиями, в частности:

(58) *Tas bernas jau vėl **perjoj-ę-s***
 Этот парень-NOM.SG опять проехать-CONV3.PST.SG.M.NOM
kelias žemės, arklys vėl sako (лит.).
 несколько-ACC.PL страна-ACC.PL, конь-NOM.SG опять говорить-PRES.SG.3
 ‘Этот парень опять проехал (букв. ‘проехавший’) несколько стран, — конь снова говорит’ [Амбразас 1990: 110].

Однако, на наш взгляд, выводить примеры типа (54) и (55) непосредственно из абсолютно-предикативного употребления причастий поспешно. Ведь в сознании носителей русского языка деепричастие с причастием (как минимум в формальном аспекте) уже давно не соотносимо. Поскольку, как утверждает В. Амбразас, «система причастных конструкций в общеславянском языке может рассматриваться как результат преобразования и частичного разрушения балтийской системы»¹¹ [Ambrasas 1979: 253], то считать реликтом *nominativus absolutus* возможно только такие современные славянские примеры, где сохраняется формальный маркер абсолютно-предикативной функции: это форма номинатива (в т. ч. бывшего) при деепричастии, которое присоединяется «... к предложениям со спрягаемой формой глагола» [Амбразас 1990: 110]:

(59) *Тако они ти́жо **говор-ећи**, чедо мало*
 так он-М.PL.NOM тихо говорить-ADVP.PRES дитя-SG.NOM малое-ADJ.NT.SG.NOM
паде на земљицу (серб.).
 упасть-AOR.SG.3 на земелька-ACC.SG
 ‘Так они, тихо говоря, маленький ребенок упал на землю’ [Станојчић 1992: 392];

¹¹ Перевод из английского резюме к указанной книге; сама работа написана по-литовски.

- (60) *Ожену-ајќи се сонцето, по неколку месеци*
 жениться-ADVP.PRES солнце-DETERM.SG по несколько месяцы-INDETERM.PL
ќе му даат Госпо деца (макед.)¹².
 FUT он-DAT дать господь-SG.NOM дети-INDETERM.PL
 'Женившись солнце, через несколько месяцев дает ему Бог детей' [Конески 2004: 447].

Несводимость примеров (54) и (55) к реликту абсолютно-предикативного употребления доказывается, по нашему мнению, также славянскими примерами, имеющими при деепричастии форму номинатива и обладающими одним и тем же семантическим субъектом (он может совпадать, как в примере (61), и не совпадать, как в примере (62), с грамматическим подлежащим) в обеих клаузах:

- (61) *Ид-ући он тако поред реке, мајстор*
 идти-ADVP.PRES он-NOM так вдоль река-GEN.SG мастер-NOM.SG
скочи у воду (серб.).
 прыгнуть-AOR.SG.3 в вода-ACC.SG
 'Идя он так вдоль реки, мастер прыгнул в воду' [Стевановић 1998: 419];
- (62) *Тако она провлач-ећи се између народа,*
 так она-NOM.SG пробираться-ADVP.PRES среди народ-GEN.SG
и беж-ећи, некако јој спаде папуча
 и бежать-ADVP.PRES как-то она-DAT соскочить-AOR.SG.3 тапок-NOM.SG
с десне ноге (серб.).
 с правая-ADJ нога-GEN.SG
 'Так она, пробираясь между людьми и убегая, каким-то образом у нее соскочил тапчек с правой ноги' [Стевановић 1998: 419].

Важно, что М. Стеванович, автор одной из самых известных сербских нормативных грамматик, считает примеры (59), (61) и (62) недопустимыми в литературном языке на том основании, что «... сегодня в таком виде они не употребляются даже в народе» [Стевановић 1998: 419]. Значит, носителями сербского языка с такими же, как и в русском, деепричастиями и ДО, эти конструкции не воспринимаются как современные. Кроме того, В. Амбразас утверждает, что такие конструкции и раньше не являлись регулярными:

¹² В македонской грамматике об этом примере говорится, что подобные случаи редко встречаются в литературном языке», ибо «обычно... два действия относятся к одному подлежащему (перевод наш. – Ф. А.)» [Конески 2004: 447], т.е. имплицитруется искажение литературной нормы.

так называемый *nominativus absolutus* представляет собой или примкнувший к глагольному предложению оборот с предикативным причастием, или результат контаминации и разрыва синтаксической связи между аппозитивным причастием и остальной частью предложения [Амбразас 1990: 110].

Чуть ранее В. Амбразас пишет: «Выражая действие разного субъекта, номинатив причастия обычно играет в предложении роль именного предиката [...] а относясь к тому же самому субъекту, выражает его второстепенное действие». Пожалуй, единственный случай, когда можно говорить о деепричастии¹³ как о наследнике свойств абсолютно-предикативного причастия, демонстрируют примеры А. А. Шахматова:

(63) *Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему...;*

(64) *Ты много страдаешь, Матвей! — сказал я ему однажды, когда он принес мне поднос с чаем, и с участием глядя на него* [Шахматов 2001: 231].

Ср. приводимые В. Амбразасом примеры вроде:

(65) *Tēvas* (NOM.SG) *atsistoj-ē-s* (CONV3.PST.SG.M.NOM) *ir tarē* (PST.SG.3) ‘Отец вставший и сказал’ [Амбразас 1990: 68].

Но нам не удалось найти ни одного русского примера, подобного сербским или македонским конструкциям типа (59)–(62). Конструкции вроде **Футболисты выиграв чемпионат, болельщики радовались* или **Ребенок с радостью гладил собаку, она виляя хвостом* в русском языке кажутся невозможными. Значит, наши примеры (54) и (55) — новое явление, которое подлежит дальнейшему изучению.

6. ДО, соотносимый с грамматическим объектом основного высказывания. Рассмотрим пример:

¹³ Многие исследователи, в частности А. А. Шахматов, С. К. Пожарицкая, В. Wiemer и М. Giger и др., говорят об ограниченном диалектами и просторечием употреблении деепричастий на -вши (-мши), -дши (-тчи) в функции сказуемого для обозначения перфекта или оконченного в прошедшем действия в сочетании со связкой был: Он выпивши [Шахматов 2001: 206–207]; Она была поевши [Пожарицкая 1997: 111]. Еще реже находим обороты, в которых субъект действия выражен родительным падежом: У него за коньми ушедчи [Шахматов 2001: 472]. Такое употребление деепричастий с перфектной семантикой, будучи типологически соотносительным с литовскими конструкциями вроде *Čia jo* (он-GEN) *stovėta* (PpfP.SG.NT) «Здесь его “стояно”» [Александрович 1988: 413], а также с македонским результативом вроде *Членот* (M.SG.DETERM) *се има развиено* (PRES.SG.3 + PpfP.NT) од показни заменки «Членная морфема произошла из указательных местоимений» [Усикова 2003: 208]. В частности, именно как результатив трактуют примеры из псковского говора Мая сестра давно замаш туды вышачцы и Корова нядавна тялифшы [Wiemer, Giger 2005: 24]; Здесь растаявши, Заваленось куда-то [Ibid.: 30]; см. в этой же книге параграф 2.5 (с. 25–28) и 3.1 (с. 29–33), который составляет отдельную тему и не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

- (66) *Депутаты призывают избирателей участвовать в голосовании, **выразив** тем самым свое отношение к кандидатам.*

В одном из новейших справочников по нормативной грамматике этот пример и ему подобные признаются находящимися на периферии нормы на том основании, что ДО здесь примыкает к объектному инфинитиву [Книга о грамматике 2018: 166]. Как думается, интуитивное предположение авторов следовало бы немного уточнить: ДО не столько примыкает к объектному инфинитиву, сколько характеризует второстепенное действие объекта *избирателей*. В то же время объект в рамках конструкции, аналогичной *accusativus cum infinitivo*, является логическим и семантическим субъектом вторичной предикации *Избиратели участвуют в голосовании*. Возможную же двусмысленность (субъектом, с которым соотносится ДО, можно посчитать и форму *депутаты*) устраняет контекст. Интуиция авторов труда [Книга о грамматике 2018] в анализе примера (66) показывает, что семантической доминантой соотношения ДО с основным высказыванием в русском языке является единство субъекта главной и вторичной предикации. Тем не менее бывают отдельные маргинальные случаи такой немоно-субъектности, когда с помощью ДО (или деепричастия) характеризуется второстепенное действие объекта главной клаузы:

- (67) *Ну, уж это поздравляю вас **соврамиш!*** [Островский 1881, НКРЯ];

- (68) *Поздравляю вас, гражданин, **соврамиш!*** [Булгаков 1988: 388].

В примерах (67) и (68) глагол *поздравлять* ведет себя подобно *verbum dicendi*. Трудно сказать, являются ли эти случаи реликтом употребления *participium coniunctum*, соотносимого с прямым объектом, в конструкции *accusativus cum participio*, наподобие:

- (69) *Eum (ACC.SG.M) vidi **ingredientem** (PpгA.ACC.SG.M) (лат.)* «Его я увидел вступающего» [Амбразас 1990: 162];

- (70) *видѣвшие его **ходаща** (PpгA.ACC.SG.M) по морю (цсл.)* [Воробьева 2008: 110];

- (71) *йже и видѣвшие тя **превбразшася** (PpfA.ACC.SG.M), и паче солнца **просіявши** (PpfA.ACC.SG.M), ницы падше, силъ твоей удивишася (цсл.)* [Миня 1914, НКРЯ].

Это может быть собственно русское явление, связанное с диалектным или просторечным употреблением типа *Он выпимиш* (см. примеч. 14). Как бы то ни было, у нас нет достаточных оснований однозначно утверждать то или другое. С одной стороны, исследователи фиксировали

подобные случаи в славянских языках. В частности, их отмечает в хорватских глаголических текстах XV–XVI вв. А. А. Пичхадзе:

- (72) *vidah* (видеть-AOR.SG.1) *č(lovê)ka* (человек-ACC.SG) *lež-eĉi* (ADVP.PRES) ‘и я увидел лежащего человека’ [Пичхадзе 2016: 507].

Здесь причастие уже стоит, по мысли исследовательницы, в застывшей форме именительного падежа. Приведем также сербский пример, оцениваемый М. Стевановичем как устаревший и ненормативный:

- (73) *И погуби* *младу* *Јану* *степ-ућ’*
и погубить-AOR.SG.3 молодую-ADJ.ACC.SG.F Яну-ACC.SG расстять-ADVP.PRES
кошуљу (серб.).
рубашка-ACC.SG
‘И он погубил молодую Яну, расстывая рубашку (когда она расстилала рубашку)’ [Стевановић 1998: 419; Белић 2006: 470–471].

Данным примерам аналогичны конструкции в балтийских языках, где действие грамматического объекта характеризуется неизменяемым деепричастием при *verba sentiendi* или *verba dicendi* (см., напр., [Булыгина 2006: 130; Сталтмане 2006: 177; Аркадьев 2013: 341–342; Пичхадзе 2016: 507–508]):

- (74) *Kur girdėjai* *gaidžius* *loj-ant...* (лит.).
где слышать-PST.SG.2 петух-ACC.PL лаять-CONV1.PRES
букв. ‘Где (ты) слышал петухов лая...’;

- (75) *Jis praneša* *zmoįę* *atei-dav-us*
он-NOM сообщать-PRES.SG.3 человек-ACC.SG приходит-CONV1.PST
su reikalu (лит.).
с дело-INSTR.SG
букв. ‘Он сообщает человека прихотив (много раз) по делу’
[Булыгина 2006: 130];

- (76) *Es dzirdēju* *meitenes* *dzied-am* (лтш.).
я-NOM слышать-PST.SG.1 девушка-ACC.PL петь-advp.pres
букв. ‘Я слышал девушек поя/напевая’ [Озола 2005: 164].

С другой стороны, русские примеры вроде (67) и (68), будучи конструктивно и семантически соотносимы с примерами (69)–(76), кажется, все же не выводимы непосредственно из славянского *participium coniunctum*, сопряженного с прямым объектом. Об этом, среди прочего,

свидетельствует отсутствие примеров с литературной формой деепричастия¹⁴ вроде **Поздравляю вас соврав* или **Поздравляю вас думая так*.

7. Выводы

1. Типы зависимости между ДО и основным высказыванием в русском языке несводимы к синтаксической моносубъектности и представляют более широкое поле семантических и прагматических отношений между участниками второстепенной и основной ситуаций. Главную роль в этих отношениях играет коммуникативный, а не формальный субъект¹⁵.

2. Основные случаи, когда при коммуникативно-прагматической моносубъектности ДО и основного высказывания субъект в основном высказывании формально не выражается подлежащим, следующие:

1) дательный субъекта, в том числе подразумеваемый — примеры (1)–(4) и (9)–(16);

2) пассивизация основного высказывания — примеры (17)–(22);

3) выражение семантического субъекта конструкциями принадлежности — примеры (23)–(25), (30)–(31);

4) декаузация — примеры (38)–(43).

3. К периферийным случаям употребления ДО можно отнести такие, когда:

1) ДО семантически не соотносится с субъектом главной клаузы — это или конструкции с неосновным (предложным, герундиальным) употреблением деепричастия — примеры (49)–(51), или новое явление, связанное со свертыванием придаточного с другим субъектом в ДО — примеры (54), (55), — которое лишь внешне напоминает реликт *nomīnativus absolutus*, не являясь им;

2) ДО соотносится с грамматическим объектом основного высказывания — примеры (66), а также (67) и (68). Пример (66) контекстно зависим, а примеры (67) и (68) чрезвычайно маргинальны и, видимо, непосредственно не выводимы из славянского *participium coniunctum*, сопряженного с прямым объектом, хотя и конструктивно, и семантически соотносимы с *accusativus cum participio*.

¹⁴ То, что деепричастия на *-миш* не входят в стандарт, подтверждает, в частности, Е. Р. Добрушина. В своей очень подробной статье о деепричастиях, посвященной вариантности их образования, она упоминает лишь формы *не емиш*, *не жрамиш*, *не пимиш* — только один раз и только их, причем как нелитературные; см. [Добрушина 2014: 100].

¹⁵ Примерно к такому же выводу приходит Е. Р. Добрушина: «... семантический субъект при деепричастии должен быть ясен из контекста, т. е. не определяется никакими синтаксическими закономерностями, но очень часто связан с коммуникативным субъектом речи» [Добрушина 2020: 18].

4. Как представляется, нулевой тип согласования ДО с главной клаузой — это причина, по которой ДО в современном русском языке способен отойти от «канонического» соотношения с субъектом как подлежащим основного высказывания. Сейчас у носителей русского языка на морфологическом уровне нет никакого основания однозначно привязывать действие, выражаемое ДО, к этому подлежащему. Зато есть мощный по своим потенциальным обстоятельственным значениям таксисный полупредикативный оборот. Его можно применить в любой ситуации, когда у говорящего есть коммуникативное намерение обозначить второстепенное действие-обстоятельство и если из контекста ясен субъект этого действия. В речи говорящие не ориентируются на форму: им важно коммуникативное (воз)действие в данной ситуации. Значит, всегда, когда субъект второстепенного действия будет понятен из контекста (неважно, будет он совпадать с подлежащим основного высказывания или нет, а иногда — даже и с субъектом основного действия), говорящие не будут испытывать необходимость что-либо исправлять или рефлексировать над возможной ошибкой (если нет намерения это сделать). Здесь мы вполне солидарны с В. М. Живовым, который утверждал, что «в описании коммуникативного акта морфология присутствует столь же призрачно, как разбор двигателя внутреннего сгорания в рассказе об автомобильном путешествии» [Живов 2004: 9], а «основное задание морфологии с дискурсивными интенциями говорящего никак не связано» [Ibid.: 10]. Примерно ту же мысль (далеко, впрочем, не новую, но часто игнорируемую) высказывает А. В. Вдовиченко: «... не грамматика создает актуальный коммуникативный процесс, а прямо наоборот: грамматика возникает как попытка описания актуального коммуникативного процесса» [Вдовиченко 2008: 451]. Одно дело — исходить из некоторых формальных свойств высказываний, и совсем другое дело — из их семантики и прагматики. Во втором случае трактовка оказывается более удачной — как минимум для случаев, где нет морфологических «зацепок» в пользу однозначной трактовки. Это и есть случай с русским ДО.

Сокращения

ABL — аблатив

ACC — винительный падеж

ADJ — прилагательное

ADVP — деепричастие

ANIM — одушевленность

AOR — аорист

CONV1 — конверб-1

CONV2 — конверб-2

CONV3 — конверб-3

DAT — дательный падеж

DETERM — определенная форма существительного

F — женский ро.

FUT — будущее время

GEN — родительный падеж

INDETERM — неопределенная форма существительного

INSTR — творительный падеж

LOC — местный падеж

M — мужской род

NOM — именительный падеж

NT — средний род

OB.OBL — косвенно-объектный (предложный) падеж

OBL — косвенный падеж личных местоимений в языках с разрушенным именным склонением

PASS — страдательный залог.

PERF — перфект

PL — множественное число

PrfA — действительное причастие прошедшего времени

PrfP — страдательное причастие прошедшего времени

Pr-I — л-причастие

PrpA — действительное причастие настоящего времени

PRAED — предикатив

PRES — настоящее время

PST — прошедшее время

SG — единственное число

SUPER — превосходная степень

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо

Библиография

Базы данных

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Источники

Булгаков 1988

Булгаков М. А., *Белая гвардия. Мастер и Маргарита*, Минск, 1988.

Герцен 1979

Герцен А. И., *Былое и думы*, Москва, 1979.

Деепричастный оборот 2017

Деепричастный оборот, *УчительПРО. Опорные конспекты*, 2017, Октябрь, 21 (<https://uchitel.pro/деепричастный-оборот/>).

Добротолюбие 1902

Добротолюбие, 4, 1: Преподобного отца нашего Иоанна, епископа Карнафийского, к инокам Индии, писавшим ему, 100 утешительных глав, 1902; цит. по: [НКРЯ].

Дубров et al. 2003

Дубров А. П., Силаева О. Л., Ильичев В. Д., Кот, говорящий по-азербайджански, *Первое сентября. Биология*, 13 (692), 2003; цит. по: [НКРЯ].

Гумилев 1990

Гумилев Н. С. Стихи; Письма о русской поэзии. Москва, 1990.

Кураев 2020

Андрей (Кураев), диак., Полтора часа разговора перед камерой, «Живой журнал» *diak_kuraev* (<https://diak-kuraev.livejournal.com/2020/01/30/>).

Малетина 2019

Малетина Е., Пишем по-русски. А шляпы летят. И летят..., *Секретарское дело*, 7, 2011, 60–64.

Миня 1893

Миня (1893). Август. 17 августа; ; цит. по: [НКРЯ].

Миня 1914

Миня праздничная (1914). [37] 6 августа: Преображение Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; цит. по: [НКРЯ].

Островский 1881

Островский А. Н., *Невольницы*. 1881; цит. по: [НКРЯ].

Пушкин 1985

Пушкин А. С., Сказка о мертвой царевне и семи богатырях, А. С. Пушкин, *Сочинения в трех томах*, I, Москва, 1985, 634–646.

Толстой 1956

Толстой Л. Н., *Смерть Ивана Ильича*, Москва, 1956.

Чудодеев 2003

Чудодеев А., Расписание на завтра, *Итоги*, 5 (347), 04.02.2003; цит. по: [НКРЯ].

Pavić 2012

Pavić M., *Hazarski rečnik. Roman leksikon u 100.000 reči*. Podgorica, 2012.

Литература

Абдулхакова 2007

Абдулхакова Л. Р., Развитие категории деепричастия в русском языке (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2007).

Александрвичюс 1988

Александрвичюс Ю., *Литовский язык*, Вильнюс, 1988.

Амбразас 1990

Амбразас В. И., *Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков*, Вильнюс, 1990.

Аркадьев 2013

Аркадьев П. М., О типологическом своеобразии литовской глагольной системы, *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков*, Вяч. Вс. Иванов, П. М. Аркадьев, ред., С.-Петербург, 2013, 320–361.

Бабайцева 2011

Бабайцева В. В., *Система членов предложения в современном русском языке*, Москва, 2011.

Балута 2013

Балута А. А., Абсолютные обороты с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках = Absolute adverbial constructions in Indo-European and Semitic languages, *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*, 2, 2013, 5–10.

——— 2015

Балута А. А., Обороты, аналогичные латинским Accusativus = Nominativus cum Infinitivo, в индоевропейских языках, *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*, 4, 2015, 162–167.

Белић 2006

Белић А., *Изабрана дела*, 4: *Историја српског језика. Фонетика. Речи са деκлинацијом. Речи са конјугацијом*, Београд, 2006.

Булыгина 2006

Булыгина Т. В., Синёва О. В., Литовский язык, *Языки мира: балтийские языки*, В. Н. Топоров, ред., Москва, 2006, 93–155.

Вдовиченко 2008

Вдовиченко А. В., *Расставание с «языком»*. Критическая ретроспектива лингвистического знания, Москва, 2008.

Векслер 1987

Векслер Б. Х., Юрик В. А., *Латышский язык. Самоучитель*, Рига, 1987.

Воробьёва 2008

Воробьёва А. Г., *Учебник церковнославянского языка*, Москва, 2008.

Генюшене 2014

Генюшене Э. Ш., Конвербы в литовском языке, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 10/3, С.-Петербург, 2014, 157–180.

Дини 2002

Дини П. У., *Балтийские языки*, Москва, 2002.

Добрушина 2014

Добрушина Е. Р., *Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка*, Москва, 2014.

——— 2020

Добрушина Е. Р., Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение, *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 63, 2020, 9–18.

Живов 2004

Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

Книга о грамматике 2018

Книга о грамматике для преподавателей русского языка как иностранного, под ред. А. В. Величко, С.-Петербург, 2018.

Колесов 2005

Колесов В. В., *История русского языка*, С.-Петербург, 2005.

Конески 2004

Конески Б., *Грамматика на македонскиот јазик*, Скопје, 2004.

Краткая русская грамматика 2002

Краткая русская грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина, Москва, 2002.

Крылова et al. 1997

Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н., *Современный русский язык. Теоретический курс*, 4: *Синтаксис. Пунктуация*, Москва, 1997.

Мельничук 1958

Мельничук А. С., Развитие предикативного употребления причастий на -(в)ъ-, -(в)ъши- в восточнославянских языках, *Слов'янське мовознавство. Збірник статей*, Київ, 1958, 91–159.

Мольков 2017

Мольков Г. А., Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия, *Русский язык в научном освещении*, 2 (34), 2017, 180–193.

Недялков 1990

Недялков В. П., Основные типы деепричастий, В. С. Храковский, ред., *Типология и грамматика*, Москва, 1990, 36–59.

Озола 2005

Озола Н., *Латышский язык за три месяца*, Рига, 2005.

Пекелис 2017

Пекелис О. Е., Сентенциальные обстоятельства, *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Синтаксические конструкции и грамматические категории*, С.-Петербург, 2017, 13–54.

Пичхадзе 2016

Пичхадзе А. А., О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10, 2016, 499–515.

Пожарицкая 1997

Пожарицкая С. К., *Русская диалектология*, Москва, 1997.

Русская грамматика 1982

Русская грамматика, 2: Синтаксис, Н. Ю. Шведова, гл. ред., Москва, 1982.

Скорвид 2005

Скорвид С. С., Чешский язык, *Языки мира. Славянские языки*, Москва, 2005, 234–274.

Сталтмане 2006

Сталтмане В. Э., Латышский язык, *Языки мира: балтийские языки*, Москва, 2006, 155–193.

Станојичић 1992

Станојичић Ж., Поповић Љ., *Граматика српског језика за I–IV разред средње школе*, Београд, 1992.

Стевановић 1998

Стевановић М., *Граматика српског језика за средње школе*, Београд, 1998.

Тестелец 2001

Тестелец Я. Г., *Введение в общий синтаксис*, Москва, 2001.

Ускова 2003

Ускова Р. П., *Грамматика македонского литературного языка*, Москва, 2003.

Ходорковская 2009

Ходорковская Б. Б., *Синтаксис и семантика классического латинского языка*, Москва, 2009.

Шахматов 2001

Шахматов А. А., *Синтаксис русского языка*, Москва, 2001.

Широкова 1952

Широкова А. Г., *Очерк грамматики чешского языка*, Москва, 1952.

——— 1977

Широкова А. Г., Чешский язык, *Славянские языки*, Москва, МГУ, 1977, 64–118.

Ambrasas 1979

Ambrasas V., *Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė*, Vilnius, 1979.

Dini 2014

Dini P. U., *Foundations of Baltic languages*, Vilnius, 2014.

Haspelmath 1995

Haspelmath M., The converb as a crosslinguistically valid category, M. Haspelmath, E. König, eds., *Converbs in CrossLinguistic Perspective* (= Empirical Approaches to Language Typology, 13), Berlin, New York, 1995, 1–55.

Pauliny et al. 1968

Pauliny E., Ružička J., Štolc J., *Slovenská gramatika*, Bratislava, 1968.

Wiemer, Giger 2005

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, 2005.

References

- Aleksandravičius J., *Lietuvių kalba*, Vilnius, 1988.
- Ambrasas V., *Baltų kalbų dalyvių lyginamoji sintaksė*, Vilnius, 1990.
- Ambrasas V., *Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė*, Vilnius, 1979.
- Arkadijev P. M., O tipologicheskom svoebrazii litovskoi glagol'noi sistemy, V. V. Ivanov, P. M. Arkadijev, eds., *Studies in the Typology of Slavic, Baltic and Balkan Languages (with primary reference to language contact)*, St. Petersburg, 2013, 320–361.
- Babaitseva V. V., *Sistema chlenov predlozheniia v sovremenom russkom iazyke*, Moscow, 2011.
- Baluta A. A., Absolute adverbial constructions in Indo-European and Semitic languages, *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*, 2, 2013, 5–10.
- Baluta A. A., Nominativus cum Infinitivo, in indo-european languages, *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*, 4, 2015, 162–167.
- Belić A., *Izabrana dela*, 4: *Istorija srpskog jezika. Fonetika. Reči sa deklinacijom. Reči sa konjugacijom*, Beograd, 2006.
- Bulygina T. V., Sineva O. V., Lithuanian, V. N. Toporov, ed., *Languages of the World. The Baltic Languages*, Moscow, 2006, 93–155.
- Dini P. U., *Foundations of Baltic languages*, Vilnius, 2014.
- Dini P. U., *Le lingue baltiche*, Moscow, 2002.
- Dobrushina E. R., Absolute transgressives: Their standard and occurrence, microdiachrony and current state, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 63, 2020, 9–18.
- Dobrushina E. R., *Essays in corpus-based study of Russian: approaches to morphology, grammar and lexical semantics*, Moscow, 2014.
- Geniušienė E. Sh., Converbs in Lithuanian, *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies*, 10/3, St. Petersburg, 2014, 157–180.
- Haspelmath M., The converb as a crosslinguistically valid category, M. Haspelmath, E. König, eds., *Converbs in CrossLinguistic Perspective* (= Empirical Approaches to Language Typology, 13), Berlin, New York, 1995, 1–55.
- Khodorkovskaya B. B., *Sintaksis i semantika klassicheskogo latinskogo iazyka*, Moscow, 2009.
- Kolesov V. V., *Istoriia russkogo iazyka*, St. Petersburg, 2005.
- Koneski B., *Gramatika na makedonskiot jazik*, Skopje, 2004.
- Krylova O. A., Maksimov L. Iu., Shiriaev E. N., *Sovremennyy russkii iazyk. Teoreticheskii kurs*. 4: *Sintaksis i punktuatsiia*, Moscow, 1997.
- Melnichuk A. S., Razvitie predikativnogo upotrebleniia prichastii na -(v)'-, -(v)'shi- v vostochnoslavianskikh iazykakh, *Slov'ians'ke movoznavstvo. Zbirnyk statei*, Kiev, 1958, 91–159.
- Molkov G. A., Indeclinable Participles in Early Old Russian Gospel Manuscripts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (34), 2017, 180–193.
- Nedjalkov V. P., Osnovnye tipy deeprichastii, V. S. Khrakovskii, ed., *Tipologiya i grammatika*, Moscow, 1990, 36–59.
- Ozola N., *Latyshskii iazyk za tri mesiaci*, Riga, 2005.
- Pauliny E., Ružička J., Štolc J., *Slovenská gramatika*, Bratislava, 1968.
- Pekelis O. E., Sententsial'nye obstoiatel'stva. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka*, 2: *Sintaksicheskie konstruktii i grammaticheskie kategorii*, St. Petersburg, 2017, 13–54.
- Pichkhadze A. A., On Predicative vs. Attributive Participles in Old Russian: Indeclinable Participles, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova (Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute)*, 10, 2016, 499–515.
- Pozharitskaya S. K., *Russkaia dialektologiya*, Moscow, 1997.
- Scorvid S. S., Czech, *Languages of the world. Slavic Languages*, Moscow, 2005, 234–274.
- Shakhmatov A. A., *Sintaksis russkogo iazyka*, Moscow, 2001.
- Shirokova A. G., *Cheshskii iazyk, Slavianskie iazyki*, Moscow, 1977.
- Shirokova A. G., *Ocherk grammatiki cheshskogo iazyka*, Moscow, 1952.
- Shvedova N. Iu., ed., *Russkaia grammatika*, 2: *Sintaksis*, Moscow, 1982.
- Shvedova N. Iu., Lopatin V. V., eds., *Kratkaia russkaia grammatika*, Moscow, 2002.
- Staltmane V. E., Latvian, *Languages of the World. The Baltic Languages*, Moscow, 2006, 155–193.
- Stanojčić Ž., Popović Lj., *Gramatika srpskog jezika za I–IV razred srednje škole*, Beograd, 1992.
- Stevanović M., *Gramatika srpskoga jezika za srednje škole*, Beograd, 1998.
- Testeleys Ya. G., *Vvedenie v obshchii sintaksis*, Moscow, 2001.
- Usikova R. P., *Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 2003.

Vdovichenko A. V., *Rasstavanie s «iazykom»*. *Kriticheskaia retrospektiva lingvisticheskogo znaniia*, Moscow, 2008.

Veksler B. Kh., Iurik V. A., *Latyshskii iazyk*, Riga, 1987.

Velichko A. V., ed., *Kniga o grammatike dlia prepodavatelei russkogo iazyka kak inostrannogo*, St. Petersburg, 2018.

Vorobieva A. G., *Uchebnik tserkovnoslavianskogo iazyka*, Moscow, 2008.

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, 2005.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Федор Борисович Альбрехт, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и стилистики

Литературного института им. А.М. Горького

123104 Москва

Тверской бульвар, 25;

доцент кафедры общего языкознания и славистики

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

109651 Москва

ул. Иловайская, 9 к. 2;

доцент кафедры русского языка как иностранного

Московского государственного лингвистического университета

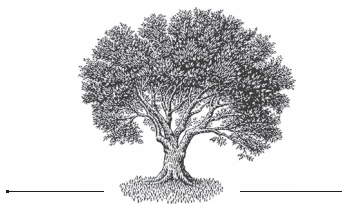
119034 Москва

ул. Остоженка, 38 стр.1

Россия / Russia

reductio1@yandex.ru

Received November 28, 2019

Заметки о языке
севернорусских
причитаний.
2. Составные
номинации,
их структура
и семантика*

**Светлана Михайловна
Толстая**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Notes on the
Language of Northern
Russian Lamentations.
2. Composite
Nominations,
their Structure
and Semantics

Svetlana M. Tolstaya

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена языку севернорусских причитаний, собранных и опубликованных Е. В. Барсовым 150 лет тому назад. На материале свадебных причитаний исследуются типичные для языка фольклора (известные и в современном разговорном языке) составные номинации, т. е. существительные, глаголы и другие части речи, образованные на основе двух (редко трех) лексических единиц: 1) цельнооформленные сложные слова с одним

* Исследование выполнено в рамках проекта «Причитания Северного края Е. В. Барсова»: материалы к словарю», поддержанного РФФИ (грант № 20-012-00205А).

Благодарю О. Д. Сурикову и М. Н. Толстую за ценные замечания и помощь в компьютерной обработке текстов, а также рецензента за указание на неточности и стилистические погрешности в первоначальной версии статьи.

Цитирование: Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний. 2. Составные номинации, их структура и семантика // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 274–313.

Citation: Tolstaya S. M. (2020) Notes on the Language of Northern Russian Lamentations. 2. Composite Nominations, their Structure and Semantics. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 274–313.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.13

неизменяемым компонентом (*свет-батюшка, друг-подружка, звон-унылый*), 2) аппозитивные словосочетания с приложением (*душа-девушка, дочь-невольница, идти-шататься*), 3) тавтологические словосочетания, т. е. полные или частичные редупликации (*воля-волюшка, место-местечко, ум-разум, гневён-гневён*) или синонимические сложения (*путь-дороженька, род-племя, знать-ведать, глядеть-смотреть, строго-грозно, жалко-уныло*), 4) конструкции с сочинительной связью (*гуси-лебеди, злато-серебро, хлеб-соль, кормить-поить, досыта-допьяна*). В основу классификации положены следующие признаки: структурный (изменяемость компонентов сложений), «внешне»-синтаксический (согласование с обоими членами бинома или с одним из них), «внутренне»-синтаксический (характер связи компонентов друг с другом — подчинение или сочинение) и семантический (являются ли члены бинома семантически самостоятельными, или же один из членов служит эмоциональным, оценочным, функциональным определением, дополнением, уточнением, модификацией другого и т. п.). Спецификой фольклорного материала, и в частности поэтических текстов севернорусских свадебных причитаний, оказывается их структурная и синтаксическая диффузность, размытость границ между разными типами составных номинаций, тенденция к свободному синтаксису паратаксического типа, избегание эксплицитных средств выражения смысловых отношений (особенно подчинительных), преобладание сочинения над подчинением не только в предложениях, но и между компонентами словосочетаний.

Ключевые слова

язык фольклора, причитания, составные номинации, сложные слова, словосочетания, словообразование, синтаксис, семантика

Abstract

The paper is devoted to the language of the Northern Russian lamentations collected and published by E.V. Barsov 150 years ago. The author uses the material of wedding lamentations to study the typical folklore language — composite nominations, i.e. nouns, verbs, and other parts of speech formed on the basis of two (rarely three) lexical units: 1) integral compound words (*svet-batiushka, drug-podruzka, zvон-unylyj*), 2) phrases with an application (*dusha-devushka, doch'-nevol'nica, idti-shatat's'a*), 3) tautological phrases, i.e. complete or partial reduplications (*vol'a-vol'ushka, mesto-mestechko, um-razum, gnevev-gneven*) or combinations of synonyms (*put'-dorozhen'ka, rod-plem'a, znat'-vedat', gl'adet'-smotret', strogo-grozno, zhalko-unylo*), 4) constructions with a compositional relationship (*gusi-lebedi, zlato-serebro, khleb-sol', kormit'-poit', dosyta-dop'ana*). The classification is based on the following characteristics: structure (the declination of the components of the phrases), macro-syntax (coordination with both members of the binomial or one of them), micro-syntax (relationship of the components with each other—the subordination or composition) and semantics (whether members of the phrase semantically independent, or one of the members serves as an emotional, evaluative, functional definition, addition, refinement, modification of the other). The specifics of folklore material, and particularly of poetic texts of Northern Russian wedding lamentations, are their structural and syntactic diffuseness, blurring of borders between different types of

composite units, the tendency to free syntax of the paratactic type, avoiding explicit means of expressing semantic relations (especially subordinates), the predominance of composition over subordination not only in sentences, but also between components of phrases.

Keywords

Northern Russian dialect, folklore language, lamentations, compound nominations, word combinations, syntax, semantics, word formation

Введение

Язык «Причитаний северного края, собранных Е. В. Барсовым» [Барсов 1997], впервые изданных полтора десятилетия тому назад, с самого начала привлек к себе внимание как диалектологов, так и исследователей языка и поэтики русского фольклора. Необыкновенное богатство лексики, ее своеобразие (сотни слов из этого собрания не засвидетельствованы другими диалектными и фольклорными источниками), множество синтаксических, словообразовательных и морфологических явлений, остающихся недостаточно изученными, своеобразие поэтических приемов объясняют неубывающий интерес исследователей к этим текстам, см. основную литературу в: [Сурикова 2017; 2019; 2019a]. В предыдущей статье этой серии [Толстая 2012] рассматривалось характерное для севернорусских причитаний явление номинализации предикативных конструкций типа «И поразжалюсь я на баенну истопщичку, / И я на ключевую водонощичку» [Барсов, 2: 386] (*баенная истопщичка*, т. е. та, кто топит баню; *ключевая водонощичка*, т. е. та, кто приносит ключевую воду).

В настоящей работе речь пойдет о другом типичном для причитаний и многих других фольклорных жанров явлении, а именно о составных номинациях типа *родитель-матушка*, *тоска-кручина*, *хлеб-соль*, *мед-пиво*, *суженый-ряженный*, *травя-мурава*, *гуси-лебеди*, *спать-почивать* и т. п. Такие номинации широко распространены не только в языке фольклора, но и в обиходной речи (ср. *дочки-матери*, *путь-дорога*, *подобру-поздорову*, *стерпится-слюбится*, *старик отец*, *бой-баба* и т. п.) и не раз привлекали внимание лингвистов [Дурново 1902; Пешковский 1938: 78–84; Потебня 1941; 1968: 414–432; Молошная 1973; Журавлев 1982; Якобсон 1987; Эйсман 1994; Вайс 2000; 2003; 2008; Минлос 2005] и исследователей языка фольклора [Евгеньева 1963, Хроленко 1981; 1986, Венгранович 2004; 2011].

Я называю эти явления составными номинациями, поскольку это определение позволяет объединить разнородные в лексикологическом, грамматическом и семантическом смысле языковые единицы, не имеющие в русской грамматике единого общепризнанного статуса и интер-

претации. В этом определении отражается их общее свойство лексической сложности (они состоят из двух или — в отдельных случаях — трех лексических единиц) и их общая функция служить номинативной единицей. Среди них выделяются четыре категории:

1. сложные слова (*бой-баба, пай-мальчик*);
2. аппозитивные словосочетания, или словосочетания с приложением (*сестра-хозяйка, птичка-невеличка, барышня-крестьянка, река Волга*);
3. тавтологические словосочетания — (а) полные или неполные репликации (*туго-туго, строго-настрого*) или (б) сочетания синонимов (*знать-ведать, унылый-жалкий*);
4. «сочинительные» словосочетания (*гуси-лебеди, купля-продажа, дочери-матери*).

Различие между первой и второй категорией определяется несколькими признаками. Сложные слова относятся к области лексикологии и словообразования и представляют собой единицы лексической системы языка, тогда как словосочетания с приложением относятся к области синтаксиса и входят в триаду единиц «слово — словосочетание — предложение». В сложных словах морфологически оформлен только один (как правило, второй) компонент (*чудо-дерево — на чудо-дереве, царь-пушка — о царь-пушке, горе-охотник — с горе-охотником*), тогда как в словосочетаниях с приложением — оба компонента (*город Москва — в городе Москве; студент-отличник — о студенте-отличнике*)¹. Однако этот принцип, как известно, не абсолютен. Одни и те же сочетания могут в этом отношении колебаться. Так, в разговорном языке наряду с «правильной» формой словоизменения *в Москве-реке* (по типу словосочетаний с приложением) употребительна и «неправильная» форма *в Москва-реке* (по типу сложных слов) с единым ударением и энклиноменом *река*. Слово *член-корреспондент* может склоняться как по типу сложного слова (*член-корреспондентов*), так и по типу словосочетания (*членов-корреспондентов*) и т. п. В Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка [ГС] включены на правах лексем (и, следовательно, сложных слов) такие биномы, как *баба-яга, ковер-самолет, кресло-кровать, диван-кровать, кресло-качалка* и др., которые не удовлетворяют указанному принципу, требующему единого морфологического оформления (ср. *к бабе-яге, на ковре-самолете, в*

¹ А. М. Пешковский называл отношения между приложением и тем, «к чему оно прилагается», взаимно совпадающими, или обратимыми: «...там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получаются взаимно не совпадающие и необратимые; там же, где этот показатель имеется в обоих соотносящихся, — взаимно совпадающие и обратимые» [Пешковский 1938: 80].

кресле-качалке и т. д.). Граница между этими двумя типами составных номинаций (сложными словами и словосочетаниями с приложением) размывается также тем, что внешнее согласование в обоих типах происходит на основе одного члена сочетания (*эта чудо-ягода, удобное кресло-качалка, знакомая женщина-врач*)².

Третья категория является промежуточной между второй и четвертой: это конструкции, которые представляют собой тавтологические сочетания, т. е. либо полные редупликации (*маленький-маленький, туго-туго, просил-просил*)³, либо частичные редупликации, т. е. сочетания однокоренных слов (*крепко-накрепко, строго-настрого*). Их составляющие связаны отношением семантического тождества и потому строго говоря не могут интерпретироваться ни как словосочетания сочинительного типа, ни как сочетания подчинительного типа (аппозитивные). К тавтологическим относятся также сочетания синонимичных слов (*род-племя, пора-временечко, знать-ведать, глядеть-смотреть, по-старому-по-прежнему*), только здесь тавтология не формальная, а семантическая. Их отличие от аппозитивных конструкций состоит в том, что между их компонентами нет подчинительной связи и соответствующей (уточняющей, ограничивающей, интерпретирующей и т. п.) семантики.

Наименее ясен статус четвертой категории составных номинаций. В РГ говорится:

к приложению не относятся соединения двух слов, называющие сложносоставный предмет, и по своему строению, функциям, а иногда и по сочетаемости приближающиеся к слову: *хлеб-соль, пух-перо, разгрузка-погрузка, чашки-ложки, банки-склянки, чашки-блюда* 'посуда', *отец-мать, папы-мамы* (шутл.) 'родители', *руки-ноги* 'конечности', *гуси-утки* 'птица', *гуси-лебеди, дружки-приятели*. Такие сочетания отмечаются в художественной литературе [...]. Аналогично в глаголах: *кормил-поил, холила-нежила, просил-умолял*; в наречиях: *туда-сюда, тихо-мирно, чинно-благородно* [РГ, 2: 58]⁴.

² Поэтому в ГС для сложений с двумя склоняемыми членами типа *диван-кровать* показатель рода дается дважды: единый «внешний» для сложения в целом (*новый диван-кровать*) и отдельный «внутренний» для каждого члена (*на новом диване-кровати*). В данном случае сложению *диван-кровать* приписывается индекс м <м1а+ж8а>, т. е. муж. род для «внешнего» согласования и два различных показателя (муж. и жен.) для «внутренней» характеристики типа склонения.

³ Полные редупликации заслуживают специального изучения, так как они в семантическом, синтаксическом и структурном отношении неоднородны, что часто маркируется интонацией. Если *маленький-маленький* означает 'очень маленький' (= *маленький-премаленький*), то бином *дурак-дурак* (*а мыла не ест*) эквивалентен выражению с уступительным значением типа 'дурак-то дурак, но...' или 'хотя и дурак, но...'. Это соображение принадлежит анонимному рецензенту первой версии статьи, за что я ему искренне благодарна.

⁴ Заметим, что сам термин «приложение» применительно к номинациям типа *гражданин Иванов, князь Андрей, красавица дочь* и т. п. неудачен, поскольку он относится только к определяющему члену бинома, но не к биному в целом,

Каков же в таком случае статус этих «соединений слов»? Если они не являются словосочетаниями с приложением и тем более не являются сложными словами, то чем же они являются, каков их языковой статус и какова связь между их компонентами? Их нельзя квалифицировать как словосочетания, поскольку словосочетание строится на основе подчинительной связи⁵. А. М. Пешковский усматривал здесь как раз сочинительную связь:

грамматически оба существительных совершенно равноправны и являются собой сочинительный, а не подчинительный тип связи [...], однако, поскольку тут все же словарная сторона создает соотношение, параллельное соотношению между существительным и прилагательным, это явление должно быть учтено и в синтаксисе, тем более что дифференцированное восприятие таких двух существительных сказывается в некоторых случаях на формах согласования того прилагательного или того глагола, который к ним обоим относится [Пешковский 1938: 152].

Вслед за Пешковским сочинительный тип связи в «соединениях» типа *друг-приятель* признавали позднейшие исследователи, называя их по-разному: парными сочетаниями [Молошная 1973], образованиями с сочинительными связями компонентов [Журавлев 1982], парными словами [Дурново 1902], бинами [Хроленко 1981; Венгранович 2011], парными конструкциями или парными сочетаниями, парными словами, двойными словами и т. п.

Будучи неопределенными в своем статусе, «сочинительные словосочетания» остались неизученными также со стороны синтаксических и особенно семантических свойств. Обычно при их описании ограничиваются указанием на «суммирующую» семантику (термин Т. Н. Молошной). От сложных слов их отличает «разнооформленность» компонентов (т. е. их раздельное словоизменение), а от сочетаний с приложениями — отсутствие подчинительных отношений между составными частями.

В языке фольклора широко представлены составные номинации всех указанных четырех типов: сложные слова, аппозитивные словосочетания, тавтологические словосочетания (редупликация полная, частичная и синонимическая) и сочинительные словосочетания. Они

который должен называться как-то иначе. По отношению к таким словосочетаниям используется также термин «аппозитивные словосочетания» [Молошная 1973; Журавлев 1982: 85].

⁵ Ср.: «Конструкция, образующаяся на основе реализации подчинительных связей, предопределенных лексико-грамматическими свойствами слова, называется словосочетанием» [РГ, 2: 6]; «Словосочетание — один из видов синтаксической конструкции, образуемый соединением двух и более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи — согласования, управления или примыкания» [ЭРЯ: 698].

относятся к разным частям речи — существительным, прилагательным, глаголам, наречиям, хотя и в разном соотношении (как и в разговорной речи, преобладают субстантивные номинации). Однако главной особенностью составных номинаций в фольклорных текстах, и в частности в севернорусских причитаниях, является их «диффузность», синтаксическая свобода и проницаемость. Если в литературном и разговорном языке речь идет в абсолютном большинстве случаев о слитных (неразрывных, контактных) двухкомпонентных необратимых номинациях жесткой структуры, то в фольклорных текстах эти биномы могут «размываться» за счет включения между их компонентами разного рода согласованных и несогласованных определений или вставки союзов, предлогов, местоимений и других единиц, в том числе предикатов. Поэтому собственно двучленные (редко трехчленные, например *ум-разум-розмысел*) номинации в большинстве случаев должны реконструироваться из более широкого контекста, и только в результате такой реконструкции могут быть установлены их исходная структура, синтаксические характеристики и семантика.

Например, бином *дом-жирушка* реконструируется на основе следующих контекстов: *я во свой да дом-крестьянску пойду жирушку* 294:763⁶; (отпускают) *по своим домам крестьянским по жирушкам* 356:388; *в свой да дом-крестьянскую во жирушку* 408:22; *ты придешь в дом-крестьянскую ведь жирушку* 308:315 и т. п. В данном случае исходный бином *дом-жирушка* может быть квалифицирован либо как словосочетание с приложением (аппозитивное), либо как сочетание тавтологическое в зависимости от того, какое значение (синонимичное слову *дом* или уточняющее) приписывать слову *жирушка*. В СРНГ это слово документировано только данными олонечских говоров в значении 'жизнь, житье' и текстами Барсова — в значении 'жилое помещение, изба', ср. также арханг., волог. *жира* 'жилое помещение, дом, изба' [СРНГ, 9: 187, 181]⁷. При этом каждый компонент составной номинации склоняется и имеет автономное согласование с определениями (*свой дом*, но *крестьянскую жирушку*).

Диффузности и размытости составных номинаций способствует также то, что один из компонентов сложения может представлять собой

⁶ Здесь и далее цифры при примерах означают: первая — страницу второго тома сборника Барсова, вторая — номер стиха.

⁷ В словаре архангельских говоров слово *жирушка* не отмечено в «предметно-локативном» значении, а толкуется только в абстрактных категориях: 'условия жизни, существования', 'образ жизни, жизненный уклад', 'совокупность всего пережитого', хотя для производящего для него слова *жира* такие значения ('жилье', 'жилое строение, дом') фиксируются, хотя и не на первых позициях [АОС, 14: 124–125, 143].

не единичное слово, а устойчивое словосочетание, например, *брат сдвуродимый* ‘двоюродный брат’ в составной номинации *свет-брат сдвуродимы* / *светов-братьев сдвуродимых* 470:120; ср. еще *любушка-сестрица сдвуродимая* / *сади* (т. е. сажай) *любушек-сестриц да сдвуродимых* 441:28. Необходимо еще считаться с тем, что орфография составных номинаций в фольклорных записях в еще большей степени, чем орфография подобных конструкций в литературном языке и записях разговорной речи, условна и произвольна: наличие или отсутствие дефиса отражает только интерпретацию собирателя или публикатора и не может служить критерием разграничения типов составных номинаций.

Таким образом, диффузность составных номинаций проявляется не только в отношении их структуры (ее размытости и проницаемости), но и в отношении их принадлежности к тому или иному типу.

Далее будут подробнее рассмотрены составные номинации в тексте свадебных причитаний из сборника Барсова [Барсов 1997, 2]. Во многих лингвистических и фольклористических работах речь идет только или преимущественно о субстантивных составных номинациях. Лишь в редких случаях обращается внимание на глагольные, адъективные и адвербиальные биномы. В нашем материале сплошной просмотр такого рода номинаций также показал значительное преобладание субстантивных конструкций. Количественное соотношение инвентаря биномов разных типов приблизительно следующее: субстантивных — более 80, глагольных — не менее 60, адъективных — более 40, адвербиальных и прочих неизменяемых — 25.

1. Субстантивные составные номинации

1.1. **Сложные слова.** Среди субстантивных составных номинаций к сложным словам могут быть условно отнесены лишь некоторые. В первую очередь это сочетания с первыми элементами *свет*-⁸ (*свет-братец*, *свет-воля*) и *друг-* (*друг-подружка*). Их принадлежность к категории сложных слов подтверждается контекстами, в которых первый компонент сложений остается несклоняемым:

⁸ Образования с компонентом *свет*, насколько мне известно, не были до сих пор предметом специального анализа. В Словаре современного русского литературного языка слову *свет* дается такое толкование: «Свет. 8. *народно-поэт.* Ласковое, приветливое обращение к кому-либо. *Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?* Крыл. Шук и Кот. [...] *Мой свет, свет мой. Свет мой, зеркальце, скажи! Да всю правду доложи.* Пушкин. Ск. о мертв. царевне [...] В сочетании с собственным именем (иногда с отчеством). *Робеет она тебя, свет Натальюшка.* А. Н. Толст. Петр I. [...] ~ Свет очей (чьих-либо), свет жизни (чьей-либо). Устар. О дорогом, любимом существе» [ССРЛЯ, 13: 326]. В СРНГ также *свет* толкуется только как «ласковое обращение к кому-л.» или как «обращение священника к мирянину» [СРНГ, 36: 253–254].

- свет-батюшко / спасет Бог да свет-надёжа сударь-батюшко 442:13; свет-надёжу-то дари да родна батюшка 470:122
- свет-братец / спаси Господи мой свет-брatца родимого 319:16; за твоим да свет-то братцем богоданным 478:39
- свет-волюшка⁹ / изукрашу свет-бесценну свою волюшку 473:269
- свет-воля / опустили свет-бажёну волю вольную 463:216
- свет-головушка / разгневила свет-надежную головушку 329: 56
- свет-голубушка / столько думать, свет-голубушка 419:120
- свет-(крестово) дитятко / ты послушай, свет-крестово мое дитятко 336:1; слушай, свет-крестово мое дитятко 337:46; ты послушай, свет-сердечно мило дитятко 444:1
- свет-желаньице / на твоём да свет-великом на желаньице 338:4; не утай — скажи, велико свет-желаньице 429:156
- свет-(скаченная) жемчужинка / я прошу да вас, скачены свет-жемчуженки, 323:40; ты послушай, свет-скачёная жемчужинка 410:69, 411:144; уж как ты, да свет-скачёная жемчужинка 413:223
- свет-(крестова) матушка / свет-придрока¹⁰ родна матушка 424:9; я прошу да свет-крестову тебя матушку 432:283; ты послушай, свет-крестова моя матушка 432:302; мою милую крестовую свет-матушку 470:115; всё идет свет-родна матушка 480:14; изменят да свет-то-матушка 480:18
- свет-Микола Угодник / я Миколу свет-Угоднику (молилась) 419:103
- свет-молодушка / свет-молодушка разумная 479:83
- свет-невольница / вы простите свет-невольницу 458:24; 459:37
- свет-нешутушка¹¹ / вы послушайте, ветляны¹² свет-нешутушки 412:158; свет-ветляная нешутушка! 478:45; свет-ветлян у нешутушку 478:49
- свет-подружка / ты послушай, свет-советна дружна подружка 370:2
- свет-правоплечничек¹³ / свет-любимы правоплечнички 426:25
- свет-родители / вы послушайте, желанны свет-родители 323:1; спамячу желанных свет-родителей 350:87; ко твоим милым желанным свет-родителям 364:123; говорила тут желанным свет-родителям 365:128; ты просись да у желанных свет-родителей 374:148; свет-родители на нас да налюбуются 415:316;

⁹ *Воля, волюшка* в севернорусских говорах 'девичий головной убор в виде широкой ленты' [СРНГ, 5: 88], символ девичества и одно из ключевых понятий традиционного свадебного дискурса. [Гура 2012: 604–612].

¹⁰ По данным СРНГ слово *придрока*, известное только из текстов Барсова, имеет значение 'нежная забота, ласковый уход за кем-л.' [СРНГ, 31: 195] и, следовательно, здесь выступает как приложение.

¹¹ *Нешутка, нешутушка* (в олонекских говорах — 'невестка' [СРНГ, 21: 211]) документируется только текстами Барсова. Об этимологии см. в: [Сурикова 2019а: 344–345].

¹² *Ветляной* — в обращении: 'милый, любезный' [СРНГ, 4: 196].

¹³ *Правоплечничек* — 'помощник, правая рука' [СРНГ, 31: 60], документируется только олонекскими говорами.

у своих желанных свет-родителей 422:50; тебя стритят свет-желанныи родители 436:72; я при милых при желанных свет-родителях 437:23; свет-желанныи родители 458:48; у моих свет-у родителей 458:58; поразжалюсь, дочь-невольница, свет-желанны, вам, родители 459:67–68; на крылечушке желанны свет-родители 460:97, 102; призову ж да свет-желанных я родителей 472:227; вы надсмешнички, желанны свет-родители 472:229; сподманули, свет-желанны вы родители 473:248

свет-родитель батюшка / у родителя проси да свет у батюшки 374:151; унимаешь же ты, родитель-свет ведь батюшко 473:240

свет-родитель матушка / ты послушай, свет-родитель родна матушка 345:97, 346:12; уж ты слушай, свет-родитель моя матушка 346:1; у родителя проси да свет у матушки 374:159; говорила свет-родитель моя матушка 421:37; свет-желанну же родитель мою матушку 470:126;

свет-сестрица (сдвуродимая) / свет ко любушке-сестрице сдвуродимой 323:6; ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая 327:94; 328:11, 328:127; 329:51; 330:84; 331:24; вашей любушки сестрицы-свет родимой 342:82; 399:51, 63; 400:82, 97; 407:310

свет-совет-подружка / ты послушай, свет-совет да дружна подружка 374:142

свет-соседушки / вы простите свет-невольницу, свет-спорядные суседушки 459:31

свет-старички / старички да свет-почтенныи 459:45

свет-суседи / свет-суседи спорядовыи 475:8

свет-старичок / старички да свет-почтенныи 459:45

сестрица-свет / ты послушай же, сестрица-свет родимая 414:268; честно приняла сестрица-свет любимая 413:212

Во всех приведенных примерах первый компонент составной номинации имеет неизменяемую (несклоняемую) форму *свет*, выступающую по существу в функции квази-префикса (реже квази-постфикса). Это заставляет считать их цельнооформленными сложными словами, несмотря на то что компоненты подобного типа не соединены жесткой связью и обладают определенной синтаксической свободой как в отношении порядка следования, так и в отношении автономного согласования с другими согласованными и несогласованными распространителями. Ср., например, для фразы *у родителя проси да свет у батюшки* реконструируется «каноническая» исходная форма *свет-родитель батюшка*, которая имеет схему $X + Y + Z$, тогда как реальная текстовая форма имеет схему $\text{праер.} + Y + \text{verbum} + \text{conj.} + X + \text{праер.} + Z$. Один компонент составной номинации может быть отделен от другого даже несколькими строками: *И ты, **родитель** моя **матушка**, / И ты похвастала б — да нечем, / И ты бы красилась — да не во чем, / И ты обула бы — да нечего! / И ты послушай, **свет-родимая** ...* 480:18 (исходная структура: *свет-родитель-матушка*).

Наряду с такими составными номинациями с неизменяемым первым членом *свет* в текстах причитаний широко употребительны дву-членные конструкции, в которых, однако, этот первый компонент склоняется, что, согласно принятым критериям, по существу переводит эти конструкции в другой тип, в разряд словосочетаний. Вот примеры:

свет-брат сдвуродимы / светов-братьев сдвуродимых 470:120

свет-братец / светов-братьцев ли я да обесчестила 283:271; на утеху светам-братьицам родимым 291:650; вы возьмите, светы-братьица родимы 292:694; говорили светы-братьица родимы 305: 171; светов-братьцев родимых 320:29; да света-брatца сдвуродимого 323:19; вы сердечны светы-братьица родимы 340:30; светы-братьица родимы 341:38; светы-братьица родимы 344:85; на обиду светам-братьицам родимым 354:287; как твои да светы-братьица родимы (ринулись) 374:171; воскликать да света-брatца жалобнёшенько 379:45; то страшат да светы-брatцы богоданни 431:239

свет-родитель матушка / у моей света-родителя у матушки 440:3, 11

светы-родители / у моих светов-родителей 279:80; (не гневаюсь) на вас, светы-желаннии родители 280:159; светам-желанным родителям 281:196; во своих светах-желанных родителях 283:258; мои светы-желаннии родители 287:439; у моих светов-желанных родителей 299:1008; попрошу светов-желанных родителей 300:104; без своих светов-желанных родителей 348:25; при твоих светах-желанных родителях 371:6; покорюсь светам-желанным родителям 386:54; мои светы-желаннии родители 399:60; ко твоим светам-желанным родителям 401:13; от твоих светов-желанных от родителей 401:28; у своих светов-родителей 417:28; от моих светов-желанных родителей 433:310; у вас, светы-желаннии родители 441:57; у вас, светы-желаннии родители 441:57; своим светам-желанным со родителями 453:9; вам, светам-желанным родителям 475:18; со светы-родители 481:53

Так же, т. е. как склоняемый, ведет себя уменьшительный от *свет* первый компонент сложения *светушко*:

светушко-братец / светушку же братцу-то родимому 282:226; попрошу да светушков-братцев родимых 292:681; я ко светушкам, ко братцам-ясным соколам 293:722; ты со светушкамы-братьицам родимым 304:166; я ко светушку ко братцу ко родимому 314:2; да светушков-братцев родимых 323:18; (дождалась) светушка да к сибиратца сдвуродимого 332:76; я со светушкама-братцам со родимыма 333:11; ты не (отдай) светушкам-то братцам-ясным соколам 353:248; отыщи да светушка-брatца родимого 357:430; все рубит дровча ведь, светушко, частёшенько, и колет дровечки он, братец, все малёшенько! 364:117–118; твоих светушков-то братьицев названных 368:303; печальной светушко-братец родимой 368:306; светушков-братцев проси себе любимых 374:157; я без светушка без братца без родимого

374:180; и спамяти да светушка-братца родимого 379:43; моих милых светушков-братцев родимых (снарядите) 387:58; с светушком-братцем ведь ты да все разъезживать 390:88; покорюсь да светушкам-братцам родимым 396:153, 155; покорюсь да светушку-братцу родимому 409:21; сиде светушко-то братец ко мне родной 411:114; мне-ка мила светушка-братца родимого 411:127; милы светушки-братцы родимыи 412:160; светушком-братцем она да величала 413:217; я на светушка на братца на родимого (прогляжу) 414:247; столько умной светушко-братец родимой 414:266; ты на светушка на братца на родимого 415:305; светушки-братцы родимыи 426:28; светушков-братцев родимых 427:45; я тоби да светушку-братцу родимому (покорюсь) 434:15; на светушка на братца на родимого 436:93; светушков-братцев приездных двуродимых 441:29; как сестрица светушку-братцу родимому 439:86; моих милых светушков-братцев родимых 470:119

воля-светушко / воля-дённой мой прости да белой светушко 461:123

свет-светушко / вы увидите, сдовольны светы-светушки 340:36

Если не считать общеизвестного сложения *жар-птица* (быдто *жар-птица во клетку посажённая* 297:904), то остается упомянуть еще один случай, который может быть условно квалифицирован как сложное слово, — биномы с первым неизменяемым членом *друг* и *друг-совет*. Они немногочисленны и могут быть отнесены к типу редупликаций (или частичных тавтологий):

друг-подружка / милы друг-советны мои подружки 316:9; друг-советны милы подружки 317:67; друг-советных милых подружек 321:27; друг-советны милы подружки 324:50; я тоби, да друг-советной милой подружке 347:9, 348:62; подойти да к друг-советной милой подружке 348:3; слушай, друг-советна дружна подружка 348:13, 22; 349:46; всё к тебе, да друг-советна мила подружка 350:118; на тебя, да друг-советну милу подружку 351:130; ко тоби, да друг-советной милой подружке 352:169; друг-советна мила подружка 353:219; 354:296; ты послушай, друг-советна мила подружка 367:248; 368:263; 369:338; мои милы друг-советны эти подружки 380:16; поспеши-тесь, друг-советны милы подружки 424:83; друг-советным милым подружкам 424:2; друг-советны дружны подружки 426:26; спамяти, да друг-советна прежня подружка 450:38; и спасет Бог, да друг-советна мила подружка 453:1; вы простите свет-невольницу и друг-советны милы подружки 458:24-25; моих милых друг-советных этих подружек 469:90; моих милых друг-советных дари подружек 470:131

друг-совет-подружка / ты послушай, друг-совет да мила подружка 371:44; 356:278

Нельзя не заметить, что в первой группе примеров устойчиво присутствует определение *советна* к опорному слову *подружка*, так что можно подумать, что исходным является не субстантивный бином *друг-по-*

дружка (с адъективным распространителем *советны*), а адъективный бином *друг-советна*. Однако первая трактовка кажется предпочтительней, поскольку среди адъективных биномов сложные слова очень редки, тогда как в субстантивных конструкциях с инкорпорированным прилагательным они очень распространены. Еще одна возможность — считать словосочетание *советна подружка* устойчивой двухсловной номинацией (типа *красная девица*, *добрый молодец* и т. п.).

Любопытный пример сложения с несклоняемым первым элементом представляет собой номинация *родитель-матушка*, где структура номинации неустойчива: в большей части случаев *родитель* не склоняется (тем более, что в основном это сложение выступает в функции обращения), но отмечаются и склоняемые формы:

родитель матушка / у моей да у родителя у матушки 279:90; на свою да на родитель-родну матушку 280:144; (выкликал) возлюльничку¹⁴ родитель, тебя, матушку 281:181; у моей же у родителя-у матушки 284:314; (не судачь же ты) на родитель-свою матушку 307:297; попеняю, красна девица, я, родитель тебе матушка 322:66-67; у тебя, родитель-моя матушка 346:7; как желанна бы родитель была матушка 350:90; как послы своей родителя я-матушки 352:204; ты проси да у родителя-у матушки 374:164; без своей да родителя-без матушки 374:178; у родителя-у матушки 451:52; уговаривать, родитель, слёзно, матушка 473:241 (полный список см. ниже).

Эта неустойчивость делает неопределенным тип сложения и, соответственно, стирает границу между сложными словами и словосочетаниями с приложением. Этой неустойчивости способствует то, что соответствующие номинации, относящиеся к родителю-отцу, всегда склоняются:

родитель-батюшка / у моего родителя у батюшки 279:94; желанному родителю-то-батюшке 280:123; принести покор родителю-то батюшку 307:280

Не вполне ясен статус сложения *искат-гора* ‘крутая гора’ (на *искат-горах*, *голубушко*, *катаючи* 347:46), поскольку отдельного слова *искат* в словарях как будто не засвидетельствовано, но есть производное от него прилагательное *искатный* ‘крутой (о горе)’, документированное в СРНГ онежскими говорами и текстами Барсова и Гильфердинга. Если это сложение двух самостоятельных слов, то это сложное слово (первая часть его неизменна); если же первый компонент сложения — сокращенное (усеченное) прилагательное, то это сложносокращенное слово.

¹⁴ *Возлюльничка* — слово отсутствует в СРНГ, но его значение восстанавливается из онеж. *возлюлькать* ‘вынянчить’ [СРНГ, 5: 26] как эпитет матери ‘пестунья, выпестовавшая’.

1.2. **Аппозитивные сложения (сочетания с приложением).** Самая большая часть составных номинаций субстантивного типа представляет собой словосочетания с приложением, в которых атрибутивный компонент может занимать как первую (*кормилец-батюшко*), так и вторую (*девушки-подружки*) позицию, а в семантическом отношении может служить видовым уточнением к родовому названию (*родитель-матушка*), оценочным эпитетом (*горюха-сирота*, *тетушка-добротушка*, *дочь-невольница*) или функциональным определителем (*хозяин-батюшко*). Преобладают в этих составных номинациях типичные для языка фольклора эмоциональные и оценочные эпитеты. Нужно, однако, заметить, что в подобных сложениях не всегда однозначно определяется главный (опорный) и подчиненный член (Д. Вайс называет их хозяином и слугой [Вайс 2000]) и, соответственно, направление подчинительной связи. Так, в случае *вагон-ресторан* «хозяином» безусловно является *вагон*, а «слугой», т. е. функциональным определением, — *ресторан*, а в сложении *хозяин-батюшка* в принципе отношения управления обратимы и зависят от семантических акцентов: речь может идти как о хозяине, в роли которого выступает батюшка, так и о батюшке, который получает определение *хозяин*. Приводим перечень номинаций этого типа:

братец-красно солнышко / спасет Бог да тебя братец-красно солнышко 332:46;
у тебя да братец-красно мое солнышко 332:53; 332:56; сидит да братец-красно мое солнышко 408:7; не забудь да братец-красно мое солнышко 409:34;
заходи да братец-красно мое солнышко 413:201; ты послушай, братец-красно мое солнышко 415:322; у тебя ж, да братец-красно мое солнышко 437:21;
ко тоби ж, да братец-красно мое солнышко 438:67

братец-светушко / да ты, братец мой-белой денной светушко 436:66
братец-ясны сокол / братцы-ясны соколы 317:65; у ясна братца-сокола 315:43;
чела тысяща ведь братцев-ясных соколов 469:93; я зглянула как на братцев-ясных соколов 345:108; у братцев-ясных соколов 457:5–6; шестьдесят братьев да ясных буде соколов 407:315

бурлак-детина / твои очи, у бурлака — ясна сокола, и твои брови, у детины — черна соболя 449:18–19

воля-красное солнышко / воля-красное прости да меня солнышко 461:122
воскормитель-батюшко / воскормитель-родной батюшко 424:8; воскормителю-надёже свету-батюшку 282:215

голубушка-сестра / со голубушкам милым сестрам 482:10

горюха-сирота / мне горюхе-бедной сироте 482:13

девушки-подружки / пусть-ко девушки ведь косу уплетают, пусть-ко подружки во ленты убирают 388:24–25

добротушка-тетушка / ко добротушкам-желанным родным тетушкам 324:85; добротушку-желанну себе тетушку 334:5

дом-воля / мне-ка свой да дом-своя воля у желанных свет-родителей 457:4–5

дочь-девица / нынь пройду, дочи невольна красна дёвича 475:26

дочь- (красна) девушка / дочи-невольна красна девушка 318:98; заплачу ж, дочи-невольна красна девушка, 424:78; подношусь, дочи-невольна красна девушка 449:13; нонь пойду, дочи-невольна красна девушка 452:1; нонь пойду ж, дочи-невольна красна девушка 456:63; покуплюсь, да дочь-невольна красна девушка 460:91

дочь-невольница / я увидла, дочь-невольница, обóзрила 346:1; 358:1; 322:47, 56, 61; не знаю, дочь-невольница, не ведаю 408:27; взвеселяйся, дочь-невольница, 420:159; 425:3; вижу-смичу, догадаюсь, дочь-невольница 449:4; прохожу, дочи-невольница 457:15; я пройду ж, дочи-невольница 457:35

душа¹⁵-красна девица / нагуляйся ты душа да красна девица 315:41; ох, раздумаюсь, невольница, я душа да красна девица 321:34; прозабыла я, душа да красна девица 370:10; ты послушай же, душа да красна девица, 450:36; скажи ты, красна душа-девица; изукрашен мой зелёно сад, и сад куницама-лисицама, и душимы-красныма девицама 458:16–18

душа-красна девушка / (изживаете) душу-красну столько девушку 283:274; на весельице души да красной девушки 291: 651; я сама пойду, душа да красна девушка 294:762; не садись же ты, душа да красна девушка 296:868; подневольная душа да красна девушка 313:15; с душой-красной этой девушкой 315:15; не тоскуй же ты душа да красна девушка 317:42; (говорил) мне-кова, души да красной девушке 325:88; спамятите-тко, души да красны девушки 340:8; я, обидная душа да красна девушка 348:2; вси в собраниице души е красны девушки 350:101, 115; душа я-красна девушка 352:178; подобрал себе душу да красну девушку 355:302; мы обстанем, души-красны кругом девушки 355:312; я слыхала ведь, душа да красна девушка 366:202; мне не надобно, души да красной девушке 372:57, 77; не годится мне, душе да красной девушке 373:116; я ответила, душа да красна девушка 373:127; на тебя, да душу-красную ведь девушку 385:12; подневольная душа да красна девушка 401:47, 73, 91, 407:310; души-красныи вы девушки 427:67; вы скажите-тко, души да красны девушки 429:141; ты гуляй да душа-красна моя девушка 450:49; мы ходили как, души да красны девушки 454:41

душа-подружка / я ко этым душам да дружным подружкам 429:138

злодеи-чужие люди / про злодией-то чужих людей 484:74

злодей-больший сват / как лукав, лукав да злодей-больший сват 471:181

злодей рассказ¹⁶-сват большой / про злодией-то рассказов-сватов больших 284:319; до злодией-то рассказов-сватов больших 297:891

¹⁵ Биномы со словом *душа*, хотя и представляет собой конструкцию с двумя склоняемыми членами, очень близки к рассмотренным выше сочетаниям с компонентом *свет*, поскольку *душа*, как и *свет*, употребляется в виде дружеского обращения (ср. *душа моя* или *душенька*), и в случае номинативного употребления сохраняет свое позитивное оценочное значение.

¹⁶ Слово *рассказ* в значении 'старший (большой) сват' засвидетельствовано только в олонецких говорах: «Росказ 1. В свадебном обряде — старший (большой) сват, который руководит свадебной церемонией со дня обручения до конца свадьбы»

злодей-сват большой / уж как этыим злодиям-сватам большими 284:322; принаехали злодии-сваты большие 382:55; ты от этого злодия-свата большого 428:107; уже ждешь в гости злодиев-сватов больших 430:175; вы идите-тко, пожалуста, все злодей-сваты большие 457:11–12; всё злодию-свату большему 457:31; всё пугается злодея-свата большого 462:200; запустили в дом злодиев-сватов больших 464:19

зло-неволище / всё страшится зла-великого неволища 462:201

любушка-сестрица (сдвуродимая) / мы ко любушкам-сестрицам сдвуродимым 324:84; ко любушке-сестрице сдвуродимой 325:9; слушай, любушка-сестрица сдвуродимая 327:77; любушку-сестричу сдвуродимую 331:14; здесь у любушки-сестрицы сдвуродимой 333:5; своей любушке сестрице сдвуродимой 333:17; (не было) ни любушек-сестриц да сдвуродимых 361:101; слушай, любушка-сестрица сдвуродимая 400:6; твоей любушки-сестрицы сдвуродимой 403:134; меня любушка-сестрица принимала 413:237; меня, любушку-сестрицу-то родимую 436:89; сади любушек-сестриц да сдвуродимых 441:28; моих любушек-сестриц да сдвуродимых 470:113

любушка-сестричушка / без любушки-сестричушка (sic) родимой 436:79

матушка-елиночка / уж ты матушка-зеленая елиночка 393:42

матушка-сыра земля / не стонет ли то матушка-сыра земля 294:766; подойми (его) да ты от матушки-сырой земли 356:371; он плевать да стал на матушку-сыру землю 374:139; из-под матушки-сыры земли 483:37

мужикище-грубиянище / мужикища-то наедут грубиянищи 444:64

надёжа-свет батюшка / выкликал да он надёжу света-батюшка 281:180; у надёжи света-батюшки 417:29, 451:53

надёжа сударь-батюшка / и ответат ему надёжа сударь-батюшка 282:219; я прошу тебя, надёжа-сударь батюшка 323:9

надсмешничка-сестрица сдвуродимая / ты надсмешничка-сестрица сдвуродимая, ты с подману взяла вольну мою волюшку 333:18

неволище-чужа сторона / про неволище-про чужую сторонушку 369:18;

остуда¹⁷-чужа сторона / про остуду-чужу сторону 290:586; увезите от остуды-чужей стороны 292:690; столько жить да на остуды-чужой стороны 298:940;

[СРНГ, 35: 192]. В текстах свадебных причитаний Барсова устойчивая составная номинация *злодей рассказ-сват большой* представляет собой конструкцию из опорного слова *рассказ* и двух приложений — в препозиции оценочного *злодей* и в постпозиции — терминологического уточнения *сват большой*. Вариантами этой «полной» номинации могут быть сокращенные конструкции без слова *рассказ* или с изменением порядка слов, как видно из следующих примеров.

¹⁷ Слово *остуда* как дериват глагола (о)студить в русских диалектах известно в значениях: 'простуда', 'прохлада', 'охлаждение, размолвка, ссора', 'неприятность', 'стыд, позор', 'отказ' и только в олонецких говорах (по данным СРНГ со ссылкой на Барсова) употребляется как негативная характеристика в значении 'чуждый, враждебный', ср. также *остудник* 'чужак, неприятель, враг', *остудный* 'неприятный, злой, враждебный' [СРНГ, 24: 92–93]. В русских говорах Карелии *остуда* и *остудна* 1. 'холод, стужа', 2. 'о чужой стороне', 3. 'беда, несчастье', 4. 'осуждение, стыд', 5. 'колдовство, приговор', *остудник* 'жених в свадебных приговорах' [СРГК, 4: 265–266].

как на этой на остуды-чужой стороны 328:16; про остуду-чужу сторону 329:25; не радию на остуду-чужу сторону 330:103; мимо эту остуду-чужу сторону 344:77; устрашилася остуды-чужой стороны 344:83; на остуды-чужей стороны сбывается 346:28; применись также к остуды-чужой стороны 353:220; остуды-чужей стороны 354:267; про остуду-чужу сторону 358:459; про остуду-чужу сторону розжалилась 360:61; быди проклята остуда-чужа сторона 405:2304 буди проклята остуда-чужа сторона 414:256; все страшит-ся-то остуды-чужой стороны! 431:251; со этой остуды-чужой стороны 438:63 остудник-блад отечский сын / что засуливал остудник-блад отечской сын 281:195; не похващаешь, остудник-блад отечский сын 317:52; 339:62; 354:298; 355:330; 360:57; 365:163, 172; 366:207, 222; 367:245; остудника-блада сына пугается 317:37; от остудника-блада сына отечского 368:279, 391:156; остудник-блад отечской сын 391:156
остудник-блад сын отечской / со остудником-бладым сыном отечским 337:41; про остудника-блада сына отечского 358:460; за остудником-бладым сыном отечским 410:72
остудник-чужанин / у тебя, да у остудника-чужанина 317:57; не допустим мы остудника-чужанина 444:9;
остудник-чужанник / я не сдамся-тко остуднику-чужаннику 462:169
остудничек блад сын / про остудничка ведь есть да про блада сына 284:320
остудничек-блад отечский сын / остудничек плывет да блад отечской сын 366:193; то остудничек плывет да блад отечской сын 431:253; и все остудничек страшит да блад отечской сын 452:31
остудничек-блад сын отечской / я с остудничком-бладым сыном отечским 319:5; про остудничка-блада сына отечского 329:26; от остудничка-блада сына отечского 407:317; от остудничка-блада сына отечского 408:25
остудничек-богатыня / он богат, скажут, остудничек-богатыня 361:86
остудничек-чужанничек / испугалася я остудничка-чужанничка 281: 17; про этого остудничка-чужанничка 354:273; 356:345; как у этого остудничка-чужанничка 361:81; 361:105;
остудушка-чужа сторона / то остудушка стоит да чужа сторона 431:237; остудушка-чужа сторона 452:30
остудушка-чужа(я) сторонушка / про остудушку, про чужую сторонушку 304:129; про остудушку про чужу про сторонушку 400:103; от остудушки от чужой от сторонушки 407:318; про остудушку про чужу про сторонушку 407:4; от остудушки от чужей от сторонушки 428:105
подмога-дарево¹⁸ / на твоей же на подмоге-честном дареве (спасет Бог) 453:2
поп-отец (духовный) / не попам-отцам, ведь сад, да не духовным (помешал) 285:379; попы-отцы духовныи 368:272; там не служат-то попы-отцы духовныи 381:29; я попом-отцем духовным обвенчана 410:74
придрок-матушка / у придрок-родной матушки 417:30

¹⁸ *Дарево* — 'подарки'. [СРНГ, 7: 273] приводит в качестве заглавного слова форму множ. числа и документирует слово олонецкими записями Гильфердинга.

придрокушка-матушка / у придрокушки-желанной в доме матушки 442:85
 прогулушка-уличка / по прогулушке по широкой по уличке 460:86; со прогулушки со широкой со улички 460:111
 раздолье-чисто полюшко¹⁹ / среди да там раздолья-чиста полюшка 403:118
 раздольице-чисто полюшко / по раздольицу по чистому там полюшку 329:38;
 на роздольице вы, светы, на большом поле 341:44; я раздольицем с тобой-да чистым полюшком (ехала) 353:239; да ты выдь-ко во раздольице — в чисто поле 308: 346
 родитель-батюшка / у моего родителя у батюшки 279:94; желанному родителю-то-батюшке 280:123; принести покор родителю-то батюшку 307:280
 родитель-красно солнышко / ты гневён-гневён, родитель красно солнышко; 314:58; у меня ж, моя родитель-красно солнышко, крепко обмерло ретивое сердечушко 345:113
 родитель-матушка / у моей да у родителя у матушки 279:90; (гляжу) на свою да на родитель-родну матушку 280:144; (выкликал) возлюбничку родитель, тебя, матушку 281:181; у моей же у родителя-у матушки 284:314; ты послушай же, родитель-родна матушка 281:191; (не судачь же ты) на родитель-свою матушку 307:297; спацива родитель-родна матушка 320:27; ты, родитель-моя матушка 322:36; на родитель-свою матушку 322:62; попеняю, красна девица, я, родитель тебе матушка 322:66-67; и ты, придрокушка родитель-матушка 323:3; родитель-родна матушка 323:21; родитель-родна матушка 323:28; я еще прошу родитель тебя матушка 323:35; моя родитель-родна матушка 343:7; у тебя, родитель-моя матушка 346:7; как желанна бы родитель была матушка 350:90; как послы своей родителя я-матушки 352:204; ты проси да у родителя-у матушки 374:164; без своей да родителя-без матушки 374:178; ты послушай же, родитель-моя матушка 376:27; моя родитель-родна матушка 376:43; 380:21; подойди ж, моя родитель-родна матушка 387:1; мы подумаем, родитель с тобой-матушка 387:17, 22; на печальную родитель меня-матушку (не гневайся) 392:196; не груби свою родитель-родну матушку 413:205; уже ты спала, родитель-моя матушка 423:31, 47; на доспрос возьму родитель-свет я матушку 429:155²⁰; да ты ждешь к себе, родитель-родна матушка 430:174; говорит столько родитель-родна матушка 435:30; говорить стане родитель-наша матушка 435:43; у моей света-родителя у матушки 440:3, 11; говорит столько родитель-моя матушка 441:15; погляжу, бедна родитель-родна матушка, 447:143; у родителя-у матушки 451:52; уговаривать, родитель, слёзно, матушка 473:241.
 родитель-сударь-батюшка 323:16
 рассказ-злодей-большой сват / догадливый рассказ да злодий-большой сват 281:201; не рассказа я злодия-свата большего 326:52; как найдет тут рассказ

¹⁹ *Чисто поле* — устойчивое словосочетание, по крайней мере, в поэтическом контексте.

²⁰ В данной составной номинации мы имеем дело с двумя несклоняемыми препозитивными приложениями: *родитель* и *свет* — *родитель-свет-матушка*.

да злодий-больший сват 432:294, 298; и ты, рассказ да злодей-больший сват, истоптал да мой зелёной сад 466:27; рассказу-то злодею-свату большому 466:46; не бессудь да ты, рассказ да злодей-больший сват, 466:48

рассказ-сват большой / принаехали рассказы-сваты большие 278:47; со этим со рассказом-сватом большим 279:89; на этих рассказов-сватов больших-их 279:107; убоюлся рассказов-сватов больших 281:172; рассказам-сватам большим 285: 345; этим рассказам-сватам большим 285:383; тут пропустят-то рассказов-сватов больших 292: 669; рассказы-сваты большие 326:44; как приедут то рассказы-сваты большие 339:61; от этого рассказа-свата большого 408:26; вас, рассказов-сватов больших (не боюсь) 457:3; запустили в дом рассказа-свата большого 471:190; унижаюсь-низко кланяюсь и я рассказу-свату большому, и то злодию супостату 465:5–7; столько этих рассказов-сватов больших 460:106; не поддамся я рассказу-свату большому 462:170

сватухи-наяныщи²¹ / впереди да сватухи будут — наяныщи и мужикища-то наедут грубинищи 444:63

Особого внимания заслуживает чрезвычайно частотная в текстах свадебных причитаний составная номинация *блад-сын отечский*, которую регулярно использует невеста для обозначения своего жениха. Слово *блад* — краткое прилагательное со значением ‘молодой’ с характерной для олонечких говоров меной губных *м > б*: на *бладой* на головушке 347:38, *блад светел месяц* 376:56 и т. п. (ср. олонец., вят. *бладенец* ‘младенец’ [СРНГ, 2: 310]). Строго говоря, такое словосочетание не является по своей структуре ни сложным словом (первый компонент склоняется), ни словосочетанием с приложением (определения не являются существительными), поскольку оно состоит из опорного слова *сын* и двух устойчивых определений — препозитивного (*блад*) и постпозитивного (*отечский*). Однако благодаря своему клишированному и терминологическому характеру и не вполне ясному статусу слова *блад*²² оно оказывается близким к словосочетаниям с приложением:

блад-сын отечский / за тобой быть, за бладым сыном отечским 373:119; ты ведь скуп взяла с блада сына отечского 383:121; от этого блада сына отечского 428:106; со бладым сыном отечским 481:42

²¹ *Наяныщи* — слово отсутствует в СРНГ, но его значение может быть реконструировано на основе родственных слов: *наян* ‘нахал, наглец, бесстыжий человек’, *наянить* ‘назойливо приставать с просьбой’, ‘домогаться чего-л. без стеснения, попрошайничать’ [СРНГ, 20: 308], ср. рус. карел. *наяниться* ‘важничать, куражиться. ломаться’ [СРГК, 3: 401].

²² Ср. арханг. *блада*, которое приводится в архангельском областном словаре со знаком вопроса и снабжается примером *Он пить не пьют, за мной бладу шлёт* [АОС, 2: 29], где *блада*, как и *блад*, может быть как существительным (субстантивированным прилагательным), так и кратким прилагательным.

Таким образом, граница между сложными словами и аппозитивными словосочетаниями (словосочетаниями с приложением) весьма подвижна. Составные конструкции, условно квалифицируемые как сложные слова (благодаря неизменяемости первого члена сочетаний), обнаруживают значительную диффузность своей структуры, что и приводит к нечеткости границ между ними и словосочетаниями с приложениями. Синтаксическая свобода перестановок, вставок и разрывов членов составных номинаций и иногда их неустойчивый морфологический статус поддерживают и усиливают тенденцию к изменяемости (склонению) первых членов сложений, что также делает границу между двумя типами составных номинаций (сложными словами и аппозитивными словосочетаниями с приложениями) в значительной степени размытой.

1.3. **Тавтологические сложения.** Эти два типа составных номинативных конструкций, в основе которых лежит повтор, особенно распространены в поэтическом языке, и прежде всего в языке фольклора [Евгеньева 1963: 254–297]. Тавтология в лексическом (формальном) смысле порождает номинации, в которых используется повтор одного и того же слова (*синий-синий, долго-долго*)²³ или сочетание однокоренных слов, т. е. неполная тавтология, (*доля-долюшка, ум-разум*); тавтология в семантическом смысле порождает сочетание синонимов (*путь-дорога, пора-время*). Во всех случаях такие номинации относятся к одному денотату и семантически они равноправны (различаются лишь стилистически). Между компонентами таких сочетаний невозможно усмотреть ни подчинительной, ни сочинительной связи, тем не менее в поэтических текстах члены таких сложений нередко разделяются сочинительными союзами (чаще всего союзом *да*).

1.3.1. В языке свадебных причитаний к типу лексических (формальных) тавтологий, т. е. **полных или частичных редупликаций**, относятся:

воля-волюшка / дорога да эта воля-столько волюшка 311:475; сберегать да мою волю столько-волюшку 327:103

место-местечко / не место тут ведь волюшке-не мистечко 294:755; то не место мне-ка, волюшке, не мистечко 384:153, 166

сродец-сродничек / не спросила я у сродчев-милых сродничков 281:166; к себе зазвала я сродчев-милых сродничков 344:93; расскажу да всим сродчам-милым сродничкам 431:226; сродчи-сроднички-то вси да отпераются 431:229; сродчи-сроднички ведь вси да отшатилися 432:291; как повыдут

²³ В субстантивных сложениях полный повтор как будто не используется, если не считать эмоциональных обращений, произносимых с особой (призывной или укоризненной) интонацией, типа *Тятя-тятя, наши сети притащили мертвеца* или *Эх, Ваня-Ваня!* Ср., однако, сноску 3.

сродчи-сроднички 458:50; при всех сродчах-милых сродничках 468:40; наб
задаривать ведь сродчев-милых сродничек 470:110

ум-разум / (я раздумаюсь) девочьим умом-разумом 278:33; умом-разумом
смекает да во все стороны 289:542; ум тот-разум во головушке глупёшенек
302:38; вы придайте ума-разума в головушку 317:27; ты придай да ума-раз-
ума в головушку 328:133; ум-тот разум во головушке глупёшенек 328:24;
не хватило ума-разума в головушку 331:31; штобы свёл Господь обычьи
умы-разумы 337:40; пораздумаюсь печальным умом-разумом 350:86; по-
роздумаюсь печальным умом-разумом 354:270; ты придай да ума-разума в
головушку 359:23; много ума надо разума в головушке, и много розмыслу
в ретливое сердечушко 380:86-87; умом-разумом, лебедушко, глупёшенька
396:144; ты придай да ума-разума в головушку 400:104; пораздумалась, печ-
альна, умом-разумом 403:126; тут роздумаюсь печальным умом-разумом
407:294; мне-ка придала ума-разума в головушку 407:5; мне не по уму, мой
светушко, по разуму 409:64; я девочьим молодым да умом-разумом (пораз-
думаюсь) 431:233; я девочьиим умом да своим разумом 439:90; умом-разум-
ом, голубошко, глупёшенька 445:48; умом-разумом, победна, несмекаешь-
ся 445:54; помешался ум же-разум во головушке 446:89; ума-разума дети-
нушки срекались 449:28; умом-разумом во буйну во головушку 451:12; ты
придай да ума-разума в головушку 452:26; ты подумай же умом да своим
разумом 460:77; ой, раздумаюсь, невольна красна девица, подневольным
девочьим умом-разумом 461:137-138

чуж-чужбинничек / чуж сидит теперечко чужбинничек 326:46

1.3.2. Более многочисленны семантические повторы, или **синонимиче-
ские сложения**, отражающие потребность двойной номинации с целью
усиления и, так сказать, объемности выражения, обнажения лежащих в
основе лексических единиц мотиваций. Отношения между членами та-
ких сложений весьма различны — от полного тождества (*краса-баса*) до
метафорического сближения (*туман-слезы*) и заслуживают специаль-
ного изучения.

баенка-умываленка / вы пожалуйста во парну эту баенку, вы во эту во белу
в умываленку 363:46-47; во эту в теплу парную во баенку, во эту во белу
умываленку 364:99-100; ты прости да тёлопарна меня баенка, ты прости да
меня, бела умываленка 385:1-2

Бог-Господ / слава Богу-то теперь, да слава Господу 305:184; 332:74; 334:1

буря-падара²⁴ / буря-падара на синем море поднимется 379:53

время-час / скоро время ускоряется, скоро час да скоротается! 426:8-9

гордость-спесь / оставляй-ко, моя белая лебедушка, ты ведь гордость-спесь,
голубушко, великую! 308: 309-310

²⁴ *Падара* в русских диалектах (главным образом северных) — 1. 'ненастье, буря',
2. 'первый снег', 3. 'дерево, поваленное бурей' [СРНГ, 25: 118-119].

горе-обидушка / с горя выпьет да он чару зелена вина, и со обидушки, солдат, хмельных напитокочков 358:454–455

гульбище-прокладбище²⁵ / мы ходили по гульбищам-по прокладбищам 416:335; на вешных гульбищах-на прокладбищах 450:44

гульбищечко-прокладбище / походить стану, невольна красна девушка на гульбищечко ль, невольна, на прокладбище 338:18–19

дом-жирушка / я во свой да дом-крестьянску пойду жирушку 294:763: как приду да в дом-крестьянскую во жирушку 298:959; ты придешь в дом-крестьянскую ведь жирушку 308:315; принесите в дом-крестьянску свою жирушку 341:41; 356:388; не постановать да дом крестьянска наша жирушка 350:107; (отпускают) по своим домам крестьянским по жирушкам 356:388; мы во свой бы дом-крестьянскую во жирушку 379:38; во свой дом-во крестьянскую во жирушку (привезите) 387:73; в свой да дом-крестьянскую во жирушку 408:22; во свой да дом-крестьянскую во жирушку 444:10; во свой дом во крестьянскую во жирушку 461:155;

дом-хоромное строеньице / принесли бы вы к селу да деревенскому вы во свой бы дом-хоромное строеньице 341:75

дороженька-тропиночка / вси знакомы ему малыи дороженьки, запримечены единыи тропиночки 390:112–113

заступа-заборонушка / быдъ заступой-заборонушкой 467:12; уже быдъ да мне, невольнице, ты заступой-заборонушкой 478:42–43

земля-сторонушка / ты с какой земли, солдатушка, с какой орды, ты с которой, солдат, е да со сторонушки 357:432–433

зло-лихость / ты не злом меня, невольничу, не лихостью (вспомни) 333:97; вы не спомните невольницу, и вы не злом, меня, не лихостью 459:42

именье-богачество / на што кинулась и бросилась иль на именье-на богачество 484:66–67

имечко-честь / ты по имечке чести да по изотчине 356:373

краса-баса / на красы-басы стоял да на угожестве 285:352

народ-люди / вы послушайте, народ да люди добрыи 280:129; пораздвинутся народ да люди добрыи 292:668; штобы слышали народ да люди добрыи 323:14; поглядите -тко, народ да люди добрыи 336:12; много множество народу-людей добрых 342: 8, 14; вы расстроньтесь-ко, народ да люди добрыи 362:16; вы послушайте, народ да люди добрыи 393:19; поглядите-тко, народ да люди добрыи 414:289; оглядитесь, народ да люди добрыи 433:320; с-за народу я теперь да людей добрых 434:1; поглядите-тко, народ да люди

²⁵ *Прокладбище* (и *прокладбище*) — не вполне ясное слово, приводимое в СРНГ со знаком вопроса и документируемое текстами Барсова [СРНГ, 32: 156]; скорее всего отражает фонетический переход *х > к* и может читаться как *прохладище* и пониматься как дериват глагола *прохлаждаться*, т. е. проводить время в увеселениях и гуляньях. Ср. еще моск., влад., арханг. *проклад* 4. 'свободное от работы время' [СРНГ, 32: 156], рус. карел. *проклад* 'о праздничной, хорошей одежде': Брошки, сережки досель держал молодой народ на вечеринки да на проклады [СРГК, 5: 265] (из примера видно, что толкование, данное в словаре, неверно).

- добрыи 436:90, 437:1; много множество народу-людей добрых 448:12; собрались народ да люди добрыи 448:20; и я на правеж вас, народ-люди, не выведу 448:31; при народе-людях добрых 468:39
- океан-море / ко славному оны да к океян-мору 423:53, 63; и куничею она да в океян-море 394:80
- океан-моряшко / приобъехали кеян да сине моряшко 357:397; к океан да ведь-ко синему ко моряшку 365:142; к океян она, девича, к синю моряшку (не ездила) 383:104
- поклон-челобитьице / мне воздать да поклон-низко челобитьице 362:33; и не воздаст мне-ка поклона-челобитьица 373:125; вам по низкому поклону-челобитьицу 443:28
- полы-мосты / налажены полы-мосты дубовыи 368:268
- пора-времечко / как до этой поры да было времечки 285:348, 384; как на ту пору, на тое было времечко 292:671; на ту пору ведь буде-тое времячко 294:785; слободная досужна пора-времечко 304:142; погода ж этой поры да столько-времечка 305:198; как во ту пору, дитё, да в тое времечко 307:27; ты повыбери слободну пору-времечко 308:345; до этой поры-времячка 314:47; как во ту пору, мой свет, да в тое времячко 316:57; до этой поры-времечка 329:62; во ту пору, сестрича, в тое времечко 331:28; до поры-времечка 332:52; до этой поры-времечка 332:86; приходитъ стане рабоча пора-времечко 340:32; мни-ка не дана слободна пора-времечко 349:33; дала бы слободну пору-времячко 350:91; незадолго до поры да буде-времечка 355:336; на ту пору, советна, на то времячко 365:170, 366:186, 206; при последнем-то поры да, воля, времечки 386:36; што повыбрала слободну пору-времечко 387:12; нонь я выбрала досужну пору-времячко 388:3; как на ту пору, ведь светы, на то времечко 393:30; как до этой поры да было-времечки 415:331; как допреж сего, до этой поры-времячки 429:145; как допреж сего, до этой поры-времечка 454:40; при последнем поры-времечке 457:43; как на ту ж пору теперь, да в тое времячко 463:207; все во ту пору было да в тое времячко 469:67; при последи же- теперь да поры-времечка 475:30
- придрока-приберега / на придрокѣ у родителя у матушки, и в приберѣге у родителя у батюшка 291:648–649
- прощенье-благословеньице / я с великиим прощеньем-бласловленьицем 336:13
- путь-дороженька / край пути стоял ведь сад до край дороженьки 285:351; он которой придет путем-дороженькой 289:543; на пути да на широкой на дороженьке 292:697; 303:82; как идут да путем-широкой дороженькой 329:37; на пути стричу на широкой дороженьке 332:69; я повышла на путь-широку дороженьку 335:24; ты поди путем-широкою дороженькой 338:31; этой путем-широкой дороженькой 344:76; (ходили) путем-широкой дороженькой 348:59; не становись путем-широкой дороженькой 360:42; (не знает) проложить да путь-широкой дороженьки 367:223; пролегла же да путь-широка дороженька 371:9; как пойду я путем-широкой дороженькой 380:24; и

путь-дороженька итти да не торнёшенька 381:22; приустала путём-широкой дороженькой 396:186; с дальней пути-широкой дороженьки 400:84; подолгу ты в пути-широкой дороженьке 400:93; как я ехала путь-широкой дороженькой 401:49; супротив ночи на путь иде дороженькой 403:128; я отправилась в путь-широку дороженьку 403:136; и обратись да со пути ты со дороженьки 403:140; я ехала путь-широкой дороженькой 404: 173; ты ехала путь-широкой дороженькой 408:7; сожидала с пути-широкой дороженьки 408:16; дай вам Бог путем-дороженькой 424:1, 425:32; вам проехать путь-дороженьку 424:3; во пути, светы, в дороженьке (не стойте) 425:45; в путь-широкую дороженьку 426:6; скличу подружек со пути-со дороженьки 447:143; при пути ж теперь, при широкой дороженьке 449:4; при пути ж да при широкой при дороженьке 453:2; по пути в дом по дороженьке 457:38; путь-дороженька сегодня неторнёшенька 460:74

путь-дорожка / в котору путь-дорожку удалятися 311:439; в котору путь-дорожку отряжаешь 353:243; я туды да путь-дорожку пролетала 367:235; тебя на пути ль-дорожке ль не честили 399:47; в путь-широку дорожку безызвестную 405:202; путь-до я туды да путь-дорожку пролетала 367:235; дальну путь-дорожку снаряжается 462:199; моя воля в путь-дорожку отправляется 466:56

речь-басни / спроста ричь-басни, сестрина, говорила 330: 73; спроста ричь-басни, невольна, говорила 433:331; спроста ричь-басни у вас да говорили 454:56
речь-поговорюшка / да ричь-то у детины неумильная, и поговорюшка твоя не чваковитая! 456:58–59

род-племя / буде род-племя теперь да покорённое 289:556; буде род-племя твое да покорённое 296:876; ты ни роду не высказывай, ни племени 308:343; много прибралось-то роду, много племени 312:485; ни с родом-то не взять воли, ни* с племенем 317:54; во моем-то роду да моем племени 317:60; много роду-то ведь было — много племени 329:58; как по роду бы то было да по племени 335:30; род-племя любимо сжаловались 343:25; отрекнулись, видно, род-племя любимое 358:443; видно, не было ведь роду у тя-племени 361:100; не про род-племя топила я любимое 373:135; и теперь вси вкупе ведь род-племя любимое 378:16; как у нас да во роду же е во племени 387:20; надо подчивать весь род-племя любимое 392:203; все прибрано да ведь род-племя любимое 401:21; ты объехала ведь род-племя любимое 406:248; соберется много роду, много племени 407:312; теперь род-племя любимо отрекнулись 432:290; сади род-племя, голубушко, любимой 441:23; и мое род-племя любимое 458:49; полороты мое род-племя любимое 463:214; много роду у меня да много племени 469:84; наб дарить да мое род-племя любимое 470:109; показать да всему роду-столько племени 474:20; родом-племенем я сведена 478:35

страсть-переполох / с этой страсти-то, мой свет, да с переполоху 379:68

страсть-ужасть / ради страсти тут она да ради ужасти 355:343

талан-участь / штоб дал Господь талану тебе-участи 312:494; я таланом

наделяю тебя-участью 336:8; штобы дал Господь талану теби-участи 337:42;
наделите-тко, пожалуста, вы таланом меня участью 481:32
тоска-досада / все до́лит тоска-великая кручинушка 302:33; со тоски да моя
волюшка кидалася, со досады моя волюшка бросалась 386:35–36
тоска-кручинушка / все до́лит тоска-великая кручинушка 302:33
трудничка-роботничка / знать не трудничка была вам, не роботничка 283: 281;
это трудничка идё моя, роботничка 305:188
туман-слезы / скрозь туман-слезы, невольнича, горючи 346:2
участь-талан / меня участью-таланом наделяете 320:37; меня участью-таланом
наделяла 334:8
час-минуточка / в этот час, да во минуточку 279:82; в этот час да ведь, советны,
во минуточку 386:42; в эвот час да во минуточку 467:5
частиночка-долиночка / ты по малой роздари да по частиночке, и не по боль-
шой дари, дитё, да по долиночке 447:131–132
честь-место / буде честь-место ведь нам да во большом углу 282:254; была
честь-место, невольной, во большом углу 332:54; будет честь-место ведь вам
да во большом углу 454:23
честь-похвала / мы не гля чести возьмем да не для похвалы 315:50
честь-совесть / честью-совестью теби да открываюся 370:3
честь-хвала / буде честь-хвала-то мне да позаочная 282:251
честь-хвала / все не честь-хвала сидеть долго в девичестве 346:20
шутки-шмоночки²⁶ / ты оставь да шутки-шмоночки девочки 308: 306; 316:16;
шутки-шмоночки девочки 333:4

Из приведенного материала видно, что, хотя семантически компонен-
ты этих синонимических сочетаний относительно равноправны, син-
таксически они находятся в неравном положении: один из синонимов
доминирует над другим. На это указывает «внешнее» согласование, ко-
торое может быть раздельным, автономным для каждого члена (*во ту
пору было да в тое времечко* 469:67), но может определяться одним из
компонентов сочетания — чаще первым (*свободная досужна пора-вре-
мечко* 304:142; *повыбрала свободну пору-времечко* 387:12), реже — вто-
рым (*при последнем поры-времечке* 457:43).

1.4. **Составные номинации сочинительного типа.** Хотя словосо-
четания типа *гуси-лебеди* в структурном отношении сходны с рассмо-
тренным выше типом аппозитивных сочетаний (словосочетаний с
приложением) по признаку автономной изменяемости обоих членов
конструкции, в грамматиках они решительно отделяются друг от друга
на основании синтаксического и семантического признака. В отличие

²⁶ *Шмоночки* — 'шутки, веселье, смех' (ср. рус. карел. *шмонить* 'смеяться,
веселиться' [СРГК, 6: 894]).

от словосочетаний с приложением, где компоненты соединены подчинительной связью, биномы этого типа представляют собой сочинительные бессоюзные конструкции (ср.: [Молошная 1973; Журавлев 1982: 85]) и нередко допускают преобразование в словосочетания с сочинительными союзами. Что касается семантической связи между членами этих конструкций и их общего значения, то вслед за Т. Н. Молошной их часто называют суммирующими, т. е. как бы объединяющими значения обоих членов по принципу конъюнкции. Действительно, некоторые из таких словосочетаний подтверждают такое толкование (ср. *вилки-ложки*, *чашки-тарелки*, *овощи-фрукты*, *мясо-рыба* и т. п.). Вывеска на магазине «Овощи-фрукты» означает, что в нем продаются и овощи и фрукты, просьба достать *вилки-ложки* предполагает, что будут выложены вилки и ложки, а также скорее всего и ножи; выражение *хлеб-соль* может быть эквивалентно выражению *хлеб с солью*, *поднести хлеб-соль* = *поднести хлеб и соль* или *хлеб с солью* и т. п.

Однако далеко не все сочетания этого типа основаны на конъюнкции. Нередко в сочинительных словосочетаниях слова связаны по принципу дизъюнкции, например, *куница-лисица* — это не куница и лисица вместе взятые, а один из зверьков, будь то куница или лисица, *гуси-лебеди* тоже не гуси вместе с лебедями, а либо гуси, либо лебеди, либо и те и другие. Важнейшее отличие этих конструкций от аппозитивных словосочетаний состоит в том, что последние обозначают один денотат, тогда как сочинительные конструкции — два денотата или один сложный денотат, расчлененный на несколько автономных компонентов. Эти части могут семантически объединяться друг с другом, взаимно заменять друг друга (на основе выбора), могут обозначать начальную и конечную границу некоего целого (ср. *внести плату за май-октябрь*), могут, наконец, объединять друг с другом конверсивы (*купля-продажа*). Как и в других типах сложений, одни и те же сочинительные конструкции могут быть как бессоюзными, так и разделенными союзом и другими словами. Ниже приводятся составные сочинительные конструкции из севернорусских свадебных причитаний по сборнику Барсова.

ангелы-архангелы / налетите с небес Ангелы-Архангелы 428:108

белила-румяна / билила-то, румяна каргопольские 368:288; ты белила положи да со румянама 369:335; от белил-румян девиче личе перхает 373:109

гуси-лебеди / он стрелять охоч гусей да серых лебедей 295:814

дружье-братье / у дружьев-братьев ведь он да у приятелей 319:13; дружье-братье у него будут в собраньице 444:61; дружью-братью бы не жалиться 468:27

злато-серебро / много злата ты брала, да много серебра 370:36; мне ни злата от тебя, да ведь ни серебра 372:58

крылье-перьяце / кабы вороны слетались бы, крылье-перьяце щипались бы 278:66–67; крыльем-перьяцем она да поколачивать 341:80
 куница-лисица / изукрашен мой зелёной сад, и сад куницама-лисицама 458:16–17
 луна-солнышко / воссияла тут луна-да красно солнышко 398:15
 обычай²⁷-разум / сведи Господи обычи ваши-разумы 312:500; шtbody свёл Господь обычи умы-разумы 337:40
 отец-матушка / отец-матушка того да испугались 285: 371
 перстни-жуковье²⁸ / по спаям перстни-жуковье распялися 319:9
 серебро-золото / много чистого сулил да хотя ж серебра, и уж он красного давал да мне-ка золота 372:51–52
 Спас-Богородица / мне-ка стать да перед Спасом-Богородичей 428:83
 тученька-гром / быв от тученьки-от грому испугалася 320:24
 хлеб-образ / с хлебом-с образом, невольничу, стрицаете 320:36; они с хлебом-то стретают меня, с образом 460:100
 хлеб-соль / на хлеби-соли, сестрича, на столовых 331:8; и была хлеб да соль, невольной, в дубовом столе 332:55; не гля хлеба пришла-соли наеданьица 334:29; с хлебом-солью вы стретаете да с образом 343:18; буде хлеб да соль ведь вам за дубовым столом 454:24

2. Составные глагольные конструкции

Составным глагольным конструкциям в русском языке (главным образом разговорном) посвящена большая литература. Для наших целей особенно важны обстоятельные работы Д. Вайса, который называет эти конструкции двойными глаголами²⁹ и анализирует их синтаксические, морфологические, семантические, просодические свойства, а также их ареальные характеристики и типологические соответствия в других языках [Вайс 2000; 2003; 2008]. В нашем материале составные глагольные конструкции занимают следующее по численности место после субстантивных. В них в принципе можно выделить те же типы, что и у составных существительных, но количественное соотношение этих типов иное. Естественно было бы ожидать, что среди глагольных сочетаний не будет аналогов сложных слов, т. е. сочетаний с неизменяемым (неспрягаемым) компонентом. Действительно, один пример такого

²⁷ Обычай — здесь, вероятно, в значении 'нрав, характер' [СРНГ, 22: 289].

²⁸ Жуковье — в СРНГ отсутствует, ср., однако, олонец. жуко́винка 'кольцо, перстень' [СРНГ, 9: 224].

²⁹ Речь идет о бессоюзных глагольных конструкциях типа *пойди узнай, сидит читает* и т. п., которые в основном относятся к типу сочетаний с подчинительной связью (подобно аппозитивным именным сложениям), однако среди них есть и тавтологические биномы типа *ждет-поджидает, живут-поживают* и сочинительные конструкции типа *едят-пьют, купить-продать* и т. п. [Вайс 2000: 358].

рода, приводимый ниже, весьма сомнителен. Из остальных типов наиболее многочисленными оказываются тавтологические (формальные и семантические) конструкции, выражающие одно и то же действие или состояние дважды. В них используются разные лексические средства выражения с целью усиления или дополнительной конкретизации. Менее употребительны аппозитивные сочетания двух глаголов с подчинительной связью, где второй глагол семантически дополняет первый и фактически присоединяет некое новое действие, которое могло бы быть выражено деепричастием. *Выкупить-выручить* можно трактовать таким образом, что второе действие в некотором смысле интерпретирует первое, а первое имеет своим следствием второе, иначе говоря ‘выкупить и тем самым выручить’. Бином *идти-шататься* может пониматься как ‘идти, шатаясь’; *принять-пожаловать* — как просьба принять или, так сказать, ‘принять, пожалуйста’ и т. п. Ближе всего к двойным глаголам, рассматриваемым Д. Вайсом, оказываются сочинительные глагольные конструкции типа *кормить-поить*, *прийти-засмотреть*, *жить-расти*, *умыться-уладиться* и т. п., которые семантически демонстрируют те же разновидности, что и сочинительные субстантивные сочетания, прежде всего конъюнкцию.

В структурном отношении все эти типы сходны в том, что оба члена составных глагольных конструкций морфологически оформлены одинаково и даже вид в большинстве биномов совпадает. Ниже приводится материал из свадебных причитаний (вынужденно без подробного разбора).

2.1. **Сложные слова.** Единственный пример, формально подходящий под это определение, как сказано выше, весьма сомнителен:

молчи-схватиться / молчи-схватишься ведь белая лебедушка, по своей да по бажёной дорогой воли 302:49

2.2. **Аппозитивные конструкции с подчинительной связью.** Один из сочетающихся глаголов может указывать на цель действия, выраженного другим глаголом (*выйти-встретить* ‘выйти, чтобы встретить’), на смысл или эффект другого действия (*почестить-поподчевать* ‘оказать честь, угостив’), на сопутствующее действие (*сидеть-шататься* ‘сидеть и при этом шататься’), на способ действия (*сходиться-съезжаться* ‘прибывать в одно место верхом’).

выйти-стретить / выду-стричу на крылечике перёном 305:182

выкупить-выручить / выкупи-тко миня, выручи 482:27; выкупи меня да выручи 484:57

закручиниться-заобидеться / закучинится он тут, да заобидится 358:437
идти-шататься / уж он пьян-не пьян, злодий идё-шатается 356:363
катить-жаловать / катит-жалует ведь матушка крестовая 336:8; катит-жалует
голубушка — всё родитель-моя матушка 480:5–6
почестить-поподчевать / почести гостя, поподчивай 484:90
прийти-засмотреть / приди-засмотри, крестово мое дитяtko 337:50
прийти-посулиться / ты когда придешь-посулишься 482:32
принять-пожаловать / тебе добро принять-пожаловать, тебе стакан да пива
пьяного 485:3–4
сидеть-шататься / быдто деревче в лесу сидишь-шатаешься 392:175
сходиться-съезжаться / уж как сходятся-съезжаются два свата любовными
278:64–65

2.3. Тавтологические сложения

2.3.1. **Редупликации (дубликаты или однокоренные сложения).** Таких глагольных конструкций немного:

дарить-дарить / уж как дарил-дарил остудник-блад отечской сын 474:1
стоять-стоять / как стоит-стоит велико зло неволище 461:161
говорить-уговаривать / говорит еще, остудник, уговариват 373:95
сидеть-усеживать / недосуг сидеть, печальной мне, усеживать 360:57; недосуг
сидеть горюше мне, усёживать 392:197
спать-высыпаться / она спит да высыпается 417:27
сулить-засуливать / тут сулил еще, остудник, мне засуливал 372:50

2.3.2. **Синонимические сложения.** К этому типу относится большая часть составных глагольных номинаций.

видеть-сметить³⁰ / вижу-смичу же, невольна красна девушка 288: 509; вижу-смичу я, печальная головушка 313:23; вижу-смичу ж, дочь-невольница 426:10, 29; 430:181, 189; вижу-смичу, догадаюсь, дочь-невольница 449:4; вижу-смичу, дочь-невольница 465:1; вижу-смичу, дочь-невольница 479:70
вспотешить-взвеселить / и воспотешат красну девушку, и взвеселят да дорогу волю! 457:44–45

³⁰ *Сметить, смечать* — ‘считать’, ‘отмечать’, ‘замечать, примечать’, ‘догадываться’ [СРНГ, 39: 10–11]. Бином *вижу-смичу* и словоформа *смичу* не засвидетельствованы в причитаниях в других формах, есть лишь причастие *смиченный* ‘сосчитанный, учтенный’, которое должно относиться к глаголу *сметить*. Что же касается формы 1 ед. *смичу*, то она может принадлежать глаголу сов. вида *сметить* (ср. *заметить* — *замечу*), но тогда *вижу-смичу* — единственная среди глагольных конструкций, в которой сочетаются глаголы разных видов. Если отнести эту форму к глаголу несов. вида *смечать* при условии, что он имеет форму 1 ед. не *смечаю*, а *смечу* (ср. *кричать* — *кричу*), но тогда его придется считать дериватом глагола с корнем *тёк-*, а не *тёт-*.

вытолить³¹-вымолвить-выпросить / ты не мог, да все удалой доброй молодец, и ты ни вытолить, детинушка, ни вымолвить, и на церковном крылечике ни выпросить 456:51–53

глядеть-смотреть / я гляжу-смотрю, невольница 278:74; я гляжу-смотрю, невольна красна девушка 300:1064; гляжу-смотрю 324:65; ты гляди-смотри, родитель-родна матушка 380:21; я гляжу-смотрю, печальная головушка, 391:170; столько смотрячи на бело твое личушко, и столько глядячи на твои да горячи слезы 392:184–185; я гляжу-смотрю, невольна красна девушка 392:1; я гляжу-смотрю, невольница, 426:21; я гляжу-смотрю ж, невольна красна девушка 439:80; 460:95

дознаться-доведасться / я дозналася-доведалась 277:28

есть-кушать / я не ваше ела-кушала 457:7

знать-ведать / знаю-ведаю невольна красна девушка 284:317; 324:69; 327:111; 329:41; кабы знала ты, голубушка, да ведала 307:287; можешь знать да ведать, красное мое солнышко 332:61; можешь знать-ведать 348:7, 22; 349:29, 42; ты не знашь того, голубушко, не ведаешь 367:251; можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко 378:9; кабы знали-то, желанны, да вы ведали 386:33; не знаю, дочь-невольница, не ведаю 408:27; знаю-ведаю, родитель, сдогадаюся 429:164; знаю-ведаю я, белая лебедушка 434:27; можно знать — да можно ведать 485:17

испугаться-убояться / испугалася я остудничка-чужанничка и убоялася рассказов-сватов больших 281:172–173

кидаться-бросаться / со тоски да моя волюшка кидалася, со досады моя волюшка бросалась 386:35–36

кинуть-бросить / кинусь-брошусь во косевчато окошечко 444:22

кинуться-броситься / на што кинулась и бросилась 484:66

класть-девать / куды класть-девать бажёну мне-ка волюшку 473:252

кориться-проситься / я корюсь-прошусь, невольница 478:40

налюбоваться-надивоваться / свет-родители на нас да налюбуются, и ссостронь да добры люди надивуются 415:316–317

намаяться-надияться / не намаялась, невольна, не надиялась 283:257

надоеть-напрокучить³² / надоело што же воля, напрокучила 297:886; 353:220
нет – не водится (безличная конструкция) / нет да того на свете, не водится 311:481

³¹ Глагол *вытолить* отсутствует в СРНГ, а *то́лить* приводится в следующих значениях, ни одно из которых не проясняет нашего контекста: 1. 'изнурять, утомлять', 2. 'томить, доставлять страдание', 3. 'беспокоить, тревожить', 4. 'шутить, проказить' [СРНГ, 44: 184]. В текстах причитаний Барсова глагол *вытолить* употреблен лишь однажды, в приводимом выше контексте; его значение предположительно 'смягчить, разжалобить', ср. *утолить* 'прекратить, сдержать действие чего-л., унять' [СРНГ, 48: 178].

³² *Напрокучить* — 'надоеть, наскучить', ср. в том же значении *напрокучить* [СРГК, 3: 360], *напрокутить* (? к сожалению, без примеров), *напрокучать*, *напрокучивать* [СРНГ, 20: 101].

- повыглядеть-повысмотреть / ты где ж да меня девушку повыглядел, и дорогу да мою волюшку повысмотрел 468:42–43
- повыучить-повышколить / хорошо да я жену свою повыучу, и школьно-нашкольно, детина я, повышколю 289: 559–560
- поглядывать-высматривать / стали девушки поглядывать и меня матушку высматривать 418:48–49
- поглядывать-посматривать / ты на волюшку-то будешь всё поглядывать, и на бажёную, голубушко, посматривать 391:167–168
- посматривать-поглядывать / я в окошечко, невольница, посматривать, и сквозь хрустальное стекло да я поглядывать 439:70
- поспешить-поторопиться / поспешила-поторопилась 484:64
- прилюбить-пригладеться / мне-ка што да прилюбилось, мне-ка што ли пригладелось 278:41,42
- прилюбить-приглануться / его рубка-то ведь мне не прилюбилась, дровьца ведь мне не пригланулись 364:120–121
- причутися-прислышаться / што причулось да прислышалось 483:8
- приютится-придолится / мы не знаем куды, соловьи, приютится, и во котору нам во рощу придолится 466:38–39
- просказать-пробаять / просказали люди добрыи, пробаяли 289:351
- простить-извинить / прости-извини, родитель жалосливой 314:61
- спомнить-спамятить (спамятовать) / спомню-спамячу, невольна красна девушка 319:21; спомни-спамяти невольну красну девичу 333:96; спомни-спамятуй, советна дружна подружка 347:44
- сторопиться-поспешиться / уже как да вы скоренько сторопились: в парну баенку итти да поспешились 363:53–54
- убояться-устрашиться / по деревням вси робята убоялися, и вси-то добрыи ведь люди устрашились 456:32–33
- увидеть-обозреть / я увидла, дочь-невольница, обóзрила 346:1
- чесаться-кобайдаться³³ / не чешитесь-ко теперь да не кобайдайтесь 363:61

2.4. **Сочинительные глагольные конструкции.** Сложения этого типа указывают на разные действия или процессы, которые обычно следуют друг за другом (*кормить-поить*) или происходят одновременно (*жить-расти*) и образуют единый блок или ритуал.

- воскормить-споить / воскормил-споил невольну красну девушку 442:14
- жить-расти / я живу-росту, душа да красна девушка 348:24; хоть я девушка живу-росту кручинная 374:177
- испить-выкушать / испей-выкушай, уда́лой доброй мо́лодец, 451:1
- кормить-поить / меня, кормячи, невольну, столько поячи 287:441

³³ *Кобайдаться* — ‘чесаться’ [СРНГ, 13: 354], документируется ссылкой на Барсова.

набелиться-нарумяниться / мне набилиться девиче, нарумяниться 376:30;
 напиться-накушаться / напилася я, невольница, накушалась 437:108
 напоить-накормить / столько досыта суседей накормили нас, и еще допьяна
 ведь нас да напоили 454:33–34
 пить-кушать / знать, не пьешь, да доброй молодец, не кушаешь 455:16
 садить-поливать / сросло деревце сахарнее, не сажено-не поливано 467:3–4
 умыться-уладиться / ты умылась бы, лебедушко, уладились 367:242; 367:257

3. Составные адъективные конструкции

Адъективных сложений в текстах свадебных причитаний значительно меньше, чем субстантивных и глагольных, но они весьма разнообразны по своей структуре и семантике, хотя и отличаются той же диффузностью и перетеканием из одного типа в другой, что и остальные конструкции.

3.1. Цельноформленные сложения (по типу сложных слов). Сложения этого типа (с неизменяемым первым членом) представляют собой своего рода конденсацию определительных словосочетаний (*горькое горе* > *горе-горький*, *унылый звон* > *звон-унылы*) или объединение разнородных (разноаспектных) определений (*синий* и *славный* > *сине-славный*, *угрюмый* и *струистый* > *угрюм-струисты*)³⁴, или же соединение синонимичных прилагательных (*скорый* = *борзый* > *скороборзый*):

горе-горький / про печально горегорько возростаньце 352:182
 звон-унылый / звон-унылы колокольчики 314:43, 315:24; звон-унылы жалки
 писенки 316:10; звон-унылы колокольча 318:3; запоем да звон-унылы жалки
 песенки 409:53; звон-унылы жалки писенки спевали 433:334; вы прости-
 те, звон-унылы жалки писенки 439:10; звон-унылу жалку писенку (споют)
 457:42; звон-унылы жалки писенки 458:23
 кругло-малый / мы повыплетем кругло-малое озёрышко 388:15; он напиться к
 кругло-малому озерышку 390:119; (подъехала) я ко эту кругло-малому озе-
 рышку, и кругло малое озерко становилася (sic) 402:93–94
 сине-славный / подкати да сине-славное Онегушко 385:9; тут разлилось си-
 не-славное Онегушко 385:6; за сине-славное за морюшко 427:47
 скороборзый / напоил да он коня тут скороборзого 383:119
 тепло-красный / тепло-красно мое солнышко 319:15; ты послушай, тепло-крас-
 но мое солнышко 409:22; 410:66; спасет Бог да тепло-красно мое солнышко

³⁴ О порядке следования разноаспектных прилагательных, соподчиненных одному существительному, в зависимости от их семантики и синтаксических свойств см.: [Иорданская 2000]. В приводимых примерах из причитаний общее правило, требующее, чтобы прилагательные, обозначающие объективные свойства и признаки определяемого, были ближе к нему, чем субъективные и оценочные определения, как видим, не соблюдается.

434:12; 435:17; мы придем как, тепло-красно с тобой солнышко 436:57; тут вспомнишь, тепло-красно мое солнышко 436:88; наглядись, да тепло-красно мое солнышко 437:16; тепло-красно миженьско мое солнышко 438:43; ты сжалуйся, тёпло-красно мое солнышко 439:77; и спасет Бог, да тепло-красно мое солнышко 443:20

тепло-парный / мне-ка в эту тёлопарну итти баенку 381:23; ты прости да тёлопарна меня баенка 385:1; я приду да с тёлопарной как баенки 385:10; как во этой тёлопарной во баенке 386:34

угрюм-струисты / мы еще угрюм-струисту ричку быструю (повыплетем) 388:19 хитро-мудрый / по подолу нет узоров хитромудрых 330:98; ты найми да пи-сарёчков хитромудрых 354:258; столько швиек хитромудрых 427:53

честно-мужня / честно-мужниим отдать да молодым женам 363:76; честно-мужныи жены да взрадовалися 363:79

тонко-белый / наделяю тонкобелой соролочкой 380:76

3.2. Аппозитивные сложения (бессоюзные словосочетания с подчинением). В таких конструкциях объединены независимые определения, характеризующие объект с разных сторон *бедна-невольна* 'бедная невольная' (девушка), *затула-синя* 'синяя затулая (закрывающая, защищающая)' *завеска* (занавеска). В семантическом отношении они близки к предыдущему типу: одни и те же сложения могут быть сложными словами и аппозитивными словосочетаниями (ср. *честно-мужныи жены* и *честны мужни жены*; *тонко-белый* и *тонкий-белый*, *хитро-мудрый* и *хитрый-мудрый*).

бедна-невольна / и спроста речь *бедна-невольна* говорила 333:99; сговорю, *бедна-невольна*, потихошеньку 410:108

затулуй-синий / эту затулу-синю завеску 290:605; этой затулы-синей завески 291:625

затула-синя (завеска) 478:18, 22

невольны-почетны / из места невольного, из невольного-почетного 484:6

почтово-ямская (дороженька) / почтовой-емской широкой ты дороженькой 335:7

теплый-красный / тепло-красно мое солнышко 337:2

тонкий-белый / я утрюсь да в тонкобело полотенышко 353:210; тонку белую клади свою рубашечку 369:322; и тебе подать тонку белую рубашечку 378:6; штобы сшили красны девушки тонкобело полотенышко 427:55; вокруг да тонкабела полотенышка 427:70; тонку белую рубашечку 480:12

утылы-сини / я за славную утылу-синю завеску 464:27; уж ты быдь-ко ты, утыла-синя завеска 464:29

честна-мужня / уж вы эти честны мужни молоды жены 363:77

чудный-грозный / чуден-грозен сон невольной показался 430:195

3.3. Тавтологические сложения

3.3.1. **Редупликация полная и частичная.** Среди адъективных составных номинаций в текстах свадебных причитаний представлено только несколько сложений с лексическим повтором — полным и частичным:

гневён-гневён / ты гневён-гневён, родитель-красно солнышко 314:58
 вольный-самовольный / я, вольная девича-самовольная 358:458
 пьян-не пьян / уж он пьян-не пьян, остудничек, шатается 289: 550; уж он пьян-не пьян, злодий идё-шатается 356:363
 умный-разумный / ты не плачь да столько, дочь наша умная и не тужи, дочи, теперечко разумная 473:242–243

3.3.2. Более широко представлены **синонимические сложения**:

блад-молод / вы простите, блады-молоды вьюночки 316:8
 гордлив-спесив / как гордлив-спесив остудник-блад отечской сын 307:289
 злой-спесивы / зла-спесива богоданна буде матушка 287:448
 нерадостный-невеселый / нерадостна ты ходишь, невеселая 310:411
 обидны-печальны / я стояла тут, обидна, не дрожала, и отвечала я, печальна, не боялася 371:44–45
 советный³⁵-дружный / советна дружна подружка 366:178, 183; 370:16; будет гневаться советна дружна подружка 372:86, 101; (проси) и себи милых советных дружных подружек 374:160; мои милые советны дружны подружки 440: 26
 строгий-грозный / строгой-грозной богоданной этой матушке 309:381; строга-грозная надежная головушка 328:4; строги-грозны богоданны есть родители 360:49; строги-грозны богоданны родители 405:231; 431:241
 строгий-злой / строга-злая богоданная-то матушка 306:233
 строгий-лихой / строга-лиха богоданна эта матушка 309:370;
 тихий-смирный / тиха-смирная прости меня, бесёдушка 316:2
 угрюмая-невеселая / ты угрюмая, советна, невеселая 367:244
 унылый-жалкий / вы спевайте-тко унылы жалки писенки 381:11
 чуден-дивен / россужу, невольна, чуден-дивен сон 431:235

3.4. **Сочинительные конструкции.** Конструкции этого типа допускают трансформацию в словосочетания с сочинительными союзами *и, да, или*.

гусиный-лебединый / я со стадушком приехала гусиным и со другим я, невольна, лебединым 326:54–55; у нас забрано ведь мяса-то гусяного, и приготовлено жаркое лебединое 441:34–35, 49–50; подросли да ей ведь крылышка гусянии, и да ей перьяца ведь, воле, лебединыи 463:209–210

³⁵ Советный — ‘дружелюбный, приветливый’ [СРНГ, 39: 185] (с указанием на олонецкий диалект).

рождённый-куболёный³⁶ / ты послушай, мое дитятко, ты ж, рождено-куболёное 420:163

соболий-куний / и не гриет-то соболя-кунья шубонька 297:911

соболина-кунья / соболина-кунья шубонька скидывана 406:264

шитый-браный / по конец да шита-брана полотенышка (повышейте) 427:61;
среди да шита-брана полотенышка 427: 64; во руках да несет матушка тонку
белую рубашечку, шито-брано полотенышко 480:11–13

Стоит обратить внимание на особый вид адъективных сложений, производных от устойчивых атрибутивных сочетаний (разных типов):

горючий-слезной (< горючие слезы) / на горячее-слезное обливаньце 312:488;
слёзно-горючий / на твое слёзно-горюче унываньце 401:15

денно-белый (< белый день) / как придешь, дённой-белой да мой светушко 436:80
звон-унылы (< унылый звон) колокольчики 314:43, 315:24 (см. выше)

4. Прочие составные конструкции

В этом разделе собраны в основном биномы, составленные из наречий и числительных. Первые в большинстве случаев соответствуют производящим прилагательным (ср. *жалко-уныло* и *унылый-жалкий*) и их семантическим типам, вторые относятся к типу сочинительных конструкций (ср. *три-четыре* 'в пределах данного отрезка числового ряда').

4.1. Конструкций, которые можно было бы отнести к **сложным словам**, здесь нет.

4.2. **Аппозитивные сочетания** (с подчинительной связью). С некоторым сомнением к этой категории можно отнести сочетания

тошно-больно / тошно-больно от утробушки родила 301:4
честно-именно³⁷ / честно-именно, невольну, почитаете 320:35

4.3. Тавтологические сочетания

4.3.1. Редупликации:

невесто³⁸-невестёшенько / и столько нёвесто мне, свет, да невестёшенько 410:89
нёвесто-невестимо / и тебе нёвесто, знать, было, невестимо 398:28

³⁶ *Куболёный* — в СРНГ отсутствует, однако дается производящий глагол олонец. *куболить* 'любить, лелеять' [СРНГ, 15: 384].

³⁷ *Честно-именно*, т. е. с почестью и обращаясь по имени, ср. онеж. *честно и именно*: «Встречайте меня честно и именно; Спроводили его честно и именно» [СРНГ, 12: 192]. Ср. рус. карел. *именно* нареч. 'степенно (?)': «Честно, именно провела, дак как выконтвала» [СРГК, 2: 290].

³⁸ *Невесто* — предикатив со значением 'неведомо, неизвестно' [СРНГ, 20: 336], отмечен в олонецких (в причитаниях Барсова) и псковских говорах. Правда, ПОС дает это слово без примеров и только с отсылкой к СРНГ [ПОС, 21: 36].

оттошна-тошнёшенько / оттошна́ да жаль горюше мне — тошнёшенько 445:37
 пустым-пустёшенько / все пустым будет у нас да ведь пустёшенько 310:425
 школьно-нашкольно / школьно-нашкольно, детина, я повышколю 289: 560

4.3.2. **Синонимические биномы:**

жалко-уныло / жалко-уныло ведь писенки спеваючи 347:48
 жалобно-уныло / поет жалобно-уныло мала птиченька 341:56
 жаль-тошнёшенько / жаль-тошнёшенько со братцем поросстатися 414:287;
 452:33; 461:128
 жаль-тошно / мне-ка жаль-тошно, кручинной головушке 303:109; мне-ка
 жаль-тошно бажёной дорогой воли 318:83
 кругом-около / кругом-около, невольна, обходила 324:72
 по-прежнему-по-досюльному / по-прежнему, мой свет, да по-досюльному
 415:330
 по-старому, по-прежнему / не по-старому хожу, да не по-прежнему 433:324
 строго-грозно / строго-грозно вы мне-ка наказали 314:4
 строго-грубо / строго-грубо-то она да поговариват 309:374
 строго-сурово 317:51; строго-сурово, невольна, отвечаю 317:51
 теперь-нонечи (нонеча, нонечку, нынечко) / и теперь-нонечку, невольна крас-
 на девушка, я вси думушки, невольна нынь придумала 314:53; топерь-ноне-
 чи, душа я- красна девушка, я повыскажу великую кручинушку 352:178; и
 теперь-нынечко ведь вдруг да объявилось 473:255
 теперь-нынь / и теперь-нынь да при последи поры-времечка 473:253
 трудно-тяжело / трудно-тяжело тебя да я носила 301:3

4.4. **Сочинительные конструкции.** В основном это сложения числи- тельных, указывающие на интервал допустимых количественных по- казателей или возможность выбора между ними.

два-три-четыре / видно две да три-четыре оставляются 346:8
 досыта-допьяна / столько досыта суседей накормили нас, и еще допьяна ведь
 нас да напоили 454:33–34
 сто-тысяча / изо ста была да ты из тысящи 338:10
 три-четыре / на все на три-четыре на сторонущи 428:120
 три-четыре / на вси на три-четыре на сторонущи 309: 351

Заключение

Рассмотренный материал севернорусских свадебных причитаний по-
 зволяет выделить следующие признаки, релевантные для характери-
 стики и типологии составных номинаций:

1) структурный — изменяется ли (склоняется, спрягается) каждый
 компонент бинома или только один; по этому признаку сложные слова

противопоставляются всем остальным типам, относимым к бессоюзным словосочетаниям;

2) «внешне»-синтаксический — с каким компонентом согласуется по роду и числу бином в целом (ср. *луна-солнышко* / *воссияла тут луна-да красно солнышко* 398:15 с опорным словом *луна*, определяющим согласование по женскому роду; *родитель-матушка* / *как желанна бы родитель была матушка* 350:90 с опорным вторым членом, определяющим внешнее согласование бинома в женском роде; *род-племя любимое сжаловались* 343:25 с двумя видами согласования — по среднему роду второго члена и с семантическим согласованием во множ. числе);

3) «внутренне»-синтаксический — каков тип связи между компонентами бинома: подчинительный или сочинительный (ср. *выйти-встретить* ‘выйти, чтобы встретить’ с подчинительной связью и *поить-кормить* ‘поить и кормить’ с сочинительной связью);

4) семантический — во-первых, относится ли номинация к одному денотату или более чем к одному (или к расчлененному денотату), во-вторых, каковы семантические отношения между членами бинома, является один из членов эмоциональным, оценочным, функциональным определением другого или же дополнением, уточнением, модификацией и т. п.

Имеет значение и порядок следования составляющих бинома, ср. *бой-баба* и *яйца-бой* или сложное слово *свет-батюшка* и междометие *батюшки-светы!* Наконец, существен и критерий акцентологический — на какой член бинома падает главное ударение, является ли сложение в целом просодически слитным и т. п. (см. об этом, в частности: [Вайс 2000: 356–357]).

Спецификой фольклорного материала, и в частности поэтических текстов севернорусских свадебных причитаний, оказывается их структурная и синтаксическая диффузность, размытость границ между разными типами составных номинаций, тенденция к свободному синтаксису паратаксического типа, избегание эксплицитных средств выражения смысловых отношений (особенно подчинительных), преобладание сочинения над подчинением не только в предложениях, но и между компонентами словосочетаний.

Вместе с тем анализ фольклорного материала показал недостаточную изученность составных номинаций в литературном (разговорном) языке, отсутствие строгих критериев их систематизации и интерпретации и необходимость дальнейшего их изучения*.

Библиография

АОС, 1–20–

Архангельский областной словарь, под ред. О. Г. Гецово́й, 1–20–, Москва, 1980– 2019–.

Барсов 1997

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, 1: *Похоронные причитанья*, 2: *Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья* (= Литературные памятники, 453–454), изд. подг. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов, С.-Петербург, 1997.

Вайс 2000

Вайс Д., Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга?, *Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*, отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин, Москва, 2000, 356–378.

——— 2003

Вайс Д., Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках, *Русский язык в научном освещении*, 2 (6), 2003, 37–59.

——— 2008

Вайс Д., Временная соотнесенность двойных глаголов совершенного вида, *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой*, Москва, 2008, 154–176.

Венгранович 2004

Венгранович М. А., *Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста*, Петрозаводск, 2004.

——— 2011

Венгранович М. А., *Стилистика фольклорного текста. Учебное пособие*, Тольятти, 2011.

ГС

Зализняк А. А., *Грамматический словарь русского языка*, изд. 4-е, Москва, 2003.

Гура 2012

Гура А. В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика*, Москва, 2012.

Дурново 1902

Дурново Н. Н., Мелкие заметки по русскому языку, *Журнал Министерства народного просвещения*, 6 (341), 1902, 257–268.

Евгеньева 1963

Евгеньева А. П., *Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.*, Москва, Ленинград, 1963.

Журавлев 1982

Журавлев А. Ф., Технические возможности русского языка в области предметной номинации, *Способы номинации в современном русском языке*, отв. ред. Д. Н. Шмелев, Москва, 1982, 45–109.

Иорданская 2000

Иорданская Л. Н., Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера), *Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*, отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин, Москва, 2000, 379–390.

Минлос 2005

Минлос Ф. Р., Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова, *Русский язык в научном освещении*, 1(9), 2005, 96–115.

Молошная 1973

Молошная Т. Н., Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках, *Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков*, отв. ред. А. А. Зализняк, Москва, 1973, 87–104.

Пешковский 1938

Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 6-е, Москва, 1938.

Потебня 1941

Потебня А. А., *Словорасположение в сочетании аппозитивном*, Idem, *Из записок по русской грамматике*, 4: *Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог*, Москва, Ленинград, 1941, 286–289.

——— 1968

Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике*, 3: *Об изменении значения и заменах существительного*, Москва, 1968.

ПОС, 1–28–

Псковский областной словарь с историческими данными, 1–28–, Ленинград, С.-Петербург, 1967–2020–.

РГ, 1–2

Русская грамматика, 1: *Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*, 2: *Синтаксис*, Москва, 1980–1982.

СРГК, 1–6

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, под ред. А. С. Герда, 1–6, С.-Петербург, 1994–2005.

СРНГ, 1–51–

Словарь русских народных говоров, 1–51–, Москва, Ленинград, 1965–2019–.

ССРЛЯ, 1–17

Словарь современного русского литературного языка, 1–17, Москва, Ленинград, 1948–1965.

Сурикова 2017

Сурикова О. Д., К изучению архаичной лексики в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова, *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 9/4, 2017, 73–82.

——— 2019

Сурикова О. Д., Архаичная социальная лексика в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова, *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 21/ 2 (187), 2019, 227–240.

——— 2019a

Сурикова О. Д., «Причитания Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера, *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*, Москва, 2019, 330–353.

Толстая 2012

Толстая С. М., Заметки о языке севернорусских причитаний, *Язык и прошлое народа: сб. научных статей памяти проф. А. К. Матвеева*, отв. ред. М. Э. Рут, Екатеринбург, 2012, 464–475.

Хроленко 1981

Хроленко А. Т., *Поэтическая фразеология русской народной лирической песни*, Воронеж, 1981.

——— 1986

Хроленко А. Т., Границы слова в фольклорном тексте, *Проблемы структурной лингвистики*, 1983, Москва, 1986, 215–226.

Эйсман 1994

Эйсман В., Типы бессоюзных составных существительных в русском и их соответствия в южнославянских языках, *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*, Москва, 1994, 162–178.

ЭРЯ

Энциклопедия Русский язык, 3-е изд., Москва, 2020.

Якобсон 1987

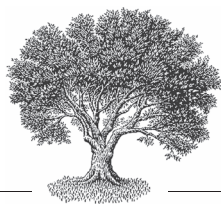
Якобсон Р. О., Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову, Idem, *Работы по поэтике*, Москва, 1987, 272–316.

References

- Chistova B. E., Chistov K. V., eds., *Prichitan'ia Severnogo kraia, sobrannye E. V. Barsovim*, 1: *Pokhoronnye prichitan'ia*, 2: *Rekrutskie i soldatskie prichitan'ia*. *Svadebnye prichitan'ia* (= Literaturnye pamiatniki, 453–454), St. Petersburg, 1997.
- Eismann W., *Tipy bessoiuznykh sostavnykh sushchestvitel'nykh v russkom i ikh sootvetstviia v iuzhnoslavianskikh iazykakh, Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izucheniia slavianskikh iazykov*, Moscow, 1994, 162–178.
- Evgen'eva A. P., *Ocherki po iazyku russkoi ustnoi poezii v zapisiakh XVII–XX vv.*, Moscow, Leningrad, 1963.
- Gura A. V., *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simbolika*, Moscow, 2012.
- Iordanskaja L. N., *Sopodchinenie prilagatel'nykh v russkom iazyke (po sledam Vendlera)*, L. L. Iomdin, L. P. Krysin, eds., *Slovo v tekste i v slove. Sbornik statei k semidesiatiletiu akademika Iu. D. Apresiana*, Moscow, 2000, 379–390.
- Jakobson R. O., *Noveishaia russkaia poeziia. Nabrosok pervyi: Podstupy k Khlebnikovu*, Idem, *Raboty po poetike*, Moscow, 1987, 272–316.
- Khrolenko A. T., *Granitsy slova v fol'klornom tekste, Problemy strukturnoi lingvistiki*, 1983, Moscow, 1986, 215–226.
- Khrolenko A. T., *Poeticheskaia frazeologiya russkoi narodnoi liricheskoi pesni*, Voronezh, 1981.
- Minlos Ph. R., *Rifmovannye sochetaniia v russkom fol'klоре. Reduplikatsiia i parnye slova*, *Russian Language and Linguistic Theory*, 1(9), 2005, 96–115.
- Moloshnaya T. N., *Dvukhkomponentnye substantivnye obrazovaniia appozitivnogo tipa v slavianskikh iazykakh*, A. A. Zaliznyak, ed., *Strukturno-tipologicheskie issledovaniia v oblasti grammatiki slavianskikh iazykov*, Moscow, 1973, 87–104.
- Peshkovskii A. M., *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*, 6th ed., Moscow, 1938.
- Potebnja A. A., *Iz zapisok po russkoi grammatike*, 3: *Ob izmenenii znachenii i zamenakh sushchestvitel'nogo*, Moscow, 1968.
- Potebnja A. A., *Slovoraspolzhenie v sochetanii appozitivnom*, Idem, *Iz zapisok po russkoi grammatike*, 4: *Glagol. Mestoimenie. Chislitel'noe*. Predlog, Moscow, Leningrad, 1941, 286–289.
- Surikova O. D., «Prichitan'ia Severnogo kraia» E. V. Barsova kak istochnik izucheniia leksiki Russkogo Severa, S. M. Tolstaya et al., eds., *Slavic archaic areas inside Europe*, Moscow, 2019, 330–353.
- Surikova O. D., *Archaic social vocabulary in northern lamentations by E. V. Barsov*, *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 21/2 (187), 2019, 227–240.
- Surikova O. D., *Notes about archaic vocabulary in northern lamentations by E. V. Barsov*, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 9/4, 2017, 73–82.
- Tolstaya S. M., *Zametki o iazyke severnorusskikh prichitanii*, M. E. Ruth, ed., *Iazyk i proshloe naroda: sb. nauchnykh statei pamiati prof. A. K. Matveeva*, Ekaterinburg, 2012, 464–475.
- Vengranovich M. A., *Ekstralingvisticheskaia obuslovlennost' lingvistilevoi spetsifiky fol'klornogo teksta*, Petrozavodsk, 2004.
- Vengranovich M. A., *Stilistika fol'klornogo teksta. Uchebnoe posobie*, Togliatti, 2011.
- Weiss D., *Russkie dvoinye glagoly i ikh sootvetstviia v finno-ugorskikh iazykakh*, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (6), 2003, 37–59.
- Weiss D., *Russkie dvoinye glagoly: kto khoziai, a kto sluga?*, L. L. Iomdin, L. P. Krysin, eds., *Slovo v tekste i v slove. Sbornik statei k semidesiatiletiu akademika Iu. D. Apresiana*, Moscow, 2000, 356–378.
- Weiss D., *Vremennaia sootnesennost' dvoinykh glagolov sovershennogo vida*, *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sb. statei v chest' E. V. Paduchevoi*, Moscow, 2008, 154–176.
- Zaliznyak A. A., *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka*, 4th ed., Moscow, 2003.
- Zhuravlev A. F., *Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo iazyka v oblasti predmetnoi nominatsii*, D. N. Shmelev, ed., *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom iazyke*, Moscow, 1982, 45–109.

Светлана Михайловна Толстая, доктор филологических наук,
профессор, академик РАН,
заведующая отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32 А
Россия / Russia
smtolstaya@yandex.ru

Received April 29, 2020

Рус. *дубоглот*
в заговорах и
диалектной лексике
(к изучению
мифопоэтической
мотивации слов)*

**Татьяна Алексеевна
Агапкина**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

Russian 'duboglot'
in Charms and
Dialectal Vocabulary
(towards Investigation
of Mytho-Poetic
Motivation of Words)

Tatyana A. Agapkina

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Резюме

В статье рассматривается слово *дубоглот*, которое функционирует в русских говорах (преимущественно южнорусских) в значениях 'сильный сухой кашель, обычно сопровождающийся болью в горле', 'ангина'. Осуществляется

* Работа Е. Л. Березович выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики». Авторы благодарят Т. В. Володину и С. М. Толстую за ценные замечания, высказанные при подготовке статьи.

Цитирование: Агапкина Т. А., Березович Е. Л. Рус. *дубоглот* в заговорах и диалектной лексике (к изучению мифопоэтической мотивации слов) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 314–337.

Citation: Agapkina T. A., Berezovich E. L. (2020) Russian 'duboglot' in Charms and Dialectal Vocabulary (towards Investigation of Mytho-Poetic Motivation of Words). *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 314–337.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.14

семантико-мотивационная реконструкция этого слова с опорой на его роль в тексте. Авторы приходят к выводу, что слово попало в диалектную систему из фольклорных произведений (преимущественно заговорных), где оно обозначает заболевания, касающиеся воспаления ротовой полости, глотки и нижних дыхательных путей и сопровождаемые сильным кашлем, болевыми ощущениями. Устанавливается, что чаще всего слово выступало в текстах в составе формулы «X (дерево), возьми свой Y (дубоглот), иначе я тебя съем / проглочу», которая обращена изначально к дубу как к удобному «восприемнику» болезней, изгоняемых из пространства говорящего. Авторы высказывают предположение, что слово *дубоглот* «наведено» логикой разворачивания текста: это тот «дубовый глот» (*глот* — способность собственно глотать), который должен принадлежать дубу, а не больному человеку. Творение слова в рамках заговорной конструкции поддерживается теми возможностями, которые заложены в системе языка. Во-первых, это образ дубовой «пасти» (глотки), который формируется на основе естественных свойств и особенностей дуба и закрепляется если не во внутренней форме слова (это спорный вопрос), то в устойчивой сочетаемости *дуб* ↔ *дупло*, а также поддерживается на синхронном уровне фонетической близостью этих слов. Образ дерева, во-вторых, имеет еще одну грань: образ корней дерева и его кроны проецируется на представление о разрастании опухоли (в т. ч. в горле); корни и крона дерева одновременно как бы являются и «инструментом» для прочистки горла. Еще одна грань образа связана с тем, как видятся носителю языка свойства коры: есть продуктивная для русского языка модель, закрепляющая связь обозначений древесной (дубовой) коры и опухолей на теле человека (в т. ч. опухолей горла); сама же дубовая кора — вообще «архетип» коры, жесткой, шершавой, обдираемой с поверхности дерева (что соответствует «дерущим» ощущениям при боли в горле).

Работа выполнена на материале транскрипций исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru).

Ключевые слова

русская диалектная лексика, лечебные заговоры, народная медицина, семантико-мотивационная реконструкция, композиты, лексическая инерция

Abstract

The article considers the word *duboglot*, which functions in the Russian dialects (mainly South Russian) in the meanings of 'strong dry cough, usually accompanied by a sore throat,' 'angina.' Semantic and motivational reconstruction of this word is carried out based on its role in the text. The authors conclude that the word got into the dialect system from the folklore (mainly from the charms), where it refers to diseases related to inflammation of the oral cavity, pharynx and lower respiratory tract, and accompanied by a strong cough, pain. It is established that most often the word appeared in the texts as a part of the formula "X (a tree), take your Y (duboglot), otherwise I will eat you / swallow you," which is initially addressed to an oak tree as a convenient "recipient" of diseases that are expelled from the speaker's space. The authors suggest that the word *duboglot* is "induced" by the logic of unfolding the text: this is "the oak glot" (glot is the ability to swallow – from the Russian verb *glotat* 'to swallow'), which should belong to an oak, not a sick person. The

word creation within the framework of a spoken construction is supported by the capabilities that are inherent in the language system. Firstly, it is the image of an oak "mouth" (throat), which is formed on the basis of the natural properties and features of oak. This image could be fixed in the internal form of the word itself, which is a controversial issue, but it certainly is seen in the stable compatibility of *dub* 'oak' ↔ *duplo* 'hollow', and at the synchronous level is also supported by the phonetic proximity of these words. The image of a tree, secondly, has another facet: the image of roots of a tree and its crown is projected on the idea of the growth of a tumour (including one in the throat); roots and crown of a tree simultaneously seem to be a "tool" for clearing the throat. Yet another facet of the image is related to how the native speaker sees the properties of a bark: there is a productive model for the Russian language that fixates the connection between the designations of wood (oak) bark and tumours on the human body (including throat tumours); oak bark itself is generally an "archetype" of a bark, hard, rough, stripped from the surface of a tree (which corresponds to "tearing" sensations with a sore throat).

Keywords

Russian dialect vocabulary, curative charms, folk medicine, semantic and motivational reconstruction, composites, lexical inertia

Едва ли не самый трудный случай мотивационного анализа — работа со словами и фраземами, имеющими понятную формальную структуру, но неясную мотивацию. Ее реконструкция особенно усложняется функционированием слова не только в обыденном языке, но и в контексте обряда и фольклора (особенно его магических жанров, подчиняющихся своей логике смыслопорождения).

В настоящей статье будет представлен корпус смыслов, который связан со словом *дубоглот*, функционирующим в системе русских народных говоров (преимущественно южнорусских), а также в заговорных текстах. Вероятно, это слово обладает особой мифопоэтической мотивацией, образующей необычную конфигурацию смыслов. Ее невозможно интерпретировать с тех позиций, с которых мы привыкли прочитывать внутреннюю форму большинства современных слов. Это слово упоминали Т. В. Володина [2013: 75–76] и Д. Н. Лоскутова [2010: 163–165], но подробно вопрос о его происхождении до сих пор не разрабатывался. Задача статьи — попытаться предложить его мотивационную интерпретацию.

Слово *дубоглот*: значения, варианты, синонимы

Слово *дубоглот* принадлежит лексике русской традиционной медицины. СРНГ предлагает для него два основных значения: 1) 'сильный сухой кашель, обычно сопровождающийся болью в горле' и 2) 'ангина'

[СРНГ, 8: 238–239]¹. Недуги и болезненные проявления, называемые этим словом (т. е. ангина и другие болезни с симптомами сильного кашля)², лечатся с помощью магических приемов, в том числе заговоров, например: «Дубаглот, дубаглот! Вазьми муой глот» (Воронежская губ., от сухого кашля) [Тростянский, Гришкин 1916: 156]; речь о них пойдет ниже.

По сути, практически всё, что нам известно о *дубоглоте*, мы знаем именно из заговоров — из вербальных текстов и описаний сопутствующих им действий. Иными словами, и узус этого слова, и его семантика выводятся почти исключительно из фольклорного и ритуального контекста, поскольку в диалектной лексике вне его слово фиксируется крайне редко. На данный момент нам известны лишь четыре фиксации слова *дубоглот*, когда его употребление не связано с фольклорным контекстом. *Дубоглотом* назывались в этих случаях:

- сильный кашель — брян. «У тябе кашыль очинь суровый — дубаглот» [СБГ, 5: 44];

- ангина — дон. «Дубаглот, када глотка балить» [БТСДК:142, 167]; тамб. «Ангина, часто она. У тибе-т была када иль нет? Ну, тады че ж, щас и уколы, лечуть, а тада попарится чем там, проходить, а не прошла — умяр. Да эт самая она и то, дубоглот, вот тады к бабкам, и вот тах-т вот мнуть», «По-старинному дубоглот называется, ды глотать больно, да, апухайть» [Лоскутова 2010: 319, 164]);

- кашель с болью в горле [ДО: 320]³.

Анализируя контексты, представленные не в словарях, а собственно в фольклорных и этнографических источниках, можно обнаружить, что слово *дубоглот* имело более широкий круг значений. Этим словом называли заболевания, касающиеся воспаления ротовой полости, глотки и нижних дыхательных путей и сопровождаемые сильным кашлем, болевыми ощущениями, — прежде всего ангину, а также воспаление зева и подчелюстных желез, стоматит, коклюш, дифтерит, скарлатину, иногда воспаление легких и ряд других болезней. Гораздо реже *дубоглотом* называли грудную жабу, которая связана с коронарной недостаточностью и затруднением дыхания.

¹ Из других значений для рус. *дубоглот* единично отмечается брян. 'растение (какое?), употребляемое для лечения простуды' (есть также форма *дубоглотнице*) [СБГ, 5: 44]. Возникновение фитонимических значений у слов, обозначающих болезни, для лечения которых употребляется то или иное растение, — явление, как известно, нередкое.

² О причинах выбора подобных болезней (представлявших собой огромную опасность, особенно в таком варианте, как детская дифтерия) в качестве объекта языковой и манипулятивной магии, см. [Володина 2013].

³ Контекст не приводится, поэтому трудно судить о том, оторвано слово от текста заговора в данном случае или нет.

Слово *дубоглот* (если совокупно представить данные диалектных словарей и фольклорных источников) известно на юге Европейской России: Курская, Орловская, Брянская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская, Ростовская, Волгоградская обл. Помимо слова *дубоглот* в тамбовских говорах фиксируется форма *дыбоглѹт* (явно вторичная): «Возьми сябе дыбоглѹт, отдай, отдай нам глот...» [Лоскутова 2010: 164]. В. И. Даль оформляет слово в виде *дубоглѹд* 'болезнь жаба; каша и воспалительная боль в горле' (курск.), но не приводит контекстов, подтверждающих конечный согласный [Даль, 1: 513]. Появление конечного *д* — естественное притяжение *глот-* ↔ *глот-* (*глотать*). В одном из заговоров отмечена форма *дубоглоть* (судя по согласованию, воспринимающаяся как слово муж. р.) [Перетц 1914: 78]. Есть также словообразовательный вариант *дубоглотка* 'стенокардия' (зафиксированный в сибирском региолекте)⁴.

Помимо термина *дубоглот* в заговорах, о которых идет речь, используются также и другие обозначения перечисленных болезней, более употребительные и распространенные гораздо шире слова *дубоглот*. Это названия, производные от слов с основным или метафорическим значением 'горло / глотка'. Выделяются три группы таких наименований. Прежде всего это обозначения болезней, метонимически связанные с *глотать*, такие как *глот* / *глоть*, *глотанѹц*, *глотошная*, *глотанка*, *глотница* и т. д. [СРНГ, 6: 200–203]. Во-вторых, это производные от слова *горло*, такие как *горловая*, *горлянка*, *горланка*, *горловица*, *горлодав*, *горлуша*, *горловик*, *горлица*, *горловица* и проч. Третья группа — слово *жаба* и конструкции с его участием⁵; этому слову присущи как значения 'рот / пасть', так и 'болезни горла / глотки; ангина'⁶.

Характеристика заговоров от дубоглота

Изучаемые заговоры представляют собой короткие вербальные формулы. Инвариантная формула такого заговора выглядит следующим образом: «Дуб, возьми свой дубоглот (болезнь), иначе я тебя съем / проглочу». Сопутствующие произнесению формул действия обычно малопримечательны. Единственное, что обращает на себя внимание, — то, что, читая подобный заговор, знахарка часто смотрит на лес или находит взглядом то или иное дерево.

⁴ Надо отметить, что фиксация весьма невятна [Сибирска вольгота].

⁵ Семантическая связь лексем *žaba* 'земноводное' и *žaba* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных' проанализирована в [Меркулова 1963; Березович 2007: 311–319].

⁶ Другие названия встречаются значительно реже, ср., например, юж., ряз. *завѹлка* [СРНГ, 9: 293], кубан. *пѹколки* [СРНГ, 25: 155], кубан. *шѹшки* [Костина 2008: 325], урал. казаки *ядрѹ* [Малеча, 4: 514] и т. п.

Варианты этой формулы известны преимущественно у русских, в значительно меньшей степени — у украинцев. В целом вариантов насчитывается совсем немного — порядка 30⁷. География этой формулы ограничена в основном южнорусскими областями с редкими выходами за их пределы; встречаются аналогичные формулы также на территориях вторичного заселения. В украинской традиции эти заговоры отмечаются редко и вразброс, так что составить более ясную картину пока возможным не представляется. В составе подобных вербальных формул употребляется как слово *дубоглот*, так и его аналоги *глот*, *жаба* и некоторые другие.

Вот несколько примеров подобных формул.

▪ «От завала горла. Дуб, дуб, возьми свой дубоглот, а не возьмешь, а тебе съем с ветьем и с кореньем, гам, гам, гам. (Говорить трижды по утру до восхода солнца, а больное место давить тремя пальцами правой руки)» (скорее всего, южнорусское или восточноукраинское; рукописный заговор) [Перетц 1914: 78].

▪ При затрудненном дыхании или боли в горле знахарка обращается в сторону леса: «Дуб, дуб! возьми свой дубоглот, и глот, и мокрую жабу, сухой дубоглот, и глот от раба Божия (имярек)! Не возьмешь свой дубоглот, он тебя с ветвями и с кореньями проглотит» (Воронежская губ.) [Майков 1992, № 100].

▪ Иногда угроза может быть сформулирована иначе: «Дуб, дуб! Возьми свой дубоглот, а то прилечу — с корнем тебя выворочу, срублю, сожгу!» (Воронежская губ.) [Селиванов 1886: 98].

Как уже упоминалось, в подобных заговорах, обращенных к дубу, широко используются и другие, более общеупотребительные обозначения названных болезней, и прежде всего *глот* и *жаба*. Вот такие примеры, которые, видимо, особенно широко были известны в Саратовском Поволжье:

▪ «Дуб, дубанец, добрый молодец, возьми с имярека глотанец! А не возьмешь, проглочу с ветками и с кореньями» (Оренбургская губ., переселенцы из Тамбовской губ.) [Горбунов 1894: 3]; ср. аналогичный текст, записанный в Саратовской губ. [Попов 1903, № 90].

▪ «От боли в голове. Выводят больного в лес и, поставив его под дубом, лекарка говорит: “Дуб, дуб, возьми свою глоть, — повторяя слова эти три раза, — не возмешь свою глоть, сглону тебя с ветвями и кореньями”; потом, разинув рот, хамкнет на этот дуб, после чего три раза на стороны дунет и плюнет» (Саратовская губ.) [Меликов, л. 43].

⁷ Конечно, для исследования фольклорного слова контекст в данном случае нельзя назвать широким, но нам остается только удовлетвориться имеющимися материалами.

▪ «Там же, в Саратовской губ., при боли в горле «идут к лесу и окидывают глазами весь лес, чтобы сразу увидеть дуб. Попавшийся на глаза дуб не спускают с глаз и идут к нему. Подойдя к нему, наминают болезненное место безымянным пальцем правой руки, говоря: “Дуб, дуб, сырый дуб! Возми, дуб, жабу с раба Б. Н. Если не возьмешь, съем тебя с листьями, с сучьями, с кореньями. Хам!”» [Розанов, л. 13].

Как часто бывает, отдельные фрагменты полной формулы функционируют самостоятельно, причем в данном случае это может относиться как к первой части формулы: «Дуб, возьми свой дубоглот», так и ко второй: «Я тебя съем».

Вот примеры реализации первой части **«Дуб, возьми свой дубоглот»**: «Дубе-дубище, возьми свое глотище от имярек» (Курская губ.) [АрхРАН, СПб, ф. 216, оп. 4, ед. хр. 236, л. 14]⁸; «У, дуб-дубище, возьми свое зубище. А ты, мать белая береза, возьми свою жабищу, теменную... ротовую, глотовую...» (Калужская обл. [Аникин 1998, № 1469]; *зубище* — вспухшие железки). Надо отметить, что схема «Х, возьми свой У» особенно органична для заговоров от болезни горла (хотя, разумеется, не только для них), поскольку болезнь трактуется как что-то лишнее в нем, что надо отдать медиатору, а также изъять, вынуть, высосать и т. п.⁹

Вторая часть — **«Я тебя съем»** — тоже может функционировать в виде самостоятельной формулы: «Гам, дубе, гам! Зым тебе з кориньямы, з насиньямы, з гылакамы и з корою. Гам! гам! гам!» [Podbereski 1880: 77; Talko-Hrunciewicz 1893: 111]; «От “великих стисків у дитини”: “Дубе, дубе зелений, я тебе ззім <з’їм> з гіллям и коринням”» (Полтавская губ., Гадячский у.) [Иващенко 1878: 172].

И последнее наблюдение, которое касается заговорных формул, состоит в том, что, помимо дуба, они могут быть иногда обращены к другим деревьям, к лесу и даже к артефактам, сделанным из дерева: «Лес Ерофей, возьми мою сухую жабу. Если ты ее не возьмешь, то я тебя съем с ветками, с кореньями, с пеньями [...]» (Сибирь) [Кузнецова 1997: 456]; «Дуб, дубовик, осинок, осина, сойдитесь, возьмите свой кашель глазной и налетный от раба божьего» (Орловская губ.) [СРНГ, 24: 9]; «Изба, изба! Я тебя съем — с углами, со всем!» (центр. Россия) [Инсаров 1862: 269].

В традиции наблюдается также постепенное размывание инвариантного мотива «Дуб, возьми свою болезнь, иначе я тебя проглочу / съем»

⁸ Ср. [Харламов 1901: 29] (Ейск).

⁹ Ср.: «[...] В синем море Окияне, под камнем Латырем, стоит шука-пожируха, булатное перье, железное щелье, отсысает от раба Божия (имя) жабу изо рта, из гортани, белую, красную, водяную, осыпную, перелойную, витрянную, изьявную отсысает, отжирает от раба Божия (имя)» (Вологодская губ., Сольвычегодский у.) [Ордин, л. 139 об., № 21].

за счет изменения объекта угрозы: угрожают съесть / проглотить *жабу* / *глоть* вместо дуба:

«Ветла, ветла, возьми свою глоть, а или ты ее не возьмешь, мы ее заглотим с корнями» (Татарстан, Елабужский р-н) [Вердеревская, Разживин 1996: 14]; «Дуб, дуб, возьми свою жабу, а если ты ее не возьмешь, то я ее проглочу со всеми со ветвями, со кореньями <при этом пациент глотает слюну>» (Рязанская губ.) [Мансуров 1930: 10].

Или угрожают тем, что жаба проглотит дерево:

«Тополь, тополь, сними жабу-глотень, не сымешь — она тебя проглотит» (Рязанская губ., Зарайский у.) [Попов 1903, № 91].

И, наконец, пару слов о белорусской традиции. В восточной и юго-восточной Белоруссии широкую известность получили заговоры от так называемых «зубищ / зубища» (*зубішчы* ‘опухание десен’ [Валодзіна 2009: 267; Володина 2013]). Термин известен также на юге России, в нескольких иных, но близких значениях: в окрестностях Ейска, в Калужской губ. и других местах *зубищами* могли называть опухшие железки [Харламов 1901: 16]. Заговоры, применяемые для избавления от *зубищ*, содержали в основном первую часть известной нам инвариантной формулы «Дуб-дубища, возьми своё зубища!» [Романов 1891: 87, № 194]; «Дубищи, возьми у раба божого зубищи, ў верх вярховыя, а ў бок боковыя, а ў корань коранявыя [...]» [Ibid.: 85, № 177] и т. д., в то время как мотив глотания дуба нам в них не встретился.

Таким в общем и целом видится этот небольшой корпус вербальных формул. Впечатление некоторой невнятности, которое они оставляют, объясняется как смысловой непрозрачностью слова *дубоглот*, объединяющего этот круг текстов, так и известной эксцентричностью мотива «Дуб, я тебя съем».

Семантическая интерпретация элементов слова *дубоглот*

Попробуем поразмышлять о том, что может означать слово *дубоглот*, привлекая для этого и диалектную лексику, и другие заговорные тексты.

Сначала о **второй части композита, об элементе -глот**.

▪ Как уже упоминалось, среди наименований болезней верхних и нижних дыхательных путей явно преобладают производные от слов со значением ‘горло / глотка’. Таким образом, элемент *-глот* в составе нашего композита может либо означать место, в котором сосредоточена болезнь или пораженный ею орган, либо просто быть названием этой болезни, обозначая ангину, дифтерит и т. д. В качестве примера того, что такое прочтение возможно, приведем брян. *билаглот* ‘ангина (?)’: «Билаглот — глотка кагда балит» [СБГ, 1: 43]. Это название читается, вероятно, как «белая глотка», т. е. горло с белым налетом как характерным симптомом ангины.

▪ С большей вероятностью элемент *-глот* может указывать на действия по глаголу *глотать* и близким ему в значениях 'глотать, проглатывать' и 'есть, жрать'. Среди названий болезней композитов со вторым элементом *-глот* пока не обнаружилось, однако известны имена недугов с семантическими близкими компонентами *-ед* и *-грыз*, ср. рус. *костоед*, *костогрыз* — болезни, которые подвергают сильному разрушению кости человека. Второй элемент композита *-глот* активно используется также в сфере региональных прозвищ типа *тестоглоты* / *тестоеды*, указывая прежде всего на пищевые предпочтения жителей отдельных регионов (о композитах на *-ед*, *-грыз* и проч. см. [Воронцова, Галинова 2017]). В этом контексте название *дубоглот* можно было бы рассматривать как отглагольную форму (скорее всего, с объектным значением).

Если спроецировать сказанное на рассмотренные выше заговоры, получается, что в рамках формулы «Дуб, возьми дубоглот, иначе я тебя проглочу» сосуществуют оба прочтения элемента *-глот* — и как обозначения горла, и как обозначения действия по глаголу *глотать*.

▪ Действия по глаголу *глотать*, впрочем, не только отражены в вербальной формуле (в мотиве «глотания дуба»), но также поддерживаются и на уровне ритуала — через имитацию пожирания / глотания, использование звукоподражательных элементов типа *хам*, *гам*, *гав*, а также через ритуальные установки широко открывать рот, сглатывать слюну и лизать что-нибудь во время произнесения заговора. Так, в Томской губ. при ангине выходили из дома, смотрели на дерево, лизали деревянную ложку, глотали слюну и при этом произносили: «Съем я дерево с корнями и жабою проглочу» [Липинская 1998: 496]. В Саратовской губ. при ангине произносили: «Изба, изба, я тебя съем, со всем и с коньком! Хам!» При слове *хам* нужно как можно шире разевать рот [Розанов, л. 6–8об.; л. 13(25)]. Подобное разевание рта «коррелировало» с немалыми размерами объекта, который якобы предстояло проглотить (будь то дуб или дом).

▪ Формулы типа «Возьми сябе дыбоглот, отдай, отдай нам глот» (Тамбовская обл.) [Лоскутова 2010: 164] помогают понять, что слова *глот*, *глоть* можно интерпретировать как естественную способность глотать (а слова *неглот*, *дыбоглот* — как функциональное нарушение нормального глотания), и именно эту способность просят вернуть больному в заговорах [Ibid.]. Кстати, обозначение отдельным словом самой способности глотать, следует, наверное, считать характерной особенностью диалектной семантической системы (в отличие от системы литературного языка). Она поддерживается наличием слов, обозначающих, например, способность пережевывать пищу (особенно у коров), ср. арх. *жва́ка*, *жево́к*, *жва́чка* [АОС, 13: 243] и способность есть вообще, ср. арх., влг. *выть* [СГРС, 2: 269].

Теперь о **первой части композита, об элементе дуб-**. Здесь также намечается несколько вариантов прочтения. Изложим возможные интерпретации — как не слишком убедительные (с которых начнем), так и релевантные.

- Общеизвестно, что кора дуба широко применяется в народной медицине. В этнографических описаниях и заговорах можно найти немало свидетельств, касающихся практического и символического ее использования в этих целях. Однако если быть совсем уж точными, то это применение относится прежде всего к случаям стоматитов и кровоточивости десен, а также направлено на укрепление зубов, но, кажется, почти не связано с болезнями горла.

- Вяч. В. Иванов и В. Н. Топоров высказали мысль о том, что в рус. *дубоглот* могла отразиться оппозиция «сухой — мокрый». В частности, на основании воронежского заговора «Дуб, дуб, возьми свой дубоглот, и глот, и мокрую жабу, сухой дубогло [...]» [Майков 1992, № 100], по мнению авторов, можно восстановить исходное для данных текстов противопоставление *сухого дуба* и *мокрой жабы* [Иванов, Топоров 1965: 268]. На наш взгляд, это суждение едва ли правомерно, учитывая, что для корпуса верований, связанных с дубом, семантика сухости нехарактерна, да и значение слова *дубоглот* 'сухой кашель' фиксируется единично. Кроме того, есть заговорные контексты, в которых жаба может быть названа как сухой, так и мокрой, ср.: «Придите заморите у рабы божьей Паладьи *сухую, мокрую жабу, жабу-полужабу, четвердь жабу, фсю жабу, жабу чёрную, жабу сильную, жабу жыльную, ражжыльную, ис чёрных бровей, из ушэй, из ноздрей, из буйной головы*» (Архангельская обл.) [АОС, 14: 116].

- Сосредоточимся на свойствах дуба, представления о которых могли отразиться в образе болезни горла.

Слово *дуб* в своей парадигме многозначности имеет широко распространенное в говорах значение 'кора некоторых пород деревьев (дуба, сосны, ивы и др.), употребляемая для дубления кож, а также окраски чего-либо' [СРНГ, 8: 231–232], ср. также литер. *дубить*. И *кора*, и *дуб* часто выступают в сочетании с глаголом *драть* (*драть кору, драть дуб*, ср., например, арх., влг. композит *дубодёрина* 'дерево с ободранной корой' [СГРС, 3: 197]), — а именно этот глагол описывает ощущения при боли в горле (*дерет горло*). Интересно в связи с этим курск. *Дубинить* — 'испытывать болезненное состояние при продолжительном кашле': «*Кашыль усю ночь дубинил*», «*Как начило мне ат кашлю дубинить, кахикать да вутра*» [СКГ, 3: 121]. Образ коры актуализирован в ряде производных от *дуб-* (скорее всего, в «древесном» значении), в семантике которых отражены признаки жесткости, шероховатости и проч., ср. брян. *дубовый* 'жесткий; негладкий, шероховатый на ощупь; грубый' [СБГ, 5: 44].

При этом глотка (горло, гортань) часто выступает в языке не только как «проводник» вкусовых ощущений¹⁰, но и как орган, крайне восприимчивый к каким-либо «препятствиям» в нем. Последние, в свою очередь, становятся метафорой негативных социальных и психологических отношений (*быть кому-то как кость в горле, встать кому-то поперек горла* и т. д.). Такая «чувствительность» глотки готовит почву для появления второго компонента композита *дубоглот*. Всё это в целом означает, что слово *дубоглот* может описывать ощущения дискомфорта, сопоставимые с теми, которые испытывает человек при глотании чего-то твердого и шершавого, непригодного для глотания, мешающего нормальному дыханию и т. д., — «будто дуб проглотил».

Нужно также учесть, что *дуб-* выступает в составе целого ряда дериватов (в том числе с композитной структурой), имеющих экспрессивное значение. Так, известны композиты с первым элементом *дуб-*, обозначающие человека как носителя определенных негативных характеристик, ср. вост., курск., дон., пенз., нижегор., самар., урал., тобол. *дуботóлк* 'глупый, бестолковый, упрямый человек; дубина', ворон. *дубола́з* 'баловник, непоседа', орл. *дубогло́т* 'жадный, ненасытный человек' [СРНГ, 8: 239–240]; о них см. в [Колосько 2010: 73]. Несмотря на то что эти композиты можно «прочитать» буквально («тот, кто толчет дуб», «тот, кто влезает на дуб»), экспрессия здесь очевидна: она создается семами крепости, твердости, силы, «непроницаемости», присущими *дубу* и переосмыслимыми в дериватах.

Таким образом, в семантике слова *дубоглот* явно присутствует экспрессия, интенсифицирующая восприятие заболевания — острого, связанного с дерущим, «разрывным» кашлем, ощущением препятствия в горле и др.

▪ Есть суждение [Мадлевская 2007: 139], согласно которому связь образа дуба с болезнями горла опирается на известный параллелизм горла человека и дупла дерева: «Заря, скалистая балка, дуб дуплистый, возьми свой дубоглот» (Тамбовская губ.) [СРНГ, 8: 239]. Несмотря на то что заговор, где упоминается дупло дуба в соотнесении с болезнью горла, единичен, связь этих образов и слов вполне релевантна. Она проявляется как в текстах, так и в системе языка.

Если говорить о фольклорных текстах¹¹, то *дуплистый дуб* или *дупло дуба* фигурируют в разных жанрах: в заговорах («Іді собі, бех, на

¹⁰ Так, удовольствие от выпивки выражается через мотив прохода / пробега Христа / Бога по горлу, например, в выражениях типа *как Христос по горлышку прокатился* (о них см. в [Кабакова 2014: 340]).

¹¹ Обсуждаемая связь характерна не только для фольклора, но и для художественной литературы, где многократно упоминается *дуплистый дуб*, *дупло дуба* и др. (достаточно того, что в словарях эти выражения приводятся в качестве примеров типовой сочетаемости к словам гнезда *дупл-*).

сібірську гору! А на сібірській горі *сібірський дуб*, а в сібірському дубові чорне дупло... Там сидить твоя мати, змія Коропія» (Черкасский р-н) [Василенко, Шевчук 1991: 158], загадках («На поле на Арском стоит *дуб дупляной*» [СРНГ, 8: 262], сказках (так, в дупле дуба прятался царь Змиулан из сказки «Царевич и серый волк», старик из сказки «Вещий дуб») и т. д. В сказке «Никола Дуплянский» неверная жена молится дереву, где якобы живет милостивый Никола, а на самом деле с ней говорит муж, сидя на дереве — либо в дупле дуба, либо на сосне — с дуплом или без него. При этом в одних вариантах «Николу» называют *Дуплянский*, а в других — *Дубенский* [СУС 1380; ср.: Афанасьев, 3: 318; Карнаухова 2009: 246; Ончуков 1908, № 62]. Дупло дуба маркировано и в обрядности: Т. Б. Щепанская фиксировала на Кенозере (Архангельская обл., Плесецкий р-н) обыкновение называть *дубом* любое дерево с дуплом, через которое в лечебных целях принимали больных и страждущих. При этом реально такими деревьями чаще всего были сосны и ели (в силу почти полного отсутствия дубов в этой местности), хотя в заговорах, сопровождавших эти ритуалы, обычно упоминался дуб, стоящий в чистом поле [Щепанская 2003: 282–283]. У восточных и западных славян широкое распространение получила практика протаскивать больного через расщеп в стволе дуба (обычно молодого) или через дупло старого дерева, под большим корнем и даже через ветви дуба [Агапкина 2019: 67].

Если говорить о связи *дуба* и *дупла* в системе языка, то следует вспомнить показательную версию относительно происхождения самого слова *дуб* (праслав. **dǫbъ*), которая принадлежит Фальку. Согласно ей, для *дуба* следует восстановить внутреннюю форму «дерево с дуплом» (см. в [ЭССЯ, 5: 97]). В рамках настоящей статьи мы не можем подробно рассматривать этимологию слова; отметим только, что сам факт появления гипотезы Фалька (которая не стала в современной литературе самой популярной, но и не опровергается как недостоверная) симптоматичен и отражает устойчивую связку *дуб* ↔ *дупло*. Эта связь может проявляться и другими способами. Так, в гнездах *дуб-* и *дупл-* есть сходные слова, обозначающие результаты долбления — лодки, посуду и т. п.¹²; собственно *долбление* может отождествляться с *дублинием*: арх. *дубить* ‘изготавливать посредством долбления’ [СГРС, 3: 280].

¹² Например, юж., ряз., дон., азов., арх. *дуб* ‘род долбленной лодки, челна, судна’ [СРНГ, 8: 232], арх. *дублёнка* ‘выдолбленная из целого бревна лодка’, ‘выдолбленный из дерева предмет посуды’ [АОС, 12: 333–334], пск. *дубица* ‘долбленная лодка’, ‘выдолбленное из дерева корыто’ [ПОС, 10: 30], арх., влг. *дупелька*, *дупля*, влг. *дуплянка* ‘сосуд (ведро, кадка и т. п.), выдолбленный из дуплистого дерева’ [СГРС, 3: 286–287], брян. *дупляк* ‘улей, выдолбленный из дуплистого дерева’ [СБГ, 5: 46] и мн. др.

Если *дуб* обозначает кору, то и в гнезде *дупл-* появляется семантика коры¹³: это естественно, поскольку кору легче снять с подсохшего дерева. Разумеется, значима и фонетическая близость *дуб-* и *дупл-*: курск. *дублястый* 'дуплистый': «Велик пень, да дубляст, мал золотник, да дорог» [СРНГ, 8: 237], ворон. *дубло* 'дупло' [СВорГ, 2: 213] и мн. др.

Для демонстрации этой связи позволим себе привести еще один пример, который, казалось бы, уводит от основной темы, но вместе с тем поучителен в контексте нашей работы, поскольку связан тоже с композитом, образованным с участием основы *дуб-* (и соматизма *нос*). В русском литературном языке есть слово *дубонос*, обозначающее птицу из семейства вьюрков с большим конусовидным клювом (ср. вост.-казах. *толстоноска* 'то же' [СРНГ, 44: 211]). В говорах это слово может обозначать и других птиц, ср. курск. *дубонос* 'дятел': «Слышно, как дубонос стучит по дереву» [Хильманович 2017: 80]. Изначально этот орнитоним явно мотивирован представлением о «дубовости» (= массивности, крепости) носа птицы. Однако крепость клюва обеспечивает и другое его свойство: с его помощью птица легко щелкает косточки плодов и ягод и долбит кору, добывая из-под нее насекомых. Вероятно, поэтому на юге Костромской обл. дубоноса зовут также *дуплонос* [ЛКТЭ]¹⁴. Таким образом, «дубовая» мотивация названия птицы легко переходит в «дуплиную».

Итак, обнаруживается теснейшее переплетение «дубовых» и «дуплиных» мотивов в языке, фольклоре и обрядности, причем связь с *дуплом* имеют оба основных значения слова *дуб* — и 'дерево', и 'кора'. Отсюда вытекает, что *дуб* может восприниматься как имеющий «глотку» — *дупло*, куда отсылаются болезни. Но это явно не единственная мотивационная возможность для слова *дубоглот*.

▪ Укажем еще на одну возможность истолкования первого элемента *дуб-* в составе композита *дубоглот* — возможность, которая имеет отношение к народному пониманию природы горловых болезней. Дело в том, что в ряде заговоров болезни горла (как и кожные болезни) ассоциируются с деревом, растением или чем-то похожим на растение, с тем, что разрастается, пускает корни и таким образом захватывает горло, перекрывает его, мешает свободе дыхания. Порой об этом говорится совершенно определенно, как, например, в заговорах от жабы-ангины:

¹³ Ср. пск. *дуплиница* 'кора дерева, снятая в виде цилиндра' [ПОС, 10: 45], арх. *дупло* 'береста, снятая в форме цилиндра со срубленного дерева и употребляемая для изготовления короба' [СРНГ, 8: 260], арх. *дупельце*, *дуплё* 'кора и верхний слой древесины выгнувшего изнутри дерева' [СГРС, 3: 286] и др.

¹⁴ Есть еще слово *дупель*, обозначающее болотного бекаса (и являющееся при этом немецким заимствованием). Характерно, что при осмыслении свойств дупеля языковое сознание связывает его название с *дуплом*: пск. «Дупель, птичка такая е, носом выдалбливае» [ПОС, 10: 44].

«Жаба, не боли, листьа не распускай, рабе божьей... не коли, не боли» (Верхний Дон) [Тимофеев 2013: 189]; «На зарю гляжу, жабу режу со всеми корнями, со всеми цветами [...]» (Тверская обл.) [Белова, Петров 2010: 52], ср.: «Когда у человека глотку заложит, что и дыхнуть нельзя [то читают]: “На кияне, на море, на острове, на бережку выростала тросьць из земли до неба. Кто тую тросьць вырвецъ? А вырвецъ ту тросьць Михаил Архангел [...]”» (Смоленская губ.) [Шейн 1893: 543]. Представление о разрастании опухоли фиксируется не только в фольклорном тексте, но и в системе языка (по отношению к опухолям разных видов, ср., к примеру, арх. *шипичий куст* ‘бородавки’ [СРГК, 6: 872]).

Есть еще один поворот образа: не только болезнь горла может представляться в виде дерева, но дерево в фольклорной образности привлекается для того, чтобы «продрать», прочистить горло. Ср. мотив глотания дерева в заговоре из Восточной Сибири: «Матушка сосна, святое дерево [...] Проглочу я тебя с вершины до корня, продери мое горло дочиста [...]» [Красноженова 1911: 70]. Вторая часть формулы «продери мое горло дочиста» могла возникнуть как попытка осмыслить и прояснить «темный» и малопонятный мотив «глотания дерева».

Иными словами, нельзя исключать, что древесно-растительный образ горлового недуга если и не мотивировал *дуб* — как первую часть композита *дубоглот*, обозначающего этот недуг, то во всяком случае «поддерживал» его; зеркальное переворачивание образа дает восприятие дерева с ветками как своего рода «ершика» для прочистки горла.

▪ На уровне системы языка существует многократно и разнообразно фиксируемая связь обозначений древесной коры (обычно с выпуклостями на ней) и выпуклостей на теле человека — опухолей, желваков и проч. В том и другом случае речь идет о заболеваниях «кожи» (дерева или человека). Помимо самого простого примера — литер. *шишка* — приведем несколько других (не пытаюсь собрать полный перечень вариантов и паспортизирующих справок: он был бы огромен). Указанные ниже слова сочетают в своих смысловых парадигмах значения ‘волдырь, опухоль’ и ‘нарост, наплыв на стволе дерева, кап’: влг. *болонб*, арх. *болдырь* [СГРС, 1: 136–137, 139–140], ср.-урал. *волдырь* [СРГСУ, 1: 76], арх., влг. *вахлыш* [СГРС, 2: 32–33], зап. *балбука* [СРНГ, 2: 78–79], ленингр. *воль* [СРНГ, 5: 83], арх., перм. *свалок* [СРНГ, 36: 208], забайк. *отпуч* [СРНГ, 24: 285], арх. *на́ростень*, арх., влг. *рог*, *натёка*, арх. *отёк* [КСГРС], перм. костр. *ки́ла*, *фуфлы́га* [ЛКТЭ] и мн. др. Показательно, что в этом сочетании значений у «древесного компонента» необязательна сема выпуклости: с опухолью на человеческом теле может сопоставляться собственно кора дерева или ее слои, ср. костр. *за́болонь* ‘опухоль, волдырь на теле’ [ЛКТЭ] при общенар. ‘молодой слой древесины, лежащий

непосредственно под корой'. Подобное сочетание значений отмечается и в гнезде *дуб-* — например, у слова *задубье*: без указ. м. 'ивовая кора, употребляемая для дубления' и олон. 'опухоль, желвак' [СРНГ, 10: 71–72]; оно же характерно для «жабьего» гнезда, ср. курск. *жаблина* 'покоробившееся место (впадина, выпуклость) в доске или дереве', костр. *жабиться* 'коробиться от жары (о дереве)' [СРНГ, 9: 50] и т. п.

Сказанное объясняет возможность использования образа дуба (в первую очередь коры) для обозначения болезней, сопровождающихся опухолью (что, разумеется, характерно для ангины). *Глот*, как мы помним, может восприниматься как естественная человеческая способность глотать; у дуба ее нет, поскольку его кора воспринимается как опухоль. Отсюда логика текстов типа «Дуб, возьми **свой** дубоглот».

Слово *дубоглот* в тексте:

текстовые проекции на семантику лексемы

В том типе заговорных текстов, где встречается слово *дубоглот*, нередко проявляется инерция повтора (о механизмах инерции в заговорах см. в [Толстая 2005]). В частности, такая инерция характерна для формулы «Х, возьми [свой, мой] У».

Повторы в рамках этой формулы бывают разные, причем отдельные виды повторов могут комбинироваться друг с другом:

- Фонетический: «Положить больного через порог, на спину — березовый веник, топором (острым концом) постучать и сказать: *Тын, тын*, возьми свой *утин*» [Аникин 1998, № 1495]; «*Овин, овин*, возьми мой *утин* и будешь стоять не *один*» [СРНГ, 48: 159]; «Ходить взад и вперёд с рибенкам и вот в дверь: “*Крюк, крюк*, вазьми (там с Дуни иль с какова с Мити) *крик*”» [Морозов et al. 2001: 256].

- Словообразовательный: «У, дуб-дубище, возьми свое зубище» [Аникин 1998, № 1469]; «Оселок-оселище, возьми свою свиницу. Как коса от оселка стирается, и ты, свинья, сотришь» (от болезни *свинка*) [Бердяева 2005: 292]; «*Гади́на-гади́на*, возьми свою *жалину*» (от укуса змеи) [Мехнецов 2002: 614], «*Житина-житина*, возьми свою *жичину*» [СРНГ, 9: 190].

- Лексический: «*Заря-заряница*, возьми свою *ночницу*, на сей время, на сей час, на сию минуту» [СРНГ, 21: 303], «*Огонек, огонек*, возьми свой *огник*», «*Огонь, огонь*, возьми свой *огонник*, оставь рабе Марье чистое тело» [Аникин 1998, № 1735, 1734] и др.

В подобных текстах могут встречаться характерные для логики инерции нестандартные формы, ср. хотя бы форму *огонник* из последнего примера, которая не используется, вроде бы, вне заговоров (так, в [Аникин 1998] эта лексема представлена в нескольких вариантных

заговорах, № 1732–1735). В контексте заговора нестандартная форма обычно встречается после стандартной (*огонник* после *огня*), которая выступает для нее источником, стимулом, обуславливающим фактором. В этом смысле такая форма «слабее» стандартной по своим лингвистическим свойствам (место в узусе, семантика и проч.). Отсюда допустимо предположить, что слово *дубоглот* могло быть «наведено» логикой текстовой инерции: «сильное» слово в тексте — *дуб*, а *дубоглот* в этом случае — «наведенная» лексема, обозначающая нежелательное состояние, которое «делегируется» дубу.

Эта версия подтверждается тем, что у *дубоглота* есть одноструктурные образования, встречающиеся исключительно в заговорном контексте. Эти образования представляют собой варианты *дубоглота*, причем варьирует как первая, так и вторая часть композита.

Одноструктурные образования с заменой первой части — *жабоглот* и *мышеглот*. *Жабоглот* отмечен только в тамбовских записях: «Жаба, жаба, жабоглот, возьми себе неглоть, дай мне глот» [Лоскутова 2010: 319–320]. Зафиксирована также промежуточная на пути к *жабоглоту* конструкция *жаба-глотень*: «Тополь, тополь, сними жабу-глотень, не сымешь — она тебя проглотит» (Рязанская губ., Зарайский у.) [Попов 1903, № 91]. Интересно, что у последнего текста есть вариант, где заменен адресат: вместо *тополя*, связь которого с *жабой* совсем не ясна, появляется более обоснованная, по мнению говорящего, *лягушка*, «наведенная» словом *жаба*: «Лягушка, лягушка, сними жабу-глотень, не снимешь — она тебя проглотит» (Рязанская губ., Зарайский у.) [ibid. № 92]. Что касается *мышеглота*, то он записан в Томской губ.: «“Жаба, жаба! Отдай мое горло, возьми свой *мышеглот*”. Заговор читать в доме, вода больным местом по краю печки» [Липинская 1998: 496, № 49]. Если *жабоглот* объясняется наличием горловой *жабы*, то как появился *мышеглот*? Интересно, что образ мыши — как и жабы — встречается для обозначения рта, ср. рус. орл. *мышка* ‘рот’ — «Ты возьми у мышку воды» [СОГ, 6: 163]. Этот факт единичен¹⁵, но, думается, неслучаен, поскольку мышь, как и жаба, символизирует прожорливость, а лучший инструмент такой символизации — образ открытой пасти (рта)¹⁶.

Одноструктурное по отношению к *дубоглоту* образование с заменой второго компонента — *дубохватыло*. Это слово, обозначающее

¹⁵ Мы обращали на него внимание в [Березович 2007: 315]; сейчас высказанная в этой работе версия становится более убедительной вследствие обнаружения *мышеглота*.

¹⁶ Стоит отметить, что слова *жаба* и *мышь*, выступая как обозначения опухолей, имеют семантику «разрастания» — так же, как и продолжения корня *дуб-*. К примеру, наблюдается акцентирование некоторой соматической (анатомической) чрезмерности в значениях таких слов, как арх. *дубовой* ‘широкоплечий’ [АОС 12: 335], пск., твер. *дубонос* ‘человек с большим носом’ [СРНГ 8: 239] и др.

коклюш, сопровождаемый сильным кашлем, зафиксировано в заговорной формуле «Дубло, дубло, возьми свое *дубохватыло* с рожденного, с крещеного, с молитвенного!» (Владимирская обл.) [Добровольская et al. 2001: 224]. Слово *дубохватыло* служит хорошим примером именно текстовой «наводки», поскольку возникло скорее всего в результате разворачивания текста: сначала появляется слово *возьми*, «передающее» болезнь от человека дубу, а затем — некое квазиобразование, первый корень которого указывает на адресата отсылки (*дуб*), а второй — на действие, синонимичное тому, что обозначено в глаголе *возьми*, — *хватать*. Никакого «самостоятельного» (внетекстового) значения, как кажется, у этого слова нет.

Слово *дубоглот* в системе языка: семантика конструкции

Двукорневое слово *дубоглот* реализует, как говорилось выше, скорее всего глагольно-именную конструкцию: *дуб* + *глотать*. Особенности русского словообразования допускают разное прочтение подобных конструкций. Наиболее распространенный вариант прочтения предполагает препозицию объекта действия («тот, кто глотает дуб»), однако возможно и такое прочтение, когда препозицию занимает субъект действия («дуб глотает»). Известен не один лексический пример, демонстрирующий проявление различных субъектно-объектных отношений в рамках подобных конструкций. Ср. литер. *куроед* 'тот, кто поедает кур', тул. *куроédка* 'хорь, норка' — объектные композиты (именной компонент указывает на объект поедания), в то время как нижегор. *куроéd* 'растение гусиная трава' — субъектный композит (отражено указание на субъекта поедания) [Воронцова, Галинова 2017: 455]. Нельзя исключить и прочтения конструкции как атрибутивной: *дубовый* + *глотка*. О релевантности такого прочтения говорит хотя бы пример «Дуб, дубовик, осинок, осина, сойдитесь, возьмите свой кашель глазной и налетный от раба божьего» (см. выше): текст приписывает дубу свой (= *дубовый*) кашель.

Такая словообразовательная многозначность конструкции обеспечивает не только возможность разных ее интерпретаций исследователем, но и вероятность разного восприятия и «пересоздания» конструкции носителями традиции в ходе ее функционирования. Один тот факт, что *дубоглот* мыслится то как принадлежащий дубу («свой» для дуба), то как собственность имярека («мой»), говорит о варьировании субъектно-объектных отношений в исследуемых заговорах. Варьирование объясняется как текстовой инерцией (см. выше), так и самой логикой конструкции.

* * *

Первый вопрос, которым задаешься при знакомстве с изложенным выше материалом, состоит в том, что является в данном случае первичным, — слово-компонит *дубоглот* или заговор. Иначе говоря, разворачивается ли компонент *дубоглот* в фольклорный мотив «Дуб, я тебя проглочу», или, напротив, этот мотив сворачивается до слова *дубоглот*.

Как уже отмечалось, вне фольклорного контекста слово *дубоглот* малоизвестно, и его собственно диалектное, принадлежащее обиходной речи употребление (достаточно узкое, поскольку контексты типа дон. «Дубаглот, када глотка балить» единичны) с большой долей вероятности может оказаться вторичным по отношению к собственно фольклорному. Если принять эту версию, то следует думать о следующих путях появления слова. Формула «X, возьми свой Y», в рамках которой X может быть семантически сильнее Y (поскольку Y больше, чем X, подвержен действию законов заговорной инерции), обращена изначально к дубу как к удобному «восприемнику» болезней, изгоняемых из пространства говорящего. Слово же *дубоглот* «наведено» логикой разворачивания текста: это тот «дубовый глот» (если понимать *глот* как способность собственно глотать), который должен принадлежать дубу, а не больному человеку.

Безусловно, творение слова в рамках заговорной конструкции поддерживается теми возможностями, которые заложены в системе языка. Во-первых, это образ дубовой «пасти» (глотки), который формируется на основе естественных свойств и особенностей дуба (в старых дубах часто бывают дупла) и закрепляется если не во внутренней форме слова (это спорный вопрос), то в устойчивой сочетаемости *дуб* ↔ *дупло*, а также поддерживается на синхронном уровне фонетической близостью этих слов. Образ дерева, во-вторых, имеет еще одну грань: «картинка», рисуемая в сознании человека корни дерева и его крону, проецируется на представление о «разрастании» опухоли (в том числе в горле); корни и крона дерева одновременно как бы являются и «инструментом» для прочистки горла. Еще одна грань образа связана с тем, как видятся носители языка свойства коры: есть продуктивная для русского языка модель, закрепляющая связь обозначений древесной (дубовой) коры и опухолей на теле человека (в т. ч. опухолей горла); сама же дубовая кора — вообще «архетип» коры, жесткой, шершавой, обдираемой с поверхности дерева (что соответствует «дерущим» ощущениям при боли в горле).

Думается, что указанные грани образа нет смысла «ранжировать» по степени значимости (т. е. пытаться выстроить в определенной последовательности с точки зрения вероятности того или иного поворота). Языковая метафора, как известно, — принципиально многогранный и комплексный феномен, что ярко проявляется в случае слова *дубоглот*.

Если даже принять какой-то из предложенных вариантов за исходный, то надо признать, что в дальнейшем, по мере распространения, заговорные формулы «проигрывали» в своем пространстве и другие способы прочтения внутренней формы *дубоглота*, акцентируясь то на мотиве глотания / поедания дуба, то на мотиве прочищения горла и т. д.

Таким образом, образ дуба и мотив глотания соединяют в нечто целое слово, текст и ритуал. В этом видятся особенности реализации **мифопоэтической мотивации** фольклорного слова, которая не может быть прочтена на основе простого логически выверенного решения вопроса о том, кто кого глотает. Такой семантикой характеризуются и текстовые аналоги *дубоглота* — *жабоглот* и *мышеглот*. Удивительно (и в то же время неудивительно) то, что оба производящих слова (*жаба* и *мышь*) содержат в своем семантико-словообразовательном гнезде, помимо значения прожорливого животного, значение собственно рта / пасти и разного рода опухолей¹⁷. Это доказательно укрепляет наш вариант интерпретации тех смыслов, которые составляют мотивационный фундамент слова *дубоглот*.

Разбирая мотивацию диалектного выражения *лито-накапано* (и подобных) 'о людях, похожих друг на друга' и связывая его (в числе прочего) с магической практикой выливания или выкапывания воска для воссоздания облика человека, С. М. Толстая замечает, что изучаемые слова и выражения «обнаружили [...] множественные переплетения и представляли в виде некоего запутанного семантического "клубка". Из этого клубка пока удастся вытянуть только отдельные концы» [Толстая 2008: 317]. История с *дубоглотом* примерно такая же: клубок смыслов с отдельными «концами». В будущем, когда удастся проанализировать больше таких примеров, можно будет более уверенно выстраивать модели формирования и развития семантики для слов с мифопоэтической мотивацией.

Сокращения архивных хранилищ и словарных картотек

АрхРАН, СПб — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Санкт-Петербург).

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НА РГО — Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург).

¹⁷ Относительно *жабы* указанные значения можно посмотреть в [Березович 2007: 313–316]; что касается *мышь*, то ср. свердл., казан., перм., сиб., тюмен., кемер., новосиб., том., литов., латв. *мышка* 'опухоль, воспаление подчелюстных желез у лошади', перм., том. *мышьяк* 'болезнь, фурункул', вят. *мыши* 'опухоль (у животных)' и др. [СРНГ, 19: 70–71].

Источники

Аникин 1998

Аникин В. П., ред., *Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.*, Москва, 1998.

АОС, 1–20–

Гецова О. Г., ред., *Архангельский областной словарь*, 1–20–, Москва, 1980–2019–.

Афанасьев, 1–3

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1–3, Москва, 1984–1985.

Бердяева 2005

Бердяева О., сост., *Фольклор Новгородской области: история и современность*, Москва, 2005.

БТСДК

Большой толковый словарь донского казачества: Около 18 000 слов и устойчивых словосочетаний, Москва, 2003.

Василенко, Шевчук 1991

Василенко М. Г., Шевчук Т. М., упор., *Ви, зорі-зориці...: Українська народна магична поезія (Замовляння)*, Київ, 1991.

Вердеревская, Разживин 1996

Вердеревская Н. А., Разживин А. И., *Заговоры*, Елабуга, 1996.

Горбунов 1894

Горбунов Я., Село Романовское, *Оренбургский край*, 200, 1894, 2–3.

Даль, 1–4

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, С.-Петербург, Москва, 1882.

ДО

Дополнение к опыту областного великорусского словаря, С.-Петербург, 1858.

Добровольская et al. 2001

Добровольская В. Е., Морозов И. А., Смолицкий В. Г., сост., *Фольклор Судогодского края*, Москва, 2001.

Ивашенко 1878

Ивашенко П., Шептанья. Приложение к реферату: «Следы языческих верований в южнорусских шептаньях», *Труды 3-го Археологического съезда в 1874 г.*, 2, Киев, 1878, 171–181.

Инсаров 1862

Инсаров А., Несколько страниц из записок лекаря, *Время*, 10, 1862, 261–313.

Карнаухова 2009

Сказки и предания Северного края: В записях И. В. Карнауховой, Москва, 2009.

Красноженова 1911

Красноженова М., Материалы по народной медицине Енисейской губернии, *Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества*, 42, 1911, 65–86.

Кузнецова 1997

Кузнецова В. С., науч. ред., *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни и заговоры* (= Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, 13), Новосибирск, 1997.

Липинская 1998

Липинская В. А., подг. текста, предисл., терминолог. словарь, Заговоры, молитвы и охранительные списки русского населения юга Западной Сибири, Л. В. Данилова, А. К. Соколов, *Традиционный опыт природопользования в России*, Москва, 1998, 480–526.

Майков 1992

Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова, А. К. Байбурин, послесл., примеч. и подг. текста, С.-Петербург, Париж, 1992.

Малеча, 1–4

Малеча Н. М., *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*, 1–4, Оренбург, 2002–2003.

Мансуров 1930

Мансуров А. А., Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края, 4, *Труды Общества исследователей Рязанского края*, 39, Рязань, 1930.

Меликов

НА РГО, Р-XXXVI, № 56, Меликов П., Народные предания и памятники с. Тростянка Балашовского уезда, 1855.

Мехнецов 2002

Мехнецов А. М., сост., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., отв. ред., *Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиц. материалов*, 2, Псков, 2002.

Морозов et al. 2001

Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н., авт.-сост., *Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь*, Рязань, 2001.

Ончуков 1908

Ончуков Н. Е., сост., *Северные сказки*, С.-Петербург, 1908.

Ордин

НА РГО, Р-VII, № 44, Ордин Н., Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде, 1887.

Перетц 1914

Перетц В. Н., *Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин 18–20 февраля 1914 г.*, Киев, 1914.

Попов 1903

Попов Г. И., *Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева*, С.-Петербург, 1903.

ПОС, 1–26–

Псковский областной словарь с историческими данными, 1–26–, Ленинград, С.-Петербург, 1967–2016–.

Розанов

НА РГО, Р-XXXVI, № 48, Розанов А. И., Простонародная медицина в Саратовском уезде, 1889.

Романов 1891

Романов Е. Р., *Белорусский сборник*, 5, Витебск, 1891.

СБГ, 1–5–

Словарь брянских говоров, 1–5–, Ленинград, 1976–1988–.

СВорГ, 1–3–

Словарь воронежских говоров, Г. Ф. Ковалев, науч. ред., 1–3–, Воронеж, 2004–.

СГРС, 1–7–

Словарь говоров Русского Севера, А. К. Матвеев, М. Э. Рут, отв. ред., 1–7–, Екатеринбург, 2001–2018–.

Селиванов 1886

Селиванов А. И., Этнографические очерки Воронежской губернии, *Воронежский юбилейный сб. в память трехсотлетия г. Воронежа*, 2, Воронеж, 1886, 69–116.

Сибирска вольгота

Русско-сибирский словарь, *Сибирска вольгота* (http://volgota.com/sites/default/files/siberian_dictionary.doc).

- СКГ, 1–5–
Словарь курских говоров, 1–5–, Курск, 2004–2014–.
- СОГ, 1–16–
Словарь орловских говоров, Т. В. Бахвалова, ред., 1–16–, Ярославль, Орел, 1989–2016–.
- СРГК, 1–6
Герд А. С., ред., *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, 1–6, С.-Петербург, 1994–2005.
- СРГСУ, 1–7
Словарь русских говоров Среднего Урала, 1–7, Свердловск, 1964–1988.
- СРНГ, 1–47–
Филин Ф. П., Сороколетов Ф.Ф., Мызников С.А., ред., *Словарь русских народных говоров*, 1–47–, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2014–.
- Тимофеев 2013
Тимофеев П. Т., ред., *Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг., Донецк, 2013.*
- Тростянский, Гришкин 1916
Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губернии по поручению императорской АН В. И. Тростянским, И. Гришкиным и др., А. А. Шахматов, подг. к печати, примеч., *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, 95, 1, С.-Петербург, 1916, 125–158.
- Харламов 1901
Харламов М., Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Ейске, *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*, 29, 3, Тифлис, 1901, 1–48.
- Хильманович 2017
Хильманович Г. И., *Словарь курских народных говоров*, Бирск, 2017.
- Шейн 1893
Шейн П. В., *Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края*, 2, С.-Петербург, 1893.
- ЭССЯ, 1–41–
Трубачев О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 1–41–, Москва, 1974–2018–.
- Podbereski 1880
Podbereski A., *Materiały do demonologii ludu Ukraińskiego, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, 4, 1880, 3–82.
- Talko-Hryncewicz 1893
Talko-Hryncewicz J., *Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej*, Kraków, 1893.

Литература

- Агапкина 2019
Агапкина Т. А., *Деревья в славянской народной традиции. Очерки*, Москва, 2019.
- Белова, Петров 2010
Белова Т. В., Петров А. А., «Свое» и «чужое» болото в фольклорных текстах, *Русское болото: между природой и культурой. Материалы международной конференции*, Тверь, 2010, 52–59.
- Березович 2007
Березович Е. Л., *Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования*, Москва, 2007.

Валодзіна 2009

Валодзіна Т. В., *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, Мінск, 2009.

Володина 2013

Володина Т. В., Зубищи, теменник, теменной зуб: опыт этномедицинского исследования, *Palaeoslavica*, 21/1, 2013, 58–86.

Воронцова, Галинова 2017

Воронцова Ю. Б., Галинова Н. В., К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии), *В созвездии слов и имен: Сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут*, Е. Л. Березович, отв. ред., Т. Н. Дмитриева et al., ред., Екатеринбург, 2017, 453–466.

Иванов, Топоров 1965

Иванов В. В., Топоров В. Н., *Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период*, Москва, 1965.

Кабакова 2015

Кабакова Г. И., *Русские традиции застолья и гостеприимства*, Москва, 2015.

Колосько 2010

Колосько Е. В., Метафорический перенос «растение – человек» в русских народных говорах, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований*, 6/1 (= В. Б. Колосова, отв. ред., *Этноботаника: растения в языке и культуре*), С.-Петербург, 2010, 69–77.

Костина 2008

Костина Л. Ю., *Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края: структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты*, (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, 2008).

Лоскутова 2010

Лоскутова Д. Н., *Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области*, (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, 2010).

Мадлевская 2007

Мадлевская Е. Л., сост., *Русская мифология. Энциклопедия*, Москва, 2007.

Меркулова 1963

Меркулова В. А., Слав. *žab-; праслав. *žagovъjъ 'высокий, прямой', *Этимология*, Москва, 1963, 72–80.

СУС

Бараг Л. Г. et al., сост., *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*, Ленинград, 1979.

Толстая 2005

Толстая С. М., Ритм и инерция в структуре заговорного текста, Л. Г. Невская, ред., *Заговорный текст. Генезис и структура*, Москва, 2005, 292–308.

——— 2008

Толстая С. М., *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Москва, 2008.

Щепанская 2003

Щепанская Т. Б., *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.*, Москва, 2003.

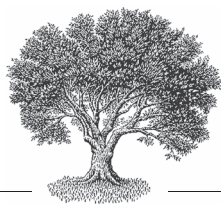
References

- Agapkina T. A., *Trees in Slavic tradition. Essays*, Moscow, 2019.
- Anikin V. P., ed., *Russkie zagovory i zaklinaniia. Materialy fol'klornykh ekspeditsii 1953–1993 gg.*, Moscow, 1998.
- Baiburin A. K., ed., *Velikorusskie zaklinaniia: Sbornik L. N. Maikova*, St. Petersburg, Paris, 1992.
- Belova T. V., Petrov A. A., «Svoe» i «chuzhoe» boloto v fol'klornykh tekstakh, *The Russian peatbog: between the nature and the culture. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Tver, 2010, 52–59.
- Berdyayeva O., ed., *Fol'klor Novgorodskoi oblasti: istoriia i sovremennost'*, Moscow, 2005.
- Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia*, Moscow, 2007.
- Dobrovolskaya V. E., Morozov I. A., Smolitskii V. G., eds., *Fol'klor Sudogodskogo kraia*, Moscow, 2001.
- Ivanov V. V., Toporov V. N., *Slavianskie iazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy. Drevnii period*, Moscow, 1965.
- Kabakova G. I., *Russian traditions of feast and hospitality*, Moscow, 2015.
- Kolosjko E. V., On “plant – man” metaphorical transferences in Russian dialects, *Acta linguistica Petropolitana – Trudy Instituta lingvistikeskikh issledovanij*, 6/1 (= V. B. Kolosova, ed., *Ethnobotanika: Plants in Language and Culture*), 2010, 69–77.
- Kuznetsova V. P., ed., *The Russian Calendar and Ritual Folklore of Siberia and the Far East. Songs. Charms and Spells* (= Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka, 13), Novosibirsk, 1997.
- Lipinskaya V. A., ed., *Zagovory, molitvy i okhranitel'nye spiski russkogo naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri*, L. V. Danilova, A. K. Sokolova, *Traditional experience in the treatment of nature in Russia*, Moscow, 1998, 480–526.
- Madlevskaia E. L., ed., *Russkaia mifologiya. Entsiklopediia*, Moscow, 2007.
- Mansurov A. A., *Opisanie rukopisei etnologicheskogo arkhiva Obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia*, 4, *Trudy Obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia*, 39, Ryazan, 1930.
- Mekhnetsov A. M., Valevskaia E. A., Lobkova G. V., eds., *Narodnaia traditsionnaia kul'tura Pskovskoi oblasti: obzor ekspeditsionnykh materialov*, 2, Pskov, 2002.
- Merkulova V. A., Slav. *žab-; praslav. *žarov“j” ‘vysokii, priamoi’, *Etimologiya*, Moscow, 1963, 72–80.
- Shchepanskaia T. B., *Kul'tura dorogi v russkoi miforital'noi traditsii XIX–XX vv.*, Moscow, 2003.
- Timofeev P. T., ed., *Results of international students' folk-ethnical field studies carried out by Donetsk national university in Verkhonii Don (Volgograd and Rostov regions: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012)*, Donetsk, 2013.
- Tolstaya S. M., *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshch斯拉vianskoi perspektive*, Moscow, 2008.
- Tolstaya S. M., Ritm i inertsii v strukture zagovornogo teksta, L. G. Nevskaja, ed., *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura*, Moscow, 2005, 292–308.
- Valodzina T. V., *Zubishchi, temennik, temennoi zub: opyt etnomeditsinskogo issledovaniia*, *Palaeoslavica*, 21/1, 2013, 58–86.
- Valodzina T. V., *Tsela chalaveka: slova, mif, rytual*, Minsk, 2009.
- Vasylenka M. H., Shevchuk T. M., eds., *Vy, zori zorytsi. Ukraïns'ka narodna mahichna poeziia (Zamovliannia)*, Kiev, 1991.
- Verderevskaia N. A., Razzhivin A. I., *Zagovory. Posobie po folkloru*, Elabuga, 1996.
- Vorontsova Y. B., Galinova N. V., On the motivation of compounds formed from verbs designating eating (with reference to Russian lexis and anthropology), *V sozvezdii slov i imen: Sbornik nauchnykh statei k iubileiu Marii Eduardovny Rut*, E. L. Berezovich, T. N. Dmitrieva, eds., Yekaterinburg, 2017, 453–466.

Татьяна Алексеевна Агапкина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Москва, Ленинский пр., 32а.
Россия / Russia
agapi-t@yandex.ru

Елена Львовна Березович, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 306.
Россия / Russia
berezovich@yandex.ru

Received January 12, 2020

Календарная обрядность украинцев Боснии и Герцеговины: этнолингвистический аспект

Calendrical Rites of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina: The Ethnolinguistic Aspect

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Gleb P. Pilipenko

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье впервые рассматриваются обряды и обычаи календарного цикла украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине, а также лексика традиционной культуры, связанная с календарной обрядностью. Материалом для статьи послужили собственные полевые данные автора, использовалась также лингвистическая, этнографическая и этнолингвистическая литература. Календарные традиции и лексика традиционной культуры украинцев Боснии и Герцеговины представляют для контактологических лингвистических и этнолингвистических исследований большой интерес, поскольку являются одним из немногих примеров функционирования восточнославянского анклава в окружении южных славян. Украинские обычаи, несмотря на более чем вековое изолированное существование в окружении южнославянских соседей, сохраняются и становятся маркером культурной идентичности данного этнического меньшинства в Боснии и Герцеговине. Влияние местных

Цитирование: Пилипенко Г. П. Календарная обрядность украинцев Боснии и Герцеговины: этнолингвистический аспект // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 338–371.

Citation: Pilipenko G. P. (2020) Calendrical Rites of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina: The Ethnolinguistic Aspect. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 338–371.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.15

христианских традиций не настолько сильно, больше всего оно проявляется в сфере языка при заимствовании культурных реалий. Установлено, что определенные обычаи являются типологически общими для изучаемой западноукраинской и южнославянских традиций, при этом данная общность была характерна еще до миграции украинцев на Балканы. Выявлены также внутрилокальные отличия в традициях и лексике украинцев Боснии и Герцеговины, обусловленные разными зонами исходной миграции.

Ключевые слова

украинский язык, традиционная культура, диалект, переселенческий говор, календарная обрядность, Босния и Герцеговина, сербский язык, контакты, Галиция, обряды, лексика, заимствования, грекокатолики, православные, полевое исследование

Abstract

The paper discusses the rites and customs of the calendrical cycle of Ukrainians living in Bosnia and Herzegovina, as well as the vocabulary of the traditional culture associated with calendrical rites. The paper is based on the author's own field data and linguistic, ethnographic and ethnolinguistic literature. Calendrical traditions and vocabulary of the traditional culture of the Ukrainians in Bosnia and Herzegovina are of great interest for contact linguistic and ethnolinguistic studies, since they are one of the few examples of the Eastern Slavic enclave surrounded by Southern Slavs. Ukrainian customs survive, despite more than a century of isolated existence among South Slavic neighbours, and become an important marker of the minority's cultural identity in Bosnia and Herzegovina. The influence of the local Christian traditions is not very strong, being most evident in the language sphere in borrowed realia. Certain customs are shown to be typologically common to the Western Ukrainian and South Slavic traditions, with this commonality dating back to before the migration of Ukrainians to the Balkans. Also revealed are intra-local differences in the traditions and vocabulary of the Ukrainians in Bosnia and Herzegovina, related to different zones of the original migration.

Keywords

Ukrainian language, traditional culture, dialect, migrant dialect, calendrical rites, Bosnia and Herzegovina, Serbian language, contacts, Galicia, rites, vocabulary, borrowings, Greek Catholics, Orthodox Christians, field research

О.О. Украинцы проживают на севере Боснии и Герцеговины в окрестностях Баня-Луки, Пнявора, Приедора и Градишки (Республика Сербская). Это потомки переселенцев из Галиции, мигрировавших на эти земли в конце XIX — начале XX в. под влиянием политики Австро-Венгрии по колонизации оккупированного в 1878 г. края. Носителей украинского языка, поднестровского и южноволынского диалектов юго-западного наречия [Токар 2004: 731], проживающих сегодня среди сер-

бов, бошняков и хорватов, насчитывается 987 [Врањеш et al. 2017: 64–65]. Среди них распространен поднестрровский диалект юго-западного наречия. Большинство принадлежит к грекокатолической церкви, есть также небольшая группа православных украинцев.

В 70-е гг. XX в. среди украинцев Боснии работала Н. Я. Токар, составившая первое описание говора [Токар 1991; Eadem 2004]. Выходили работы по истории переселения [Румянцев 2008], географической характеристике общины [Мишлицки 2008; Медар-Тањга, Мишлицки 2007], системе образования [Vasilijević 2017]. Из работ, посвященных традиционной культуре украинцев, можно отметить исследование свадебных песен [Boychuk 2007], а также статью о свадебной обрядности [Пилипенко 2017]. Отрывочные и очень краткие сведения по календарной обрядности украинцев находим у [Дрљача 1985: 91]. Комплексных исследований по календарной обрядности боснийских украинцев в этнолингвистическом аспекте до сих пор не проводилось. В настоящей статье рассматриваются праздники, обычаи и обряды календарного цикла, записанные в полевых условиях в 2016–2019 гг. от украинцев Боснии и Герцеговины, грекокатоликов и православных. Также анализируются термины традиционной духовной культуры, связанные с календарной обрядностью. Собранные полевые данные сопоставляются с материалом в исходном регионе миграции, сопредельных западных украинских регионах, а также — с южнославянскими этнолингвистическими сведениями.

1.0. В Сербской православной церкви и в грекокатолической церкви на территории Боснии и Герцеговины используется юлианский календарь. Цикл зимних праздников начинается со **Введения** (Введение во храм Пресвятой Богородицы (4.12)) (*uvedénije, na s'v'áto uvedénija* (L), *na uvedénije* (Pr)). В этот день тот, кто первым встал рано утром, пока все спят, должен был привести в дом животное (*prynésty, alé múški! kotrús' žyvótin'u do xáty*) (L) — «полазника». Оно должно было принести удачу. Украинская лексема для «полазника» не зафиксирована, информанты используют сербское слово *položajnik*¹ (у южных славян в северо-восточной Боснии распространен также термин *položaj* [Filipović 1969: 102, 139]). В дом заносили, как правило, теленка или ягненка. Однако по свидетельству информанта из Лишни, можно было поймать и занести даже собаку, главное, чтобы животное было мужского пола. В селе

¹ В словаре говора Поткозарья зафиксировано слово *положник* [Далмација 2004: 202]. В сербском языке также существует слово *polaznik*, по семантике и внешней форме совпадающее с украинским словом материнского ареала украинцев [РСХЈ 4: 642].

Просьек в этот день смотрели, кто будет первым посетителем: если придет женщина, то в хозяйстве будут рождаться куры и другие животные женского пола (*jak prýjde ž'inka to bdut kúry žén'ski i ws'o žén'ske*). На территории Галиции (Грабовец, СТ) полазником считалось животное, которое приводили в дом в Сочельник: *те'л'атко ма'лен'к'е — па'лазник* [ГПЗНУ 2000: 129], в селе Тухолька (СК) *по'лазни'к* — мужчина/человек — приходил на день св. Василия [ГПЗНУ 2005: 147], на Введение (*ўве'ден'ііе*) женщин в дом не пускали — это предвещало беду (Загорочка (ЖД) [Ibid.: 84–85]). В украинской традиции в этот день вводили в дом яловую корову или бычка, а также гадали по первому посетителю о будущем годе [Толстая 1995б: 293]. Иногда вводили и коня; скотину кормили и поили, чтобы она хорошо велась [Копержинский² 1929: 41; Курочкин 2000: 396]. Про зооморфного и антропоморфного полазника в украинской традиции в рамках карпато-балканского ареала подробно пишет В. В. Усачева [Усачева 2008].

2.0. С **Днем св. Андрея** (13.12) (*Andréj, na Andréja*) были связаны гадания девушек о будущем замужестве. Вечером они вместе шли на реку, где набирали в рот воды, которую затем приносили в дом (*i tré'ba ixtý'e, pótik po vódu, i prý'sku prynésty wodý'e*) (Pr) (ср. [Копержинский 1929: 67]). Парни подкарауливали девушек и старались их рассмешить, чтобы те не донесли воду. На реку ходили несколько раз, потому что необходимо было принести достаточное количество воды для замешивания теста. Из этого теста выпекали булочки (*balabónčyk*) (Pr)³, *koláčyk* (L))⁴, каждая девушка — свою; булочки выкладывали на доску в один ряд и впускали в дом собаку.

Толкование поведения животного — довольно распространенный тип гадания у славян [Виноградова 1995b: 484–485]. К. Копержинский пишет о его популярности в украинской традиции: *кличуть пса на пампушки* [Копержинский 1929: 68–69]; *балабушки* упоминаются также в [Курочкин 2000: 397]. Собака подходила к булочкам и по очереди их

² Благодарю за указание на источник д. ф. н. Т. А. Агапкину.

³ В [МСГ: 10] *балáбух* — «большой хлеб»; в [СБуг: 22], «небольшая булочка»; *балабух* — «пирог из вареной мятой картошки с молоком, запеченный на листе капусты» [СБог 1: 41]; в западнopolесских говорах *балáбуха*, *балáбушок* означает «маленькая пампушка» и в [СЗГ 1: 8] проиллюстрированы таким примером с обрядовой семантикой и указанием на День св. Андрея: «Балáбух д'іу́чата пиклі́ на Андрéйя»; *балáбух* — «еврейский калач» [Горбач 1971b: 149; Idem 1965: 25].

⁴ *Колáч* на Теревовельщине и в селе Романов Львовской области — «белый хлеб» [Горбач 1971b: 165; Idem 1965: 53]. *Колáч* фиксируется также в [СБуг: 217], и в [СБог 1: 366] — *колáч* «пасхальная булка для освящения», «ржаной хлеб», «хала». В украинском говоре Боснии и Герцеговины *koláč* также имеет значение «пирожное» (серб. *koláč* — пирожное).

обнюхивала. Девушка, чью булочку, подойдя, взяла собака, должна была первой выйти замуж (*jak kotrýj pes, vuz"mé, a v'in te n'ux-n'ux-n'ux, i toj vuz"mé, n'ux-n'ux, i toj vuz"mé! To si tag budút v'iddavály, po rédu, ta si v'iddás't' tudý, ta si v'iddás't'*) (Pr).

Также пекли большую булку (*palanýčka*) (Pr), (*pal'anýc'a*) (P)⁵, обмазывали ее медом и подвешивали к потолку. Девушки подпрыгивали, чтобы без помощи рук надкусить эту булку (название для самой игры не зафиксировано). Те, кому удавалось это сделать, должны были дома кусок булки завернуть на ночь в мужские штаны (*zróbymo tku velyku, ws"i, i wśypymo do stél'i, i skáčymo zubámy, tak nýščy* (ниже), *i v'iščépnymo zubámy, i to berémo do dómu, i zamatáty u múški štaný!*) (Pr), однако пояснить мотивировку таких действий собеседники уже не могли⁶. В Полесье известна игра «Калита»⁷ (по данным Копержинского, наибольшее распространение она имеет в регионах центральной и южной Украины, тогда как на западе встречается спорадически [Копержинский 1929: 74]): к подвешенному к потолку коржу (корж из пшеничной муки с дыркой посередине [Ibid.: 63; Курочкин 2000: 397]) играющий подъезжал на кочерге и старался укусить (*кусати калиту*). В игре могли участвовать и парни [Виноградова, Толстая 1995: 110]. Наблюдаются типологические параллели данной игры с южнославянским обычаем серб. макед. болг. (х)амка(нь)не, болг. ламкане, хлацкане⁸, когда на масленицу к потолку подвешивают разные предметы (например, яйцо, халву, пирог) и стараются ухватить их зубами. Распространен это обычай вдали от зоны расселения украинцев в Боснии: в Болгарии, Македонии, южной и юго-восточной Сербии [Плотникова 2004: 120] и призван повлиять на плодovitость скота и домашней птицы [Агапкина 1992: 88–89].

⁵ В поднестровских говорах *паланіце* — *перепічка* [НПС: 192], т. е. «поколотый ножом корж, который делается из кислого хлебного теста и печется на сковороде, намащенной маслом или салом» [СУМ 6: 251]. Для буковинских лексем *паланіца*, *паланіце*; *паланічка* (мн. ч. *паланічки*) указаны следующие значения: «корж из пресного теста, испеченный на плите», «сладкие коржи, печенье — гостинец для детей», «корж с медом и маком, которым знахарка лечит болезни желудка» [СБуг: 379]. В [МСГ: 131] — *паланіці* — «блинчик».

⁶ Мужские штаны клали под подушку, чтобы приснился вещий сон о замужестве [Виноградова 1995b: 484]. На Гуцульщине клали под голову перед сном рубашку и штаны и видели вещий сон [Копержинский 1929: 53]. Ср. ритуальную кражу предметов в гаданиях на св. Андрея [Серебрякова 2015: 1039].

⁷ В буковинских говорах *каліта* — «вид печенья, корж, посыпанный сверху сахаром» [СБуг: 183]. В словаре [СЗГ 1, 2] *каліта* встречается в толкованиях номинаций участников данной игры, напр. *Пан Калитинський* [СЗГ 2: 25] — «сторож калиты», *Пан Коцюбинський* [Ibid.: 26] — «должен был кусать калиту». В [СУМ 4: 77] *каліта* — «помазанный медом корж, который используют для гадания в день святого Андрея».

⁸ Информантам эти южнославянские лексемы не были знакомы, также не зафиксирована лексема *каліта*.

В тот же день девушки выходили во двор и считали жерди в заборе (*raxuváty kóly^eki*) (Pr), при этом приговаривали, перечисляя характеристики будущего мужа: вдовец, молодец и т. д. (*udóvéc, molodéc, za kógo s'i v'idáš, čy za vduwc'a*). Какой последним выпадет, таким и будет муж. Парни знали, что девушки будут гадать, и специально пачкали жерди. Данный тип гадания распространен практически на всей украинской территории [Копержинский 1929: 58], он известен во многих славянских традициях, например в Словакии [Виноградова 1995b: 486]. Кроме того, девушки в этот день готовили вареники (*pyrogy*) с разными необычными начинками: из красного и черного перца (*pérec*), сахара (*cúkor*). Могли даже положить грубое льняное волокно (*klóče*). У каждой девушки был вареник со своей начинкой. Затем приглашали парней и угощали их варениками. Чей вареник достанется парню, на той девушке он женится (*i prátyto my kotrýj xlópec vuz'mé m'ij pyr'ix, znáču v'iddám s'i za négo*) (Pr) (ср. у русин [Валенцова 2012: 203]).

Гадания о замужестве на св. Андрея известны, помимо славян-каатоликов, на западе восточнославянского ареала [Виноградова, Толстая 1995: 109; Курочкин 2000: 398]. Для этого дня характерны не только матримониальные гадания, но и бесчинства молодежи, которые по источникам фиксируются на исходной территории расселения, однако встречаются в ограниченном объеме у украинцев Боснии, в основном бесчинства молодежи приурочены к Пасхе (см. 8.4).

В материнских украинских говорах отмечаются формы — *Анд'рій, на Їанд'рійа* (Старая Ропа (СТ) [ГПЗНУ 2000: 40]), *ро'били Анд'рейа* (Дмитров (П) [Ibid.: 115]); форма *Andrej* повсеместно используется у украинцев Боснии, ср. серб. *Andrej*. Название девичьего гадания, заключающегося в пересчете жердей в заборе: *раху'вали 'колик'и* (Старая Ропа (СТ) [Ibid.: 40]), *раху'вали шта'х'ети* (Загорочка (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 86]). В этот вечер парни устраивали бесчинства — *з'битк'и* — везде в поднестровской диалектной зоне. Если девушка славилась дурным поведением, могли посадить коня на крышу (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 14]), а также поднять на дом телегу, туалет или флаг (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2005: 133]), снимали калитку (Бутыны (С) [ГПЗНУ 2000: 127]), кидали бочку в колодец (Потелич (Ж) [ГПЗНУ 2005: 49]), снимали ворота и мазали краской окна (Речки (Ж) [Ibid.: 56]). На Андрея приносили воду во рту для теста из трех колодцев (*ў 'нисок 'воду зи с'тудн'и*) (Зубейки (Ж) [ГПЗНУ 2000: 93]), пекли *бу'хонк'и* (Старая Ропа (СТ) [Ibid.: 40]), *ба'лабух'и* (Хотынец (ЯР) [Ibid.: 113]), *'бундзик'и* (Новоселки (Б) [Ibid.: 116]), *бала'бончик'и* (Бутыны (С) [Ibid.: 127]), *ко'лачик'и* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 32]), *анд'рійчик'и* (Речки (Ж) [Ibid.: 54]), *пи'р'иш'к'и* (Побужаны (Б) [Ibid.: 66]) и впускали собаку. Только один

раз встретилось упоминание о том, что подвешивали к потолку булку. Считалось, что та из девушек, которая откусит кусок, выйдет замуж (*нали'ниці'ї не'кли'в'ішали до'бал'ка* (Речки (Ж) [Ibid.: 54]). Упоминание вареников с необычными начинками (*с часни'ком, к'лоч'ем*) также было отмечено лишь однажды (Новая Каменка (Ж) [ГПЗНУ 2005: 40]): если кто-то из парней вытянул такой вареник, его дразнили дураком.

3.0. На **День св. Николая** (19.12) (*s'v'atýj Nykuláj, Nikoláj, Nykoláj, Myko/uláj, za M/Nyko/ulája*) дети получали подарки. Родители обычно клали их под подушку (*pakúnočk'ý/podarúnk'ý nam klály p'it pódušku*), а непослушным детям доставался прут (*ty ne buw dóbri, pryn'ís t'i prut*). Родители разбрасывали под окном конфеты и орехи и говорили, что их потерял св. Николай, когда приходил в дом. Сегодня в этот день для детей устраивают праздник: дети читают для Николая стихи и получают за это подарок. В Николая переодевался кто-то из сельских жителей. Он надевает дьяконскую далматику (*dal'mátyka ž'ákonska*), в руках у него обязательно была деревянная палка (*derewl'éna pályc'a*), на груди — протоиерейский крест (*xrest*), на голове красная шапка (*červóna šáпка*); из шерсти делали накладную белую бороду (*borodá*) и белые усы (*vúsa*).

Николай заходил в каждый дом, обычно его сопровождал крампус (*krámpus*), который пугал детей, пытаясь их ударить, а Николай их защищал (*krámpus natačáje s'a dytýnu ščéknuty čy vdáryty, a Nykuláj ne dáje bo d'ity bulý dóbri*) (BL). Информанты отмечают, что слово *крампус* пришло в украинский язык из сербского, в качестве украинского аналога они приводят слова *d'ít'ko, čort*. У крампуса на голове были рога, а в руках вилы (*rógy postávyt, vý'ela nósyt* (J)). Этот персонаж часто упоминается собеседниками во время рассказов о праздновании дня св. Николая⁹. В хорватской традиции образ крампуса и сама лексема довольно обычны [Braica 2014: 8–9] (например, *krampuz* в Новом Травнике (Босния) [Dragić 2009: 40], *krampus* в Славонии, Герцеговине, Далмации, Среме [Ibid.: 50–51], в кайкавской зоне [Štebih Golub 2010: 285]). В южной части области Доленско (Словения) Миклаву (Николаю) дарят печенье *krampus*, которое выпекается специально для этого дня [Gregorič 2014].

Обычай одаривания детей распространился в западной части Украины под влиянием католических народов [Курочкин 2000: 399; Валенцова, Узенева 2004: 398]. В Хорватии и Словении Николай приносит детям розги, он также появляется в сопровождении черта [Ibid.]. В Остурне Николая тоже сопровождает черт (*čert*) [Валенцова 2012: 204].

⁹ *Krampus* — «заимствование из немецкого, черт (в детских играх)» [РСЖ 2011: 568]; «черт в народном представлении с хвостом и рогами, который является непослушным детям в рассказах и обычаях (напр. вместе со святым Николаем)» [НЖР].

Про Николая и крампуса не находим свидетельств в [ГПЗНУ 2000; 2005].

4.0. С **рождественскими праздниками** (*r'izdvén'i s"v'éta* (Pr; Hr), *s"váta r'izván'i* (L)) связано множество обрядов и обычаев. Рождеству предшествует пост (*r'izdv'ányj p'ist* (Tr)). За несколько дней до Рождества (07.01) (*r'izdvó*) в горшке (*vazónok* (Hr), *posúdok* (P), *sáksija* (Hr) (серб. *sak-sija*)) сеяли пшеницу. Информанты называют временной промежутком в 10–14 дней. Как правило, этим занимались после католического Рождества. В середину горшка обычно вставляли кочан, чтобы было место для свечки: перед тем как поставить свечку, кочан вынимали (*vy'e'k'ine s'i kačén i na to m'ísce s'i postávy s"v'íčku* (Hr)), а свечка горела на протяжении всего ужина. К Рождеству по юлианскому календарю пшеница должна была взойти, если же этого не происходило или всходы были очень бедные, то говорили, что урожай в этом году не будет богатым (*pos'ijaw to dóbre ne z'ijšlá, káže, ne budé urožáju, a u méne dóbra, ja búdu dóbryj mála urožáj* (P)). Когда уже устанавливалась благоприятная погода, пшеницу несли в поле и высаживали. Считается, что она защищает урожай от грома, ветра (*na póle, kóby γr'im, v'íter čy šoz' by ne bý'lo*) (Hr). Информанты из Просьека отмечали, что эту пшеницу давали склевать курам или скоту (*il kúry popasút, il da s'i xudóby da popasút, il v'íwc"i* (Pr)). Пшеницу вместе со свечкой несли на кладбище на могилы родственников (*postávy s"i s"v'íčka u sy'ery'e dýnu i to s'i nesé na cvý'ntar do pok'jnyx* (Hr)). В Галиции на Сочельник также ходят на кладбище, чтобы пригласить умерших родственников на ужин (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 62]), при этом зажигают свечку (Каменное (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 86]) (ср. данные о посещении кладбищ в Сочельник [Глушко 2016: 1327]; на Бойковщине также ходили на кладбище, на могилы родственников, с кутьей и свечкой [Мовна 2014: 238]). Считается, что эта пшеница освященная, т. к. во время благословения домов на Богоявление священник (ед. ч. *ks'onc/s*, мн. ч. *ks'enzy*, грекокатолический, православный и римскокатолический) окропляет все в доме, также и пшеницу. Однако некоторые информанты отмечали, что обычай сеять пшеницу в горшочек, ждать всходов, а также вставлять свечку в эту пшеницу во время ужина украинцы переняли от римокатоликов, а раньше выпекали плетеный калач (*koláč s'i pl'iw ko plténica* (ср. серб. *pletenica*) (P); *xl'ib* (L)) и свечку вставляли в середину этого калача (*buló try xl'ibý'e na stul'í, i na seredén'i s"v'íčka γor'íla*) (L).

Обычай сеять пшеницу и ждать всходов к Рождеству распространен у хорватов (*sijanjanje božićnog žita* стало символом национальной идентичности, горшочек с пшеницей часто украшается лентой в цвета хорват-

ского флага [Braica 2014: 11–12]), этот обычай нами отмечен и у хорватских переселенцев с острова Брач в городе Пунта-Аренас (Чили) [ПМА], фиксируется он также у градищанских хорватов в Венгрии [Ващенко 2018: 10]. У украинцев Подгорья, Надсанья и в Западной Подолии иногда в Сочельник ставили свечку в миску с зерном, однако нет данных о сеянии пшеницы [Мовна 2014: 240]. В Галиции есть типологически сходный по действиям обычай — ставили в воду ветку черешни и ждали до Рождества, чтобы она распустилась (Новоселки (Б) [ГПЗНУ 2000: 121]).

4.1. Распространены до сих пор предсказания погоды, широко известные во многих славянских традициях [Толстая 2004: 251]: после католического Рождества и до 7 января в течение двенадцати дней записывают, в какой день какая была погода (*pysály, v'it katólyck'yx s'v'at do nášyx s'v'at, dvynájcyd den', den' za m'is'ac, jaká búde poróda* (L)). Кроме того, отмечают особенности погоды утром, днем и вечером, таким образом пытаясь предугадать, какими будут начало, середина и конец месяца. В Карпатах период наблюдения за погодой может охватывать время с 25 декабря по 7 января или с 7 января по 19 января [Біляковський 2012: 635], в хорватской традиции известна *dvanaestodnevnic*, когда за погодой следили с 24 декабря по 6 января [Braica 2014: 8], католики в Лиепше (северо-восточная Босния) гадают о погоде [Filipović¹⁰ 1969: 80], мусульмане в Зворничкой Спрече (северо-восточная Босния) всегда узнавали у христиан, когда те празднуют Рождество, поскольку сами гадали по дням о погоде в этот период [Filipović 1969: 30]).

4.2. Главным обрядовым блюдом на рождественском столе является кутья (*kut'á*) — сваренные очищенные зерна пшеницы, которые поливают медом и посыпают маком. В селах Поточани, Хрвачани, Деветина информанты отмечали, что это слово пришло к ним относительно недавно, а раньше говорили «пшеница» (*pšenýc'a (várena)*). Пшеницу долго варят, а мак толкут в особой посудине из глины (*makitra*) при помощи специального песта (*makoy'in*) (L). Дети держали макитру, а хозяин взбивал мак, т. к. это была очень тяжелая работа. Взбивать нужно было до тех пор, пока мак не побелеет, не пустит молоко. После детям давали пестик, который они облизывали. У многих информантов до сих пор сохранились макитры, привезенные еще их предками из Галиции. В кутью могли также добавить орехи (*vor'ixy*) и изюм (*rozýnk'y*). С маком у украинцев Боснии связано поверье: если произнести в Сочельник слово «мак», то весь год этого человека будут мучить блохи (*blóx'y*

¹⁰ Благодарю за указание на источник д. ф. н. А. А. Плотникову.

(Tr)). Похожее верование распространено и в Галиции: в селе Загорочка (ЖД) считают, что нельзя произносить слово «мак», а нужно говорить «семя», иначе нападет парша (*'parx'u s'a 'budut č'in'l'amu*) [ГПЗНУ 2005: 85]. В белорусской и польской традициях также избегали произносить слово «мак» в Рождество [Терновская 1995: 197].

4.3. Перед ужином хозяин зажигал свечу (ср. [Мовна 2014: 238–239]), молились и за живых, и за умерших (*za žy^evý^ex i za mértvyx* (L)). Первым брал кутью хозяин. Существовал обычай: ложку кутьи нужно было кинуть вверх, чтобы кутья прилипла к потолку, в этом случае пчелы будут роиться (*xto mav pčóly, to k'ýdaly léšku pšenýc'i do stél'i*) (BL). Сколько прилипнет кутьи к потолку — столько будет пчел (*k'il'ko s'a wčýpyt do stél'i, stýl'ky rojív lýšy s'a* (Tr); *i tudý tu kut'ú k'ýne do stél'i, jak s'i trymáje, to budú rojí s'i trymály* (L)). Ср. похожее поверье, распространенное в украинских землях, в том числе и в Галиции [Курочкин 2000: 401; Глушко 2016: 1328; Горбаль 2012: 224; Валенцова 2004: 71]. В селах Галиции бросали кутью к потолку и гадали об урожае пшеницы (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 62]), *ку't'у к'и'даў до' c'тел'и би c'и пше"ниц'а ро'дила* (Загорочка (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 83]) и о пчелах (Тухолька (СК) [Ibid.: 146]). В Закарпатье, подбрасывая кутью к потолку, пытались повлиять на урожай пшеницы [Усачева 2008: 373]. Сохраняется традиция и в среде украинских мигрантов из Галиции в Аргентине и Парагвае [Pilipenko 2018: 290]. Кутью все ели из одной миски в начале и в конце ужина.

4.4. После ужина самый младший в семье собирал ложки, которыми ели кутью, — считали, что тогда скот не будет разбегаться (*da to худоба ne wt'ikáje*) (Р). В Трнополе удалось записать следующее поверье: ложки и вилки связывали, чтобы коровы хорошо паслись, не причиняли ущерб и не убегали (*lošk'ý i v'idélc'i vjazály v odnu vjazanku šóby^e koróvy dóbre pásly s'a, šóby^e ne hodyly, ne wt'ikály, ne roshodyly s'a*) (ср. [Глушко 2016: 1328]). Связанными столовые приборы оставляли до утра. На территории Галиции это поверье фиксируется в (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 16–17]), *'лошк'и з'яз'али тим 'с"іном 'жиби худоба три'малас"а 'купк'и* ([Старичи (Я) [Ibid.: 62])). Связывать ложки поручалось самому младшему ребенку в семье (Тухолька (СК) [ГПЗНУ 2005: 146]). Это поверье отмечено у белорусов, поляков и сербов [Топорков 2004: 132].

4.5. Особое внимание уделяется приготовлению праздничного стола в Сочельник (*s'v'atýj / s'atýj večer / večyr / večir*) (24.12/06.01). Перед ужином (*s'v'itá / s'v'atá večéra*) нужно было обязательно накормить скотину, а все хозяйство привести в порядок (L) (ср. то же в Галиции (Загорочка (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 83], Тухолька (СК) [Ibid.: 145])). Приготовлением ужина за-

нимались женщины, он состоял из двенадцати постных блюд (*dvanájc'at' p'isnýx / p'isn'ix / p'ósnyx stráv'(iw) / jézen' / jéliw r'ixtuvály*) (так же в селах Надсанья [Глушко 2016: 1321]), хотя это количество для многих хозяек условно, в интервью они признавались, что готовят более двенадцати блюд. Само число двенадцать ассоциируется с двенадцатью апостолами (Р). После ужина, перед тем как мыть посуду, девушки выходили на улицу и стучали ложками. Полагали, что откуда на этот стук залает собака, в ту сторону выйдешь замуж. На ночь пустую тарелку, ложки и еду (обязательно кутью, а также, например, грибной суп, борщ, вареники) оставляли или на столе, или на окне, поскольку считалось, что умершие приходят ночью ужинать (*bo wnočý dúš'i prychoďélye večér'aty* (Р); *wnočý májut pryjty dúš'i poměršyx i počostýty s'a* (Tr); *пу'ход'ам меп'ц'и 'йцм* (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 16])). Также на протяжении всего ужина одно место оставалось пустым на случай, если придет путник или кто-то заблудится (*za blúdno'yo, jag by nadijšów*) (Tr). После возвращения из церкви завтракали (*s'n'idaty*): на столе были уже непостные блюда.

4.5. В Сочельник хату украшали специально сделанными крестиками из соломы [Виноградова, Плотникова 2012: 147], их прикрепляли на оконное стекло и двери (*robýélye s'i xrésty'ky s solómye i klálo s'i na v'iknó* (Р), *na kóžn'i dvér'i kladút xrestý na r'izdvó* (Hr), *robýélye xrésty'ky s solómye, klálye s'mo na v'ikná, tak'i malén'k'i šépk'y bulýe* (L)) (ср. данные из Покутья [Серебрякова 2018: 582]).

4.6. Хозяин дома заносил солому (*d'idúx, solóma*), ее расстилали по всему дому, обязательно клали под стол, а на стол под скатерть — сено (*s'ino*). Кроме того, в углу ставились снопы овса, ржи или пшеницы (*sn'ip(ók) v'iwsá, žýta, pšenýc'i* (Hr; Pr)), которые называли «дед» и «баба» (*d'ido / g'igo / d'id(t) / g'id(t), bába, bápс"а; d'ida robýélye na s"v'ityj večyr, prynésly snip v'iwsá* (Pr)). Эти снопы соломы иногда также называются словом *d'idúx*¹¹. Ср. также южнославянские параллели, например западноболгарское *dedo* — «солома, которой устилают пол в Сочельник» [Седакова 1995: 41]. В Галиции отмечены следующие названия: *c'n'in* (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 18]), *d'idúx* (Старичи (Я) [Ibid.: 62]). Сноп овса называют *'d'ido* и *'баба* (Грабовец (СТР) [Ibid.: 129]), сено клали на стол, а солому под стол (Плешевичи (М) [ГПЗНУ 2005: 19]), был *d'id*, а *'бабу c'тел'ут на сто'л'и зи c'ina* (Илов (Н) [Ibid.: 82]).

Когда солому вносили в дом, хозяин говорил: «*Dóbryj véčyr, Xrystós s'i ro/uždáje!*» (Pr), члены семьи его приветствовали (Hr; D). В Лишне

¹¹ На Тереховельщине *did* — «сноп пшеницы, который ставят в углу на Сочельник», *didúx* — «солома, которую стелют на пол на Сочельник» [Горбач 1971b: 159].

произносили это трижды. Отвечали: «*Slav'imo joγó!*» (ср. формы приветствия у лемков [Глушко 2016: 1325], [Горбаль 2012: 219]). Когда же солому выносили, ее провожали, говорили, чтобы заходила и в следующем году, а «дидух» отвечал, желал семье здоровья и всего самого доброго (Hr). Солома в доме находится в праздничные дни. Сегодня редко кто застилает весь дом соломой, ее кладут только символически под стол (часто — в коробку) и под вышитую скатерть (*nastílnyk, obrús* (P), *stóln'ak* (серб. *stolnjak*)). Так делают, чтобы в доме было меньше мусора, т. к. после соломы трудно навести порядок (Hr). В солому бросали конфеты, орехи, которые и взрослые, и дети (в некоторых местах только дети) искали по всему дому; собеседники признавались, что это одни из их самых светлых детских воспоминаний. Детям говорили, что конфеты и орехи принес «дидух», которого они ждали и высматривали в окно. При этом нужно было кудахтать (*kokodákajut, pijút*¹²): *kážu kwo-kwo* (L), *kvo-kvo zówtra r'izdvó!* (Pr) (ср. похожие формулы [Глушко 2016: 1324]). Этот обычай некоторые информанты считают заимствованным у сербов: *pijukanje* (ср. данные [Бушкевич 2012: 341]. У сербов и болгар [Белова 2012: 108], у мусульман в Грапской (северо-восток Боснии) на Рождество дети до рассвета имитировали звуки, издаваемые домашней птицей [Filipović 1969: 102]). Подражание голосам птиц в Сочельник распространено и в Галиции: *к'вокали 'жиби 'кури с'а 'вели* (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 62]); *кво-кво, 'заўтра Р'изд'во* (Каменное (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 86]). В селе Трнополе отмечено, что нужно было всей семье ночью спать на соломе (ср. то же у [Глушко 2016: 1323–1324]; в северо-восточной Боснии (Усо-ра) было принято спать на Новый год на соломе [Filipović 1969: 51]), а утром рано все вставали и шли в церковь.

Солома находилась в доме несколько дней, собеседники говорили, что выносили ее только через неделю и она могла оставаться в доме вплоть до Богоявления (*znáje stojáty i do jórdanu, i tudý aš vynósymo*) (L). Ее подкладывали курам (*kladémo na γn'izdó za kúry*) или несли на поле (Pr). Кроме того, из соломы делали перевясло и обвязывали фруктовые деревья (например, сливы), чтобы летом они плодоносили (*vy^enós^at tudý na óvočy kladút, šoby^e l'ípše vrodý^elo* (L); *vjéžu s'i sly^ewk^y^e* (Pr)), что характерно также для белорусской, польской, чешской, словацкой, болгарской [Белова 2012: 108], хорватской [Braica 2014: 12–13] традиций. Хозяин, обвязав деревья соломой, угрожал деревьям топором: *йак не^e у'родиш 'того^o 'року то т'а з'im'ну* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 26]). Ср. дополнительные сведения об этом обычае из Галиции [Глушко 2016: 1329;

¹² Заимствование из сербского: *kokodakanje, kokodakati* — квохтанье, кудахтанье, квохтать, кудахтать [PCJ: 775]; *pijukanje, pijukati* [Ibid.: 419] — писк, пищать (как цыплята).

Горбаль 2012: 222], а также из северо-восточной Боснии [Filipović 1969: 51, 181; Idem 1962: 181].

Сейчас вместо «дидуха» все чаще устанавливают елку (*jalovéc, krízban*¹³, *jalýc'a*) (J; Hr), а в некоторых семьях и приносят в дом «дидух», и украшают елку¹⁴. Также принято оставлять несколько колосьев на целый год от «бабы» и «деда» (Pr).

4.7. После ужина и до полуночи шли колядовать (действие — *kuľ'iduváty, kol'aduváty, s'p'iváty kól'adu / kuľ'idú*; участники — *kol'adnýk, kuľ'idnýk*; песня — *kól'ada, kol'átka*)¹⁵ (ср. в Галиции: *кол'адни'к'и, кол'а'дуйум* (Волоснянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 17]). Шли только парни (*kol'aduváty tyl'ko xlópc'i idút*). В селах Хрвачани и Поточани парни колядовали с Вифлеемской звездой (*molod'i idút s'p'ivájut kól'ady z zvizdóm*), которую делали из картона. Когда исполняли колядки, звезду не держали неподвижно, ее вертели, а в середину звезды помещали свечу¹⁶. Зафиксированы и локальные отличия в способах колядования: в селе Трнополе колядующие не заходят в дом, тогда как в окрестностях Прнявора в дом заходили. В самом Прняворе колядовать могли в первый, во второй и даже в третий день после Рождества, поскольку не успевали обойти все дома. Колядующие, придя в дом, спрашивали, примут ли их (*ču prymážete kuľ'adnyk'y? / ču pryjmáje do xáty?*). Как правило, все получали разрешение, если же нет — что случалось очень редко, — то в следующий раз этому хозяину могли сделать что-то нехорошее (*zbýtk'y zrobyty*), например что-либо у него украсть. Колядующим дарили конфеты, сладости, сейчас чаще всего дают деньги. Колядники произносили приветствия хозяевам, благопожелания (*v'inčuvály, v'inšuvály*), поздравления с Рождеством (*xrystós s'a raždáje*), пели колядки.

Одна часть вырученных денег шла на нужды церкви и культурного общества, а другая часть оставалась колядующим. В селе Деветина, когда населения было больше, ходили две группы колядующих — неженатые и женатые парни отдельно (*na Dyvjátyn'i búly žonáty išly, to búlo dv'i grúpy, žonáty i xlópc'i*) (D). Там, где православные украинцы живут вместе с грекокатоликами, колядовать шли и к одним, и к другим, не об-

¹³ *Krizbaum* — рождественское дерево, сосна, ель. Обычай устанавливать ель на Рождество и сама лексема (*krizban*) распространились из Германии и Австрии через северо-западную Хорватию [Braica 2014: 13], у кайкавцев — *krizban* (из баварско-австрийских диалектов — *Christbaum* [Štebih Golub 2010: 286]), ср. также *krispan* в Костеле на юге словенского региона Доленьска [Gregorčič 2014].

¹⁴ Обычай ставить елку у украинцев распространяется только в XX в. [Курочкин 2000: 399].

¹⁵ *Куľ'идувáти* — «колядовать»; *кул'иднѣк* — «участник колядования на Рождество и Богоявление» [Горбач 1971b: 165].

¹⁶ Звезда появляется с XVII в. [Курочкин 2000: 403].

ращая внимания на конфессиональную принадлежность (многие даже не знали, кто в какую церковь ходит, и не придавали этому значения). В местах, где украинцы проживают вместе с другими народами, сербы и мусульмане просят, чтобы колядующие заходили и в их дома, также дают им деньги. В Сочельник ходили также с вертепом, т. е. разыгрывали театрализованное действо (*vertép, šópka*)¹⁷. Собеседники упоминали, что раньше с вертепом ходили следующие персонажи: Мария, Иосиф, казак, пастушок, три волхва, еврей, еврейка, черт, смерть с косой (*Mar'íja, Jósyp, kozák, pastušók, try korol'í*¹⁸, *žyd, žydíwka, čort, s'(')mert'(')*). Специально готовили костюмы для участников, например, хвост для черта (*f'ist*) делали из колючей проволоки, у него были также вилы и цепи (*lancux'ý*), а у казака была сабля (*sábl'a*), смерть приходила с косой (*kosá*). После того как пропевали колядки, участники вертепа заходили в дом по отдельности, и произносили свой текст. У каждого персонажа были свои четко установленные сценарием действия, например, еврейка должна была бегать по дому, заглядывать в кастрюли и горшки, искать место, чтобы родить ребенка (*žydíwka šaruvála po xát'i, idé rodýty, l'ayáje, šukáje po ban'akáx*) (Tr). Из дома обязательно при этом что-то пропадало (колбаса, мясо). Черт всех пугал. Еврей требовал налить ему ракии (*žyt trábujet nal'áty rákije*). В селе Деветина собеседники помнят, что водили козу (*věly tu kozú*). К хозяйке дома приходили с козой и просили воды, чтобы вымыть козе вымя после дойки. Когда приносили емкость с водой, коза лягалась, и вода выливалась на хозяев (*ta šo dóje, pol'áje yospodára*). Рождественско-новогодний обряд вождения козы характерен для украинской и белорусской традиций, в частности для полесской зоны [Белова 1999: 523]. Вертеп упоминается и в нарративах информантов из сел Галиции, перечисляются персонажи: 'анге"л, пасту'х'и^e, ко"за'к'и^e, смерт', жид^m (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 25]). На восточной и центральной Украине вертеп значительно реже использовался в обряде колядования [Курочкин 2000: 405].

В том же селе Деветина на Рождество в дом заводили животное мужского пола — коня, ягненка или жеребенка (*fájno tel'étko múško, lošé táto pryvéde do xáty na r'izdvó, kon'á pryv'íw, jayn'á na rúky voz'mé do xáty zanése*) (характерно и для северо-восточной Боснии [Filipović 1969: 140; Idem 1965: 181]). Здесь наблюдаются типологические параллели с полазником на праздник Введения, когда в дом также приводят животное (см. 1.0). Желательным первым гостем тоже был мужчина, женщины в гости в этот день старались не ходить.

¹⁷ Шópка (а также *virtén*) в селе Романов Львовской области — «рождественский вертеп-сценка, с которой ходят парни по домам (пол. *szópka*)» [Горбач 1965: 100].

¹⁸ Ср. пол. *trzej królowie*, хорв. *tri kralja*.

5.0. В первый день **Нового года** (14.01) (*novyj r'ik*) ((*Сма'риї*) *Но'v'виї r'ik* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 26]), День св. Василия (*za s'v'ató'ho Vasy/il'a*) (*Ва'сильи́а ве'у'лико'гоу* (Чернилява (Я) [Ibid.: 25], на *Ва'сил'а* (Тухолька (СК) [Ibid.: 147])), рано утром идут дети — сначала мальчики, затем девочки (*naperéd idút xlopčý'ska, tud'í g'iwčéta* (Hr)) — обходят с благопожеланиями дома, колядуют. Придя в дом, они желали счастья, здоровья, хорошего урожая, из сумки (*torby'na*) доставали пшеницу, посыпали ею в доме — *zas'(')iváty* (*зас'и'вати 'хату* (Тухолька (СК) [Ibid.: 147]); участников обходов называют *s'(')ivačý* (*нау'л'итни'к'и'е* (Чернилява (Я) [Ibid.: 24]). Тому, кто придет раньше всех, доставалось больше. Обычно давали конфеты, шоколад, орехи, яблоки, то, что висело на елке, а также мелкие деньги (*nam dajét čy cukérk'y čy jápko čy xto kotryj dínar*) (P). Дети произносили следующий текст (*zas'ivánka*): *s'ij s'i rodé s'i žéto pšenýc'a, ws'il'áka pašnýc'a, na ščas't'a, na zdorówl'a, na toj samýj novyj r'ik, aby vam s'i l'ípše povódylo jak tor'ík, xrystós s'i raždáje* (Pr). Зафиксировано несколько вариантов текста благопожеланий: *s'iw s'a, radý'w s'a žý'to pšenýc'a ws'il'áka pašnýc'a, na ščas't'e na zdurówje na toj novyj r'ik, by s'i vrodý'lo l'ípšy n'iš tur'ík, xrystós s'a raždáe* (Hr), *rodý s'i žý'to pšenýc'a, na ščas't'a na zdoróvl'e, na toj novyj r'ik, kóby s'i l'ípše rodýlo nyk tor'ík, xrystós si roždáje* (Hr). Существовал следующий обычай: первый, кто пришел «засеять», брал сноп овса, стоявший в углу, — «деда» — и бил его, имитируя молотьбу (*uby'tý'e d'ída* (Hr), *ubmulóty d'ída, zas'iváty d'éda* (Pr)) (ср. то же у [Горбаль 2012: 221–222; Белова 2012: 108–109]). В селе Хотынец в Польше парни молотили сноп палками. Существовало поверье, что сколько зерна они намолотят — столько летом уродится жита (Хотынец (ЯР) [ГПЗНУ 2000: 112]). Обряд «посевания» характерен для восточных и западных славян [Виноградова, Плотникова 2004а: 417].

6.0. **Вечер** перед праздником **Богоявления** (18.01) украинцы Боснии называют *ščydryj / ščédryj / š(')édryj véčyr, véčer, véčir*, а также «вторым святым вечером»: *drú'ryj s'v'atýj véčyr, véčer, véčir*. В Галиции «щедрым вечером» называют вечер накануне Богоявления¹⁹, тогда как в других регионах «щедрование» — исполнение новогодних песен²⁰ [Курочкин 2000: 406], ср. также названия: *йор'дан'с'к'иї с'в'а'туй 'веч'ір* (Тухолька (СК) [ГПЗНУ 2005: 146]), *д'ругий с'в'і'туй 'веч'ір* (Надычи (Ж) [Ibid.: 60]). В этот день на ужин (*večérja bo'rojavlen'a*) готовили те же самые постные блюда, что и в Сочельник, также делали кутю (*za yardán znom s'i p'isné*

¹⁹ На Теребовельщине — *шчэ́дрий вéчир* — «вечер Богоявления» [Горбач 1971b: 193], *шчидрувати* — «петь щедривки и колядки на Богоявление» [Ibid.].

²⁰ *Щэ́дрий вéчир* — «вечер накануне Нового года (31 декабря по старому стилю)» [СУМ 11: 578]).

r'ixtúje, isto r'ixtúje ko za s"v'atyj večer) (Hr). Вечером девушки ходили от дома к дому и щедровали (*š(č)y/edruváty*), пели специальные песни, «щедривки» (*sp'ivájut š(č)y/edr'iwk'y*), произносили благопожелания. Сам праздник называется *jordán, ģardán* (Pr; Hr), *ardán* (D)²¹, *vodoxrěšče* (Tr), *vodoxrěšče* (BL) (06.01/19.01) (в Галиции: *ĵar'дан* (Плешевичи) (М) [ГПЗНУ 2005: 19], *ĵor'дан* (Мацошин) (Ж) [ГПЗНУ 2000: 78], *ar'дан* (Грибовец) (СТР) [Ibid.: 130], *во'до'х'решча, шчад'ра* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 25]). Рано утром шли на ближайшую реку (*idě s'i na r'ičku*), где и проводилось освящение воды (то же у русин в Остурне [Валенцова 2012: 210]). Сейчас воду освящают в церкви (*boĵojávlen's'ko /jordan's'ke os'v'áčen'a vody; velyke vodos'vjátje jordan's'ke*). Затем освященную воду (*s"v'iščěna vodá* (Hr), *s'v'áčen'a vodá* (Tr), *s'v'atá vodá, s"v'ičěna vudá* (Pr)) приносят домой. У славян богоявленская вода считалась целебной, верили, что она защищает от нечистой силы [Виноградова 1995a: 387], сглаза (*urók'y*); ею поили больных, умирающих; пили ее во время непогоды; крещенской водой умывали детей, если они плакали. Святой водой хозяин кропил все в доме (*tróxa pokrópju ws'o* (Pr)), в том числе и скотину в хлеву (*pos"v'áščivaw, de xudóba, de xl'iw*) (L). Собеседники говорят, что вода оберегает дом (*vodá je stórožom xáty*) и подолгу не теряет своих свойств (ср. то же [Серебрякова 2018: 580; Скрипник 2000: 441]). На Крещение священник обходит дома и освящает их (если не успеваает прийти в этот день, приходит на следующий), получая за это деньги.

Период после Крещения и до начала Великого поста (*v'id ģardaní do velekovádnogo póstu*) называют *mynýc'i, m'isn'íc'i* (Hr), *m'isnýc'i, m'isnýc'i* (Pr)²², в Галиции — *m'ias'ниц'и* (Дмитров (П) [ГПЗНУ 2000: 115]). В этот период устраивали свадьбы, веселились. Наиболее веселыми были последние дни перед постом, особенно последний (воскресенье) — *púščyn'e* (Pr), *púščen'a* (L)²³. Принято было готовить много еды (*tud'í smo зробыły večeru masnú*), на стол в этот день ставили запеченное мясо, сыр, яйца, пирожные. Все веселились (*je i zabávy za púščen'e, zabávy s'i róbi, z muzýkoju, tan'c'újut* (L)). Сегодня забавы на «пушченье» организуют также с участием церкви. Молодежь устраивает забавы в субботу, а в воскресенье гуляют до полуночи. К украинцам в этот день приходили сербы, реже приходили бошняки.

²¹ *Arđán* фиксируется в [МСГГ: 9; ГГ: 17]; *арданіця* — «вода, освящаемая на Крещение», *ардан, ĵордан'* [СБог: 1, 36].

²² В гуцульских говорах с этим значением: *мнесніці* и *м'існіці* [ГГ: 124], на Терновельщине и в селе Романов Львовской области — *міс'ниц'и* [Горбач 1971b: 170; Idem 1965: 63].

²³ По версии [ЕСУМ 5: 646], данное название связано с тем, что в этот день разрешается есть скоромную пищу. Ср. в бойковских говорах: *п'ущиня* — последняя неделя перед постом, «сыропустная»; пост [СБог 2: 164].

7.0. На **Сретение** (15.02) (*str'íten'a ģospódn'e*) освящали в церкви свечи (*s'v'íčk'ý tud'í s'v'átym*), которые назывались *ģrom'íčna s'v'íčka*²⁴. Такую свечу давали в руки больным для выздоровления (*na ozdoróvlen'a*), умирающим, чтобы облегчить агонию (ср. [Кілар 2017: 234]). Во время непогоды зажигали свечу (*s'v'ítýty*) и молились. Считается, что дым от свечи обладает божественной силой. Свеча обычно хранится в доме в течение нескольких лет, ее также можно «обновить» (*vidnovýw pos'v'áčen'e*): снова освятить в церкви через некоторое время. Среди украинцев распространено поверье, что в этот день зима встречается с летом (*zymá strýčáje l'íto*), в Галиции: *Sm'p'ime"n'a — zbi"vaie 'l'imo 'zimu* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 26]). Согласно поверью, если медведь разрушает свою берлогу в этот день, то будет хорошая погода (*jak med-véd' búde búdu valýty, abó buduváty, jak ji valýt, tud'í búde ģárna poģóda, jomú ne potr'íbna b'íl'se*) (Tr).

8.0. Пасхальный (Великий) пост длится семь недель (*s'im néd'il' to s'i póstylo* (Hr)). В это время не устраивают свадьбы, не веселятся, не играет музыка и не собираются на танцы (*u póst'i u nas ne ģul'ájut* (L); *ny sm'ílo s'i žynýty, veselýty, sp'iváty* (Hr)). Первый день Великого поста называют «Чистый понедельник» (*čéstýj poned' ílok, čýstýj, to smo póstyly* (Hr)). Неделя в середине поста — Крестопоклонная (*xrestopokl'inna*) (Tr).

8.1. В воскресенье перед Пасхой после Лазаревой субботы (*lázareva subóta*) освящают «шутку» (*šútka*) — начинающие распускаться веточки вербы (*verbá*), к которым могли добавлять и другие предметы, например колоски, ленты, так что они образовывали небольшой букет. Зафиксированы также названия: *sv'itová šútka, íva, lozá, vrbica* (серб. *vrbica*). Этим словом обозначают как букет из веточек целиком, так и набухшие почки на ветках (если на Пасху на этих веточках еще не появились листочки). Однако чаще вербные почки называют по-сербски: *máce*²⁵, *máčice* (*my wse kazály máce, ta jak serby šo ģovory"lye* (Pr)). Один собеседник образовал украинское слово исходя из семантики сербского наименования — *tak'í kotyn'átka, to máce* (Tr), однако не был уверен в правильности его использования и распространении среди украинцев Боснии²⁶. Воскресенье перед Пасхой называют *lozová ned'íl'a, šutková ned'íl'a, kv'ítina ned'íl'a*

²⁴ Свечу, освящаемую на Сретенье, называют *громничной* в украинской, белорусской, польской [Агапкина 2012а: 155], а также в чешской традициях.

²⁵ *Маса* — «мелкие нежные цветы некоторых растений (например, у ореха, каштана, шелковицы, вербы и др.)» [РСХ]: 318; «почка на вербе, из которой развиваются листья, ветка с такими почками» [РС]: 672].

²⁶ Укр. лит. *кóтик* — «соцветие вербы и некоторых родственных растений» [СУМ 4: 309].

(Tr), *šútna neg'il'a* (Pr). «Шутку» приносили домой и «били» домочадцев, а также скотину, приговаривая: *šútka hje i ne zabjé, za týžden' velýgden'!* (Pr; Tr), *šútka hje, ja ne bju, za týžden' velýgden'* (D); ср. *не" ѡа т'а бѣу ло"за бѣе, в'ід 'нин'і за 'тижде"нь ве"лигден'* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 27]) (похожие формулы у [Курочкин 2000: 415; Кілар 2017: 236; Самотіс 2014: 104–105]). Битье вербой распространено у восточных и частично южных славян, поляков, чехов [Толстой 1995: 337]. В течение всего года веточки хранили, их поджигали (*vrbice se zapal'et šoby xmáry v'idyxnálo*) (J), чтобы отогнать грозу, если надвигалась непогода (*jak prymýt, blýska* (D)), а также затыкали под крышу. В селе Козарац украинцы оставляли по веточке на могилах родственников (*na groby'e kladút, i svojím pok'jnym po galúsku*) (ср. [Кілар 2017: 236–237]. Прошлогоднюю «шутку» не выбрасывали, поскольку она была освящена (*pos"v'ičena*) (Pr), ее сжигали.

Лексема *шутка* фиксируется в говорах западных регионов Украины, чаще всего лексикографические источники дают толкование с указанием на обрядовую семантику лексемы: *шútka* — «ветка вербы с пушистыми почками (котиками)»; «ветка, которую освящали в церкви» [НРС: 248]; «пушистая почка вербы; вербовая ветка с пушистыми почками; последняя предпасхальная неделя» [СБуГ: 680]; «пушистые почки на вербе (котики); ветки вербы, которые освящают на Вербное воскресенье» [ГГ: 222]; «освященная верба на Вербное воскресенье» [Горбач 1971b: 193]. Известны и синонимы в западноукраинских говорах, не отмеченные у украинцев Боснии; у гуцулов — *бéчка* [ГГ: 22], на Тербовельщине — *лоzá* [Горбач 1971b: 168], в селе Романов на Львовщине — *лоzá, бáс'ка* [Idem 1965: 59]²⁷. Вербное воскресенье: *шуткóва неді́ля* [НРС: 284], *лозовá неді́ля* [Ibid.: 163], *бáзькова неді́ля* [Ibid.: 44], *бечкóва неді́ля* [ГГ: 222], *цвітна нид'і́ли* [Горбач 1971b: 190]. В записанных материалах в Боснии при номинации Вербного воскресенья используются дериваты от существительных *шутка, лоза, квіти*.

В поднестровском диалекте фиксируется множество лексем для обозначения пушистых почек вербы (в том числе освященной на Вербное воскресенье²⁸), вытесненных в говоре украинцев Боснии сербской лексемой *тасе*: *бáзька, бáзі, бáзіта, б'ирка, бóмблині, вербляні кóтики, гусета, гусіта, záвізок, слё́зи, хробачкі́* [НРС: 44].

Происхождение лексемы *шутка* не совсем ясно и, возможно, связано с прилагательным *шутий*. Первичное значение — «ветка без листьев». Праславянское **šutъ* — безрогий, обрезанный [ЕСУМ 6: 496]. Ср. *шúта* — безрогая коза (овца) [ГГ: 222], *шúтий* — про коров, безрогая;

²⁷ *Лозá* — «Salix, прутьевидная ива» [ГГ: 114].

²⁸ Об обрядовых действиях, связанных с ними, в частности о проглатывании почешечек, см.: [Толстой 1995: 337].

про овец, без рогов и без хвоста или с маленькими ушами [СБог 2: 392], *шутка* — ягненок [СЗГ 2: 279], *шутый* — безрогий (баран, вол, козел) [МСГГ: 230]. Сербское *шут* — безрогий, румынское *ciut* и *șut* (на западе) — безрогий, с обрезанным рогом (рогами), ухом (ушами). Слово с этим корнем присутствует в карпато-балканских языках. Общее в семантике — человек, животное или объект, у которого отсутствует одна часть тела или формы [DER]²⁹. Венгерское *suta* — «левша», «неуклюжий» — считают заимствованным из славянских языков, проникшим в венгерский через румынское посредничество [Tótfalusi]³⁰.

8.2. Последняя неделя поста — Страстная неделя (*strasná ned'ila* (Tr), *velykyj týžden'* (D)). С пятницы (*velyka pjátnyc'a / pjétnyc'a*) по воскресенью сторожили (*p'il'nuváty* (P), *dežúraty* (Tr)) гроб Господень (*γrob* (L), *bóžyj γr'ip* (Tr)). Выбирали стражников (*stražár* (P), *dežuránt* (Tr), ср. серб. *stražar, dežurant*), юношей в возрасте до 16 лет, которые охраняли плащаницу (*plaščynýc'a* (P), *plošč'anýc'a* (J)) и в течение дня сменяли друг друга каждые два часа. Охраняли обычно два-четыре человека (в зависимости от величины прихода) до тех пор, пока не выносили плащаницу. Это делали на утреннем богослужении, трижды обходя с плащаницей вокруг церкви. В Галиции у грекокатоликов также встречается этот обычай: в селе Плешевичи охраняют плащаницу (*плащче"ниці"а*), как правило, 6–8 парней в мундирах и с саблями (*жи'ва 'варта*). Они сменяют друг друга каждые два часа (Плешевичи (М) [ГПЗНУ 2005: 21]). Обычай сохраняется у грекокатоликов в Галиции и является отличительной чертой их традиции, т. к. он отсутствует у православных [Курочкин 2000: 417]. Обычай пасхальной стражи распространился под влиянием римокатоликов.

Вечером в четверг завязывали церковные колокола, и до воскресенья не разрешалось звонить. Во время процессии в великую пятницу дети колотили в колотушку (*kalatýt, taráxtal'ka, g'ity taráxkajut*) (Tr)³¹, которую делали специально для этого случая (особенно в западной и южнославянской католических традициях) [Агапкина 2012b: 173]. В Галиции такие колотушки называют *ка'латалк'и* (Зарудцы (Ж) [ГПЗНУ 2000: 91]), *кала'талк'и, 'бус"к'и* (Плешевичи (М) [ГПЗНУ 2005: 20]). На Пасху каждый может звонить в колокол сколько хочет (*na velygdyn' xto wšuryw s'a zvóna, xto xt'iw zvonyty, m'ix c'ilyj den' zvonyty* (Tr)). В селе Старичи звонили в колокол парни: *дзво'нили х'лопц'и* (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 63]). На Буковине звонили дети [Кожоляно 2018: 66].

²⁹ <https://dexonline.ro/definitie/ciut>; last access on: 24.02.2020.

³⁰ <http://www.szokincshalo.hu/szotar/>; last access on: 24.02.2020.

³¹ *Тарáкати* — «стучать, греметь; беспрестанно говорить» [СНГ: 249], *тарáхкати, тарáхнути, тарáхкане* — «стучать, стукнуть, стук» [СБуГ: 539].

В субботу (*Velyka subóta*) вечером жгли костры, соревновались, кто зажжет самый большой (*xto zróbe b'ílšyj voγón'*) (L). Этот обычай характерен в основном для южной и западной Славии [Агапкина 2012b: 173]. В Галиции в субботу перед Пасхой жгли колеса: *ко'леса па'лили 'перед ве'ли'код'н'іми с'в'атами* (Новоселки (Б) [ГПЗНУ 2000: 117]).

8.3. Утром в воскресенье на **Пасху** (*velygden', velygdyn', velykóden'* (L)) все шли на службу в церковь, с собой несли заранее приготовленные корзины (*kóšyk, kóšyčok, kórpa* (серб. *korpa*) (Pr)), в которых были продукты для освящения. Умение украшать корзины — отличительная черта украинцев Боснии. В корзину кладут пасхальный хлеб (паску) (*páska*), соль (*s'il'*), хрен (*xr'in, xron* (BL)), мясо (*mjásó*) (L), яйца (*jájc'i, jéjc'i* (J)), творог (*syr*), масло (*máslo*) (Hr). Сверху ее накрывают вышитым рушником и украшают барвинком (*barv'ínok*) или другими цветами. Кладут также свечку, спички (*s'arnyk'y*), нож (*n'is*). Соль затем дают скотине, овцам и свиньям (*jak májemo v'ívc'i čy svý'n'i, tak tróška posólyt s'i* (Pr)). По свидетельству информантов, хрен символизирует страдания Христа. Освященный на Пасху нож втыкали в землю, если приближалась непогода и громовые тучи (*w zém'l'u, dok to s'i ny uspujújt, tíji xmáry γromovýč'i* (L) (про использование освященного ножа в народной метеорологии у волянян см.: [Пуківський 2013: 201]). Пасхальный хлеб — паску — сверху украшают цветами, выкладывают тестом крестики. Яйца красят в луковом отваре (*cybulýn'a*). Крашеные яйца называют «галунки», «крашанки», «писанки». Для некоторых собеседников эти лексемы синонимичны (*γalunk'y, a déxto káže krašank'y, a déxto káže pysank'y, i to jak de, a to w's'o odnó označáje*) (L), другие информанты приводят различия, например: писанки — крашеные вареные яйца, тогда как крашанки — крашеные сырые яйца (Tr)³². После пасхальной службы торопились домой. В Рогатине считают: кто первым придет домой после службы, тот первым закончит жатву [ГПЗНУ 2000: 147]. Информанты объясняют обычай возвращаться как можно скорее домой прагматическими причинами: все голодны и спешат на завтрак (*za velygden' s'i γolódny, pa xútko t'ikájut do dómu*) (Tr). Традиционное пасхальное приветствие — *xrystós voskrés / vuskrés*. Утром завтракают тем, что освятили в церкви. В начале одно яйцо (*jajcé s'v'ičéne*) режут на столько частей, сколько в доме людей, чтобы семья держалась вместе (*trymáje s'i symjá kúpk'y*) (ср. то же в (Старичи (Я) [Ibid.: 63]). Скорлупу от яиц сжигают (*ta lúpéna / l'úska* (серб. *ljuska*) *v'id jajéc, voná s'i k'ýdaje u voγón'*) (L), бросают на поле (на

³² В диалектных словарях: *писанка* — «розмальоване великоднє яйце» [НПС: 200], *галунка* — «крашанка» [Ibid.: 89; СБОГ 1: 158; СБуГ: 67], «фарбоване великоднє яйце, крашанка» [ГГ: 43].

меже) либо дают курам (про скорлупу пасхальных яиц у жителей Во-лыни, Ополя, Подгорья см.: [Пуківський 2013: 203]). В селе Просьек записано, что скорлупу кладут для муравьев (*murax'ý*) на муравейник (сербы северо-восточной Боснии в Маевице крошат яйцо на муравейник [Filipović 1965: 183]). Кости из освященного мяса (*s"v'ičěna kost*) помещают у кротовой норы, считается, что тогда крот не будет больше рыть огород (*ja čuw babýe i star'í, šo s'i v'idnése i tam pustávy i ne bde b'il'se kret ry'w*) (Pr) (ср. [Гура 1999: 684]). Яйцо могли отнести и на могилу родственников. Одно яйцо обязательно оставляли в доме и хранили целый год. Называют его сербским словом *čuvarkuća* (*trymájec'a u xát'i, jajcé vesesút iznutra, ofárbajut, ukrás'at, može lešýty s'i čéres c'il'jy r'ik*) (J), украинского аналога зафиксировано не было³³. В южнославянской традиции принято хранить первое пасхальное яйцо для защиты дома и хозяйства (серб. *стражар, чуваркућа, чуварак, страшник, чувар, чувадар, измамак, полог* [Агапкина, Белова 2012: 627–628]). На Пасху бились яйцами (*bjetó s'i*), у кого яйцо не разбилось, тот выигрывает и проходит в следующий этап игры.

8.4. На Пасху молодежь собиралась и устраивала бесчинства: *ve/yle/ykó-dn'i zbytk'ý*. Обычно делали это в ночь с субботы на воскресенье. Могли водрузить телегу или борону на крышу дома, овина или дровника (*vis k'íns'ki, firu, bóronu vysážuvaly na xátu, stodólu, i na šópu*) (L). Случалось, что поднимали плуг (*plux*) на церковные ворота, снимали калитку. В Деветине рассказывали, что однажды подняли телку на крышу дома (*vysadyly jél'iwku na xátu*). Подпиливали дерево, чтобы оно упало на дорогу и утром прихожанам трудно было пройти / проехать в церковь на службу (*obórut* (серб. *oboriti*) *dúba čy yrába na dórogu*) (L). На дорогу клали провод (*dr'it*), чтобы женщины, когда утром шли в церковь, споткнулись. В Лишне ущерб наносили хозяину, у которого была на выданье дочь либо он был скупым или заносчивым. Также пачкали ручки дверей. В современных материалах из Галиции [ГПЗНУ 2000; 2005] бесчинств на Пасху не зафиксировано, в основном молодежь устраивала бесчинства на Ивана, а также на Андрея. У южных славян сведения о бесчинствах встречаются очень редко, характерны они в основном для западной (чаще всего польской) и восточнославянских традиций [Толстая 1995a: 174].

8.5. На Пасху девушки и парни собирались перед церковью, танцевали и исполняли «гайивки» (исполнение их на Западной Украине приуро-

³³ *Čuvarkuća* — досл. серб. «хранитель дома»; одно из значений — «пасхальное яйцо, которое покрасили первым» [РС]: 1490].

чено именно к пасхальным праздникам) [Харчишин 2017: 68]. Наиболее распространенной является лексема *γajíwka*, мн. ч. *γajíwk'ý*, лексема *γajílka*, мн. ч. *γajílk'ý* отмечена в Трнополе³⁴. Информанты сообщают, что было три группы молодежи: старшие, средние и младшие (*búlo try vršte d'téj, búly najstárš'i, tudý sered'úščy, tudy mén'čy* (Hr)). Собирались они отдельно друг от друга. Молодые люди образовывали кружок (*zróbl'at kružók*), танцевали и играли. Упоминают названия следующих игр: *xlópc'i bawl'ut káiša* (серб. *kaiš*), *paská, rem'inc'á, a d'iwčáta γórščyka* (P). Пожилые люди приходили и смотрели, как исполняют песни (*vyvódyty γajíwk'ý*)³⁵. Продолжалось веселье до вечера. Информанты сообщают, что молодежь уже давно не собирается, последний раз устраивали такие сходки лет тридцать назад. В украинских материнских говорах отмечаются: *ga'úiŷk'u* (Старая Ропа (СТ) [ГПЗНУ 2000: 41]), *к'ликали га-ла'z'iyk'u*^е (Плешевичи (Я) [ГПЗНУ 2005: 21]).

8.6. Следующая после Пасхи неделя называется «светлой» (*s'vítlyj týžden'*). В понедельник (*polévanyj poneg'ílok* (L), *polévanyj poned'ílok* (Tr), *obly'vnyj poned'ílok* (P)) парни старались облить девушек водой (см.: [Курочкин 2000: 419])³⁶. Раньше поливали из ведра (*s pútn'i*), сегодня поливание является символическим. Данный обряд очень широко распространен у западных славян (поляки, словаки), в сербской Воеводине, у восточных же славян встречается спорадически, в основном у западных украинцев [Агапкина 2004: 454], зафиксирован он и у русин в Остурне [Валенцова 2012: 216–217], на Буковине известен до сих пор [Кожоляно 2018: 68]. Во вторник шли на кладбище, посещали могилы родственников, шли со священником (*na svýntar pos'v'ičuvaty γrobýe*) (Pr) (так же в Галиции (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 30])). Сегодня конкретный день посещения кладбища зависит от расписания священника. Если он не успевает посетить все кладбища за один день, то идут в другие дни; случается, что идут и на Троицу. Священник служит панихиду (*parastás*), поют *xrystós vuskrés*, а не *v'ičnaja pámn'at*. Следующее воскресенье после Пасхи называется *prov'idná / prov'idna nyd'íl'a*, а также *tótyna / tómova / tómina nyd'íl'a* (серб. *tomina ned(j)elja*, укр. *фомина неділя* (ср. [Кожоляно 2018: 66], *хомина* [Кілар 2017: 242]), на Теребовельщине (Тернопольская область) — *провідна / томина нид'іл'и* [Горбач 1971a: 168], *про'v'íd'na ne'v'íd'íl'a* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 30])). Встретилось следующее толкование названия этого воскресенья: *Čo prov'idná? Móže*

³⁴ Формы *гайіўка* и *газіўка* находим в [Горбач 1971b: 155].

³⁵ Собеседники вспоминают «гайивки»: *Polet'ily dyk'i kózy pop'id zelén'i lózy, a za ným kozen'áta, polomály nožen'áta* (P); *Oj čýja to γúska pu vudy's'i pl'úska, a toj γusyčók do dómu vedé* (J).

³⁶ В гуцульских говорах: *поліваний понедівок* [ГГ: 153].

prov'irjáty, bo to Tómina nyg'il'a, v'in prov'irjáw rány Xrystóvy (Hr) ('Почему Проводное воскресенье? Может, проверять, потому что Фомина неделя, он проверял раны Христа').

9.0. На пятидесятый день после Пасхи отмечают **Троицу** (*zelén'i s'('')v'áta / s'('')v'éta*), *ze''len'i c''v'ama* (Рогатин (ИФ) [ГПЗНУ 2000: 130]), *ze''len'i c''v'eta* (Плешевичи (Я) [ГПЗНУ 2005: 21]). В этот день убирают и чистят все в доме (*my'jemó xátu*) (Pr). Ветками от ясеня (*jásyn'*), липы (*ly'pa*), клена (*klen*) или дуба (*dub*), разными травами украшают ворота, вход в дом, окна, крышу, застилают пол (также в церкви). Ветки деревьев оставляют на полях, в огороде (*po jidnú γ'il'áčku z lýst'um zelénoji ly'pye s'i zapxáje*) (L) (ср. [Курочкин 2000: 421]). Обычай украшать на Троицу дома, церкви и другие постройки является общеславянским [Агапкина 2012с: 320]. Для этого украинцы Боснии собирают дикие ирисы, которые растут у рек и озер. Собеседники называли этот цветок по-сербски *perúnika* (лат. *iris*)³⁷, украинский аналог не встретился (*idé s'i u dolýnu, w luγ, kólo potóka rosté roslýna, perúnika, dówyje*) (L)³⁸. Зелень в доме и в церкви убирают через неделю, до следующего воскресенья (Tr), в Лишне зелень выносили уже через три дня. Ср. данные из Галиции: *'микайут 'липоў, к'леном* (Рогатин (ИФ) [ГПЗНУ 2000: 130]), *ма'йїли* (Плешевичи (Я) [ГПЗНУ 2005: 21]). Украинцы в Боснии используют глагол *majíty* — украшать дом на Троицу, семантику которого объясняют тем, что Троица обычно выпадает на май, поэтому сам процесс так и называется: *majíty — zelén'i s'v'áta najb'ilše u m'is'ac'u majú* (L)³⁹. В селе Хрвачани на Троицу совершали процессию по селу с хоругвями и крестом (*v'id cérkvy išlá procésija pi póle*), священник обходил и освящал поля (*posv'ěščuvaw*). Освящение происходило на перекрестке (*na rozdoróžu*).

10.0. На праздник **Божьего тела** (лат. *Corpus domini*) (*bóžoyo t'ila*), который отмечается в католической церкви спустя 60 дней после Пасхи, украинцы-грекокатолики освящали травы (*z'il'a/e*) и венки (*v'ink'y, v'inóčk'y*), а также благословляли поля (*blayoslów pól'a*) (Pr). Православные украинцы святили венки на Троицу. После освящения их держали в доме и во время непогоды, грома и бури выносили на двор, сжигали часть и читали молитву (*vynése s'i na dv'ir da toj dym porozyan'é xmáry*) (Hr).

³⁷ *Perunika* — ирис, род ирисовых [РСХ] 4: 394].

³⁸ В Боснии ирисы (также серб. *sabljica*) часто встречаются около домов, носят их и на кладбища [Filipović 1969: 40].

³⁹ *Majiti* — «украшать цветами» [СБуг: 273], при толковании в семантике лексем выделяется и обрядовая составляющая: *majiti* — «украшать дом зеленью на Троицу» [ГГ: 118], *majiti* — «украшать зелеными ветками дом на Троицу» [СБог 1: 426], там же *май* — «зеленые ветки, которыми наряжают дом на Троицу».

Сжигать венки могли и на кухне. Сербь также плетут венки, но у них добавляется чеснок, который отгоняет ведьм, тогда как у украинцев чеснок в венки не вплетают. Спустя год венки не выкидывали, а сжигали (*ne k'ýdaje takó des', to spalýt, bo to s'v'aščéne*) (P).

11.0. Седьмого июля отмечали **Рожество Иоанна Крестителя** (*Iván, na / za Ivána*) (07.07). В этот день нужно было встать рано, тогда на восходе можно увидеть «игру» солнца, говорили, что оно «купается», «трепещет» (*sónce s'i / s'a kupáje* (Pr), *s'i potr'ípuje* (Hr)). Рассказывали, что солнце выходит четыре раза и «купается». С купанием солнца ассоциируется и второе название праздника — *kupálo* (*sónce kupájes'a na Ivána, a totó povjázano s tym kupáлом*) (Tr). Кроме того, с этого дня разрешалось купаться в реках и озерах — до Иванова дня было запрещено, потому что солнце еще не искупалось (*dok s'a sónce ne skupáje, tud'í p'isl'a tógo móžna kupáty s'a*) (Pr). Считалось, что купаться можно до Преображения (19.08) (*preobrážen'a*), когда лето преобразается в осень, и вода становится холодной (*preobrážuje s'a l'ito u wós'in', vže zýmna vodá*) (Pr). В этот день принято было украшать дом цветами. Существует поверье: если кукушка будет куковать (*zozúl'a kúkaje*) только до Иванова дня, осень будет плохой, если же до Петрова дня — теплой (*jag búde do Pétra, to búde vós'in' tépla, a jakšó do Ivána to budé porána*) (Tr). До восхода солнца шли купаться, считалось, что если умыться водой из лопухов, то будешь красивым и здоровым (*s tyx lapux'iv jak s'a umýje, búde fájnyj, zdoróvyj* (D); *i tom vodóm s'i mýješ, za Ivána, i tudý dývyš s'i do són'c'a i pomólyš s'i, sónce tak potr'ípuje* (Hr)). Когда купались, пели песни и пускали веночки. В селе Стара-Дуброва девушки шли купаться на реку Укрина (серб. *Ukrina*), поливали друг друга водой. Также в этот день жгли костры: парни и девушки брались за руки и прыгали через костер (*za rúk'y s'i lapály i skakály razóm*) (J), пели песни (свидетельства о кострах в других населенных пунктах зафиксированы не были).

На Ивана Купала в Галиции плели венки (*n'лили смо 'в'ин'ц'и*), пускали их на воду, жгли костер (*на'лили ву'гон'*) (Старая Ропа (СТ) [ГПЗНУ 2000: 40]), собирали цветы, смотрели, куда пристал венок. Так выясняли, откуда будет жених (Крупское (Н) [Ibid.: 63]). Также украшали травами дом (*на Гвана 'тикайут 'з'іл'ом ха'ти*) (Рогатин (ИФ) [Ibid.: 131]), собирали росу и умывались ею (Ясеница (СТ) [ГПЗНУ 2005: 157]). Парни устраивали бесчинства (Надычи (Ж) [Ibid.: 62])⁴⁰. Смотрели на восход солнца, как оно купается (*йак ку'палос'и 'сонце*) (Новоселки (Б) [ГПЗНУ 2000: 118]).

⁴⁰ В Боснии, где в основном все бесчинства приурочены к первому дню Пасхи, этого не фиксировалось.

12.0. О других календарных праздниках и связанных с ними обычаях удалось записать совсем мало материала. В основном речь идет о храмовых праздниках (*prázny^ek*) (*n'raznik* (Надычи (Ж)) [ГПЗНУ 2005: 62]). Например, в Прняворе престольный праздник — Преображение (19.08). На Благовещение (*blayov'ishčen'a*) (07.04) и Покров Богородицы (*pokróvy*) (14.10) в церкви проходит служба. На Петра (12.07) в селах Поточани и Хрвачани жгли костры. Упоминали украинцы и про день св. Георгия (*Júre, na Júra*) (06.05), но больше — как про аналог сербского праздника *Đurđevdan*.

13.0. Традиции и лексика традиционной культуры, связанные с календарной обрядностью, у украинцев Боснии — восточнославянские. Они в основном идентичны традициям и лексике, распространенным в Галиции и отчасти — в сопредельных регионах, в западной части этнических украинских земель (например, название вечера перед Богоявлением *щедрий вечір*, наименование освященной вербы *шутка*, исполнение *гайвок* на Пасху, *обливний* понедельник). В календарной обрядности украинцев Боснии прослеживается влияние католической традиции, что фиксируется также на территории исходной миграции (например, обычай одаривать детей в день св. Николая, стража у плащаницы в последние дни Великого поста, освящение трав и венков на праздник Божьего Тела, использование колотушки в последние дни Великого поста). Отмечается некоторое влияние польской лексики, характерное еще для говоров зоны переселения (*šópka* — рождественское театрализованное представление, вертеп; *dvanájc'at jéžen'* — 12 блюд, которые готовят на Сочельник; лексема, обозначающая священника, — *ks'onc/s*).

Вместе с тем фиксируется много поверий, обрядов, обычаев и предписаний, общих для исследуемой западноукраинской традиции в Боснии и Герцеговине и окружающих ее южнославянских традиций (при этом возможно расхождение в календарной приуроченности тех или иных обрядовых действий): например, крошить пасхальное яйцо / скорлупу на муравейник, обвязывать деревья соломой после рождественских праздников, гадать о погоде по дням перед Рождеством, стелить солому в доме в сочельник, украшать дом зеленью на Троицу. Отдельные элементы народной культуры галицких украинцев и южных славян могут быть рассмотрены в рамках карпато-балканских параллелей. Сюда следует отнести название первого гостя *полазник*, наименование вербы с использованием корня **šut-*, звукоподражание птице в Сочельник, так называемая игра «*кусать калиту*» на Андрея у украинцев и (*h*)/*lamkanje* на Пасху у южных славян.

В целом влияние соседних южнославянских традиций и языков затронуло календарную обрядность украинцев в незначительной степени, что,

возможно, объясняется относительно недавним переселением украинцев на территорию Боснии и Герцеговины (чуть более века назад). Касается это влияние в основном языковой сферы (обозначение предметов повседневного быта и некоторых природных объектов и явлений), а также новых традиций. Из обычаев это, вероятнее всего, установка рождественского дерева — *krizban*, персонаж *krampus*, который сопровождает св. Николая, название первого освященного яйца, которое хранят целый год *čuvarkuša*, обычай сеять в горшочке пшеницу перед Рождеством и по всходам гадать об урожае. Из устоявшихся заимствований следует отметить также *tase*, *mačice* (почки на освященной вербе), *perunika* (ирисы, которыми застилали пол на Троицу), *stražar*, *dežurant* (те, кто сторожат плащаницу перед Пасхой), *kokodakanje*, *pijukanje* (звукоподражание птице в Сочельник), *vrba* (освященная верба), *dinar* (деньги, которые дают / давали колядующим, бросали в солому в Сочельник). Сюда же можно добавить названия пищи, ставшей обрядовой (*sarma* — одно из главных блюд на престольном празднике в церкви Прнявора; слово *kolač* используется в значении «пирожное» (серб. *kolač*)). Вероятно, сербский язык способствовал и повсеместному использованию формы имени *Andrej*, в том числе в названии праздника. Сербский язык, несомненно, повлиял на использование предлога *za* во временной конструкции (в календарной обрядности — при маркировании временной привязки обычая / обряда), тогда как на территории исходного проживания она не зафиксирована (*za Andreja*, *za novýj r'ik*, *za r'izdvó* и т. д.). Следует отметить, что, хотя украинская диаспора не слишком многочисленная и в Боснии проживает на достаточно компактной территории, в календарной обрядности (как и в языке) у разных ее представителей наблюдаются различия. Так, в Прняворе была известна лексема *kut'á*, а в селах Деветина, Хрвачани говорили *pšenýc'a*; в селе Хрвачани костры устраивали в субботу перед Пасхой, в Лишне — на Петра; в Трнополе колядующие не заходят в дом, а в окрестностях Прнявора принято было заходить. Обусловлены такие расхождения могут быть разными зонам миграции, тогда как на новой территории представители разных микролокальных традиций и диалектов часто смешивались, образуя переселенческое сообщество.

В других случаях скорее следует говорить о дублетности наименований, в речи информанты часто приводят наравне с украинским названием сербское, осуществляя так называемую стратегию дублирования: *na zelén'i s'v'áta*, *na dúxove* (Hr). Связано это с актуализацией лексемы в речи в конкретный момент, при этом заметны колебания информанта, что проявляется в метаязыковых высказываниях. Например, наряду со словосочетанием *velekódn'i zbýtk'ý* зафиксировано *úskršn'i zbýtk'ý* (серб. *uskrs*). В целом лексика отражает состояние исходного говора переселенцев, локализуемого в исторической области Галиция.

Сокращения

Б — Бусский р-н Львовской обл.
 Ж — Жолковский р-н Львовской обл.
 ЖД — Жидачовский р-н Львовской обл.
 ИФ — Ивано-Франковская обл.
 М — Мостисский р-н Львовской обл.
 П — Пустомытовский р-н Львовской обл.
 С — Сокальский р-н Львовской обл.
 СК — Сколевский р-н Львовской обл.
 СТ — Старосамборский р-н Львовской обл.
 СТР — Стрыйский р-н Львовской обл.
 Т — Турковский р-н Львовской обл.
 Я — Яворовский р-н Львовской обл.
 ЯР — Ярославский повят Подкарпатского воеводства (Польша)

BL — Баня-Лука
 D — Деветина
 Нг — Хрвачани
 J — Яблан
 L — Лишня
 P — Прнявор
 Pr — Просьек
 Tr — Трнополе

Литература и источники

Агапкина 1992

Агапкина Т. А., Великопостная обрядность в традиционном календаре славянских народов, *Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения-1*, Москва, 1992, 74–93.

——— 2004

Агапкина Т. А., Обливанный понедельник, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 454–455.

——— 2012a

Агапкина Т. А., Сретенье, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 152–155.

——— 2012b

Агапкина Т. А., Страстная неделя, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 172–175.

——— 2012c

Агапкина Т. А., Троица, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 320–325.

Агапкина, Белова 2012

Агапкина Т. А., Белова О. В., Яйцо пасхальное, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 626–632.

Белова 1999

Белова О. В., Коза, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 2, Москва, 1999, 522–524.

——— 2012

Белова О. В., Солома, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 106–113.

Белова, Седакова 2009

Белова О. В., Седакова И. А., Свеча, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 4, Москва, 2009, 567–573.

Біляковський 2012

Біляковський П., Різдва-Стрітенський цикл погодних передбачень в народному календарі українців Карпат, *Народознавчі зошити*, 4 (106), 2012, 634–642.

Бушкевич 2012

Бушкевич С. П., Птицеводство, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 339–345.

Валенцова 2004

Валенцова М. М., Кутья, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 69–71.

——— 2012

Валенцова М. М., Календарная обрядность в с. Остурня словацкого Замагурья, *Карпато-балканский ландшафт: язык и культура. 2012–2014*, 3, Москва, 2012, 199–222.

Валенцова, Узенева 2004

Валенцова М. М., Узенева Е. С., Никола Зимний, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 396–398.

Вашенко 2018

Вашенко Д. Ю., День Св. Люции в традиции градишанскохорватских и венгерских сел Западной Венгрии, *Живая старина*, 4 (100), 2018, 9–13.

Виноградова 1995a

Виноградова Л. Н., Вода, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 386–390.

——— 1995b

Виноградова Л. Н., Гадание, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 482–486.

Виноградова, Плотникова 2004

Виноградова Л. Н., Плотникова А. А., Новый год, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 415–419.

——— 2012

Виноградова Л. Н., Плотникова А. А., Сочельник рождественский, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 145–150.

Виноградова, Толстая 1995

Виноградова Л. Н., Толстая С. М., Андрей, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 109–111.

Врањеш et al. 2017

Врањеш Р., Зеџ А., Мандић Д., Радић Б., Сибиновић В., Станковић Б., ред., *Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године. Етничка / национална припадност, вјероисповијест и матерњи језик*, Бања Лука, 2017.

ГГ

Гуцульські говірки. Короткий словник, Львів, 1997.

Глушко 2016

Глушко М., Традиційні звичаї та обряди свят-вечора українців Надсяння, *Народознавчі зошити*, 6 (132), 2016, 1320–1330.

Горбаль 2012

Горбаль М., «Дідух» («Дід»), кутья в різдвяній обрядовості Лемківщини. Типологія та семантика, *Народознавчі зошити*, 2 (104), 2012, 218–226.

Горбач 1965

Горбач О., Північно-наддністрянська говірка й діалектний словник с. Романів Львівської області, *Відбитка з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту в Мюнхені*, 8 (10), Мюнхен, 1965, 1–103.

Горбач 1971

Горбач О., Говірки й словник діалектної лексики Тербовельщини, *Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту*, Мюнхен, 19, 1971, 47–182, 20, 1971, 148–194.

ГПЗНУ 2000

Говірки південно-західного наріччя української мови. Збірник текстів, упоряд. Н. М. Глібчук, Львів, 2000.

——— 2005

Українські говірки південно-західного наріччя. Тексти, упоряд. Н. М. Глібчук, Львів, 2005.

Гриценко 2004

Гриценко П. Ю., Наддністрянський говір, *Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2004, 387–388.

Гура 1999

Гура А. В., Крот, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 2, Москва, 1999, 682–685.

Далмација 2004

Далмација С., *Речник говора Поткозарја*, Бања Лука, 2004.

Дрљача 1985

Дрљача Д., *Колонизација и живот Пољака у југословенским земљама од краја 19. до половине 20. столећа*, Београд, 1985.

Дуличенко 2017

Дуличенко А. Д., Малые славянские литературные языки (микроязыки), *Славянские языки. Языки мира*, С.-Петербург, 2017, 625–645.

ЕСУМ, 1–6

Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Касаткин 2008

Касаткин Л. Л., Русский говор села Татарница в Болгарии, *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов*, Москва, 2008, 116–139.

Кілар 2017

Кілар А., Поминальні мотиви в календарній обрядовості українців Покуття (на матеріалах із Городенківського та Снятинського р-ів., *Народознавчі зошити*, 1 (133), 2017, 234–245.

Кожолянко 2018

Кожолянко О., Пасхальні (великодні) обряди на Буковині, *Народознавчі зошити*, 1 (139), 2018, 65–69.

Копержинський 1929

Копержинський К., Календар народньої обрядовості новорічного циклу, *Первісне громадянство та його пережитки на Україні*, 3, 1929, 14–98.

Курочкин 2000

Курочкин А. В., Календарные обычаи и обряды, *Украинцы*, Москва, 2000, 391–430.

Медар-Тања, Мишлички 2007

Медар-Тања И., Мишлички Т., Антропогеографско и етнолошко проучавање украјинског насеља Деветина, *Међународни научни скуп «Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима»*, Требиње, 2007, 511–518.

Мишлицьки 2008

Мишлицьки Т., *Українська насеља у јужном Поткозарју*, Бања Лука, 2008.

Мовна 2014

Мовна У., Український різдвяно-водохресний обрядовий текст: воскова свічка, *Народознавчі зошити*, 2 (116), 2014, 236–249.

МСГГ

Піпаш Ю., Галаш Б., *Матеріали до словника гуцульських говірок. Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області*, Ужгород, 2005.

НРС

Шило Г., *Наддністрянський регіональний словник*, Львів, Нью-Йорк, 2008.

Пилипенко 2016

Пилипенко Г. П., Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры, *Лицеум: часопис за студије књижевности и културе*, 22 /17, 2016, 89–98.

——— 2017

Пилипенко Г. П., Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины, *Живая старина*, 4 (96), 2017, 29–32.

——— 2019

Пилипенко Г. П., Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины, *Вестник славянских культур*, 52, 2019, 199–217.

Плотникова 2004

Плотникова А. А., *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Москва, 2004.

——— 2016

Плотникова А. А., *Славянские островные ареалы, архаика и инновации*, Москва, 2016.

ПМА

ПМА – Полевые материалы автора

Пуківський 2013

Пуківський Ю., Звичаї та повір'я українців Волині, пов'язані з церковною службою на Великдень, *Народознавчі зошити*, 2 (110), 2013, 200–211.

РСЈ

Речник српскога језика, Нови Сад, 2011.

РСХЈ, 1–6

Речник српскохрватскога књижевног језика, 1–3, Нови Сад, Загреб, 4–6, Нови Сад, 1967–1976.

Румянцев 2008

Румянцев О., *Галичина-Боснія-Воєводина: Українські переселенці з Галичини на території югославських народів в 1890–1990 роках*, Київ, 2008.

Самотіс 2014

Самотіс Я., Традиційна великодня обрядовість буковинських гуцулів (на матеріалах етнографічних експедицій), *Народознавчі зошити*, 1 (115), 2014, 103–113.

СБог, 1-2

Онишкевич М. Й., *Словник бойківських говірок*, 1–2, Київ, 1984.

СБуГ

Словник буковинських говірок, Чернівці, 2005.

СЗГ, 1-2

Аркушин Г. Л., *Словник західнополіських говірок*, 1–2, Луцьк, 2000.

Седакова 1995

Седакова И. А., Дед, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 41–43.

——— 2008

Седакова И. А., Русская речь в балканском окружении, *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой*, Москва, 2008, 202–222.

Серебрякова 2015

Серебрякова О., «Андрію, Андрію, я коноплі сію: дай ми, боже, знати, з ким їх буду брати» (мантичний звичай «засівання конопель»: семантика, символіка, функції), *Народознавчі зошити*, 5 (125), 2015, 1034–1044.

——— 2018

Серебрякова О., Ритуальне застосування води у різдвяно-водохресній обрядовості жителів Покуття, *Народознавчі зошити*, 3 (141), 2018, 577–585.

Скрипник 2000

Скрипник А. А., Народные верования, *Украинцы*, Москва, 2000, 431–446.

СУМ, 1–11

Словник української мови, 1–11, Київ, 1970–1980.

Терновская 1995

Терновская О. А., Блоха, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 196–197.

Токар 1991

Токар Т. Я., До питання розвитку лексики українських островних говірок Боснії, *Дослідження з української діалектології*, Київ, 1991, 140–151.

——— 2004

Токар Т. Я., Українська мова в Сербії, Боснії і Герцеговині, Хорватії, *Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2004, 731.

Толстая 1995a

Толстая С. М., Бесчинства, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 171–175.

——— 1995b

Толстая С. М., Введение, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 293.

——— 2004

Толстая С. М., Метеорология народная, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 248–252.

Толстой 1995

Толстой Н. И., Вербное воскресенье, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 336–338.

Топорков 2004

Топорков А. Л., Ложка, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 129–134.

Узенева 2007

Узенева Е. С., Старообрядцы в Болгарии, *Живая старина*, 3, 2007, 24–26.

Усачева 2008

Усачева В. В., *Магия слова и действия в народной культуре славян*, Москва, 2008.

——— 2009

Усачева В. В., Пшеница, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 4, Москва, 2009, 373–377.

Харчишин 2017

Харчишин О., Календарно-обрядовий фольклор Покуття: тяглість та змінність традиції, *Народознавчі зошити*, 1 (133), 2017, 61–74.

Boychuk 1997

Boychuk V., *Vivady — wedding songs of Ukrainians from Bosnia* (A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Ukrainian Folklore University of Alberta, Edmonton, 1997).

Braica 2014

Braica S., Božićni običaji, *Etnologia Dalmatica*, 13, Split, 2014, 5–26.

HJP

Hrvatski jezični portal (<http://hjp.znanje.hr/>).

DER

Ciorănescu A., *Dicționarul etimologic al limbii române*, 2nd ed., București, 2001.

Dragić 2009

Dragić M., Sveti Nikola u hrvatskoj katoličkoj, tradicijskoj i filološkoj baštini, *Hum*, 5, 2009, 35–57.

Filipović 1962

Filipović M., *Prilozi etnološkom proučavanju severo-istočne Bosne*, Sarajevo, 1962.

——— 1969

Filipović M., *Majevisa. S osobitim obzirom na etničku prošlost i etničke osobine majevičkih Srba*, Sarajevo, 1969.

Gregorič 2014

Gregorič J., *Kostelski slovar*, Ljubljana-Kostel, 2014.

MENSz

Tótfalusi I., *Magyar etimológiai nagyszótár*, Budapest, 2001.

Pilipenko 2018

Pilipenko G. P., The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker, *Slověne*, 1, 2018, 282–307.

Štebih Golub 2010

Štebih Golub B., *Germanizmi u kajkavskome jeziku*, Zagreb, 2010.

Vasilijević 2017

Vasilijević D., The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska, *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives*, Belgrade, 2017, 163–182.

References

Agapkina T. A., Belova O. V., Iaitso paskhal'noe, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 626–632.

Agapkina T. A., Oblivannyi ponedel'nik, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 454–455.

Agapkina T. A., Sreten'e, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 152–155.

Agapkina T. A., Strastnaia nedelia, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 172–175.

Agapkina T. A., Troitsa, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 320–325.

Agapkina T. A., Velikopostnaia obriadnost' v traditsionnom kalendare slavianskikh narodov, *Obraz mira v slove i rituale. Balkanskie chteniia-1*, Moscow, 1992, 74–93.

Belova O. V., Koza, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 2, Moscow, 1999, 522–524.

Belova O. V., Sedakova I. A., Svecha, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 4, Moscow, 2009, 567–573.

Belova O. V., Soloma, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 106–113.

Biliakovskiy P., On Christmas-Candlemas cycle of weather forecasts in Carpathian Ukrainians' traditional folk calendar, *The Ethnology Notebooks*, 4 (106), 2012, 634–642.

Braica S., Božićni običaji, *Etnologia Dalmatica*, 13, Split, 2014, 5–26.

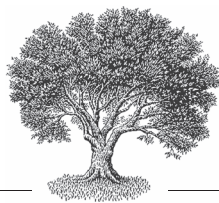
Bushkevich S. P., Ptitsevodstvo, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 339–345.

- Dalmacija S., *Rečnik govora Potkozarja*, Banja Luka, 2004.
- Dragić M., Sveti Nikola u hrvatskoj katoličkoj, tradicijskoj i filološkoj baštini, *Hum*, 5, 2009, 35–57.
- Drljača D., *Kolonizacija i život Poljaka u jugoslovenskim zemljama od kraja 19. do polovine 20. stoleća*, Beograd, 1985.
- Duličenko A. D., Minor Slavic literary languages (micro-languages), *Languages of the World: Slavic Languages*, St. Petersburg, 2017, 625–645.
- Filipović M., *Majevica. S osobitim obzirom na etničku prošlost i etničke osobine majevičkih Srba*, Sarajevo, 1969.
- Filipović M., *Prilozi etnološkom proučavanju serbo-istočne Bosne*, Sarajevo, 1962.
- Gura A.V., Krot, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 2, Moscow, 1999, 682–685.
- Hlushko M., The Christmas Eve traditional customs and rites of Ukrainians of Nadsianina, *The Ethnology Notebooks*, 6 (132), 2016, 1320–1330.
- Horbach O., Hovirky i slovyk dialektnoi lek-syky Terebovel'shchyny, *Vidbytky z «Naukovykh Zapsyok» Ukrains'koho Tekhnichno-Hospodars'koho Instytutu*, 19–20, Munich, 1971, 47–182, 148–194.
- Horbach O., Pivnichno-naddnistrians'ka hovirka i diialektnyi slovyk s. Romaniv L'vivs'koi oblasti, *Vidbytky z «Naukovykh Zapsyok» Ukrains'koho Tekhnichno-Hospodars'koho Instytutu v Miunkheni*, 8 (10), Munich, 1965, 1–103.
- Horbal' M., Didukh (Forefather) and kutya in Christmas rityalism of Lemko Land. Typology and semantics, *The Ethnology Notebooks*, 2 (104), 2012, 218–226.
- Hrytsenko P. Yu., Naddnistrians'kyi hovir, *Ukrains'ka mova. Entsiklopedia*, Kiev, 2004, 387–388.
- Kasatkin L. L., Russkii govor sela Tataritsa v Bolgarii, *Russkie staroobryadtsy: iazyk, kul'tura, istoriia. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov*, Moscow, 2008, 116–139.
- Kharchyshyn O., The calendar ceremonial folklore of Pokuttia: tradition's continuity and variability, *The Ethnology Notebooks*, 1 (133), 2017, 61–74.
- Kilar A., Memorial motifs in the calendar rituality of Pokuttia's Ukrainians (on the base of data's from Horodenka and Sniatyn districts), *The Ethnology Notebooks*, 1 (133), 2017, 234–245.
- Kozholianko O., Easter Ceremonies at Bukovyna, *The Ethnology Notebooks*, 1 (139), 2018, 65–69.
- Koperzhynskiy K., Kalendar narodn'oi obriadovosti novorichnoho tsyklu, *Pervisne hromadianstvo ta ioho perezhytty na Ukraini*, 3, 1929, 14–98.
- Kurochkin A. V., Kalendarnye obychai i obriady, *Ukraintsy*, Moscow, 2000, 391–430.
- Medar-Tanjga I., Mišlicki T., Antropogeografsko i etnološko proučavanje ukrajinskog naselja Devetina, *Međunarodni naučni skup «Srbija i Republika Srpska u regionalnim i globalnim procesima»*, Trebinje, 2007, 511–518.
- Mišlicki T., *Ukrajinska naselja u južnom Potkozarju*, Banja Luka, 2008.
- Movna U., Wax candle as Ukrainian Christmas and Epiphany ritualistic text, *The Ethnology Notebooks*, 2 (116), 2014, 236–249.
- Pilipenko G. P., Phonetic Description of the Ukrainian Dialect in Bosnia and Herzegovina, *Bulletin of Slavic Cultures*, 52, 2019, 199–217.
- Pilipenko G. P., Svadebnye obriady u ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny, *Zhivaia starina*, 4 (96), 2017, 29–32.
- Pilipenko G. P., The Ukrainian Enclave in Bosnia and Hercegovina: the Field Research of the Language and Culture, *Liceum: journal for literary and cultural studies*, 22 /17, 2016, 89–98.
- Pilipenko G. P., The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker, *Slověne*, 1, 2018, 282–307.
- Plotnikova A. A., *Etnolingvističeskaja geografiia Iuzhnoi Slavii*, Moscow, 2004.
- Plotnikova A. A., *Slavianskie ostrovnye arealy, arkhaika i innovatsii*, Moscow, 2016.
- Pukivsky Yu., On Volhynian Ukrainians' customs and beliefs connected with church Easter service, *The Ethnology Notebooks*, 2 (110), 2013, 200–211.
- Rumiantsev O., *Halychyna-Bosniia-Voievodyna: Ukrains'ki pereselentsi z Halychyny na terytorii iuhoslav's'kykh narodiv v 1890–1990 rokakh*, Kiev, 2008.
- Samotis Ya., On traditional Easter rites of Bukovina Huzuls (after materials of ethnographic expeditions), *The Ethnology Notebooks*, 1 (115), 2014, 103–113.
- Sedakova I. A., *Ded, Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 41–43.
- Sedakova I. A., Russkaia rech' v balkanskom okruženii, *Karpato-balkanskii diialektnyi landschaft: iazyk i kul'tura. Pamiati Galiny Petrovny Klepikovoi*, Moscow, 2008, 202–222.
- Serebryakova O., «Andrew, Andrew, I'm sowing the hemp: God, let me know, with whom it will be gathered» (divination rite of «sowing hemp»: semantics, symbolics, functions), *The Ethnology Notebooks*, 5 (125), 2015, 1034–1044.
- Serebryakova O., Ritual use of water in Christmas and Epiphany rituality of Pokuttia dwellers, *The Ethnology Notebooks*, 3 (141), 2018, 577–585.
- Skripnik A. A., Narodnye verovaniia, *Ukraintsy*, Moscow, 2000, 431–446.
- Štebih Golub B., *Germanizmi u kajkavskome jeziku*, Zagreb, 2010.
- Ternovskaia O. A., *Blokha, Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 196–197.
- Tokar T. Ia., Do pytannia rozvytku lek-syky ukrains'kykh ostrivnykh hovirok Bosnii, *Doslidzhennia z ukrains'koi dialektolohii*, Kiev, 1991, 140–151.
- Tokar T. Ia., Ukrains'ka mova v Serbii, Bosnii i Hertsehovyni, *Khorvatii, Ukrains'ka mova. Entsiklopedia*, Kiev, 2004, 731.

- Tolstaya S. M., Beschinstva, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 171–175.
- Tolstaya S. M., Meteorologija narodnaia, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 248–252.
- Tolstaya S. M., Vvedenie, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 293.
- Tolstoi N. I., Verboe voskresen'e, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 336–338.
- Toporkov A. L., Lozhka, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 129–134.
- Usacheva V. V., Magiia slova i deistviia v narodnoi kul'ture slavian, Moscow, 2008.
- Usacheva V. V., Pshenitsa, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 4, Moscow, 2009, 373–377.
- Uzeneva E. S., Staroobriadtsy v Bolgarii, *Zhivaia starina*, 3, 2007, 24–26.
- Valentsova M. M., Kalendarnaia obriadnost'v s. Osturnia slovatskogo Zamagur'ia, *Karpato-balkanskii landschaft: iazyk i kul'tura. 2012–2014*, 3, Moscow, 2012, 199–222.
- Valentsova M. M., Kut'ia, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 69–71.
- Valentsova M. M., Uzeneva E. S., Nikola Zimnii, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 396–398.
- Vashchenko D. Yu., Den' Sv. Liutsii v traditsii gradishchanskokhorvatskikh i vengerskikh sel Zapadnoi Vengrii, *Zhivaia starina*, 4 (100), 2018, 9–13.
- Vasilijević D., The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska, *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives*, Belgrade, 2017, 163–182.
- Vinogradova L. N., Gadanie, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 482–486.
- Vinogradova L. N., Plotnikova A. A., Novyi god, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 415–419.
- Vinogradova L. N., Plotnikova A. A., Sochel'nik rozhdestvenskii, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 145–150.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M., Andrei, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 109–111.
- Vinogradova L. N., Voda, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 386–390.

Пилипенко Глеб Петрович, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Института славяноведения Российской академии наук (ИнСлав РАН)
119991, Москва, Ленинский проспект 32-А
Россия / Russia
glebpilipenko@mail.ru

Received March 2, 2020

Албанские элементы
в славянской речи
билингвов
Голо Бордо:
смещение кодов или
заимствование?*

Мария Сергеевна Морозова

Институт лингвистических
исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Albanian Elements
in the Slavic Speech
of Golo Bordo
Bilinguals:
Code-Mixing or
Borrowing?

Maria S. Morozova

Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russia

Резюме

В статье рассматриваются контактнообусловленные явления в славянской речи билингвов полиэтнического региона Голо Бордо на северо-востоке Албании. Большинство жителей славянской части региона владеют местным западномакедонским диалектом и литературным албанским языком. Материалом для исследования являются диалектные тексты, ранее опубликованные в [Steinke, Ylli 2008; Соболев et al. 2013], примеры из [Asenova 2016] и полевые материалы автора. Особое внимание уделяется включению албанских существительных и глаголов в речь билингвов на македонском диалекте.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диатопии, диахронии и диастратии», № 19-18-00244).

Цитирование: Морозова М. С. Албанские элементы в славянской речи билингвов Голо Бордо: смещение кодов или заимствование? // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 372–394.

Citation: Morozova M. S. (2020) Albanian Elements in the Slavic Speech of Golo Bordo Bilinguals: Code-Mixing or Borrowing? *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 372–394.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.16

В статье анализируются способы интеграции албанских существительных, примеры неадаптированных глагольных включений и модели адаптации глаголов. Сделана попытка теоретического осмысления описанных явлений как заимствований или случаев смешения кодов (code-mixing). Для описания таких явлений, как включение морфологически интегрированных албанских существительных и глаголов в албанском грамматическом оформлении, использовано понятие «конгруэнтной лексикализации» (congruent lexicalization) [Muysken 2000].

Ключевые слова

билингвизм, албанский язык, македонский язык, Голо Бордо, смешение кодов, переключение кодов, заимствование, интерференция, адаптация, конгруэнтная лексикализация

Abstract

The article considers contact-related phenomena found in the Slavic speech of bilinguals in the multiethnic region of Golo Bordo, Northeastern Albania. Most inhabitants of the Slavic part of the region master the local Western Macedonian dialect and the literary Albanian language. The material for the study includes dialect texts previously published in [Steinke, Ylli 2008; Соболев et al. 2013], examples from [Asenova 2016] and field materials collected by the author. Particular attention is paid to the insertion of Albanian nouns and verbs in the Macedonian speech of bilinguals.

The article analyzes the ways to integrate the Albanian nouns, the examples of non-integrated verb insertions, and the models of adaptation of verbs. An attempt is made to provide a theoretical understanding of the described phenomena as either borrowing or code-mixing. The notion of “congruent lexicalization” [Muysken 2000] is used for the interpretation of phenomena such as the insertion of morphologically integrated Albanian nouns and non-integrated verbs used in their Albanian grammatical forms.

Keywords

bilingualism, Albanian, Macedonian, Golo Bordo, code-mixing, code-switching, borrowing, interference, adaptation, congruent lexicalization

1. Введение

Настоящее исследование посвящено некоторым особенностям функционирования языка в неравновесных билингвальных ситуациях на территории албанско-славянского языкового «пограничья». Анализируя явления лингвистической интерференции, переключения кодов (ПК) и смешения кодов (СК), мы предпринимаем попытку пролить свет на проблему соотношения этих феноменов при билингвальном использовании языка и определить основные механизмы включения иноязычных элементов в речь на первом языке представителей двуязычного сообщества.

Явления в речи билингвальных говорящих, попеременно использующих два языка, по-разному трактуются и терминологически определяются исследователями. К. Майерс-Скоттон рассматривает ПК как единое явление, различая внутри него ПК на границе предложений (англ. intersentential) и ПК внутри предложения (intrasentential) [Myers-Scotton 2002]. П. Мэйскен называет ПК внутри предложения «смешением кодов» (code-mixing) [Muysken 2000]¹ и выделяет внутри него три различных явления: (а) включение (insertion) фрагментов на языке Б в предложение на языке А; (б) альтернация (alternation) фрагментов на языках А и Б, в результате чего предложение не может быть идентифицировано как принадлежащее языку А или Б; (в) конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization), когда элементы обоих языков вставляются в грамматическую структуру, полностью или частично разделяемую языками А и Б [Muysken 2000: 3; 2013: 712–713]². В данной статье мы терминологически и сущностно разграничиваем ПК и СК, понимая под первым «переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства», а под вторым — «говорени[e] на одном языке с включением элементов другого языка» [Русаков 2004: 69].

В статье рассматриваются контактнообусловленные явления в речи билингвов, проживающих в регионе Голо Бордо на северо-востоке Албании. Родным, или первым языком (Я1) билингвальных жителей этого региона является местный диалект западномакедонской группы, вторым языком (Я2) — (литературный) албанский, официальный язык администрации, образования и СМИ в Республике Албании, который используется билингвами Голо Бордо также как язык общения со своими монолингвальными албаноязычными соседями. Анализируются примеры и фрагменты диалектных текстов, записанных в ходе экспедиций в славянские села Голо Бордо. Они иллюстрируют коммуникацию на славянском идиоме Голо Бордо, преимущественно в присутствии (и нередко при непосредственном участии) исследователей, владеющих стандартным албанским и македонским языками.

Некоторые географические, демографические и социолингвистические сведения об изучаемом регионе приводятся в разделе 2 на-

¹ В более поздних работах П. Мэйскен отдает предпочтение термину code-switching [Muysken 2013]. Различные явления внутри и на границах предложений обозначаются как code-switching в цитируемых в данной статье [Haspelmath 2009; Poplack 2018] и как code-mixing — в [Pfaff 1979].

² Вслед за А. Ю. Русаковым, мы трактуем конгруэнтную лексикализацию как явление другого порядка, чем включение и альтернация. «Как кажется, несмотря на реальное существование данного явления, оно скорее представляет собой определенную ситуацию, в рамках которой может иметь место как альтернация, так и включение, ситуацию, определяющую особенности реализации как того, так и другого» [Русаков 2004: 78].

стоящей статьи. В разделе 3 дается описание и приводятся примеры явлений лингвистической интерференции на уровне фонетики и синтаксиса, обнаруженных в диалектных текстах. Более подробно в подразделах 3.1 и 3.2 анализируются явления, которые можно отнести к лексической интерференции (заимствования) либо СК. Поскольку в литературе неоднократно отмечалось, что имена и глаголы ведут себя по-разному при заимствовании и СК (см. обзор в [Русаков 2004: 74–75]), отдельно рассматриваются включения албанских глаголов и существительных, способы их интеграции в македонском диалекте и случаи неадаптированного использования спрягаемых форм албанских глаголов в речи билингвов. В заключительном разделе 4 делается попытка сопоставить модели поведения глаголов и существительных и сформулировать обобщенное представление о механизмах включения элементов из албанского языка в речь на македонском диалекте Голо Бордо.

2. Антропогеографические и социолингвистические сведения о регионе

Полиэтнический регион Голо Бордо (алб. Gollobordë) на северо-востоке Албании является частью историко-этнографической области Дебар (Dibër), которая простирается по обе стороны от современной государственной границы между Албанией и Северной Македонией. В регионе имеется славяноязычное население, сосредоточенное в приграничной зоне в его восточной части, и албаноязычное население, проживающее на западной периферии, в непосредственном соседстве с моноэтническими албанскими районами. Албанцы Голо Бордо — преимущественно монолингвальные мусульмане суннитского толка и в очень малой степени христиане-католики, владеющие местным албанским говором среднегегской группы (см. характеристику основных особенностей этого говора в [Русаков 2013]) и в той или иной степени литературным албанским языком. «Носители местного славянского диалекта (в основном ортодоксальные мусульмане-сунниты с экзонимом *торбеши* и редко православные христиане) проживают лишь в селах, носящих официальные албанские названия Gjinovec, *Klenja, Kojavec, Lejçan, Lladomerica, Orzhanova, Ostreni i Madh, Ostreni i Vogël, *Pasinka, Radovesh, *Stebleva, Trebisht, Tuçep, *Vërnica и Sebisht» [Соболев et al. 2013: 25]³. Значительная часть славян Голо Бордо — билингвы, которые владеют наряду с местным западномакедонским

³ Знаком * помечены названия сел, где имеется православное население. В тексте статьи далее используются местные славянские топонимы в русской транслитерации: Кленье, Големо-Острени, Пасинке, Радовишта, Требишта, Вор(б)ница.

диалектом (см. диалектологическую характеристику в [Соболев 2013]) также литературным албанским языком.

Различные аспекты этноконфессиональной и языковой ситуации в Голо Бордо, а также особенности местного славянского идиома активно изучались сербскими, болгарскими, македонскими и албанскими исследователями на протяжении XX и XXI в. (см. библиографию работ в [Соболев et al. 2013]). В 2008–2010 гг. в рамках проекта по комплексному этнографическому и лингвистическому изучению Голо Бордо участники российской экспедиции ИЛИ РАН, МАЭ (Кунсткамера) РАН и СПбГУ обследовали несколько пунктов в албанской и славянской частях региона: славянские села Требишта с мусульманским населением, Кленье и Вор(б)ница со смешанным мусульманским и православным населением и албанское мусульманское село Борова. Материалом настоящего исследования являются диалектные тексты, записанные в ходе экспедиционной работы в селе Требишта и опубликованные в коллективной монографии [Соболев et al. 2013].

С социолингвистической точки зрения, в славянской части Голо Бордо «[м]ы имеем дело с двуязычием миноритарной группы, где социально доминирующий официальный язык страны обладает престижем власти, а язык меньшинства доминирует в языковой компетенции говорящих» [Соболев et al. 2018: 710]. Все славяне, проживающие в Голо Бордо, говорят на местном македонском диалекте, который они усваивают в раннем детстве как Я1. Государственным албанским языком, который преподается в школе и усваивается большинством жителей славянской части региона как Я2, как правило, не владеют только пожилые женщины и дети дошкольного возраста. Как отмечено в [Mogozova, Rusakov 2021], важным фактором, обеспечивающим витальность македонского диалекта, который находится в положении социолингвистически субдоминантного языка, и сохранение его лингвистической доминации в языковой компетенции билингвов Голо Бордо⁴, является характер региона. Славянскую часть Голо Бордо в Албании можно охарактеризовать как относительно крупный «языковой остров», т. е. группу носителей миноритарного языка Я1, которая проживает в географически обособленном районе, составляя в нем абсолютное большинство и обладая определенной экономической самостоятельностью по отношению к соседним районам с преобладанием мажоритарного языка Я2. Билингвизм в подобных ситуациях существует для

⁴ Согласно [Coetsem 1988: 10, 13], лингвистически доминантным (англ. *linguistically dominant*) является тот из двух языков билингва, которым он в целом владеет лучше: его родной или первый язык (*native language, first language*). Социальная доминация (*social dominance*) предполагает, что один из языков, которыми владеет билингв, имеет более высокий социальный статус [Idem: 13].

поддержания внешних связей сообщества и не является имманентно присущим ему внутренним свойством⁵.

3. Интерференция, СК и ПК в речи билингов Голо Бордо

Контактнообусловленные интерференционные явления и ПК в славянской речи билингов Голо Бордо рассматривались, в частности, в [Асенова 2007; Steinke, Ylli 2008; Соболев et al. 2013; Asenova 2016; Соболев et al. 2018; Морозова 2019]. Сопоставляя свои наблюдения, сделанные в славянской части Голо Бордо в июне 1996 г., с наблюдениями в селах Бобошница, Пустец, Врбник и Зрново в апреле 2005 г., а также с полученными из источников данными о славянских говорах Горы⁶, П. Асенова [2007: 49] приходит к выводу, что интерференция выражена сильнее, а случаи переключения кодов встречаются в славянской речи жителей Голо Бордо чаще, чем в остальных идиомах, где албанское влияние ограничено редкими лексическими заимствованиями.

Анализ текстов на македонском диалекте Голо Бордо, выполненный в рамках настоящего исследования и ранее в [Соболев et al. 2018: 707–714; Sobolev 2018], тем не менее показывает, что в абсолютном отношении интерференционные явления, обусловленные контактом с албанским языком, скорее немногочисленны. «[В] фонетике и фонологии нет никаких существенных следов какого бы то ни было прямого албанского влияния на генетически славянскую языковую материю» [Соболев et al. 2018: 710]. Иноязычные фонемы встречаются в славянской речи билингов лишь в отдельных албанских лексемах, часто морфологически адаптированных (*djaθ* ‘творог’ от алб. *djath* ‘сыр’)⁷ и при ПК [Steinke, Ylli 2008: 157; Соболев et al. 2018: 710–711].

⁵ Важно (по крайней мере, для прошлого данной ситуации), что славянский «языковой остров» в Голо Бордо прежде был частью более крупного полиэтнического и поликонфессионального региона Дебар (алб. Diber), который разделен между Республикой Албанией и Северной Македоницией государственной границей, установленной в начале XX в. После становления современных границ, за исключением периода полной изоляции социалистической Албании, славяне Голо Бордо сохраняли и сохраняют в той или иной степени контакты с «македонской» частью Дебара. Это сближает ситуацию в Голо Бордо с албаноязычными районами Черногории, расположенными близ албанско-черногорской границы [Морозова, Русаков 2018], и отличает ее от положения, в котором, как правило, находятся анклавные диалекты, например СРД [Русаков 2004] или говор албанцев Украины [Морозова 2016].

⁶ Бобошница (алб. Boboshticë) — село на юго-востоке Албании, в районе Корчи, где проживали единичные носители славянского идиома, в прошлом распространенного в этом регионе (М. М. Макарец, личная коммуникация). Пустец (Liqenas), Врбник (Vërnik), Зрново (Zaroshkë) — славяноязычные села на юго-востоке в Албании, близ озера Преспа. Гора — регион на северо-востоке Албании и юге Косово, с мусульманским славяноязычным населением, именующим себя горанами.

⁷ Примеры на македонском диалекте Голо Бордо цитируются по существующим публикациям, кроме примера (3) из личного полевого архива автора. В цитируемых

Языковая интерференция на уровне синтаксиса проявляется в построении (прямого и косвенного) общего вопроса. Вместо вопросительной частицы *ли*, которая используется в литературном македонском и болгарском и занимает неначальную позицию в предложении (1в), употребляется албанская частица *a*, стоящая всегда в начале предложения (1б) [Asenova 2016: 296].

(1a) ГБ	<i>ke</i>	<i>te</i>	<i>pr'a/a-e</i>	<i>n'apret</i>
	FUT	2SG.ACC	спросить-PRS.3SG	сначала
	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>s'aka-f,</i>	
	Q	3SG.ACC	любить-PRS.2SG	
	<i>a</i>	<i>go</i>	<i>ne</i>	<i>s'aka-f?</i>
	Q	3SG.ACC	NEG	любить-PRS.2SG
(1б) алб.	<i>do</i>	<i>të</i>	<i>pyes-ë</i>	<i>përpara</i>
	FUT	2SG.ACC	спросить-PRS.3SG	сначала
	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>do,</i>	
	Q	3SG.ACC	любить.PRS.2SG	
	<i>a</i>	<i>nuk</i>	<i>e</i>	<i>do?</i>
	Q	NEG	3SG.ACC	любить.PRS.2SG
(1в) мак.	<i>ké</i>	<i>me</i>	<i>праша-ø</i>	<i>naj-nanpred</i>
	FUT	2SG.ACC	спросить-PRS.3SG	SUPR-сначала
	<i>go</i>	<i>сака-ш</i>	<i>или</i>	
	3SG.ACC	любить-PRS.2SG	или	
	<i>ne</i>	<i>go</i>	<i>сака-ш?</i>	
	NEG	3SG.ACC	любить-PRS.2SG	

‘Спросит тебя сначала,любишь его или не любишь’

Кроме этого, в славянской речи билингвов Голо Бордо встречаются отдельные синтаксические кальки, например калькирование албанской модели употребления количественных числительных (2б) в контекстах, в которых литературный болгарский и македонский языки используют порядковые числительные (2в) [Asenova 2016: 296].

(2a) ГБ	<i>na</i>	<i>ifetirn'ajse</i>	<i>ftator...</i>	
	PREP	четырнадцать	сентябрь	
	<i>x'iľado</i>	<i>devetst'o</i>	<i>ped'eset</i>	<i>pet</i>
	тысяча	девяност	пятьдесят	пять

источниках приняты разные способы записи: в [Соболев et al. 2013] используется фонетико-фонологическая транскрипция ОЛА, в [Соболев et al. 2018] – МФА, в [Асенова 2007; Асенова 2016] – стандартная болгарская кириллица. В [Steinke, Ylli 2008] речь на македонском диалекте передается символами ОЛА, а албанские включения в ней – буквами албанского стандартного алфавита. В статье все диалектные примеры приводятся в транскрипции с использованием символов МФА, албанские и македонские литературные соответствия даются в соответствующих стандартных орфографиях. Албанские включения в славянской речи выделяются жирным шрифтом.

(2б) алб.	<i>me</i> PREP	<i>katërmëdhjetë</i> четырнадцать	<i>shtator</i> сентябрь	
	<i>një mijë</i> один тысяча	<i>nëntëqind</i> девятьсот	<i>pesëdhjetë</i> пятьдесят	<i>e pesë</i> и пять
(2в) мак.	<i>na</i> PREP	<i>четиринаесет-ти</i> четырнадцать-ORD.M.SG	<i>септември</i> сентябрь	
	<i>илјада</i> тысяча	<i>деветстотини</i> девятьсот	<i>педесет</i> пятьдесят	<i>и нем-та</i> и пять-ORD.F.SG

‘**четырнадцатого** сентября (заимств. алб. *shtator* ‘сентябрь’)...
тысяча девятьсот пятьдесят **пятого**’

Включения албанских знаменательных слов (существительных и глаголов) в адаптированной и неадаптированной форме, служебных слов и относительно устойчивых выражений в целом более распространены в славянской речи билингвов Голо Бордо, чем явления фонетической и синтаксической интерференции. В конкретном случае степень смешения может варьировать в зависимости от говорящего и — не в последнюю очередь — от темы разговора.

В диалектных текстах, записанных от информантов-мужчин и пожилых женщин из села Требишта и посвященных в основном традиционной обрядовой культуре и хозяйственным занятиям сельских жителей, количество иноязычных включений минимально. См., например, анализ такого текста в [Соболев et al. 2018: 711–712]. Напротив, довольно многочисленные албанские элементы разного типа можно обнаружить в нижеприведенном примере (3). Он представляет собой фрагменты интервью с женщиной, которая получила медицинское образование (на государственном албанском языке) и работала акушеркой, а после выхода на пенсию продолжает консультировать женщин в родном селе Требишта.

(3) К. (Ж., ок. 65 лет)

*t'ie z'eni fto se 'ubai, <...> ot fto b'arat drz'ava iſever'ija fto se 'ubai, <...> t'ie m'oze da i... se z'akrvat d'oma. a t'ie fto se n'ubai, i p'uſtame n'a spital'i. se ſtr'oxet t'amu i r'oſdat t'amu. kaſt'u t̃e mn'ogu 'ubao n'ie t'ake. n'emame n'iſto l'ofo vo s'elo. <...> n'emame n'ikakov **probl'em na krahas'im** so n'ekoga fto se b'idene. <...> n'ikakov dem'ek pr'oblem o n'arodot n'ema, n'arodot je mn'ogu 'ubav. k'ako ko, iſa **paſt'ovief** d'enon, t̃e ti [d'eget?], **pa aſn'a proble'm. kaſ'ila** iſe im go d'ade iſa **si zbat'ovijet i vdekſmār'i** n'emame g'odine. <...>*

*kol'k'u s'eit d'oma so d̃zag'ureno? dur st'orit na g'odina d̃zag'ureno, t'aa s'eit d'oma so d̃zag'ureno, si z'evat **r'aport** i si s'eit d̃zag'ureto d'oma. od g'odina 'upreku t̃e p'ojde ne 'idet bl'izu ce... n'ivana t̃e ti dojde, d̃zag'ureto d'oma, 'ama d̃zag'ureto sv'ekaia k'uſe imat **k'ujdestar**.*

‘Женщины, с которыми все хорошо, <...> государство **правительство** считает, что с ними все хорошо, <...> их можно... они остаются дома. А тех, с которыми не все хорошо, отправляем в **больницу**. **Ложится** туда и рождает там. **Так что** у нас очень хорошо. Ничего плохого у нас в селе нет. <...> Нет никаких **проблем по сравнению** с тем, что было раньше. <...> Нет, значит, никаких проблем с людьми, люди очень хорошие. Кто как, **посетишь** (букв. «сообщишь») днем, **без проблем**. **Совет**, который им дают, **выполняется**, и в этом году у нас не было [детской] **смертности**. <...>

Сколько [роженца] сидит дома с ребенком? Пока ребенку не исполнится год, она сидит дома с ребенком, берет **справку** и ребенок сидит дома. После года пойдет, не ходит [только] близко, на... участок пойдет, ребенок — дома, но в каждом доме есть **тот, кто следит** за ребенком.’

Говоря на местном македонском диалекте о современной государственной медицине, информантка активно использует албанскую общественно-политическую лексику и специальную терминологию (см. аналогичные примеры лексем в [Asenova 2016: 289]). Включение таких элементов, как союз *kështú që* <так сомп> ‘так что’ и устойчивое выражение *pa asnjë problém* <без никакой проблема.АСС.СГ.ИНДФ> ‘без проблем’, можно связать с влиянием «прагматически доминантного» языка (англ. *pragmatically dominant language*) [Matras 1998], которым для (некоторых) билингвов Голо Бордо является албанский. Заметим, что другие билингвальные информанты также могут употреблять в речи на македонском диалекте дискурсорегулирующие элементы из «прагматически доминантного» языка, такие как: албанская утвердительная частица *po* и отрицательная *nuk*, усилительная частица *pára* ‘едва’, разделительный союз *ose* ‘или’ [Соболев et al. 2018: 711], частица *urdhëró* (императив ед. ч. от *urdhëroj* ‘приказывать’), выражающая готовность выслушать собеседника либо вежливый переспрос [Морозова 2019: 85], вводные слова и выражения *mirëpó* ‘однако’, *hiç färe* ‘совсем нет’, *për shëmbull* ‘например’ [Asenova 2016: 301]; вводные слова и выражения *domethënë* ‘то есть’, *si mund të thém(i)* ‘как сказать’, экспрессивные частицы (*dot* ‘вообще’) и наречия (*färe* ‘совсем’), союзы *që* ‘что’ и *kursé* ‘в то время как’ и др. [Steinke, Ylli 2008].

3.1. Албанские существительные в славянской речи: СК или заимствование?

Включение существительных в речь на македонском диалекте Голо Бордо частично анализировалось нами ранее в [Морозова 2019]. В теоретическом осмыслении этих явлений центральным является вопрос о том, к чему следует относить албанские существительные в славянской речи билингвов: к лексическим заимствованиям, т. е. к интерференции,

или к смешению (в терминологии ряда авторов — переключению) кодов. Разграничение этих двух явлений в ситуациях, когда мы имеем дело с включением единичного слова на одном языке в речь на другом языке, представляет давно обсуждаемую проблему (см. [Poplack 2018] и обзор в [Haspelmath 2009]). Большинство авторов полагает, что при ПК не происходит фонетической и морфологической адаптации включенного иноязычного элемента, в то время как полноценные заимствования всегда адаптированы и интегрированы в языковую систему. По мнению Ш. Поплак [Poplack 2018: 157], основным собственно лингвистическим критерием для разграничения случаев ПК и заимствований является морфологическая и синтаксическая интеграция последних. Степень фонетической интеграции во всех случаях может варьировать и не является безусловным критерием (см. об этом [Myers-Scotton 2002: 41–43]).

Албанские существительные сравнительно легко интегрируются морфологически в македонском диалекте Голо Бордо и включаются в те же согласовательные классы, что и исконные лексемы. Интеграции способствует то, что у большинства существительных м. р. (с основой на согласный) нечленная форма в македонском совпадает с неопределенным номинативом ед. ч., а у существительных ж. р. (с основой на *-a*) — с определенным номинативом ед. ч. в албанском языке. Ср. м. р. *spital* (алб. неопр. ф. *spital* — опр. ф. *spitali* ‘больница’), *krahas'im* (алб. неопр. ф. *krahasim* — опр. ф. *krahasimi* ‘сравнение’), ж. р. *ijever'ija* (алб. неопр. ф. *qeveri* — опр. ф. *qeveria* ‘правительство’), *kash'ila* (алб. неопр. ф. *keshillë* — опр. ф. *keshilla* ‘совет’) в примере (3) и аналогичные примеры в [Asenova 2016].

Членная форма образуется путем добавления соответствующих аффиксов к исходной форме. Например, *daf* (алб. *dash* ‘баран’, м. р.) — в членной форме *d'af-of* <баран-DEF.PROX.M.SG>, *d'af-ot* <баран-DEF.M.SG> [Соболев et al. 2018: 713], *l'oma* (алб. *dhoma* ‘комната’, ж. р., опр. ф.) — *l'oma-ta* <комната-DEF.F.SG> [Asenova 2016: 290].

При образовании множественного числа интегрируемых албанских существительных к албанской именной основе прибавляется македонский плюралный аффикс *-i*: *ušt'ar-i-te* <солдат-PL-DEF.PL>, *pł'at'k-i-te* <вещь-PL-DEF.PL> [Asenova 2016: 289–290]. Ср. алб. *ushtár-ë-t* <солдат-PL-NOM.PL.DEF> (от *ushtar* ‘солдат, военный’, м. р.), *pláčk-a-t* <вещь-PL-NOM.PL.DEF> (от *pláčkë* ‘вещь’, ж. р.). Албанские формы ед. ч. и мн. ч. с несовпадающими основами могут адаптироваться независимо друг от друга: *daf* <баран.SG.INDF> — *d'ef-i* <баран.PL-PL>, ср. алб. *dash* — *desh* ‘баран — бараны’ [Соболев et al. 2018: 713]. Аналогичные примеры независимой адаптации числовых форм существительных обнаруживаются и в других идиомах в ситуации контакта, например в севернорусском

диалекте цыганского языка (СРД): *друг-о* — *другъ-и*, от рус. *друг* — *другья* [Русаков 2004: 74].

Фонетическая адаптация албанских включений, как было указано выше, не всегда имеет место. Довольно часто к интегрируемым существительным применяется акцентное правило, последовательно действующее в македонском языке, — перенос словесного ударения на третий или предпоследний слог от конца слова: *r'aport* < алб. *rapórt* 'отчет' (в примере (3) употреблено в значении «больничный лист», характерном для албанского, ср. лит. алб. *jam te rapórt* 'нахожусь на больничном'), *k'ujdestar* < алб. *kujdestár* 'смотритель, комендант; ответственное лицо'. Ср. также *b'esimtar* 'верующий' < алб. *besimtár* в примере (4) и *k'ufi* < алб. *kufi* 'граница' [Asenova 2016: 289]. Применение этого правила, однако, не является обязательным: *probl'em* < алб. *problém* 'проблема' (ср. мак. *прóблем*), *krahas'im* < алб. *krahasím* 'сравнение' (3).

(4) Р. С. (М, 1959 г. р.)

e, i t'oga i toj b'e/fe b'esimtar, bes'ove/fe.

'Э, и значит, и он был **верующим**, веровал.' [Соболев et al. 2013: 206]

При ПК высказывание на любом из двух языков может содержать единичные включения, оформленные в соответствии с правилами словесного ударения другого языка. Например, в (5) показан случай ПК, где переходом на албанский язык маркируется метаязыковая рефлексия двуязычного говорящего в присутствии двуязычного собеседника (исследователя). Информант не уверен, является ли лексема *f'utl'ef* (алб. *sytliác / sytliáš, tēmbēloríz*; мак. *сýтлийач / сýтлийау*) македонской, и, рассуждая об этом, переключается на албанский [Морозова 2019: 85]. При этом внутри предложений на албанском имеются элементы, акцентно оформленные как македонские, с ударением на предпоследнем слоге: *f'utl'ef* (алб. *sytliáš*, мак. *сýтлийау*), *'oris* (мак. *óриз*, алб. *oríz* 'рис').

(5) Р. С. (М, 1959 г. р.)

e, za d'z'urden m'i/je pr'aime bl'ago, e:... k'ako se v'ika, f'utl'ef so mli'eko. i so 'oris. f'utl'ef, 'oris. f'utl'ef si e θ'uemi mak'edon'ift? 'oris me t'a ambəl?

'Э, на день Святого Георгия мы делаем сладкое, э... как называется, *шутлеш* с молоком. И с рисом. *Шутлеш*, рис. *Шутлеш как сказать по-македонски? Рис со сладким?* [Соболев et al. 2013: 199]

Как видно, включения албанских существительных в речи на македонском диалекте, как правило, полностью адаптированы морфологически, и к ним свободно применяются македонские правила словесного ударения. Чтобы их можно было с большой долей уверенности отнести к заимствованиям (т. е. к лексической интерференции), а не к СК,

необходимо привлечь и некоторые экстралингвистические критерии, сформулированные в литературе. Большинство исследователей сходятся во мнении, что полноценные заимствования (*borrowings*) имеют относительно широкое распространение и высокую частоту употребления, осознаются всеми членами языкового сообщества как часть словаря их языка и могут использоваться не только билингвами, но и монолингвами (т. е. знание языка-донора не является обязательным) [Pfaff 1979; Haspelmath 2009: 41; Poplack 2018: 157]. В македонском диалекте Голо Бордо к таковым, на наш взгляд, можно отнести некоторые термины родства [Морозова 2013], знакомые в том числе пожилым женщинам и малолетним детям, не владеющим албанским языком (*ḍzif* ‘дед’, *ḍz'ifa* ‘бабка’ < алб. *gjysh*, *gjyshe*; *kufer'i* ‘двоюродный брат’ < алб. *kushëri*), а также, возможно, общественно-политические термины (см. выше) и названия объектов материальной культуры (*kar'ige* ‘стул’, *tavol'ina* ‘стол’ < алб. *karrige*, *tavolinë*), для которых в местном идиоме, по замечанию П. Асеновой, «нет соответствий» [Asenova 2016: 288–290]⁸.

Иноязычные включения, которые употребляются редко и встречаются только в речи билингвов, в рамках этого подхода должны быть отнесены к ПК в случае отсутствия грамматической интеграции, либо охарактеризованы как «окказиональные заимствования» (англ. *nonce borrowings*) при ее наличии [Haspelmath 2009: 41; Poplack 2018: 157]. В подходе П. Мэйскена окказиональные заимствования (*nonce borrowings*) объединяются с другими видами включения (*insertion*), см. обоснование в [Muysken 2000: 78–81]. Мы также предпочитаем считать все явления, наблюдаемые при употреблении албанских существительных в речи на македонском диалекте Голо Бордо, включениями (в терминологии П. Мэйскена) и относить их к смешению кодов (СК). При этом мы исходим из предположения о единстве механизма включения существительных и глаголов при билингвальном использовании языка (см. раздел 4).

3.2. Албанские глаголы в славянской речи билингвов Голо Бордо

Употребление албанских глаголов в славянских диалектных текстах объемом примерно 9500 словоформ, записанных в селе Требишта [Соболев et al. 2013: 182–216], представлено лишь несколькими примерами, что может говорить об относительной редкости этого явления. Практически во всех образцах текстов, представленных в [Steinke, Ylli 2008] и отражающих состояние македонского идиома во всех селах Голоборды, встречаются примеры изучаемых глагольных вставок.

⁸ Ср., однако, *stol* / *st'olče* ‘стул пастуха при дойке’ в речи жителей с. Требишта [Соболев et al. 2013: 78].

Дополнительный материал для анализа, собранный в нескольких селах (Требишта, Големо-Острене, Пасинке, Радовишта), находим в [Asenova 2016: 303–304]. Таким образом, включение албанских глаголов не является особенностью исключительно славянской речи в Требишта, а свойственно в той или иной степени билингам во всем регионе.

С точки зрения степени морфологической адаптации выделяются два основных типа включений албанских глаголов в славянской речи билингов Голо Бордо. Первый тип — употребление в неадаптированной форме и спряжение по албанской словоизменительной модели. Ср. *ardzin'oijn* 'постятся' < искаж. алб. *agjërojñë*, форма 3-го лица мн. ч. презенса глагола *agjëroj* (6).

(6) Р. С. (М, 1959 г. р.), Ф. С. (Ж, ок. 50 лет), А. С. (М, 1953 г. р.)

Р. С. *s'ega fto da ti k'azime m'ie za r'amazanski. 'ovoï ramaz'ansk'i b'aïram tr'ieset d'ena... e.; kako s'e vel'it ardzin'oijn, 'ovie...*

‘Теперь что нам сказать тебе про рамазан-[байрам]. Этот рамазан-байрам тридцать дней... э, как говорится, **постятся**, эти...’

Ф. С. *d'orzime r'amazan.*

‘Держим рамазан.’

А. С. *p'ostime.*

‘Постимся.’ [Соболев et al. 2013: 206]

Включение неадаптированного албанского элемента (глагола) в славянскую речь здесь происходит «специально», на фоне метаязыковой рефлексии говорящего Р. С., провоцируемой ситуацией общения с двуязычными исследователями. Информант, как видно из контекста, не может вспомнить македонский глагол и употребляет его албанский эквивалент в требуемой грамматической форме. Другие участники беседы, информанты Ф. С. и А. С., начинают подбирать варианты, стараясь избегать албанских включений, поскольку ситуация интервью предполагает говорение на местном славянском идиоме.

В иных случаях контекст высказывания не содержит никаких явных указаний на то, что вставка неадаптированного албанского глагола чем-либо мотивирована, например, связана с необходимостью заполнения лакуны в компетенции говорящего. Ср. *spjeg'oi* ‘объясняю’ < алб. *shpjegoj* в одном из фрагментов диалектного текста, записанного в Ворбнице (7).

(7) Р. С. (М, 1959 г. р.), Ф. С. (Ж, ок. 50 лет), С. М. (М, 1953 г. р.)

Р. С. *'onoï pr'epas, fto s'akat da k'azit toï laf pr'epas?*

‘Это *pr'epas* (< алб. *përpa* ‘позади’), что значит это слово *pr'epas*?’

С. М. *a toï si e st'aro, pr'epas, ja ne zn'am da spjeg'oi po t'a:ke.*

‘А это старое, *pr'epas*, я не могу (досл. «не знаю») **объяснить** так.’ [Соболев et al. 2013: 216]

Как и в (6), ситуация здесь предполагает, что беседа ведется по-македонски; других примеров включения албанских лексем, а также случаев переключения на албанский язык в диалектном тексте нет. Конструкция, в составе которой употребляется неадаптированный албанский глагол *spjeg'oi*, представляет собой сочетание двух финитных глагольных форм, между которыми располагается связующий элемент — частица *da*, трактуемая в грамматических описаниях болгарского и македонского языков как показатель конъюнктива [Маслов 1981: 286; Friedman 1993: 269]. Первый глагол — *znat* ‘знаю’ — употреблен не как глагол мышления, а в значении «уметь; быть в состоянии, мочь».

Смешение кодов в данном случае облегчается тем, что конструкции с такой структурой и семантикой имеются и в македонском (8в), и в албанском (8б) языках. Именно эта особенность двух языков делает возможной реализацию сценария, при котором албанские лексические элементы свободно вставляются в македонскую «рамку», структурно идентичную албанской, сохраняя албанское грамматическое оформление («конгруэнтная лексикализация» по П. Мэйсену)⁹.

(8а)	ГБ	<i>ne</i> NEG	<i>zn'a-m</i> знать-PRS.1SG	<i>da</i> SBJV	<i>spjeg'o-i</i> объяснять-PRS.1SG
(8б)	алб.	<i>nuk</i> NEG	<i>di</i> знать.PRS.1SG	<i>të</i> SBJV	<i>shpjegó-j</i> объяснять-PRS.1SG
(8в)	мак.	<i>ne</i> NEG	<i>зна-м</i> знать.PRS.1SG	<i>да</i> SBJV	<i>објасна-м</i> объяснять.PFV-PRS.1SG
			‘не могу объяснить’		

Ко второму типу албанских глагольных вставок относятся морфологически адаптированные включения. Ср. глаголы в приведенных выше примерах (3) и (4), а также примеры из [Steinke, Ylli 2008; Соболев et al. 2013: 63; Asenova 2016: 290, 302–304]:

— 1-е лицо мн. ч. презенса: *kal'ova-me* <проходить-PRS.1PL> ‘мы прошли’ (от алб. *kalój* ‘прохожу, проезжаю’ — аор. *kalóva*), *f'oli-me* <говорить-PRS.1PL> ‘говорим’ (алб. *flas* — *fóla*), *fest'ovje-me* <праздновать-PRS.1PL> ‘празднуем’ (алб. *festój* — *festóva*), *pardor'ove-me*

⁹ Ср. грамматическую модель смешения кодов, предложенную в [Русаков 2004: 78] и описывающую аналогичные явления в севернорусском диалекте цыганского языка (СРД): «Для СРД мы можем констатировать практически полное совпадение его поверхностных синтаксических структур с соответствующими русскими. Предложение в СРД как бы представляет собой просодическую, синтаксическую и семантическую рамку, совпадающую с соответствующим русским предложением. В эту рамку можно с успехом “вставлять” как цыганские, так и русские лексические элементы, причем русские слова могут употребляться в русском же грамматическом оформлении».

<использовать-PRS.1PL> ‘используем’ (алб. *përdór – përdóra*), *vend'osa-me* <помещать-PRS.1PL> ‘помещаем’ (алб. *vendós – vendósa*);

– 2-е лицо ед. ч. презенса: *tja naft'ovie-f* <FUT сообщать-PRS.2SG> ‘сообщишь’ (алб. *njoftój – njoftóva*), *int'fëz'ova-f* <записывать-PRS.2SG> ‘записываешь (на аудионоситель)’ (алб. *incizój*, разг. *inçizój – inçizóva*), *filova-f* <начинать-PRS.2SG> ‘начинаешь’ (алб. *fillój – fillóva*);

– 3-е лицо ед. ч. презенса: *si zbat'ovië-t* <REFL исполнять-PRS.3SG> ‘он(а) исполняется’ (алб. *zbatóhem – u zbatóva*), *kal'ovje-t* <проходить-PRS.3SG> ‘он(а) проходит’, *si kec'ovje-t* <REFL успокаивать-PRS.3SG> ‘он(а) успокаивается’ (алб. *qetësóhem – u qetësóva*), *se mërzit'ovje-t* <REFL скучать-PRS.3SG> ‘он(а) скучает’ (алб. *mërzítem – u mërzíta*);

– 3-е лицо мн. ч. презенса: *serb'ov-at* <служить-PRS.3PL> ‘служат’ (алб. *shërbëj – shërbëva*);

– 3-е лицо ед. ч. имперфекта: *bes'ove-fe* <верить-IPF.3SG> ‘он(а) верил(а)’ (алб. *besój* ‘верю’, от *besë* ‘клятва; вера’ – *besóva*), *pëlqë'eva-fe* <нравиться-IPF.3SG> ‘ему(ей) нравилось’ (алб. *pëlqëj* ‘(мне) нравится’ – *pëlqëva*);

– *n*-причастие (в составе перфекта пассива): *e regul'ova-n-a* <быть. PRS.3SG отремонтировать-PTCP-F.SG> ‘отремонтирована’ (алб. *rregullój – rregullóva*), *krij'ove-n-o* <создавать-PTCP-N.SG> ‘создано’ (алб. *krijój – krijóva*), *je piktur'ova-n-a* <быть. PRS.3SG рисовать-PTCP-F.SG> ‘нарисована’ (алб. *pikturój – pikturóva*);

– *l*-причастие (в составе активного перфекта): *se: zd'ukve-l-o* <исчезать-PTCP-N.SG> ‘исчезло’ (алб. *zhdúkem – u zhdúka*), *sme fest'ovja-l-e* <праздновать-PTCP-PL> ‘(мы) праздновали’ (алб. *festój – festóva*).

с одной стороны, элемент *-ov-* в основе глаголов демонстрирует некоторое звуковое сходство с македонским суффиксом имперфективации (*седн-ува* ‘садится’) и образования имперфективных отыменных глаголов (*збор-ува* ‘говорит’ < *збор* ‘слово’) [Friedman 1993: 284]. С другой стороны, можно связать его с албанскими формами аориста 1-го и 2-го лица ед. ч. от глаголов на *-j* (к этому типу спряжения относятся глаголы *njoftoj*, *besoj* и мн. др.), которые образуются с помощью суффикса *-v-* (изначально – эпентетического согласного): *beso-v-a* <верить-AOR-AOR.1SG> ‘я верил(а)’, *beso-v-e* <верить-AOR-AOR.2SG> ‘ты верил(а)’. В этом случае исходной формой при интеграции албанского глагола типа *besoj* ‘верю’ может быть:

(а) основа *besov-*, снабженная в языке-реципиенте тематическим гласным *-e* и встроенная в один из существующих словоизменительных типов, например в тип *јаде-ø* <есть. IPFV-PRS.3SG> ‘он(а) ест’ – *јаде-в* <есть. IPFV-IPF.1SG> ‘я ел(а)’, куда в литературном македонском языке входят бессуфиксальные глаголы. Согласно [Wohlgemuth 2009: 92], эта адаптационная стратегия является разновидностью прямой вставки

(англ. direct insertion) и довольно типична для индоевропейских языков, в которых сохраняются типы спряжения и соответствующие тематические показатели, ср., например, итал. *film-a-re* <снимать.фильм-всми-инф> ‘снимать фильм’ от англ. *to film*. Заимствованные глаголы могут встраиваться только в один, наиболее продуктивный тип спряжения, как, например, в итальянском (тип на *-are*) и в современном албанском (тип на *-oj*), либо в разные классы, как в некоторых языках австралийских аборигенов. Формой, которая переносится при этом из языка-донора в язык-реципиент, довольно часто становится глагольная основа без окончания («абстрактная форма», англ. abstract form) [Wohlgemuth 2009: 76], что мы, вероятно, и наблюдаем при адаптации албанских глаголов в диалекте Голо Бордо.

(б) албанская форма аориста 2-го лица ед. ч. *besove*, к которой непосредственно присоединяются македонские глагольные окончания. В этом случае стратегию, используемую билингвами Голо Бордо, можно определить как прямую вставку «обобщенной формы» (англ. general form). Ср. с интеграцией формы русского императива ед. ч. в энецком языке в качестве основы, к которой присоединяются энецкие глагольные грамматические показатели: *otdyxaj-ŋa-ba-č'* <отдыхать-FTZ-1PL-PRST> ‘мы отдыхали’, от рус. *отдыхай* [Wohlgemuth 2009: 79].

П. Асенова [Asenova 2016: 303] анализирует формы интегрированных албанских глаголов как включающие славянский имперфективный показатель *-ov*. Однако в глаголе *f'oli-me* ‘говорим’ (9) этот показатель отсутствует, а основа совпадает с албанской формой аориста 3-го лица ед. ч. *fol-i* <говорить.АОР-АОР.3SG> ‘он(а) поговорил(а)’¹⁰. Ср. также причастие *zd'ukvelo* (от алб. *zhdukem*) и форму 1-го лица мн. ч. презенса *vend'osa-me* (от алб. *vendós*).

(9)	<i>ajde,</i>	<i>nema</i>	<i>da</i>	<i>f'oli-me</i>	<i>sea.</i>
	давай,	NEG:иметь.PRS.3SG	SVJV	говорить-PRS.1PL	сейчас
	‘Давай не будем говорить сейчас.’				

На этом основании мы предполагаем, что исходной формой для интеграции глаголов действительно является албанский аорист. Поскольку

¹⁰ По замечанию М. М. Макареца, возможно также влияние диалектной гегской формы 1-го лица ед. ч. презенса *fölim*, образуемой от основы аориста. Ср. употребление подобных презентных форм в речи албаноязычного жителя Голо Бордо: *Kta fol-in giuhë-n e vet* <этот.М.НОМ.PL говорить-PRS.3PL язык-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF свой> ‘они говорят на своем языке’ [Русаков 2013: 218]. Однако, по мнению ряда исследователей, славяне Голо Бордо не владеют гегским идиомом «в том виде, в котором мы находим его у местного албаноязычного населения» [Соболев et al. 2013: 33]; соответствующие наблюдения были сделаны нами в ходе экспедиционной работы в с. Требишта. При этом не исключено, что в разных славянофонных селах Голо Бордо ситуация может различаться.

все македонские глаголы с суффиксом имперфективации относятся к классу на *-a* (10а), наиболее закономерными оказываются формы типа *kal'ova-me* и *regul'ova-n-a*, в которых основа совпадает с албанской формой аориста 1-го лица ед. ч. (*kalóva*, *rregullóva*). Албанский и славянский форманты *-ova* при этом выступают как морфологические элементы, которые могут быть отождествлены в ситуации контакта в силу сходства их звукового оформления (англ. homophonous diamorphs ‘омофонные диаморфы’ в терминологии П. Мэйскена и его предшественников). Наличие таких элементов часто характеризует конгруэнтную лексикализацию; вопрос о языке-источнике для них оказывается нерелевантным, т. к. подобный элемент, как правило, трудно охарактеризовать однозначно как принадлежащий тому или другому языку [Muysken 2000: 133]¹¹.

Следует особо подчеркнуть, что формант *-ova* в македонском (10б) и в албанском (10в) языках не является грамматической морфемой, а состоит из нескольких морфем, набор и функции которых в албанском и македонском не совпадают. Таким образом, при интеграции албанских глаголов в македонском диалекте Голо Бордо (10а) изоморфизм в структуре грамматических форм и наличие полного совпадения в семантике грамматических показателей не являются обязательными условиями для межъязыкового отождествления. Значимым условием оказывается в первую очередь звуковое сходство отождествляемых элементов слова.

(10а)	ГБ	<i>kal'ova-me</i> проходить-PRS.1PL 'проходим'
(10б)	мак.	<i>номин-уѡ-а-ме</i> проходить-IPFV-VCM-PRS.1PL 'проходят'
(10в)	алб.	<i>kal-o-v-a</i> проходить-VCM-AOR-AOR.1SG 'я прошел(-ла)'

Анализ всего корпуса примеров, имеющих в нашем распоряжении, показывает, что модель на *-ov-* продуктивна и используется даже при интеграции тех албанских глаголов, в аористе которых нет форманта *-ov-*: *se mǎržitovje-t* <REFL скучать-PRS.3SG> 'скучает', *serb'ov-at* <служить-PRS.3PL>

¹¹ "It would be hard to classify all elements unambiguously in terms of either of the two codes." Ср. также известный пример окончаний 1-го и 2-го лица ед. ч. презенса в мегленорумынском языке, которые можно интерпретировать либо как результат внутреннего развития под влиянием фонетически и функционально идентичных элементов македонского языка, либо как прямое заимствование славянской языковой материи в неславянский язык [Friedman 2009; Rusakov, Morozova 2017].

‘служат’, *pərdor'ove-me* <использовать-PRS.1PL> ‘используем’, ср. алб. *u mērzít-a* <REFL скучать-AOR.1SG> ‘я соскучился(-лась)’, *shërbév-a* <служить-AOR.1SG> ‘я служил(а)’ и *përdór-a* <использовать-AOR.1SG> ‘я использовал(а)’.

Интегрированные глаголы относятся к разным типам спряжения: представлен не только тип на *-a*, но и типы на *-e* (*bes'ove-fe*, *krij'ove-n-o*) и на *-i* (*f'oli-me*). Тематические гласные *a/e/u*, которые характеризуют три основных морфологических класса глаголов в македонском языке [Friedman 1993: 274–275], совпадают с личными окончаниями аориста ед. ч. в албанском языке (*-a*, *-e*, *-i* для 1-го, 2-го и 3-го лица соответственно) по форме — но не по функции. Можно предположить, что при интеграции албанских глаголов их распределение по македонским типам спряжения является произвольным либо (по крайней мере, отчасти) может обуславливаться морфонологическими закономерностями, для выяснения которых необходимо большее количество примеров.

4. Заключение

Социолингвистическая контактная ситуация в славянской части Голо Бордо в целом представляет собой сохранение языка Я1 (англ. *language maintenance*, по [Thomason, Kaufman 1988]) — местного македонского диалекта, который является субдоминантным на уровне государства и макрорегиона, но доминирует в рамках микросообщества.

Собственно лингвистические последствия языкового контакта (интерференционные явления, ПК и СК) в Голо Бордо отличаются от сообществ, для которых характерно длительное и равновесное, т. е. без видимой доминации, сосуществование двух языков. Например, в селе Веля-Горана на юге Черногории, где, по-видимому, сохраняется редкая для современных Балкан ситуация *равновесного билингвизма*, степень интерферируемости местного славянского идиома на уровне фонетики и синтаксиса относительно высока [Морозова, Русаков 2018]. В речи билингвов Веля-Гораны встречаются лексические кальки и заимствования, которые считаются характерной особенностью местного славянского диалекта [Morozova 2019]. СК происходит крайне редко, зато довольно типичным (и чаще всего немаркированным) является ПК в рамках диалога/полилога [Соболев et al. 2018: 720].

Контактнообусловленные явления в македонском диалекте Голо Бордо сводятся к немногочисленным лексическим заимствованиям (включая дискурсорегулирующие элементы, наречия и союзы), единичным проявлениям синтаксической интерференции, редким албанским фонетико-фонологическим чертам в лексемах албанского происхождения, зачастую морфологически интегрированных, и случаям ПК, а

также СК в речи билингвов. Подобный набор явлений, как правило, характеризует ситуации с относительно интенсивной доминацией Я2 [Thomason, Kaufman 1988: 50], другими словами — *неравновесного билингвизма*¹².

Употребление морфологически интегрированных и включение (insertion) неадаптированных албанских существительных и глаголов в славянской речи билингвов Голо Бордо может быть более или менее интенсивным в зависимости от компетенции говорящего и в некоторых случаях — тематики беседы.

Случаи употребления неадаптированных глаголов типа *spjeg'o'i* ‘объясняю’ (7), вероятно, представляют собой явления одного порядка с довольно частотным употреблением адаптированных албанских существительных. Ср. похожие явления в сильно интерферированном СРД: «Русские имена употребляются в цыганской речи носителей СРД практически всегда в адаптированной форме. <...> Напротив, русские глаголы употребляются по большей части в неадаптированной форме и спрягаются по русской модели» [Русаков 2004: 73]. Конгруэнтность некоторых албанских и македонских конструкций и устройства словоформ (см., например, (8)) способствует тому, что в них могут включаться как албанские, так и македонские лексические элементы, в том числе в исходной грамматической форме, и именные основы.

Интегрированные в форме аориста албанские глаголы, следуя подходу [Poplask 2018] и др., можно рассматривать как полноценные заимствования (если они встречаются в речи не только билингвов, но и монолингвов) либо как так называемые «окказиональные заимствования» (если они редки и используются только билингвами). Во втором случае, применяя терминологию П. Мэйскена, мы можем заключить, что имеем дело с СК. Выбор исходной формы для интеграции, по-видимому, сильно зависит от наличия в ней морфологических элементов (морфем или комплексов из нескольких грамматических морфем), которые могут быть отождествлены с элементами языка-реципиента в силу сходства их звукового оформления, что также характерно для сценария конгруэнтной лексикализации.

Сокращения

алб. — албанский, англ. — английский, аор. — аорист, ГБ — Голо Бордо, ед. ч. — единственное число, ж. р. — женский род, имп. — императив, искаж. — искаженное, итал. — итальянский, м. р. — мужской род, мак. — македонский, мн. ч. — множественное число, неопр. ф. — неопределенная форма существительного, опр. ф. — определенная форма существительного, ПК — переключение кодов, СК — смешение кодов, СРД —

¹² Не исключено, что такая ситуация не всегда была характерна для Голо Бордо (см. сноску 5).

севернорусский диалект цыганского языка, Я1 — первый язык билингва, Я2 — второй язык билингва

АСС — аккузатив, АОР — аорист, СОМР — комплементаризер, ДЕФ — показатель определенной формы (албанский) / определенный член (македонский), F — женский род, FTZ — показатель финитности, FUT — будущее время, INDF — показатель неопределенной формы, INF — инфинитив, IPF — имперфект, IPFV — имперфектив, M — мужской род, N — средний род, NEG — показатель отрицания, NOM — номинатив, ORD — порядковое числительное, PL — множественное число, PROX — близость, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, Q — частица общего вопроса, REFL — рефлексивный показатель, SVJV — конъюнктив, SG — единственное число, SUPR — превосходная степень, VSM — показатель глагольного класса (типа спряжения)

Библиография

Асенова 2007

Асенова П., Бележки върху българските говори в Албания, П. Асенова, И. Ликоманова, Й. Тишева, М. Джонова, съст., *Българските острови на Балканите*, София, 2007, 45–51.

Маслов 1981

Маслов Ю. С., *Грамматика болгарского языка*, Москва, 1981.

Морозова 2013

Морозова М. С., Система терминов родства и семейный этикет, А. Н. Соболев, А. А. Новик, ред., *Голо Бордо (Gollobordë)*, Албания: Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг., С.-Петербург, München, 2013, 81–108.

——— 2016

Морозова М. С., Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 12/3, 2016, 147–168.

——— 2019

Морозова М. С., Особенности коммуникации в условиях неравновесного билингвизма: славянско-албанская интерференция и переключение кодов, И. А. Седакова, отв. ред., М. М. Макарец, Т. В. Цивьян, ред., *Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах* (= Балканские чтения, 15), Москва, 2019, 82–88.

Морозова, Русаков 2018

Морозова М. С., Русаков А. Ю., Албанско-черногорское языковое пограничье: в поисках “сбалансированного языкового контакта”, *Slověne*, 7/2, 2018, 258–302.

Русаков 2004

Русаков А. Ю., Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе), (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, С.-Петербург, 2004).

——— 2013

Русаков А. Ю., Албанцы Голо Бордо. Язык, А. Н. Соболев, А. А. Новик, ред., *Голо Бордо (Gollobordë)*, Албания: Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг., С.-Петербург, München, 2013, 217–228.

Соболев 2013

Соболев А. Н., Славяне Голо Бордо. Язык. Фонетика и грамматика, А. Н. Соболев, А. А. Новик, ред., *Голо Бордо (Gollobordë)*, Албания: Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг., С.-Петербург, München, 2013, 40–60.

Соболев et al. 2013

Соболев А. Н., Новик А. А., Домосилецкая М. В., Дугушина А. С., Ермолин Д. С., Колосова В. Б., Морозова М. С., Русаков А. Ю., *Голо Бордо (Gollobordë)*, Албания:

- Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг., А. Н. Соболев, А. А. Новик, ред., С.-Петербург, München, 2013.
- 2018
Соболев А. Н., Макарова А. Л., Морозова М. С., Кисилиер М. Л., Козак В. В., Конёр Д. В., Русаков А. Ю., Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан, *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 14/2, 2018, 685–746.
- Asenova 2016
Asenova P., Les interférences dans le dialecte de Golo bërdo — Albanie, П. Асенова, *Избранные статьи по балканско езикознание*, София, 2016, 282–309.
- Coetsem 1988
Coetsem F., van, *Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact*, Dordrecht, 1988.
- Friedman 1993
Friedman V., Macedonian, B. Comrie, G. Corbett, eds., *The Slavonic Languages*, London, New York, 1993, 249–305.
- 2009
Friedman V., The diffusion of Macedonian inflections into Megleno-Romanian: A reconsideration of the evidence, S. Franks, V. Chidambaram, B. Joseph, eds., *A Linguist's Linguist: Studies in South Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne*, Bloomington, 2009, 223–233.
- Haspelmath 2009
Haspelmath M., Lexical borrowing: Concepts and issues, M. Haspelmath, U. Tadmor, eds., *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*, Berlin, 2009, 35–54.
- Matras 1998
Matras Y., Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing, *Linguistics*, 36/2, 1998, 281–331.
- Morozova 2019
Morozova M. S., Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrković in southern Montenegro, *Journal of Language Contact*, 12/2, 2019, 305–343.
- Morozova, Rusakov 2021
Morozova M., Rusakov A., Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond, *International Journal of Bilingualism*, 2021, (in progress).
- Muysken 2000
Muysken P., *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*, Cambridge, 2000.
- 2013
Muysken P., Language contact outcomes as the result of bilingual optimization strategies, *Bilingualism: Language and Cognition*, 16/4, 2013, 709–730.
- Myers-Scotton 2002
Myers-Scotton C., *Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*, Oxford, 2002.
- Pfaff 1979
Pfaff C. W., Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English, *Language*, 55/2, 1979, 291–318.
- Poplack 2018
Poplack Sh., *Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*, New York, 2018.
- Rusakov, Morozova 2017
Rusakov A. Yu., Morozova M. S., Matter and pattern borrowing: between and beyond (analyzing evidence from the Balkan languages), O. Spevak, ed., *Book of abstracts. 50th Annual*

Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 10–13 September 2017. University of Zurich, Switzerland, Zurich, 2017, 527–528.

Sobolev 2018

Sobolev A. N., Hybrid grammar in a Macedonian dialect in Albania, *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 22, 2018, 1248–1255.

Steinke, Ylli 2008

Steinke K., Ylli Xh., *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2: Golloborda – Herbel – Kërçishtii i Epërm*, München, 2008.

Thomason, Kaufman 1988

Thomason S. G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley, 1988.

Wohlgemuth 2009

Wohlgemuth J., *A Typology of Verbal Borrowings*, Berlin, New York, 2009.

References

Asenova P., Belezhki vŭrkhu bulgarskite govori v Albaniia, P. Asenova, I. Likomanova, Y. Tisheva, M. Dzhonova, eds., *Bŭlgarskite ostrovi na Balkanite*, Sofia, 2007, 45–51.

Asenova P., Les interférences dans le dialecte de Golo bardo — Albanie, P. Asenova, *Izbrani statii po balkansko ezikoznanie*, Sofia, 2016, 282–309.

Coetsem F., van, *Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact*, Dordrecht, 1988.

Friedman V., Macedonian, B. Comrie, G. Corbett, eds., *The Slavonic Languages*, London, New York, 1993, 249–305.

Friedman V., The diffusion of Macedonian inflections into Megleno-Romanian: A reconsideration of the evidence, S. Franks, V. Chidambaram, B. Joseph, eds., *A Linguist's Linguist: Studies in South Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne*, Bloomington, 2009, 223–233.

Haspelmath M., Lexical borrowing: Concepts and issues, M. Haspelmath, U. Tadmor, eds., *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*, Berlin, 2009, 35–54.

Maslov Iu. S., *Grammatika bolgarskogo iazyka*, Moscow, 1981.

Matras Y., Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing, *Linguistics*, 36/2, 1998, 281–331.

Morozova M. S., Albanskii govor sela Zhovtnevo v usloviiakh iazykovogo kontakta: po materialam ekspeditsii 2011–2013 godov, *Acta Linguistica Petropolitana*, 12/3, 2016, 147–168.

Morozova M. S., Communication in Unbalanced Bilingual Situations: Slavic-Albanian Interference and Codeswitching, I. A. Sedakova, M. M. Makartsev, T. V. Civjan, eds., *Balkan Thesaurus: Communication in complex-cultural Balkan societies* (= Series Balcanica, 15), Moscow, 2019, 82–88.

Morozova M. S., Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the

Mrkovići in southern Montenegro, *Journal of Language Contact*, 12/2, 2019, 305–343.

Morozova M. S., Rusakov A. Yu., Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of “Balanced Language Contact”, *Slověne*, 7/2, 2018, 258–302.

Morozova M. S., Sistema terminov rodstva i semeinyi etiket, A. N. Sobolev, A. A. Novik, eds., *Golo Bordo (Gollobordë), Albaniia: Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.*, St. Petersburg, München, 2013, 81–108.

Morozova M., Rusakov A., Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond, *International Journal of Bilingualism*, 2021, (in progress).

Muysken P., *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*, Cambridge, 2000.

Muysken P., Language contact outcomes as the result of bilingual optimization strategies, *Bilingualism: Language and Cognition*, 16/4, 2013, 709–730.

Myers-Scotton C., *Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*, Oxford, 2002.

Pfaff C. W., Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English, *Language*, 55/2, 1979, 291–318.

Poplack Sh., *Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*, New York, 2018.

Rusakov A. Yu., Albantsy Golo Bordo. Iazyk, A. N. Sobolev, A. A. Novik, eds., *Golo Bordo (Gollobordë), Albaniia: Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.*, St. Petersburg, München, 2013, 217–228.

Rusakov A. Yu., Morozova M. S., Matter and pattern borrowing: between and beyond (analyzing evidence from the Balkan languages), O. Spevak, ed., *Book of abstracts. 50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 10–13 September 2017. University of Zurich, Switzerland, Zurich, 2017, 527–528.*

Sobolev A. N., Novik A. A., Domosiletskaya M. V., Dugushina A. S., Ermolin D. S., Kolosova V. B., Morozova M. S., Rusakov A. Yu., *Golo Bordo (Gollobordë), Albania: Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.*, St. Petersburg, München, 2013.

Sobolev A. N., Hybrid grammar in a Macedonian dialect in Albania, *Indo-European linguistics and classical philology*, 22, 2018, 1248–1255.

Sobolev A. N., Makarova A. L., Morozova M. S., Kisilier M. L., Kozak V. V., Konior D. V., Rusakov A. Yu., South-Slavic Dialects in the Symbiotic Societies of the Balkan, *Acta linguistica Petropolitana*, 14/2, 2018, 685–746.

Sobolev A. N., Slaviane Golo Bordo. Iazyk. Fonetika i grammatika, A. N. Sobolev, A. A. Novik, eds., *Golo Bordo (Gollobordë), Albania: Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.*, St. Petersburg, München, 2013, 40–60.

Steinke K., Ylli Xh., *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2: Golloborda – Herbel – Kërçisht i Epërm*, München, 2008.

Thomason S. G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley, 1988.

Wohlgemuth J., *A Typology of Verbal Borrowings*, Berlin, New York, 2009.

Мария Сергеевна Морозова, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков
и ареальных исследований
Института лингвистических исследований Российской академии наук
(ИЛИ РАН)
199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Россия / Russia
morozovamaria86@gmail.com

Received March 18, 2020

Священномученик
Питирим Пермский:
заметки о биографии
и почитании владыки
(XV–XVI вв.)*

Holy Martyr Pitirim
of Perm: Notes on the
Bishop's Biography
and Veneration
(15th–16th cc.)

Аркадий Евгеньевич
Тарасов

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

Arkadiy E. Tarasov

Lomonosov Moscow State University
Russian State University for the
Humanities
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена трем аспектам биографии священномученика Питирима Пермского († 1455): вопросу о месте его первоначального иноческого подвига, времени и обстоятельствам архиерейского рукоположения, а также — почитанию в Кирилло-Белозерском монастыре. Первый и третий аспекты тесно связаны между собой. По мнению автора, ряд свидетельств о почитании епископа в Кирилло-Белозерском монастыре в XV–XVI вв. (наличие здесь его жития, традиция записей о мученической кончине) может указывать на пострижение Питирима Пермского именно в этой обители и подтверждает свидетельство Жития священномученика относительно его

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

Цитирование: Тарасов А. Е. Священномученик Питирим Пермский: заметки о биографии и почитании владыки (XV–XVI вв.) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 395–416.

Citation: Tarasov A. E. (2020) Holy Martyr Pitirim of Perm: Notes on the Bishop's Biography and Veneration (15th – 16th cc.). *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 395–416.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.1.7

учителя «некоего велика старца Кирила именем». Почитание Питирима Пермского в Кирилло-Белозерском монастыре могло быть заложено епископом Филофеем Пермским, который удалился сюда на покой. Филофей внимательно относился к сохранению памяти о своих предшественниках на епископской кафедре. Касаясь времени и обстоятельств архиерейского рукоположения Питирима Пермского, автор приводит доводы в пользу достоверности свидетельств Вычегодско-Вымской летописи о рукоположении владыки в 6952 (1443/1444) и его гибели в 6963 (1454/1455 гг.) гг. Архиерейская хиротония могла быть совершена при участии епископа Ростовского Ефрема и епископа Рязанского Ионы, причем возглавлять хиротонию должен был владыка Ефрем. Указание в Житии Питирима на его хиротонию Ионой, когда тот уже был митрополитом, может отражать необходимость легитимизации первого автокефального митрополита в период церковного кризиса конца 1450-х — 1460-х гг.

Ключевые слова

Пермская епархия, Ростовская епархия, Кирилло-Белозерский монастырь, Вычегодско-Вымская летопись, митрополит Иона Московский, епископ Филофей Пермский, Пахомий Логофет, летописание

Abstract

The paper deals with three aspects of the biography of the holy martyr Pitirim of Perm († 1455): the place of his original monastic feat, the time and circumstances of the bishop's ordination, and his veneration in the Kirillo-Belozersky monastery after death. The first and third aspects are closely related. According to the author, a number of testimonies of the bishop's veneration in the Kirillo-Belozersky monastery in the 15th–16th centuries (the presence of his hagiography here, a tradition of records of his martyrdom) may indicate that his tonsure took place in this monastery and confirms the testimony of the Life of the Holy Martyr regarding his teacher, “a certain great elder, Cyril by name”. The veneration of Pitirim of Perm in the Kirillo-Belozersky monastery could have been initiated by Bishop Philotheos of Perm, who retired there. Philotheos was careful to preserve the memory of his predecessors at the episcopal cathedra. Concerning the time and circumstances of Pitirim of Perm's ordination as bishop, the author argues for the authenticity of the dates found in the Vychehod-Vymsky chronicle placing the ordination under 6952 (1443/1444) and his death under 6963 (1454/1455). The bishop's consecration could have been performed with the participation of Bishop Ephraim of Rostov and Bishop Jonah of Ryazan, and Vladyka (Bishop) Ephraim should have led the consecration. The Life of Pitirim's reference to his consecration by Jonah, who was already a metropolitan, may reflect the need to legitimise the first autocephalous metropolitan during the church crisis of the late 1450s–1460s.

Keywords

Perm diocese, Rostov diocese, Kirillo-Belozersky monastery, Vychehodsko-Vymskaya chronicle, Metropolitan Jonah of Moscow, Bishop Philotheos of Perm, Pakhomiy Logofet, annals

Среди епархий Русской церкви периода позднего Средневековья особое место принадлежало Пермской епископии. Епархия была учреждена в 1383 г. благодаря проповеднической деятельности святителя Стефана Пермского с целью христианизации фино-угорских народов, проживавших в Перми Вычегодской (Малой, Старой), т. е. на территориях к северо-востоку от Устюжских земель (современная Республика Коми). Впоследствии к епархии присоединились и земли Перми Великой — территории Приуралья и Урала с центром в Чердыни (современные Коми-Пермяцкий округ и северные районы Пермского края) [Кузьмин 2005: 240]. Одним из наиболее решительных последователей Стефана Пермского по христианизации Перми и четвертым архиереем на Пермской кафедре был священномученик Питирим († 1455).

В целом сведения о Питириме Пермском скудны, отрывочны и зачастую противоречивы [Тарасов 2019]. При этом его деятельность пришлась на яркую историческую эпоху: начальный период становления автокефалии Русской церкви и одновременно завершающий этап московской княжеской междоусобицы второй четверти XV в. Учитывая специфику церковно-политических отношений между Пермской епархией и великими князьями Московскими [подробнее: Тентюкова 1976: 9–19; Буганов, Смоленцев 1995; Шувалова 1998; Вершинин 2000: 297; Чагин 2003; Алексеев 2009: 19–20], а также предполагаемые тесные связи Питирима с Василием II Васильевичем Темным [Давиденко 2011: 55], представляется, что внимательное изучение биографии священномученика позволит лучше понять ряд аспектов истории Северо-Восточной Руси XV в., а также прольет свет на становление его почитания. Следует указать и на недавно введенный в научный оборот источник, который до сих пор не привлекался для восстановления биографии Питирима Пермского. Однако он дает новые важные сведения для уточнения обстоятельств жизни архиерея и складывания его культа. Речь идет о сборнике Q-57 начала XVI в., происходящем из Кирилло-Белозерского монастыря и содержащем пермские материалы. В составе сборника читается летописный текст, в котором упоминается о рукоположении священномученика и продолжительности его пребывания на кафедре, а также содержится приписка, сообщающая о его смерти и погребении [Новикова 2012a].

* * *

«Белым пятном» в биографии Питирима Пермского является начальный этап его монашеского пути — до того, как он стал архимандритом московского Чудова монастыря¹. Важным источником о раннем

¹ О том, что Питирим был архимандритом Чудова монастыря, свидетельствует Вычегодско-Вымская летопись. Как правило, это свидетельство принималось

периоде жизни священномученика является его Житие. Это краткое Житие, более соответствующее проложной памяти, не получило широкого распространения. Уже более столетия оно известно всего в двух списках, один из которых находится в собрании отдела рукописей Российской национальной библиотеки [КБ 275/532], второй — в Калязинском краеведческом музее имени И. Ф. Никольского [ККМ 853]. В обоих списках Жития местом рождения будущего священномученика назван Ярославль. После этикетных характеристик воспитания Питирима в страхе Божиим и об оставлении им мира «от юна възраста» в Калязинском списке прибавлено, что он был «наказуем же убо и учим от некоего велика старца Кирила именем» [ИПЕ: 96]².

И. А. Шляпкин отмечал, что «этот Кирилл не мог быть св. Кириллом Белозерским», однако не объяснил, на чем основано такое умозаключение [Шляпкин 1894: 138, прим. 1]. Могу лишь предполагать, что исследователя смущало неопределенное упоминание «велика старца Кирила» как «некоего», хотя Житие Питирима писалось уже после общерусского прославления основателя монастыря на озере Белом (почитание установлено в 1447/1448 гг.), и агиограф теоретически должен был бы написать о нем как о вполне известном наставнике священномученика преподобного Кириллы Белозерского. В отличие от И. А. Шляпкина, Т. Б. Карбасова не исключает такую возможность. Опираясь на наблюдение Н. К. Никольского, она, во-первых, обращает внимание, что преподобного Кириллы еще и в конце XV в. часто продолжали называть в Белозерском крае «старцем Кириллом». Во-вторых, исследовательница отмечает сходство приемов, использованных при составлении двух Служб святителю Алексию Московскому, авторство которых приписывается Питириму Пермскому, и ранней — «Допахомиевской» — безымянной Службы Кириллу Белозерскому. По предположению Т. Б. Карбасовой, вполне допустимо, что автором всех трех Служб является священномученик Питирим, бывший учеником «велика старца» преподобного Кириллы Белозерского [Карбасова 2014: 84–86]. Прямое указание на создание Службы святителю Алексию на день его памяти 12 февраля «боголюбивым епископом Питиримом Пермским» содержится в праздничной Минее конца XV в. [Син. 257, лл. 94–103]; ее описание: [Тиганова, Неволин 1966: 15–16].

Я хотел бы привести доводы, которые могут дать дополнительные основания считать, что священномученик Питирим действительно в ранний период жизни подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре.

исследователями на веру. Убедительные аргументы в подтверждение летописного свидетельства были приведены Д. Г. Давиденко [2011: 54–55].

² Здесь и далее цитаты из источников приводятся в упрощенной орфографии.

Первый довод связан с рукописью КБ 275/532, содержащей наиболее ранний из двух известных списков его Жития. Некоторые исследователи считают, что этот сборник-часослов конца XV – начала XVI в. принадлежал младшему современнику Питирима Пермского Паисию Ярославову, в конце его читается запись: «Часослов был у старца у Паисе[я], изписал его он» [Прохоров 1989а: 159; Лёнгрен 2000: 19; Грицевская 2003]. Допустимо полагать, что Паисий, представитель видного ярославского рода бояр Ярославовых, мог заинтересоваться Житием недавно пострадавшего за веру епископа, который, как и он сам, происходил из близкой его сердцу земли и был постриженником той же Кирилло-Белозерской обители³. Вместе с тем, принадлежность рукописи именно Паисию Ярославову не доказана, тем более невозможно говорить о его авторстве в отношении этого манускрипта. Но даже если рукопись КБ 275/532 связана с именем другого кирилловца Паисия, важен сам факт происхождения сборника-часослова из Кирилло-Белозерского монастыря. Вполне вероятно, автор включил в него житие Питирима именно потому, что в обители поддерживалась память о ее насельнике, который сначала достиг сана епископа, а затем мученически погиб во время христианизаторской миссии.

С почитанием Питирима Пермского связан и второй довод. В основном тексте месяцесловной части Устава церковного 7030 (1521/1522) г., ныне хранящегося в отделе рукописей РГБ, под 19 августа помещен тропарь священномученику, предваряемый киноварным указанием на его гибель: «В тъж день оубиенъ бысть владыка Питиримъ Прьмскыи от безбожных вогуличъ» [Рум. 446, л. 198]. Согласно вкладной записи, данная рукопись предназначалась для Кирилло-Белозерского монастыря епископом Пермским и Вологодским Алексием в надежде на включение в монастырский синодик Елинарха и Екатерины, вероятно, родителей владыки [Рум. 446, л. 20б.]. Алексей, архиерейское рукоположение которого состоялось 9 апреля 1525 г., был тесно связан с Кирилло-Белозерским монастырем: в 1520–1525 гг. он являлся игуменом обители и впоследствии вернулся сюда на покой⁴. Возможно, рукопись писалась для Алексия в период его игуменства, и включение в нее тропаря, а также упоминание гибели Питирима отражает именно местное почитание священномученика, сложившееся в Кирилло-Белозерском монастыре не позднее первой четверти XVI в.

³ Родовые владения семьи Паисия Ярославова находились в Заволжском стане и в волости Черемха, в Кирилло-Белозерском монастыре он подвизался в годы настоятельства игумена Кассиана (1448–1469) и, возможно, во второй половине 1480-х гг. (мнение А. И. Алексеева) [Кузьмин 2019: 232–233].

⁴ В 7052 (1543/1544) г. он еще занимал владычную кафедру, о чем свидетельствует запись в рукописи Лествицы Иоанна Синайского, переписанной в Николо-Коряжемском монастыре [Усачев 2018: 177, № 312].

Третий довод связан с крайне любопытным известием из сборника Q-57, той самой кирилловской рукописи начала XVI в., которая до сих пор не привлекала внимания исследователей биографии Питирима. В этом сборнике на листе 161 между краткими биографическими выписками из Житий Ефрема Сирина и Нила Постника читается: «В лѣто 6963 августа 18 убьен бысть Питирим епископ Пермьскый, а в землю пошел 26»; ниже добавлено: «И тояга посох зовется» [Новикова 2012a: 225, прим. 59]. Я не знаю других ранних источников, которые бы содержали известие о дне похорон священномученика. Позднее «Сказание о Пермских епископах», созданное в XVIII в., содержит легенду об убийстве Питирима неподалеку от Усть-Выми лично вогульским предводителем Асыкой во время всенародного молебна, после чего его тело оставалось непогребенным 40 дней «[...] в августе и в сентябре месяцев хранимо во обрубе» [ИПЕ: 72–73]⁵. Запись в сборнике Q-57 (л. 161) является уникальной еще и потому, что в ней днем гибели священномученика указано 18 августа. В большинстве источников датой его смерти (или памяти) указывается 19 августа, а в его Житии — 15 августа. Наконец, только в рукописи Q-57 содержится свидетельство о посохе Питирима, который, вероятно, к этому времени уже рассматривался в качестве реликвии пострадавшего за веру архиерея. Источник читающихся в рукописи Q-57 незаурядных сведений о Питириме Пермском неизвестен, однако важно, что сам сборник происходит из Кирилло-Белозерского монастыря. Вдвойне интересно, что в этот же сборник помещен летописный текст, содержащий пермские материалы, и в нем также упоминается Питирим. Характеристика данного упоминания будет дана ниже.

Четвертый довод связан с кирилловской летописной традицией. В середине XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре был создан краткий летописец, оказавший большое влияние на последующее летописание обители. В современной исследовательской литературе он именуется «Русским летописцем» или «Летописцем Ефросина», а его составление относится либо к концу 1450-х (до смерти митрополита Ионы Московского), либо к первой половине – середине 1460-х гг. (около 1463 г.). В качестве возможных авторов памятника исследователи называют известного кирилловского книжника Ефросина или кирилловского игумена Игнатия [Бобров 2006: 137–139; Кистерев 2010; Новикова 2012b: 180–182]. Среди известий этого летописца присутствует и свидетельство о гибели священномученика Питирима: «В лето 6963 убиен бысть от вогулич Питирим епископ Пермьскый август[а] 19» [Зимин 1950;

⁵ О датировке «Сказания»: [Власов 2007]. «Сказание» опубликовано в качестве приложения к этой статье.

Кистерев 2008: 123]. Таким образом, между трагической смертью епископа и приведенной выше записью о ней прошло всего несколько лет. Возможно, это наиболее раннее сохранившееся известие о мученической кончине Питирима с точной датой, причем зафиксированной непосредственно в Кириллове. Делаю этот вывод, во-первых, на основании наблюдения О. Л. Новиковой о кирилловском происхождении заключительной части «Русского летописца» / «Летописца Ефросина», к которой относится и свидетельство о гибели Питирима [Новикова 2012б: 187]; во-вторых, на основании наблюдения С. Н. Кистерева о том, что в наиболее близком «Русскому летописцу» / «Летописцу Ефросина» памятнике с похожим названием «Летописец русский» нет указания ни на точную дату смерти под 19 августа, ни на гибель Питирима от рук вогуличей [Кистерев 2008: 116].

Данное свидетельство является единственным, относящимся к Пермской епархии, которое составитель включил в созданный им текст. Ни просветительская деятельность Стефана Пермского, ни создание епископии, ни убийство предшественника Питирима на архиерейской кафедре Герасима не нашли отражения в Летописце. В середине 1520-х гг. Гурий Тушин создает в Кирилло-Белозерском монастыре «Летописец русский», за основу которого в части до 1461 г. берет «Русский летописец» / «Летописец Ефросина». Гурий редактирует текст своего предшественника, он убирает оттуда церковные сведения, касающиеся создания на Руси митрополии и четырех епархий, а также изменений в составе ростовской епископии, но оставляет свидетельство о смерти Питирима Пермского [Казакова 1961: 191, 199]. В 1531–1534 гг. следующий кирилловский книжник, обращаясь уже к «Летописцу русскому» Гурия Тушина, снова сокращает некоторые известия церковно-иерархического характера (убраны смерть митрополитов Максима, Феоноста, Киприана, Фотия и Филиппа, сведение с Новгородской кафедры архиепископа Феофила), но сохраняет в неизменном виде известие, посвященное гибели Питирима [Новикова 2008: 188–190, 215]. Таким образом, кирилловская летописная традиция заставляет предполагать особое отношение в Кирилло-Белозерском монастыре к памяти Питирима Пермского.

Свидетельство о смерти Питирима читается и в летописях, отразивших Севернорусский летописный свод 1472 г., который, по мнению Я. С. Лурье, был составлен в Кирилло-Белозерском монастыре (публикация научной реконструкции свода, осуществленной Я. С. Лурье: [Севернорусский]). Однако у современных исследователей вызывает возражение либо кирилловское происхождение этого свода, либо даже само его существование [Клосс 2004: V; Новикова 2012б: 184]. Поэтому

я избегаю включать известие из этих летописей в кирилловскую летописную традицию, восходящую к «Русскому летописцу» / «Летописцу Ефросина».

Итак, помимо вероятного авторства «Допахомиевской» редакции службы преподобному Кириллу Белозерскому и свидетельства Жития Питирима о его учителе, на связь Питирима с Кирилло-Белозерским монастырем указывают и обстоятельства памяти о нем, которая тяготеет именно к этой обители и имеет признаки начального почитания. При этом надо отметить, что в дальнейшем почитание священномученика Питирима не получило развития в Кирилло-Белозерском монастыре. Например, его имя отсутствует в обиходниках обители второй половины XVI – начала XVII вв., а также в наиболее ранней монастырской описи 1601 г., согласно которым общее число почитавшихся здесь русских святых могло достигать 40 человек [Мельник 2010]. Во всяком случае, весьма вероятно, что изначально Питирим подвизался именно в монастыре Ростовской епархии (Кирилло-Белозерский монастырь также относился к Ростовской епископии). Согласно Житию, еще в юности принявший иночество Питирим по достижении совершеннолетия или минимально допустимого возраста рукоположения («достиже свершеннаго възраста») был рукоположен «от тамо сущаго святителя диаконом и презвитером, та же и архимандритом бысть» [ИПЕ: 96]. Слова «тамо сущаго святителя» указывают на архиерея, в епархиальном подчинении которого находился монастырь, где нес монашеское послушание будущий священномученик. В историографии уже отмечалось, что все епископы Пермские конца XIV – первой трети XVI вв., о которых сохранились соответствующие биографические сведения, в тот или иной период своей жизни до архиерейского поставления были связаны с Ростовской епархией (исключение — Пимен Ходыкин) [Тарасов 2012: 186–187]⁶. Учитывая ярославское происхождение Питирима, юный возраст принятия им монашеского пострига, а также тенденцию избрания Пермских архиереев из монахов, когда-либо подвизавшихся в Ростовской епархии, считаю допустимым предполагать, что и священномученик Питирим начинал иноческий путь в пределах Ростовской епархии.

Еще одно «белое пятно» в биографии священномученика связано с обстоятельствами его архиерейской хиротонии. Свидетельства источников о рукоположении Питирима в епископы Пермские противоречивы. Согласно Вычегодско-Вымской летописи конца XVI – начала

⁶ Теоретически Пимен Ходыкин также мог быть уроженцем Ростовской земли или подвизаться в каком-либо из монастырей Ростовской епархии до того, как оказался в Соловецком монастыре, из игуменов которого он и был рукоположен на Пермскую кафедру. Однако его «досоловецкая» биография неизвестна.

XVII вв., его хиротония состоялась в 6952 (1443/1444) г. [ВВЛ: 261]. Вычегодско-Вымская летопись является поздним источником относительно событий середины XV в., однако ее свидетельство о хиротонии Питирима с известной осторожностью принимается исследователями, поскольку начавший составление летописи «чорный поп Мисаил» из Усть-Выми, использовал летописные записи, ведшиеся непосредственно при Пермской владычной кафедре [Флоря 1967]. В противоречие с Вычегодско-Вымской летописью вступает свидетельство летописного текста, содержащего пермские материалы из упоминавшегося выше сборника Кирилло-Белозерского монастыря начала XVI в. [Q-57, л. 222–226]: «В лѣто 6959 (1450/1451) скорыя татарове по[д] Москвою были. Того же лѣта поставлен бысть 4 епископ Перми Питирим епископы русскими: архиепископом Ростовским Ефремом и иными епископы, и бысть епископом 8 лѣт, и убьен бысть от волулич (так!), и положен у тое же церкви в Перми» [Новикова 2012а: 233]⁷. С высокой вероятностью этот текст был основан на сведениях из летописца Пермских владык, составленного между 1501–1507 гг. непосредственно в Кирилло-Белозерском монастыре и потому альтернативного тем летописным записям Пермской епископской кафедры, которые использовал Мисаил, писавший в Усть-Выми [Ibid.: 227–228]. В свою очередь, и Вычегодско-Вымской летописи, и летописному тексту из кирилловского сборника противоречит Житие священномученика Питирима, в котором утверждается, что его хиротония состоялась «рукопо[ло]жением Ионы митрополита Киевскаго и всея Руси» [ИПЕ: 96].

Очевидно, что 6959 (1450/1451) г. летописного текста из кирилловского сборника — это явная ошибка. Еще 29 декабря 1447 г. Питирим Пермский поставил подпись под соборным определением, направленным князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, в котором духовенство угрожало ему церковным отлучением в случае отказа от примирения с великим князем Московским Василием Васильевичем Темным [АИ: 75, № 40; РФА: 103, № 19]. Эта «железная» дата определяет число, не позднее которого Питирим уже являлся епископом. Следует добавить, что 15 декабря 1448 г. Питирим стал участником церковного собора в Москве, на котором святитель Иона Московский был возведен в сан митрополита Киевского и всея Руси⁸. Участие Пермского владыки в из-

⁷ Фраза «положен у тое же церкви в Перми» отсылает к статье под 6945 г., в которой сообщается о рукоположении третьего епископа Пермского Герасима, который «[...] бысть епископом 8 лет, и преставися в Перми на Усть Выми, и положен бысть туто же, в церкви святого Благовещения».

⁸ Имя Питирима как участника собора, избравшего святителя Иону в митрополиты, упоминается во многих летописях, восходящих к великокняжескому летописанию 1450–1470-х гг. [Абеленцева 2009: 145–146].

брании главы церкви в 1448 г. как будто бы идет вразрез со свидетельством Жития Питирима: если он как епископ присутствовал на соборе, избравшем Иону в митрополиты, то Иона не мог совершить его владычное рукоположение в качестве митрополита Киевского и всея Руси. Но следует отметить, что через какое-то время после отстранения и последующего бегства из Москвы митрополита-униата Исидора в 1441 г. святитель Иона в сане епископа Рязанского становится местоблюстителем митрополичьей кафедры. Вместе с собором епископов он мог рукоположить нового владыку [Макарий (Веретенников) 2016: 681], а автор Жития священномученика Питирима мог опустить формальные подробности статуса Ионы, вторичные для жанра агиографического произведения.

В то же время нельзя обойти и упоминание епископа Ростовского Ефрема в летописном тексте из кирилловского сборника Q-57⁹. Судя по контексту известия, святитель Ефрем должен был возглавлять архиерейскую хиротонию Питирима. Если допустить, что в статье перепутан год хиротонии, а указание на иерархическое первенство епископа Ростовского достоверно, речь может идти о том времени в 1440-е гг., когда святитель Иона еще не стал местоблюстителем свободной после Исидора митрополичьей кафедры. Поскольку Ростовская епископия занимала в середине XV в. второе по старшинству место в ранге русских епархий, а первые по чести архиепископы Новгорода не принимали тогда участия в соборных деяниях, традиционно отстраняясь от общерусских церковных мероприятий, первоиерархами на соборах в отсутствие митрополита становились как раз Ростовские владыки [Зимин 1990: 83–84]. Считается, что именно Ефрем в 1441 г. участвовал в качестве первоиерарха в созданном в Москве по приказу великого князя Василия Васильевича Темного архиерейском соборе, который осудил принятие митрополитом Исидором Флорентийской унии и принял решение обратиться к Константинопольскому патриарху Митрофану II с просьбой о поставлении на Русь другого митрополита [Кузьмин 2008]. Вероятно, и на последующих соборах святитель Ефрем мог быть первенствующим архиереем вплоть до избрания святителя Ионы местоблюстителем митрополичьей кафедры¹⁰.

⁹ Ефрем Ростовский назван в этом тексте «архиепископом», однако до 15 декабря 1448 г. он пребывал в сане епископа [Кузьмин 2008: 35]. Автор летописного текста из Q-57, писавший в начале XVI в., оценивал события в ретроспективе, для него Ростовская епархия к тому времени уже более полувека была архиепископией, и Ефрема он определял по его статусу *post factum*.

¹⁰ Впрочем, степень полномочий святителя Ионы как местоблюстителя митрополичьей кафедры остается неясной. В межкняжеских грамотах лета и осени 1447 г., когда он уже должен был быть местоблюстителем, используются формулы «[...] не велети ему [Василию Васильевичу Темному] нам [князьям] к

Принципиальным становится вопрос, когда же Иона Московский стал местоблюстителем после отстранения Исидора. Источники впервые упоминают святителя в этом качестве в связи с обстоятельствами пленения детей Василия Васильевича Темного князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой в 1446 г. По сведениям одних источников, Иона «сел» на митрополичьем дворе после того, как исполнил просьбу Шемяки забрать княжичей-Васильевичей из Муром и передать их в его руки, по сообщениям других (Ермолинская летопись) — святитель находился «на митрополиче дворе на Москве» уже в момент обращения к нему Шемяки, т. е. до муромской поездки [Тарасов 2010а: 394]. В современной историографии распространено представление, что Иона в качестве местоблюстителя занял кафедру предстоятеля Русской церкви после выполнения желания князя Дмитрия Юрьевича [Абеленцева 2009: 73–76; Макарий (Веретенников) 2016: 674]¹¹.

Итак, если до 1446 г. святитель Иона Московский не являлся митрополичьим местоблюстителем, то иерархом, первенствующим на церковных соборах с 1441 по 1446 гг., должен быть признан именно Ефрем Ростовский. Год рукоположения Питирима Пермского, известный из Вычегодско-Вымской летописи, таким образом, согласуется со свидетельством из кирилловского сборника о хиротонии святителя «архиепископом Ростовским Ефремом и иными епископы». Среди «иных» епископов мог быть и будущий святитель Иона Московский, в то время занимавший Рязанскую кафедру. Его вероятное присутствие на поставлении Питирима вполне увязывается с Житием Питирима. Как было отмечено мной выше, агиографа вряд ли интересовала фактологическая точность жизнеописания священномученика. Гораздо важнее было обратить внимание на то, что рукоположение Питирима в принципе исходило от Ионы Московского. Если прав Д. М. Буланin, предположивший, что Житие Питирима создавалось еще при жизни великого

собе ехати, доколе будет у нас в земле отец наш митрополит» и «[...] доколе Бог даст нам [Василию Васильевичу Темному и Ивану Андреевичу Можайскому] отца нашего митрополита в земле нашей» [Абеленцева 2009: 70] (уточнения в квадратных скобках внутри цитат даны нами); Иона упоминается только на третьем месте и среди архиереев, подписавших послание духовенства князю Дмитрию Шемяке 29 декабря 1447 г. [АИ: 75, № 40; РФА: 103, № 19].

¹¹ Архимандрит Макарий (Веретенников) пишет о «восстановлении местоблюстительского статуса святителя Ионы», подразумевая, что он являлся местоблюстителем кафедры после смерти митрополита Фотия в первой половине 1430-х гг. Более осторожно о положении Ионы высказываются авторы современной «Истории Русской Православной Церкви», с одной стороны, допуская, что после отстранения митрополита Исидора именно Иона находился «на правах местоблюстителя» митрополичьей кафедры; с другой стороны, подчеркивая, что «статус святителя Ионы в это время был еще неопределенным» [Авдеев, Тимофеева 2015: 306].

князя Московского Василия Васильевича Темного [Буланин 1988: 322], то работа над Житием должна была осуществляться во второй половине 1450-х – начале 1460-х гг. На этот период приходится и начало раскола митрополии с выделением в отдельную церковную организацию западных епархий (см.: [Макарий (Булгаков): 28–29], также комментарий Б. Н. Флори: [Ibid.: 422 (прим. 5)]; ср.: [Покровский 1897: 26; Флоря 2007: 415]), и нарастание конфликта с Константинопольским патриархатом из-за русской автокефалии [Белякова 1982]. Ключевой фигурой здесь во многом был именно святитель Иона, митрополит Московский.

На рубеже 50-х – 60-х гг. на него, уже престарелого и больного человека, выпали заботы по отстаиванию как церковного единства, так и автокефалии. Святителю было особенно важно воздействовать на западнорусских епископов [РФА: 185–188, № 51], некоторым иерархам были отправлены личные грамоты [Ibid.: 124–127, № 24; Абеленцева 2009: 423–430, № 48, 49]. В посланиях Ионы в Литву причины падения Константинополя объяснялись отступлениями греческих иерархов от истинной православной веры. Видимо, у митрополита имелись основания сомневаться в лояльности к нему рукоположенного 1 февраля 1460 г. архиепископа Новгородского Ионы Отенского, которому также было адресовано послание [РФА: 147–150, № 34], и епископа Тверского Моисея, которому Иона Московский грозил наказанием за отказ от участия в соборе по сохранению единства митрополии [РИБ: 625–626, № 82; АИ: № 271]. Этот собор, прошедший в декабре 1459 г. в Москве, стал важнейшей вехой борьбы за церковную целостность. На соборе епископы Северо-Восточной Руси подтвердили верность святителю Ионе Московскому и обещали в будущем тому, «[...] кто по нем иной митрополит будет на той великий престол русская митрополит поставлен в зборной церкви Святыя Богородица на Москве, у гроба святого чудотворца Петра, митрополита Русскаго, и от того митрополит[а] также быти нам неотступным и повиноватися ему во всем» [РФА: 94, № 14; РИБ: 632, № 83].

Однако конфликт не был исчерпан. Его новый виток пришелся на вторую половину 1460-х – начало 1470-х гг., когда литовский митрополит Григорий Болгарин при патриархе Дионисии (первое патриаршество: осень 1466 – конец 1471 гг.) восстановил каноническое общение с Константинополем. Патриарх, признав Григория Болгарина, отправил 18 февраля 1467 г. послание на Русь, адресованное «благородным и благоверным и христолюбивым князем и княгинем, боярам, и детям боярским, и купцам, и всему христоименитому господню людству». В нем он прямо заявил, кто находится с ним в каноническом общении, а кто — в расколе. Самочинная, по мнению патриарха, митрополичья кафедра в

Москве должна была подчиниться Григорию Болгарину: «А што вдела-ли на Москве, ажъ бы того перестали делати, [...] бо то ест против правиль и противъ закону Божиего, елико именовали на Москве от Ионы и до сих часов митрополитов, тых всих великая зборная наша святая церковь не имаеть [...]» [Щапов 1976: 145–147, № 52].

Стоит думать, что в условиях церковного кризиса для сторонников митрополита Ионы Московского и его ближайших преемников становилось важным подчеркнуть связь между главой церкви и ее членами, особенно если речь шла об архипастырях. Указание на рукоположение от митрополита Ионы встраивало архиерея в систему опознавания «свой — чужой», обоюдно способствовало признанию и епископа в той среде, которая принимала Иону в качестве главы церкви, и самого Ионы в глазах паствы. Личность священномученика Питирима Пермского, пострадавшего за Христа, хорошо подходила для этих целей. Его гибель во имя веры оказывалась своеобразным символом, подтверждавшим правомерность хиротонии Питирима Ионой Московским на высокую степень апостольского преемства. Вместе с тем она свидетельствовала, что в церкви, подчиняющейся Ионе, продолжается миссия, важность которой утверждают деяния новомучеников. Полагаю, автор Жития Питирима, мог намеренно сместить акцент с целью выделить в рукоположении священномученика Питирима, осуществленном архиерейским собором во главе с епископом Ростовским Ефремом, роль именно будущего митрополита.

Наконец, необходимо коснуться разночтений относительно продолжительности пребывания Питирима Пермского на кафедре. Согласно Вычегодско-Вымской летописи, Питирим погиб в 6963 (1454/1455) г., то есть через одиннадцать лет после хиротонии. В летописном тексте из кирилловского сборника Q-57 содержится свидетельство о епископском служении Питирима в течение восьми лет. Кирилловский текст на восемь десятилетий старше древнейшей части Вычегодско-Вымской летописи (именно в этой части, написанной в 1580-е гг. Мисаилом, содержатся сведения за XV в.), поэтому теоретически должен заслуживать предпочтения. Однако его очевидная ошибка в годе рукоположения заставляет усомниться и в другом числовом значении, связанном с Питиримом — относительно длительности архиерейского служения. В то же время 6952 (1443/1444) г. рукоположения Питирима в Вычегодско-Вымской летописи не противоречит времени первого известного деяния Питирима как архиерея (подпись под соборным посланием в отношении Дмитрия Шемяки) и может быть согласован с указанием как летописного текста из кирилловского сборника о его хиротонии Ефремом Ростовским, так и Жития Питирима о хиротонии

Ионой Московским. Очевидно, что при составлении сборника Q-57 использовались разные источники биографических сведений о священномученике, вследствие чего в его состав были включены взаимоисключающие известия. Запись с датами смерти и погребения Питирима, читающаяся между краткими биографическими выписками из Житий Ефрема Сирина и Нила Постника, восходит к иной традиции, нежели летописный текст, который сообщает о годе рукоположения, длительности пребывания на кафедре и убийстве «от волулич».

Кто же и когда мог способствовать распространению почитания Питирима Пермского? Высказывалась гипотеза, что автором Жития священномученика являлся Пахомий Логофет [Буланин 1988]. Известно, что в первые месяцы 1462 г. по поручению великого князя Московского Василия Васильевича Темного и благословению митрополита всея Руси Феодосия (Бывальцева) он посещал Кирилло-Белозерский монастырь (вероятно, до мая) [Духанина 2019: 159; ср.: Прохоров 1989б: 167] и работал здесь совместно с книжником Ефросином [Шibaев 2008: 490], возможным автором «Русского летописца» / «Летописца Ефросина». По мнению М. А. Шibaева, Пахомий привез в Кириллов бумагу, а также прислал туда несколько тетрадей с составленным им Житием Сергия Радонежского [Шibaев 2002: 107; Idem 2017: 431]. Итогом кирилловской поездки агиографа стало создание им Жития и Службы преподобному Кириллу Белозерскому. Исследователи считают, что заказ на составление жития Кирилла исходил от Василия Васильевича Темного, сам Пахомий «[...] указал также, что Житие создавалось по настоянию преп[одобного] Кассиана, бывшего тогда игуменом Кириллова монастыря» [Духанина 2019: 169].

Работа Пахомия непосредственно в Кирилло-Белозерской обители по заказу великого князя Московского и кирилловского игумена подталкивает к предположению, что они же выступили инициаторами создания и Жития Питирима Пермского. Василий Васильевич Темный, несомненно, был знаком со священномучеником еще во время его настоятельства в кремлевском Чудовом монастыре и, вероятно, ценил, что Питирим твердо стоял на его стороне во время противостояния с Дмитрием Шемякой. Игумен Кассиан мог быть заинтересован в прославлении выходца из возглавляемой им Кирилловской обители. Ключевым мотивом для обоих заказчиков должна была стать мученическая кончина Питирима за веру. Однако согласно новейшим наблюдениям А. В. Духаниной Житие Питирима Пермского не могло быть написано Пахомием Логофетом [Духанина 2017: 102]. Следует отметить также, что упоминание наставника Питирима «старца Кирила» как «некоего», читающееся в калязинском списке его Жития, вряд ли могло появиться

в случае заказа Жития насельниками Кирилло-Белозерского монастыря, для которых он был не безвестным старцем, но почитаемым основателем их обители. При этом Житие явно было написано и за пределами Перми, поскольку агиограф пишет о ней как о «стране той» и «тамо сущей области», на что обратил внимание еще И. А. Шляпкин [1894: 142].

Ранее я допускал, что заказчиком Жития Питирима мог быть его преемник на кафедре, пятый епископ Пермский святитель Иона [Тарасов 2010б: 405; Idem 2019: 553]. Это осторожное предположение было основано на общих соображениях об активной просветительской деятельности Ионы, а также — гипотезе Д. М. Буланина о раннем происхождении Жития Питирима (еще при жизни Василия Васильевича Темного)¹². В то же время в историографии содержится допущение, сторонники которого, также исходя из общих соображений, полагают, что жизнеописание Питирима могло быть составлено по поручению шестого епископа Пермского Филофея, или, по крайней мере, что с именем Филофея следует связывать начало почитания Питирима [Власов 1996: 11; Котылев 2013: 25; Рогачев]¹³. В настоящее время не вызывает сомнений, что именно Филофей в 1472 или 1473 г. заказал в Москве Пахомию Логофету составление Службы Стефану Пермскому и 1-й Проложной редакции его Жития, по-видимому, в связи с установлением местного почитания святителя [Духанина 2017; Eadem 2019: 160, 170, 185]. Внимание Филофея к святителю Стефану дает основания считать, что он мог стремиться поддерживать память и о других предшественниках по Пермской кафедре, явивших себя на ниве проповеди христианства среди язычников. Среди них достойное место, конечно же, принадлежало священномученику Питириму. Не исключено, что одновременно с текстами, прославляющими Стефана Пермского, Филофей заказал в Москве и Житие Питирима, но только другому книжнику. Тогда находит объяснение, почему этот неизвестный агиограф пишет о Перми как о «стране той» и «тамо сущей области». Равно кажется неслучайным, что оба Жития — Питирима и Стефана — являются краткими: это могло соответствовать требованиям заказчика и отражать особенности начального этапа становления почитания епископов Пермских, инициированного Филофеем.

¹² Иона занял кафедру не позднее 13 декабря 1459 г. и оставался на ней до 8 ноября 1470 г. В статье [Тарасов 2019], посвященной Питириму Пермскому, я по недоразумению написал, что предположение о заказе Жития Питирима святителем Ионой Пермским было сделано самим Д. М. Буланиным, однако исследователь писал лишь о возможном времени создания Жития, но не его заказчике.

¹³ Сердечно благодарю А. В. Духанину, которая поделилась со мной историографическими наблюдениями.

Оставив архиерейскую кафедру в 1501 г., Филофей в течение некоторого времени подвизался в Кирилло-Белозерской обители. По мнению О. Л. Новиковой, именно Филофей мог быть автором Летописца Пермских владык — произведения, использованного создателем сборника Q-57, но сведения из которого остались неизвестны в Усть-Выми. С пребыванием Филофея в Кириллове исследовательница связывает и наличие в обители пермских материалов: «Представляется вполне закономерным, что он, оказавшись здесь, не только просматривает кирилловские рукописи, но и показывает насельникам свои книги. Во время его недолгого пребывания в Кирилло-Белозерском монастыре кирилловскими монахами и осуществляются выписки из принадлежащих ему сборников, заимствуются и более обширные материалы» [Новикова 2012а: 211]. Среди текстов, привезенных Филофеем в Кириллов, могло быть Житие Питирима. Рассмотренные выше кирилловские свидетельства о Питириме Пермском в основном относятся ко времени не ранее того, как Филофей оказался в Кирилло-Белозерском монастыре. В свою очередь, почитание Питирима Пермского в Кириллове могло распространиться именно в силу того, что он был выходцем из этого монастыря и учеником самого преподобного основателя обители. На плодотворную почву для такого почитания указывает свидетельство о его смерти в составе кирилловского по происхождению «Русского летописца» / «Летописца Ефросина», записанное уже в первые годы после гибели Питирима.

Таким образом, имеющиеся данные о жизни и почитании священномученика Питирима Пермского в первые десятилетия после его смерти указывают на Кирилло-Белозерский монастырь как первое место его иноческого пути. Все приведенные выше аргументы являются косвенными, и по отдельности ни один из них не может подтвердить «кирилловский путь» Питирима Пермского в ранний период его монашеской жизни, однако в совокупности, как кажется, они складываются в непротиворечивую картину. Последовательный анализ данных, включая новый источник сведений о Питириме, подтверждает достоверность свидетельств, отраженных в поздней Вычегодско-Вымской летописи, о рукоположении владыки в 6952 (1443/1444) и его гибели в 6963 (1454/1455) гг., а также выявляет роль епископа Ростовского Ефрема и епископа Рязанского Ионы во время епископской хиротонии Питирима.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

ККМ — Калязинский краеведческий музей имени И. Ф. Никольского (Калязин)

Библиография

Источники

Рукописи

КБ 275/532

РНБ, ф. 351 (Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря), № 275/532, Сборник-часослов конца XV – начала XVI в.

ККМ 853

ККМ, № 853, Сборник проложных житий, XVI в.

Q-57

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), № Q.XVII.57, Сборник, начало XVI в.

Рум. 446

РГБ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 446, Устав церковный, 1521/1522 г.

Син. 257

РГБ, ф. 272 (собр. Синодальной библиотеки), № 257, Минея праздничная, конец XV в.

Издания

АИ

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, 1, С.-Петербург, 1841.

ВВЛ

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, *Историко-филологический сборник*, 4, Сыктывкар, 1958.

ИПЕ

Власов А. Н., ред., *История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы*, Сыктывкар, 1996.

Зимин 1950

Зимин А. А., Краткие летописцы XV–XVI вв., *Исторический архив*, 5, Москва; Ленинград, 1950, 3–39.

РИБ

Русская историческая библиотека, 6, 2-е изд., С.-Петербург, 1908.

РФА

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века, 1, Москва, 1986.

Севернорусский

Севернорусский летописный свод 1472 года, *Библиотека литературы Древней Руси*, 7, С.-Петербург, 2000, 318–347.

Щапов 1976

Щапов Я. Н., *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики*, 2, Москва, 1976.

Литература

Абеленцева 2009

Абеленцева О. А., *Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви*, Москва, С.-Петербург, 2009.

Авдеев, Тимофеева 2015

Авдеев Р. И., Тимофеева Т. Ю., ред., *История Русской Православной Церкви*, в 2-х томах, 1, Москва, 2015.

Алексеев 2009

Алексеев Ю. Г., *Походы русских войск при Иване III*, 2-е изд., С.-Петербург, 2009.

Белякова 1982

Белякова Е. В., К истории учреждения автокефалии Русской церкви, *Россия на путях централизации*, Москва, 1982, 152–156.

Бобров 2006

Бобров А. Г., Ефросин Белозерский как историограф, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 57, С.-Петербург, 2006, 134–144.

Буганов, Смоленцев 1995

Буганов В. И., Смоленцев Л. Н., Вступительная статья, Лыткин Г. С., *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык*, Сыктывкар, 1995, 7–26.

Буланин 1988

Буланин Д. М., Житие Питирима, епископа Пермского, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: Вторая половина XIV–XVI в., 1: А–К, Ленинград, 1988, 321–322.

Вершинин 2000

Вершинин Е. В., И еще раз о князьях вымских и великопермских, *Проблемы истории России*, 3, Екатеринбург, 2000, 285–305.

Власов 1996

Власов А. Н., Миссия русской православной церкви в Пермском крае (по материалам древнерусской письменности), *История Пермской епархии*, Сыктывкар, 1996, 4–58.

Власов 2007

Власов А. Н., Поздние Повесть о Стефане Пермском и Сказание о Пермских епископах (Проблемы литературной преемственности), *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2007, 710–721.

Грицевская 2003

Грицевская И. М., Индексы истинных книг в библиотеке Соловецкого монастыря, *Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения–2003»*, Петрозаводск, 2003, 353–356.

Давиденко 2011

Давиденко Д. Г., Чудов монастырь в системе церковной и государственной власти в XIV – начале XVI в., *Московский Кремль XV столетия: Сборник статей*, 1, Москва, 2011, 46–61.

Духанина 2017

Духанина А. В., Атрибуция Пахомию Сербу старшего проложного Жития Стефана Пермского, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4, 2017, 93–106.

Духанина 2019

Духанина А. В., Пахомий Логофет, *Православная энциклопедия*, 55, Москва, 2019, 158–190.

Зимин 1990

Зимин А. А., *Витязь на распутье*, Москва, 1990.

Казакова 1961

Казакова Н. А., Книгописная деятельность и взгляды Гурия Тушина, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 17, Москва, Ленинград, 1961, 109–200.

Карбасова 2014

Карбасова Т. Б., Допахомиевская Служба Кириллу Белозерскому, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 63, С.-Петербург, 2014, 67–95.

Кистерев 2008

Кистерев С. Н., Ефросин и «Роуский летописец», *Летописи и хроники. Новые исследования*. 2008, Москва, С.-Петербург, 2008, 94–123.

Кистерев 2010

Кистерев С. Н., Об авторе «Русского летописца» в сборнике Ефросина Белозерского, *Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010*, Москва, С.-Петербург, 2010, 223–236.

Клосс 2004

Клосс Б. М., Предисловие к изданию 2004 г., *Полное собрание русских летописей (Ермолинская летопись)*, 23, Москва, 2004, IV–VI.

Котылев 2013

Котылев А. Ю., Роль Стефана Пермского в формировании пространства Руси / России, *С именем Стефана: Пермская епархия: Страницы истории: К 630-летию Пермской епархии*, Сыктывкар, 2013, 4–31.

Кузьмин 2005

Кузьмин А. В., Вологодская и Великоустюжская епархия, *Православная энциклопедия*, 9, Москва, 2005, 240–244.

Кузьмин 2008

Кузьмин А. В., Ефрем, свт., архиеп. Ростовский, Ярославский и Белозерский, *Православная энциклопедия*, 19, Москва, 2008, 34–35.

Кузьмин 2019

Кузьмин А. В., Паисий (Ярославов), *Православная энциклопедия*, 54, Москва, 2019, 232–236.

Лённогрен 2000

Лённогрен Т. П., *Соборник Нила Сорского*, 1, Москва, 2000.

Макарий (Булгаков)

Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской церкви*, 5, Москва, 1996.

Макарий (Веретенников)

Макарий (Веретенников), архимандрит, *Митрополиты Древней Руси (X–XVI века)*, Москва, 2016.

Мельник 2010

Мельник А. Г., Кирилло-Белозерский монастырь как центр почитания русских святых в XVI веке, *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*, 12, 2010, 67–72.

Новикова 2008

Новикова О. Л., Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в., *Летописи и хроники. Новые исследования. 2008*, Москва, С.-Петербург, 2008, 172–234.

Новикова 2012а

Новикова О. Л., Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков, *Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012*, Москва, С.-Петербург, 2012, 206–235.

Новикова 2012б

Новикова О. Л., «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в., *Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012*, Москва, С.-Петербург, 2012, 156–205.

Покровский 1897

Покровский И., *Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования*, 1, Казань, 1897.

Прохоров 1989а

Прохоров Г. М., Паисий Ярославов, *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 2: Вторая половина XIV–XVI в., 2: Л–Я*, Ленинград, 1989, 156–160.

Прохоров 1989б

Прохоров Г. М., Пахомий Серб (Логофет), *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI вв.*, 2: Л–Я, Ленинград, 1989, 167–177.

Рогачев

Рогачев М. Б., История становления Православия в Коми крае, *Сыктывкарская и Воркутинская епархия* (http://syktyvkar.eparchia.ru/michail_rogachev.html).

Тарасов 2010а

Тарасов А. Е., Иона, свт. митр. Киевский и всея Руси, *Православная энциклопедия*, 25, Москва, 2010, 392–398.

Тарасов 2010б

Тарасов А. Е., Иона, свят., еп. Пермский, *Православная энциклопедия*, 25, Москва, 2010, 404–406.

Тарасов 2012

Тарасов А. Е., Избрание архиереев в Русской Церкви XV–XVI вв.: Региональный аспект, *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 12/3, 2012, 186–190.

Тарасов 2019

Тарасов А. Е., Питирим, сщмч., Великопермский, *Православная энциклопедия*, 56, Москва, 2019, 551–555.

Тентюкова 1976

Тентюкова Ф. А., *Из прошлого Коми края (Материалы к своду памятников)*, Сыктывкар, 1976.

Тиганова, Неволин 1966

Тиганова Л. В., Неволин Ю. А., *Описание рукописей собрания Синодальной библиотеки. Фонд 272. XV–XIX вв.*, Москва, 1966 (машинопись; <https://lib-fond.ru/lib-rgb/272/>)

Усачев 2018

Усачев А. С., *Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей*, 2, Москва, С.-Петербург, 2018.

Флоря 1967

Флоря Б. Н., Коми-Вымская летопись, *Новое о прошлом нашей страны. Сборник статей: Памяти акад. М. Н. Тихомирова*, Москва, 1967, 218–231.

Флоря 2007

Флоря Б. Н., *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*, Москва, 2007.

Чагин 2003

Чагин Г. Н., Христианизация Перми Великой Чердыни и ее роль в развитии государственности и культуры в XV–XVII в., *Вехи христианской истории Прикамья: Материалы чтений, посвященных 540-летию крещения Перми Великой*, Пермь, 2003, 5–18.

Шибает 2002

Шибает М. А., Списки Софийской 1 летописи младшей редакции и Кирилло-Белозерский монастырь, *Очерки феодальной России*, 6, Москва, 2002, 102–118.

Шибает 2008

Шибает М. А., Евфросин, *Православная энциклопедия*, 17, Москва, 2008, 489–491.

Шибает 2017

Шибает М. А., Историко-кодикологическое исследование рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в. (диссертация <...> доктора исторических наук, Санкт-Петербургский гос. университет, 2017).

Шляпкин 1894

Шляпкин И. А., Св. Питирим, еп. Пермский, *Журнал Министерства народного просвещения*, 292, Март, 1894, 135–145.

Шувалова 1998

Шувалова Ю. Б., Стефан Пермский и его прикамские последователи, *Страницы истории Урала*, 3, Пермь, 1998, 17–26.

References

- Abelentseva O. A., *Mitropolit Iona i ustanovlenie avtokefalii Russkoi tserkvi*, Moscow, St. Petersburg, 2009.
- Alekseev Iu. G., *Pokhody russkikh voisk pri Ivane III*, 2th ed., St. Petersburg, 2009.
- Avdeev R. I., Timofeeva T. Iu., eds., *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, in 2 vol., 1, Moscow, 2015.
- Belyakova E. V., K istorii uchrezhdeniia avtokefalii Russkoi tserkvi, *Rossii na putiakh tsentralizatsii*, Moscow, 1982, 152–156.
- Bobrov A. G., Efrosin Belozerskii kak istoriograf, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 57, St. Petersburg, 2006, 134–144.
- Buganov V. I., Smolentsev L. N., Vstupitel'naia stat'ia, Lytkin G. S., *Zyrianskii kraj pri episkopakh permских i zyrianskii iazyk*, Syktyvkar, 1995, 7–26.
- Bulanin D. M., Zhitie Pitirima, episkopa Permskogo, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: *Vtoraia polovina XIV–XVI v.*, 1: A–K, Leningrad, 1988, 321–322.
- Chagin G. N., Khristianizatsiia Permi Velikoi Cherdyni i ee rol' v razvitiu gosudarstvennosti i kul'tury v XV–XVII v., *Vekhi khristianskoi istorii Priam'ia: Materialy chtenii, posviashchennykh 540-letiiu kreshcheniia Permi Velikoi*, Perm, 2003, 5–18.
- Davidenko D. G., Chudov monastyr' v sisteme tserkvnnoi i gosudarstvennoi vlasti v XIV – nachale XVI v., *Moskovskii Krem' XV stoletii: Sbornik statei*, 1, Moscow, 2011, 46–61.
- Dukhanina A. V., Atributsiia Pakhomiiu Serbu starshogo prolozhnogo Zhitiiia Stefana Permskogo, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 4, 2017, 93–106.
- Dukhanina A. V., Pakhomii Logofet, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 55, Moscow, 2019, 158–190.
- Florya B. N., Komi-Vymskaia letopis', *Novoe o proshlom nashei strany. Sbornik statei: Pamiati akad. M. N. Tikhomirova*, Moscow, 1967, 218–231.
- Florya B. N., *Issledovaniia po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavianskoe srednevekov'e*, Moscow, 2007.
- Gritsevskaia I. M., Indeksy istinnykh knig v biblioteke Solovetskogo monastyrja, *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Riabininskie chteniia–2003"*, Petrozavodsk, 2003, 353–356.
- Kazakova N. A., Knigopisnaia deiatel'nost' i vzgliady Guriia Tushina, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 17, Moscow, Leningrad, 1961, 109–200.
- Karbasova T. B., Dopakhomievskaia Sluzhba Kirillu Belozerskomu, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 63, St. Petersburg, 2014, 67–95.
- Kisterev S. N., Efrosin i "Rouskii letopisets", *Letopisi i khroniki. Nove issledovaniia*. 2008, Moscow, St. Petersburg, 2008, 94–123.
- Kisterev S. N., Ob avtore "Russkogo letopistsa" v sbornike Efrosina Belozerskogo, *Letopisi i khroniki. Nove issledovaniia*. 2009–2010, Moscow, St. Petersburg, 2010, 223–236.
- Kloss B. M., Predislovie k izdaniiu 2004 g., *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Ermolinskaia letopis')*, 23, Moscow, 2004, IV–VI.
- Kotylev A. Iu., Rol' Stefana Permskogo v formirovanii prostranstva Rusi / Rossii, *S imenem Stefana: Permskaia eparkhiia: Stranitsy istorii: K 630-letiiu Permskoi eparkhii*, Syktyvkar, 2013, 4–31.
- Kuz'min A. V., Vologodskaia i Velikoustiuzhskaia eparkhiia, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 9, Moscow, 2005, 240–244.
- Kuz'min A. V., Efrem, svt., arkhiep. Rostovskii, Iaroslavskii i Belozerskii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 19, Moscow, 2008, 34–35.
- Kuz'min A. V., Paisii (Iaroslavov), *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 54, Moscow, 2019, 232–236.
- Lenngren T. P., *Sbornik Nila Sorskogo*, 1, Moscow, 2000.
- Makarii (Veretennikov), arkhimandrit, *Mitropolit Drevnei Rusi (X–XVI veka)*, Moscow, 2016.
- Mel'nik A. G., Kirillo-Belozerskii monastyr' kak tsentr pochitanii russkikh sviatykh v XVI veke, *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriia "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*, 12, 2010, 67–72.
- Novikova O. L., Keleinoe letopisanie v Kirillo-Belozerskom monastyre v pervoi polovine XVI v., *Letopisi i khroniki. Nove issledovaniia*. 2008, Moscow, St. Petersburg, 2008, 172–234.
- Novikova O. L., Iz istorii redaktsirovaniia letopisnykh pamiatnikov v Kirillo-Belozerskom monastyre na rubezhe XV–XVI vekov, *Letopisi i khroniki. Nove issledovaniia*. 2011–2012, Moscow, St. Petersburg, 2012, 206–235.
- Novikova O. L., "Letopisets russkii" v rukopisakh i v istorii russkogo letopisaniia XV v., *Letopisi i khroniki. Nove issledovaniia*. 2011–2012, Moscow, St. Petersburg, 2012, 156–205.
- Prokhorov G. M., Paisii Iaroslavov, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: *Vtoraia*

polovina XIV – XVI v., 2: L–Ia, Leningrad, 1989, 156–160.

Prokhorov G. M., Pakhomii Serb (Logofet), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, 2: Vtoraia polovina XIV–XVI v., 2: L–Ia*, Leningrad, 1989, 167–177.

Shibaev M. A., *Spiski Sofiiskoi 1 letopisi mladshoi redaktsii i Kirillo-Belozerskii monastyr', Ocherki feodal'noi Rossii*, 6, Moscow, 2002, 102–118.

Shibaev M. A., Evfrosin, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 17, Moscow, 2008, 489–491.

Shuvalova Iu. B., Stefan Permskii i ego prikamskie posledovateli, *Stranitsy istorii Urala*, 3, Perm, 1998, 17–26.

Tarasov A. E., Iona, svt. mitr. Kievskii i vseia Rusi, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 25, Moscow, 2010, 392–398.

Tarasov A. E., Iona, sviat., ep. Permskii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 25, Moscow, 2010, 404–406.

Tarasov A. E., *Izbranie arkhieerev v Russkoi Tserkvi XV–XVI vv.: Regional'nyi aspekt, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 12/3, 2012, 186–190.

turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 12/3, 2012, 186–190.

Tarasov A. E., Pitirim, sshchmch., Velikopermskii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 56, Moscow, 2019, 551–555.

Tentiukova F. A., *Iz proshlogo Komi kraia (Materialy k svodu pamiatnikov)*, Syktyvkar, 1976.

Usachev A. S., *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei*, 2, Moscow, St. Petersburg, 2018.

Vershinin E. V., I eshche raz o kniaz'iax vymskikh i velikopermskikh, *Problemy istorii Rossii*, 3, Ekaterinburg, 2000, 285–305.

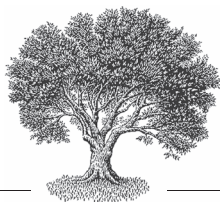
Vlasov A. N., *Missiia russkoi pravoslavnoi tserkvi v Permskom krae (po materialam drevnerusskoi pis'mennosti), Istoriia Permskoi eparkhii*, Syktyvkar, 1996, 4–58.

Vlasov A. N., *Pozdnie Povest' o Stefane Permskom i Skazanie o Permskikh episkopakh (Problemy literaturnoi preemstvennosti)*, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2007, 710–721.

Zimin A. A., *Vitiaz' na rasput'e*, Moscow, 1990.

Аркадий Евгеньевич Тарасов, кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
научный сотрудник Центра научного проектирования Управления по
научной работе Российского государственного гуманитарного университета,
119192, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4
Россия / Russia
varzuga@gmail.com

Received May 5, 2020

«Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII — первой половины XVIII в.*

**Петр Сергеевич
Стефанович**

Научно-исследовательский
университет—Высшая школа
экономики
Институт российской истории РАН
Москва, Россия

The “Slavic-Russian Nation” in the Historical Literature of Ukraine and Russia from the 1600s to the mid-1700s

Petr S. Stefanovich

National Research University Higher
School of Economics
Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается история понятия «славянороссийский народ». Впервые это понятие употребил Захария Копыстенский в 1624 г., а сравнительно широко оно использовалось в «Синописе» — первой печатной русской истории, вышедшей в Киеве в 1674 г. В книге оно обозначало некий древний славянский народ, в котором автор видел непосредственного предшественника современного ему «российского народа». Соединяя «славян» и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42050. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42050.

Цитирование: Стефанович П. С. «Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII — первой половины XVIII в. // *Slověne*. 2019. Vol. 9, № 2. С. 417–447.

Citation: Stefanovich P. S. (2020) The “Slavic-Russian Nation” in the Historical Literature of the Ukraine and Russia in the 17th—mid 18th Centuries. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 417–447.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.2.9

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

«россов» в один «народ», «Синописис» развивал идею, обозначенную еще в польской «Хронике» М. Стрыйковского (1582 г.) и сформулированную позднее, в 1620–1630-е гг., киевскими интеллектуалами. Конструкция «Синописиса» доказывала, что «россы» (т. е. население Украины и Московского государства) едины в силу и «естества» (их общего происхождения), и использования ими одного языка («словенского», т. е. церковнославянского). В качестве факторов единства «россов» «Синописис» еще указывал на одну власть (московского царя) и на одну религию (православие). Эта концепция обеспечила популярность «Синописиса» в России. В русской литературе XVII в. тоже предпринимались этногенетические конструкции с опорой на ренессансную историографию, и независимо от украинской литературы было изобретено слово «славянорусский» (в «Сказании о Словене и Русе»). Смысл и украинских, и русских конструкций мифического «славянорусского/славяноросийского» прошлого состоял в создании «воображаемой» этнокультурной нации. Эти конструкции способствовали формированию «российской» имперской идентичности в петровскую эпоху. Однако само понятие «славяно-российский народ» оказалось не востребовано в политическом дискурсе петровской империи, а в исторической литературе XVIII в., хотя и сохранялось в употреблении (во многом благодаря влиянию «Синописиса»), уже не имело концептуального значения.

Ключевые слова

российская идентичность, нация, историография, культурная реформа Петра I

Abstract

The article analyzes the history of the concept of a "Slavic-Russian nation". The concept was first used by Zacharia Kopystenskij in 1624, but its wide occurrence starts in 1674, when *Synopsis*, the first printed history of Russia, was published in Kiev. In the book, "Slavic-Russian nation" refers to an ancient Slavic people, which preceded the "Russian nation" ("rossiyskiy narod") of the time in which the book was written. Uniting "Slavs" and "Russians" ("rossy") into one "Slavic-Russian nation", the author of *Synopsis* followed the idea which was proposed but not specifically defined by M. Strykovskij in his *Chronicle* (1582) and, later, by the Kievan intellectuals of the 1620s–30s. The construction of *Synopsis* was to prove that "Russians" ("rossy") were united by both the common Slavic origin and the Church Slavonic language used by the Orthodox Slavic peoples. According to *Synopsis*, they were also supposed to be united by the Muscovite tsar's authority and the Orthodox religion. The whole conception made *Synopsis* very popular in Russia in the late 17th century and later. Earlier in the 17th-century literature of the Muscovite State, some authors also proposed ethno-genetic constructions based on Strykovskij's *Chronicle* and other Renaissance historiography. Independently from the Kievan literature, the word "Slavic-Russian" was invented (first appearance in the *Legend about Sloven and Rus*, 1630s). Both the Kievan and Muscovite constructions of a mythical "Slavic-Russian nation" aimed at making an "imagined" ethno-cultural nation. They contributed to forming a new Russian imperial identity in the Petrine epoch. However, the concept of a "Slavic-Russian nation" was not in demand in the political discourse of the Petrine Empire. It was sporadically

used in the historical works of the 18th century (largely due to the influence of *Synopsis*), but played no significant role in the proposed interpretations of Russian history.

Keywords

Russian identity, nation, historiography, Peter the Great's cultural reform

«Славянорусский язык» — выражение, хорошо известное специалистам по истории русского языка и литературы XVIII в. Обычно о нем говорят в связи с переходом от специфической средневековой языковой ситуации диглоссии или системы нескольких языковых регистров к национальному литературному языку [ср.: Успенский 1994]. Рубежной для этого перехода стала петровская реформа азбуки, шрифта и языка. В. М. Живов подчеркнул также значение теории «славянорусского языка», выдвинутой в середине XVIII в. В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым, которая способствовала преодолению противопоставления книжного церковнославянского («словенского» в терминологии того времени) языка русскому (скорее разговорному) [Живов 1996: 265-428].

Филологи — специалисты по XVIII в. не ставили вопроса о происхождении композита «славянорусский», довольствуясь тем, что оно читается в заглавии уже первой русской грамматики XVIII в.: «Руководение в грамматику во славянорусскую или московскую» (пера белоруса И. Ф. Копиевского, оказавшегося на службе Петра I; книга вышла в 1706 г. в Данциге). «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не знает слова *славянорусский* (или *славянорусский*, *славянорусский*, *словенорусский* и т.п. — все это варианты одного понятия) [ср.: СлРЯ XI–XVII вв., «Выпуск 25 (*Скорыня* — *Снулый*)»]. На самом деле, как увидим ниже, слово было в ходу уже, по крайней мере, в XVII в. Его происхождение и бытование могут стать темой специального исследования. В данной статье, написанной с исторической точки зрения, обращается внимание на то, что оно употреблялось не только для определения языка, но и *народа*. Например, тот же М. В. Ломоносов, рассуждая в лингвистических работах о «славенороссийском языке», в «Древней российской истории» пишет о «славенороссийском народе» (см. ниже).

Что имелось в виду под этим обозначением, которое, очевидно, отсылало к некой общности этнического характера и должно было иметь важное историческое (а может быть, и политическое) значение? Применительно к русской литературе XVII–XVIII вв. этим вопросом, насколько я знаю, никто не задавался. Однако в последнее время некоторые американские историки украинского происхождения проявили особый интерес к использованию понятия «славянорусский народ»

в «Синописе» — известном памятнике украинской историографии XVII в., популярном позднее и в России. Так, З. Когут, отталкиваясь от «Синописа», очень широко толкует это понятие, называя «славянороссийской» «высокую культуру», которую развивало православное украинское духовенство в постмогилянское время и к которой стремилась приобщиться Россия с середины XVII в. [Когут 2004: 156]. С. Плохий говорит о специфическом «славянороссийском проекте идентичности», предложенном «Синописом». «Проект» предполагал создание «новой нации» из руси Украины и Московского государства под властью православного царя, и позднее, в петровское время, он, в сочетании с имперскими идеями, был успешно развит Феофаном Прокоповичем и другими представителями украинского духовенства [Plokyh 2006: 258–266].

При таком подходе понятию «славянороссийского народа» отводится ключевая роль в понимании не только вклада «малороссийской» учености в русскую культуру и петровские реформы, но и формирования Российской империи. Между тем, история понятия и его смысловое наполнение (возможно, изменчивое) не исследуются, и без ответов остается целый ряд возникающих вопросов: почему и откуда оно появилось в «Синописе», как оно было воспринято в России и т. д. Главный вопрос состоит в том, почему при рождении некоей особой «культуры» или создании особого «проекта идентичности» кто-то решил «уточнить» определение «российский» через дополнение именно словом «славянский», а не каким-то иным. В чем смысл сближения этих двух слов? Даже при поверхностном знакомстве с «Синописом» очевидно, что «славянороссийский народ» встроен автором книги в этногенез «российского народа», и важно установить, как сконструирован этот этногенез и как соотносятся эти два «народа» в общей концепции книги.

Собственно, эти взаимосвязанные вопросы и задают отправную точку предлагаемого ниже исследования. В начале статьи рассматривается связь обозначений *славянский* и *русский* в исторической литературе XVII в., фиксируется происхождение понятия «славянороссийский народ», затем анализируется его место в «Синописе» и рецепция в России. В конце дается оценка тезису о «славянороссийском проекте» как ключевой модели русского (российского) нациестроительства. Надо оговориться, что исследование, предлагаемое в статье, — не терминологического или лексикографического характера, оно написано, скорее, в духе истории идей (или истории общественной мысли). Не ставится цели дать обзор всех упоминаний выражения «славянороссийский народ» в тех или иных текстах за тот или иной период или выявить все смыслы, которое оно имело у разных авторов в разных кон-

текстах в разное время. Меня интересует смена или эволюция идейных моделей и парадигм идентичности в Восточной Европе в XVII — начале XVIII в., которая выразилась, в частности, в изобретении и употреблении понятия «славянорусский народ». Поскольку по сути своей оно было исторического характера, в центре внимания оказываются произведения, посвященные истории и даже точнее — русской истории. Эта литература, предлагая некие концепции и интерпретации русской истории, в конечном счете способствовала формированию этнокультурной идентичности народа/нации. С конца XVII в. это понятие стало относительно широко употребляться в произведениях и других жанров и направлений, но исследование его судьбы в разных текстах XVIII–XIX вв., особенно вкупе с параллельным понятием «славянорусский язык» — это, разумеется, задача не одной статьи, пока только «поднимающей» тему.

* * *

Как известно, в древнерусской литературе «архетипическим» текстом по славянской теме было введение к «Повести временных лет». О «словенах» как общности, из которой вышли разные славянские народности, и о новгородских «словенах» как одной из этих народностей уже сама «Повесть» говорила как о более или менее давнем прошлом. Актуальной мыслилась только связь народов, которые использовали «словенский» язык (церковнославянский) как язык письменности, богослужения и культуры. Позднее только об этой связи изредка и вспоминали на Руси, но, в целом, единство славян в литературе не осознавалось и не артикулировалось. Актуализация общеславянского прошлого, сознание связи славянских народов в настоящем пришли в Восточную Европу уже в раннее Новое время под влиянием польской историографии, которая, отчасти вслед за чешской, отчасти вместе с южнославянской историографией, стала обсуждать «славянскую тему» [см.: Первольф 1888].

Наибольшее значение для Восточной Европы имела «Хроника» Мачея (Матвея) Стрыйковского, опубликованная в 1582 г. Стрыйковский работал по заказу магнатов Великого княжества Литовского, и его «Хроника», хотя написана по-польски и в русле польской хронографии XVI в., посвящена, прежде всего, истории литовского и русского народов и лишена «полоноцентризма», свойственного трудам польских историков той эпохи (Длугоша, Кромера, Бельских и др.). В то же время ее отличал повышенный интерес к истории руси, и, как известно, Стрыйковский широко использовал древнерусские летописи и другие источники [Рогов 1966: 35–258]. Более того, Стрыйковский считал

именно русь древнейшим из славянских народов, а территорию, занятую ею в его эпоху, — первоначальной, откуда распространились эти народы. Прародителем славян он полагал легендарного библейского Мосоха-Мешеа, считая его эпонимом для современных ему «москвитов» [Мыльников 1996: 21–45; Kohut 2010].

Насколько этногенетические построения Стрыйковского (довольно сложные и путанные), а также собственно историческое изложение имели актуальное политическое значение и насколько они позволяют считать его хотя бы в какой-то мере «русо- или москвофилом», можно спорить [Карнаухов 2009: 161–164; Ерусалимский 2014]. В данном случае важно лишь отметить, что именно в «Хронике» впервые в средневековой литературе понятия *русский* и *славянский* максимально сближаются, выступая в части, посвященной древнейшей истории, фактически синонимами. В начале 4-й книги «Хроники», где как раз излагается происхождение народа руси в связи со славянским этногенезом, несколько раз встречаются такие выражения: «история русского народа издревле славного, может быть, древнейшего источника славянских всех земель и народов (Ruskiego narodu starożytnie sławnego a snaść nadawniejszego źródła Sławańskich wszystkich ziem, i narodów)», «происхождение славянских русских народов (wywody Sławańskich Ruskich narodów)», «русские народы славянского языка (narody [...] Ruskie [...] sławańskiego języka)» и т. п. [Strykowski 1846: 89, 91–92]. В сущности, речь идет о славянской общности, определяемой через общее происхождение и через ее «головную» часть — русский народ или, как характерно выражается еще Стрыйковский, во множественном числе: «русские народы» (выдавая неоднородность всех тех, кто идентифицировал себя с русью).

Конечно, не надо думать, что это некий панславизм, замешанный на признании «ведущей роли» «братского» русского народа. Для Стрыйковского это были лишь ученые эрудитские упражнения, находившиеся более или менее на периферии его нарратива, и, перемещая акцент на русь (по сравнению со своими предшественниками польскими историками), он стремился не столько к ее прославлению, сколько к тому, чтобы противопоставить ее полякам и лишить их первенствующей роли в этногенезе центрально-восточноевропейских народов. Характерно, что народом-прародителем всех славян Стрыйковский называл и сарматов, дезавуируя тем самым известную «сарматскую теорию» польских историков. Каких-либо общеславянских мотивов и призывов, обращенных к современникам, у него нет.

Признание древности «русского народа» и важной роли его в кругу соседних народов обеспечили исключительную популярность «Хроники» среди интеллектуалов как руси Речи Посполитой, так и руси

московской [Рогов 1966: 259–306]. Под влиянием Стрыйковского в исторических сочинениях XVII в., созданных на Украине и в России, звучала и мысль о прямой связи или даже тождественности руси и славян, хотя интерпретироваться эта мысль могла по-разному. Показательны в этом плане два сочинения, порожденные полемикой, разразившейся на Украине после Унии 1596 г. Оба вышли из одного круга киевских книжников, работавших в 1620–30-е гг., — «Палинодия» Захарии Копыстенского и анонимная Густынская летопись.

Захария Копыстенский писал «Палинодию» как полемический ответ на сочинение униатского писателя Льва Кревзы, оправдывавшего Унию (Кревза опубликовал свою работу в 1617 г., Копыстенский писал ответ, видимо, вплоть до 1624 г.; труд остался неопубликованным, но разошелся в списках). Основной тезис Копыстенского состоит в том, что русь изначально приняла христианство от греков и состояла в подчинении Константинопольского патриархата легитимно во всех отношениях — согласно и божественному Промыслу, и каноническим установлениям, и нормам политическим, и праву «уживания и держания».

Рассуждения Копыстенского построены вокруг идеала единой Церкви и оправдания восточного православия, и в них история «народа русского» не должна была бы иметь большого значения. Тем показательнее, что он уделяет этой истории все-таки довольно значительное место, представляя русь народом богоизбранным, который самим Провидением был приобщен к христианству в несколько этапов от самой древности, еще с проповеди апостольской, и окончательно при Владимире Святom. Отталкиваясь от церковно-конфессиональной проблематики, в последних «артикулах» своего сочинения Копыстенский пытается доказать, что право и способность «русского народа» хранить истинную и единую Церковь подтверждается древностью, постоянством и непрерывностью его истории. В таком повороте нельзя не увидеть влияния современной Копыстенскому польско-латинской литературы, в том числе исторических сочинений, ориентированных на этногенетические поиски «корней» и «истоков». Сам автор прямо ссылаясь на эти сочинения, прежде всего на «Хронику» Стрыйковского, утверждая, что «россы» тождественны древним роксоланам и сарматам, причем Сарматия была выделена им как место обитания непосредственно Иафетом, их первопредком [Копыстенский 1878: 1103].

От Стрыйковского Копыстенский воспринимает и идею славянской общности, хотя интерпретирует ее по-своему. Понимая древний «яфеторосский народ» как объединение всех славян, он не только прославляет их «валечность» и «славную рицерскую дѣлность» (от какой «славы» он производит и имя *славяне*), но также утверждает, что они

когда-то были едины в вере. Он специально аргументирует тезис, что Кирилл и Мефодий крестили именно всех славян, включая даже «ляхов» [Копыстенский 1878: 986–999; 1101–1106]. Этот момент был, так сказать, апогеем в истории «народа яфеторосского славенского» (так однажды выражается ученый [Копыстенский 1878: 1103]). В дальнейшем те или иные части этого целого стали отпадать от Константинопольского патриархата в «латинскую ересь». После Брестской Унии, расколовшей уже и русь, Копыстенский ожидал Конца света (и даже указывал на 1666 г. как возможную дату), когда спасутся только те, кто остался верен Восточной церкви: Бог «помилуеет улубленного ему Израиля» [Копыстенский 1878: 867–888, 978–982] (ср.: [Неменский 2003: 419]).

Таким образом, в оригинальной концепции Копыстенского своеобразно сочетался средневековый провиденциализм с раннемодерными поисками национальной самобытности. Эту самобытность он оправдывал древней историей, связывая «яфеторосский народ» с родственными славянскими народами, вслед Стрыйковскому и другим историкам своего времени. Он обращался к «ляхам» как «братии», которую «одинъ народъ роксолянскій сплодилъ» [Копыстенский 1878: 606–607], и сочувственно цитировал польские тексты, вспоминающие о родстве славянских народов¹. Но в целом, рассматривая историю с точки зрения эсхатологической предопределенности, Копыстенский славянскую общность понимал скорее «как церковно-конфессиональную, духовную», как справедливо заключил О. Б. Неменский [2008: 125], а важнее всего ему было доказать необходимость религиозного единства руси, которая мыслилась им как бы ядром этой общности.

В такой концепции понятие «славянороссийского народа» вроде бы напрашивается, но не является необходимым, и оно так и не появляется на страницах «Палинодии». Тем не менее именно Захария Копыстенский был, видимо, все-таки первым, кто употребил это понятие, — правда, не в «Палинодии», а в одном более или менее частном и проходном произведении. В 1624 г. в Киево-Печерской Лавре вышел перевод с греческого «Бесед на Деяния апостолов» Иоанна Златоуста, и «Предъсловие» к этой книге написал Копыстенский. Здесь он, рассуждая о важности публикации книги «в России»/для «россов», в одном месте вдруг, довольно неожиданно, пишет: этим изданием «Духъ Святыи утѣши паки народъ славенороссийскій» [Иоанн Златоуст 1624: 11].

¹ Копыстенский, например, перевел с польского на русский и полностью привел в «Палинодии» сочинение Яна Гербурта Щенского «Zdanie o narodzie ruskiem» (1611 или 1613 г.), где тот защищает русь, исходя из того, что в семье славянских народов (их Гербурт насчитывал 18) должно быть равноправие [Копыстенский 1878: 956–964].

По контексту «народ славенороссийский» тождественен неоднократно упомянутым здесь же «россам» и «православному народу». Что именно заставило Копыстенского прибегнуть к этому выражению в издании 1624 г., не вполне понятно, но, в принципе, логика его размышлений в «Палинодии», над которой он как раз закончил или заканчивал работать в тот год, естественно вела к появлению «славянороссийского народа» как некоей «воображаемой общности» на его историко-географической «ментальной карте».

Так или иначе, при первом своем появлении понятие «славянороссийский народ» не стало ключевым в концептуальных исторических построениях. Очевидно, оно только постепенно входило в употребление. Не случайно, например, что его нет в Густынской летописи, написанной в конце 1620-х — начале 1630-х гг., видимо, в том же кругу киевских православных интеллектуалов, которому принадлежал З. Копыстенский (см. о памятнике, в частности о датировке, в предисловии к последней публикации [Hustynja 2013: XLVII–XLVIII]). Правда, в заглавии летописи по одному из списков фигурирует «славенский русский народ»: «Кройника, которая начинается от потоу первого мира и столпотворения, и раздѣления языкъ, и разсѣяния по въсей вселеннѣй, и о розньныхъ народахъ, таже и о початку славенъскаго российского народу, и егда сѣде Киевъ...» и т. д. [ПСРЛ, 40: 7]. Но, судя по всему, это заглавие было дано при создании одного конкретного списка в 1670 г. В оригинальном же тексте понятия *славянский* и *русский/росский* не сливаются в композит, хотя в начальной части летописи, где речь идет о происхождении народа, они используются фактически как синонимы, и поэтому взаимозаменяемы. Ср., например: «приходить уже лѣто благоприятно и день спасения нашему словенскому народу, в не же (то есть в день — П. С.) доселѣ во тмѣ невѣдения блудящая Россия свѣтом истинны просвѣщенна бысть...» (наш словенский народ=Россия); «третее крестишася словяне, си есть наша русь...» (словяне=наша русь); и т.п. [ПСРЛ, 40: 39, 41; Hustynja 2013: 98, 102].

Вне сомнения, и в таком словоупотреблении, и в самом отождествлении понятий *славяне* и *русь* применительно к древней истории сказывалось влияние Стрыйковского, «Хроника» которого была одним из главных источников начальной части Густынской летописи. Однако наиболее авторитетным для летописца был все же «Нестор» (то есть «Повесть временных лет»), из которого он взял идею, что имя *русь* присвоила только часть славян уже после «призвания варягов». Противоречия, которые получались в результате совмещения концепции «Повести» и построений ренессансной историографии, автора Густынской летописи, видимо, не очень смущали. Он часто приводил разные

мнения, почерпнутые из своих источников, не пытаясь их примирить и навязать собственное суждение (или даже отказываясь от него).

В конечном счете, для летописца была важна, видимо, сама принадлежность руси к более широкой общности славян, которую можно было возводить (и генеалогически, и географически) к глубокой древности. В таком ключе, на мой взгляд, надо понимать высказывания летописца об общих для всех славян языке и происхождении. В одном месте, заключая обзор мнений о первопредке славян и руси и не решаясь судить, кто именно им был, он пишет: «Но якоже колвекъ (как бы то ни было — П. С.), се намъ извѣстно есть, яко всѣ народы славенский единого отца сынове, понеже единогласие языка показуетъ ихъ быти единымъ народомъ» [ПСРЛ, 40: 13; Hustynja 2013: 23]. В другом месте, задаваясь вопросом, «откуда и в кая лѣта и чесо ради наш славенский народъ наречеся русю», он вполне допускает, что наименования народа могли быть разные: «да вѣси, яко сей народ словенский или русский от своего начала даже доселѣ не единого нарицашеся, но различными имени по временех: иногда от мѣсть и странъ, на них же пришедше селяхуся, иногда от народов, к нимъ же приходяху, иногда от храбрыхъ вожжей своихъ, и проч.». Главное, по его мнению, что в итоге люди сплочены «одной кровью», а сегодня их можно распознать под именем *русь*: «Но обаче аще и разѣличие есть во именовании волостямъ, но вѣстно есть вѣсѣмъ, яко сии всѣ единокровни и единораслны себѣ суть, и нынѣ всѣ обще единым именемъ русь нарицаются» [ПСРЛ, 40: 27; Hustynja 2013: 63].

Таким образом, в Густынской летописи, как и в «Палинодии» (которую автор летописи знал и в других местах использовал), весьма значительно присутствие древнерусской историко-литературной традиции. Но летопись заимствует из этой традиции не эсхатологические схемы, а идею исторической преемственности руси от некоей (пра-) общности славянских народов. «Прививка» этногенетических построенных ренессансной историографии к этой идее ведет к тому, что гораздо акцентированнее становится тезис об общем, причем весьма древнем (не младше других народов!), происхождении славянских народов и их языковом единстве, которое мыслится актуальным и в настоящий момент. Но в конечном итоге этот тезис работает не в пользу некоей общеславянской программы (никаких намеков на это в летописи нет), а скорее для того, чтобы представить саму русь более сплоченной и единой — помимо религиозной общности (православия) ее должно было объединить сознание генетической и лингвистической общности на основе «словенских» истоков. В этом плане летопись схожа с «Палинодией», автор которой о славянских корнях и народах вспоминает, в сущности, только для того, чтобы яснее очертить судьбу богоизбран-

ного «росского народа». Правда, надо отметить, что сознание единства руси гораздо яснее и выразительнее представлено у Захарии Копыстенского, который постоянно и однозначно подчеркивает общность Малой и Великой России (называя их вместе «(на)родом нашим российским»). В Густынской летописи о «росском народе» как общности всей руси в Восточной Европе говорится в начальной части, а к концу — в известиях за XVI в. (в которых выделяются рассказы о происхождении украинских казаков и Унии 1596 г.) — о «Москве» и «нашей земле Русской» (т. е. областей, населенных русью, в Речи Посполитой) говорится раздельно (см., например: [ПСРЛ, 40: 148]).

В целом, в «Палинодии» и Густынской летописи тенденция использовать идею славянского единства, заимствованную из польской ренессансной историографии, для конструирования истории и идентичности «росского народа» просматривается достаточно отчетливо. После эпохи, вместившей казацкие восстания, присоединение Украины к России, реформы Петра Могилы и другие события, эта тенденция получает дальнейшее развитие в «Синописе» — вероятно, важнейшем историческом произведении на церковно-славянском языке XVII в., первой печатной книге по русской истории. Именно здесь понятие «славяно-российский народ» становится по-настоящему концептуальным, и не случайно, что на него обращают внимание современные исследователи.

* * *

«Синописис» вышел в типографии Киево-Печерского монастыря в 1674 г. 1-м изданием, в 1681 г. (на титульной странице стоял 1680 г.) там же вышло уже 3-е, дополненное, прежде всего, обширными рассказами о Куликовской битве и Чигиринских походах. Последующие издания выходили в России в XVIII в., а в XIX в. снова в Киеве (всего около 30 переизданий), что говорит о большой популярности сочинения. Неизвестно, кто был его автор (или авторы), но без одобрения тогдашнего настоятеля монастыря Иннокентия Гизеля издание не могло состояться.

«Славянороссийский народ» появляется уже в заглавии книги. Полное заглавие 1-го издания выглядит так: «ΣΥΝΟΠΣΙΣ, или Краткое Собрание от Разных Лѣтописцев, о Началѣ Славяно-Российскаго Народа, и Первоначальных Кн[я]зей Б[о]госпасаемаго Града Киева, **о Житии С[вя]т[а]го Бл[а]говѣрнаго Великаго Кн[я]зя Киевскаго и всея России первѣйшаго Самодержца Владимира, и о Наслѣдниках Бл[а]гочестивыя Державы его Российския, даже до Пресвѣтлаго и Бл[а]гочестиваго Г[о]с[уд]а[ря] н[а]шего Ц[а]ря, и Великаго Кн[я]зя Алексия Михайловича Всея Великия, Малыя, и Бѣлыя России Самодержца»** [Синописис 1674: титул]. Заглавие, в общем,

адекватно отражает содержание труда: в начале в нем говорилось о происхождении народа, затем (в основном, по хронологии правлений князей) о «державе российской», — причем особое внимание уделялось судьбе Киева как главного русского города, — а современное авторам время правления царя Алексея Михайловича мыслилось как возрождение «благочестивой державы» эпохи Владимира Святого и обновление «царствующего» статуса Киева.

О «славянорусском народе» речь шла в начальной части, где авторы излагали его этногенез, опираясь на «Хронику» Стрыйковского (преимущественно) и Густынскую летопись (отчасти), но существенно сокращая и схематизируя их рассуждения (об источниках «Синописиса» см.: [Пештич 1958: 287–292]). В третьем издании кое-что было добавлено, в частности, отдельная глава «О свободе или вольности славенской», взятая из «Палинодии» З. Копыстенского [Ерёмин 1954: 217], и эта часть текста составила около 10 глав (из более чем 100). А. П. Толочко обратил внимание на сходство некоторых пассажей, восходящих к «Хронике» Стрыйковскому, не с самим ее польским оригиналом, а с украинским переводом, сделанным в начале XVII в. и затем использованным в так называемом Украинском Хронографе редакции 1630-е гг. [Толочко 1996]. В некоторых списках этого Хронографа древнерусская часть нарратива фигурирует под названием «Кройника славяноруская о панствах русских, польских и литовских» [Мыцык 1978: 32–35]. Возможно, это название оказало влияние на терминологию «Синописиса», который пользовался Хронографом, а возможно, в названиях и Хронографа, и «Синописиса» отразился термин, уже со времен З. Копыстенского бывший в ходу в Киеве.

Так или иначе, под пером автора «Синописиса» «славянорусский народ» предстает общностью, непосредственно предшествующей «россам» и как бы соединяющей их с древними славянами (которых автор, следуя, в общем, своим источникам, производит от разных сыновей Иафета, в том числе Мосоха, и отождествляет с сарматами и роксоланами). В главе «О народѣ руском ...» автор поясняет: «рускии или паче российскии народы тыижде суть славяне: единого бо ест(е)с(т)ва, отца своего Афета, и тогожде языка». Название «россы» происходит от «россеяния», то есть распространения народа «по многим различным странам»; и они, россы, заключает автор, «от славянов именем точию разнствуют, по роду же своему едино суть, и яко единъ и тоижде народъ славенский нарицается славено-российский или славнорусский» [Синописис 1674: 7–8]. Фактически автор предполагал для «славянорусского народа» какое-то промежуточное или двойственное существование. Как справедливо заключил Л. Штайндорфф, специально

рассмотревший начальную часть «Синописиса», это понятие имело здесь «разные толкования: в зависимости от контекста это либо всеславянская общность, либо только Москва и Русь (Русь в смысле Рутения²)» [Штайндорфф 2018: 324–325].

К этому выводу надо только добавить, что о «всеславянской общности» практически никаких конкретных сведений автор «Синописиса» не приводил и она явно не интересовала его. Он даже как следует не перечислил славянские народы и тем более не сделал ни малейшей попытки спроецировать на них древнее единство славян. Вся его книга, на самом деле, о «российском народе», который, начиная с рассказа о Кие, Щеке и Хориве и «призвании варягов», и является главным героем повествования. Понятие «славянороссийского народа» оказывается, таким образом, скорее инструментальным: оно служит для того, чтобы удревнить историю «россов», сделав их библейским народом, автохтонным в «Сарматии», т. е. Восточной Европе. Такое удревнение позволяет, в частности, упростить процесс приобщения народа к христианству и обретения им «письмен»: христианизацию можно начать с апостола Андрея, а начало письменности отнести к 790 г., когда некий греческий цесарь «послал славяном» «литери, сиречь словеса азбучная». И в том, и в другом случае, хотя сначала автор говорит о «славянах», в заключении соответствующих пассажей уже как бы само собой получается, что и религию, и письменность обрел «славянорусский народ» или попросту «Россия» [Синописис 1674: 18–19, 66]. При этом он кичливо отмечает, что «поляков писмены и историями славянорусский народ упреди» на много лет [Синописис 1674: 19], как будто забывая, что поляки — тоже славяне. Разумеется, в этом замечании сказывалось, в целом, «более чем сдержанное отношение к шляхетской Польше», по выражению И. П. Ерёмкина [1954: 219].

В литературе уже отмечались своеобразные неточность и расплывчатость «этнической» терминологии автора «Синописиса». Помимо «славянорусского» и «росского» народов он знает еще «православно-российский народ» — эту общность составляют его читатели-современники. Кроме того, он нередко пишет о «славянорусских» и «росских» «народах» во множественном числе — очевидно, имея в виду, что люди, к которым можно было применить «базовое» понятие руси («россов»), в реальности были неоднородны в этноисторическом и этнокультурном отношении. О сознании такой неоднородности говорит, например, эпизодическое употребление слова *москва* в смысле некоей общности людей, вроде бы и самостоятельной, но в то же время входящей в супраобозначение «российский народ» [Степанов 2020: 150–156].

² Автор имеет в виду русь в составе Речи Посполитой.

Эти наблюдения заставляют считать и понятие «славяноросс(ийс)кий народ» не точным термином, а неким наименованием *ad hoc*, отражающем не выверенность, а наоборот неразработанность терминологии, пытающей определить реальность, для которой еще нет устоявшихся обозначений. Из какой идеологической перспективы или парадигмы осуществлялся этот поиск дефиниций?

Общая концепция «Синописа» вырисовывается довольно ясно. Она была уже более или менее определена в специальной литературе, посвященной этому произведению. В свое время И. П. Ерёмин и С. Л. Пештич писали, что «центральной мыслью» (Ерёмин) или «темой» (Пештич) «Синописа» было доказательство изначального «родства» «российского народа» (или «российских народов») и преемственности «самодержавия» в этом народе от «киевских князей» до современных автору царей «всёя Великия, Малыя и Бёлыя Руси» [Ерёмин 1954: 214; Пештич 1958: 290, 296, 298].

Из высказываний исследователей надо исключить, конечно, анахроничную терминологию. И И. П. Ерёмин, и С. Л. Пештич делали акцент на обосновании в «Синописе» «воссоединения» «русского» и «украинского» народов, — между тем, эти термины ни в каких изданиях книги не фигурируют, и лишь пару раз встречаются слова *малороссийский* и *великороссийский* [Степанов 2020: 160–162]. Дело всего-на-всего в том, что обе статьи были подготовлены в связи с празднованием «воссоединения» Украины и России, приуроченного к 300-летию Переяславской Рады, в СССР в 1954 г. Кроме того, к их выводам надо добавить, что важнейшим фактором единства «российского народа» для «Синописа» было православие, и совсем не случайно, что в книге уделялось особое внимание князю Владимиру Святому и крещению Руси³.

С этими поправками общую концепцию «Синописа» следует определить так: «российский народ» (или «росские народы») был и остается един «естеством» с древних («славянских») времен, в эпоху «киевских князей» его объединили самодержавие и православие, а политическое разобщение его, случившееся вследствие «татарского ига», усиления литовских князей и польских королей, устраняется теперь принятием власти «благоверного государя нашего» царя «всёя Великия, Малыя и Бёлыя Руси самодержца» (который, как показывалось добавлением рассказа о чигиринских походах в издании 1680/1681 г., был способен защитить «православнороссийский народ» от турок), — и эту власть надо, естественно, приветствовать и всячески поддерживать.

³ Об этом Ерёмин и Пештич умолчали, видимо, тоже в силу внешних обстоятельств, потому что указание на «православную тенденцию» «Синописа», как выражался П. Н. Миллюков [1898: 17, стр. 13–15], уже стало общим местом в ученых работах конца XIX — начала XX в., касавшихся этого сочинения (об этом верно пишут в предисловии к переизданию «Синописа»: [Синопис 2006: 32–37]).

В этой концепции более или менее ясно было, что такое самодержавие и православие. Но вот утверждение о родстве «естеством» некоего «(славяно)российского народа» — это была относительно новая мысль. В первых двух тезисах автор книги мог уже опереться на разработанную традицию мысли: о единстве руси/России в православии и под властью московских князей, возводивших свою генеалогию к первым русским князьям, писали и московские книжники XV–XVII вв. И. П. Ерёмин справедливо замечал: «Новостью в “Синописе” явилась попытка обосновать» «преемственность власти киевских князей московскими великими князьями и царями» «не только генеалогическими данными, родословием царей и великих князей московских, но и идеей кровного родства народов “Великой”, “Малой” и “Белой” России, теорией единства “славенороссийского” народа» [Ерёмин 1954: 216].

Предлагая эту инновацию, автор «Синописа» сталкивался с трудностями двоякого рода. С одной стороны, он не мог не понимать, что этническое (как мы бы сказали сегодня) «родство» «российского народа», на котором он настаивал, было в значительной степени фиктивным или «воображаемым». Население украинских и московских земель, хотя и идентифицировало себя как *русь*, имело еще и разнообразные локальные идентичности, использовало разные эндо- и экзообозначения, придерживалось разных исторических и культурных традиций, наконец, имело опыт, мягко говоря, небезоблачного сосуществования в разных политических образованиях — Речи Посполитой и Московском государстве. С другой стороны, задавшись вопросом о происхождении этого «родства», автор книги не мог удовлетвориться построениями «Повести временных лет», хотя и утверждавшей связь руси со славянским этногенезом, производившей ее истоки все-таки от неких «заморских» варяг. Отказ от провиденциально-эсхатологических схем древнерусской литературы (будь то «Повесть», будь то «Палинодия») заставлял обращаться к этногенетическим конструкциям польско-латинской ренессансной историографии. Это обращение могло быть облегчено уже имевшимся опытом киевской литературы 1620–30-х гг., но все равно от автора «Синописа» требовалось создать свою схему этногенеза, адаптированную к его общей концепции.

Более последовательное и идейно-направленное, чем в «Палинодии» и Густынской летописи, применение «западной» историографии к сложной, противоречивой и меняющейся буквально на глазах политической и культурно-религиозной реальности в Киеве или, шире, на украинских землях в 1670–80-х гг. и привели к появлению «славенороссийского народа». Это выражение имело такую же вспомогательно-разъясняющую функцию, как и, например, «православнороссийский». Оба

выражения должны были лишь способствовать пониманию понятия «российский народ», главного в нарративе «Синописиса». Присоединение элемента «славяно-» к слову «российский» отражало не склонность автора к тем или иным «панславистским» идеям, бытовавшим в ренессансной историографии центральной и южной Европы (такие оценки встречаются: например, И. В. Жиленко называет автора «Синописиса» «православным панславистом» [Жиленко 2002: 16]). Смысл его был в том, чтобы удревнить и сделать «исторически конкурентоспособным» «свой» народ в сравнении с другими на европейской арене и в контексте европейской ученой историографии, в ту эпоху весьма озабоченной поисками «национальных» корней [Доронин 2018]. Важна была, конечно, еще и отсылка к общности народов, использовавших «словенский», то есть церковнославянский, язык. В этом языке *Slavia orthodoxa* логично было видеть фактор единства «российского народа», то есть православной руси в Москве и на Украине. Неслучайно и автор Густынской летописи писал о «единогласии языка», и «Синописис» отмечал, что весь «славянороссийский народ» «тогожде языка».

Несмотря на неточную терминологию и не вполне последовательный исторический нарратив (с явным провалом в эпохе XVI — первой половины XVII в.), именно благодаря по-новому сформулированной концепции этнического, политического и религиозного единства России «Синописис» получил такую популярность. Для петровской эпохи немаловажным обстоятельством оказалось то, что «Синописис» рассматривал русскую историю совершенно вне религиозно-провиденциалистских схем и патриотически возвеличивал успехи «российских» правителей во все исторические периоды (об этой черте «Синописиса» см.: [Пештич 1958: 294–295]).

Вместе с широким распространением и частым цитированием «Синописиса» в России в конце XVII в. стали писать и о «славяноросс(ийс)ком народе». Это понятие не игнорировали, а точно передавали в цитатах, и оно могло переходить уже и в собственные высказывания тех или иных авторов. Например, одно из ранних заимствований из «Синописиса» в московскую историческую литературу с прямым указанием источника находим в так называемом «патриаршем своде 1670-х гг.» — обширной исторической компиляции, составленной при патриархе Иоакиме. Автор свода делает «выписи» «из Ыстории киевской печатной книги о словенорусском началѣ» [Виф. 34.1: л. 69] — очевидно, из «Синописиса», — и для него уже вполне естественно самому писать о древнем «словенорусском языке» (здесь «язык» в смысле «народ») [Виф. 34.1: л. 65об.].

Почему так легко было воспринято «инновационное» понятие «Синописиса» в России? На мой взгляд, ответить на этот вопрос можно,

если принять во внимание, что главная мысль о тождественности славян и руси, лежавшая, собственно, в основе понятия, была знакома московским книжникам конца XVII в. и могла восприниматься как более или менее естественная. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств.

Во-первых, в Москве XVII в. уже ходили переводы хроник М. Бельского и М. Стрыйковского как на украинно-белорусский вариант церковнославянского, так и на русский (выполненные, соответственно, в Речи Посполитой и в Московском государстве). Хронику Бельского перевели, видимо, раньше, причем как отдельное сочинение бытовал перевод двух ее глав, посвященных происхождению славян, — «O początku narodu polskiego» и «O słowianach» [Рогов 1966: 273; Николаев 2008: 39–40]. Это сочинение, кстати, было использовано и в вышеупомянутом «патриаршем своде 1670-х гг.» [Ви́ф. 34.1: л. 65об.–67 об.].

В 1660–80-е гг. в Москве сделали целых четыре перевода Хроники Стрыйковского [Рогов 1966: 269–272]. А именно у Стрыйковского, как говорилось выше, русь представляла древнейшей частью славянства, и понятия *русский* и *славянский* сближались до неразличимости (хотя у него синонимами выступали и другие слова — *сарматский*, *московский*). Эта тенденция Хроники очень хорошо осознавалась русскими. Так, еще в конце 1650-х гг., когда в связи с учреждением Записного приказа встал вопрос об использовании польских хроник для составления истории России, дьяк приказа Тимофей Кудрявцев писал в челобитной царю, прямо упоминая Стрыйковского и, очевидно, вслед за ним ставя эти понятия в один синонимический ряд: «...не укажет ли он, великий г(о)с(у)д(а)рь, поискати о началѣ великославнаго сарматского славенского русского народов и московского старовѣчностию славнѣ цвѣтуща имянования... А в Кронике полской Матвѣя Стрыйковского чаят написано о сарматском славянскомъ и русском народѣхъ и о московском старовѣчномъ имяновании к славѣ» (цит. по: [Белокуров 1902: 72]).

Во-вторых, в Москве не раз должны были слышать идею славянского единства в контексте призывов к объединению русских с другими славянами ради достижения некоторых целей актуальной международной политики. Идея эта звучала, прежде всего, в дипломатических переговорах с представителями тех стран, в которых историография и пропаганда разрабатывали «панславистскую» тематику (главным образом, Польши и южнославянских стран). Один из самых ярких эпизодов таких призывов — это речь известного деятеля украинской истории Адама Киселя, который прибыл во главе официального посольства Речи Посполитой в Москву в 1647 г. и, ратуя за объединение усилий Москвы и Варшавы против Порты, вспоминал «храбрость и мужество

словенских, а потом различными имяны названных, предков наших» [Sysyn 1993: 141]. В 1667 г. уже представитель России А. Л. Ордин-Нащокин рассуждал о «соединении» всех народов, говорящих на едином «славянском наречии», перед послами из Польши, прибывшими в Москву для ратификации Андрусовского договора [Исторический рассказ 1991: 335].

Наиболее известным проповедником славянской идеи в России XVII в. был хорватский ученый монах Юрий Крижанич, впервые прибывший в Россию с тем же посольством А. Киселя 1647 г., но проводивший долгие годы в России уже позже, в 1660–1670-е гг. Хотя он, по-видимому, не был знаком с «Хроникой» Стрыйковского, но тоже видел в руси/России исторический корень всего славянства. Впрочем, его исторические взгляды, политические и религиозные идеалы, а также лингвистические труды, выросшие из очень своеобразной и глубокой интерпретации славянского единства, выделялись большой оригинальностью на фоне всей южнославянской и польской литературы [Гольдберг 1963; Golub 1986]. Произведения Крижанича, написанные на придуманном им общеславянском языке (который некоторые слависты теперь называют «крижаникой»), не получили сколько-нибудь широкого распространения, но в среде московских приказных книжников конца XVII в. о них или, по крайней мере, о главных идеях, в них высказанных, видимо, все-таки знали.

Наконец, в-третьих, в России в 20-е или начале 30-х гг. XVII в., то есть примерно в одно время с появлением «Палинодии» и Густынской летописи, было создано произведение, которое тоже предлагало новые для древнерусской литературы этногенетические схемы, возводившие русский народ непосредственно к некоей славянской праобщности, выдающейся в ряду потомков Иафета и освоившей Восточную Европу с древнейших (библейских) времен. Это — «Сказание о Словене и Русе» (условное название; в рукописной традиции текст бытовал под разными названиями), фантастический рассказ об истории древних славян, часть которых под предводительством неких Словена и Руса (эпонимов-прародителей) заселили область вокруг озера Ильмень и реки Волхова и основали Новгород [Буланин, Турилов 1998; Сиренов 2018: 67–70]. Автор, с одной стороны, явно отталкивался от каких-то новгородских преданий и сказаний с топонимическими объяснениями, а с другой — опирался на известную легенду о Чехе, Лехе и Русе и польские хроники.

Цель «Сказания» была в том, чтобы «встроить» в общеславянский контекст историю Руси и Новгорода и показать ее древность и независимость от каких-либо внешних влияний и миграций: русь — это

славянское население Восточной Европы, обосновавшееся здесь задолго до всяких варягов, у руси издавна были свои «русские владетели» (в частности, мудрый Гостомысл), они получили подтверждение на власть от Александра Македонского и т. д. [Гольдберг 1982]. В этом смысле «Сказание», применяя обозначенные выше подходы ренессансной историографии, вполне соответствовало этногенетическим построениям Густынской летописи и развивавшего ее «Синописа».

Самое интересное, однако, даже не в общем соответствии исторических поисков киевских книжников и некоего безвестного новгородца в 1620–30-е гг. (который никак не выдает знакомства с украинской литературой), а в том, что в его произведении было употреблено слово *славянорусский* применительно к людям, то есть в том смысле, который соответствовал «изобретению» З. Копыстенского. К сожалению, текстологического исследования «Сказания» и научной публикации, учитывающей сохранившиеся его списки (весьма многочисленные), до сих пор нет, и оригинал этого произведения не реконструирован. Но те древнейшие списки, которые введены в научный оборот, свидетельствует, что, по крайней мере, в одном случае это слово было употреблено в указанном смысле: после цитирования известной «грамоты Александра Македонского славянам» (о ней см.: [Мыльников 1996: 46–94]) автор сообщает, что ее оригинал держали у себя «князи словенорустие», потомки Словена и Руса. Списки, которые дают такое чтение, происходят из хронографической традиции (куда «Сказание» попало не позднее 1650 г.) и из Патриаршего летописного свода 1652 г.⁴

Чтение «князи словенорустие» дает и еще один древний список «Сказания»: в одном историко-литературном сборнике, составленном на севере России в 1642 г. [Увар. 533 (1819): л. 193об.–201об.]. Нельзя сказать, что текст «Сказания» здесь передан в некоей особой редакции, но отдельные чтения здесь отличаются от «хронографическо-летописного» вида. В частности, здесь есть и другие места, где употребляется слово «словенорусский»: в самом начале — в заглавии «Написание о зачалѣ в Словенорустей земли первоначальнаго великого Новаграда» (л. 193об), — а затем в конце, где речь идет о призвании Рюрика: «...и поиде Рюрик на Словенорус(ь)...» (л. 201об.). В ряду других известных мне списков «Сказания» эти чтения уникальны. Но вне зависимости от текстологической истории «Сказания» они говорят о том, что, по крайней мере, в 1640-х гг. в России достаточно свободно оперировали понятием

⁴ См. соответствующее место, например, в древнейших списках Хронографа Пахомия и в одном из двух древнейших списков Свода [F.IV.600: л. 540; Эрм. 565: л. 436об.; Больш. 423: л. 4об.]. Ср. в публикации этого вида «Сказания» в составе Никаноровской летописи: [ПСРЛ, 27: 140].

«словенорусский» и могли прилагать его не только к языку-наречию, но и к людям, и к территории.

Вместе с тем, именно о *народе* «словенороссийском» речь в «Сказании» все-таки не шла. На мой взгляд, причина была в том, что основной интерес автора «Сказания» лежал в истории, он хотел, прежде всего, показать древность словен/руси и их автохтонность на русском Севере. Доказывать их единство и связь с какими-то другими частями современной ему руси он не стремился. Такую задачу поставили только киевские писатели. Сама постановка задачи привела их к разговору о *народе*, и в создании нового понятия, отсылавшего к этнической общности, было их «изобретение традиции», если пользоваться термином Э. Хобсбаума.

* * *

Таким образом, понятие «славяноросс(ийс)кий народ» очень быстро и естественно вошло в ученый дискурс московской книжности. В конце XVII — начале XVIII в. его использовали как само собой разумеющееся и тогда, когда прямо цитировали «Синописис», как, например, в Мазуринском летописце [ПСРЛ, 31: 11–28, 47], или более поздней «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» [Подробная летопись 1798: 1–30]. И тогда, когда обращение к «Синописису» можно только более или менее уверенно предполагать, как, например, в сочинении Тимофея Каменевича-Рвовского «Историческое и древнее описание и сказание о начале родов московского рода и славенороссийского превеликого народа, и о преименовании их...» и т. д. [Гиляров 1878: 25]. Часто (как во всех трех названных случаях) сведения из «Синописиса» в том или ином порядке или выборочно сочетались с данными, почерпнутыми из «Сказания о Словене и Русе» (как, впрочем, и из других источников).

В то же время сфера употребления этого понятия ограничена, насколько я могу судить, собственно исторической литературой. В политический дискурс предпетровской и петровской эпохи оно не вошло, хотя известно, что уже с конца XVII в. московские дипломаты использовали «Синописис» в дипломатических переговорах, а Петр I лично инициировал переиздания этой книги (при нем вышли два издания в 1714 и 1718 гг.), и экземпляры этих новых изданий были и у него, и у людей из его окружения [Самарин 1998: 20–76].

Характерно, например, что главный проповедник и публицист петровского времени Феофан Прокопович практически не прибегал к выражению «славянороссийский народ». Феофан знал его (ср., например, единичное употребление в «Слове похвальном о баталии Полтавской»

1717 г.: [Прокопович 1961: 50]), но «рабочими» в его дискурсе были термины «российский (на)род», «россияне» и «отечество» [Plokhу 2006: 270–283]. При его непосредственном участии произошло присвоение Петру титула «император всероссийский» (и двух «величальных» «имен» — «Великий» и «Отец Отечества») [ПСЗ, 6: 444–446], в котором слово «всероссийский» несло не меньшую политическую нагрузку, чем слово «император», но имело также и очень важные исторические и этнокультурные смыслы. Хотя при Петре было переведено и издано (в 1722 г.) сочинение хорватского историка, энтузиаста славянской идеи, Мауро Орбини «Славянское царство», эта идея практически не оставила следов ни в общественной мысли, ни в историографии России того времени (ср. [Делль Агата 1990; Погосян 2001: 183–286, 394–400]).

Более того, в петровскую и послепетровскую эпоху даже в исторической литературе понятие «славянороссийский народ» постепенно отходит на задний план. Оно, например, исчезает в заглавиях переизданий «Синописа» XVIII в.: если в первом российском издании 1714 г. сохранено оригинальное название «Синоψись или Краткое собрание от различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славянороссийскаго народа...» и т. д., то в 1718 г. книга выходит под титулом «Синописись или Сокращенная история, собранная от разных авторов», а с 1735 г. переиздается петербургской Академией наук под названием «Синоψись или Краткое описание о началѣ славенскаго народа, о первыхъ киевскихъ князѣхъ и о житии святаго благовѣрнаго и великаго князя Владимира...» и т. д. Казалось бы, в издании 1735 г. возвращено оригинальное название, но вместо «славянороссийского народа» фигурирует «славенский народ». Может быть, это исправление внесли немцы-академики Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер, работавшие в Академии в 1730-х гг., которые вряд ли понимали смысл термина «славянороссийский» (впрочем, все содержание «Синописа» осталось без изменений)⁵.

Показательно словоупотребление В. Н. Татищева в его «Истории российской» — крупнейшем и важнейшем сочинении по истории России первой половины XVIII в. Первая, довольно обширная, часть «Истории» посвящена отчасти источникам и историографии русской истории, но преимущественно этногенезу руси, и здесь вполне можно было бы ожидать появления «славянороссийского народа». Между тем, Татищев изредка (в 1-й редакции своего труда только в одном параграфе) использует лишь понятие «руссо-славяне» или «славяно-русы». Оно характеризует у него тех древних славян, которые жили на территории Сарматии-Роксолании — будущей Руси — и стали потом, собственно,

⁵ В неакадемических киевских переизданиях «Синописа» первой половины XIX в. оригинальное название (по изданию 1680/1681 г.) возвращено.

русскими (отдельно от прочих славянских народов). Понятие носит чисто технический смысл, указывая на одну, локально ограниченную часть славянской общности. В таком же смысле он употребляет (хотя тоже редко) термин «варяги-россы», имея в виду Рюрика и его братьев [Татищев, 1: 93–96, 103, 344; Татищев, 4: 40, 44, 395, 399]. В труде Татищева, подробном и насыщенном фактографией и учеными мнениями, схематическая и упрощенная концепция общего происхождения и этнического единства «(славяно)российского народа», предложенная «Синописом», просто неуместна. Ценность «Синописа» как исторического труда сам историк оценивал невысоко: «история, имянуемая Синопис» «хотя весьма кратка и многое нужное пропущено, но вместо того польских басен и недоказательных включений со избытком внесено» [Татищев, 1: 84].

Фактически единственным историком XVIII в., для которого понятие «славянороссийский народ» сохраняло некоторое значение в общей концепции русской истории, был М. В. Ломоносов. Он использовал его в возражениях Г. Ф. Миллеру (в споре по «норманнской» проблеме; 1749 г.) и в «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого» (конец 1750-х гг.). Трактатовал он это понятие примерно так же, как и Татищев: «славенороссийский народ» — это часть огромного «славянского племени»; обитая с незапамятных времен в Восточной Европе, он был известен внешним наблюдателям под именем роксолан и другими [Ломоносов, 6: 27, 174]. В отличие от «Синописа», Ломоносову было важно обозначить связь русских с другими славянскими народами, особенно балтийского региона, где Россия в середине XVIII в. имела немалые политические интересы. Отчасти по этой причине, отчасти вследствие норманнской дискуссии он делал акцент на другом этно-историческом понятии — «варяго-россы». Этим понятием он описывал тех «заморских» варягов, которые были «призваны» русью и которых он считал славянами. В «Кратком Российском летописце с родословием» (1760 г.), наиболее известном историческом произведении Ломоносова, выдержавшем несколько изданий и переведенном на иностранные языки, он уже совсем не говорил о «словенорусском народе», но настойчиво утверждал славянство «варягороссов» [Ломоносов, 6: 295–296].

Приверженность Ломоносова понятию «славянороссийский народ» надо объяснять двояким образом. С одной стороны, в патриотической интерпретации отечественной истории, которую он проповедовал, оно служило ему для доказательства этнической автохтонности и преемственности русского народа. В этом смысле он, безусловно, продолжал подход «Синописа», развивавшего, в свою очередь, ту «прививку»

этногенетических построений ренессансной польско-латинской историографии к русской истории, которую впервые осуществили «Палинодия» и Густынская летопись. Имея в виду эту преемственность, можно согласиться с тезисом, что Ломоносов, в сущности, развивал «уходящую корнями в эпоху Ренессанса идею раннемодерной этнокультурной нации» ([Доронин 2017: 393]; ср. в таком же духе о Татищеве и Ломоносове: [Berelowitch 2003: 73–79]).

С другой стороны, это понятие выступало у Ломоносова своего рода параллелью или аналогией концепции «словенорусского языка», о которой говорилось в начале статьи. Если эта концепция предполагала естественную и исторически обусловленную связь между «словенским» (церковнославянским) языком и русским, то понятие «славенороссийский народ» должно было обозначить ту этнокультурную общность, — разумеется, глубоко древнюю и самобытную, — которая и породила эту связь. И в этом отношении Ломоносов развивал мысль, намеченную еще в украинской литературе XVII в., о «словенском» языке как общем (литературном и богослужебном) языке для «российского народа». Концепция Ломоносова-Тредиаковского выводила эту мысль на новый уровень в условиях России, обновленной культурной реформой Петра I, и обозначала перспективы дальнейшей эволюции русского литературного языка.

Подобной перспективы развития не было заложено в понятии «славянороссийского народа». Как выясняется, его история как концептуального понятия на Ломоносове, в общем-то, и закончилась⁶. Чем это объяснить? С этим вопросом я возвращаюсь к тезисам З. Когута и С. Плохия, изложенным в начале, и их обсуждением заключаю статью.

Проведенное исследование показывает, что в произведениях украинской и русской литературы XVII в. определение «славяноросс(ийс)кий» входило в употребление постепенно и важным (хотя не первостепенным) стало только в «Синописе». К его появлению привело этногенетическое конструирование, с помощью которого книжники пытались доказать древние автохтонные корни «своей» общности — русского/росс(ийс)кого народа, — отталкиваясь от моделей и методов польско-латинской историографии. «Изобретение» слова «славянорусский/славяноросс(ийс)кий» как определения, прилагавшегося к отдельным людям,

⁶ Разумеется, это не значит, что выражения «славянорусский/славянороссийский народ», «словеноруссы», «славяне-русь» вышли вовсе из употребления. Их можно встретить в сочинениях и В. К. Тредиаковского, и М. М. Щербатова, и Екатерины II, и других авторов XVIII и даже XIX в. Однако они перестали играть сколько-нибудь значительную роль в общих концепциях и интерпретациях русской истории и использовались редко и случайно, как правило, для обозначения некоей древней (славянской) руси до момента «призвания варягов».

территории, языку и, наконец, народу, произошло, вероятно, независимо на Украине и в России примерно в одно время (1620–30-е гг.). Это говорит о том, что его вызвали типологически сходные условия — прежде всего, одни и те же парадигмы сознания и сходные пути интеллектуального поиска, проявившиеся по всей раннемодерной Европе. Поиск был спровоцирован несоответствием средневековых династических и провиденциально-эсхатологических моделей истории новым явлениям, связанным со становлением национальных монархий и секуляризованной картины мира, и направлен на создание «воображаемой» «этнокультурной нации», о которой много пишут в последнее время исследователи раннего Нового времени [Доронин 2018].

Особенностью этногенетических конструкций на «русской/российской» почве (т. е. конструкций, оперировавших идентичностью *русь*) было то, что корни своего народа они устанавливали в некоей славянской праобщности (возможно, подобно немцам, обращавшимся к «германскому» прошлому). При этом идея единства славянских народов, фигурировавшая в историографиях западных и южных славян и звучавшая в речах дипломатов и политических деятелей, для интеллектуалов Восточной Европы оказалась не такой важной. Братство славян их мало заботило, а в центре внимания была идентичность *русь/Россия*. О чем-то общеславянском (помимо происхождения) заходила речь только в связи со «словенским» языком, под которым, впрочем, понимался именно церковнославянский — язык только православных славян. Предполагалось, что этот язык должен будет служить фактором этнокультурной интеграции «росс(ийс)кого народа». Эта мысль более явно и акцентированно была высказана в украинской («малороссийской») ученой школе (в которой, неслучайно, появились и первые грамматики и словари «словенского» языка), и в этом смысле ее можно признать носителем некоей «славянорусской культуры», о которой говорит З. Когут.

Киевскому «Синопису», безусловно, принадлежала первостепенная роль в разработке «нового проекта нации», по словам С. Плохия. Именно «Синопис» указал на «народ» как главный субъект исторического процесса, понятого не телеологически, а как результат рационально постижимых причин и следствий. Однако неверно, что его «проект идентичности» определялся понятием «славянороссийского народа». Это понятие было в книге вспомогательным по отношению к центральному, главному и лично важному для ее автора (или авторов) понятию «росс(ийс)кого народа», на котором и должна была строиться «нация». С. Плохий, впрочем, признает, что «домом славянороссийской нации» в книге мыслилась «страна по имени *Россия*», но для него появление здесь России и «росс(ийс)кого народа», объединяющего «русинов

и московитов», представляется как будто большой неожиданностью — он даже видит в этом «революционный элемент, внедренный автором «Синописиса» в область раннемодерной славянской этнологии» [Plokhy 2006: 263].

Такие высказывания кажутся крайне странными. Даже если отвлечься от того факта, что и в XVII в. для масс населения от Карпат до Урала базовой (хотя, может быть, по-разному понимаемой) оставалась унаследованная с древности самоидентификация *русь*, нельзя не признать, что понятие «росс(ийс)кого народа» как общности всей православной руси звучало задолго до «Синописиса», еще с конца XVI в., в частности, в тех же «Палинодии» и Густынской летописи, да и в целом ряде других произведений (см.: [Дмитриев, Шпирт 2018: 365–381; Степанов 2020: 20–93, 182–219]). Ничего «революционного» «Синописис» по сути не сказал. Он просто удачно представил единство «российского народа» в историческом плане, выделив три фактора этого единства: этногенетический («славянорусское» происхождение), политический (самодержавная власть) и религиозный (православие). Эта концепция — а точнее формулировка той концепции, которая давно вызревала, — и обеспечила популярность «Синописису» в Российской империи вплоть до эпохи, когда те же три тезиса были сформулированы более четко и уже не на «славянорусском», а собственно русском литературном языке («православие, самодержавие, народность»).

Именно эта концепция «российского народа» была поддержана в историографии и публицистике петровского времени, в частности, тем же Феофаном Прокоповичем, о ком так много пишет С. Плохий, но чью идею «народа-нации» почему-то отделяет от идеи народа в «Синописисе». На самом деле, и Прокопович, и Ломоносов, и многие другие авторы XVIII в. транслировали и развивали один и тот же «проект идентичности», сформулированный в основных чертах еще в Киеве XVII в., — проект «российского народа», хотя теперь предполагавший власть не «благоверного царя», а «всероссийского императора». Этногенетический аспект этого «проекта» отошел на задний план или даже вовсе потерял свою актуальность отчасти из-за реформы азбуки, шрифта и языка, приведшей к потере ведущей роли «словенского» (церковнославянского) языка, отчасти из-за того, что «(все)российская» идентичность должна была соответствовать (и до поры до времени соответствовала) весьма разнообразным и становящимся в течение XVIII в. все более многообразным, далеко не только славянским, этнокультурным элементам империи. Сыграло свою роль и развитие научных знаний, которые заставили четко развести понятия «славянский» и «русский/российский» (в любых смыслах и сочетаниях). Сближение этих поня-

тий могло происходить позже в эпоху развитых наций и национализмов (например, в «панславизме»), но выражение «славянорусский народ» уже осталось в эпохе раннего Нового времени, и вряд ли оно возродится.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (РАН)

Библиография

Источники

Рукописи

F.IV.600

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), F.IV.600, Хронограф, ок. 1650 г.

Больш. 423

РГБ, ф. 37 (Собрание Большакова), № 423, кон. XVII в. (электронная публикация рукописи: <https://libfond.ru/lib-rgb/37/f37-423>).

Виф. 34.1

РГБ, ф. 556 (Собрание Вифанской духовной семинарии), № 34.1, кон. XVII в.; (электронная публикация рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/556/f556-341>).

Увар. 533 (1819)

ГИМ, собрание Уварова, № 533 (1819), исторический сборник, 1642 г.

Эрм. 565

РНБ, ф. 885 (Эрмитажное собрание), № 565, Хронограф, ок. 1653 г.

Издания

Гиляров 1878

Гиляров Ф. А., *Предания русской начальной летописи*, Москва, 1878.

Иоанн Златоуст 1624

Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго архиепископа Константинопольскаго Беседы на Деяния святых апостол, Киев, 1624.

Исторический рассказ 1991

Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году, *Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов)*, Г. И. Герасимова, пер., сост. и комм., Н. М. Рогожин, отв. ред., вступ. ст., Москва, 1991, 320–341.

Копыстенский 1878

Копыстенский З., Палинодия, или Книга обороны кафолической, *Русская историческая библиотека*, 4, С.-Петербург, 1878, 313–1200.

Ломоносов, 6

Ломоносов М. Н., *Полное собрание сочинений*, 6, Москва, Ленинград, 1952.

Подробная летопись 1798

Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии, 1, С.-Петербург, 1798.

Прокопович 1961

Феофан (Прокопович), архиеп., *Сочинения*, И. П. Ерёмин, ред., Москва, Ленинград, 1961.

ПСЗ, 6

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, 6, С.-Петербург, 1830.

ПСРЛ, 27

ПСРЛ, 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века, Москва, Ленинград, 1962.

ПСРЛ, 31

ПСРЛ, 31: Летописцы последней четверти XVII века, Москва, 1968.

ПСРЛ, 40

ПСРЛ, 40: Густынская летопись, С.-Петербург, 2003.

Синописис 1674

ΣΥΝΟΠΣΙΣ, или Краткое Собрание от Разных Лѣтописцев о Началь Славяно-Российскаго Народа и первоначальных кн[я]зей Б[о]госпасаемаго Града Киева..., Киев, 1674 (экземпляр Музея книги РГБ).

Синописис 2006

Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674), О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова, пред. и подг. текста, Москва, 2006.

Татищев, 1–8

Татищев В. Н., *История Российская, Собрание сочинений*, 1–8, Москва, 1994–1996.

Hustynja 2013

The Hustynja Chronicle, compiled with an introduction by O. Tolochko, Cambridge, 2013.

Strykowski 1846

Strykowski M., *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi*, 1, Warszawa, 1846.

Литература

Белокуров 1902

Белокуров С. А., *Из духовной жизни московского общества XVII в.*, Москва, 1902.

Буланин, Турилов 1998

Буланин Д. М., Турилов А. А., Сказание о Словене и Русе, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/3: XVII век, II–С, С.-Петербург, 1998, 444–447.

Гольдберг 1963

Гольдберг А. Л., Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича, *ТОДРЛ*, 19, Москва, Ленинград, 1963, 373–390.

——— 1982

Гольдберг А. Л., Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси, *Вспомогательные исторические дисциплины*, 13, Ленинград, 1982, 50–63.

Дельс Агата 1990

Агата Дж., дельс, Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини, *Советское славяноведение*, 1990, 5, 58–68.

Дмитриев, Шпирт 2018

Дмитриев М. В., Шпирт А. М., Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: историографические

- заметки, *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 332–383.
- Доронин 2017
Доронин А. В., Древняя Русь до Древней Руси: М. В. Ломоносов о началах российской нации, *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2017, 358–393.
- 2018
Доронин А. В., Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада), *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 16–58.
- Ерёмин 1954
Ерёмин И. П., К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., *ТОДРЛ*, 10, 1954, 212–222.
- Ерусалимский 2014
Ерусалимский К. Ю., *Res Rossica et Moscovitica: заметки об исследованиях* Д. В. Карнаухова, *Исторический вестник*, 9 (156), Москва, 2014, 294–317.
- Живов 1996
Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII в.*, Москва, 1996.
- Жиленко 2002
Жиленко І. В., *Синопсис Київський* (= Лаврський альманах, 6), Київ, 2002.
- Карнаухов 2009
Карнаухов Д. В., *История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в.*, Новосибирск, 2009.
- Когут 2004
Когут З., Питання російсько-української єдності та української окремішності в українській думці і культурі ранньомодерного часу, *Idem, Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України*, Київ, 2004, 133–168.
- Милюков 1898
Милюков П. Н., *Главные течения русской исторической мысли*, Москва, 1898.
- Мыльников 1996
Мыльников А. С., *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века*, С.-Петербург, 1996.
- Мыцык 1978
Мыцык Ю. А., *Украинские летописи XVII века*, Днепропетровск, 1978.
- Неменский 2003
Неменский О. Б., История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы, *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин*, Київ, 2003, 409–434.
- 2008
Неменский О. Б., Представление славянской общности в «Палинодии» Захарии Копыстенского, Боголюбова Г. В. et al., ред., *Славянский мир в Третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. Сборник статей*, Москва, 2008, 120–127.
- Николаев 2008
Николаев С. И., *Польско-русские литературные связи XVI – XVIII вв.: Библиографические материалы*, С.-Петербург, 2008.
- Первольф 1888
Первольф И. И., *Славяне. Их взаимные отношения и связи*, 2: *Славянская идея в литературе до XVIII века*, Варшава, 1888.

Пештич 1958

Пештич С. Л., Синопис как историческое произведение, *ТОДРЛ*, 15, 1958, 284–298.

Погосян 2001

Погосян Е. А., *Петр I — архитектор российской истории*, С.-Петербург, 2001.

Рогов 1966

Рогов А. И., *Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)*, Москва, 1966.

Самарин 1998

Самарин А. Ю., *Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.)*, Москва, 1998.

Сиренов 2018

Сиренов А. В., Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории», *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 59–79.

Степанов 2020

Степанов Д. Ю., *Русь, Малая Русь, Украина. Этническое и религиозное в сознании населения украинских земель эпохи Руины*, С.-Петербург, 2020.

Толочко 1996

Толочко О. П., Український переклад «Хроніки...» Мацея Стрийковського з колекції О. Лазаревського та історіографічні пам'ятки XVII ст. (Український хронограф і «Синопис»), *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*, 231, Львів, 1996, 158–181.

Успенский 1994

Успенский Б. А., *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*, Москва, 1994.

Штайндорфф 2018

Штайндорфф Л., Славянский мир в Синописе: От Ноя до начала града Киева, *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 311–331.

Berelowitch 2003

Berelowitch W., Les origines de la Russie dans l'historiographie russe au XVIIIe siècle, *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 58/1, Jan.-Feb., 2003, 63–84.

Golub 1986

Golub I., The Slavic Idea of Juraj Križanić, I. Banac, F. E. Sysyn, eds., *Harvard Ukrainian Studies*, 10/3-4, December (= *Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*), 1986, 438–491.

Kohut 2010

Kohut Z., From Japheth to Moscow: Narrating Biblical and Ethnic Origins of the Slavs in Polish, Ukrainian and Russian Historiography (Sixteenth-Eighteenth Centuries), *Journal of Ukrainian Studies*, 33–34, 2008–2009 (= O. A. Andriewsky et al., eds., *Tentorium Honorum: Essays Presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday*), 2010, 279–292.

Plokhly 2006

Plokhly S., *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*, Cambridge, New York, 2006.

Sysyn 1993

Sysyn F., A Speech before the Tsar: Adam Kysil's Oration on August 28, 1647 (N.S.), T. Chynczewska-Hennel et al., red., *Między Wschodem i Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, Warszawa, 1993, 133–142.

Словари и справочники

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, С.-Петербург, 1975–2015–.

References

- Berelowitch W., Les origines de la Russie dans l'historiographie russe au XVIIIe siècle, *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 58/1, Jan.-Feb., 2003, 63–84.
- Bulanin D. M., Turilov A. A., Skazanie o Slovene i Ruse, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/3: XVII vek, P–S, St. Petersburg, 1998, 444–447.
- Dell'Agata G., Russian Translation of "The Kingdom of Slavs" by Mauro Orbini, *Sovetskoe slaviano-vedenie*, 1990, 5, 58–68.
- Dmitriev M. V., Shpirt A. M., Identichnost' Rusi i «rusi» v pis'mennykh pamiatnikakh ukrainsko-belorusskoi pravoslavnoi kul'tury XV–XVII vv.: istoriograficheskie zametki, A. V. Doronin, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 332–383.
- Doronin A. V., Drevniaia Rus' do Drevnei Rusi: M. V. Lomonosov o nachalakh rossiiskoi natsii, Idem, ed., *Drevniaia Rus' posle Drevnei Rusi: diskurs vostochnoslavianskogo (ne)edinstva*, Moscow, 2017, 358–393.
- Doronin A. V., Evropa rubezha XV–XVI vv.: na poroge novoi istorii (vzgliad s Zapada), Idem, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 16–58.
- Eremin I. P., K istorii obshchestvennoi mysli na Ukraine vtoroi poloviny XVII v., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 10, 1954, 212–222.
- Erusalimsky K. Yu., Res Rossica et Moscovitica: zametki ob issledovaniakh D. V. Karnaukhova, *The Historical Reporter*, 9 (156), Moscow, 2014, 294–317.
- Goldberg A. L., Ideia slavianskogo edinstva v sochineniakh Iurii Krizhanicha, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 19, Moscow, Leningrad, 1963, 373–390.
- Goldberg A. L., Legendarnaia povest' XVII v. o drevneishei istorii Rusi, *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 13, Leningrad, 1982, 50–63.
- Golub I., The Slavic Idea of Juraj Krizanić, I. Banac, F. E. Sysyn, eds., *Harvard Ukrainian Studies*, 10/3–4, December (= *Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*), 1986, 438–491.
- Karnaukhov D. V., *Istoriia russkikh zemel' v pol'skoi khronografii kontsa XV – nachala XVII v.*, Novosibirsk, 2009.
- Kohut Z. E., The Question of Russo-Ukrainian Unity and Ukrainian Distinctiveness in Early Modern Ukrainian Thought and Culture, Idem, *Roots of Identity: Studies on Early Modern and Modern Ukraine*, Kiev, 2004, 133–168.
- Kohut Z., From Japheth to Moscow: Narrating Biblical and Ethnic Origins of the Slavs in Polish, Ukrainian and Russian Historiography (Sixteenth–Eighteenth Centuries), *Journal of Ukrainian Studies*, 33–34, 2008–2009 (= O. A. Andriewsky et al., eds., *Tentorium Honorum: Essays Presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday*), 2010, 279–292.
- Mylnikov A. S., *The Picture of Slavic World: the View from the Eastern Europe. Ethnic Legends, Pre-assumptions, Protohypothesis XVIIth – beginning of the XVIIIth century*, St. Petersburg, 1996.
- Mytsyk Yu. A., *Ukrainskie letopisi XVII veka*, Dnepropetrovsk, 1978.
- Nemensky O. B., Istoriia Rusi v 'Palinodii' Zakharii Kopystenskogo i 'Oborone unii' L'va Krevzy, *Ukraina ta Rosiia: problemy politychnykh i sotsio-kul'turnykh vidnosyn*, Kiev, 2003, 409–434.
- Nemensky O. B., Predstavlenie slavianskoi obshchnosti v 'Palinodii' Zakharii Kopystenskogo, *Slavianskii mir v tret'ei tysiacheletii, Slavianskaia identichnost' – novye faktory konsolidatsii. Sbornik statei*, Moscow, 2008, 120–127.
- Nikolaev S. I., *Pol'sko-russkie literaturnye sviazi XVI – XVIII vv.: Bibliograficheskie materialy*, St. Petersburg, 2008.
- Peshtich S. L., Sinopsis kak istoricheskoe proizvedenie, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 15, 1958, 284–298.
- Plokhly S., *The Origins of the Slavic Nations: Pre-modern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*, Cambridge, New York, 2006.
- Pogosjan Je. A., *Petr I – arkhitekt rossiiskoi istorii*, St. Petersburg, 2001.
- Rogov A. I., *Russko-pol'skie kul'turnye sviazi v epokhu Vozrozhdeniia (Strykovskii i ego Khronika)*, Moscow, 1966.
- Samarin A. Yu., *Rasprostranenie i chital'nykh pechatnykh knig po istorii Rossii (konets XVII–XVIII v.)*, Moscow, 1998.
- Sapozhnikov O. Ia., Sapozhnikova I. Iu., eds., *Mechta o russkom edinstve. Kievskii sinopsis (1674)*, Moscow, 2006.
- Sirenov A. V., Russkoe istoriopisanie XV–XVII vv.: v poiskakh 'svoei istorii', A. V. Doronin, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 59–79.
- Steindorff L., Slavianskii mir v Sinopsise: Ot Noia do nachala grada Kiev, A. V. Doronin, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 311–331.
- Stepanov D. Iu., *Rus', Malaia Rus', Ukraina. Etnicheskoe i religioznoe v soznanii naseleniia ukrainskikh zemel' epokhi Ruiny*, St. Petersburg, 2020.

Sysyn F., A Speech before the Tsar: Adam Kysil's Oration on August 28, 1647 (N.S.), T. Chynczewska-Hennel et al., red., *Między Wschodem i Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, Warszawa, 1993, 133–142.

Tolochko O. P., Ukrainian translation of "Chronicles..." by Maciej Strykowski from the collection of O. Lazarevsky and historiographical monuments of the XVII century. Ukrainian chronograph and

"Synopsis", *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*, 231, Lviv, 1996, 158–181.

Tolochko O., ed., *The Hustynja Chronicle*, Cambridge, 2013.

Uspenskij B. A., *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.)*, Moscow, 1994.

Zhilenko I. V., ed., *Synopsys Kyivs'kyi*, (= *Lavrs'kyi al'manakh*, 6), Kiev, 2002.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII v.*, Moscow, 1996.

Петр Сергеевич Стефанович, доктор исторических наук,
профессор

Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
ведущий научный сотрудник

Института российской истории РАН
117292 Москва, ул. Д. Ульянова 19

Россия / Russia

petr.stefanovich@mail.ru

Received September 16, 2020

**Библейская филология
Максима Грека
в европейском контексте
и в церковнославянской
традиции**

[Рец.: Вернер И. В. *Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста к изданию И. В. Вернер. М.: Индрик, 2019. 928 с.]*

**Maximus the Greek's
Biblical Philology in the
European Context and in the
Church Slavonic Tradition**

[Rev. of: Verner I. V. *The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 Translated by Maximus the Greek. Moscow: Indrik, 2019, 928 pp. (in Russian)]*

**Татьяна Викторовна
Пентковская**

Московский государственный универси-
тет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Tatiana V. Pentkovskaya

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Резюме

Рецензия посвящена исследованию и изданию Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека. Этот перевод, до настоящего времени остававшийся в рукописях, рассматривается как часть европейской библейской sprawy в сопоставлении с известными ренессансными проектами переводов и изданий Св. Писания. Церковнославянско-греческая Псалтырь 1552 г. представляет собой памятник одновременно византийско-славянских, европейско-славянских и межславянских культурно-лингвистических связей раннего Нового времени. Рецензируемое издание содержит образцовое лингвотекстологическое описание Псалтыри 1552 г., благодаря которому четко выделяются этапы работы Максима Грека

Цитирование: Пентковская Т. В. Библейская филология Максима Грека в европейском контексте и в церковнославянской традиции // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 448–460.

Citation: Pentkovskaya T. V. (2020) Maximus the Greek's Biblical Philology in the European Context and in the Church Slavonic Tradition. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 448–460.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.18

над псалтырным текстом, раскрываются методы его обращения с рукописными и печатными источниками на разных языках и эксплицируется переводческая техника афонского книжника. В книге устанавливается печатный греческий оригинал Псалтыри 1552 г. — это издание Юстина Декадия 1498 г. Вторая часть книги содержит критическое издание Псалтыри 1552 г. по интерлинейрной рукописи РГБ, ф. 173.1 № 8 с разночтениями по шести исследованным спискам. Греческий подстрочный текст передается с соблюдением его специфической славянизированной орфографии. Рецензируемая книга представляет собой важнейший вклад в палеославиистику и в изучение библеистики в России раннего Нового времени.

Ключевые слова

Псалтырь, раннее Новое время, Максим Грек, Джованни Крастоне, Юстин Декадий, Нил Курлятев, предисловия к переводам Библии, экзегеза, интерлинейр

Abstract

The article offers a review of the study and publication of Maximus the Greek's 1552 translation of the Psalter. This translation, which has remained in manuscripts until now, is viewed as part of the European biblical revision, alongside other well-known Renaissance translations and editions of the Holy Scriptures. The Church Slavonic-Greek Psalter of 1552 is a monument at once to Byzantine-Slavic, European-Slavic, and inter-Slavic cultural and linguistic ties of the early Modern period. The edition contains an exemplary linguistic and textological description of the Psalter of 1552 which clearly highlights the stages of Maximus the Greek's work on the text, reveals his methods using handwritten and printed sources in different languages, and explicates the translation technique of the Athos scholar. The book identifies the printed Greek original of the Psalter of 1552, which turns out to be the 1498 edition of Justin Decadius. The second part of the book contains a critical edition of the Psalter of 1552 based on the interlinear manuscript of the Russian State Library (RSL f. 173.1 # 8) incorporating variant readings of six copies studied. The Greek part of the interlinear manuscript is presented in accordance with its specific Slavonic spelling. This book is a major contribution to paleoslavistics and to the research on biblical studies in Early Modern Russia.

Keywords

The book of Psalms, the Early Modern period, Maximus the Greek, Giovanni Crastone, Justin Decadius, Nil Kurlyatev, prefaces to translations of the Bible, exegesis, interlinear

Фундаментальный труд И. В. Вернер содержит исследование и издание текста Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека. Проблематика, рассматриваемая в этой работе, далеко выходит за рамки частных вопросов, возникающих при изучении одного источника. Как известно, работа над Псалтырью велась Максимом Греком на протяжении всей его жизни в России, а перевод-редактура 1552 г. стал фактическим итогом этой многолетней деятельности. Особое место, которое занимает Псалтырь среди переводов ученого книжника, объясняется несколькими факторами. Прежде всего, это литургическая функция этой библейской книги, откуда производной является роль Псалтыри при обучении — не только базовом (начальном) [Linde 2012: 150; Живов 2017, 1: 158–161], но и дальнейшем,

«университетском». Псалтырь не утратила своей пропедевтической функции в гуманистическую эпоху. Более того, в этот период в Европе ей отводилась важная роль именно в обучении греческому языку. Так, Миланская Псалтырь, издание которой подготовил в 1481 г. гуманист Джованни Крастоне, была предназначена для обучения библейскому греческому языку и могла использоваться как самоучитель [Linde 2012: 150–153, 159]. Для обучения греческому языку использовалась Псалтырь и Максимом Греком. Разные стадии процесса обучения представлены фигурами ризничего тверского епископа Акакия Вениамина в 1540 г. и Нила Курлятева в 1552 г. [Вернер 2019: 19, 35, 41].

Примечательно, что в обоих названных случаях для обучения греческому языку используется письменный перевод Псалтыри на язык-посредник: латынь в подготовленном Дж. Крастоне издании 1481 г. и церковнославянский у Максима Грека. Есть и еще одно важное сходство, касающееся облика текста-посредника: он приспособляется для отражения языковых структур оригинала. Так, Крастоне адаптировал латинский текст для передачи специфических греческих оборотов, в частности, конструкций с субстантивированным инфинитивом, и провел ревизию латинского текста по Септуагинте [Linde 2012: 154–155]. Грецизация церковнославянского текста в переводах Максима Грека, и в частности — в переводах Псалтыри, неоднократно была предметом рассмотрения в целом ряде работ [Вернер 2010; Eadem 2011; Eadem 2017; Кравец 1991; MacRobert 2008; Eadem 2018], и одной из задач данного исследования И. В. Вернер является разграничение этапов sprawy Псалтыри, которое исходит из различия типов филологической работы, проводимой на каждом из этих этапов [Вернер 2019: 9]. Безусловно, в обоих случаях грецизация перевода может совершаться и совершается не только в целях обучения: Крастоне придерживался принципа *græca veritas* и рассматривал Септуагинту как авторитетный источник, с помощью которого проверял латинские чтения [Linde 2012: 153]. То же в отношении греческого и церковнославянского текста Псалтыри характерно для «критической текстологии» Максима Грека [Вернер 2019: 61].

Близость к греческому оригиналу важна не только в текстологическом, но и в экзегетическом аспекте. Так, Максим Грек активно эксплуатирует хорошо известный принцип однозначного соответствия между греческими и славянскими синонимичными лексемами, однако в ряде случаев это не просто выстраивание формального системного соответствия, а выбор лексического варианта, обусловленный экзегезой. Так, в частности, объясняется различие между парами *птица* (τὸ πτεῖνον) и *вработ* (τὸ στρουθίον), *ровъ* (ἡ τάφρος) и *яма* (ὁ λάχος), *утроба* (ἡ γαστήρ) и *почки* (ὁ νεφρός) [Вернер 2019: 103–109].

Есть и еще одно возможное объяснение постоянного обращения к Псалтыри на разных этапах переводческой деятельности Максима Грека. С изданий Псалтыри (наряду с изданиями Нового Завета) в раннее Новое время начинались крупнейшие библейские проекты по переводу (и изданию) полной Библии. Так, уже упоминавшаяся Миланская Псалтырь 1481 г. — это первая печатная греческая Псалтырь на Западе, предшествовавшая изданию полной Библии [Горфункель 1991: 33; Linde 2012: 147]. В самом конце XVI в., в 1593 г., появляется издание польского перевода Нового Завета, выполненного католиком Якубом Вуйком, а в 1594 г. выходит издание Псалтыри в его переводе, которые

предшествуют изданию полной Библии, вышедшему в 1599 г. [Pietkiewicz 2019: 83]¹. В ренессансный период в Речи Посполитой Псалтырь в польских переводах была наиболее издаваемой из библейских книг: она издавалась 58 раз [Ibid.: 64].

Имелась ли у Максима Грека отчетливая идея подготовить полный перевод всей Библии (при том, что работавшие с ним в ранний период книжники входили в число тех, кто трудился над Геннадиевской Библией, и Максим должен был быть знаком с этим библейским сводом), точно сказать невозможно. Однако надо учитывать, что он был призван в Москву для ревизии прежде всего библейских и литургических текстов. Ему принадлежит перевод Книги Есфири, а также перевод 4-й Маккавейской книги [Алексеев 1999: 201–202; Вернер 2013: 14–18]. Кроме того, он начал свою переводческую деятельность с восполнения лакун в Толковом Апостоле, а позднее в соавторстве с Силуаном перевел Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и от Иоанна. В этот же круг толковых текстов входит подготовленная Максимом в 1522 г. Псалтырь с толкованиями. Толковая традиция играла важнейшую роль и при подготовке к переводу Псалтыри 1552 г.: в «Преводных строках», которые связаны с работой над Псалтырью 1552 г., сопоставляемые варианты греческих переводов Псалтыри выбраны из толкований Псалтыри 1522 г. [Вернер 2019: 38]. Толковые тексты и в более раннее, и в более позднее время использовались при подготовке полных библейских сводов — например, некоторых книг Геннадиевской Библии и Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого, который в к. XVII в. должен был стать первой частью нового перевода полной Библии [Алексеев 1999: 198; Пентковская 2017: 67].

Важной частью перевода Псалтыри 1552 г. стало предисловие, написанное учеником Максима Нилом Курлятевым (по предложению И. Денисова, это послесловие, и появилось оно только в 1556–1558 гг. [Вернер 2019: 32; Denissoff 1943: 20]). Тематика этого предисловия, подробно разобранный И. В. Вернер [Вернер 2019: 32–35] — история создания нового перевода, критический разбор прежних переводов и апология перевода Максима — перекликается с тематикой предисловий к переводам и изданиям Библии в раннее Новое время в Европе. Так, защита собственного переводческого метода и объяснение изменений, внесенных в латинский текст Псалтыри для приближения его к греческому оригиналу, содержатся в посвящении, которое можно рассматривать как авторское предисловие Крастоне к изданию Псалтыри 1481 г. [Linde 2012: 153].

Особо следует отметить, что предисловие Нила Курлятева фиксирует проблему перевода многозначных слов:

во многихъ рѣче^х что вамъ помнитсѧ прменено, то ѿ^и сказывалъ извѣстно. не еди^и разѣмъ рѣчемъ но которыя рѣчи един разѣмъ вездѣ. то вездѣ едино. а иныя рѣчи двоеразѣмны или на три разѣмы говора^т ѧкоже по нашему пишѣтъ произволники. тако и ѿ^и сказывалъ разѣмы извѣстно [Вернер 2019: 34].

Несколько десятилетий спустя все эти пункты найдут отражение в полемических предисловиях польских библеистов второй половины XVI в. [Frick 1989;

¹ Biblia Wujka. Biblia o ogromnym wpływie na wiele pokoleń Polaków, *BibliePolskie.pl Przekłady Biblii na język polski*. (Online edition: <http://bibliepolskie.pl/przeklady.php?tid=4>; последнее обращение: 23.08.2020).

Wojtkowska-Maksymik 2019: 39–52]. Так, проблему многозначности слова (в частности, на базе богословско-философского термина *λόγος*) обсуждают в предисловиях к своим переводам Мартин Чехович [Czechowicz 1577: 25] и Якуб Вуек [Wujek 1593: 19].

Предисловие Нила Курлятева, таким образом, может быть рассмотрено в русле ренессансных предисловий к переводам Библии, полемический дух которых обязан развивающейся филологической критике текста, а в случае польской библеистики еще и разному конфессиональному происхождению этих переводов. На месте разности конфессий у Нила стоит разность редакций текста (ср. упреки в «неразумии», адресованные митрополиту Киприану, чью редакцию Максим использует как базовую), которая, в свою очередь, обусловлена различиями региональных вариантов церковнославянского языка и культурно-языковой ситуации в разных регионах Pax Slavia Orthodoxa. Сходная проблематика впоследствии будет объектом рассмотрения в самом конце XVII в. в предисловии Евфимия Чудовского к Новому Завету Епифания Славинецкого (ср. его публикацию в [Исаченко 2015]).

С европейской библейской текстологией, критикой текста и эдичионной практикой связана и организация Псалтыри 1552 г. в виде церковнославянско-греческой билингвы (ср., например, латино-греческую Миланскую Псалтырь 1481 г., Комплютенскую полиглотту 1514–1517 гг.). Важно отметить, что Максим Грек обращался, вероятно, и к латинскому источнику (если только не помнил латинский текст наизусть): с помощью глосс он фиксировал, в частности, псалтырные чтения, расходящиеся в Септуагинте и Вульгате. Метод работы Максима, таким образом, включал в себя, как у его европейских коллег, обращение к нескольким классическим языкам [Вернер 2019: 61–63].

Из семи сохранившихся списков Псалтыри 1552 г. интерлинеарными билингвами являются два: РГБ, ф. 173.I № 8 и № 9 (первый из них положен в основу издания, второй, наряду с остальными, используется в критическом аппарате). Эти списки связаны с кругом троицких книжников первой четверти XVII в. Дионисия Зобниновского и его ученика Симона Азарьина [Вернер 2019: 17]. Из библиотеки Симона Азарьина происходит и более поздний трехязычный интерлинеар — славяно-греко-польский список Псалтыри [Вернер 2019: 52; Целунова 2017]. Интерлинеаром при этом был и сам архетип перевода, о чем говорится в предисловии Нила Курлятева: писалъ вса по радѣ, какъ стоитъ по греческомѣ раздѣлѣнїю, и рѣскимъ языкомъ, вса по радѣ и безо оукрашенїа [Вернер 2019: 48].

Уже упоминавшееся миланское двуязычное издание Псалтыри 1481 г. не стало, однако, источником греческой части интерлинеара 1552 г. Не пользовался Максим Грек и ее латинской частью [Вернер 2019: 62]. Поиск источника закономерно приводит к типографии Альда Мануция, с которым Максим Грек сотрудничал не позднее 1506 г. Примечательно, что Альд Мануций намеревался издать полную Библию на древнееврейском, греческом и латинском языках [Вернер 2019: 55, 126], так что Псалтырь могла бы предвзято такое издание. Комплекс данных указывает, что основным греческим источником была печатная венецианская Псалтырь 1498 г. под редакцией Юстина Декадия в сочетании с некоторыми рукописными греческими текстами Псалтыри. Об этом свидетельствует, в частности, наличие диапсалм, общие структурные особенности текста, а также

анализ некоторых особенностей начертаний в греческой части интерлинеара [Вернер 2019: 43, 48, 54–56].

Греческая часть интерлинеарных списков перевода 1552 г. демонстрирует славянизацию, принадлежащую различным уровням текста и разным периодам его бытования. Уже антиграф характеризовался славянизацией орфографии и диакритических знаков. Так, несколько раз в греческом тексте встречаются кириллические графемы: *Ѡмасиа*, *динамешъ* и т. д. Славянизируются начерки диакритик, в частности, титла, они расставляются по славянским правилам. Эти явления позволяют охарактеризовать тип почерка как «модифицированный славяно-греческий полуустав». Свою лепту внесли в этот процесс славянизации переписчики первой четверти XVII в., которые не владели греческим языком. И. В. Вернер сопоставляет такой принцип записи с тем, как записывался латинский текст в новгородских переводах с латыни Дм. Герасимова [Вернер 2019: 43–49]. Заметим, что более отдаленным по времени типологическим аналогом такой орфографической славянизации может служить греческий текст в двуязычных фрагментах Благовещенского кондакаря (РНБ, Q.п.1.32, нач. XIII в.), в котором встречаются написания греческих слов, оформленные по славянским орфографическим принципам: *проскуѣмень*, *куриѣ* (л. 84об.–85)².

Информация, которую можно извлечь из греческого текста Псалтыри 1552 г., не исчерпывается особенностями адаптации текста к славянскому письму и копированием некоторых литер Псалтыри Декадия. Орфоэпические пометы интерлинеарных списков помогают реконструировать среднегреческое произношение XVI в. [Вернер 2019: 46–47].

Справа Максима Грека рассматривается в широком контексте типологической связи с европейской переводческой деятельностью (здесь проводятся параллели между переводами Эразма Роттердамского и переводами Максима), причем особо подчеркивается экзегетический потенциал вносимых исправлений. С изданиями Эразма при этом Максим знаком, судя по всему, не был, что доказывается хронологическими выкладками. Общим в их деятельности является взаимосвязь лингвистики и теологии, а также учет предшествующей традиции, поскольку переводы обоих совершаются не с нуля — это тип перевода-редактуры [Вернер 2019: 126]. Можно отметить, что подобная связь и во многом сходные задачи характерны и для других современников Максима Грека, трудившихся над переводами Св. Писания в различных регионах славянского мира, например, для Франциска Скорины в первой четверти XVI в. [Темчин 2016, Idem 2019] и Приможу Трубара в середине — второй половине того же столетия (последний, как и Максим Грек и Эразм Роттердамский, активно обращался к наследию Иоанна Златоуста для экзегезы и, в частности, использовал его Беседы на Послания апостольские в своих предисловиях к изданиям Нового Завета [Зайц 2012: 325]).

В исследовании анализируется инвентарь лексико-грамматических исправлений, внесенных Максимом Греком в текст Псалтыри. Исправления эти регулярны и системны, но неодинаковы по степени императивности [Вернер 2019: 64].

² Благовещенский кондакаръ, РНБ. Виртуальные выставки, Рукописи (http://expositions.nlr.ru/ex_manus/kondakar/_Project/ShowIzo.php?l=87; последнее обращение: 26.08.20).

Библейская справа раннего Нового времени в Европе требовала привлечения словарей и грамматик. Не случайно двуязычной Псалтыри Дж. Крастоне предшествовали подготовленные им греко-латинский и латино-греческий лексиконы, а также переведенная им на латынь греческая грамматика Константина Ласкариса [Вернер 2019: 124; Linde 2012: 150–152]. Полное издание Нового Завета в переводе Станислава Мужинковского 1553 г. открывалось «Польской орфографией, то есть наукой чтения и письма»³ [Алексеев 2006: 16; Колобкова 2017: 14].

Максим Грек не оставил после себя эксплицитной грамматики, его грамматическую систему можно в общих чертах реконструировать из исправлений и маргиналий в его переводах. Какие грамматики использовал он сам? И. В. Вернер предполагает, что часть появляющихся в его переводах нестандартных грамматических форм (омонимия М.п. и Род.п. сущ. во мн.ч., совпадение форм Вин.п. и Род.п. неодушевленных сущ.) свидетельствует об использовании Максимом грамматики Доната в переводе Дмитрия Герасимова, которой афонский книжник мог пользоваться уже в процессе своего обучения языку [Вернер 2019: 66–67].

Тип работы Максима Грека над Псалтырью может быть охарактеризован как перевод-редактура. Так называемую «критику языка» при переводе-редактуре не всегда легко отделить от «критики текста»: она предполагает в данном случае рефлексию над языковым материалом, зафиксированным в предшествующих редакциях Псалтыри. Анализ изменений, которые Максим Грек вносил в церковнославянский текст Псалтыри, предполагает учет трех составляющих его творческой биографии: связей с западноевропейской гуманистической традицией (его собственный западноевропейский гуманистический опыт), связей с Афоном, русского компонента.

Переводческая деятельность Максима Грека неизбежно встраивалась в систему русской книжности, что означало для него усвоение церковнославянской традиции в общем ее виде и при этой критическую реакцию на определенные ее проявления. Афонская составляющая его книжной практики в свою очередь распадается на две части: опыт самого Максима и тот афоно-тырновский комплекс книжности, который ко времени приезда Максима Грека уже вполне закрепился у восточных славян и, в частности, в Москве. На первом этапе деятельности Максима не всегда легко определить, что внес в редактируемый текст сам Максим и что внесли его русские сотрудники (это касается и собственно русского компонента, и усвоенного русской традицией афоно-тырновского). Работа по редактированию Псалтыри, как известно, велась Максимом на протяжении всей его жизни. Что именно редактировал Максим? Определяя этот текст, И. В. Вернер называет его «традиционный славянский текст» [Вернер 2019: 71–72], «традиционная редакция» [Вернер 2019: 21], «традиционный славянский перевод» [Вернер 2019: 31], «старшая редакция» Псалтыри [Вернер 2019: 74]. Под этим понятием подразумевается прежде всего киприановская редакция Псалтыри [Вернер 2019: 31, 90, 98]. Насколько устойчив и монолитен был так называемый традиционный текст? Из каких вариантов он состоял в поздней русской традиции? Не случайно большинство описываемых системных грамматических исправлений, вносимых Максимом Греком в киприановскую в своей основе

³ См. [Testament Novvy].

редакцию Псалтыри, оказываются не просто хорошо известными в предшествующей традиции, но и столь же системно и регулярно используемыми в некоторых редакциях. Так, разбираемые И. В. Вернер употребления полных форм субстантивированных причастий в соответствии с греческим артиклем, кальки для передачи субстантивированных инфинитивов в разных значениях, конструкцию *въ* + М.п. в соответствии с *ἐν* + Dat., перевод опатива подробно описаны в первую очередь на материале предшествующих редакций Псалтыри [Чешко 1982; Eadem 1988; Норовская Псалтырь 1989]. Будучи в целом принадлежностью так называемых правленных ее редакций, в наибольшей степени эти явления сконцентрированы в среднеболгарской Норовской Псалтыри XIV в. Значительное формальное сходство между переводческими приемами Норовской Псалтыри, которая также является переводом-редактурой, и переводом (точнее, переводами) Максима бросается в глаза. Это выразительное совпадение переводческих приемов (четко декларируемое И. В. Вернер, впрочем, лишь для перевода конструкции *ἐν* + Dat.) объясняется автором типологическим сходством Норовской Псалтыри и Псалтыри 1552 г. [Вернер 2019: 76]. Нужно, однако, иметь в виду, что митр. Киприан, используя в качестве основного источника афонскую редакцию Псалтыри, привлекал и какие-то дополнительные источники, в том числе Псалтырь типа Норовской [Грицевская 2019: 93, примеч. 10; Чешко 1982: 91–92; Афанасьева et al. 2015: 21–26], так что, на наш взгляд, проблема нуждается в дополнительном изучении.

Как уже говорилось, глубинной мотивацией редактуры Максима является экзегеза, которая определяет выбор переводческих средств и их использование [Вернер 2019: 102]. Максим Грек черпает материал в толковых текстах — не только в толкованиях на Псалтырь, но и в Толковом Апостоле, в Беседах (гомилиях) Иоанна Златоуста. Экзегетическое истолкование тем самым рассматривается как своего рода индивидуальный почерк Максима, отличающий его выбор от выбора предыдущих переводчиков и редакторов. За скобками пока остается вопрос об экзегетическом компоненте в толковых переводах предшественников Максима Грека. Как представляется, афоно-тырновская экзегеза, как и более ранняя, изучена все еще недостаточно, и важнейшим направлением дальнейших исследований может стать сопоставление лингво-экзегетического подхода Максима и афоно-тырновских справщиков. И. В. Вернер, отдавая безусловную дань ретроспективному сопоставлению Псалтыри 1552 г. с предшествующими редакциями, кроме того, проецирует принципы справы Максима Грека на XVII в., демонстрируя зависимость никоновских справщиков от лексико-грамматических установок Максима. Она показывает, что идея устранения в разных грамматических позициях омонимии или синонимии флексий, свойственная никоновским справщикам, опиравшимся на Грамматику Мелетия Смотрицкого, была актуальна уже для Максима Грека [Вернер 2019: 94–97]. Новая интерпретация в этом ключе дается случаям коллоквиализации форм, которая уже отмечалась исследователями переводов Максима: это лишь средство расподобления форм, часто вынужденное, но не цель справы и не намеренное сближение церковнославянского языка с русским. При этом грамматическая вариативность в целом зависит от структуры поэтического текста Псалтыри, она используется в стилистических целях и представляет собой попытку перенесения на славянскую почву византийских и

европейских риторических приемов и представлений о литературно-языковых стилях [Вернер 2019: 88–94].

Вторая часть книги содержит критическое издание Псалтыри 1552 г. по интерлинейрной рукописи РГБ, ф. 173.I № 8 с разночтениями по шести исследованным спискам. Греческий подстрочный текст передается с соблюдением его специфической славянизированной орфографии, для сопоставления в третьей строке приводится стандартизированный греческий текст Псалтыри византийского типа по изданию [Rahlfs 1931]. Разночтения сверяются с Псалтырью Декадия 1498 г.

Исследование и издание текста Псалтыри 1552 г., осуществленное И. В. Вернер, открывает новые аспекты изучения творческой деятельности Максима Грека, выявляя западные источники, с которыми работал итало-греческий гуманист, афонский и московский книжник, предлагает нетривиальные интерпретации уже известных явлений, рассматривая их в ракурсе типологической связи с европейскими опытами исправлений Библии, дает тщательное текстологическое и лингвистическое описание Псалтыри 1552 г. и тем самым является крупнейшим вкладом в палеославику и в изучение библеистики в России раннего Нового времени.

Сокращенные названия библиотек и архивов

РГБ — Российская государственная библиотека.

Источники

Рукописи

Псалтырь славяногреческая, XVII в.

РГБ, ф. 173.I. (Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии) № 8.

Псалтырь славяногреческая, 1619 г.

РГБ, ф. 173.I. (Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии) № 9.

Литература

Алексеев 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

— 2006

Алексеев А. А., Библия и типология литературных языков, *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 7–19.

Афанасьева et al. 2015

Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Соколов Е. Г., Шарихина М. Г. Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана, *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, 1, 2015, 13–38.

Вернер 2010

Вернер И. В., О языковой практике Максима Грека раннего периода *sub specie grammaticae*, *Славяноведение*, 4, 2010, 30–39.

— 2011

Вернер И. В., «Нестандартная грамматика» библейских переводов Максима Грека: влияние «Доната» Дмитрия Герасимова на церковнославянский язык IV Маккавейской

- книги и книги Эсфирь, Священное Писание как фактор языкового и литературного развития. Материалы международной конференции «Священное Писание как фактор языкового и литературного развития (в ареале авраамических религий)». Санкт-Петербург, 30 июня 2009 г., С.-Петербург, 2011, 197–222.
- 2013
Вернер И. В., Омонимия падежей как дидактический и эвристический принцип в церковнославянской грамматике XV–XVIII вв., *Лингвистическая эпистемология: история и современность. XV Международный съезд славистов. (Минск, Республика Беларусь, 20–27 августа 2013 г.)*, Минск, 2013, 129–152.
- 2017
Вернер И. В., К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология, *Славяноведение*, 2, 2017, 40–54.
- 2019
Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека, исследование и подготовка текста к изданию И. В. Вернер, Москва, 2019.
- Горфункель 1991
Горфункель А. Х., Миланская псалтырь Джованни Крастоне 1481 г. и гуманистическая критика Библии, *Коллекции. Книги. Автографы*, 2, Ленинград, 1991, 29–43.
- Грицевская 2019
Грицевская И. М., Старшие виды месяцесловов Иерусалимских уставов в русской книжности XV в.: становление и развитие репертуара памяти, *Slověne*, 8, 2019, 87–112.
- Живов 2017
Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.
- Зайц 2012
Зайц Н., Некоторые замечания к интерпретации славянского языка в Московской Руси и на территории Словении в XVI в., *Структурная и прикладная лингвистика*, 9, С.-Петербург, 2012, 312–328.
- Исаченко 2015
Исаченко Т. А., *Вера и противление в ответах и обличениях 80-90-х гг. XVII в.: новые библейские переводы в филологических школах XVII в.*, Москва, 2015.
- Колобкова 2007
Колобкова Л. В., Польское печатное слово в Кёнигсберге XVI века, *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*, 6, 2007, 14–19.
- Кравец 1991
Кравец Е. В., Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века, *Russian Linguistics*, 15/3, 1991, 247–279.
- Норовская Псалтырь 1989
Чешко Е. В., Бунина И. К., Дыбо В. А., Князевская О. А., Науменко Л. А., ред., *Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века*, 1–2, София, 1989.
- Пентковская 2017
Пентковская Т. В., Беседы на Евангелие от Матфея и Иоанна в переводе старца Силуана и Максима Грека в контексте раннего периода переводческой деятельности Максима Грека в России, *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого*, Санкт-Петербург, 2017, 66–73.
- Темчин 2016
Темчин С. Ю., Франциск Скорина о еврейском алфавите: Иероним Стридонский в версии Руперта из Дойца, Kuczyńska M., ed., *Dawna cyrylicka księga drukowana: twórcy i czytelnicy* (= Latopisy Akademii Supraskiej, 7), Białystok, 2016, 21–28.

——— 2019

Темчин С. Ю., Какой редакцией Евангелия пользовался Франциск Скорина, А. И. Груша, ред., *Франциск Скарына: новыя даследаванні*, Мінск, 2019, 86–93.

Целунова 2017

Целунова Е. А., Псалтирь на церковнославянском, греческом и польском языках из библиотеки Симона Азарьи́на, *Slověne*, 2, 2017, 244–275.

Чешко 1982

Чешко Е. В., Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям, *Язык и письменность среднеболгарского периода*, Москва, 1982, 60–93.

——— 1988

Чешко Е., Кирилло-Методиевский перевод Псалтыри и среднеболгарские правленные редакции. Структура слова и реляционные элементы, *Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia*, 1: *In memoriam Ivan Dujc ev* = Исследования по славяно-византийскому и западноевропейскому средневековью, 1: *Посвящается памяти Ивана Дуйчева*, Sofia, 1988, 217–230.

Czechowić 1577

Czechowić M., przekł., *Nowy Testament. To iest Wszystkie pisma nowego Przymierza z Greckiego ięzyka na rzecz Polską wiernie y szczerze przełożone*, Kraków, 1577.

Denissoff 1943

Denissoff É., *Maxime le Grec et l'Occident: contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*, Paris, Louvain, 1943.

Frick 1989

Frick D., *Polish Sacred Philology in the Reformation and the Counter-Reformation: Chapters in the History of the Controversies (1551–1632)* (= *University of California Publications in Modern Philology*, 123), Berkeley, 1989.

Linde 2012

Linde C., Johannes Crastonus's 1481 Edition of the Psalms, *The Library. The Transactions of the Bibliographical Society*, 7th Series, 13/2, June, 2012, 147–163, DOI: <https://doi.org/10.1093/library/13.2.147>.

MacRobert 2008

MacRobert C.-M., Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic, *Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists, Ohrid, 10–16.09.2008*, Oxford, 2008, 45–62.

——— 2018

MacRobert C.-M., Maksim Grek in linguistic context, V. S. Tomelleri, I. V. Verner, eds., *Latinitas in the Slavic World* (= *Specimina Philologiae Slavicae*, 192), Berlin, 2018, 173–205.

Pietkiewicz 2019

Pietkiewicz R., Polish Biblical Editing in the Renaissance. An Attempt at Bibliographical Synthesis, J. Pietrzak-Thébault, ed., *Word of God, Words of Men: Translations, Inspirations, Transmissions of the Bible in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Renaissance*, Göttingen, 2019, 59–92.

Rahlfs 1931

Rahlfs A., ed., *Psalmi cum Odis* (= Septuaginta. Societatis Scientiarum Göttingensis auctoritate, 10), Göttingen, 1931.

Testament Novvy

Testament Novvy zpělný z greckého ięzyka na polski przełożony i wykładem krotkiem objaśniony [...] przytem przydana iest nauka czytania i pisanía ięzyka polskiego [...], *Polona* (<https://polona.pl/item/testament-novvy-zpělný-z-greckého-jezyka-na-polski-przełożony-i-wykładem-krotkiem>).

Wojtkowska-Maksymik 2019

Wojtkowska-Maksymik M., Theories of Translation of the Word in Poland during the Renaissance, J. Pietrzak-Thébault, ed., *Word of God, Words of Men: Translations, Inspirations, Transmissions of the Bible in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Renaissance*, Göttingen, 2019, 39–58.

Wujek 1593

Nowy Testament Pana naszego Iesvsu Christvsu. Z nowu z Łacińskiego y z Gręckiego na Polskie wiernie a szczyrze przełożony, J. Wujek, przez., Kraków, 1593.

References

Afanasyeva T. I., Kozak V. V., Molkov G. A., Sokolov E. G., Sharikhina M.G., Language Innovations in Manuscripts Attributed to Cyprian the Metropolitan, *Slověne International Journal of Slavic Studies*, 1, 2015, 13–38.

Alexeev A. A., Bibliia i tipologija literaturnykh iazykov, *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 7–19.

Alexeev A. A., *Textgeschichte der slavischen Bibel*, St. Petersburg, 1999.

Celunova Je. A., The Book of Psalms in the Church Slavonic, Greek and Polish Languages from Simon Azarjin's Library, *Slověne*, 2, 2017, 244–275.

Cheshko E. V., Bunina I. K., Dybo V. A., Kniazevskaia O. A., Naumenko L. A., eds., *Norovskaia psal'tyr'. Srednebolgarskaia rukopis' XIV veka*, 1–2, Sofia, 1989.

Cheshko E. V., Ob Afonskoi redaktsii slavianskogo perevoda Psal'tyri v ee otnoshenii k drugim redaktsiiam, Eadem, ed., *Iazyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda*, Moscow, 1982, 60–93.

Cheshko E. V., Translation of the Psalter by Cyrill and Methodius and the Middle-Bulgarian Revised Editions. Word Structure and Relations Elements, *Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages*, 1: *In memoriam Ivan Dujčev*, Sofia, 1988, 217–230.

Denisoff É., *Maxime le Greck et l'Occident: contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*. Paris, Louvain, 1943.

Frick D., *Polish Sacred Philology in the Reformation and the Counter-Reformation: Chapters in the History of the Controversies (1551–1632)* (= *University of California Publications in Modern Philology*, 123), Berkeley, 1989.

Gorfunkel' A. Kh., Milanskaia psal'tir' Dzhovanni Krastone 1481 g. i humanisticheskaia kritika Biblii, *Kollektsii. Knigi. Avtografy*, 2, Leningrad, 1991, 29–43.

Gritsevskaia I. M., Menology of the Jerusalem Typicon in the Russian Manuscripts of the 15th Century: The Early Formation and Development of the Repertoire of the Commemorations of Saints, *Slověne*, 8, 2019, 87–112.

Isachenko T. A., *Vera i protivlenie v otvetakh i oblicheniakh 80-90-kh gg. XVII v.: novye bibleiskie*

perevody v filologicheskikh shkolakh XVII v., Moscow, 2015.

Kolobkova L. V., Polish Book-Printing in the XVI Century in Koenigsberg, *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 6, 2007, 14–19.

Kravets E. V., The Knižnaja Sprava and Maksim the Greek's Translations as an Attempt at Normalizing the Church Slavonic Language of the XVth Century, *Russian Linguistics*, 15/3, 1991, 247–279.

Linde C., Johannes Crastonus's 1481 Edition of the Psalms, *The Library. The Transactions of the Bibliographical Society*, 7th Series, 13/2, June, 2012, 147–163, DOI: <https://doi.org/10.1093/library/13.2.147>.

MacRobert C.-M., Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic, *Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists, Ohrid*, 10–16.09.2008, Oxford, 2008, 45–62.

MacRobert C.-M., Maksim Grek in linguistic context, V. S. Tomelleri, I. V. Verner, eds., *Latinitas in the Slavic World* (= *Specimina Philologiae Slavicae*, 192), Berlin, 2018, 173–205.

Pentkovskaya T. V., Besedy na Evangelie ot Matfeia i Ioanna v perevode startsa Siluana i Maksima Greka v kontekste rannego perioda perevodcheskoi deiatel'nosti Maksima Greka v Rossii, *Slavianskaia Bibliia v epokhu rannego knigopechataniia. K 510-letiiu sozdaniia bibleiskogo sbornika Matfeia Desiatogo*, St. Petersburg, 2017, 66–73.

Pietkiewicz R., Polish Biblical Editing in the Renaissance. An Attempt at Bibliographical Synthesis, J. Pietrzak-Thébault, ed., *Word of God, Words of Men: Translations, Inspirations, Transmissions of the Bible in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Renaissance*, Göttingen, 2019, 59–92.

Rahlfs A., ed., *Psalmi cum Odis* (= Septuaginta. Societatis Scientiarum Göttingensis auctoritate, 10), Göttingen, 1931.

Temčinas S., Francisk Skorina on the Hebrew alphabet: Saint Jerome in the version of Rupert of Deutz, Kuczyńska M., ed., *Dawna cyryliccka księga drukowana: twórcy i czytelnicy* (= *Latopisy Akademii Supraskiej*, 7), Białystok, 2016, 21–28.

Temčinas S., Kakoi redaktsiei Evangeliiia pol'zovalsia Frantsisk Skorina, A. I. Grusha, ed., *Francysk Skaryna: New Studies*, Minsk, 2019, 86–93.

Verner I. V., "Nestandardnaia grammatika" bibleiskikh perevodov Maksima Greka: vliianie "Donata" Dmitriia Gerasimova na tserkovnoslavianskii iazyk IV Makkaveiskoi knigi i knigi Esfir', *Sviashchennoe Pisanie kak faktor iazykovogo i literaturnogo razvitiia. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Sviashchennoe Pisanie kak faktor iazykovogo i literaturnogo razvitiia (v areale avraamicheskikh religii)» Sankt-Peterburg, 30 iunია 2009 g.*, St. Petersburg, 2011, 197–222.

Verner I. V., Omonimiia padezhei kak didakticheskii i evristicheskii printsip v tserkovnoslavianskoi grammatike XV–XVIII vv., *Lingvističeskaia epistemologija: istoriia i sovremennost'. XV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. (Minsk, Respublika Belarus', 20–27 avgusta 2013 g.)*, Minsk, 2013, 129–152.

Verner I. V., On the History of Maximus the Greek's Translation of Psalter in 1522–1552: Chro-

nology, Textology and Methodology, *Slavyanovedenie*, 2, 2017, 40–54.

Verner I. V., On the Maxim the Greek' the Early Period of Linguistic Practice sub specie grammaticae, *Slavyanovedenie*, 4, 2010, 30–39.

Verner I. V., ed., *The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 Translated by Maximus the Greek*, Moscow, 2019.

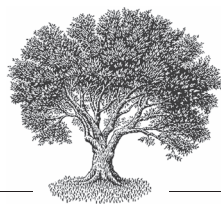
Wojtkowska-Maksymik M., Theories of Translation of the Word in Poland during the Renaissance, J. Pietrzak-Thébault, ed., *Word of God, Words of Men: Translations, Inspirations, Transmissions of the Bible in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Renaissance*, Göttingen, 2019, 39–58.

Zajc N., Several Remarks on the Interpretation of Slavi Language in Moscow Russia and Slovenia in the 16th Century, *Strukturnaia i prikladnaia lingvistika*, 9, St. Petersburg, 2012, 312–328.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Татьяна Викторовна Пентковская, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет
Россия / Russia
pentkovskaia@gmail.com

Received September 2, 2020

**Институты, иерархия
и паства православной
церкви на Балканах в
XVII–XVIII веках в свете
новых документов
Османского архива
в Стамбуле**

[Рец.: Мутафова Красимира,
Калицин Мария, Андреев
Стефан, *Православни структури
на Балканите през XVII–XVIII
век съгласно документи от
Истанбулския османски архив*,
Велико Търново: Абагар, 2019,
672 с.]

**Дмитрий Игоревич
Полывянный**

Ивановский государственный
университет
Иваново, Россия

**Institutions, Hierarchy, and
the Flock of the Orthodox
Church in the Balkans
in the 1600s and 1700s as
Shown by New Documents
from the Ottoman Archive
in Istanbul**

[Rev. of: Mutafova Krasimira,
Kalitsin Maria, Andreev Stefan,
*The Orthodox Structures in the
Balkans during the 17th–18th
Century according to Documents
from the Ottoman Archives in
Istanbul*, Veliko Tarnovo: Abagar,
2019. 672 p.]

Dmitry I. Polyvyanny

Ivanovo State University
Ivanovo, Russia

Резюме

Более двухсот документов фонда «Епископские дела» (Piskopos Kalemi) государственного Стамбульского османского архива при Канцелярии премьер-министра Турецкой Республики (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri), впервые

Цитирование: Полывянный Д. И. Институты, иерархия и паства православной церкви на Балканах в XVII–XVIII веках в свете новых документов Османского архива в Стамбуле // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 461–474.

Citation: Polyvyanny D. I. (2020). Institutions, Hierarchy, and the Flock of the Orthodox Church in the Balkans in the 17th–18th Centuries in the Light of New Documents from the Ottoman Archive in Istanbul. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 461–474.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.17

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

публикуемые болгарскими учеными-османистами Красимирой Мутафовой, Марией Калицин и Стефаном Андреевым, освещают многообразную практику взаимодействия православных церковных институтов на Балканах с османскими властями за период с 1684 по 1788 гг. В рецензии рассматривается типология публикуемых документов и сообщаемая ими информация о деятельности Константинопольской, а также вошедших в нее в 1757–1758 гг. Охридской и Печской патриархий по сбору налогов и податей с православных подданных балканских провинций Османской империи. Акцент делается на данные о полномочиях церковных институтов в отношении христианского населения, конфликтах с османскими властями и в среде высшего православного духовенства. Отмечена важность сведений об отдельных иерархах и данных о границах и центрах епархий. Публикация дает обширный материал для исследования статуса и функций православной иерархии в административной системе Османской империи XVII–XVIII вв.

Ключевые слова

Османская империя, Константинопольская патриархия, Охридская архиепископия-патриархия, Печская патриархия, XVII–XVIII вв., налоги, берат

Abstract

More than two hundred documents from the “Bishops’ files” (Piskopos Kalemi) Collection at Istanbul Ottoman Archives at the Chancellery of the Prime Minister of the Turkish Republic (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri), recently published for the first time by Bulgarian scholars of Ottoman Studies Krassimira Mutafova, Maria Kalitsin and Stefan Andreev, reveal multifaceted practices of Orthodox Balkan church institutions’ interactions with the Ottoman authorities from 1684 to 1788. The review deals with the typology of the published documents and the information they contain regarding the fiscal activities of the patriarchy of Constantinople and the patriarchies of Ohrid and Peć (which were incorporated into the Constantinople patriarchy in 1757–1758) towards their Orthodox flock in the Balkan provinces of the Ottoman Empire. The accent is made towards conflicts between the church institutions and the Christian population, as well as contradictions within the higher Orthodox clergy. The importance of personal information on some hierarchs and of data concerning territories and centers of the dioceses is underlined. The author concludes that the reviewed publication provides abundant material for research on the status and functions of the Orthodox hierarchy in the administrative system of the Ottoman Empire in the 17th and 18th centuries.

Keywords

Ottoman Empire, Constantinople patriarchate, Archbishopric (Patriarchy) of Ohrid, Peć patriarchate, 17th–18th centuries, taxes, berat

Высокий авторитет болгарской османистики в мировой и европейской исторической науке, заслуженный многолетней разработкой богатейшего на Балканах собрания османских документов и рукописей Национальной библиотеки «Свв. Кирилл и Мефодий» в Софии, со второй половины прошлого века продолжает укрепляться трудами по поиску и исследованию османских документов в турецких архивохранилищах. В рецензируемый тематический сборник документов из государственного Стамбульского османского архива при Канцелярии

премьер-министра Турецкой Республики (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri¹) вошли 229 из почти пяти тысяч документов фонда «Епископские дела» (Piskopos Kalemi)², изученных в 2005–2006 гг. Красимирой Мутафовой, профессором Велико-тырновского университета «Свв. Кирилл и Мефодий». Ей принадлежат переводы почти трети вошедших в книгу текстов на болгарский язык, а также вводная и историческая части обширного, имеющего самостоятельную научную ценность предисловия к сборнику (с. 27–107). Остальные разделы предисловия и переводы источников выполнены видными болгарскими османистами — доцентами Стефаном Андреевым, долгое время возглавлявшим Рукописно-документальный центр Национальной библиотеки «Свв. Кирилл и Мефодий», и Марией Калицин, переводчиком на болгарский язык и издателем многих османских хроник и документов. Переводы расположены в хронологическом порядке, их сопровождают комментарии, исторические и просопографические заметки, ссылки на научную литературу. В издание включены факсимиле оригиналов 43-х документов, три указателя — предметно-тематический, географических названий и личных имен, а также краткий глоссарий османских правовых, фискальных и других терминов.

Из более чем столетнего периода, который охватывает публикация, к концу XVII в. относятся 16, к первой половине XVIII в. — 153, и ко второй половине XVIII в. — 60 документов. Согласно принятой в болгарской османистике классификации составители подразделяют вошедшие в сборник канцелярские акты на уведомительные, распорядительные и служебно-административные. Большинство публикуемых документов принадлежит к двум первым видам. Донесения на высочайшее имя — *арз*³ — (№ 17, 64, 67, 205 и др.) могли направлять высшие османские служащие, такое право принадлежало и константинопольскому патриарху (№ 9). Наиболее часты личные (*арзухал*) и коллективные (*махзар*) петиции, выполненные османскими писцами в соответствии с формуляром султанской канцелярии со слов православных заявителей (среди языков, на которых излагались просьбы, судя по транскрипции имен и терминов, преобладал греческий, присутствовали сербский, болгарский и валахско-молдавский — с. 45–46). Большинство индивидуальных заявителей составляли предстоятели Константинопольской, Охридской⁴ и Печской⁵ патриархий, а также поставленные ими

¹ Здесь и далее современные турецкие термины в скобках приводятся по-турецки латиницей, а османские канцелярские термины транскрибируются кириллицей как в рецензируемой книге.

² Фонд отражает делопроизводство одного из подразделений центрального финансового ведомства Османской империи (Дефтерхане) — Пископос мукатаасы калем (букв. — Канцелярия доходов от епископских откупов).

³ Здесь и далее в круглые скобки заключены номера документов и номера страниц рецензируемой книги [Мутафова et al. 2019]. Курсивом без кавычек даны термины османской канцелярской лексики. В цитатах термины приводятся без курсива и могут склоняться.

⁴ Первоиерархи Охридской архиепископии, созданной императором Василием II (976–1025), в византийское время титуловались «патриархами всей Болгарии» и использовали этот титул до отмены церковной автономии Охрида в 1767 г. [Снегаров 1995, 1: 301–303].

⁵ Епархии Сербской Православной церкви после падения Сербского деспотства в 1459 г. были подчинены Охридской архиепископии-патриархии, но в 1557 г.

митрополиты и епископы. *Махзар* мог быть составлен на основе синодальных постановлений (№ 33, 85, 98, 200) или от имени монастырской братии (№ 66), коллективным просителем также могли выступать прихожане духовного лица (№ 64), «вся райя санджака Видин» (№ 73), «райя казы Загра-и атик» (№ 96) или «негодующая райя Охрида» (№ 205). Изданные в ответ на обращения султанские распорядительные акты (*ферман*, *хюкм*) в оригиналах представлены всего несколькими документами (№ 10, 40, 76, 81, 156), однако о содержании им подобных позволяют судить копии и многочисленные маргиналии (*деркенар*) на всех прошениях, включающие ссылки на документы, комментарии и резолюции османских чиновников, подписи должностных лиц, указания на издание распорядительных документов. Некоторые документы представляют собой проекты (в терминологии составителей, «концепты» — № 109, 127, 132 и т. д.) и сводные выписки из султанских указов, включая бераты (№ 150, 155), которыми подтверждались полномочия православного духовенства. Так, выписки за 1720–1724 гг. (№ 86) подробно перечисляют обязанности константинопольских патриархов со ссылками на предшествовавшие им бераты. В сборник также вошли административно-финансовые документы: приходно-расходные описи, выписки из них и отдельные записи (*сурет*⁶), сокращенные приходные книги (*иджмал* — № 27, 120) и расписки (*темессюк*) о перечислениях собранных налогов в казну (№ 1, 14, 17, 35 и др.). Замыкает собрание документ 1786 г. — османский перевод с греческого обращения патриаршего синода (*джемаат-и метреполидан*) о необходимости подчинения Константинополю незаконно назначенного молдавского митрополита Леона Геукэ (1786–1788) с перечнем епархий, которые вошли в патриарший диоцез после отмены автономии Охридской и Печской церквей в 1766–1767 гг. (№ 229).

Задача нижеследующих заметок о сборнике — оценить значимость изданных документов для воссоздания цельной и всесторонней картины социально-политического положения православного духовенства и населения в рамках обширного балканского региона, охватывающего территории современных Албании, Болгарии, Греции, Сербии, Турции и Северной Македонии, и обозначить возможность использования публикуемых источников для решения некоторых спорных проблем статуса, положения и социального поведения православных подданных Порты в критический для Османской империи период между поражениями в австро-турецкой войне 1683–1699 гг. и в русско-турецких войнах второй половины XVIII в.

усилиями великого визиря Мехмеда-паши Соколлу (Соколовича), серба по происхождению, на основании фермана султана Сулеймана I Кануни (1520–1566) была восстановлена сербская Печская (Ипекская) патриархия, куда вошли сербские и некоторые болгарские епархии, ранее входившие в Охридскую архиепископию и Константинопольскую патриархию, а также Сремско-Белградская епархия, образованная на завоеванных Сулейманом I за Дунаем землях Венгерского королевства [Шулетий 2011].

⁶ *Сурет* — наиболее общее название финансово-отчетных документов; в зависимости от характера документа (опись; выписка, приходно-расходная книга и пр.) это название могло включать конкретизацию: *сурет-и дефтер*, *сурет-и дефтер-и хакани*, *сурет-и рузнамче* и др. Благодарю за данное уточнение проф. К. Мутафову.

В рамках отмеченных выше видов документы подчинены строгому формуляру, в котором уникальная фактическая информация составляет лишь небольшую часть, и это создает впечатление монотонности и повторяемости упоминаемых ситуаций. Однако дать важный материал для общей картины способны и некоторые детали формуляра. Например, обращает на себя внимание многочисленность и разнообразие отсылок к прошлому. Часто «старым» называют время правления предшествовавшего султана или предыдущий срок полномочий иерарха. Важным хронологическим рубежом является время австро-турецкой войны 1683–1699 гг., когда так называемый «старый» *нешкеш* (взнос в казну за право собирать церковные подати) православных патриархов был снижен для Охрида и Печа со 100 тысяч *акче* до 60 и 70 тысяч *акче*. Ссылки на «старый обычай» («наш обычай» или «традицию») в прошениях иерархов отмечали преемственность установлений османского времени в канонических вопросах, требованиях, наследовании и семейно-брачных отношениях от «старого времени» или от «завоевания греков и сербов» (№ 11, 28). Развернутая четырехчленная формула обоснования размеров податей в распорядительных документах «старым обычаем», существовавшим до завоевания, османским законом (*канун*), текущей налоговой описью (*дефтер*) и личной жалованной грамотой от правящего султана (*берат*) объединяла наследие прошлого и практику настоящего. На наш взгляд, за этой формулой стоит сложная и многозначная структура традиционных для османского правового сознания представлений о временном континууме принятия и реализации политических и административных решений. Считая себя наследницей Халифата, Высокая Порта исходила из традиций исламского права *зимми*, т. е. немусульман – приверженцев авраамических религий, которые уплачивали в знак подданства *джизье* – подушевой налог на иноверцев (высшее духовенство было от него освобождено) – и принимали покровительство и защиту султана в рамках дарованных им прав [Мутафова 2013: 20–32]. Объем и содержание последних могли быть установлены и скорректированы в отношении отдельных лиц, территориальных или иных сообществ текущими законодательными и судебными решениями.

Документы показывают, что практика налогообложения являлась средством интеграции церковной иерархии в административные структуры Османской империи и одной из «точек сборки» православного сообщества как административно-правовая категория. Например, как отмечает К. Мутафова, высший суд – султанский *диван* – последовательно принимал отрицательные решения по просьбам различных групп православных *зимми*, которые стремились избежать церковного налогообложения, ссылаясь на свой особый статус (например, *дервентджи* – стражи дорог и ущелий – № 94) или принадлежность к *вакуф* – не облагаемой налогами собственности религиозных и благотворительных организаций (№ 57, 87, 162). В течение XVIII в. нарастает число сведений об уклонении от уплаты церковных податей православных, работавших на владельцев хозяйств, фактически выводившихся в частное пользование (*чифтлик*), и членов профессиональных сообществ (№ 83). Такие решения принимались и в отношении низшего православного духовенства, предпочитавшего уплату *джизье* церковным налогам, и относительно отдельных *зимми*, решавших семейно-брачные вопросы не в рамках приходов и епархии, а в шариатском суде (с. 65).

Наряду с *зимми* в документах фигурируют и другие термины для обозначения православного населения вкупе с другими немусульманами: пасомые (*райя*), неверные (*кяфире*), сообщество неверных (*кяфире тайфеси*); как конфессии православных употребляются термины *гит* и, намного реже, *насаран* (*миллет-и насара, тайфе-и насрание*). *Насара* применяется к христианам обеих конфессий — православной и католической. Единичны случаи этнического выделения болгар и влахов (№ 168), сербов (№ 11), а этноним греков чаще всего поглощается общими определениями *зимми, кяфире* или *рум*. Что касается термина *миллет*, то он применяется и к конфессии, и к богослужению (№ 64, 67), и к общностям (№ 66, 198).

Дискуссия о «*рум миллети*», начатая в конце прошлого века [Papademetriou 2015: 19–41] в исторической литературе, не завершена, и в ее рамках документы сборника, относящиеся ко времени упадка Османской империи, во-первых, не подтверждают тезис о завершении формирования данного правового понятия к концу XVIII в. и, во-вторых, косвенно указывают и на продолжающуюся институционализацию *рум миллети*, и на сложные процессы самоидентификации различных этнических групп православного населения с принадлежностью этой правовой категории.

Документы сборника подробно освещают статус и функции Константинопольской, Охридской и Печской патриархий, их предстоятелей и иерархов в административно-фискальной системе Османской империи. Приводимые в них сведения могут служить аргументами в пользу активно развиваемого в современной историографии тезиса о приоритете сбора церковными иерархами на своих канонических территориях налогов в пользу казны (*ильтизам*) над представительством интересов своей паствы перед османскими властями [Papademetriou 2015: 41–62]. Термином *ильтизам* в документах обозначаются как фискальные полномочия иерархии, так и сами территории с их немусульманским населением («епископами, священниками и подданными» (*райя* или *зимми*)). «Патриархи неверных» (*кяфиреси патриги, патрик-и-кяфире*) в Константинополе, Охриде или Пече, поставленные ими митрополиты и подчиненные последним епископы фигурируют в документах как *мюльтезим* — откупщики налогов, выплатившие в казну *нешкеш* и получившие от султана удостоверяющий их полномочия *берат*. Их диоцезы фигурируют в документах как предоставленная им в аренду государством *муката'а* — объект налогообложения и источник поступления налогов.

Перечень налогов и податей, на сбор которых получали право церковные иерархи и их уполномоченные, был обширен и включал как платежи, история которых уходила корнями в доосманскую эпоху, так и сборы, установленные османами. В пользу православной церкви взималось по 12 *акче*⁷ серебром с каж-

⁷ Денежная система Османской империи на Балканах в охватываемое сборником время претерпевала важные изменения. Чеканка серебряной монеты (*акче*) была прекращена, но *акче* осталась единицей исчисления налогов и была увязана с введенными в 1690 г. новыми денежными единицами — *куруш* (120 или 160 *акче*, назван по немецкому и польскому термину «грош», обозначавшим серебряную монету) и *пара* (3 или 4 *акче*). Условная мера золота — *алтун* — была равна голландскому талеру «со львом» (*зседи куруш*) и составляла 120 (иногда 160) *акче*. При этом в различных сделках и платежах применялись различные курсы [Pamuk 2000].

дого дома *зимми* и по 2 *алтун* (один в пользу соответствующего патриарха и один — в пользу местного митрополита) с каждого священника в год. Пошлиной в 1 *куруш* облагалось заключение христианами первого брака, при заключении второго и третьего пошлина соответственно возрастала в два и в три раза. Временно (видимо, в связи с демографическими потерями) этот сбор мог снижаться вдвое. Особыми податями были обложены ярмарки, монастыри и освященные источники. Патриархи, митрополиты и епископы были уполномочены получать выморочное имущество умерших православных священников, монахов и прихожан целиком (если оно превышало 5000 *акче*, то передавалось в султанскую казну), а от наследства, оставленного родственникам *зимми*, — получать треть по завещанию. В состав собираемой патриархами дани (*мукаата*'а) входили сборы за забой скота (*зарар-и-касабие*), сбор милостыни на пропитание неимущих (*зейте*) и приходского духовенства (*тасаддук*), сбор средств на обеспечение деятельности иерархов (*патакия*, *владычина*). Во время войн, которые велись практически постоянно, собирался налог на встречу войска (*имдадие*). Для осуществления функций сбора налогов православные иерархи всех уровней имели право назначать из своих единомышленников уполномоченных-мирян. Эти уполномоченные, как и сами духовные лица, могли носить во время исполнения своих функций особый жезл — знак своих полномочий, особую одежду; иметь оружие и ездить верхом.

С конца XVII в. для значительной части собираемых в казну средств определялись конкретные предназначения. Так, *нешкеш* и равный ему ежегодный взнос Константинопольской патриархии шли на закупки мяса, поставляемого ко двору на прокорм *бостанджи* — многочисленного персонала и охраны султанских садов и огородов. Печская патриархия «отвечала» за содержание *чауш* (придворной стражи), *нешкеш* Охрида шел на зарплаты гарнизонам определенных крепостей, взнос святогорского Прота — на полотно для все тех же *бостанджи* (№ 14) и пр. Особо следует упомянуть случаи, когда собранные средства были предназначены приближенным к султану христианам — например, придворному ювелиру Константину (№ 10). Видимо, переход на исчисление налогов конкретными потребностями, как их уплата натурой — зерном, полотном и одеждой, были связаны с инфляцией, изменениями в денежной системе и порчей монеты. В конце XVII в. из-за демографических потерь *нешкеш* митрополитов и епископов, а также пошлины на первый, второй и третий браки, заключаемые православными, временно снижались (№ 40). Вместе с тем на протяжении всего XVIII в. повышение взносов оправдывалось ссылками на «старый» *нешкеш* (№ 167 и др.).

Сербский историк Н. Шулетич, помещая сам термин «патриархия» в кавычки, полагает, что фискальная и каноническая стороны полномочий духовенства были раздельными, а вселенская патриархия и диоцезы Охрида и Печа до их подчинения в 1766–1767 гг. Константинополю являлись прежде всего османскими фискальными институтами, лишь использовавшими названия патриархий [Шулетич 2010]. В то же время автор одного из самых детальных исследований налоговых функций православного духовенства М. Кенаноглу подчеркивает, что османские фискальные документы отражают лишь одну сторону проблемы и не исключают автономии практик конфессионально-культурного характера [Kenanoğlu 2011: 17–38].

На наш взгляд, амбивалентность роли православных церковных институтов в Османской империи в публикуемых документах отражена отчетливо и

недвусмысленно. Ее, как отмечают издатели, подчеркивает различие османских и греческих надписей на печатях иерархов (с. 74–75). Разумеется, известный вывод С. Рансимена о власти Константинопольского патриарха как «этноарха» православного народа «столь же абсолютной», как его канонические полномочия [Рансимен 2006: 179], в этом свете невозможно ни поддержать, ни, тем более, распространить на предстоятелей Охридской и Печской патриархий. Вместе с тем документы, во-первых, изобилуют свидетельствами участия православной райи и крупных заемщиков, в том числе мусульман (№ 55, 56, 71), в выдвижении не только митрополитов и епископов, но и патриархов. Зафиксированы случаи протестов православного и мусульманского населения против одних иерархов и в поддержку других (№ 205). Вместе с тем *хюкм* султана Ахмеда III (1703–1730) от 12 июля 1716 г. именует константинопольского патриарха Иеремию III «примером для подражания эмирам христианского народа» (№ 76), явно имея в виду не только его фискальные обязанности. Двое из печских патриархов — Арсений III Черноевич в 1690 г. (№ 8) и Арсений IV Йованович-Шакабента в 1737 г. (№ 102, 103, 109), в ходе австро-турецких войн были вынуждены взять на себя роль не только духовных, но и этнополитических вождей сербов — переселенцев за Дунай. Документы о закреплении Киевской митрополии в каноническом ведении Московской патриархии сообщают, что константинопольский патриарх Дионисий IV (пять понтификатов между 1671 и 1694) наряду с решением канонических вопросов поднимал в переговорах с Москвой и сугубо мирские проблемы, например, о налогообложении греческих купцов в России или о получении долгов с укрывшихся в российских владениях недобросовестных заемщиков-греков [Воссоединение 2019: 744, 785, 866, 870].

Характерна особенность, подмеченная составителями сборника, — трафаретная формула подписи константинопольского патриарха «Раб, действующий патриарх православных (*румиян патриги*) в Стамбуле» после поглощения Константинопольской патриархией диоцезов Охрида и Печа в 1767–1768 гг. заменяется на «Православный патриарх в Стамбуле и пребывающий в столице патриарший синод» (имена патриархов во втором случае последовательно опускаются — № 199, 203, 206, 207 и др.). Еще один важный нюанс — в султанских указах столица именуется «богохраняемая резиденция Константина» (№ 40, 81, 87, 156), а в прошениях от имени патриарха последовательно употребляется название «Стамбул».

Иными словами, в совмещении высшими иерархами функций сбора налогов и податей с выполнением своих канонических обязанностей документы позволяют видеть сочетание двух статусов, позволявшее амбивалентное прочтение патриарших полномочий. Отсутствовавший в шариатском праве патриарший, митрополичий или епископский сан получал официальную трактовку в османском праве через *ильтизам*, а в требованиях к личности откупщика церковных податей включались необходимые для исполнения пастырских обязанностей качества. Во многих документах подчеркивается, что священнослужители всех уровней должны быть сведущими в вопросах веры и церковных делах, а также добросовестно исполнять свои духовные обязанности в отношении паствы (№ 82, 85, 145). Возведение во епископа, как и выборы митрополитов и патриархов, должны были совершаться в соответствии с каноническим правом, а в случаях, если духовное лицо

не обладало необходимыми знаниями и опытом богослужения и отправления треб, на что жаловались прихожане (не исключено, что часть таких жалоб могла быть наветом), долгом вышестоящего иерарха в связи с принятыми обязанностями было отрешение «негодного» священнослужителя от должности и лишение его сана [Konortas 1999: 169–180]. Документы упоминают такие меры, принятые в отношении духовных лиц по жалобам населения или по инициативе вновь назначенного патриарха, причем и в тех, и в других случаях важны не столько сами обвинения в некомпетентности, сколько их использование в качестве аргумента перед османскими властями для отрешения от должности или сана неугодных лиц (№ 20), даже патриархов (архиепископов) Охридских (№ 64, 85). При этом перечисленные выше меры применялись вышестоящими иерархами к епископам и священникам, не собиравшим установленные подати в срок и в полной мере. Священники и епископы, не собравшие установленных сумм, не только лишались храмов, передаваемых другим, но и могли быть «расстрижены», о чем свидетельствуют более 50 *арзухал*, изданных между 1686 и 1728 гг.

И канонические, и фискальные полномочия константинопольского патриарха или его собратьев в Охриде и Пече с подчиненными им митрополитами и епископами начинались только после уплаты *нешкеш*. Первоначально Мехмед II Фатих в 1454 г. сам преподнес патриарху Геннадию Схоларию 1000 золотых по случаю его инвеституры. Эта практика со временем трансформировалась в обратную — дар от имени патриарха вручался султану по случаю инвеституры аналогично византийскому «дару за хиротонию» (*χειροτονίας δίδμενα*) [Бердников 1907]. Быстро увеличению суммы до 2000 золотых способствовала во второй половине XV в. конкуренция влиятельных христианских спонсоров — кандидатов на патриарший престол. В XVI в. *нешкеш* был институционализирован как взнос в казну, который, в свою очередь, делал необходимыми денежные и натуральные сборы с прихожан и низшего клира. В конце XVII в. *нешкеш* Константинопольской патриархии составлял около четырехсот тысяч *акче*, Ипекской и Охридской патриархий — 70 и 60 тысяч *акче*. Суммы для двух последних были снижены относительно «старого» *нешкеш* в 100 тысяч *акче* в связи с бедственным положением в 1690 г., однако османские власти в отдельных случаях возвращались к прежним суммам. Так, взнос в 100 тысяч *акче* был установлен будущему охридскому архиепископу Герману, чье первое избрание в 1688 г. проходило в конфликтной обстановке (№ 7). Монастыри Афона вносили в казну 120 тысяч *акче*, получая взамен подтверждение своих прав византийского времени на сбор податей с расположенных вблизи сел и угодий, а также на сбор милостыни и получение даров от богомольцев (№ 14, 27).

Сбор церковных податей, с одной стороны, был аналогом византийского каноникона и продолжал традиционную практику, а с другой — был обоснован необходимостью возратить деньги, затраченные на первоначальный *нешкеш* и равный ему ежегодный обязательный взнос в казну (*отсек*). На практике, как указывают составители сборника, существовал постоянный дефицит церковных бюджетов всех уровней, и неспособность вовремя внести *отсек*, как и выгода властей от получения *нешкеш*, способствовала частой сменяемости патриархов и их многократным возвращением на кафедру — от двух до семи раз в XVII–XVIII вв. Обычная практика *ильтизам* ограничивала право откупа временем от

одного года до трех лет, и в это время срок одного пребывания на патриаршем престоле Константинополя составлял от нескольких недель до трех лет, редко превышая этот предел.

Вкупе документы показывают, что в налоговой системе Османского государства в указанное время патриархи, митрополиты и епископы составляли не только иерархические сообщества своих церквей, но три иерархически соподчиненные группы должностных лиц в каждом объекте налогообложения и были обязаны при назначении выплачивать в казну *нешкеш*, позволявший им получать *берат* и одновременно нести свои канонические обязанности и исполнять фискальные обязательства. Предстоятели Охридской и Печской церквей именуются «патриархами *Ипека и Охри*» от «старых времен» до самой отмены церковной автономии в 1766–1767 гг. Показательно, что сами архиепископы Охрида и Печа в османское время не всегда использовали патриарший титул, предпочитая иные способы указать на поместный статус своей церкви и охват ее диоцеза [Снегаров 1995, 2: 182–210; Југовић 1934: 264–272]. Например, османская надпись в центре печати Игнатия III, неоднократно занимавшего охридскую кафедру в 1693–1703 гг., именует его «настоящим (т. е. действующим) патриархом Охрида», а греческая надпись по краю той же печати содержит традиционный титул «Божией милостью архиепископ Первой Юстинианы» (№ 12). Существование трех патриарших диоцезов, разделенных на митрополии и епархии, которые выполняли функции административно-фискальных округов (*вилайет*, *нахия* и *каза*), придавало всей системе цельный характер. В то же время, система, число и границы диоцезов могли изменяться государством в рамках администрирования налогов.

За позиции иерархии на всех уровнях, как свидетельствуют документы, шла упорная борьба между ставленниками местных состоятельных кланов *зимми* и влиятельных сил в формировавшейся в османской столице общности греческого духовенства-фанариотов. Так, охридский *кади* в 1710 г. рассмотрел жалобу обратившихся в шариатский суд местных *зимми*, которые жаловались, что архиепископскую кафедру занял «некий Кунбаз» (скорее всего, прозвище) «из общности католиков-франков», произвольно заменявший митрополитов и епископов ставленниками «из своего миллета». Возможно, под этим именем был представлен в жалобе многократно занимавший охридский престол с 1706 по 1714 г. грек с о. Хиос Дионисий II. Кади поддержал жалобщиков, и на основании его доклада было принято решение «устранить проявления тирании и восстановить шариатское право» (№ 67). На место «Кунбаза» был назначен многократно возвращавшийся между 1695 и 1710 гг. на охридскую архиепископскую кафедру Зосима II, за которого уплатил «старый» *нешкеш* в 100 тысяч акче некий *зимми* Янаки (№ 68).

Борьба между церковными элитами с их местными сторонниками и противниками за откуп налогов, разумеется, не исчерпывает конфликтную повестку, отраженную в документах. Выписки из патриарших *бератов* (№ 86) содержат безусловный запрет насильственной исламизации *зимми*. Обвинение Дионисия II в «латинстве», принадлежащее (как и нередкие обвинения кандидатов в патриархи в принадлежности к армянской церкви) к числу обычных «аргументов» в борьбе за право занять патриаршую кафедру, вряд ли следует рассматривать в русле конфликта между православным духовенством и католическим населением на подвластных османам территориях, нараставшего в течение всего освещаемого

в сборнике периода (с. 82). Османские власти брали сторону католиков, когда те становились объектом фискальных притязаний православного духовенства (№ 11). Что в данном случае ими двигало в первую очередь — традиционная имперская политика или защита законных прав всех *зимми*, судить трудно.

Нередко в документах упоминаются криминальные деяния, к которым были причастны представители разных социальных, этнических и конфессиональных групп. Помимо часто упоминаемых злоупотреблений со стороны как османских, так и церковных должностных лиц, заслуживает внимания навязывание янычарами «охранных услуг» митрополитам Скопле и Кюстендила (№ 130, 134, 135). *Зимми* Яни фальсифицировал финансовые документы, чтобы через османский суд взыскать с шуменского епископа несуществующий долг (№ 147). «Некие лица» из мусульманского населения и *зимми* выдвигали ложные обвинения, инициируя судебные разбирательства против видинского митрополита Иеремии (№ 210) и митрополита Чаталджи Никодима (№ 211). Главарем разбойничьей шайки в Боснии был бывший священник Пандели (№ 131), а в митрополии Димотика в такую шайку входил «папас (поп) Никола» (№ 139). Немусульманин Христо Шишман по прозвищу Пирила вершил насилие над единоверными женщинами и девицами (№ 182) и т. п.

Важны и сведения относительно гражданской судебной практики, содержащиеся в публикуемых документах. Постоянство, с которым духовенство требует в своих прошениях невмешательства шариатского суда в семейно-брачные отношения православных подданных, не только связано с требованиями формуляра, но и косвенно подтверждает предположения [Тодорова 2004: 166–167], что в крупных городах и их окрестностях православная *райя* прибегала к османским институтам не только в случаях запрещенных в церкви браков, заключаемых после третьего, и разводов, но и в обычной практике, предпочитая штрафы и сборы, налагаемые кадийскими судами, подателям в пользу православного духовенства (№ 9, 18, 23, 28, 218).

Документы сборника также содержат сведения, позволяющие уточнить детали биографий ряда известных православных иерархов: константинопольских патриархов Дионисия IV, Каллиника II (трижды между 1688 и 1702), Гавриила III (1702–1707), Афанасия V (1709–1711), Иеремии III (1716–1726; 1732–1733), Паисия II (четыре раза между 1726 и 1752), Кирилла V (дважды между 1742 и 1757) и др.; охридских архиепископов Германа (трижды между 1688 и 1703), Иоасафа II (1719–1745), Филофея (1714–1718) и др.; печских патриархов Арсения III Черноевича (1676–1690), Арсения IV Шакабенты (1724–1737, после 1737 г. — на Карловацкой митрополии), Иоанникия III (1739–1746) и др.

Как верно указывают издатели, материалы сборника, отражающего практику одной из османских канцелярий, следует вводить в исследования в обязательном сопоставлении с другими османскими документами, исходящими от кадийских судов и других местных органов власти и управления, а также с нарративными свидетельствами «другой стороны» — самих православных подданных и их духовной иерархии⁸, с частыми для Балкан свидетельствами «третьих сторон» —

⁸ Показательным примером являются ведшиеся в первой половине XVIII в. финансовые записи нишских митрополитов [Хаџи-Васильевић 1936: 35–76]. Этим указанием, как и другим ценным замечаниям, автор обязан Д. Г. Полонскому.

иностраннных наблюдателей, и другими источниками. Безусловно, документы налоговой практики в любом обществе являются одним из важнейших свидетельств отношений населения и властей, хозяйственной и социальной жизни, как и уплата налогов во все времена сочеталась с попытками налогоплательщиков уклоняться от них. Долговые обязательства православных иерархов составили к концу XVIII в. особый сегмент рынка вторичных ценных бумаг, а патриаршая касса стала одним из источников ссудного капитала [Лебедев 1903: 356]. Жалобы на отсутствие у православного балканского населения средств в исследуемый период диссонируют с ведущимися на добровольные пожертвования жителей Румелии грандиозными строительными работами в Хиландаре, Зографе, Рильском монастыре (№ 194, 206) и других православных обителях. Постоянный дефицит бюджета Османской империи и заведомо убыточные откупы налогов, которыми, видимо, не в последнюю очередь двигала необходимость, проистекавшая от увязки фискальных и канонических полномочий, создавали долговременный противоречивый фон начинавшихся на Балканах процессов секуляризации социально-культурной жизни и формирования наций.

Книгу следует признать безусловной удачей коллектива составителей и весьма успешным результатом многолетних архивных поисков Красимиры Мутафовой. Издательство «Абагар» в Велико Тырново, накопившее значительный опыт публикации качественной исторической литературы, выпустило в свет издание, привлекающее читателя крупным форматом, умелым макетированием и тщательной редакционной подготовкой текста. Вместе с тем столь объемный труд не лишен отдельных частных недостатков. Так, подстрочные примечания содержат ссылки на сетевые издания и материалы без указания времени доступа, часть ссылок не открывается (с. 55). Ссылки на статьи «Православной энциклопедии» (с. 68, 79, 131 и др.) не содержат названий цитируемых статей и указаний на их авторов, которые в этом издании обычно указаны. Вряд ли уместны в издании такого уровня ссылки на Википедию (с. 124). Цитируемая и упоминаемая литература не сведена в итоговый список, который мог бы стать еще одним ценным приложением к публикации. С учетом тематики публикуемых документов, на наш взгляд, следовало бы вынести в отдельное приложение справку о крайне сложной и запутанной системе денежных единиц, которая существовала в XVII–XVIII вв. в Османской империи.

Делая эти замечания, автор никоим образом не стремится умалить заслугу составителей сборника, давших исследователям возможность общения с ценнейшими историческими источниками, за которыми стоит судьбоносное для миллионов православных подданных Османской империи время ее структурного кризиса и внешнеполитического упадка. Мы уверены, что ожидания всех заинтересованных читателей книги будут в полной мере удовлетворены, а публикуемые документы существенно пополняют фонд востребованных письменных свидетельств истории православных славянских и других балканских народов в османское время.

Библиография

Бердников 1907

Бердников И. С., Каноникон, *Православная богословская энциклопедия*, 8, С.-Петербург, 1907, 401–407.

Воссоединение 2019

Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью, 1676–1686 гг.: исследования и документы, Москва, 2019.

Југовић 1934

Југовић М., Титуле и потписи архиепископа и патријараха српских, *Богословље*, 9/3, 1934, 253–272.

Лебедев 1903

Лебедев А. П., *История Греко-восточной Церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего времени*, С.-Петербург, 1903.

Мутафова 2013

Мутафова К., *Религия и идентичност (христианство и ислям) по българските земи в османската документация от XV–XVIII век*, Велико Търново, 2013.

Мутафова, Калицин, Андреев 2019

Мутафова К., Калицин М., Андреев С., *Православни структури на Балканите през XVII–XVIII век съгласно документи от Истанбулския османски архив*, Велико Търново, 2019.

Рансимен 2006

Рансимен С., *Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1812 г.*, перевод с англ. Л. А. Герд, С.-Петербург, 2006.

Снегаров 1995, 1–2

Снегаров И., *История на Охридската архиепископия*, 1–2, Второ фототипно издание, София, 1995.

Тодорова 2004

Тодорова О., *Жените от Централните Балкани през Османската епоха (XV–XVII век)*, София, 2004.

Хаџи-Васиљевић 1936

Хаџи-Васиљевић Ј., Тевтери Нишке митрополије, *Зборник за историју Јужне Србије и суседних области*, 1, Скопље, 1936, 35–76.

Шулетић 2010

Шулетић Н., Подаци о бератима архијереја Пећке и Охридске архиепископије у дефтеру прихода канцеларије црквених муката (ВОА, кк. 2542-33), *Српске студије*, 1, 2010, 177–194.

——— 2011

Шулетић Н., Српска црква после 1459, *Пад Српске деспотовине 1459. године*, Београд, 2011, 331–348.

Kenanoğlu 2011

Kenanoğlu M., Is Millet System a Reality or a Myth? The Legal Position of the Non-Muslim Subjects and Their Religious Leaders in the Ottoman Empire, *Türk Hukuk Tarihi Araştırmaları*, 12, İstanbul, 2011, 17–38.

Konortas 1999

Konortas P., From tâ'ife to Millet: Ottoman Terms Concerning the Ottoman Greek Orthodox Community, *Ottoman Greeks in the Age of Nationalism: Politics, Economy and Society in the Nineteenth Century*, Princeton, N.J., 1999.

Pamuk 2000

Pamuk Ş., *A Monetary History of the Ottoman Empire*, Cambridge (UK), 2000.

Papademetriou 2015

Papademetriou T., *Render unto the Sultan: Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries*, New York, 2015.

References

Jugović M., Titule i potpisi arhiepiskopa i patrijaraha srpskih, *Bogoslovje*, 1934, 9/3, 253–272.Kenanoğlu M., Is Millet System a Reality or a Myth? The Legal Position of the Non-Muslim Subjects and Their Religious Leaders in the Ottoman Empire, *Türk Hukuk Tarihi Araştırmaları*, 12, Istanbul, 2011, 17–38.Konortas P., From tâ'ife to Millet: Ottoman Terms Concerning the Ottoman Greek Orthodox Community, *Ottoman Greeks in the Age of Nationalism: Politics, Economy and Society in the Nineteenth Century*, Princeton, N.J., 1999.Mutafova K., *Religiya i identichnost (hristiyanstvo i islyam) po balgarskite zemi v osmanskata dokumentatsiya ot XV XVIII vek*, Veliko Tarnovo, 2013.Mutafova K., Kalitsin M., Andreev S., *Pravoslavni strukturi na Balkanite prez XVII–XVIII vek saglasno dokumenti ot Istanbulskiya osmanski arhiv*, Veliko Tarnovo, 2019.Pamuk Ş., *A Monetary History of the Ottoman Empire*, Cambridge (UK), 2000.Papademetriou T., *Render unto the Sultan: Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries*, New York, 2015.Runciman S., *The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from the Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence*, translated by L. Gerd, St. Petersburg, 2006.Snegarov I., *Istoriia na Okhridskata arhiepiskopiia*, 1–2, Second edition, Sofia, 1995.Todorova O., *Zhenite ot Tsentralnite Balkani prez Osmanskata epoha (XV–XVII vek)*, Sofia, 2004.Hadži-Vasiljević J., *Tevteri Niške mitropolije, Zbornik za istoriju Južne Srbije i susednih oblasti*, 1, Skopje, 1936, 35–76.Šuletić N., Podaci o beratima arhijereja Pečke i Ohridske arhiepiskopije u defteru prihoda kancelarije crkvenih mukata (BOA, kk. 2542–33), *Srpske studije*, 2010, 1, 177–194.Šuletić N., *Srpska crkva posle 1459, Pad Srpske despotovine 1459. godine*, Belgrade, 2011, 331–348.

Дмитрий Игоревич Поливянный, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра интеграции науки и образования Ивановского государственного университета

153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

Россия / Russia

dipol53@mail.ru

Received July 25, 2020

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 9. № 2

Институт славяноведения РАН, 2020

Подписано в печать 25 • XII • 2020 г. Формат 70 × 100 / 16.
Объём 29,75 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.